ИОСИФ

ФЛАВИЙ

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Том 2

О древности иудейского народа
(Против Апиона)

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Научно-издательский центр
«ЛАДОМИР»
Москва
2002

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)3
И75

Серийное оформление *С.Е. Власова*

Подписано в печать 05.11.01. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,18. Тираж 5 000 экз. Заказ № 25.

ISBN 5-17-012210-1 (ООО «Изд-во АСТ»). Т. 2
ISBN 5-17-008973-2 (ООО «Изд-во АСТ»). Общ.
ISBN 5-86218-311-6 («Ладомир»). Т. 2
ISBN 5-86218-180-6 («Ладомир»). Общ.

© Научно-издательский центр
«Ладомир», 2001
© Художественное оформление.
ООО «Издательство АСТ», 2001

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Книги 13-20

Книга тринадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как после смерти Иуды брат его Ионаф принял начальство.

2. Как он, ведя войну с Вакхидом, заставил последнего вступить в соглашение и вернуться обратно.

3. О походе Александра, сына Антиоха Епифана, в Сирию (Иудею) и о борьбе его с Димитрием.

4. О том, как Димитрий отправил к Ионафу посольство, заключил союз с ним, и о том, какие подарки поднес он ему и нашему народу.

5. О том, как Александр, при известии об этом, превзошел Димитрия щедростью, назначил Ионафа первосвященником и таким образом снискал его расположение.

6. О дружбе Онии с Птолемеем Филометором и о том, как последний воздвиг по образцу иерусалимского храма так называемый храм Онии.

7. Александр осыпает Ионафа, после смерти Димитрия, величайшими почестями.

8. О том, как сын Димитрия, Димитрий же, переправился с Крита в Сирию, как он победил Александра на войне, стал царем и заключил дружбу с Ионафом.

9. О том, как Трифон Апомейский победил Димитрия на поле брани, передал Антиоху, сыну Александра, царскую власть и принял в союзники Ионафа.

10. О том, как Трифон, после взятия Димитрия в плен парфянами, нарушил союз с Ионафом и, захватив его хитростью, велел убить, и о том, как он начал войну со своим братом Симоном.

11. О признании народом иудейским Симона, брата Ионафа, военачальником и об избрании Симона в первосвященники.

12. О том, как Симон в Доре осаждал Трифона, после того как заключил союз с братом Димитрия, Антиохом Благочестивым.

13. О том, как после убиения Трифона Антиох предпринял войну против Симона и как последний победил его военачальника Кендевея и изгнал его из Иудеи.

14. О том, как Симон был коварно убит во время пира своим зятем Птолемеем, и о том, как Птолемей, удалив в темницу жену и детей Симона, пытался добиться власти.

15. О том, как младший сын Симона, Гиркан, предупредив Птолемея, сам завладел браздами правления и долго осаждал Птолемея в крепости Дагоне.

16. О том, как Антиох Благочестивый пошел войной на Гиркана, распо-

ложился лагерем перед городом Иерусалимом и лишь после того снял осаду, как Гиркан выплатил ему триста талантов и принял его в число своих союзников и друзей.

17. О походе Гиркана на Сирию после того, как Антиох умер в Мидии, и о взятии им силой множества городов.

18. О дружбе между Гирканом и Александром Зебиною.

19. О том, как Антиох был разбит Кизиком, который оказал помощь осажденным Гирканом самарянам, и как он должен был покинуть Иудею вследствие прибытия сыновей Гиркана.

20. О воцарении Аристовула, лишь только он достиг власти.

21. О том, как после смерти Аристовула его брат Александр, преемник его по престолу, предпринял поход на Сирию, Финикию и Аравию и овладел множеством городов.

22. О победоносном походе Птолемея Лафура на Александра.

23. О том, как Димитрий Евкер повел свое войско против Александра и победил его.

24. О походе Антиоха Диониса на Иудею и об одержанной им победе.

25. О том, как после смерти Александра его жена Александра в течение девяти лет правила мирно и славно и затем скончалась.

Содержание книги обнимает период в восемьдесят два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. В предшествующей книге мы рассказали, каким образом народ иудейский, угнетенный македонянами, вновь снискал себе свободу, и после скольких и каких ужасных битв пал его предводитель Иуда в бою за народ свой.

После смерти Иуды все находившиеся еще в стране безбожники и законоотступники восстали против иудеев и со всех сторон стали наглым образом обижать последних. Благодаря гнусности этих людей страну постиг голод, так что многие из евреев вследствие недостатка во всем необходимом и вследствие невозможности противостоять еще, кроме этой беды, другой, именно козням врагов, перешли на сторону македонян. Между тем Вакхид собрал всех тех, которые изменили древним своим обычаям и примкнули к новому (языческому) строю жизни, и поручил им управление страной. Тогда эти люди (немедленно) схватили друзей и приверженцев Иуды и выдали их Вакхиду. Этот, в свою очередь, подверг их первоначально пыткам, а затем, вдоволь помучивши их, приказал их умертвить. Таким образом, иудеев постигло такое несчастье, какого они не испытывали со времени исхода из Вавилона, и когда оставшиеся в живых товарищи Иуды увидели столь жалко гибнущий народ, они обра-

тились к брату Иуды Ионафу с просьбой пойти по следам своего брата, принять на себя заботу о своих единоплеменниках, подобно Иуде, который пал за свободу народа, и не допустить, чтобы народ, оставаясь без руководителя, погиб при таких ужасных условиях. Ионаф отвечал, что он охотно готов умереть за них, и так как, по всеобщему мнению, он ни в чем не уступал своему брату, он был избран военачальником иудейским.

2. Когда Вакхид узнал об этом, то испугался, как бы Ионаф не доставил разных хлопот царю и македонянам, как то было некогда с Иудой, и стал искать способа хитростью умертвить его. Однако это решение Вакхида не осталось скрытым ни от Ионафа, ни от его брата Симона. Когда они были поставлены об этом в известность, то наскоро собрали всех своих товарищей и бежали в ближайшую к городу пустыню и, прибыв к находившемуся там водоему, так называемому Асфару, остановились тут. Узнав об их уходе и о прибытии их в указанное место, Вакхид двинулся против них со всем своим войском и, расположившись лагерем на противоположной стороне Иордана, остановил тут свою рать. Узнав о выступлении Вакхида, Ионаф отправил своего брата Иоанна, называвшегося также Гаддисом, к наватейским арабам, с которыми евреи были в дружбе, для того чтобы укрыть у них на время войны с Вакхидом всю свою движимость. Однако на выехавшего к наватейцам Иоанна напали засевшие в засаде у города Мидавы потомки Амарея, схватили Иоанна и его спутников, отняли у них все их имущество и умертвили как самого Иоанна, так и всех его товарищей. Однако за это они, в свою очередь, должны были поплатиться и были наказаны братьями Иоанна, как мы сейчас расскажем.

3. Тем временем Вакхид узнал, что Ионаф расположился лагерем в низинах Иорданских, выждал субботу и напал на него в расчете, что Ионаф в этот день сообразно своему закону сражаться не станет. Однако тот стал увещевать своих товарищей и указал им на то обстоятельство, что теперь идет вопрос об их жизни и смерти, так как они настолько замкнуты между рекой и неприятелями, что нет никакой возможности спастись бегством (враги наступали спереди, а с тылу у них была река), и, обратясь к Предвечному с мольбой даро-

вать победу, вышел на битву с неприятелями. Повергнув многих из них, Ионаф увидел, что (сам) Вакхид смело устремляется на него, и потому поднял уже руку, чтобы сразить его. Однако последний предвидел это и успел уклониться, — тогда Ионаф бросился с товарищами в реку и переплыл ее. Таким образом иудеи спаслись на противоположный берег Иордана, тогда как враги все еще не решались переправиться через реку. Вскоре затем Вакхид вернулся в иерусалимскую крепость. При этом он потерял из своего войска около двух тысяч человек[1]. Заняв затем множество иудейских городов, и в том числе Иерихон, Еммаус, Вефор, Вифил, Фомнафу, Фарафон, Тахою и Газару, он стал укреплять их. Воздвигнув в каждом из этих городов башни и окружив города огромными прочными стенами, он разместил тут гарнизоны, которые могли бы выступать отсюда и наносить вред иудеям. Особенно же тщательно он укрепил замок иерусалимский. Вместе с тем он взял в качестве заложников детей самых выдающихся иудеев, запер их в крепости и содержал их там.

4. Около этого времени к Ионафу и брату его Симону явился человек с извещением, что племя потомков Амарея готовится отпраздновать свадьбу и поведет невесту, дочь одного из знатных арабов, с большим торжеством и блеском из города Гавафы. Полагая, что тут представляется весьма удобный случай для того, чтобы отмстить за смерть Иоанна, товарищи Ионафа и Симона направились к Мидаве и, засев в горах, стали поджидать врагов. Когда же они увидели наконец арабов, ведших невесту и жениха, окруженных, по обыкновению, большой толпой друзей, иудеи выскочили из своей засады, перебили всех людей и, забрав у них все свадебные подарки и всю остальную добычу, вернулись обратно. Таким образом отомстили они потомкам Амарея за смерть брата своего Иоанна; все арабы, как сами они, так и сопровождавшие их друзья с женами и детьми, числом до четырехсот, были истреблены.

5. Симон и Ионаф направились затем назад к приречным болотам, Вакхид же, гарантировав себе спокойствие по всей Иудее путем целого ряда гарнизонов, вернулся к царю. После этого в течение двух лет в Иудее господствовало спокойствие. Когда же затем перебежчики и отщепенцы (из иудеев) увидели, что Ионаф и его товарищи совершенно безбоязненно

проживают в стране вследствие царившего там мира, они отправили послов к царю Димитрию с советом послать Вакхида для поимки Ионафа. При этом они указывали на то, что эта поимка не представит никаких затруднений и что если напасть на иудеев врасплох, то в одну ночь их можно перебить всех. Когда вследствие этого царь (действительно) выслал Вакхида и последний прибыл в Иудею, Вакхид разослал всем своим иудейским друзьям и прочим союзникам приглашение помочь ему при поимке Ионафа. Но хотя все и приложили всевозможные к тому старания и все-таки не могли захватить Ионафа (последний был все время настороже, потому что узнал о замысле врагов), то Вакхид рассердился на перебежчиков и, полагая, что они обманули как его самого, так и царя, приказал схватить и казнить пятьдесят главнейших из них. Ионаф между тем, боясь Вакхида, ушел со своим братом и с товарищами в некую деревушку Вифалагу, находившуюся в пустыне. Тут он соорудил укрепления, обнес их стенами и замкнулся в них как в безопасном убежище. Когда Вакхид узнал об этом, то двинулся со своим войском и иудейскими союзниками своими против Ионафа, подошел к его укреплениям и стал осаждать их в течение долгого времени. Между тем Ионаф, несмотря на усердную осаду, не поддавался, но выказал упорное сопротивление, а затем оставил в городе брата своего Симона для продолжения борьбы с Вакхидом, а сам тайком выбрался из крепости и отправился по стране; тут он собрал значительный отряд единомышленников, ночью нагрянул на лагерь Вакхида и перебил такое множество врагов, что его нападение не осталось незамеченным для брата его Симона. Лишь только последний заметил, что враги подвергаются избиению с его стороны, он и сам двинулся на них, поджег все осадные орудия македонян и учинил среди них страшную резню.

Увидя себя столь стесненным врагами, из которых одни налегали на него с фронта, другие с тыла, Вакхид впал в отчаяние, и страх обуял его, потому что он был совершенно подавлен столь неожиданным исходом осады. Гнев свой он сорвал на перебежчиках, которые сманили его от царя и, по его мнению, нарочно ввели в заблуждение. Теперь ему хотелось лишь как-нибудь по возможности приличнее прекратить осаду и вернуться домой.

6. Когда Ионаф узнал об этом его намерении, он отправил к нему посольство с предложением заключить дружественный союз с условием, чтобы обе стороны могли обменяться военнопленными. Вакхид признал такое разрешение вопроса наиболее приличным, поклялся Ионафу в дружбе, и затем оба полководца дали друг другу клятвенное обещание более не воевать между собой. Затем Вакхид обменялся с Ионафом военнопленными и вернулся со своими людьми в Антиохию к царю, после этого отступления он уже более никогда не вторгался в Иудею. Ионаф воспользовался наступившим теперь моментом личной безопасности, чтобы расположиться на жительство в городе Махме. Тут он творил суд среди народа, наказывал преступных и безбожных людей и освобождал таким образом от них народ свой[2].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. В сто шестидесятом году[3] Александр, сын Антиоха Епифана, вернулся в Сирию и занял Птолемаиду благодаря измене находившихся в ней воинов, которые были восстановлены против Димитрия за его заносчивость и надменное к ним отношение. Дело в том, что Димитрий замкнулся в какой-то дворец с четырьмя башнями, постройку, которую он сам воздвиг себе невдалеке от Антиохии, и никого не допускал к себе; кроме того, он относился крайне легкомысленно к своим обязанностям правителя и пренебрегал ими. Отсюда еще более обострялась к нему ненависть подчиненных, как мы уже имели случай указать в другом месте[4].

Итак, когда Димитрий узнал, что Александр находится в Птолемаиде, он двинулся на него со всем своим войском, а также послал послов к Ионафу с просьбой о вступлении с ним в дружественный союз. Таким образом он думал предупредить Александра, дабы последний не мог более ранними предложениями гарантировать себе поддержку Ионафа. Все это он сделал, опасаясь, как бы Ионаф, помня о прежних неприятностях, не оказался в числе его противников. Ввиду всего этого он поручил Ионафу собрать войско и заготовить боевые припасы и взамен того получить обратно иудейских заложников, которые были заключены Вакхидом в иерусалимской крепости. В силу этого предложения со сто-

роны Димитрия Ионаф отправился в Иерусалим и по прибытии туда прочитал в присутствии народа и крепостного гарнизона послание царя. После этого все отступники и перебежчики, бежавшие из крепости, сильно перепугались, потому что царь поручил Ионафу набрать войско и взять себе обратно заложников. Заложников Ионаф всех вернул их родителям.

Таким образом Ионаф (опять) очутился в Иерусалиме; он стал теперь обновлять городское управление и переделывать все по своему благоусмотрению.

Между прочим, он распорядился также выстроить городские стены из четырехугольных отесанных камней, дабы стены эти представляли более надежный оплот против врагов. Когда об этом узнали гарнизоны, находившиеся в иудейских крепостях, то покинули свои стоянки и бежали в Антиохию; так поступили все, кроме гарнизонов города Вефсуры и иерусалимской крепости, потому что те большей частью состояли из иудейских вероотступников и перебежчиков; в силу именно последнего обстоятельства они и не покинули своих укреплений.

2. Когда до сведения Александра дошли обещания, сделанные Ионафу Димитрием, и когда он узнал о храбрости Ионафа и как он отличался в войне с македонянами, а с другой стороны, сколько Ионаф претерпел от Димитрия и его полководца Вакхида, он сказал своим друзьям, что в настоящем случае ему трудно найти более подходящего союзника, чем Ионаф: последний-де выказал необычайную храбрость в борьбе с врагами и должен отличаться особенной ненавистью к Димитрию, так как он не только претерпел от него массу зла, но и, в свою очередь, причинил ему немало горя.

Поэтому, сказал Александр, если следует его отвратить от союза с Димитрием, то теперь наиболее подходящий момент к тому, чтобы предложить Ионафу союз. И вот, так как он сам и друзья его решили отправить к Ионафу послов с соответствующим предложением, Александр адресовал на его имя следующее письмо:

«Царь Александр посылает привет брату Ионафу. Мы давно уже слышали о твоей храбрости и надежности и поэтому посылаем тебе предложение вступить в дружественный союз с нами. Ввиду этого мы сейчас же назначаем тебя иудейским

первосвященником и принимаем тебя в число наших друзей. При этом я отправляю тебе в дар пурпуровую одежду и золотой венец и прошу тебя относиться к нам с тем же уважением, с каким мы относимся к тебе».

3. Получив это письмо, Ионаф облекся в первосвященническое облачение, так как наступил праздник Кущей, — это было в первый раз в течение тех четырех лет, которые протекли со времени смерти брата его Иуды (в продолжение всего этого времени иудеи вовсе не имели первосвященника), стал собирать большое войско и заготовлять массу оружия.

Когда же Димитрий узнал об этом, он очень огорчился и стал себя укорять в медлительности, что не сумел как следует предупредить Александра, снискать дружбу Ионафа, и дал Александру возможность сделать это. Ввиду этого он сам также отправил Ионафу и еврейскому народу письмо следующего содержания:

«Царь Димитрий посылает привет свой Ионафу и всему иудейскому народу. Так как вы соблюдаете дружественную к нам верность и не поддаетесь попыткам врагов склонить вас на свою сторону, то я не могу не воздать вам за это должную похвалу и прошу вас оставаться мне верными; за это вы получите от нас благодарность и всякие льготы. Я освобожу вас от большинства налогов и сборов, которые вы платили прежним царям и мне, и слагаю с вас теперь все налоги, которые вы обыкновенно платили. Кроме того, я с вас слагаю сборы за соль и государственный налог в пользу короны, которые вы нам платили, а также освобождаю вас с сегодняшнего дня от платежа третьей части злаков и от половины части древесных плодов, которые вы мне обыкновенно отдавали. Равным образом я отныне и навеки слагаю с вас подушную подать, которую каждый из жителей Иудеи, равно как из населения трех топархий, Самарии, Галилеи и Переи, обязан был платить мне. Город Иерусалим я объявляю священным, неприкосновенным и свободным вплоть до границ его от десятины и от всех прочих поборов. Крепость (иерусалимскую) я поручаю вашему первосвященнику Ионафу; пусть он поместит в ней такой гарнизон, который он сочтет достаточно надежным и преданным, дабы эти люди сберегали ее нам. Всех находящихся в нашей стране военнопленных или впавших в рабство иудеев я отпускаю на волю и запрещаю упо-

треблять на какие бы то ни было казенные надобности принадлежащий иудеям вьючный скот. Пусть будут дни субботние, всякий праздник и три предшествующих ему дня свободны от всякой принудительной работы. Равным образом возвращаю я свободу и все права живущим у меня (в Сирии) иудеям и позволяю желающим из них вступить ко мне в войско до тридцати тысяч человек; люди эти будут получать, куда бы они ни пошли, такое же точно содержание, какое причитается моему собственному войску. Некоторых из них я помещу в крепостные гарнизоны, других сделаю своими личными телохранителями, отчасти же назначу их начальниками моих придворных войск. Я разрешаю (иудеям) жить по их собственным законам и соблюдать их и желаю, чтобы эти же законы распространялись и на три прилегающие к Иудее провинции. Вместе с тем мне угодно, чтобы первосвященник позаботился о том, чтобы ни один иудей не поклонялся (Богу) в другом святилище, как только в иерусалимском. Из своих личных средств я отпускаю на расход по жертвоприношениям ежегодно сто пятьдесят (драхм) и желаю, чтобы из них весь излишек поступал в вашу же пользу. Те же десять тысяч драхм, которые обыкновенно получали цари из средств храма, я также предоставляю вам в пользу священников, несущих обязанности по богослужению в храме. Все те, кто стал бы искать убежища в иерусалимском храме или в одном из зависящих от последнего учреждений, будут отпущены на волю, и имущество их останется в целости, хотя бы они искали спасения по задолженности царю или по какой-либо иной причине. Я разрешаю возобновить и достроить храм и отпускаю на то нужные суммы из своих собственных средств; равным образом, я разрешаю и постройку городских стен и позволяю возвести высокие башни, причем и на все это отпускаю свои средства. Если же понадобится где-нибудь в стране иудейской возвести сильную крепость, то да будет это сделано также за мой личный счет».

4. Такие обещания и льготы иудеям отметил в своем послании Димитрий. Между тем царь Александр собрал огромное войско из наемных и присоединившихся к нему сирийских солдат и пошел походом на Димитрия. Когда же произошла битва, левое крыло Димитрия обратило врагов в бегство и преследовало их на дальнее расстояние, причем переби-

ло множество их и принялось разграблять лагерь. Между тем правое крыло, на котором находился Димитрий, потерпело поражение. Все тут бросились бежать; Димитрий же, сражаясь геройски, перебил немалое количество противников, но во время погони за остальными въехал на коне в глубокую трясину, из которой уже не был в состоянии выбраться. Тут ему, вследствие падения лошади, пришлось поплатиться жизнью, так как не было никакой возможности спастись бегством. Дело в том, что, когда неприятели увидели, что с ним случилось, они вернулись и, окружив Димитрия, забросали его дротиками. Хотя он и пеший геройски отбивался от них, однако в конце концов был так изранен, что пал, не будучи уже более в силах сопротивляться.

Таков был конец Димитрия, успевшего процарствовать одиннадцать лет, как мы уже упомянули в другом месте[5].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда Ония, сын первосвященника того же имени, бежавший в Александрию к царю Птолемею Филометору и, как мы уже раньше указывали[6], оставшийся там на жительство, увидел угнетение Иудеи со стороны македонян и их царей, то, желая снискать себе прочную славу и вечную память, решил отправить к царю Птолемею и царице Клеопатре просьбу о разрешении воздвигнуть в Египте храм, подобный иерусалимскому, и назначить к нему левитов и священнослужителей из своего собственного рода. В этом намерении особенно укреплял его пророк Исаия, который за шестьсот с лишним лет до него предсказал, что в Египте, безусловно, будет воздвигнут неким иудеем храм в честь Всевышнего[7]. Основываясь на этом, Ония отправил Птолемею и Клеопатре письмо следующего содержания:

«После того как я с помощью Всевышнего во время войны оказал вам целый ряд важных услуг, прибыл в Келесирию, Финикию, в гелиополитанский город Леонтополь с иудейским населением, а также в другие места, где живут представители этого племени, я нашел, что очень многие из них против всякого закона имеют свои святилища и из-за них ссорятся между собой, что случается и среди египтян вследствие массы имеющихся у них храмов и происходящих из-

за разных воззрений в религиозных делах разногласий; я нашел там весьма подходящее место в области, посвященной полевой богине Бубастис[8], где было множество леса и обилие всевозможных священных животных;[9] и вот я прошу тебя уступить мне это заброшенное и не имеющее определенного назначения святилище, чтобы я тут мог воздвигнуть Всевышнему храм наподобие иерусалимского, тех же самых размеров. Туда будут в взаимном согласии стекаться все живущие в Египте иудеи и, молясь за тебя, твою супругу и детей, иметь возможность выказывать тебе свою глубокую преданность.

Ведь и пророк Исаия предсказал некогда: "Всевышнему Богу будет жертвенник в Египте". При этом он предвещал еще многое другое относительно этого».

2. Такое письмо отправил Ония царю Птолемею, который, в свою очередь, ответил ему посланием, могущим служить доказательством благочестия как самого царя, так и супруги и сестры его Клеопатры. Дело в том, что последние слагают с себя ответственность за всякое нарушение закона и переносят ее на Онию. Вот как они ответили (ему): «Царь Птолемей и царица Клеопатра посылают Онии привет свой. Мы прочли твою просьбу о разрешении предоставить тебе право восстановить запущенный храм, находящийся в гелиополитанском доме близ Леонтополя и приписываемый полевой Бубастисе. Однако мы очень удивляемся и сомневаемся, будет ли угодно Предвечному святилище, воздвигаемое в столь дурном месте, да еще кишащем священными животными.

Но так как ты уверяешь, что пророк Исаия предсказал об этом давно, то мы предоставляем тебе это право, поскольку оно не противоречит (вашему) закону, и притом с оговоркой, чтобы нас не считали ответственными за какие бы то ни было прегрешения относительно Всевышнего».

3. Получив таким образом в свое распоряжение указанное место, Ония воздвиг (тут) святилище и жертвенник Всевышнему, подобные иерусалимским, хотя и поменьше и победнее. Мне не казалось необходимым останавливаться теперь на размерах и убранстве этого храма, потому что об этом уже писано мной в седьмой книге моей «Иудейской войны»[10]. Онии удалось также найти некоторых единомыш-

ленников из иудеев, которые собирались отправлять там обязанности левитов и священнослужителей.

4. Однако об этом храме у нас довольно было речи.

Между тем среди александрийских иудеев и самарян, поклонявшихся храму, сооруженному во времена Александра на горе Гаризим, произошли распри, и они в своем религиозном споре обратились за решением к самому Птолемею; иудеи при этом уверяли, будто по законам Моисеевым построен (лишь) храм иерусалимский, самаряне же утверждали то же самое относительно святилища на горе Гаризим. И вот обе стороны упросили царя образовать со своими приближенными судилище, выслушать доводы обеих партий и наказать смертью неправую сторону. За самарян выступили Саввей и Феодосий, а представителем интересов иудеев явился Андроник, сын Мессалама. Последние поклялись именем Господа и царя, что они будут давать свои показания по сущей истине, и просили Птолемея казнить того из них, кто нарушил бы свою клятву. Тогда царь созвал множество приближенных на совет и приготовился выслушать стороны. Александрийские иудеи очень беспокоились относительно тех мужей, которым теперь приходилось выступать на защиту прав иерусалимского храма, потому что они были бы совершенно подавлены, если бы этот храм, столь древний и почитаемый на всей поверхности земной, не выдержал испытания. Саввей и Феодосий предоставили Андронику первому слово, и вот он начал свою аргументацию с данных закона и с преемственности первосвященства, указал на то, как каждый первосвященник получал свой сан от отца своего и стоял во главе храма, а также на то обстоятельство, что все цари Азии почтили (иерусалимский) храм жертвенными приношениями и необычайно богатыми подарками, но никто из них ни одним словом не обмолвился о храме на горе Гаризим, как будто бы его не было вовсе. Такими доводами и целым рядом подобных соображений Андроник побудил царя признать, что святилище иерусалимское воздвигнуто сообразно постановлениям Моисеевым, и казнить Саввея и Феодосия.

Таковы были дела александрийских иудеев при Птолемее Филометоре[11].

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Когда Димитрий, как мы выше рассказали[12], пал в битве, Александр овладел царством сирийским и отправил к Птолемею Филометору письмо, в котором просил руки его дочери. При этом он указывал на то, что теперь, после того как ему удалось возвратить себе царство отца и по милосердию Божию быть признанным в нем после победы над Димитрием, будет вполне уместно вступить в родство с ним и что он во всем думает выказать себя достойным будущего своего тестя. Птолемей ответил ему, что охотно принимает его предложение, ибо он радуется, что отцовское царство вернулось к нему, и обещал выдать за него дочь свою; при этом он предложил Александру выехать в Птолемаиду, куда фараон собирался привезти дочь свою. Туда Птолемей хотел проводить дочь свою из пределов Египта и там справить ее свадьбу. Отправив это письмо, Птолемей быстро поехал с дочерью своей Клеопатрой в Птолемаиду, встретился там с Александром, сообразно уговору выехавшим к нему навстречу, выдал за него дочь и дал ей в приданое столько серебра и золота, сколько и подобало царю.

2. После окончания свадебных торжеств Александр отправил первосвященнику Ионафу письмо с приглашением прибыть в Птолемаиду. Прибыв к царям и привезя им блестящие дары, первосвященник удостоился от них обоих величайшего почета. Александр заставил его снять одежду и облечься в порфиру, посадил его рядом с собой на троне, а также велел своим сановникам отправиться с Ионафом в самый центр города и объявить, что никому не разрешается жаловаться на Ионафа или делать ему какие бы то ни было неприятности. Когда сановники сделали это, то все те, которые собрались было выступить с обвинениями против Ионафа и относились к нему враждебно, при виде почета, которого Ионаф удостоился от царя, разбежались в страхе, как бы им самим при этом случае не пострадать. Царь Александр вообще так отличил Ионафа, что даже велел внести его в список первых своих приближенных.

3. В сто шестьдесят пятом году[13] сын Димитрия, Димитрий[14], отплыл с Крита в Киликию во главе множества наемников, которыми снабдил его критянин Ласфен. Когда Алек-

сандр узнал об этом, то страшно смутился и перепугался и немедленно поспешил из Финикии в Антиохию, чтобы оградить ее раньше прибытия Димитрия. В качестве военачальника над Келесирией он оставил Аполлония Дава, который, направясь с большим войском к городу Ямнии, отправил к первосвященнику Ионафу послов с заявлением, что он считает неприличным, что Онаф один не подчиняется царю, а живет себе в полном спокойствии и безмятежно, и это для него полный позор, что он не покоряется царю[15]. «Не обманывай сам себя насчет того, будто бы ты, сидя в горах, был силен (говорил Аполлоний); если же ты так полагаешься на свое войско, то спустись на равнину, сразись с нашей ратью; исход битвы покажет, кто храбрее. Впрочем, знай, что лучшие люди каждого города сражаются в рядах моего войска, а это как раз те люди, которые привыкли всегда побеждать твоих предков. Вступи с нами в борьбу в такой местности, где нет возможности сражаться при помощи каменьев, но где приходиться биться с оружием в руках и где нет места, куда можно было бы убежать побежденному».

4. Ионаф рассердился на такие слова его и, собрав десять тысяч воинов, двинулся из Иерусалима в сопровождении брата своего Симона. Прибыв в город Яффу, он расположился станом вне его, потому что жители, имея внутри города гарнизон Аполлония, заперли перед ним ворота. Когда же Ионаф приготовился осаждать город, население, боясь, как бы он силой не овладел городом, раскрыло перед ним ворота. Узнав о взятии Яффы Ионафом, Аполлоний двинулся во главе трех тысяч всадников и восьми тысяч пехоты к Азоту и пошел оттуда медленно и не спеша (на Яффу). Приблизившись к Яффе, он стал притворно отступать и тем выманил Ионафа на равнину; при этом он гордо разъезжал на своем коне и был вполне преисполнен надежды на победу. Ионаф двинулся вслед за Аполлонием вплоть до Азота. Тогда Аполлоний, видя, что теперь приходится сражаться на ровном месте[16], повернул фронт и вступил с Ионафом в бой. Хотя Ионаф и узнал, что у Аполлония спрятана тысяча всадников в засаде в некой ложбине, чтобы с тыла ударить на врагов, он все-таки не испугался, но выстроил свое войско в двух направлениях, чтобы оно могло с фронта и с тыла встретить нападение врагов, и ободрил его отражать нападения

последних с обеих сторон. Когда же бой затянулся до вечера, он дал брату своему Симону часть своего войска и приказал ему врезаться с ним в строй врагов; сам же он велел своим войскам сомкнуть щиты и таким образом оградить себя от дротиков всадников. Воины так и поступили, тогда как вражеские всадники, выпустив на них все свои стрелы до последней, не причинили им решительно никакого вреда, потому что эти стрелы не могли ранить никого ввиду того, что сомкнутые в одну непрерывную стену и тесно составленные щиты легко отражали их и заставляли их безрезультатно падать.

Когда же Симон заметил, что враги, метавшие в иудеев снаряды с раннего утра до позднего вечера, утомились, то нагрянул на них со своим войском, и, благодаря необычайной храбрости последнего, ему удалось обратить неприятеля в бегство. Всадники, увидя бегство пехоты, сами тоже не выдержали, но, будучи также совершенно изнурены боем, затянувшимся до вечера, и потеряв всякую надежду на поддержку со стороны пехотинцев, обратились в беспорядочное и дикое бегство, так что они в полном беспорядке рассыпались по равнине. Ионаф преследовал их до Азота и перебил при этом множество их, остальных же, потерявших надежду на спасение, принудил бежать в находившийся в Азоте храм бога Дагона. Затем Ионаф взял город после первого же натиска и поджег его и близлежавшие деревни. Он также не пощадил и храма Дагона, но предал пламени как храм, так и укрывшихся в нем. Число павших в бою и сгоревших в храме врагов было восемь тысяч. Одержав таким образом верх над столь многочисленной ратью, Ионаф двинулся от Азота к Аскалону и расположился лагерем перед этим городом; тут-то к нему навстречу вышли аскалонцы с дарами и всячески стали выражать ему свое уважение. Приняв их добровольное подчинение, он вернулся в Иерусалим с богатой добычей, которую ему доставила победа над врагами.

Когда Александр узнал о поражении своего полководца Аполлония, то стал притворно выражать свое удовольствие по этому поводу, потому-де, что тот против его желания напал на его друга и союзника Ионафа. При этом он отправил к Ионафу посольство с изъявлением и засвидетельствованием полного своего почтения и послал ему в дар золотой браслет, что обыкновенно дарится лишь царским родственникам,

а также уступил ему в собственность Аккарон и всю провинцию последнего.

5. Около этого времени явился в Сирию с флотом и сухопутным войском также царь Птолемей Филометор, чтобы поддержать Александра, тестем которого он был. По повелению Александра все города оказывали ему радушный прием, и так он добрался до города Азота; тут все жители встретили его громким криком по поводу поджога, которому подвергся их храм Дагона, и стали обвинять Ионафа за то, что он уничтожил это святилище, предал огню и мечу всю область и перебил множество жителей. Птолемей, услыша это, хранил молчание; когда же Ионаф выехал ему навстречу в Яффу, то удостоился получить от Птолемея богатые дары и всяческое уважение; после этого Ионаф сопровождал его до реки Елевфера, а затем вернулся назад в Иерусалим.

6. По прибытии своем в Птолемаиду Птолемей чуть было, против всякого ожидания, не погиб, потому что против него злоумышлял в лице дружественного ему Аммония сам Александр. Когда все эти козни обнаружились, Птолемей написал Александру письмо с требованием наказать Аммония, так как последний злоумышлял против его жизни и вследствие этого должен дать ответ. Но так как Александр не выдавал ему Аммония, то царь понял, что тот сам злоумышлял против него, и потому страшно рассвирепел на него. Благодаря этому же Аммонию антиохийцы уже и раньше были восстановлены против Александра, потому что они претерпели от Аммония массу зла. Однако (наконец) Аммоний подвергся заслуженному наказанию за все свои преступления: он под видом женщины был позорно зарезан, потому что, как мы рассказали в другом месте[17], хотел скрыться в женском одеянии.

7. Теперь Птолемей стал упрекать себя за то, что выдал дочь свою за Александра, равно как за то, что вступил с ним в союз против Димитрия. Поэтому он разорвал с ним все родственные узы и отнял у него дочь свою. Затем он немедленно послал к Димитрию для переговоров о заключении с ним дружественного союза, причем обещал ему выдать за него дочь и вернуть ему отцовское царство. Димитрий очень обрадовался этому предложению, немедленно заключил с ним союз и вступил в брак. Птолемею теперь оставалось

устранить еще одно только затруднение, а именно — уговорить антиохийцев признать Димитрия, так как антиохийцы были не расположены к нему вследствие беззаконий, совершенных над ними его отцом Димитрием. И вот ему удалось уладить и это дело. Антиохийцы ненавидели Александра из-за Аммония, как мы уже сказали выше, и потому, недолго думая, изгнали его из Антиохии, после чего тот отправился в Киликию. И вот когда к антиохийцам прибыл Птолемей, то они и войска провозгласили его своим царем; таким образом, фараону по необходимости пришлось возложить на себя две короны: азиатскую и египетскую. Однако, будучи человеком вполне порядочным, справедливым и нелюбостяжательным, да к тому же и очень прозорливым в государственных делах, Птолемей решил отказаться, чтобы не вызывать зависти к себе со стороны римлян. Поэтому он созвал антиохийцев в народное собрание и стал уговаривать их принять к себе Димитрия, причем указывал на то, что последний, удостоившись с их стороны такого отличия, и не думает вымещать на них злобы за отца своего. Сам фараон предлагал себя в руководители и наставники Димитрию во всяком добром начинании и обещал не допускать его до каких бы то ни было неудобных предприятий. Сам же он, уверял фараон, готов удовлетвориться царством египетским. Такими речами он убедил антиохийцев принять к себе Димитрия.

8. После того как Александр во главе огромного войска и с большими боевыми запасами двинулся из Киликии в Сирию и предал область антиохийскую огню и мечу, Птолемей выступил против него со своим зятем Димитрием (которому он уже успел дать в жены дочь свою); оба союзника разбили Александра и обратили его в бегство.

Тогда последний бежал в Аравию. В битве лошадь Птолемея, испугавшись рева слона, сбросила с себя своего всадника; враги же, увидев это, устремились на фараона, нанесли ему множество ран в голову и бросили его, подвергнув смертельной опасности. Телохранители фараона, однако, отбили его, но старик был в таком тяжелом положении, что в течение четырех дней не мог произнести ни слова и даже не приходил в сознание. Между тем арабский правитель Завил послал Птолемею голову Александра, так что, когда фараон на пятый день очнулся от ран и пришел в себя, то его ожидал

приятнейший сюрприз: известие о смерти Александра и голова последнего в виде вещественного доказательства. Пораженный радостью по поводу смерти Александра, и сам Птолемей немного спустя умер.

Этот Александр, получивший прозвище Валаса, правил Азией в течение пяти лет, как о том повествуется в других местах[18].

9. Не успел Димитрий, известный под именем Никатора, вступить на царство, как начал гнусно избивать войско Птолемея, совершенно забыв о своем союзе с фараоном и о том, что Птолемей был ему тестем вследствие женитьбы Димитрия на его дочери Клеопатре. Поэтому войска египетские бежали от его злодеяний в Александрию; Димитрию же удалось завладеть всеми слонами Птолемея.

Между тем первосвященник Ионаф собрал войска со всей Иудеи и, подступив к иерусалимской крепости, в которой находились македонский гарнизон, а также некоторые из вероотступников и перебежчиков, стал осаждать ее. Первоначально заключенные в крепости отнеслись презрительно к приготовлениям Ионафа к осаде, потому что полагались на укрепленность своего места; ночью, однако, несколько отщепенцев вышли из крепости и отправились к Димитрию с извещением об осаде ее. Рассвирепев при этом известии, Димитрий собрал свое войско и двинулся из Антиохии на Ионафа. Прибыв в Птолемаиду, он отправил к Ионафу письменный приказ немедленно поспешить к нему в Птолемаиду. Ионаф, однако, осады не снял, но взял старейшин народа и священнослужителей и явился с ними и с запасом золота, серебра, одеяний и различных даров к Димитрию. Этими подарками ему удалось смягчить гнев царя и даже удостоиться от него чести быть утвержденным в сане первосвященника, подобно тому как он этого добивался и у его предшественников по престолу. Обвинениям перебежчиков Димитрий также не придавал веры, но, когда Ионаф стал просить царя удовлетвориться оброком в тридцать талантов за всю Иудею и три топархии — Самарию, Перею и Галилею, — Димитрий согласился и на это и выдал Ионафу относительно всего этого письмо следующего содержания: «Царь Димитрий приветствует брата своего Ионафа и (весь) народ иудейский. Копию с письма, которое мы написали нашему родственнику Ласфе-

ну, препровождаем вам при сем для того, чтобы вы познакомились с ней». Вот она: «Царь Димитрий приветствует отца своего Ласфена. Так как народ иудейский дружествен нам и соблюдает по отношению к нам свои обязанности, то я решил выразить ему свое благоволение за эту его привязанность и закрепляю за ним три нома, Аферим, Лидду и Рамафу, которые они отняли у Самарии и присоединили к Иудее, равно как принадлежащие к этим номам земли. Кроме того, я освобождаю их от доставления мне тех платежей, которые мои предшественники по престолу получали за иерусалимские жертвоприношения, а также от платежей налогов на злаки и древесные плоды, равно как от всех прочих поступавших к нам повинностей, например, с соляных копей и коронных платежей. От всего этого я освобождаю их и желаю, чтобы мое распоряжение не отменялось отныне на будущее время. Итак, позаботься о том, чтобы была сделана копия с сего указа, дабы она была вручена Ионафу и помещена на видном месте в святом храме».

Таково было содержание указа.

Тогда Димитрий, убедившись в прочности мира, в отсутствии какой бы то ни было опасности и в том, что теперь нечего бояться войны, распустил свое войско и сократил при этом вознаграждение ему; он выплатил жалованье полностью лишь иноземным наемникам, которые явились вместе с ним с Крита и с прочих островов. Этим он навлек на себя неудовольствие и даже ненависть со стороны своих солдат, потому что он им не заплатил, тогда как его царственные предшественники в одинаковой мере платили им плату как во время войны, так и во время мира; этим они располагали их к себе и заручались их поддержкой, в случае необходимости, также и на войне[19].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем, заметив это нерасположение солдат к Димитрию, один из прежних военачальников Александра, Диодот, прозванный Трифоном и происходивший из города Апамеи, отправился к арабу Малху. Последнему был отдан на воспитание сын Александра, Антиох, и вот Трифон сообщил Малху о нерасположении войск к Димитрию и уговорил ара-

ба отдать ему Антиоха: он собирался провозгласить его царем и вернуть ему отцовский престол. Малх первоначально отнесся недоверчиво к этому плану и Трифону, но так как последний долгое время спустя все-таки настаивал на этом, то Малх наконец сдался на доводы Трифона. Однако сказанного пока довольно об этом лице.

2. Между тем первосвященнику Ионафу крайне хотелось удалить гарнизон из иерусалимской крепости, равно как освободиться от гнусных иудейских перебежчиков и македонских гарнизонов в рассеянных по всей стране крепостях; он отправил к Димитрию послов с подарками и просил его удалить указанные войска из Иудеи. На это Димитрий не только отвечал выражением своей полной готовности исполнить его просьбу, но даже обещал ему сделать гораздо больше, только после окончания войны, в которую он был запутан и которая теперь отнимала у него все свободное время. При этом Димитрий со своей стороны просил первосвященника послать ему союзнический отряд, потому что его собственные войска отпали от него. Ввиду этого Ионаф отправил Димитрию три тысячи отборных ратников.

3. Тем временем ненавидевшие Димитрия за причиненные им, а еще более отцом его Димитрием бедствия антиохийцы только и выжидали удобного случая, чтобы восстать против него. Когда же они узнали о прибытии со стороны Ионафа, то тотчас поняли, что ему удастся собрать значительную рать, если они не предупредят его и не захватят его врасплох. Поэтому они раздобыли оружие и обложили царский дворец форменной осадой, заняли все выходы из него и старались схватить царя. Увидя восстание антиохийской черни, которая в полном вооружении приступила уже к военным против него действиям, Димитрий собрал своих наемников и присланных ему Ионафом иудеев и сразился с антиохийцами. Так как последних было несколько десятков тысяч, то ему пришлось потерпеть от них полное поражение. Тогда иудеи, видя, что антиохийцы одолевают, взобрались на крышу дворца и стали оттуда забрасывать наступающих дротиками. Так как они, благодаря высоте здания, были слишком удалены от нападающих, чтобы подвергаться с их стороны какой бы то ни было опасности, а напротив, сами сверху наносили им огромный урон своей стрельбой сверху, то им

удалось вскоре отогнать антиохийцев от ближайших зданий. Затем иудеи немедленно подожгли эти здания, а так как дома стояли близко друг к другу и большинство зданий были деревянные, то пламя вскоре распространилось по всему городу и уничтожило его дотла. Тогда антиохийцы, не будучи в силах дольше держаться и совладать с огнем, обратились в бегство. Тем временем иудеи бросались из дома в дом, преследуя врагов, и, таким образом, произошла эта единственная в своем роде погоня. И вот, когда царь заметил, что антиохийцы думают теперь только о том, чтобы спасти жен и детей и поэтому более уже не сражаются, он напал на них через другие улицы и перебил при этом такое множество жителей, что тем самым принудил их побросать все оружие и сдаться ему. Затем Димитрий простил их дерзкую попытку и тем самым положил предел этой смуте. Одарив иудеев из богатой добычи и отблагодарив последних как истинных виновников одержанной победы, царь отправил их обратно в Иерусалим к Ионафу и еще раз закрепил с последним союз свой. Впоследствии, однако, он нечестно поступил по отношению к Ионафу и нарушил свои ему обещания, пригрозив ему войной, в случае если тот не выплатит ему полностью той дани, которую платил прежним царям народ иудейский. Димитрий действительно привел бы свою угрозу в исполнение, если бы его от этого не удержал Трифон и не заставил бы обратить все направленные против Ионафа приготовления против самого его, Трифона.

Дело в том, что последний вернулся из Аравии в Сирию с малолетним еще сыном Антиоха[20] и провозгласил его царем. А так как на его сторону перешло все войско, которое покинуло Димитрия за неполучение наемной платы, то Трифон объявил войну Димитрию, сошелся с ним на поле брани, разбил его и захватил всех его слонов и самый город Антиохию.

4. Потерпев такое поражение, Димитрий отступил в Киликию. Тем временем молодой Антиох отправил к Ионафу послов с письменным уверением в своей дружбе и союзе и с утверждением за ним первосвященнического достоинства, равно как права на те четыре нома, которые были присоединены к стране иудейской. Сверх того он послал также золотую утварь, посуду и пурпуровую одежду с разрешением носить ее, а также одарил его золотым запястьем и принял его

в число своих первых приближенных. В то же время он утвердил брата его, Симона, главнокомандующим над всеми войсками от Тирийских гор вплоть до границ Египта. Благодарный за такое отношение к нему со стороны Антиоха, Ионаф, в свою очередь, отправил послов к нему и к Трифону, с заявлением своей дружбы и союза и с обещанием воевать с ним против Димитрия. При этом Ионаф объяснил, что и Димитрий не отплатил ему благодарностью за все оказанные ему в тяжелую минуту услуги, но даже обидел его, воздав злом за добро.

5. Получив затем от Антиоха поручение собрать из Сирии и Финикии значительную рать и вступить в борьбу с военачальниками Димитрия, Ионаф немедленно выступил к городам[21]. Последние хотя и оказали ему блестящий прием, однако не дали ему войска. Отсюда он затем отправился в город Аскалон, и когда жители встретили его радушно и с подарками, он стал убеждать их, равно как и жителей всех отдельных городов в Келесирии, отпасть от Димитрия и, передавшись Антиоху, в союзе с Антиохом пытаться отомстить Димитрию за все те притеснения, которые им когда-либо довелось испытать от него. При этом он указал, что на такой образ действий у них имеется достаточно оснований.

Склонив, таким образом, эти города к союзу с Антиохом, он прибыл в Газу, чтобы ее жителей убедить перейти на сторону Антиоха. Однако жителей этого города он нашел совершенно иначе настроенными, чем он предполагал. Так, например, они заперли перед ним ворота, не желая настолько же примыкать к Антиоху, сколько и отказываться от Димитрия. Это побудило Ионафа подвергнуть город осаде, а область опустошению, а именно, обложив частью войска Газу, он с остальной ратью ринулся на окрестные владения, предавая все огню и мечу.

Увидев себя в столь стесненном положении и не получая никакой помощи со стороны Димитрия в такую ужасную минуту и видя эту помощь и пользу от нее лишь впереди, да и то крайне неопределенной, жители Газы порешили, что благоразумнее будет оставить Димитрия и подчиниться Антиоху. Поэтому они отправили к Ионафу послов с заверениями своей готовности заключить с ним дружественный союз.

Таковы уж люди: раньше, чем испытать несчастье, они не

сознают того, что им полезно. Лишь впав в беду, они выбирают наконец то, что было бы лучше сделать с самого начала, потому что теперь только начинают соображать, что можно бы было без всякого для себя ущерба остановиться на этом и раньше.

Ионаф принял их предложение, заключил с ними дружественный союз и, взяв заложников, отправил последних в Иерусалим, а сам прошел по всей стране, вплоть до Дамаска.

6. Тут он узнал, что военачальники Димитрия, во главе большой рати, двинулись ему навстречу, к городу Кедасе, находящемуся как раз на границе между областью тирийской и Галилеей; полководцы рассчитывали на то, что они выманят его из Сирии и направят в сторону Галилеи, потому что он, наверное, не оставит без поддержки своих галилейских приверженцев, которые теперь были удручены войной. Ионаф выступил против них и оставил в Иудее брата своего Симона.

7. Последний собрал из всей страны все наиболее подходящее войско и принялся за осаду Вефсуры, самой укрепленной местности во всей Иудее, как нами об этом было уже выше упомянуто[22]. Крепость эту занимал гарнизон Димитрия. Когда же Симон воздвиг осадные валы, поместил осадные орудия и принялся по всем правилам искусства осаждать Вефсуру, гарнизон испугался взятия крепости силой и собственной гибели. Поэтому он отправил к Симону посланцев с просьбой поклясться, что если им не будет причинено никакого зла, они могут покинуть эту местность и уйти к Димитрию. Ионаф дал им в этом клятвенное уверение, изгнал их из города и поместил в нем свой собственный гарнизон.

Выступив из Галилеи от так называемого Генисаретского озера, где он было расположился станом, Ионаф прибыл в равнину Асор, не зная, что тут находятся враги. Солдаты же Димитрия, лишь накануне узнав, что Ионаф собирается прийти к ним, устроили ему засаду и тайком поместили в ущелье горы воинов, сами же с остальной ратью двинулись ему навстречу на равнину. Увидя их готовыми к бою, Ионаф и сам стал по силе возможности ободрять своих воинов к битве. Но когда враги, помещенные военачальниками Димитрия в засаде, очутились в тылу у иудеев, последние испугались, как бы им не очутиться отрезанными от своего вой-

ска и, наверное, погибнуть, и потому обратились в бегство. Тогда и все остальные покинули Ионафа; несколько же, числом не более пятидесяти человек, в том числе сын Апсалома, Маттафия, и сын Хапсея, Иуда, бывшие военачальниками над всей ратью, остались при нем. Они храбро и с полным самозабвением ринулись на врагов и, поразив их своей смелостью, храбро обратили их в бегство. Когда вернувшиеся из воинов Ионафа увидели бегство врагов, то и сами приостановились, собрались в кучу и принялись гнаться за врагами. Так гнали они их до Кедасы, где находился лагерь неприятелей.

8. Одержав такую блестящую победу и перебив до двух тысяч врагов, Ионаф вернулся в Иерусалим. Видя, что с помощью Божьей все ему удается, он отправил посольство к римлянам с предложением возобновить прежний дружественный союз иудейского народа с ними. Этим своим посланным он поручил завернуть на возвратном пути из Рима к спартанцам и напомнить им об их дружественном союзе с иудеями[23]. Когда же посланные прибыли в Рим и, придя в сенат, объявили, что они приехали от первосвященника Ионафа, который прислал их с целью укрепления союза, то сенат утвердил прежнее свое постановление относительно дружбы с иудеями и снабдил посольство грамотами ко всем царям Азии и Европы и к правителям различных городов, чтобы послы могли безопасно вернуться восвояси. На обратном пути посольство заехало в Спарту и отдало там грамоту, заготовленную с этой целью Ионафом. Содержание ее было следующее:

«Первосвященник иудейского народа, Ионаф, совет старейшин и народ иудейский посылают привет свой эфорам лакедемонским, герусии[24] и братскому племени. Если вы здоровы и все ваши общественные и частные дела идут хорошо, то это прекрасно и вполне соответствует нашим желаниям. Сами же мы здоровы. В прежние времена наш первосвященник Ония получил у нас от вашего царя Арея через посредство Димотела послание относительно нашего общего с вами происхождения. Копия его при сем прилагается. Послание это мы приняли охотно и любовно отнеслись как к Димотелу, так и к Арею, тем более что нам вовсе не было необходимости в доказательстве этого нашего род-

ства, так как в том уже убеждали нас данные нашего Св. Писания. И если мы сами не сделали первого шага для признания между нами указанного родства, то это произошло лишь оттого, что мы не желали показать вида, будто мы предвосхищаем у вас оказанную нам честь. И все-таки, несмотря на то, что со времени установления между нами наших дружественных отношений прошло уже достаточное число лет, мы во все праздники и во все знаменательные дни при принесении Господу Богу жертв всегда молимся Ему о вашем здравии и благополучии. Несмотря на то, что благодаря дерзости и заносчивости наших соседей нам пришлось вести множество войн, мы все-таки не решались впутывать в них ни вас, ни других нам дружественных лиц. Окончив теперь борьбу с неприятелями своими, мы по случаю отправки нами почтенных членов совета, Нумения, сына Антиоха, и Антипатра, сына Иасона, снабдили последних также посланием к вам с целью возобновить с вами наш дружественный союз. Поэтому вы поступите прекрасно, если и вы, в свою очередь, напишете нам, не нужно ли вам чего-либо от нас, всегда готовых во всех случаях оказать вам посильную поддержку». Лакедемоняне любезно приняли послов и, постановив решение о закреплении дружественного союза с иудеями, отправили их на родину.

9. В это время существовало среди евреев три секты, которые отличались различным друг от друга мировоззрением. Одна из этих сект называлась фарисейской, другая саддукейской, третья ессейской. Фарисеи утверждают, что кое-что, хотя далеко и не все, совершается по предопределению, иное же само по себе может случаться[25]. Секта ессеев учит, что во всем проявляется мощь предопределения и что все, постигающее людей, не может случаться без и помимо этого предопределения. Саддукеи, наконец, совершенно устраняют все учение о предопределении, признавая его полную несостоятельность, отрицая его существование и нисколько не связывая с ним результатов человеческой деятельности. При этом они говорят, что все лежит в наших собственных руках, так что мы сами являемся ответственными за наше благополучие, равно как сами вызываем на себя несчастья своей нерешимостью. Впрочем, об этом я подробно говорил уже во второй книге своей «Иудейской войны».

10. Между тем, однако, военачальники Димитрия, желая вознаградить себя за понесенное поражение, собрали значительно большую рать, чем в первый раз, и двинулись с ней на Ионафа. Узнав об их нашествии и желая предупредить их вторжение в Иудею, последний быстро пошел им навстречу в область Амафы. Расположившись станом в расстоянии пятидесяти стадий от врагов, он выслал соглядатаев, которым было поручено высмотреть их лагерь и способ укрепления его. Лазутчики все донесли Ионафу и даже захватили ночью в плен нескольких неприятелей, которые сообщили ему о намерении врагов напасть на него. Поэтому он, будучи своевременно предупрежден, приготовился к этому, выставил около своего лагеря сторожевые посты и в течение всей ночи держал свое войско под оружием. Вместе с тем он увещевал своих людей мужаться и быть наготове биться даже ночью, если бы это потребовалось, дабы враги знали, с кем имеют дело. Когда же военачальники Димитрия узнали, что Ионафу уже все известно, они впали в отчаяние и их смутило сознание, что они спасовали перед неприятелями, что их коварный умысел не удался и что им не придется осилить другого; для них было очевидно, что им не совладать с войском Ионафа. Поэтому они решились на бегство и отступили, зажегши предварительно множество костров, чтобы вид последних заставил врагов предположить, будто они еще остаются в лагере. Когда же Ионаф на заре нагрянул на их стан и нашел его пустым, то понял, что они бежали, и бросился за ними в погоню. Однако ему так и не удалось настичь их, потому что они уже успели переправиться через реку Елевфер и быть в безопасности. Поэтому он отсюда повернул в сторону Аравии, вступил в борьбу с навайтецами и отнял у них значительную добычу и множество военнопленных. С ними он двинулся к Дамаску и всех их там продал. Около того же времени и брат его, Симон, обошел всю Иудею и Палестину вплоть до Аскалона, завладел крепостями страны и, укрепив их новыми постройками и новыми гарнизонами, добрался до Яффы. Заняв и ее, он ввел туда значительный гарнизон, потому что слышал о желании жителей передать город военачальникам Димитрия.

11. После всех этих предприятий как Симон, так и Ионаф вернулись в Иерусалим. Собрав затем весь народ в

святилище, Ионаф посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг храма и укрепить ее высокими башнями; далее воздвигнуть среди города другую стену и отрезать, таким образом, гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принялся за отстройку города, а Симона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее. Между тем Димитрий переправился в Месопотамию, намереваясь овладеть ею и Вавилоном и, подчинив себе верхние сатрапии, овладеть уже отсюда всем царством. Дело в том, что жившие там греки и македоняне постоянно отправляли к нему посольства с обещанием передаться ему, если только он явится к ним, и в союзе с ним идти войной на парфянского царя Арсака. В уповании на это Димитрий двинулся к ним в расчете, если только подчинит парфян и создаст себе войско, начать войну с Трифоном и изгнать его из Сирии. Жители страны приняли его радушно, и он, собрав войско, начал борьбу с Арсаком, но потерял при этом все свое войско и сам попал в плен, как мы рассказали в другом месте[26].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Лишь только Трифон узнал, чем окончилось предприятие Димитрия, он уже более не оставался верным Антиоху, но стал злоумышлять против него, решив убить его и самому овладеть царством. Однако пока его удерживал от приведения этого намерения в исполнение страх перед Ионафом, который был другом Антиоху. Вследствие этого он хотел первоначально избавиться от Ионафа, а затем уже приняться и за Антиоха. Решив избавиться от первосвященника коварством и обманом, он отправился из Антиохии в Вефсану, носившую у греков название Скифополя, куда навстречу ему выступил Ионаф во главе сорокатысячного отборного войска, потому что Ионаф предвидел его воинственные намерения. Видя готовность Ионафа к бою, он отправился к нему с

подарками, был с ним ласков и любезен. Вместе с тем он приказал своим полководцам повиноваться Ионафу, думая таким способом уверить последнего в своей преданности и совершенно освободить его от подозрения относительно того, будто он замышляет захватить его врасплох. Вместе с тем он посоветовал Ионафу распустить войско, указывая на то, что в настоящее время, когда нет войны и царствует полный мир, нет никакой необходимости держать это войско. Трифон советовал Ионафу оставить при себе лишь небольшой отряд и двинуться вместе с ним к Птолемаиде, которую он обещал передать ему, равно как помочь ему овладеть всеми остальными крепостями страны. На это-то, как бы на причину своего приезда, и указывал Трифон.

2. Ионаф действительно не предполагал во всем этом злого умысла, но поверил, что Трифон дал ему дружеский и вполне искренний совет, и потому распустил свое войско и удержал из него лишь три тысячи человек, из которых 2000 оставил в Галилее, а с остальной тысячей вместе с Трифоном пошел на Птолемаиду. Немедленно по его прибытии туда жители по заранее данному им Трифоном приказанию заперли городские ворота; тут-то Трифон взял Ионафа живьем в плен, а всех товарищей его велел перебить. Вместе с тем он послал и за оставленными в Галилее двумя тысячами человек, чтобы и их также перерезать. Однако до этих уже дошла молва о постигшем Ионафа злополучии, и потому они предупредили прибытие посланных Трифоном отрядов и поспешили с оружием в руках удалиться из страны. Высланные против них войска, увидя евреев вполне готовыми биться до последней крайности, не рискнули причинить им какой-либо вред и вернулись к Трифону.

3. Когда жители Иерусалима узнали о плене Ионафа и о гибели его солдат, постигшее его несчастье опечалило всех, и все стали жалеть об этом муже. Вместе с тем они страшно беспокоились и боялись, как бы теперь, когда они единовременно лишились талантливого и столь храброго Ионафа, враждебные им и лишь сдерживавшиеся Ионафом окрестные племена ныне не напали на них и не заставили их вступить в крайнюю борьбу не на живот, а на смерть. А между тем эти опасения вскоре же действительно осуществились; ибо лишь только соседние племена узнали о смерти Ионафа,

то начали войну с иудеями, зная, что те не имеют руководителя, сам же Трифон собрал войско и решил отправиться в Иудею и объявить войну ее населению.

Когда же Симон увидел, что иерусалимцев все это повергло в такое отчаяние, он, желая ободрить их и словом вызвать их мужество, чтобы смело встретить нашествие Трифона, собрал весь народ в святилище и оттуда обратился к нему со следующим увещеванием:

«Единоплеменники! Вам небезызвестно, насколько охотно, после смерти отца моего, как я, так и братья мои шли за вашу погибель на разные опасности, сопряженные с возможностью смерти. Полагаю, что как я лично, так и смерть членов нашей семьи за законы и богопочитание дали вам достаточные тому доказательства. Поэтому нет такого страха, который вытеснил бы из души моей эту решимость и вызвал бы в ней особую привязанность к жизни или презрение к славе. Итак, если уже у вас нет теперь такого военачальника, который решился бы за вас на всякие крайности, то добровольно последуйте за мной, куда бы я вас ни повел. Если я не лучше своих братьев, чтобы не щадить своей жизни, то и не хуже их и не отступлюсь позорно от того, что они признали за наилучшее, а именно — умереть за ваши законы и ваше истинное богопочитание. Где понадобится явить себя достойным их, там я и явлю себя таковым. Я смело надеюсь не только наказать врагов, но и избавить всех вас с вашими женами и детьми от их заносчивости и с Божьей помощью сохранить в целости Его святой храм. Я отлично понимаю, что соседние племена наступают на вас оттого лишь, что считают вас не имеющими военачальника, который повел бы вас в бой».

4. После этой речи Симона народ воспрянул духом, и боязнь его сменилась новым упованием на лучшее будущее. Поэтому весь народ единодушно провозгласил Симона своим военачальником и заместителем его братьев, Иуды и Ионафа, причем обещал безусловное повиновение всем его распоряжениям. Тогда Симон немедленно собрал все свои боевые силы и поспешил окончить постройку городской стены. Укрепив ее высокими и прочными башнями, он отправил одного из своих друзей, некоего Ионафа, сына Апсалома, с войском в Яффу и поручил ему изгнать оттуда

всех жителей, потому что опасался, как бы они не сдали города Трифону. Сам же он остался в Иерусалиме для охраны его.

5. Тем временем Трифон во главе большого войска выступил из Птолемаиды и двинулся в Иудею, ведя за собой пленного Ионафа. Навстречу ему выступил Симон с его ратью и подошел к городу Аддиду[27], лежащему на горе, у подошвы которой расстилается иудейская равнина. Когда же Трифон узнал, что иудеи выбрали Симона главнокомандующим, то он послал к нему, имея в виду обмануть и его, с предложением выдать ему, в виде выкупа за его брата Ионафа, сто талантов серебра и двоих из детей Ионафа в качестве заложников, дабы Ионаф, будучи выпущен на свободу, не вздумал склонить Иудею к отпадению от царя. При этом Трифон ссылался на то, будто Ионаф держится в плену за долг, которого он не возвратил царю. Однако Симон отлично понял маневр Трифона. Напротив, он знал, что если он отдаст деньги, то и их потеряет, и брата не освободит, а лишь, кроме него, оставит во власти врага еще детей своего брата. Однако, боясь навлечь на себя обвинения народа в том, что это он стал причиной смерти брата, если не отдаст за него выкупа и не оставит заложниками детей его, Симон собрал свое войско и сообщил ему о предложении Трифона, причем заметил, что и тут кроется коварная ловушка. Однако при этом он сказал, что все-таки предпочитает послать Трифону деньги и выслать детей, чем отвергнуть предложение его и тем самым навлечь на себя подозрение в нежелании спасти брата. Ввиду всего этого Симон действительно послал Трифону детей Ионафа и деньги, но по получении их Трифон все-таки не сдержал своего слова и не отпустил Ионафа, но со своим войском обошел вокруг Иудеи, решив впоследствии пройти к Иерусалиму через Идумею. Таким образом, он достиг идумейского города Адорос. Симон, однако, со своей ратью не отставал от него, но постоянно располагался лагерем против него.

6. Между тем гарнизон иерусалимской крепости отправил к Трифону просьбу поспешить к ним и выслать съестных припасов. Поэтому он отрядил свою конницу и велел ей достигнуть в течение ночи Иерусалима. Ночью, однако, выпало много снегу, который занес все дороги, сделал их труднопроходимыми для лошадей и не дал Трифону воз-

можности добраться до Иерусалима. Поэтому он отсюда двинулся в Келесирию и затем быстро вторгся в область Галаадскую. Тут он велел казнить и похоронить Ионафа, а сам вернулся в Антиохию. Потом Симон послал в город Баску за останками своего брата и похоронил их на родине, в Модии, причем глубокая печаль охватила весь народ. При этом случае Симон воздвиг отцу своему и братьям своим огромный памятник из белого отесанного камня. Вышина этого памятника была очень велика, так что он был виден на далекое расстояние; окружен был этот мавзолей портиками и обелисками удивительно искусной работы. Кроме того, он соорудил еще семь пирамид в честь своих родителей и каждого из братьев. Размерами и красотой эти сооружения вызывают вообще удивление. Они сохранились по сей день[28]. С таким-то рвением позаботился Симон о гробнице Ионафа и надгробных памятниках прочих членов семьи своей. — Ионаф умер после четырехлетнего первосвященничества. Он был главой своего рода...[29]

7. Такова была кончина Ионафа.

Симон был народом избран в первосвященники и в первый же год своего служения избавил его от македонского ига настолько, что иудеям уже более никогда не приходилось платить дани македонянам. Это освобождение как личное, так и от податей началось у иудеев со сто семидесятого года со времени ассирийского владычества, именно с того времени, как Селевк, прозванный Никатором, овладел Сирией. Народ был в таком восторге от Симона, что в своих деловых сношениях и всех народных постановлениях стал писать «в первый год правления Симона, благодетеля и князя иудейского». При Симоне дела иудеев шли очень удачно, и они осилили окрестные племена. Дело в том, что он взял города Газару, Яффу и Ямнию, затем он осадил иерусалимскую крепость и срыл ее до основания, чтобы врагам более не представилось возможности иметь в ней опору для своих враждебных действий, как то было раньше. Сделав это, Симон признал за целесообразное срыть всю гору, на которой помещалась крепость, дабы тем самым поднять холм, на котором стоит святилище[30]. Созвав народ, он старался убедить его в необходимости этого мероприятия, упомянув, сколько уже пришлось пострадать иудеям от неприятельских гарнизонов

и перебежчиков, и указывая на то, что им придется претерпеть еще в будущем, если власть вновь перейдет в руки иноверного царя, который снова поместит в этой крепости своих воинов. Этими доводами ему удалось убедить народ в целесообразности предлагаемой меры.

Все охотно приступили к этому делу и принялись срывать гору. После трехлетней, не прерывавшейся ни днем, ни ночью работы они срыли гору до основания и сровняли все занимаемое ею место; с тех пор, после уничтожения крепости и горы, над всем городом царит здание храма.

Таковы были дела, совершенные Симоном[31].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Немного спустя после взятия в плен Димитрия Трифон умертвил сына Александра, Антиоха, который был прозван «Богом» и который во время своего четырехлетнего правления находился под опекой Трифона. Последний объявил о смерти Антиоха, будто она последовала от операции, и в то же самое время послал наиболее преданных и близких друзей к войскам с обещанием выплатить огромную сумму денег, если они провозгласят его царем. При этом он заявил, что Димитрий попал в плен к парфянам, и если брат Димитрия, Антиох, достигнет власти, то он сильнейшим образом накажет их за их отпадение. Ввиду этого солдаты, надеясь на всякие блага, если изберут на царство Трифона, провозгласили его правителем. Достигнув такого положения, Трифон немедленно выказался весь, во всем своем непривлекательном свете: будучи частным человеком, он служил народу и прикидывался добрым, угождая всем желаниям народа; достигнув же царской власти, он скинул с себя маску и явился настоящим Трифоном. Однако этим самым он лишь сыграл на руку врагам, потому что войско, ненавидевшее его, перешло на сторону жены Димитрия, Клеопатры, которая тогда заперлась с детьми своими в Селевкии. В то время по стране скитался брат Димитрия, Антиох, прозванный Сотером. Его ни один город не принимал к себе из страха перед Трифоном. К нему-то Клеопатра послала предложение жениться на ней и овладеть царством. Призвала она Антиоха не только потому, что к тому побуждали ее приближенные, но и потому, что

она боялась будущего, так как некоторые из жителей Селевкии приготовились отдать город Трифону.

2. Прибыв в Селевкию и видя, что его положение со дня на день упрочивается, Антиох начал войну с Трифоном, победил его и прогнал из Верхней Сирии в Финикию. Он преследовал его до пределов последней и осадил в неприступной крепости Доре, куда тот спасся бегством. Вместе с тем он отправил к иудейскому первосвященнику послов с предложением заключить дружественный союз. Симон охотно принял его предложение, послал Антиоху значительное количество денег и много съестных припасов для осаждавших Дору войск и поступил при этом так великодушно, что в короткое время стал считаться одним из наиболее преданных друзей царя. Между тем Трифон бежал из Доры в Апамею и был там во время осады захвачен в плен и убит, успев процарствовать три года.

3. Однако Антиох, в своей заносчивости и испорченности, вскоре забыл об оказанной ему Симоном поддержке и выслал одного из своих приближенных, Кендевея, с войском для разграбления Иудеи и поимки Симона. Когда же последний узнал об этом вероломстве Антиоха, то он, хоть и старик, невзирая на свои годы и побуждаемый несправедливостью, допущенной по отношению к нему Антиохом, с юношеским пылом взял на себя начальствование в походе. Сыновей своих он выслал с ядром войска вперед, а сам с другой частью рати двинулся с другой стороны в путь. Поместив часть своих сил в засаде в ущельях гор, он не потерпел неудачи ни в одном из своих предприятий, но повсюду разбивал врагов. После этого он жил до скончания дней своих в глубоком мире, успев еще заключить дружественный союз с римлянами.

4. Всего восемь лет процарствовал Симон над иудеями и умер от коварного покушения, которое совершил на него во время пира зять его, Птолемей. Последний захватил также его жену и двоих сыновей его[32] и, велев поместить их в темницу, подослал убийц к его третьему сыну, Иоанну, который носил также имя Гиркана. Узнав, однако, об их приходе, юноша успел избежать грозившей ему опасности путем быстрого бегства в город[33], решаясь поручить себя здесь охране народа и уповая при этом, с одной стороны, на заслуги отца

своего перед этим народом, а с другой — на ненависть черни к Птолемею. Когда же Птолемей пытался проникнуть в город через другие ворота, то народ не дозволил ему этого, потому что дал уже приют Гиркану[34].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Птолемей отступил в одну из крепостей, именно Дагон, расположенную вблизи Иерихона. Тем временем Гиркан, получив по наследству первосвященническое достоинство и путем жертвоприношений с самого начала умилостивив Предвечного, выступил походом на Птолемея и приступил к указанной крепости (Дагону). Тут он вообще успевал одерживать победы, но в конце концов должен был уступить, исключительно благодаря чувству сострадания к своей матери и братьям. Птолемей, выведя последних на (крепостную стену), стал подвергать их на глазах у всех оскорблениям и угрожал сбросить их вниз, если Гиркан не прекратит осады. Хотя Гиркан старался овладеть этой местностью, однако считал нужным щадить и наиболее близких людей и не давать их в обиду и приостановил свои нападения. Однако мать его воздела руки к небу и стала умолять его не поддаваться ради нее, но с большей ревностью и старанием взять место и отомстить врагу за насилия, причиненные его близким. При этом она заметила, что и бесславная смерть в мучениях приятна, если только врагу придется поплатиться за все совершенные им изуверства. Эти слова матери придали Гиркану известную бодрость все-таки взять крепость приступом, но, когда он увидал, как мать его подвергают побоям и оскорблениям, он пал духом и уступил из чувства жалости к ней. Таким образом, осада затянулась надолго, пока наконец не настал тот год, в который иудеям не приходится работать; это, подобно седьмому дню недели, обыкновенно происходит каждый седьмой год[35].

Освободясь по этой причине от войны, Птолемей казнил братьев Гиркана и мать его и после этого отправился к Зенону, носившему прозвище Котил и бывшему в то время правителем города Филадельфии.

2. Между тем Антиох все еще никак не мог забыть того, что причинил ему Симон, и потому вторгся в Иудею на чет-

вертый год своего правления и в первый год правления Гиркана, именно в 162-ю олимпиаду[36]. Разграбив страну, он запер Гиркана в его столице. Окружив последнюю семью отрядами войска, он, однако, ничего не мог с ней поделать как вследствие высоты стен, так и доблести осажденных, несмотря на полный недостаток у них воды. От этого иерусалимцев избавил сильный проливной дождь, заливший всю местность после захода семизвездия Плеяд. Но так как с северной стороны города было место, где стена являлась доступной, он распорядился выстроить тут сто трехэтажных осадных башен и поместил на каждой из них по отряду солдат. Кроме того, он делал ежедневные нападения на город и велел вырыть глубокий и широкий двойной ров и тем крайне стеснил жителей города. Последние, в свою очередь, предпринимали частые вылазки и наносили врагам значительный вред при всяком случае, где могли напасть неожиданно; когда же враги замечали их попытку, они поспешно возвращались в город. Но так как Гиркан видел, что чрезмерное население города только вредит делу и, способствуя скорейшему истощению съестных припасов, не ведет решительно ни к чему, а только всех стесняет, отобрал из него все бесполезные элементы и изгнал их из города, оставив себе лишь сильных и действительно способных сражаться. Между тем, так как Антиох не давал изгнанникам возможности удалиться, то им пришлось скитаться около городских стен, и многие из них умерли от голода жалкой смертью. Когда же наступил праздник Кущей, то заключенные в городе сжалились над этими несчастными и вновь приняли их к себе.

Затем, когда Гиркан обратился к Антиоху с просьбой назначить семидневное перемирие вследствие наступления праздника, Антиох, движимый уважением к Предвечному, не только охотно согласился на перемирие, но даже послал в город драгоценные жертвенные дары, именно быков с вызолоченными рогами и серебряные и золотые чаши, полные благовонных курений. Это жертвоприношение стража, стоявшая у ворот, приняла от жертвователей и доставила его в святилище. Антиох же в то же самое время устроил войску угощение, чем сильно отличился от Антиоха Епифана, который по взятии города стал закалывать на жертвенниках свиней, осквернил храм жиром этих животных и тем надругался

над установлениями иудеев и их древним благочестием. Вследствие этого народ и восстал на него и стал его непримиримым врагом, тогда как этого Антиоха все прозвали «Благочестивым» за его высокое богопочитание.

3. Благодаря такой любезности Антиоха и убедившись в благочестии его, Гиркан отправил к нему посольство с просьбой оставить иудеям их прежнее государственное устройство. Антиох не внял совету приближенных своих, требовавших полного искоренения иудейского народа за его отчуждение от прочих народов, и окончательно отверг его. Повинуясь голосу благочестия и желая во всем следовать последнему, он ответил посланным, что готов прекратить войну, если осажденные выдадут оружие, предоставят ему право взимания дани с Яффы и других соседних с Иудеей городов и, кроме того, примут к себе его гарнизон. Иудеи согласились на все его условия, но отказались принять к себе гарнизон, указывая на ритуальное запрещение общения с иноземцами. Вместо принятия гарнизона они выдали заложников и пятьсот талантов серебра. Из этой суммы они немедленно выплатили триста талантов и выдали заложников по собственному выбору Антиоха. В числе этих заложников находился и брат Гиркана. Вместе с тем Антиох велел срыть городские укрепления.

На этих условиях Антиох снял осаду и удалился.

4. Затем Гиркан распорядился вскрыть гробницу Давида, который некогда превосходил богатством всех прочих царей, и, вынув оттуда три тысячи талантов серебра, первый из иудеев начал содержать наемные войска.

Впоследствии он заключил дружественный союз с Антиохом, принял его в свой город и в изобилии и с удовольствием доставил его войску все необходимое. Затем Гиркан участвовал вместе с ним в походе на парфян. У нас имеется также свидетельство Николая Дамасского, повествующего об этом следующим образом: «На реке Лике Антиох воздвиг памятник в честь своей победы над парфянским военачальником Индатом и оставался на том месте в течение двух дней, потому что об этом просил его иудей Гиркан ввиду наступления какого-то иудейского праздника, в который иудеям по их закону запрещено путешествовать»[37]. И в этом Николай вполне прав: после субботы наступил праздник Пяти-

десятницы, и нам действительно запрещено законом путешествовать как по субботам, так и в праздник.

Когда же Антиох впоследствии сразился с парфянином Арсаком, он не только потерял большую часть своего войска, но и сам погиб тут. Сирийский престол перешел затем к его брату Димитрию, которого Арсак отпустил из плена как раз около того времени, когда Антиох вторгся в страну парфянскую, как нами уже было рассказано в другом месте.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Узнав о смерти Антиоха, Гиркан немедленно отправился походом на сирийские города, потому что, как и оказалось на самом деле, он рассчитывал их застигнуть врасплох и без труда захватить. Действительно, ему удалось на шестой месяц осады завладеть Мидавой, причем войско его здесь подверглось многим серьезным лишениям. Затем он взял также Самегу и окрестные местности и, кроме нее, Сихем, Гаризим и подчинил себе племя нуфейцев, которые построили себе храм наподобие иерусалимского святилища. Этот храм, как мы уже выше упомянули[38], Александр разрешил построить своему военачальнику Санаваллету для его зятя Манассии, брата первосвященника Иадуя. Теперь, по прошествии двухсот лет, этот храм был закрыт.

Затем Гиркан взял идумейские города Адару и Мариссу и, подчинив своей власти всех идумеян, позволил им оставаться в стране, но лишь с условием, чтобы они приняли обрезание и стали жить по законам иудейским. Идумеяне действительно из любви к отчизне приняли обряд обрезания и построили вообще всю свою жизнь по иудейскому образцу. С этого самого времени они совершенно стали иудеями.

2. Между прочим, Гиркан пожелал возобновить дружественный союз с римлянами и ввиду этого отправил к ним посольство. Сенат принял послание его и следующим образом заключил с Гирканом дружбу.

«За восемь дней до февральских ид[39] претор Фанний, сын Марка, открыл собрание в комициях, в присутствии Луция Манлия, Луция Ментины, Гая Семпрония, Гнея Фалерна и рассмотрел просьбу послов — Симона, сына Дасафея, Аполлония, сына Александра, и Диодора, сына Иасона, — почтен-

ных мужей, посланных иудейским народом. Они изложили положение дела относительно наличности дружественного союза иудеев с римлянами и познакомили собрание со своими политическими требованиями, а именно — чтобы Яффа с ее гаванями, Газара с источниками и вообще все остальные города и области, которые, вопреки сенатскому постановлению, отнял у них на войне Антиох, были возвращены им; затем, чтобы царским войскам не был разрешен проход по владениям иудейским или областям подвластных иудеям племен, чтобы все, Антиохом предпринятое во время той войны и не соответствующее сенатским постановлениям, было признано недействительным; далее, чтобы особое посольство вернуло иудеям все отнятое у них Антиохом и приступило к новой переоценке всех опустошенных этим царем земель и, наконец, чтобы римляне выдали им к царям и неподвластным им народам пропускные грамоты, дабы они, послы, могли беспрепятственно совершить обратное путешествие на родину. И вот сенатом постановлено следующее: возобновить дружественный союз с этими почтенными лицами, послами великого и почтенного народа». Что касается писем (Гиркана), то римляне отвечали, что они об этом будут совещаться между собою, когда сенат несколько освободится от внутренних текущих дел, дали уверение, что на будущее время иудеев более никогда не постигнет такая несправедливость, и распорядились, чтобы претор Фанний отпустил послам денежные средства из казны для возвращения посольства на родину. Ввиду этого Фанний снабдил иудейских послов казенными деньгами на обратный путь и отправил их домой, дав им постановление сената для всех тех, к кому они должны были на возвратном пути приехать, дабы эти последние не ставили им никаких препятствий во время их пребывания и путешествия.

3. Сказанного относительно первосвященника Гиркана, однако, достаточно. Между тем царю Димитрию очень хотелось выступить в поход против Гиркана, но это ему не удалось, как вследствие неимения времени, так и по недостатку средств, потому что сирийцы, да и войска, ненавидели его за тяжелый характер. Как те, так и другие отправили к Птолемею Фискону послов с просьбой назначить им какого-нибудь преемника из рода Селевка на царский престол. На это Птолемей отправил к ним с войском Александра, прозванного

Зевином. Когда Александр вступил в бой с Димитрием, последний потерпел поражение и бежал к своей жене Клеопатре в Птолемаиду, но так как жена не приняла его к себе, то он отсюда направился к Тиру. Тут он был взят в плен и погиб в страшных мучениях от рук ненавидевших его врагов. После этого Александр, вступив на царство, заключил дружественный союз с первосвященником Гирканом. Затем, однако, когда против него двинулся сын Димитрия, прозванный Грипом, он потерпел поражение в битве и сам пал[40].

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Овладев сирийским престолом, Антиох тотчас же приготовился пойти войной на Иудею. Но, когда он услышал, что единоутробный брат его (также носивший имя Антиоха) набирает в Кизике[41] войско, чтобы предпринять против него поход, он решил пока остаться в Сирии и готовиться к отражению своего брата. Последний носил также прозвище Кизикиец вследствие того, что воспитывался в том городе, так как отцом его был Антиох Сотер, погибший в стране парфянской. Этот, в свою очередь, доводился братом Димитрию, отцу Грипа. Клеопатра же, как мы упомянули уже, вышла замуж последовательно за обоих братьев.

И вот, когда Кизикиец Антиох прибыл в Сирию, он в течение многих лет вел войну со своим братом. Гиркан же все это время пользовался полным миром. Еще со времени смерти Антиоха он совершенно устранился от македонян и не доставлял им ничего, ни в качестве подданного, ни в качестве союзника. Вследствие этого во времена правления Александра Зевина, а еще более при названных братьях, он всецело занимался своими делами, которые стали поправляться и вскоре достигли значительного процветания. Междоусобная же война двух братьев дала Гиркану полную возможность спокойно пользоваться плодами земли своей, так что ему за этот период удалось скопить значительные богатства. Когда же однажды Кизикиец вздумал опустошать его область, Гиркан открыто оказал ему отпор, и так как он видел, что Антиох лишился поддержки со стороны египтян, и отлично понимал, что оба брата ратуют за неправое дело, то он не обращал внимания ни на того, ни на другого.

2. Впрочем, он предпринял поход на весьма укрепленный город Самарию, о котором, так как он теперь носит название Себасты и вновь был отстроен Иродом, мы скажем в своем месте[42]. Он приступил к этому городу и обложил его осадой, потому что самаряне, повинуясь сирийским царям, жестоко обидели жителей Мариссы, которые были колонистами и союзниками иудеев. Кругом всего города, на расстоянии около восьмидесяти стадий, Гиркан обвел ров и двойную стену и поручил ее надзору своих обоих сыновей, Антигона и Аристовула. Так как последние стали налегать на город, то он довел самарян до такого отчаянного положения, что они с голода стали есть всякую мерзость и в конце концов обратились за помощью к Кизикийскому Антиоху. Последний немедленно явился на этот зов, но потерпел поражение от войск Аристовула, а затем бежал, преследуемый вплоть до Скифополя обоими братьями. Затем братья вернулись назад к Самарии и вновь замкнули их за своими стенами, так что они вторично обратились за помощью, теперь уже к (другому) Антиоху. Последний обратился к Птолемею Лафуру и получил от него около шести тысяч войска, к величайшему прискорбию матери фараона, которая, узнав об этой посылке солдат, чуть было не свергла сына своего с престола. Антиох первоначально стал с этими египтянами разорять страну Гиркана разбойничьими набегами, но не решался вступать с ним в открытый бой, потому что для этого у него не было достаточно сильного войска. Такими разорительными набегами на страну он рассчитывал принудить Гиркана прекратить осаду Самарии. Однако ему пришлось попасть в засаду, и при этом он потерял значительную часть своего войска, почему и отступил к Триполису, поручив ведение войны с иудеями (своим военачальникам) Каллимандру и Епикрату.

3. Каллимандр стал смелее действовать против врагов, но был обращен в бегство и немедленно погиб. Епикрат, в свою очередь, побуждаемый сребролюбием, открыто передал иудеям Скифополь и прочие прилегавшие к нему местности и не был в состоянии освободить Самарию от осады. Поэтому после годичной осады Гиркан взял город и при этом не только не удовольствовался этим, но и разрушил его дотла, представив его действию бурных горных потоков. Дело в том, что он совершенно подрыл его, так что город провалил-

ся в пропасть, и могло казаться, что у него навсегда отнята была возможность когда-либо снова принять вид настоящего города.

При этом случае рассказывается о совершенно исключительном явлении, имевшем место по отношению к первосвященнику Гиркану, именно каким образом с ним говорил Предвечный. Дело в том, что в тот самый день, в который сыновья его сразились с Кизикийцем, сам первосвященник приносил в храме жертву Богу. Тут он услышал голос, возвестивший ему, что его сыновья только что одержали победу над Антиохом. Выйдя из храма, Гиркан сообщил об этом народу, и известие это вполне оправдалось.

4. Таковы данные о Гиркане. В это же самое время дела не только иерусалимских и вообще палестинских евреев шли хорошо, но также удачно складывалась и жизнь иудейских жителей Александрии, Египта и острова Кипра. Дело в том, что египетская царица Клеопатра восстала против своего сына Птолемея Лафура и назначила правителями страны Хелкия и Ананию, сыновей того самого Онии, который, как мы рассказали выше[43], построил в гелиополитанском номе храм наподобие иерусалимского. Поручив им войско, Клеопатра ничего не предпринимала без их одобрения, как о том свидетельствует и каппадокиец Страбон[44], выражаясь по этому поводу следующим образом: «Большинство солдат, явившихся вместе с ними и впоследствии отправленных на Кипр, немедленно передались Птолемею; верность сохранили ей одни только так называемые онийские евреи, потому что их сограждане, Хелкий и Анания, пользовались величайшим влиянием у царицы». Так повествует Страбон.

5. Между тем удачи Гиркана и его сыновей возбудили к нему зависть со стороны иудеев. Особенно нерасположены были к нему фарисеи, иудейская секта, о которой мы упоминали уже выше[45]. Эти фарисеи пользуются таким авторитетом в глазах народа, что им безусловно верят, хотя бы они говорили против царя или первосвященника. Учеником их был некогда и Гиркан и пользовался с их стороны большим расположением.

Однажды Гиркан пригласил их к себе на пир и принял их весьма радушно. Когда же увидел, как они довольны, то стал говорить им, что они знают, насколько он старается быть

праведным и делать только угодное Богу и им (фарисеи стараются философски обосновать свое мировоззрение). При этом он просил их, если они заметят за ним какие бы то ни было ошибки или уклонения от пути истины, направить его обратно на этот путь и наставить. На это присутствующие громко засвидетельствовали Гиркану, что он человек праведный; он же порадовался их похвалам. Один только из гостей, некий Елеазар, человек дурного нрава и придирчивый, сказал: «Если хочешь знать истину, то, желая быть справедливым, ты должен сложить с себя сан первосвященника и удовлетвориться положением правителя народа».

Когда же Гиркан спросил его о причине необходимости такого отречения от первосвященнической власти, тот ответил: «Мы слышали от стариков, что ты родился в то время, когда мать твоя находилась в плену у Антиоха Епифана».

Это замечание было совершенно ложно, но на него Гиркан разгневался, а все фарисеи были глубоко возмущены этим.

6. Между тем среди секты саддукеев, которые держатся диаметрально противоположных фарисеям взглядов, находился один очень близкий Гиркану человек по имени Ионаф. Он стал уверять Гиркана, что Елеазар в нанесенном ему оскорблении выражал как бы общее мнение фарисеев, и указывал при этом на то, что Гиркан может убедиться в этом путем предложения фарисеям вопроса, какому наказанию подлежит то лицо за свое заявление. Когда же Гиркан предложил им запрос, какого наказания считают они Елеазара достойным (при этом Гиркан был убежден, что нанесенное ему оскорбление не исходило от всей фарисейской секты и что они восстановят его честь назначением должного возмездия), те отвечали, что Елеазар заслужил наказание ударами и заключением в темницу. Итак, фарисеи в данном случае не остановились на смертной казни за клевету (как то полагалось по закону). Впрочем, фарисеи вообще весьма снисходительны в своих наказаниях.

На это Гиркан очень рассердился и готов был поверить, что тот человек нанес ему оскорбление именно с их ведома. В этом его особенно поддерживал Ионаф, который достиг в результате того, что Гиркан примкнул к партии саддукеев, совершенно отказавшись от фарисеев и не только разрешив

народу не соблюдать установленных фарисеями законоположений, но даже установив наказание для тех, кто стал бы соблюдать их. Благодаря последнему обстоятельству как сам Гиркан, так и его сыновья стали ненавистны народу. Впрочем, об этом мы расскажем немного ниже. Здесь же я только упомяну, что фарисеи передали народу на основании древнего предания множество законоположений, которые не входят в состав Моисеева законодательства. Ввиду этого-то секта саддукеев совершенно отвергает все эти наслоения, требуя обязательности лишь одного писаного закона и отнимая всякое значение у устного предания. Благодаря этому часто возникало множество споров и разногласий между обеими сектами, причем на стороне саддукеев стоял лишь зажиточный класс, а не простой народ, тогда как на стороне фарисеев была чернь. Впрочем, об этих двух сектах, равно как об ессеях, у меня подробно рассказано во второй книге моей «Иудейской войны»[46].

7. Гиркану, однако, удалось прекратить эти распри и прожить остаток дней своих в полном спокойствии. Являя из себя в течение тридцати одного года образец примерного правителя, он затем умер, оставив после себя пять сыновей и удостоившись от Господа Бога трех величайших благ: властвования над своим народом, первосвященнического достоинства и дара прорицания. Господь Бог не покидал его и дал ему возможность предвидения и пророчествования. Так, например, он предсказал, что оба старших его сына не удержатся во главе правления. Судьба этих последних достойна более подробного повествования, и последнее покажет, сколь мало сыновья были счастливы в сравнении с отцом своим.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. После смерти отца своего старший сын его, Аристовул, решил изменить прежнюю форму правления и провозгласить себя, по собственному своему усмотрению, царем. Действительно, четыреста восемьдесят один год и три месяца спустя после возвращения (иудейского) народа из вавилонского плена он первый возложил на себя царский венец. Любя из своих братьев лишь ближайшего к нему по возра-

сту, именно Антигона, он только его держал наравне с собой, а остальных вверг в темницу. Равным образом он подверг заключению и родную мать свою, которая поссорилась с ним из-за правления (дело в том, что именно ее Гиркан назначил главной после себя правительницей), и дошел до такого изуверства, что уморил ее в темнице голодом. Подобной же участи подвергся затем и брат его Антигон, которого он, по-видимому, так сильно любил и которого сделал своим соправителем. Он стал отчуждаться от Антигона вследствие наветов, которым он первоначально не поверил, потому что сперва действительно любил его, а затем и потому, что считал эти доносы наветами, имевшими своим основанием зависть недоброжелателей его брата. Но однажды Антигон со славой вернулся из какого-то похода (в то время как раз наступил праздник Кущей, Аристовул же заболел), и Антигону пришлось в блестящем наряде и в сопровождении своих тяжеловооруженных вступить в храм, чтобы тем подать знак к началу празднеств, а еще более — чтобы помолиться за выздоровление брата. Нашлись-таки гнусные люди, которым во что бы то ни стало хотелось посеять раздор между братьями, и вот они воспользовались блеском шествия Антигона и его распоряжениями, чтобы отправиться к царю и с гнусной задней мыслью значительно преувеличить торжественность обстановки, при которой Антигон начал празднество. При этом они указывали на то, что все происшедшее тут вовсе не соответствовало положению Антигона как частного лица и что все это указывает лишь на стремление его к достижению царской власти; далее, что Антигон, очевидно, собирается явиться к Аристовулу с значительной партией и убить его, так как он совершенно логично рассуждает, что вместо того, чтобы участвовать, с разрешения брата, в управлении, он может сам овладеть престолом и достигнуть высочайшего почета.

2. Услыша это и поверив этому, Аристовул не пожелал возбуждать никакого подозрения в брате, но и захотел позаботиться о своей личной безопасности. Поэтому он велел поместить своих телохранителей в темном подземелье (в это время он сам лежал в укрепленном дворце, переименованном в замок Антониев) и распорядился, чтобы они не трогали

никого, кто бы пришел к нему без оружия, но немедленно убить Антигона, если бы он явился к нему вооруженным. Тем временем он послал за Антигоном и просил его прийти к нему без оружия. Однако царица и лица, злоумышлявшие вместе с ней против Антигона, уговорили посланного сказать как раз обратное, а именно: что брат слышал, будто Антигон завел себе новое оружие и доспехи, и поэтому просит его к себе в полном вооружении, чтобы он мог полюбоваться им в его военном убранстве.

Антигон, не предполагая тут никакого злого умысла и вполне полагаясь на расположение брата, отправился в вооружении к Аристовулу, чтобы показать ему свое оружие. Когда же он достиг башни, носящей имя Стратоновой, где имеется темный проход, телохранители зарубили его. Смерть его служит явным доказательством мощи клеветы, которая разрывает все узы благоволения и родства и показывает, что никакое возвышенное и благородное чувство недостаточно сильно, чтобы оказать противодействие зависти.

Особенное же удивление вызвал к себе по поводу этого случая некий ессеянин, по имени Иуда, который никогда еще не ошибался в своих предсказаниях. Видя шествие Антигона к храму, этот человек, окруженный товарищами и учениками, посещавшими его ради того, чтобы обучаться у него прорицанию, воскликнул, что ему лучше умереть, так как он ошибся: Антигон, смерть которого он предсказал на сегодня в Стратоновой башне, как видно, еще жив, потому что проходит теперь мимо него; между тем эта местность (Стратонова башня), где он предсказал ему смерть, отстоит отсюда на целых шестьсот стадий; теперь же прошла уже большая часть дня, так что, по всей вероятности, есть опасность, что его предсказание не сбудется. И вот в то самое время, как Иуда жаловался на это, ему донесли, что Антигон убит в подземелье, которое также носит название Стратоновой башни, подобно приморскому городу Кесарее. Последнее обстоятельство[47] и сбило прорицателя.

3. На Аристовула немедленно после описанного события напало раскаяние в совершенном братоубийстве, а затем он впал в болезнь. Рассудок у него помрачился от постоянно испытываемого позыва к тошноте, а внутренности его жестоко болели, так что он даже харкал кровью. И вот однажды

один из малолетних прислужников, вероятно, по божественному предопределению, вынося кровь Аристовула, поскользнулся на том самом месте, где был убит Антигон и где еще виднелись следы преступления, и пролил кровь. Видевшие это подняли крик и завопили, что слуга умышленно пролил тут кровь (царя). Тогда Аристовул справился, в чем дело, но не получая ответа, тем более заинтересовался причиной крика, как то совершенно естественно у людей, видящих в молчании признак особенного несчастья. Когда же приближенные царя ввиду угроз его сказали ему всю правду, Аристовул, мучимый угрызениями совести по поводу вины своей, разразился потоком слез и громко застонал. «Итак, Господь Бог не забыл такого нечестивого и дерзкого поступка моего, и вот меня сейчас постигает кара за убийство родного мне человека! Доколе же, бесстыжее тело, удержишь ты в себе душу, запятнанную кровью брата и матери? Почему ты не выпускаешь ее, но по частям приносишь мою кровь в жертву убитым?»

Это были его последние слова, с которыми он умер, успев процарствовать один только год. Правда, он выказывал себя другом греков, но зато он оказал и большие услуги своему отечеству, ведя войну с Итуреей и присоединив значительную часть этой страны к Иудее, причем принудил тех из итурейцев, которые захотели остаться в своей области, принять обрезание и жить по законам иудейским. По природе своей он был человеком мягким и очень застенчивым, как о том свидетельствует от имени Тимагена и Страбон, говоря: «Этот человек был мягок и принес иудеям большую пользу, потому что расширил область иудейскую и поселил среди своего народа часть итурейцев, принудив их принять обряд обрезания»[48].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. После смерти Аристовула жена его, Саломия, носившая у греков имя Александры, освободила из оков братьев своего покойного мужа (мы уже выше упомянули о том, что он их держал в темнице) и объявила царем Янная Александра, который был к тому лицом наиболее подходящим как по возрасту своему, так и по порядочности. Этому Яннаю

пришлось с первого же момента своего рождения навлечь на себя ненависть отца своего, так что он, вплоть до его смерти, не смел никогда показываться отцу на глаза. Причиной этой ненависти, как говорят, послужило следующее обстоятельство: Гиркан больше всех других детей любил Антигона и Аристовула. И вот, когда он во сне однажды увидел самого Предвечного, то спросил Его, кто из детей будет его преемником. Господь Бог указал на Янная. Тогда Гиркан, огорчившись, что именно этот сын его станет наследником всех его благ, распорядился, когда Яннай родился, отдать его на воспитание в Галилею. Однако предсказание Предвечного Гиркану оправдалось.

Получив после смерти Аристовула царский престол, Яннай казнил того из своих братьев, который сделал попытку лишить его царской власти, а к другому, который предпочел жить вдали от дел, он относился с большим почетом.

2. Устроив дела свои наилучшим, по его мнению, образом, Яннай отправился в поход на Птолемаиду; разбив жителей в открытом бою, он замкнул их в городе и, обложив последний, приступил к его осаде. В прибрежной области ему оставалось только подчинить себе еще только Птолемаиду и Газу, а также Стратонову башню[49] и Дору, которыми владел Зоил. Но так как (в это время) Антиох Филометор и брат его Антиох, прозванный Кизикийцем, все еще воевали друг с другом и губили свои войска, то жителям Птолемаиды нечего было ждать от них помощи. Однако в стесненном вследствие осады положении к ним на помощь явился Зоил, владевший тогда Кесареей и Дорой, и привел с собой отряд войска, и так как он рассчитывал на расширение своей власти благодаря распре царей между собой, то он оказал некоторую поддержку жителям Птолемаиды. Впрочем, цари вовсе уже не были столь расположены к последним, чтобы надеяться на получение какой-нибудь выгоды от них. Таким образом, как та, так и другая сторона поступили в этом случае подобно борцам, которые обессилели в борьбе, но, стыдясь уступить друг другу, паузами и кратковременными передышками стараются затянуть ее подольше. Последней надеждой населения Птолемаиды являлись египетские фараоны и владевший островом Кипром Птолемей Лафур, который перебрался на Кипр после того, как был матерью своей лишен власти. Итак, жи-

тели Птолемаиды отправили к последнему просьбу явиться к ним на помощь и вырвать их из рук Александра, который подвергает их всевозможным опасностям. А так как посланные укрепили Птолемея в надежде, что он сможет подчинить себе жителей Газы, находившихся в союзе с птолемаидцами, а также Зоила и, кроме того, сидонян и еще многие другие народы, если только переправится в Сирию, то он в уповании на это согласился и поспешно стал готовиться к отплытию.

3. Однако в это же самое время жителей Птолемаиды старался разубедить в их решении некий Деменет, пользовавшийся тогда у них большой популярностью народный оратор. Он указал на то, что лучше будет рискнуть опасностью войны с иудеями, чем подвергать себя явному рабству, если отдаться (иноземцу) деспоту, который при этом вовлечет их не только в эту войну, но и подвергнет их гораздо большей опасности со стороны Египта. Он указал также на то, что Клеопатра не отнесется безучастно к тому, что Птолемей по соседству с ней составляет себе крупную военную мощь, но, наверное, нападет на них с огромным войском. Если Птолемей ошибется в своих расчетах, то ему предоставляется полная возможность вернуться назад на Кипр, тогда как им самим, во всяком случае, грозит крайняя опасность.

Между тем Птолемей, узнав в пути об изменившемся решении жителей Птолемаиды, тем не менее поплыл к ним и, прибыв в Сикамин, высадил там свое войско. Всего у него было вместе с конницей около тридцати тысяч человек, которых он и повел к окрестностям Птолемаиды. Тут он расположился лагерем, а так как жители города не только не приняли его посланных, но и не стали слушать их, то это его весьма озаботило.

4. Когда к нему явились Зоил и представители города Газы с просьбой вступить с ними в союз для борьбы против иудеев и Александра, разорявших их область, Александр испугался Птолемея и снял осаду. Уведя свое войско домой, он теперь обратился к хитрости, тайно послав к Клеопатре просьбу оказать поддержку против Птолемея и в то же самое время делая вид, будто заключает с последним дружбу и союз. При этом он обещал уплатить Птолемею четыреста талантов, если тот подчинит ему правителя Зоила и присоединит его владения к Иудее.

Птолемей тогда охотно заключил дружественный союз с Александром и подчинил ему Зоила; но когда он впоследствии узнал, что Александр тайно обращался к матери его, Клеопатре, за содействием, он счел себя свободным от всяких по отношению к нему обязательств, отправился к Птолемаиде и осадил ее за то, что жители этого города не приняли его к себе. Осаду он поручил своим полководцам, которым предоставил с этой целью часть своего войска, а сам он с остальными солдатами принялся покорять Иудею.

Но так как Александр (вовремя) узнал о намерении Птолемея, то и он собрал около пятидесяти тысяч воинов, а по данным некоторых историков, даже восемьдесят тысяч, и с этой ратью двинулся на Птолемея. Тогда последний неожиданно напал на галилейский город Асоху, взял ее штурмом в одну из суббот и увел и унес оттуда около десяти тысяч пленных и значительную добычу.

5. Попробовав сделать то же самое с городом Сепфорисом, отстоявшим недалеко от разрушенной Асохи, он, однако, потерял здесь множество войска и (потому) пошел войной на Александра. Последний встретился с ним около реки Иордан, в местности, носящей название Асофон, в непосредственной близости около реки Иордан, и расположился лагерем вблизи врагов. У Александра, между прочим, было до восьми тысяч солдат, которым он дал название гекатонтамахов[50] и которые были снабжены медными щитами. Впрочем, и у передовых бойцов Птолемея имелись медные щиты. И хотя противники уступали во многом иудеям, все-таки солдаты Птолемея с большой уверенностью шли на опасность, потому что их воодушевлял специалист по военной тактике, Филостефан, который распорядился переправить войско с того берега реки, где оно расположилось станом, на противоположный. Впрочем, Александр решил не препятствовать этому переходу, потому что он рассчитывал, что, если река останется у них в тылу, ему легче будет захватить врагов, которые тогда будут лишены возможности бегства.

Когда противники сошлись, вначале с обеих сторон мужество и энергия были выказаны одинаковые, и множество воинов пало как там, так и здесь. Когда же победа стала склоняться в пользу воинов Александра, Филостефан разделил свою рать и очень удачно послал подкрепление отступав-

шим. Часть иудеев дрогнула, и так как ей не было оказано поддержки, то она ударилась в бегство, причем близстоявшие отряды не только не поддержали их, но тоже обратились в бегство, тогда как войска Птолемея поступили как раз обратно. Следуя за иудеями, которые в конце концов все бросились бежать, они стали так рубить бегущих, что мечи их наконец притупились и руки устали. Таким образом, пало, как говорят, тридцать тысяч иудеев (Тимаген даже говорит о пятидесяти тысячах убитых), остальные же либо попали в плен, либо бежали на родину.

6. После этой победы Птолемей напал на окрестности и при наступлении вечера остановился, в некоторых иудейских деревнях, которые нашел полными женщин и детей. Тогда он приказал своим воинам всех их перерезать и разрубить на мелкие части, а последние затем бросить в котлы с кипятком. После этого он удалился. Он сделал это распоряжение с той целью, чтобы беглецы, вернувшись с битвы домой, предположили, что враги их людоеды, и при представившемся их взорам зрелище еще более исполнялись страха перед ними. О таких действиях (Птолемея) рассказывают, подобно мне, также и Страбон и Николай (Дамасский).

После этого Птолемей штурмом овладел также и Птолемаидой, как это сообщено мной в другом месте[51].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда Клеопатра увидела, как усиливается могущество ее сына, который беспрепятственно разорял Иудею и успел подчинить своей власти город Газу, она не могла спокойно отнестись к тому, что Птолемей как бы уже находится перед воротами в ее царство и, благодаря своей силе, нагоняет страх на Египет. Поэтому она немедленно выступила против него с флотом и войском, назначив начальниками над всеми своими силами иудеев Хелкия и Ананию.

Главные же свои богатства, внуков своих и духовное завещание, она отправила на остров Кос для сохранения. Дав затем своему сыну Александру повеление отплыть с огромным флотом в Финикию, сама Клеопатра со всем войском прибыла к Птолемаиде. Но так как жители последней не захотели принять ее к себе, то она приступила к осаде города.

Тем временем Птолемей покинул Сирию и внезапно поспешил в Египет, рассчитывая овладеть им теперь, когда в нем не было более войска. Однако ему пришлось ошибиться в своем расчете. Около этого же времени Хелкий, один из двух военачальников Клеопатры, умер в Келесирии, преследуя Птолемея.

2. Клеопатра, узнав о попытке своего сына относительно Египта и о том, что попытка эта совершенно не удалась ему, отправила туда часть своего войска и изгнала его из страны. Таким образом, ему вновь пришлось покинуть Египет и провести зиму в Газе, между тем как гарнизон Птолемаиды не выдержал осады и Клеопатре удалось взять город.

Не имея другой защиты, кроме Клеопатры, и сильно пострадав от ее сына Птолемея, Александр Яннай прибыл к царице с дарами и оказал ей те знаки уважения, которых она была достойна. Тогда некоторые из приближенных царицы посоветовали ей принять дары, но в то же самое время напасть на Иудею, овладеть ею и не забывать того, что от этого одного человека находится в зависимости такое значительное количество храбрых воинов. Однако Анания воспротивился их убеждениям, указывая на то, что царица поступит несправедливо, если лишит власти союзника своего, который вдобавок является единоплеменником. «Знай, — сказал он ей при этом, — что если ты обидишь его, то возбудишь против себя ненависть со стороны всех нас, иудеев».

Благодаря такому совету Анании Клеопатра решила не трогать Александра и даже заключила с ним дружественный союз в Келесирии, в городе Скифополе.

3. Избавившись, таким образом, от страха перед Птолемеем, Александр Яннай немедленно двинулся походом на Келесирию. Тут он после десятимесячной осады взял Гадару, а также Амафунт, значительнейшую крепость на Иордане, где сын Зенона, Феодор, сохранял тогда самые лучшие и ценные свои сокровища. Однако Феодор неожиданно нагрянул на иудеев, перебил из них десять тысяч человек и разграбил обоз Александра. Однако последний не испугался этого, а направился в приморские области, Рафию и Анфедон, который царь Ирод впоследствии переименовал в Агриппиаду. Последний город ему удалось взять приступом. Видя затем, что Птолемей ушел из Газы на Кипр, а мать

его, Клеопатра, вернулась в Египет, он в гневе на жителей Газы за то, что они признали к себе на помощь Птолемея, приступил к осаде также и этого города и стал разорять всю примыкавшую к нему область. Однако военачальник Газы напал ночью во главе двух тысяч наемников и десяти тысяч жителей на иудейский лагерь. Пока было темно, победа оставалась на стороне горожан, потому что в иудеях им удалось поселить уверенность, будто на них напал Птолемей. Когда же рассвело, ошибка эта обнаружилась, и иудеи увидели, с кем имеют дело; иудеи подбодрились, налегли на жителей Газы и перебили до тысячи человек их. Тем не менее горожане стойко выдерживали нападения и не сдавались, несмотря на отчаянное положение и на массу убиваемых иудеями людей (они предпочитали вынести все, только бы не подчиниться врагам своим). Кроме того, они крепились в надежде на то, что знаменитый арабский царь Арет явится и окажет им поддержку. Впрочем, раньше этого Аполлодоту пришлось погибнуть: брат его Лисимах, относившийся к нему с завистью вследствие его популярности у граждан города, умертвил его. Затем он склонил на свою сторону войско и сдал город Александру. Этот, войдя в город, сперва воздержался от всякого насилия, но затем напустил войско на жителей Газы и разрешил ему наказать их. Солдаты повсюду ринулись на жителей города и стали умерщвлять их. Впрочем, и горожане оказались не робкими и, оказывая сопротивление нападавшим на них иудеям, перебили немалое число их. Некоторые из них покидали дома свои и зажигали их при этом, чтобы ничего из имущества не попало в руки врагов. Другие самолично убивали своих жен и детей, не видя другой возможности спасти их от рабства у врагов. Городской совет, состоявший из пятисот членов и как раз заседавший в то время, когда произошло нападение на жителей, в полном составе бежал в храм Аполлона и искал там убежища. Однако Александр велел перебить и этих людей и, предав затем город пламени, вернулся в Иерусалим после годичной осады Газы.

4. Около того же времени умер и Антиох Грип, коварно убитый неким злоумышленником Гераклеоном; прожил он всего сорок пять лет и был царем двадцать девять. Преемником его стал сын его Селевк, который начал войну с дядей

своим, Антиохом Кизикийским, победил его, захватил в плен и велел казнить. Немного спустя сын последнего, Антиох, прозванный Благочестивым, прибыл в Арад, провозгласил себя царем и пошел войной на Селевка, которого ему наконец удалось победить и совершенно изгнать из Сирии. Тогда Селевк бежал в Киликию и, прибыв в город Мопсуэсту[52], вновь стал требовать от жителей денег. За это чернь города рассердилась на него, подожгла его дворец и умертвила его и приверженцев его.

Пока сын Антиоха Кизикийского правил в Сирии, брат Селевка, Антиох, пошел на него войной, но был побежден и погиб со своим войском. После него брат его, Филипп, возложил на себя корону и стал править одной частью Сирии. В то же время Птолемей Лафур послал в Книд за четвертым его братом Димитрием, носившим прозвище Эвкер[53], и провозгласил его царем в Дамаске. Антиох оказывал этим двум братьям сильное сопротивление, но вскоре умер, потому что нашел геройскую смерть в бою с парфянами, оказывая поддержку самийской царице Лаодике. Тогда Сирией стали владеть оба брата, Димитрий и Филипп, как об этом сказано нами в другом месте[54].

5. Между тем на Александра восстали его подчиненные (так как народ был возбужден против него): когда наступил праздник и Александр приблизился к алтарю, чтобы принести жертву, они стали кидать в него лимонами; дело в том, что, как нам пришлось уже упоминать в другом месте[55], у иудеев был обычай держать в руках в праздник Кущей ветки финиковых пальм и лимонных деревьев. Кроме того, народ стал поносить его, что он родился от военнопленных родителей и потому не может быть признан достойным чести совершать жертвоприношения.

Рассердившись на это, Александр велел перебить до шести тысяч человек и, кроме того, распорядился отделить деревянной перегородкой алтарь и часть храма вплоть до того места, куда имели право доступа одни лишь священнослужители. Этим он оградил себя от оскорблений черни.

В то же время он содержал наемные писидийские и киликийские войска. С сирийцами же он не желал иметь никакого дела, потому что они питали к нему неприязнь. Затем он напал на живших в Аравии моавитян и галаадцев и сделал их

своими данниками, равно как разрушил Амафунт, причем Феодор не посмел сразиться с ним. После этого он вступил в борьбу с арабским царем Оведом, но очутился в засаде в тесном и труднопроходимом месте. Множество верблюдов[56] вогнало его в глубокую ложбину около галаадской деревни Гадары, и он едва спасся оттуда бегством в Иерусалим. К довершению его несчастья народ тут восстал против него, и он вступил с ним в ожесточенную борьбу, длившуюся шесть лет, в течение которых он перебил не менее пятидесяти тысяч иудеев. Несмотря на его увещевания прекратить против него неприязненные действия, народ не унимался, но еще более стал его ненавидеть за все свои несчастья. Когда же он предложил им высказаться, чего им, собственно, нужно, все потребовали его смерти. Затем иудеи призвали к себе на выручку Димитрия Эвкера.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Димитрий действительно явился со своим войском, принял в него тех, которые призвали его, и расположился лагерем в окрестностях города Сикима (Сихема). Александр двинулся во главе 6200 наемников и около 20 000 приверженцев своих из иудеев навстречу Димитрию, в распоряжении которого находилось три тысячи всадников и сорок тысяч пехоты. Тогда с обеих сторон были пущены в ход всевозможные средства, чтобы склонить наемные войска Александра на сторону Димитрия указанием того, что они эллины, а от Димитрия отвратить иудеев. Но когда ни те, ни другие не поддались этим убеждениям и предпочли сразиться, победа осталась за Димитрием. Тут пали все наемники Александра, являя редкий пример верности и храбрости; впрочем, и Димитрий потерял многих из своих воинов.

2. Когда же Александр бежал в горы, то из жалости к переменчивой судьбе под его знаменами собралось шесть тысяч иудеев. Испугавшись последних, Димитрий тогда отступил. Однако после этого иудеи начали войну с Александром, но проиграли сражение и множество их пало в битве. Потом Александр запер самых влиятельных из иудеев в городе Вефоме и обложил его осадой. Взяв затем город и овладев иудеями, он отвел их в Иерусалим и учинил над ними ужасное

дело: находясь со своими наложницами в уединенном уголке и пируя там с ними, он велел распять около восьмисот иудеев и перерезать на виду их всех жен и детей. Таким образом он наказал их за все причиненные ему огорчения, и этот способ возмездия превзошел все, что когда-либо совершалось в этом роде. Правда, он чрезмерно и более чем следует пострадал (в своей жизни) от иудеев, которые угрожали ему постоянными войнами и довели его до крайнего страха за жизнь и за целость царства, так как они не удовлетворились сами сражаться за себя, но даже повели на него толпу иноземцев и наконец настолько стеснили его, что ему пришлось уступить царю (сирийскому) все владения моавитянские, галаадские и прочие области Аравии, которые он себе подчинил, и все это для того, чтобы царь не оказал иудеям поддержки в войне их с ним. Кроме того, иудеи десятки тысяч раз глумились и насмехались над ним. Однако как бы там ни было, поступать так было явно нелепо, и за свою чрезмерную жестокость он получил от иудеев прозвище Фракид[57]. Все его противники, число которых доходило до восьми тысяч человек, ночью бежали и находились в изгнании в течение всего того времени, что Александр был жив. Этот же, освободясь от их угроз, правил остальное время в полном спокойствии.

3. Между тем Димитрий, покинув Иудею, пошел к городу Верее и с десятью тысячами пехотинцев и тысячью всадников приступил к осаде ее, причем там находился его брат Филипп. Тогда союзник Филиппа, владетельный князь Вереи, Стратон, призвал на помощь Зиза, князя одного арабского племени, равно как Митридата Синака, властелина парфянского. Последние прибыли с огромным войском и стали осаждать Димитрия в его же окопах. Тут их метательные снаряды, равно как недостаток воды у осажденных, принудили последних сдаться. Опустошив всю страну и захватив в плен Димитрия, они отправили его к тогдашнему парфянскому царю Митридату, а всех тех военнопленных, которые были антиохийцами, они отдали антиохийцам без выкупа.

Парфянский царь Митридат оказывал Димитрию всякие почести, пока Димитрий не впал в болезнь и умер. Филипп же немедленно после битвы двинулся на Антиохию, занял ее и стал царствовать над Сирией.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Затем брат Филиппа, Антиох, носивший прозвище Диониса, желая овладеть престолом, явился в Дамаск, забрал там все в свои руки и стал царствовать. Пока он ходил войной на арабов, об этом узнал его брат Филипп и двинулся на Дамаск. Некий же Милезий, который был оставлен для охраны дамасской крепости, передал ему город. Но так как Филипп оказался по отношению к Милезию неблагодарным и не даровал ему ничего из того, на что тот рассчитывал при впуске его в город, и так как Филиппу было желательно, чтобы казалось, что он взял город, наведя страх на жителей, а не обязан был этим приобретением любезности Милезия, то он навлек на себя нерасположение (жителей) и вскоре должен был покинуть Дамаск. Дело было так: когда он однажды отправился на ипподром[58], Милезий запер город и стал оберегать последний для Антиоха.

Когда же Антиох узнал о предприятии Филиппа, то вернулся из Аравии и двинулся немедленно в Иудею во главе восьми тысяч тяжеловооруженных воинов и восьмисот всадников. Испугавшись его нападения, Александр стал рыть глубокий ров от самого города Хаварзавы, носящей теперь имя Антипатриды, до Яффского залива, то есть в той местности, которая одна только и представляла опасность в смысле нападения; равным образом он воздвиг стену с деревянными башнями и с бойницами на расстоянии полутораста стадий и стал ожидать нашествия Антиоха. Последний, однако, поджег все эти сооружения и перевел затем по этой местности войско свое в Аравию. Сперва царь арабский отступил, но затем внезапно вновь появился с десятью тысячами всадников. Выступив навстречу им, Антиох вступил с ними в ожесточенный бой, одержал верх, но вместе с тем сам пал мертвый, подавая помощь части войска, находившейся в опасности. Когда пал Антиох, войско его бросилось бежать в деревню Кану[59], где большинство воинов погибло от голода.

2. После него царем Келесирии стал Арет, которого призвали на царство войска, занимавшие Дамаск; к тому побудила их ненависть к Птолемею Меннею. Напав отсюда на Иудею, Арет разбил Александра в сражении при Аддиде, но затем, на основании заключенного договора, вновь удалился из Иудеи.

3. Затем Александр, в свою очередь, двинулся на город Дий, взял его и пошел на Ессу, где в то время находились главные сокровища Зенона. Окружив этот город тройной стеной, он овладел им и двинулся на города Гауланию и Селевкию. Заняв эти пункты, он овладел также так называемым Антиоховым ущельем и крепостцой Гамалой. Здесь он под всевозможными предлогами совершенно ограбил правителя тех мест, Димитрия, и затем возвратился, после трехлетнего отсутствия, на родину, где иудеи приняли его с радостью благодаря его военным удачам.

4. Около этого же времени иудеи успели овладеть целым рядом сирийских, идумейских и финикийских городов, а именно приморскими городами — Башней Стратоновой, Аполлонией, Яффой, Ямнией, Азотом, Газой, Анфедоном, Рафией, Ринокорурой; на суше, вблизи границ Идумеи, Адорой, Мариссой и вообще всей Идумеей, Самарией, горой Кармелем и Итавирийским хребтом, Скифополем, Гадарой, Гауланитидой, Селевкией, Гавалой, моавитскими городами — Ессевоном, Мидавой, Лемвой, Ороном, Телифоном, Зарой, ущельем киликийским, Пеллой (этот город они разрушили до основания, так как жители не согласились принять иудейские обычаи) и другими главнейшими сирийскими городами, которые они уничтожили дотла.

5. После этого царь Александр впал, вследствие невоздержанности в вине, в болезнь, и хотя в течение трех лет страдал перемежающейся (через четыре дня) лихорадкой, однако не отказывался от своих походов, пока не умер от истощения в горах Герасинских во время осады крепости Рагавы по ту сторону Иордана.

Когда царица увидела его столь близким к смерти и убедилась, что более уже нет никакой надежды на его спасение, то она, ударяя себя в грудь и плача, стала убиваться по поводу предстоявшего ей и ее детям одиночества и сказала мужу: «На кого оставляешь ты теперь меня и детей, столь нуждающихся в поддержке, и как отнесется ко всему этому народ, столь тебя ненавидящий, когда узнает о твоей смерти?» На это царь просил ее слушаться его советов, а именно: крепко с детьми держаться престола и скрыть от солдат его смерть, пока город не будет взят; затем же, когда она после блестящей победы вернется в Иерусалим, предоставить фарисеям ка-

кую-нибудь привилегию, ибо если последние станут хвалить ее за дарованную им милость, то тем самым они расположат и народ в ее пользу. При этом царь заметил, что фарисеи могут сильно повредить в глазах иудеев тому, кто относится к ним недружелюбно, равно как могут оказать поддержку тому, кто к ним отнесется ласково. Дело в том, что народ им очень верит, если они из зависти говорят о ком-нибудь дурно; этому примером является он сам, так как они, униженные им, поссорили его с народом.

«Итак, ты, — сказал он, — по прибытии в Иерусалим, призови к себе самых влиятельных из них (фарисеев), покажи им мой труп и предоставь им поступить с ним как угодно, захотят ли они лишить меня погребения за все нанесенные им мной обиды или как-нибудь иначе в гневе опозорить меня. При этом обещай им не предпринимать ничего в делах правления помимо совета их. И вот, если ты так скажешь им, то они и меня удостоят более почетных похорон, чем могла бы ты устроить мне, так как они уже более не захотят обидеть мертвого, да и ты будешь править спокойно».

С этим советом жене своей царь умер, процарствовав двадцать семь лет и прожив без одного года пятьдесят лет[60].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Между тем Александре удалось взять крепость, и затем она обратилась к фарисеям сообразно указанию своего покойного мужа; передав им труп последнего и бразды правления, она успокоила гнев фарисеев на Александра и вместе с тем окончательно расположила их к себе. Фарисеи стали после этого распространять в народе добрую славу о деяниях Александра и уверяли народ, что у них погиб праведный царь. Этим они так разжалобили и своими похвалами так настроили народ, что последний почтил царя своего более торжественными похоронами, чем кого-либо из предшествовавших правителей.

Александр оставил после себя двух сыновей, Гиркана и Аристовула, а царство передал Александре. Из сыновей этих Гиркан был не способен к государственным делам и более всего предпочитал мир и спокойный образ жизни, тогда как младший, Аристовул, был энергичнее и предприимчивее его.

Вместе с тем царица сумела снискать себе расположение народа тем, что открыто выказывала свое несочувствие ко всему тому, что предпринимал столь ошибочно ее покойный муж.

2. Царица назначила первосвященником сына своего Гиркана, как вследствие его возраста, так еще более для того, чтобы наполнить чем-нибудь его досуг. Вместе с тем она передала все дела фарисеям, повиноваться которым повелела и народу, причем вновь санкционировала все те дополнения фарисеев к установленному закону, которые были введены фарисеями и затем отменены ее свекром, Гирканом. Таким образом, она носила лишь имя царицы, вся же власть на самом деле была в руках фарисеев. Последние возвращали изгнанников на родину, освобождали заключенных, одним словом, ничем не отличались от настоящих правителей.

Впрочем, и царица не совсем оставляла своих забот о государстве. Она набрала огромное войско из наемников и значительно расширила свою власть, побив окрестных владетелей и взяв с них заложников. Тем временем вся страна жила в глубоком мире; волновались одни только фарисеи. Они стали терроризировать царицу, убеждая ее перебить всех тех, кто посоветовал Александру избиение восьмисот (фарисеев). Затем они убили одного из таких людей, некоего Диогена, а после него последовательно еще несколько человек, пока некоторые из (наиболее) влиятельных лиц не явились во дворец. В числе их находился и Аристовул (он открыто порицал все случившееся и заявил, что, безусловно, когда только сможет, воспротивится начинаниям своей матери). Все эти лица напомнили (царице), сколько претерпели они во время опасностей войны и как они всегда являли государю своему верность, за что и удостаивались со стороны его величайшего почета; при этом они просили царицу не лишать их последней надежды и не предоставлять их безнаказанному избиению, подобно скотине, у себя дома, после того как им удалось избежать опасностей войны. Если враги, говорили они, удовлетворятся числом пока загубленных жертв, то они из уважения к царскому дому спокойно перенесут все случившееся, если же те безобразия повторятся, то они просят об увольнении. Помимо нее, царицы, у них нет спасения, и потому они даже были бы готовы умереть в ее дворце, если бы она не простила их ухода. Впрочем, как для них, так и для самой царицы

будет позором, если они, отстраненные ею, найдут приют у врагов ее мужа. Они встретят, наверное, в высшей степени радушный и почетный прием у арабского князя Арета и у других правителей, которые будут рады увидеть на своей стороне стольких мужей, при произнесении одного только имени коих они еще так недавно содрогались. Если же она на это не согласна и предпочитает другое, именно отдаться во власть фарисеям, то пусть она каждого из них назначит начальником какой-либо крепостцы, ибо, если уже раз такое несчастье постигло дом Александра, они готовы проводить жизнь свою хотя бы в жалкой и низкой должности...[61]

3. Так как они еще долго и много говорили на эту тему и призывали дух Александра сжалиться над умершими и подвергавшимися такой же участи, то все окружающие разразились слезами. Особенно непринужденно высказывал свое мнение Аристовул и при этом отнюдь не щадил своей матери. Между тем придворные, собственно говоря, были сами виноваты в постигшем их несчастии, тем, что наперекор обычаю предоставили властолюбивой женщине править государством, тогда как у нее был вполне подходящий для этого сын. Не зная, как с честью выйти из этого затруднительного положения, царица доверила им тогда охрану различных местностей, кроме, впрочем, Гиркании, Александреума и Махерона, где она держала свои драгоценности. Немного спустя она отправила сына своего, Аристовула, в поход против Дамаска, против Птолемея Меннея, который являлся тяжелым для города соседом...

4. Однако Аристовулу пришлось вернуться, не совершив ничего достопримечательного. Около того же самого времени пришло известие, что армянский царь Тигран ворвался с трехсоттысячным войском в Сирию и собирается прибыть в Иудею. Это, вполне естественно, испугало царицу и народ, и потому, пока царь осаждал Птолемаиду, к нему было отправлено посольство со многими ценными дарами. В то время Сирией правила царица Селена, иначе называвшаяся Клеопатрой. Она-то и уговорила жителей Птолемаиды закрыть перед Тиграном городские ворота. И вот посланные явились к Тиграну и стали просить его пощадить царицу и их народ, он же благосклонно принял их, ибо они явились столь издалека для выражения своей покорности, и обещал им свою милость.

Впрочем, Тигран только что успел взять Птолемаиду, как ему было донесено, что Лукулл, находясь в погоне за Митридатом, упустил его, потому что Митридат спасся бегством в Иверию и теперь грабит Армению и старается овладеть ею. При этом известии Тигран немедленно поспешил к себе домой.

5. Вскоре после этого царица (Александра) впала в тяжкую болезнь, и тогда Аристовул решил овладеть правлением. Поэтому он однажды ночью, в сопровождении одного только слуги, отправился к тем крепостям, где находились преданные ему отцовские друзья его. Если он уже раньше был крайне недоволен мероприятиями своей матери, то теперь он очень опасался, как бы с ее смертью вся семья не подпала окончательно под влияние фарисеев. Он отлично сознавал полную невозможность передачи правления брату. Об этом предприятии Аристовула знала одна лишь жена его, которую он с детьми оставил тут, в городе.

Сначала он прибыл в Агаву, где жил один из самых влиятельных приверженцев его, Галест, и тут нашел приют.

Когда под утро царице было донесено об исчезновении Аристовула, она пока вовсе не думала приводить этот факт в связь со стремлением сына совершить государственный переворот. Когда же затем постепенно стали прибывать друг за другом новые лица с извещением, что Аристовул овладел первым укреплением, затем вторым и всеми остальными (дело в том, что покончив с первой крепостью, он тем самым немедленно овладел и всеми прочими), тогда и царицу, и весь народ обуяло величайшее беспокойство. Все боялись, что весьма скоро Аристовул будет в состоянии захватить всю власть, и особенно опасались мести с его стороны за оскорбления, нанесенные его дому. Предварительно было решено заключить жену и семью Аристовула в крепость около святилища.

Между тем около Аристовула собралась такая значительная толпа приверженцев, что он уже стал походить на настоящего царя. Менее чем в пятнадцать дней он овладел двадцатью двумя городами, что дало ему возможность набрать войско на Ливане, в Трахоне и от соседних правителей. Так как люди вообще охотно примыкают к более могущественному, то и в этом случае легко подчинялись Аристовулу; кроме того, поддержав его теперь, при не вполне выяснившемся положении дела, рас-

считывали извлечь впоследствии пользу, когда он станет царем, потому что царство будет им добыто при помощи их.

Тогда старейшины иудейские и Гиркан явились к царице и просили ее высказать свое мнение относительно положения дел в настоящий момент. Аристовул, овладев таким множеством пунктов, фактически почти уже безгранично владеет всем, и хотя царица теперь так тяжко больна, они все-таки считают неуместным решать что бы то ни было помимо нее, пока она еще жива; между тем опасность, угрожающая им, уже не за горами.

На это царица предоставила им решить и поступить по их усмотрению, указав на то, что в их распоряжении имеется еще целый ряд значительных средств, а именно: сильный народ, войско и богатая казна. Она же сама мало интересуется делами, так как тело ее уже сокрушено.

6. Вскоре после этого царица умерла, процарствовав девять лет и проживя семьдесят три года. Это была женщина, ничем не уступавшая, несмотря на свой пол, мужчине по силе характера. Преисполненная ненасытным властолюбием, она в серьезнейших положениях жизни явила на практике доказательства того, как тверда была ее воля и как неразумны мужчины, терпящие крушение в государственных делах. Так как она всегда придавала большее значение настоящему, чем будущему, и на первом плане ставила неограниченную власть свою, она не заботилась ни о прекрасном, ни о справедливом. Таким образом, она своими отнюдь не приличествовавшими именно женщине вкусами довела свой дом до того, что он вскоре утратил могущество, добытое столькими трудностями и опасностями, потому что она добровольно подчинилась влиянию тех, кто был неприязненно настроен против ее семьи, и лишила правительство искренне заботливых и преданных друзей. Таким образом, она наполнила дом свой бедствиями и смятением и своими поступками навлекла несчастье на всю свою династию даже после своей смерти. И все-таки, несмотря на такое правление, она сохранила для народа своего мир. Так окончилась деятельность царицы Александры. Теперь же, в следующей своей книге, я собираюсь рассказать о судьбе, постигшей после ее смерти сыновей ее, Аристовула и Гиркана.

Книга четырнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как после смерти Александры младший из ее сыновей, Аристовул, вел войну из-за первенства со своим братом Гирканом, победил его и преследовал до иерусалимской крепости; о том, как они затем пришли к соглашению, в силу которого Аристовул получал царскую власть, а Гиркан становился частным человеком.

2. Об Антипатре и его семье и о том, как он со своими сыновьями, занимая первоначально скромное положение, достиг влияния, славы и великого могущества; о том, как по его совету Гиркан бежал из Иерусалима к арабскому царю Арету и путем обещания значительных земельных участков и крупных денежных сумм убедил вновь поставить его на царство.

3. О том, как Арет дружелюбно принял Гиркана, пошел войной на Аристовула, разбил его и оттеснил к Иерусалиму, а затем обложил этот город войском и осадил его.

4. О том, как Гиркан и Аристовул отправили посольства с просьбой о помощи к Скавру, когда последний был послан Помпеем Великим в Армению.

5. О том, как Скавр, подкупленный ценой четырехсот талантов, стал на сторону Аристовула.

6. О том, как Аристовул и Гиркан обратились со своим спором относительно царства к явившемуся из Армении в Дамаск Помпею, и о том, как последний решил все дело указанием, что исследует его по прибытии в их страну.

7. О том, как Аристовул, заметив отношение к нему Помпея, вернулся в Иудею и удалился в весьма укрепленный и трудноодолимый город Александреум, потому что Помпей, гневаясь на него, выступил против него походом.

8. О том, как Помпей, при известии об этом, обратился к военной хитрости и уговорил Аристовула покинуть крепость и явиться к нему, так как он, Помпей, желал бы утвердить его в царском достоинстве. О том, как Помпей, после того как Аристовул послушался его и несколько раз сносился по этому делу со своим братом, побудил его отправить начальникам крепостей собственноручное письмо с приказанием передать эти крепости Помпею.

9. О том, как Аристовул, испугавшись, так и поступил, а затем бежал, будучи недоволен тем, что Помпей ничего не сделал, на что Аристовул рассчитывал; о том, как он затем хотел запереться в Иерусалиме.

10. О том, как Аристовул, ввиду преследования со стороны Помпея и

его войска, изменил свое решение и вышел навстречу римскому полководцу до Иерихона, как он просил простить ему прежние ошибки и обещал передать ему город со всеми городскими суммами; о том, как жители Иерусалима, видя, что Габиний, посланный с отборным отрядом Помпеем для занятия города и приема денег, обращается с Аристовулом как с пленником, заперли ворота перед римлянами.

11. О том, как разгневанный всем этим Помпей велел заковать Аристовула в оковы, со всей своей ратью обложил Иерусалим осадой и как при этом приверженцы Гиркана впустили его в верхний город, а приверженцы Аристовула искали спасения в храме.

12. О том, как Помпей на третий месяц осады занял храм и нижний город, равно как об его сдержанности и благочестии.

13. Как Помпей не тронул ничего в храме, несмотря на массу собранных там денег.

14. О том, как он, совершив все это, подчинил Иудею римлянам, назначил Гиркана этнархом, перевел пленного Аристовула с его детьми в Рим и поставил наместником над Сирией Скавра.

15. О походе Скавра на главный арабский город Петру и об ее осаде; причем, однако, у его войска оказался недостаток в съестных припасах; как при этом Антипатр уговорил арабского царя уплатить Скавру триста талантов и за это вступить в союз с ним.

16. О том, как сын Аристовула, Александр, убежал от Помпея, прибыл в Иудею, собрал тут большое войско и выступил в поход против Гиркана и Антипатра.

17. Как разбитый Габинием в бою Александр был оттеснен в крепость Александреум и тут подвергся осаде.

18. О том, как Габиний отпустил Александра, которого мать уговорила подчиниться и сдать крепость римлянам; о том, как Габиний сделал сенату письменное предложение освободить братьев Александра, которые находились в плену вместе со своим отцом Аристовулом, и отправить их к матери, оказывающейся вследствие своей верной преданности римлянам достойной такой милости.

19. О том, как несколько позже Аристовул бежал из Рима в Иудею, но был схвачен Габинием и вновь отправлен в Рим.

20. О вторжении Красса в Иудею во время его похода против парфян и об учиненном им разграблении казны храма.

21. О бегстве Помпея в Эпир и о прибытии Сципиона в Сирию с приказом умертвить Александра.

22. О намерении Цезаря, освободившего Аристовула из плена, послать его с двумя когортами в Иудею и о том, как приверженцы Помпея освободились от Аристовула путем его отравления.

23. О походе Цезаря в Египет и о том, как Гиркан и Антипатр покорились ему и побудили иудеев перейти на его сторону.

24. О геройстве и доблести Антипатра, чем он снискал себе дружбу Цезаря; о том, как Цезарь, радуясь победе, осыпал Гиркана почестями и разрешил ему вновь отстроить срытые стены родного города; как Цезарь назначил Антипатра прокуратором Иудеи.

25. Письма Цезаря и сенатские постановления относительно дружественного союза с иудеями.

26. О том, как Антипатр передал управление своим детям, а именно — Ироду поручил заведование Галилеей, а Фасаилу — Иерусалимом, и о том, как Секстий Цезарь возвеличил Ирода в благодарность за подарки, полученные им от него в бытность наместником Сирии, и назначил его наместником Келесирии.

27. О том, как Кассий после убиения Цезаря двинулся на Иудею, разгромил страну и вынудил у иудеев восемьсот талантов дани; о том, как Ирод заслужил расположение Кассия доставлением этих денег.

28. О том, как Малих интриговал против Антипатра и отравил его, причем подкупленный им виночерпий Антипатра оказал деятельное содействие.

29. О том, как Ирод разбил в сражении сына Аристовула, Антигона, который выступил против него со вспомогательными войсками сирийского владетеля Мариона, и изгнал его из Иудеи.

31. О том, как Ирод, после победы Августа и Антония над Кассием в Македонии, богатыми дарами склонил в свою пользу Антония при его прибытии в Вифинию и как вследствие этого Антоний не принимал никаких жалоб на Ирода.

32. О том, как Антоний при вторичном прибытии своем в Сирию не только вновь не принял вторичного обвинения Ирода и Фасаила, но назначил обоих этнархами и распорядился казнить десятерых обвинителей.

33. О походе парфян на Сирию, причем они вновь провозгласили царем сына Аристовула, Антигона.

34. Как парфяне взяли в плен Гиркана и брата Ирода, Фасаила.

35. О том, как Ирод бежал из Иерусалима, затем отправился в Рим и там, благодаря настойчивым просьбам Антония и обещанию крупных денежных сумм, был сенатом и Октавианом объявлен царем иудейским.

36. Морская поездка Ирода из Рима в Иудею; его война с Антигоном, в продолжение которой ему была оказана поддержка со стороны римских войск и их военачальника Силона.

37. О том, как при осаде Силоном Иерусалима Антигон был побежден Соссием и Иродом.

Содержание книги обнимает период в тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. О деяниях царицы Александры и о ее смерти мы рассказали в предшествующей нашей книге. Теперь нам следует непосредственно перейти к ближайшим к этому событиям, причем придется обратить все внимание на то, чтобы не упустить ничего, ни одной подробности, ни по неведению, ни по забывчивости. Ведь читателям необходимо иметь историческое повествование о таких фактах, которые по своей древности большинству совершенно неизвестны, мы же должны по силе возможности украсить этот рассказ чистотой стиля, поскольку это в смысле гармоничности сочетаний от-

дельных слов зависит от нас, дабы читатели получали сведения в красивой форме и с удовольствием усваивали их; но на первом плане для историков все-таки должна стоять историческая точность и правда, потому что читатели путем чтения их сочинений желают пополнить пробелы своего знания.

2. Когда на третий год сто семьдесят седьмой олимпиады[1], в консульство Квинта Гортензия и Квинта Метелла, носившего прозвище Критского, Гиркан стал первосвященником, Аристовул немедленно объявил ему войну, и вот во время битвы, происшедшей при Иерихоне, многие из солдат (Гиркана) перешли на сторону его брата. Вследствие этого Гиркан бежал в крепость, где в то время были заключены, по распоряжению его матери, как было нами изложено выше[2], жена и дети Аристовула. Последний, однако, между тем успел напасть и захватить своих (главных) противников, искавших спасения в портике святилища. Затем Гиркан вступил в переговоры со своим братом по поводу всего случившегося, и спор их разрешился соглашением в том смысле, что править станет Аристовул, а самому ему жить вне дел, спокойно пользуясь своими личными средствами. Когда они порешили это в храме, то закрепили свой уговор клятвой и рукобитием, а затем на виду у всего народа обняли друг друга и расстались, причем Аристовул направился во дворец, а ставший теперь частным человеком Гиркан в (прежнее) жилище Аристовула.

3. У Гиркана был друг Антипатр, идумеянин родом, который при значительном богатстве обладал весьма энергичным и беспокойным характером; вследствие своего расположения к Гиркану он находился в неприязненных и натянутых отношениях с Аристовулом. Николай из Дамаска сообщает, что он происходил от первых вернувшихся из Вавилона в Иудею евреев; но это он говорит лишь в угоду сыну его Ироду, который по некой случайности стал царем иудейским. Об этом (Ироде) мы в свое время побеседуем.

Итак, этот Антипатр первоначально, как и отец его, носил имя Антипа. Отца его царь Александр и жена его назначили начальником над всей Идумеей, а он, как говорят, заключил дружбу с симпатизировавшими ему арабами и жителями Газы и Аскалона, причем склонил их на свою сторону многими богатыми дарами.

И вот Антипатр-младший взглянул косо на захват власти

Аристовулом и, боясь, как бы ему самому не пострадать вследствие ненависти к нему Аристовула, тайно собрал к себе наиболее влиятельных и знатных из иудеев на совещание, причем выставил им на вид, что совершенно невозможно спокойно взирать на то, что Аристовул беззаконно захватил власть, лишив ее своего старшего и вследствие этого старшинства гораздо более правоспособного брата. Точно такие же речи он постоянно твердил и Гиркану и указывал ему при этом на то, что он подвергает свою жизнь опасности, если не оградит себя бегством. Дело в том, говорил он, что друзья Аристовула не пропускают ни одного случая, чтобы не советовать ему умертвить брата, так как только в таком случае он сможет прочно укрепить за собой власть. Однако Гиркан не придавал веры этим речам, потому что он по природе был честным человеком и по своей порядочности нелегко склонялся на сторону клеветы. Кроме того, его бездеятельность и умственная вялость вызывала во всех представление о нем как о человеке слабом и немужественном, тогда как Аристовул был как раз обратного нрава, человеком предприимчивым и смышленым.

4. И вот когда Антипатр увидел, что Гиркан не склоняется на его речи, он не пропускал ни единого дня без того, чтобы не наговорить ему на брата и не убеждать его в том, что Аристовул собирается его умертвить. Лишь после настойчивых просьб ему удалось склонить его к бегству к арабскому царю Арету. При этом он обещал ему помощь последнего, если он согласится внять его просьбам. Ввиду этого (Гиркан) действительно признал бегство к Арету весьма полезным, тем более что Аравия граничит с Иудеей. Впрочем, сперва Гиркан послал к арабскому царю Антипатра, которому поручил взять с царя клятвенное уверение, что тот его не выдаст врагам, если он явится к нему с просьбой об убежище. Получив от арабского царя нужное обещание, Антипатр вернулся к Гиркану в Иерусалим и немного спустя вместе с ним покинул город ночью и после продолжительного путешествия прибыл с ним в так называемую Петру, резиденцию Арета. Будучи очень дружен с царем, Антипатр стал его уговаривать вернуть Гиркану Иудею; делая это беспрестанно, ежедневно и подкрепляя слова свои подарками, он наконец склонил Арета. Впрочем, и Гиркан обещал последнему, в случае, если

удастся вернуться в страну и вновь овладеть престолом, отдать ему область с двенадцатью городами, которую отец его Александр отнял у арабов. Города эти были следующие: Мидава, Навалло, Ливиада, Фараваса, Агалла, Афона, Зоара, Орон, Марисса, Ридда, Луса и Орива.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Побуждаемый такими (заманчивыми) обещаниями, Арет во главе пятидесятитысячного войска, отчасти конного, отчасти пешего, выступил в поход против Аристовула и победил его в бою. Так как после этой победы многие воины передались на сторону Гиркана, Аристовул увидел себя покинутым и бежал в Иерусалим. Тогда царь арабский двинулся во главе всего войска за ним к святилищу и приступил к осаде Аристовула. При этом народ со своей стороны стал поддерживать Гиркана и помогать ему в осаде (врага), тогда как на стороне Аристовула оставались одни только священнослужители. Между тем Арет распорядился, чтобы арабы и иудеи расположились лагерем рядом, и затем со всем усердием принялся за осаду. Так как все эти события произошли как раз в праздник опресноков, носящий у нас название Пасхи, то наиболее знатные из иудеев покинули теперь страну и бежали в Египет.

Тем временем некий праведный и боголюбивый муж по имени Ония, который некогда во время засухи обратился к Предвечному с молитвой о даровании дождя и молитве которого Бог немедленно внял, скрывался, видя, что эта жестокая распря еще не скоро прекратится.

Когда же его привели в лагерь иудеев, то стали упрашивать, чтобы он, как некогда молитвой своей прекратил бездождие, и теперь проклял Аристовула и его приверженцев. Несмотря на все возражения и просьбы, Ония был принужден толпой стать посредине ее; затем он сказал: «О Предвечный, царь всего существующего! Так как окружающие теперь меня — народ твой, а осаждаемые — твои служители, то я молю Тебя не внимать ни просьбам первых, ни же приводить в исполнение относительно вторых их просьбы».

За эту его молитву ближайшие из стоявших около него гнусных иудеев убили его.

2. Однако Предвечный немедленно наказал их за эту гнусность и следующим образом воздал им за убиение Онии: пока священнослужители и Аристовул подвергались осаде, наступил праздник Пасхи, в который, по нашему обычаю, приносятся Предвечному обильные жертвы. Тогда товарищи Аристовула, нуждаясь в материале для жертвоприношений, обратились к единоверцам с просьбой снабдить их таковыми за какие угодно деньги. Несмотря на то, что единоверцы назначили за каждую голову (жертвенного животного) по 1000 драхм[3], Аристовул и священнослужители охотно согласились заплатить эту цену и выплатили деньги, спустив их на ремнях со стен. Однако осаждающие, взяв деньги, и не думали отдать за них жертвенных животных и даже дошли при этом до такой гнусности, что нарушили данное слово и глумились над Предвечным, не выдав просителям нужного для жертвоприношения. Увидев себя таким образом обманутыми, священнослужители стали молить Бога воздать единоверцам по заслугам. Предвечный же не откладывал возмездия, но наслал на страну сильный ураган, который уничтожил все плоды страны, так что модий[4] зерна стоил тогда одиннадцать драхм.

3. В это время бывший пока еще в Армении Помпей, все еще воевавший с Тиграном, послал в Сирию Скавра[5]. Когда последний прибыл в Дамаск, то нашел там Лоллия и Метелла, которые только что взяли этот город, и потому сам поспешил в Иудею. По прибытии его туда к нему явились посланные как от Аристовула, так и от Гиркана с просьбой оказать поддержку. За это Аристовул обещал заплатить ему четыреста талантов, и такую же сумму обещал ему Гиркан. Но Скавр склонился на сторону Аристовула, потому что этот был и богаче, и великодушнее, и менее требователен, тогда как Гиркан был беден и скуп и требовал за свое неопределенное обещание гораздо большего. Большая была разница, насильно ли взять в высшей степени укрепленный и сильный город или же прогнать беглецов с толпой наватейцев, даже не вполне приготовленных к ведению войны.

В силу этих соображений он склонился на сторону Аристовула, получил с него деньги и освободил его от осады, причем повелел Арету удалиться, иначе он будет объявлен врагом римлян. После этого Скавр вернулся назад в Дамаск,

Аристовул же во главе большого войска двинулся на Арета и Гиркана, сразился с ними при Папироне и разбил их. При этом он перебил до шести тысяч врагов, в числе которых пал и брат Антипатра, Фаллион.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Через некоторое время Помпей прибыл в Дамаск и посетил Келесирию. Тогда к нему явились посланные от всей Сирии, от Египта и от Иудеи. Аристовул при этом послал ему крупный подарок, а именно — золотой виноградник ценой в пятьсот талантов. Об этом подарке упоминает также каппадокиец Страбон, выражаясь следующим образом: «Из Египта также явилось посольство с венцом стоимостью в четыре тысячи золотых монет, и от иудеев с целым виноградником или садом; это произведение было названо художниками "Усладою"».

Это подношение и мы видели в Риме выставленным в святилище капитолийского Юпитера, с надписью: «Принадлежит Александру, царю иудейскому». Оценено оно было в пятьсот талантов, и, по преданию, именно оно и было послано Аристовулом, правителем иудейским.

2. Немного спустя к Помпею вновь явились посланные, а именно от лица Гиркана Антипатр, а от лица Аристовула Никодим. Последний стал обвинять во взяточничестве сперва Габиния, а потом Скавра, указывая, что один из них взял триста, а другой четыреста талантов. Этим он увеличил лишь в лице их число врагов Аристовула.

Приказав спорящим сторонам явиться в другое время, Помпей с наступлением весны вывел войска свои из зимних стоянок и двинулся в область Дамаска. По дороге он разрушил крепость Апамею, которую укрепил кизикиец Антиох, и разгромил владения Птолемея Меннея, гнусного человека, который был нисколько не лучше своего родственника, обезглавленного Дионисия из Триполиса, сам же за свои злодеяния он избег кары ценой в десять тысяч талантов, которыми Помпей и выплатил жалованье своим солдатам. После этого Помпей овладел Лисиадой, где властвовал иудей Силас. Затем он прошел через города Гелиополь и Халкиду и, перейдя через хребет, прорезающий Келесирию,

вернулся через Пеллу в Дамаск. Тут он занялся также разбором дел иудеев и их споривших между собой вождей, Гиркана и Аристовула, тем более что и народ был восстановлен против обоих, не желая подчиняться ни тому, ни другому и мотивируя это тем, что у них существует обычай, в силу которого народ обязан подчиняться лишь священнослужителям почитаемого Бога. Между тем, хотя Гиркан и Аристовул и потомки священников, они старались ввести другую форму правления, чтобы поработить себе народ. Гиркан обвинял брата в том, что хотя он, Гиркан, и старше его, был, однако, лишен Аристовулом права первородства и владеет небольшой частью страны, тогда как всю остальную насильно захватил Аристовул. Именно Аристовул, по его обвинению, совершает постоянные набеги на пограничных соседей, равно как занимается морским разбоем; народ никогда бы не думал восстать против него, если бы Аристовул не был таким своевольным и беспокойным человеком. Это обвинение поддерживалось более чем тысячью наиболее знатных иудеев, которых привел Антипатр. Аристовул на это возражал, что виной потери власти брата является характер последнего, его бездеятельность и вследствие этого отсутствие у него авторитетности. Сам он по необходимости принужден был взять власть в свои руки из опасения, как бы ее не утратить вовсе, а теперь правит совершенно так же и на том же основании, как некогда его отец Александр. Для подтверждения своих слов он сослался на молодых франтов, которых пурпуровые одежды, головные прически, запястья и прочие украшения вызывали насмешки, так как эти щеголи явились сюда как будто не на суд, а на какой-то парад.

3. Выслушав их, Помпей признал факт насилия, совершенного Аристовулом, и затем с ласковыми увещаниями отправил их домой, обещая явиться в их страну и там привести все в порядок, лишь только покончить все с наватейцами. Пока же он просил их держаться спокойно. Вместе с этим он отличил Аристовула, чтобы удержать его от организации восстания в стране и от занятия проходов. Впрочем, Аристовул действительно так и сделал: он не стал ожидать всего того, что ему обещал Помпей, но отправился в город Дий, а оттуда в Иудею.

4. На это Помпей разгневался и, собрав войско, предназначенное для похода против наватеян, равно как вспомогательные отряды из Дамаска и прочей Сирии, во главе всех римских войск двинулся на Аристовула. Миновав Пеллу и Скифополь, он прибыл в Корею, самому северному городу Иудеи, и отсюда отправил в прекрасную, воздвигнутую на вершине горы крепость Александрию, куда бежал Аристовул, (гонца) с предложением явиться к Помпею. Аристовул, побуждаемый многими не воевать с римлянами, покинул крепость и, уговорившись с братом относительно дальнейшего правления, вернулся затем, с разрешения Помпея, назад в крепость. Так поступал он и во второй и в третий раз, постоянно льстя себя надеждой овладеть еще царством и притворяясь покорным исполнителем всех решительно приказаний Помпея, но вместе с тем каждый раз возвращаясь назад в свою крепость, чтобы не лишать себя опоры и иметь возможность готовиться (там) на случай войны, постоянно опасаясь, как бы власть не перешла все-таки к Гиркану. Когда же (в конце концов) Помпей приказал ему сдать крепость и лично поручить это своим военачальникам (иначе нельзя было сделать это), то Аристовул хотя и повиновался, но сделал это со злобой в сердце, вернулся затем в Иерусалим и стал готовиться (там) к войне. Немного спустя, когда Помпей был уже в пути, собираясь воевать с ним, к Помпею прибыли посланные из Понта с известием о смерти Митридата, павшего от руки собственного своего сына Фарнака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Расположившись станом около Иерихона, где растут финиковые пальмы и добывается лучший бальзам, вытекающий, если надрезать острым камнем плоды кустарников, откуда и появляется пахучий сок[6], Помпей затем на заре двинулся к Иерусалиму.

Тогда Аристовул переменил свое решение, явился к Помпею, обещал ему (значительную) сумму денег и впустил в Иерусалим. При этом он просил его прекратить войну и мирно решить дело, как ему будет угодно. Помпей внял его просьбам и простил его, а затем послал Габиния с военным отрядом в город за деньгами. Впрочем, ни одно из этих обе-

щаний не было приведено в исполнение: Габинию пришлось вернуться без денег и не быть впущенному в город, потому что воины Аристовула не допустили сделать так, как было уговорено. На это Помпей страшно рассердился; он отдал Аристовула под стражу и сам двинулся к городу, который со всех сторон был очень укреплен и лишь с севера представлял менее надежный оплот; дело в том, что город был окружен широким и глубоким ущельем, шедшим вокруг весьма сильно укрепленного каменной стеной храма.

2. Внутри города тем временем происходил спор партий, не соглашавшихся между собой относительно дальнейшего образа действий: одним казалось лучше всего отдать город Помпею, другие же, именно приверженцы Аристовула, советовали запереться в городе и воевать, так как Аристовула держат под стражей. Затем последние предупредили первых, заняли храм и уничтожили мост, который ведет от него к городу; они решились вполне выдержать осаду. Прочие жители впустили (римское) войско и передали Помпею город и царский дворец.

Тогда Помпей послал своего военачальника Пизона с войском для занятия города и дворца и для того, чтобы укреплять дома вблизи и около храма. Сперва он еще предложил заключившимся в храме мирные переговоры, когда же те не приняли его предложения, он окружил стеной все окрестности храма, причем Гиркан охотно помогал ему во всем. Помпей между тем на заре расположился лагерем вблизи северной части святилища, там, где его легче всего можно было взять. Впрочем, и здесь воздымались огромные башни и был проведен ров по ту сторону глубокого ущелья. Сторона, направленная к городу, представляла из себя крутой обрыв, после того как был разрушен мост, около которого расположился Помпей, поэтому насыпаемый римлянами вал весьма медленно продвигался вперед, причем римлянам приходилось вырубать окрестные леса. После того как вал достиг достаточной вышины и глубокий ров был более или менее засыпан, Помпей придвинул привезенные из Тира осадные орудия и снаряды и, поместив их (на валу), стал осыпать святилище градом камней. Если бы закон наш не повелевал нам не работать по субботним дням, то вал не достиг бы своей вышины, потому что этому воспрепятствовали бы осажденные; дело в том, что закон разрешает отражать наступление

и нападение, но не позволяет препятствовать какому-либо другому предприятию неприятелей.

3. Когда римляне заметили это, то они по субботам перестали обстреливать иудеев или вступать с ними в бой, но занимались насыпанием валов и сооружением башен, либо придвигали осадные орудия, чтобы на следующий день иметь их под рукой в полной исправности. В сколь высокой мере у нас развито богопочитание и соблюдение законов, видно из того, что священнослужителей не удерживал от отправления своих обязанностей страх перед осадой, но что они ежедневно, дважды, рано утром и около девятого часа, приносили свои жертвы на алтаре и не прекращали этих своих жертвоприношений даже в тех случаях, когда в деле защиты храма от нападений иудеи терпели какую-нибудь неудачу. Так, например, когда город был взят в день поста третьего месяца в сто семьдесят девятую олимпиаду, в консульство Гая Антония и Марка Туллия Цицерона, в то время как враги ворвались в храм и стали избивать всех там находившихся, священнослужители тем не менее не прерывали своего священнодействия и их не могли принудить к бегству ни страх за свою жизнь, ни множество убитых уже товарищей, потому что они были убеждены, что лучше подвергнуться своей участи, оставаясь у жертвенников, чем в чем бы то ни было нарушить предписания законов. А что это не только пустые речи в похвалу ложного благочестия, но истинная правда, это свидетельствуют все историки, повествующие о деяниях Помпея, в том числе и Страбон, и Николай, и вдобавок Ливий, написавший римскую историю.

4. Когда вследствие ударов подведенного тарана рушилась величайшая башня и образовалась некоторая брешь, враги толпой влились (за стену). Первым вступил на стену сын Суллы, Корнелий Фауст, со своими воинами, за ним в другом месте центурион Фурий со своими людьми, а между обоими другой центурион, Фабий, со значительным отрядом. Тогда все преисполнилось убийства. Некоторые из иудеев были перерезаны римлянами, другие своими же земляками; были и такие, которые кидались в бездну или сгорали живьем, поджигая свои собственные дома, лишь бы не дожидаться угрожающей им гибели. Таким образом, погибло до двенадцати тысяч иудеев; римлян же пало очень немного.

Также и Апсалом, дядя и тесть Аристовула, попал при

этом случае в плен. Сильное поругание постигло тогда и святилище, которое до этого было закрыто и невидимо[7]. Дело в том, что туда проникли Помпей и немалое число его товарищей, и узрели то, что не было разрешено видеть никому, кроме первосвященников. Несмотря на то, что он нашел здесь золотую трапезу со светильником, жертвенные чаши и множество курений да, кроме того, в казне еще около двух тысяч талантов священных денег, он, в силу своего благочестия, ничего этого не тронул, но поступил так, как того и следовало ожидать от его добродетели.

Повелев на следующий день храмовым прислужникам очистить храм и принести Предвечному установленные жертвы, он передал первосвященство Гиркану за множество оказанных им услуг и, между прочим, за ту услугу, которую он оказал ему, удержав живших в той местности иудеев от союза с Аристовулом; затем он распорядился отрубить головы виновникам войны и наградил Фауста и остальных его товарищей, которые храбро взобрались (первыми) на стену, соответственными знаками отличия.

Иерусалим он заставил платить дань римлянам, те же города Келесирии, которые прежде находились в зависимости от жителей Иерусалима, он занял сам и подчинил их своему собственному полководцу, народ же весь (иудейский), дошедший прежде до высокой степени могущества и распространения, он втиснул обратно в пределы его страны. Незадолго перед тем разрушенный город Гадару он велел вновь отстроить в угоду своему вольноотпущеннику Димитрию Гадарскому; остальные же города, Иппос, Скифополь, Пеллу, Дий, Самарию, Мариссу, Азот, Ямнию и Арефус, вернул прежним обитателям. Все эти расположенные внутри страны города, исключая тех, которые были окончательно разрушены, равно как приморские — Газу, Яффу, Дору и Стратонову башню, которая, великолепно отстроенная Иродом и украшенная гаванями и храмами, была теперь переименована в Цесарею, — все эти города Помпей объявил независимыми и включил их в состав (римской) провинции.

5. Виновниками этого бедствия, постигшего Иерусалим, являлись Гиркан и Аристовул, ссорившиеся между собой. Теперь мы утратили свою свободу и стали подвластны римлянам, теперь нам пришлось поневоле вернуть сирийцам стра-

ну, которую мы отняли у них силой нашего оружия; кроме того, римляне в короткое время получили с нас более десяти тысяч талантов, а царская власть, которая прежде предоставлялась в виде почета родовитым первосвященникам, теперь стала уделом мужей из простонародья. Впрочем, об этом нам еще придется говорить в своем месте. Между тем Помпей, передав Скавру Келесирию до реки Евфрат и Египта и оставив ему два римских легиона, направился в Киликию, чтобы скорее вернуться в Рим. Вместе с ним ехал в оковах также и Аристовул с его семейством; у Аристовула было две дочери и столько же сыновей; из последних один, Александр, по дороге бежал, младший же, Антигон, вместе со своими сестрами был доставлен в Рим[8].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем Скавр предпринял поход на аравийскую Петру и, так как ее было трудно взять и он кругом нее опустошил всю страну, войску его пришлось страдать от голода. Тогда, по распоряжению Гиркана, Антипатр доставил ему из Иудеи хлеба и всего, в чем Скавр нуждался. Когда же Скавр послал Антипатра к Арету, с которым он находился в дружественных отношениях, в качестве посла, то Антипатр убедил его заплатить Скавру известную сумму денег за прекращение опустошения страны и сам явился поручителем в сумме трехсот талантов. На этих условиях Скавр прекратил войну, впрочем, не столько по желанию Арета, сколько потому, что и сам давно хотел этого.

2. Когда впоследствии сын Аристовула, Александр, объезжал Иудею, то в Сирию прибыл претором римским Габиний. В числе прочих предприятий последнего можно отметить также то, что он пошел войной на Александра. Гиркан пока еще не был в состоянии совладать с силой римлянина, хотя и пытался уже вновь восстановить иерусалимскую стену, разрушенную Помпеем. Однако в этом ему воспрепятствовали находившиеся в городе римляне. Между тем Александр объезжал всю страну и вооружал множество иудеев; в короткое время ему удалось собрать десять тысяч пехотинцев и к ним пятьсот всадников и укрепить Александреум, крепость около Кореи, равно как Махерон в горах арабских.

Тогда на него двинулся Габиний, успев послать вперед Марка Антония с остальными военачальниками. Последние вооружили своих римлян, равно как подвластных им иудеев с Пифолаем и Малихом во главе и, захватив также добровольцев Антипатра, выступили навстречу Александру. За ним следовал сам Габиний во главе регулярного войска. Александр отступил тогда в местность вблизи Иерусалима, и когда враги здесь сошлись и дело дошло до битвы, римляне перебили около трех тысяч врагов и не меньше того взяли в плен.

3. В это время Габиний подошел к Александреуму и предложил находившимся в нем воинам сдаться, обещая простить им все их прежние провинности. Между тем перед крепостью расположилось станом множество врагов. На них напали римляне, и при этом случае Марк Антоний отличился как храбрый воин, перебивший множество неприятелей. Между тем Габиний оставил тут часть своего войска, чтобы овладеть этим местом хотя бы путем осады, а сам двинулся в другую часть Иудеи, где распорядился вновь отстроить города, которые находил разрушенными. Таким образом, вновь возникли Самария, Азот, Скифополь, Анфедон, Рафия, Дора, Марисса, Газа и множество других. Так как люди охотно повиновались распоряжениям Габиния, тогда можно было опять спокойно жить в тех городах, которые столь долгое время оставались пустыми.

4. Совершив все это в пределах страны, Габиний вернулся к Александреуму. Во время осады Александр отправил к нему посольство с просьбой простить ему его провинности и получить взамен того крепости Гирканию и Махерон, а затем и Александреум. Эти укрепления Габиний срыл до основания; когда же к нему прибыла мать Александра, державшая сторону римлян, потому что ее муж и остальные дети находились тогда в Риме, Габиний исполнил все ее просьбы. Удовлетворив ее, он ввел Гиркана в Иерусалим и поручил ему на будущее время заботу о святилище. После этого Габиний учредил пять синедрионов[9] и разделил весь народ на пять округов, так что одна часть иудеев имела свое управление в Иерусалиме, другая в Гадаре, третья в Амафунте, четвертая в Иерихоне, а пятая в галилейском Сепфорисе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Таким образом, иудеи, утратив монархическое устройство, подчинились аристократическому образу правления. Тем временем Аристовул бежал из Рима в Иудею и собрался вновь восстановить Александреум, только что окончательно разрушенный. Тогда Габиний выслал против Аристовула воинов под начальством Сисенны, Антония и Сервилия, чтобы они воспрепятствовали ему овладеть местностью и захватили его. Тогда многие иудеи перешли на сторону Аристовула за его прежнюю доблесть, а также потому, что они всегда радовались каким-нибудь новшествам. Так, например, передался ему с тысячью воинов некий Пифолай, бывший помощником военачальника в Иерусалиме. Между тем многие из перешедших к Аристовулу были безоружны. Аристовул отпустил всех их в Махерон, так как они ему только мешали, не будучи годны для дела, и двинулся вперед во главе восьми тысяч вооруженных. Когда же на них с силой ударили римляне, иудеи были побеждены, несмотря на всю свою отчаянную храбрость, и под натиском врагов обратились в бегство. При этом их было перебито до пяти тысяч человек, остальные же разбежались и старались спастись кто как мог. Впрочем, более чем с тысячью (товарищей) Аристовул бежал в Махерон и стал там укрепляться, предаваясь розовым надеждам, невзирая на понесенный урон. В течение двух дней ему удавалось выдерживать осаду, но затем, покрытый ранами, он попал вместе со своим сыном Антигоном, бежавшим с ним из Рима, в плен к Габинию. После этого несчастья Аристовул вновь был отослан в Рим и там содержался в темнице, процарствовав и быв первосвященником три года и шесть месяцев. Это был блестящий и великодушный человек. Детей его сенат, впрочем, отпустил на волю, потому что Габиний написал, что обещал это их матери в награду за передачу (римлянам) крепостей.

2. Затем дети Аристовула вернулись назад в Иудею. Габиний тем временем решил предпринять поход на парфян. Когда же он уже перешел через Евфрат, ему заблагорассудилось двинуться в Египет и восстановить Птолемея на троне. Впрочем, об этом рассказано в другом месте[10].

Во время этого похода против Архелая Антипатр снабдил Габиния хлебом, оружием и деньгами, а также расположил в

его пользу и сделал его союзниками тех иудеев, которые жили выше Пелузиума и должны были охранять доступ в Египет. Когда же он вернулся из Египта, то нашел Сирию в полном возмущении и восстании. Дело в том, что сын Аристовула, Александр, которому вновь удалось насильно овладеть царством, возбудил многих иудеев, прошел во главе огромного войска по стране, убивал всех римлян, попадавшихся ему на пути и бежавших на гору Гаризим, и, наконец, приступил к осаде остальных (римлян).

3. Когда же Габиний нашел Сирию в таком положении, он, как умный человек, послал вперед к повстанцам Антипатра с тем, чтобы тот постарался отговорить их от безумного предприятия и вернуться на более разумный путь. Антипатру действительно удалось уговорить многих и вернуть их к своим обязанностям, но Александра он не был в состоянии убедить. Последний во главе тридцатитысячного иудейского войска выступил против Габиния, но потерпел в бою поражение, причем у него пало у горы Итавирийской[11] десять тысяч воинов.

4. Устроив затем дела в Иерусалиме таким образом, как то казалось желательным Антипатру, Габиний двинулся на наватейцев. Победив их в бою, он послал вперед (в Рим) парфянских беглецов Митридата и Орсана, которые явились было к нему под предлогом, что они убежали. Затем Габиний после великих и славных военных подвигов сам отправился в Рим, а провинцию передал Крассу. О походах Помпея и Габиния на иудеев писали также Николай Дамасский и каппадокиец Страбон, причем их сообщения совершенно совпадают между собой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Собираясь в поход против парфян, Красс явился в Иудею. Тут он похитил храмовые деньги, оставшиеся от Помпея (на сумму двух тысяч талантов), а также имел дерзость утащить из храма всю золотую утварь (на сумму восьми тысяч талантов). При этом он присвоил себе также штангу из червонного золота весом в триста мин, а наша мина весит два с половиной фунта. Эту жердь передал ему священнослужитель Елеазар, на обязанности которого лежала охрана сокровищ храма, и сделал он это не из гнусности (напротив, это был че-

ловек почтенный и праведный), но потому, что видел, как Красс собирается захватить все золото храма. Так как Елеазару было поручено охранять также завесы храма, которые были удивительной красоты и очень ценны, то он, опасаясь за все храмовые сокровища, решился отдать Крассу золотую жердь вместо всех остальных ценностей, причем взял с Красса клятвенное уверение, что тот не тронет ничего более, но удовлетворится этим подарком стоимостью во много десятков тысяч. Золотая штанга была вделана внутрь деревянной перекладины; об этом было известно одному только Елеазару, тогда как все прочие ничего о том не знали. Между тем Красс взял эту штангу, как будто бы действительно не имел в виду взять еще что-нибудь, но затем вопреки своей клятве похитил из храма решительно все золото.

2. Никого не должно удивлять, что в нашем храме была такая масса золота, потому что все в мире иудеи, равно как прочие почитатели Предвечного, в Азии и в Европе, с давних времен доставляли туда свои приношения. Впрочем, масса упомянутых нами сокровищ вовсе не преувеличена нами из тщеславия или из хвастовства; множество других историков подтверждают наши данные. Так, например, у каппадокийца Страбона сказано следующее: «Послав на (остров) Кос, Митридат велел взять ценности, спрятанные там царицей Клеопатрой, а также восемьсот талантов иудеев». У нас нет другой общественной казны, кроме священной; поэтому очевидно, что азиатские евреи из страха перед Митридатом перевезли свои богатства на остров Кос: иначе совершенно непонятно, почему иудеи, обладавшие укрепленным городом и храмом, стали бы посылать свои ценности на Кос. В равной мере вполне естественно, что этого не сделали александрийские иудеи, которым нечего было бояться Митридата.

В другом месте тот же самый Страбон сообщает, что в то время, как Сулла переправлялся в Элладу для войны с Митридатом, он послал в Кирену Лукулла для подавления восстания наших единоплеменников, говоря, что последними полон весь мир. Его слова следующие: «Четыре рода жителей было в городе Кирене: граждане, земледельцы, колонисты и иудеи. Последние проникли уже во все города, и нелегко найти какое-либо место на земле, где не нашлось бы это племя и которое не было бы занято им. Так, например, Египет и Ки-

рена, находящиеся под властью одних и тех же правителей, относятся ко всем остальным безразлично, но охотно принимают и содержат у себя толпы иудеев и процветают вместе с ними, следуя законам иудейским. В самом Египте иудеи пользуются правом жительства и гражданства, и в Александрии значительная часть города отведена этому племени. Над ними поставлен даже их собственный этнарх, который управляет народом, разбирает его тяжбы и скрепляет сделки и решения, совершенно на правах представителя самостоятельного народа. Итак, в Египте иудейское племя достигло такого могущества потому, что египтяне и иудеи одного происхождения, а также оттого, что вышедшие (из страны) иудеи поселились поблизости; а в Кирену это перешло потому, что ее границы находятся в соприкосновении с Египтом, подобно Иудее, которая вдобавок прежде была составной частью Египта». Таковы данные Страбона.

3. Устроив все по своему желанию, Красс пошел войной на Парфию. Тут он погиб со всем своим войском, как то рассказано в другом месте[12]. Кассий между тем бежал в Сирию и, овладев ею, стал охранять ее от набега парфян, ставших смелее после победы над Крассом. Затем он прибыл в Тир и пошел также на Иудею. Тут он напал на Тарихею, быстро взял ее и, захватив около тридцати тысяч человек в плен, велел казнить Пифолая, который сменил Аристовула в качестве главаря мятежников; к этой казни побудил его Антипатр, который пользовался огромным авторитетом у него, так же как и у идумеян, из среды которых он взял себе и жену знатного арабского рода, по имени Капрос. От нее Антипатр имел четырех сыновей: Фасаила, Ирода, который впоследствии стал царем, Иосифа и Ферору, а также дочь Саломию.

Этот Антипатр находился, впрочем, в дружеских отношениях также с другими правителями, особенно с арабским князем, которому он даже переслал детей своих во время войны с Аристовулом. Кассий, впрочем, вскоре двинулся к Евфрату, чтобы там встретить нападение врагов, как то повествуется и другими писателями.

4. Несколько позже Цезарь овладел Римом после бегства Помпея и сената за Ионийское море и, освободив Аристовула из заточения, решил послать его во главе двух легионов в Сирию, чтобы, в качестве влиятельного там лица, дать благо-

приятный оборот тамошним делам. Однако Аристовулу не пришлось порадоваться осуществлению надежд, которые возникли у него благодаря могуществу Цезаря: соумышленники Помпея поторопились отравить его, и приверженцам Цезаря пришлось похоронить его. Его труп был набальзамирован и долгое время сохранялся в меде, пока впоследствии Антоний не послал его в Иудею, распорядившись похоронить его в царском склепе. Затем по поручению Помпея Сципион велел отрубить голову сыну Аристовула, Александру, обвинив юношу в происках против римлян. Александр, таким образом, погиб в Антиохии, а братьев его принял к себе Птолемей Менней, который правил над Халкидой, расположенной вблизи Ливанского хребта. Потом Птолемей послал сына своего Филиппиона в Аскалон к вдове Аристовула, предлагая переслать к нему ее сына Антигона и дочерей. В одну из них, Александру, Филиппион влюбился и женился на ней. Впрочем, впоследствии Птолемей убил его и сам женился на Александре, а о братьях ее постоянно заботился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. После победы над Помпеем и его смерти, когда Цезарь сражался в Египте, ему весьма много услуг оказывал Антипатр, правитель иудеев сообразно повелению Гиркана. Так, например, когда Цезарь пытался привести вспомогательное войско пергамскому царю Митридату и не был в состоянии пройти через Пелузиум, почему и должен был остановиться около Аскалона, к нему явился на выручку Антипатр с тремя тысячами тяжеловооруженных иудеев и в конце концов побудил также союзников из Аравии явиться к нему на помощь. Ради Антипатра пошли в поход также все сирийцы, не желавшие отставать от других в своем воодушевлении к Цезарю, в том числе киязь Иамвлих и сын его Птолемей, населявшие хребет Ливанский, а также почти все остальные города. Тогда Митридат выступил из Сирии и прибыл в Пелузиум. Когда жители отказались принять его к себе, он приступил к осаде города. Тут опять отличился Антипатр, а именно, он первый пробил брешь в одном месте стены и тем дал всем прочим возможность проникнуть в город. Таким образом окончилось дело при Пелузиуме. Когда же Антипатр

и Митридат были на пути к Цезарю, иудеи, населявшие дом Онии, воспротивились их проходу. Впрочем, и их убедил перейти на свою сторону Антипатр, особенно тем, что предъявил им письмо первосвященника Гиркана, где тот убеждал их быть друзьями Цезарю и доставлять его войску съестные припасы и все необходимое. Когда же иудеи убедились в солидарности Антипатра и первосвященника, то охотно подчинились; а на основании слухов об их покорности жители окрестностей Мемфиса также пригласили к себе Митридата, который явился к ним и подчинил их себе.

2. Когда он обошел так называемую Дельту, он сразился с врагами около иудейского стана. Над правым крылом начальствовал Митридат, над левым Антипатр. Когда войска сошлись в бою, крыло Митридата отступило, и ему пришлось бы подвергнуться страшнейшей опасности, если бы Антипатр, который успел уже разбить врагов, не прибежал со своими солдатами вдоль берега реки, не освободил бы Митридата и не обратил бы в бегство уже побеждавших египтян. Во время преследования последних Антипатр овладел также их лагерем, а Митридата удержал от дальнейшего бегства. У Митридата пало при этом восемьсот человек, у Антипатра же сорок. Обо всем этом Митридат сообщил Цезарю, указывая при том на Антипатра как на виновника не только победы, но и их спасения, так что тогда Цезарь выразил Антипатру похвалу и впоследствии, в самые критические минуты войны, всегда пользовался его поддержкой. Во время этих битв Антипатр был ранен.

3. Когда впоследствии Цезарь окончил войну и отплыл обратно в Сирию, он удостоил Гиркана и Антипатра великих почестей: первого он утвердил в сане первосвященника, а второму дал право римского гражданства и освободил от всех решительно повинностей.

Многие уверяют, будто и Гиркан участвовал в том походе и (вместе с Антипатром) был в Египте. Это доказывается сообщением каппадокийца Страбона, говорящего от имени Азиния следующее: «После вторжения Митридата и иудейского первосвященника Гиркана» в Египет. Тот же самый Страбон в другом месте, ссылаясь на Ипсикрата, говорит, что Митридат выступил (против Египта) один, а затем призвал к себе в Аскалон Антипатра, правителя Иудеи, который и до-

ставил ему 3000 воинов, равно как склонил на его (Митридата) сторону также и других правителей, и что в этом походе участвовал тоже первосвященник Гиркан.

4. Так повествует Страбон. В это время явился к Цезарю Антигон, сын Аристовула, и, жалуясь на печальную участь отца своего, который по вине Цезаря пал жертвой отравления, и на то, что брат его был казнен Сципионом, просил сжалиться над его грустным положением человека, изгнанного из своих владений. При этом он обвинял Гиркана и Антипатра в том, что они правят народом лишь при помощи насилия и поступили с ним (Антигоном) крайне несправедливо. Бывший при этом Антипатр стал оправдываться в взводимых против него обвинениях, указал на то, что Антигон окружен мятежными и беспокойными людьми, а также упомянул о своих трудах и подвигах во время походов, коих, по его словам, сам Цезарь был свидетелем. Он при этом указывал на то, что Аристовул совершенно основательно был увезен в Рим, потому что являлся всегда заклятым врагом римлян; что же касается его брата, то его казнь Сципионом была лишь заслуженным возмездием за его разбойничьи набеги, и он потерпел наказание совершенно основательно и справедливо.

5. После такого объяснения Антипатра Цезарь объявил Гиркана первосвященником, а Антипатру предоставил все права, которых тот домогался, и решил сделать его полновластным наместником в Иудее. При этом он разрешил Гиркану, на основании его просьбы о такой милости, восстановить стены родного города, которые оставались после Помпея все еще разрушенными. Вместе с тем он распорядился, чтобы консулы в Риме записали это постановление и поместили его в Капитолии. Решение сената поэтому было редактировано следующим образом:

«Претор Люций Валерий, сын Люция, сделал следующее предложение сенату в декабрьские иды[13], в храме Согласия. Присутствовали при записи решения Люций Колоний, сын Люция, из коллинской и Папирий из квиринской (Трибы).

Относительно предложения иудейских старейшин: Александра, сына Иасона, Нумения, сына Антиоха, и Александра, сына Дорофея, мужей доблестных и (римских) союзников, возобновить прежде заключенный с римлянами дру-

жественный союз, в знак чего они привезли золотой щит ценностью в пятьдесят тысяч червонцев и просили выдать им охранные грамоты к независимым городам и царям, чтобы беспрепятственно и безопасно проезжать по их владениям и входить в их гавани, — постановлено: вступить с ними в дружественный союз, исполнить их просьбы и принять привезенный щит». Этот договор был заключен при первосвященнике и правителе Гиркане в девятый год его правления, в месяце Панеме.

И от афинского народа Гиркан, оказавший ему множество услуг, добился подобной же чести. Афиняне прислали ему народное постановление следующего содержания: «При притании[14] и священстве Дионисия, сына Асклепиада, в пятый день после месяца Панема, было передано старейшинам сие решение афинян. Записал при архонте Агафокле Эвкл, сын Менандра из Алимуса, в одиннадцатый день месяца Мунихия, в одиннадцатую пританию, во время заседания в театре; за правильностью голосования следил ерхиец Дорофей с помощниками; докладывал Дионисий, сын Дионисия. Постановлено народом: так как Гиркан, сын Александра, первосвященник и правитель иудейский, постоянно являл по отношению ко всему (афинскому) народу и по отношению к отдельным его представителям благоволение и всяческую о них заботливость, как относительно тех афинян, которые являлись к нему в качестве послов, так и по своим личным делам, всегда радушно принимал их и заботился о доставлении им безопасного проезда по стране, что было и прежде засвидетельствовано нами и подтверждается ныне сообщениями сунийца Феодосия, сына Феодора, который сделал об этом доклад народу и упомянул о доблести названного мужа, присовокупив, что последний имеет в виду и впредь оказывать нам по силе возможности всякую поддержку, — мы решаем почтить Гиркана золотым почетным венком по закону, воздвигнуть в храмах народном и Харит его бронзовую статую и возвестить об этом через глашатаев в театре во время праздников Дионисия, при представлении новых трагедий, а также в праздники Панафинейские и Элевсинские во время гимнастических игр. Чиновники должны позаботиться о том, чтобы Гиркану, пока он будет пребывать в столь дружественном к нам расположении, оказывались всевозможные льготы и любезности, дабы видно

было, что народ наш чествует славных мужей и питает такие чувства признательности к достойным людям. Вместе с тем следует избрать из среды афинян послов, которые отвезли бы Гиркану данное постановление и предложили бы ему после оказания ему указанных почестей и впредь всегда относиться благожелательно к нашему городу».

Однако довольно этих доказательств того, каким почетом пользовался Гиркан у римлян и у афинского народа.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Устроив дела в Сирии, Цезарь отплыл назад. Лишь только Антипатр, сопровождавший Цезаря во время отбытия его из Сирии, вернулся в Иудею, он приступил немедленно к восстановлению разрушенной Помпеем стены и, разъезжая по стране, успокаивал смуту либо угрозами, либо увещаниями держаться спокойно. При этом он поставлял на вид, что те, кто будет предан Гиркану, будут жить в полном благополучии и спокойно и безмятежно пользоваться своим имуществом, тогда как все те, которые станут предаваться пустым надеждам на возможность восстания и рассчитывать на могущие явиться в результате его выгоды, будут иметь в нем вместо наместника — властелина, в Гиркане вместо царя — тирана, а в римлянах и Цезаре вместо покровителей — злых врагов. При этом Антипатр присовокуплял, что и римляне не допустят смещения того, кто ими самими поставлен во главе страны. Такими убеждениями он водворял порядок по всей стране.

2. Видя, что Гиркан медлителен и апатичен, Антипатр назначил старшего из сыновей своих, Фасаила, начальником над Иерусалимом и его окрестностями, а следующему за ним сыну, весьма еще молодому Ироду (ему было тогда лишь двадцать пять лет[15]) поручил управление Галилеей. Впрочем, последнему нисколько не мешала его юность; будучи человеком рассудительным, юноша немедленно нашел возможность выказать свою доблесть, а именно, ему удалось захватить Езекию, атамана разбойников, совершавшего во главе огромного отряда набеги на пограничные с Сирией области; затем он казнил его и многих его товарищей по шайке. Это дело вызвало в сирийцах большую симпатию к Ироду, потому что он очистил стра-

ну от разбоев, о чем они давно мечтали. Поэтому они стали прославлять его за это в деревнях и городах, так как он вернул им мир и спокойное, безмятежное пользование благами жизни. Благодаря этому Ирод стал известен также и Сексту Цезарю, родственнику Цезаря Великого, наместнику Сирии. Тогда у брата Ирода, Фасаила, также явилось желание совершить подобные подвиги и, побуждаемый славой брата, он желал снискать себе такую же популярность. Ему удалось достигнуть этого и снискать полное благоволение жителей иерусалимских, самостоятельно управляя городом, не возносясь, как то свойственно неблагородным людям, и не злоупотребляя своей властью. Все это привело к тому, что Антипатр пользовался в глазах народа прямо царской властью и почестями, которые обыкновенно выпадают на долю лишь неограниченным властителям. Между тем, однако, Антипатр нисколько, как то часто случается, в своем всемогуществе не умалял своей преданности по отношению к Гиркану.

3. Когда те из иудеев, которые занимали общественные должности, увидели, насколько возвысились Антипатр и его сыновья благодаря популярности их и денежным средствам Иудеи и Гиркана, они почувствовали злобу против Антипатра. Дело в том, что он заключил дружбу с римскими властелинами, а затем уговорил Гиркана послать им денег, которые тот передавал ему, а Антипатр пересылал римлянам эти суммы уже от своего имени, а не от лица Гиркана. Когда Гиркан узнал об этом, он не только не рассердился, но даже очень был рад этому.

Между тем более выдающиеся иудеи, видя, как своевластен, отважен и властолюбив становится Ирод, явились к Гиркану и стали уже открыто обвинять Антипатра, говоря: «Доколе же станешь ты спокойно взирать на все происходящее? Или ты не видишь, что Антипатр и его сыновья разделили между собой всю власть, тогда как ты лишь по имени остаешься царем? Не закрывай же на это глаз своих, не считай себя вполне безопасным, относясь столь легкомысленно к себе и царской власти. Не обманывай себя убеждением, будто Антипатр и его сыновья теперь все еще твои заместители, но обрати внимание на то, что они открыто признаются полновластными правителями. Так, например, сын его Ирод нарушил наш закон, казнив Езекию и его товари-

щей. А между тем закон запрещает казнить без приговора суда даже преступника. Тем не менее он решился на такое деяние, не имея от тебя на то полномочия».

4. При этих словах Гиркан склонился (в пользу обвинителей), тем более что и матери убитых Иродом возбуждали его гнев тем, что ежедневно напоминали в храме царю и народу, что он должен предать Ирода суду синедриона. Все это наконец побудило Гиркана вызвать Ирода в суд, дабы он оправдал себя в взводимых на него обвинениях. Ирод действительно явился в суд, причем отец посоветовал ему явиться туда не в качестве частного лица, но с предосторожностями и отрядом телохранителей. Сделав в Галилее нужные на всякий случай распоряжения, Ирод явился в сопровождении такого отряда, который по сравнительной малочисленности своей не мог возбудить опасений в Гиркане, но вместе с тем был достаточен для того, чтобы в случае необходимости защитить его в суде. Тем временем наместник сирийский Секст написал Гиркану письмо с предложением оправдать Ирода и с выражением угрозы в противном случае. Письмо Секста явилось для Гиркана желанным поводом освободить Ирода, которого он любил как родного сына, от ответственности перед синедрионом. И вот когда Ирод, окруженный своим отрядом, явился в синедрион, он нагнал на всех такой страх, что никто из прежних его обвинителей не решился сказать против него ни одного слова, наступила минута всеобщего молчания, и все были в полном недоумении, что делать дальше. В таком положении один только человек, некий Самея, муж праведный и стоявший вследствие того выше всякого страха, поднялся со своего места и сказал: «Товарищи судьи и ты, царь! Ни я сам, ни вы, вероятно, никогда еще не видали, чтобы таким образом являлся в суд обвиняемый. Всякий, кому приходилось когда-либо являться сюда на судьбище в качестве обвиняемого, являлся сюда в смущении и с робостью, с видом человека, желающего возбудить нашу жалость, с распущенными волосами и в темном одеянии. Между тем наш любезнейший Ирод, обвиняемый в убийстве и с этой целью приглашенный сюда, облекся в пурпур, убрал по-праздничному свою голову и явился к нам в сопровождении воинов с целью перебить всех нас, если мы по закону осудим его, а са-

мому спастись, совершив насилие над правосудием. Впрочем, я не стану обвинять Ирода, что он более занят ограждением своей личной безопасности, чем соблюдением закона: ведь вы сами, равно как и царь, приучили его к такой смелости. Однако знайте, что Господь Бог всемогущ и что этот (юноша), которого вы теперь желаете в угоду Гиркану оправдать, некогда накажет вас и самого царя за это».

Все это действительно впоследствии вполне сбылось: Ирод, сам став царем, казнил всех судей синедриона, кроме одного Самеи, равно как самого Гиркана. Самею Ирод ставил очень высоко за его праведность, равно как за то, что, когда впоследствии город был осаждаем Иродом и Соссием, Самея уговорил народ впустить их, ссылаясь при этом на то, что вследствие греховности народа это неизбежно. Впрочем, об этом мы поговорим в своем месте.

5. Когда Гиркан заметил, что члены синедриона (все-таки) собираются осудить Ирода, он отложил заседание до другого дня, а сам тайно послал Ироду совет бежать из города и тем избежать опасности. Ирод действительно удалился в Дамаск, как будто убегая от царя, когда же он прибыл к Сексту Цезарю и почувствовал себя у него в безопасности, то явно высказал нежелание повиноваться, если бы синедрион вздумал вызвать его вторично в суд. На это члены синедриона рассердились и всеми силами старались убедить Гиркана, что все это он делает себе же во вред. Гиркан это отлично сознавал, но ничего не мог поделать по отсутствию мужества и бездеятельности.

Когда же Секст назначил Ирода (за известную сумму денег) наместником над Келесирией, Гиркан испугался, как бы Ирод не вздумал пойти на него войной. Немного спустя это его опасение действительно сбылось, потому что Ирод двинулся во главе войска войной, чтобы отомстить за свой вызов в суд и за то, что ему пришлось выслушать в заседании синедриона. Впрочем, от нападения на Иерусалим его удержали выступившие ему навстречу отец Антипатр и брат его; им удалось успокоить его гнев и убедить не предпринимать ничего, но удовлетвориться тем, что он нагнал страх на того, кто помог ему достигнуть такого высокого положения. Если Ирод, говорили они, сердится на то, что ему пришлось предстать перед судом, то пусть он вспомнит также о своем осво-

бождении и будет благодарным за него, вместо того, чтобы платить за это насилием и не быть признательным за свое спасение; кроме того, пусть он подумает также о том, что, если Господь решает судьбы войны, этот поход крайне несправедлив; поэтому он не может и рассчитывать на победу, так как собирается воевать с царем и близким человеком, от которого он испытал много хорошего и который не оказал ему никакого зла; если же этот человек навлек на себя его подозрение и хотя бы тень неудовольствия, то в этом можно обвинять не его самого, а скорее его советников.

Ирод внял таким убеждениям, полагая при этом, что для его личных расчетов вполне уже достаточно, если ему удалось хотя бы только показать народу свое могущество.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Таковы были тогда дела в Иудее. Тем временем Цезарь, вернувшись в Рим, готовился к отплытию в Африку, чтобы воевать там со Сципионом и Катоном. Тогда Гиркан отправил к нему послов с просьбой утвердить дружественный союз с ним. При этом случае я считаю необходимым упомянуть здесь о всех почетных союзах, заключенных между римлянами, их властителями и нашим народом, дабы все знали, как хорошо относились к нам цари Азии и Европы, уважая нашу храбрость и верность. Так как многие из нерасположения к нам не доверяют тому, что писано о нас персидскими и македонскими авторами, которые к тому же не находятся в публичных библиотеках, но имеются только у нас и у некоторых других варварских народов, тогда как сообщения римлян неоспоримы (дело в том, что все эти данные записаны в городских архивах и в Капитолии до сих пор находятся вырезанными на медных таблицах, подобно тому как Цезарь Юлий, сделав александрийских иудеев полноправными гражданами, объявил о том, распорядившись воздвигнуть медную колонну в Александрии с соответствующей надписью), — ввиду всего этого я и остановлюсь на данном вопросе. Я приведу факты на основании решений римского сената и Юлия Цезаря, касающихся Гиркана и нашего народа.

2. «Гай Юлий Цезарь, император и верховный жрец[16], вторично избранный диктатором, посылает свой привет на-

чальству, совету и народу сидонийскому. Если вы себя чувствуете хорошо, то я радуюсь, ибо я со своим войском тоже доволен.

Посылаю вам при сем копию постановления, внесенного на (медную) доску и касающегося Гиркана, сына Александра, первосвященника и правителя иудейского, дабы вы внесли его в ваш государственный архив, и выражаю при этом желание, чтобы вы выставили это постановление на медной таблице написанным по-гречески и по-латински. Вот эта копия: Юлий Цезарь, вторично император и верховный жрец, постановил на основании решения совета: так как иудей Гиркан, сын Александра, как ныне, так и раньше, во время мира и на войне, являл себя всегда верным и ревностным представителем наших интересов, как то засвидетельствовано целым рядом других полководцев, и ввиду того, что он во время последнего александрийского похода явился к нам на помощь во главе полуторатысячного отряда, а во время отправки его мной против Митридата превзошел всех, бывших в строю, храбростью, то по всем этим причинам я назначаю Гиркана, сына Александра, с потомством иудейскими этнархами, желаю, чтобы они навсегда сохранили за собой установленное их законами первосвященническое достоинство, и желаю видеть в нем и его сыновьях наших союзников, которые должны постоянно считаться в числе преданнейших друзей наших. Все дела, касающиеся культа или внутренних отношений иудеев между собой, пусть разрешает он сам или ведают его сыновья. Равным образом, если бы возник какой-либо спор между иудеями, я признаю авторитетность его решения (Гирканом). Вместе с тем запрещаю, чтобы войска располагались у него на зимние стоянки или чтобы с него взимались какие-либо денежные суммы».

3. «Решение и постановление консула Гая Цезаря таково: пусть сыновья его (Гиркана) правят народом иудейским и пользуются доходами с предоставленных им земель, а первосвященник, он же и правитель иудеев, пусть творит верховный суд. К Гиркану, сыну Александра, иудейскому первосвященнику, следует отправить послов для заключения с ним дружественного наступательного и оборонительного союза. Должно выставить на Капитолии, равно как в храмах сидонском, тирийском и аскалонском, по медной таблице с

соответственной надписью на римском и греческом языках. Пусть это постановление будет сообщено всем городским начальникам и их подчиненным, равно как всем нашим друзьям. Следует вручить послам дары и повсюду разослать это (наше) решение».

4. «Гай Цезарь, император, диктатор и консул, сим объясняет сенату и римскому народу, что за доблесть и расположение назначает самого Гиркана, сына Александра, и его потомков первосвященником и священнослужителями иерусалимскими и судьями народа на том самом основании, в силу которого их предки занимали священнические должности».

5. «Гай Цезарь, в пятый раз консул, сим постановляет, что первосвященник и этнарх иудейский Гиркан, сын Александра, может владеть, управлять городом Иерусалимом по своему усмотрению и укрепить его стенами. Пусть будут иудеи освобождены в каждый второй податный год от взноса одного кора (пшеницы), и пусть они не будут употребляемы на какие бы то ни было общественные работы и освобождены от всяких других повинностей».

6. «Гай Цезарь, вторично император, сим постановил: все иудейские города, за исключением Яффы, должны платить известную сумму в пользу Иерусалима ежегодно, исключая каждого седьмого года, который называется иудеями субботним, в каковой ни сеют, ни собирают плодов древесных; жители Сидона обязаны каждый второй год в виде пошлины выплачивать четвертую часть жатвы; кроме того, они обязаны платить Гиркану и его сыновьям десятину, как они платили таковую также предкам его: пусть ни один чиновник, ни один претор, ни один легат не набирает войск в пределах иудейских, равно как не допускает солдат вымогать от иудеев деньги ни для зимовок, ни под каким-либо другим предлогом; пусть иудеи будут свободны от всех решительно повинностей; все, что впоследствии будет принадлежать иудеям в силу приобретения или покупки, должно принадлежать им невозбранно. Мы желаем, чтобы город Яффа, который первоначально уже принадлежал иудеям при заключении ими дружественного договора с римлянами, будет, как и прежде, их собственностью; пусть в качестве натуральной повинности сын Александра, Гиркан, и его потомки получают с окрестных землевладельцев за вывозимую ежегодно из страны в сидонскую гавань пшени-

цу, двадцать шесть тысяч семьдесят пять мер, исключая седьмой год, так называемый субботний, когда иудеи не сеют, не собирают плодов древесных; все поселения, находящиеся в так называемой Великой равнине, которыми раньше владели Гиркан и его предки, по решению сената должны и впредь принадлежать ему на прежних основаниях. Равным образом остаются в силе все древние отношения как между отдельными иудеями, так и между первосвященниками и священнослужителями, равно как все постановления (римского) народа и сената относительно иудеев. Все эти права их распространяются также на жителей города Лидды. Все местности, земли и поселения, которыми владели сирийские и финикийские цари в награду за свой союз с римлянами, сенат признает (отныне) собственностью этнарха Гиркана и иудеев. Гиркану, его сыновьям и их послам предоставляется право сидеть в театре среди сенаторов во время гладиаторских боев или боя зверей и, в случаях, если бы они просили у диктатора или высшего сановника права присутствовать на заседаниях сената, то они должны быть допускаемы туда, и постановления сената должны сообщаться им не позже десятидневного срока после постановления решения».

7. «Гай Цезарь, в четвертый раз выбранный полномочным диктатором и уже пожизненным и в пятый раз назначенный консулом, постановил следующее решение относительно прав иудейского первосвященника и этнарха Гиркана, сына Александра: ввиду того, что мои предшественники по управлению провинциями засвидетельствовали все лучшее относительно первосвященника иудейского Гиркана и самих иудеев перед лицом сената и народа римского, причем как народ, так и сенат выразили иудеям свою за это признательность, то и нам следует вспомнить о том и позаботиться, чтобы со стороны сената и римского народа еще раз воспоследовало выражение благодарности Гиркану, всему иудейскому народу и сыновьям Гиркана за выраженное ими к нам расположение и всяческие их нам услуги».

8. «Юлий Гай, претор и консул римский, посылает привет свой начальникам, совету и народу (острова) Пароса. В присутствии ваших послов ко мне явились делегаты от делосских иудеев и некоторые из иудейских поселенцев и заявили мне, что вы путем законодательных решений препятствуете им

жить по их родным обычаям и отправлять их богослужение. Мне вовсе не нравятся такие решения ваши относительно наших друзей и союзников, что вы им препятствуете жить по их собственным обычаям, собирать деньги на их личные и богослужебные нужды, тогда как это не возбраняется им даже в Риме. Наш претор и консул Гай Цезарь в своем постановлении относительно запрещения всяких сходок в городе (Риме) изъял именно иудеев из общего правила и разрешил им собирать деньги и собираться на совещания. Равным образом и я, запретив все прочие сходки, разрешаю одним только иудеям собираться сообразно их установлениям и отправлять требования их закона. Поэтому и вы должны отменить все свои постановления, которые вы сделали относительно наших друзей и союзников, вследствие доблестного и прекрасного к нам отношения иудеев».

9. Когда после смерти Гая консулами были Марк Антоний и Публий Долабелла, они собрали сенат и, введя туда посланных Гиркана, стали поддерживать их просьбу, то есть также заключили дружественный союз с ними. Все их просьбы исполнил сенат, сделав соответственное распоряжение. Для того чтобы читатели этого сочинения имели под руками точное тому доказательство, я привожу здесь самый текст сенатского решения. Вот оно:

10. «Сенатское решение, взятое из архива и из общественных таблиц квесторов, при квесторах Квинте Рутилии и Квинте Корнелии. Таблицы второй начало: постановлено за три дня до апрельских ид[17] в храме богини Согласия, в присутствии Люция Кальпурния Пизона из менênской трибы, Сервия Папиния Квинта из демонской трибы, Гая Каниция Ревила из теретинской трибы, Публия Тидетия, сына Левкия, из поллийской трибы, Левкия Апулина, сына Левкия, из серпийской трибы, Флавия Левкия, из демонской трибы, Публия Плавтия, сына Публия, из папирской трибы, Марка Акилия, сына Марка, из мекийской трибы, Левкия Ерукия, сына Левкия, из стеллатинской трибы, Марка Квинта Планкилла, сына Марка, из поллийской трибы, и Публия Серия. Доклад сделали консулы Публий Долабелла и Марк Антоний. Ввиду того, что сенатское постановление, состоявшееся относительно иудеев при Гае Цезаре, не было внесено в квесторский архив, мы, по предложению консулов Публия Долабеллы и

Марка Антония, решили внести его на медные таблицы и сообщить городским квесторам, дабы и они поместили у себя двойную копию его. Постановление это состоялось за пять дней до февральских ид в храме Согласия. Представителями первосвященника Гиркана были при этом следующие лица: Лисимах, сын Павсания, Александр, сын Феодора, Патрокл, сын Херея, и Ионаф, сын Онии».

11. Одного из этих делегатов Гиркан послал также к тогдашнему претору в Азии, Долабелле, с просьбой освободить иудеев от военной службы и разрешить им, держась старинных обычаев, не нарушать исконного их образа жизни. Получение этого разрешения ему не стоило большого труда: получив письмо Гиркана, Долабелла без дальних совещаний разослал по всем городам Азии, на первом же плане главному тогда городу в Азии, Ефесу, относительно иудеев циркуляр следующего содержания:

12. «В первое число месяца Ленея при пританне Артемоне претор Долабелла посылает совету, начальникам и народу города Ефеса свой привет. Александр, сын Феодора, посланный первосвященника и этнарха иудейского Гиркана, сына Александра, доложил мне о невозможности его единоплеменникам носить оружие и участвовать в походах в субботние дни, равно как о невозможности доставать предписанную им законом пищу. Поэтому и я, сообразно примеру моих предшественников, освобождаю иудеев от военной службы, разрешаю им следовать их законным исконным ритуальным установлениям и отправлять священные жертвы, равно как собирать с этой целью нужные для того денежные суммы и предлагаю вам сие мое решение оповестить по городам».

13. Такую любезность оказал Долабелла Гиркану, отправившему к нему посла.

Постановление консула Люция Лентула:

«Сим освобождаю римских граждан иудейского исповедания, живущих и отправляющих свое богослужение в Ефесе, ввиду их религиозных убеждений, в этом заседании, состоявшемся за двенадцать дней до октябрьских календ[18], в консульство Люция Лентула и Гая Марцелла, от военной службы. Постановление это состоялось в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из гарантинской трибы, Тита Тонгия, сына Тита, из кростоминской трибы, Квинта

Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из теретинской трибы, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, и Гая Сенция, сына Гая, из саботинской трибы»

«Трибун и пропретор Тит Аппий Бальб, сын Тита, сим посылает должностным лицам, совету и народу города Ефеса свой привет. Ввиду моего ходатайства за живущих в Азии иудеев консул Люций Лентул освободил их от военной службы. После этого я достиг того же самого постановления от пропретора Фанния и проквестора Люция Антония, почему прошу вас позаботиться о том, чтобы никто не побуждал (к военной службе) иудеев».

14. Народное решение делосцев:

«Распоряжение начальства при архонте Беоте, в двадцатый день месяца Фаргелиона. Квартирующий в нашем городе и заведующий воинским набором легат Марк Пизон, созвав нас и правоспособных граждан, распорядился не набирать в военную службу никого из римскоподданных иудеев, ввиду того, что они по ритуальным соображениям освобождены от военной службы консулом Люцием Корнелием Лентулом. Ввиду этого мы должны повиноваться решению легата».

Подобное же постановление сделали относительно нас также граждане города Сарды.

15. «Гай Фанний, сын Гая, проконсул, посылает привет должностным лицам Коса. Сим извещаю вас, что посланные иудейские обратились ко мне с просьбой получить копию постановленного относительно их сенатского решения, которое при сем и прилагается. Вместе с тем прошу вас, на основании сенатского декрета, позаботиться об этих людях и приложить старание, чтобы они могли беспрепятственно проехать к себе домой через ваши владения».

16. «Консул Люций Лентул объявляет: тех иудеев римскоподданных, которых я нашел отправляющими свое богослужение в Ефесе, я освобождаю сим вследствие соображений ритуального свойства (от военной службы). Постановление это сделано за двенадцать дней до календ месяца Квинктилия»[19].

17. «Проквестор и пропретор Люций Антоний, сын Марка, сим шлет привет свой должностным лицам, совету и на-

селению города Сарды. Так как римские граждане иудейского закона явились ко мне с заявлением, что у них имеются издревле существующие собрания и судилище, где они разрешают все свои (внутренние) дела и личные споры, и просили меня сохранить за ними эти учреждения, я решил исполнить их просьбу и предоставить и дальше им его».

18. «Марк Публий, сын Спурия, Марк, сын Марка, и Люций, сын Публия, заявляют: после того как мы доложили проконсулу Лентулу о просьбе александрийца Досифея, сына Клеопатрида, чтобы римские граждане иудейского вероисповедания, отправляющие издавна свое богослужение, были освобождены от военной службы, и спросили его мнения на сей счет, он освободил этих иудеев ввиду соображений ритуального свойства. Постановление его состоялось за двенадцать дней до календ месяца Квинктилия».

19. «При консулах Люции, Лентуле и Гае Марцелле, в присутствии трибуна Тита Аппия Бальба, сына Тита, из горацианской трибы, Тита Тонгия из кростолинской трибы, Квинта Раисия, сына Квинта, Тита Помпея Лонгина, сына Тита, из корнелийской трибы, военного трибуна Гая Сервилия Гракха, сына Гая, из трибы теретинской, Публия Клузия Галла, сына Публия, из ветурийской трибы, военного трибуна Гая Тевтия, сына Гая, из эмилийской трибы, Секста Атилия Серрана, сына Секста, из эмилиевой трибы, Гая Помпея, сына Гая, из сабатинской трибы, Тита Аппия Менадра, сына Тита, Публия Сервилия Страбона, сына Публия, Люция Пакция Капитона, сына Люция, из коллинской трибы, Авла Фурия Тертия, сына Авла, и Аппия Менаса — в присутствии всех этих лиц Лентул постановил следующее решение: сим освобождаю (от военной службы) тех римских граждан иудейского вероисповедания, которые издавна отправляют свое богослужение в Ефесе; я делаю это в настоящем заседании ввиду соображений ритуального свойства».

20. «Должностные лица города Лаодикеи сим приветствуют консула Гая Рабилия, сына Гая. Отправленный первосвященником Гирканом посол Сопатр вручил нам письмо твое, в котором ты пишешь нам, что от первосвященника иудейского Гиркана явились послы с письменной просьбой разрешить иудеям отправление суббот и остального культа сообразно их древним религиозным постановлениям, дабы

никто не имел права вмешиваться в их дела, так как они наши друзья и союзники, и дабы никто не обижал их в нашей области. Так как жители Тралл открыто воспротивились этому твоему постановлению, а ты все-таки принудил их к этому, то иудеи просили тебя также отписать и нам относительно их. Итак, мы готовы повиноваться твоему предложению и заявляем, что, получив твое послание, мы внесли его в наш общественный архив. Относительно же всего того, что ты нам предлагаешь, мы примем надлежащие меры к точному его исполнению».

21. «Проконсул Публий Сервилий Гальба, сын Публия, посылает привет должностным лицам, совету и народу Милета. Ваш согражданин Пританис, сын Герма, обратился ко мне, когда я был в заседании в Траллах, с заявлением, что вы относитесь к иудеям несообразно нашим установлениям, препятствуете им справлять их субботы и собирать плоды сообразно с их обычаями, тогда как он постановил решение на законном основании. Ввиду этого заявляю вам, что по выслушании обеих сторон я решил, что не следует препятствовать иудеям в отправлении их обычаев».

22. Постановление жителей Пергама: «При пританне Кратиппе в первый день месяца Десия состоялось следующее решение властей: так как римляне, следуя похвальному примеру своих предков, охотно заступаются за сохранение безопасности всех вообще людей и особенное внимание и старание прилагают к тому, чтобы доставлять своим союзникам и друзьям благоденствие и прочный мир, то, когда к ним были посланы от иудейского народа и его первосвященника Гиркана послы в лице почтенных и заслуженных Стратона, сына Феодота, Аполлония, сына Александра, Энея, сына Антипатра, Аристовула, сына Аминта, Сосипатра, сына Филиппа, сенат, по выслушании всех отдельных пунктов их предложений и просьб, постановил: чтобы царь Антиох, сын Антиоха, не смел ни в чем обижать иудеев, римских союзников; чтобы он возвратил им все укрепления, гавани и вообще местности и все, что он у них отнял; затем, чтобы был разрешен вывоз товаров из их гаваней, но с тем условием, чтобы никто, ни царь, ни народ какой-либо, не смел вывозить из страны или гаваней иудейских ничего беспошлинно, исключая одного только александрийского царя Птолемея, так как он союзник и друг

наш; наконец, чтобы был удален, сообразно их просьбе, яффский гарнизон. В силу этого один из сочленов нашего совета, Люций Петтий, человек доблестный и почтенный, предложил выразить нашу полную готовность следовать во всем предписанию сената и позаботиться о доставлении посланным возможности возвратиться беспрепятственно и безопасно домой. Потом мы пригласили в заседания совета и народного собрания Феодора, который вручил нам свою грамоту с изложением сенатского решения и выслушали его горячую речь, в которой он описал нам всю доблесть и все великодушие Гиркана, ко всем вообще прекрасно относящегося и особенно любезно принимающего у себя всякого иностранца. Затем мы отправили грамоту (Феодора) в общественный архив, а сами решили, сообразно сенатскому постановлению, оказать всякую поддержку иудеям как союзникам римлян. После этого Феодор, вручив нам грамоту, обратился с просьбой к нашим властям отправить Гиркану копию решения с послами, которым поручит сообщить ему о прекрасном отношении к нему народа нашего, а также просить его и впредь сохранять и не умалять к нам дружбы и поддержать нас при случае, за что ему будет выражена должная благодарность, равно как напомнить, что еще во времена иудейского патриарха Аврама наши предки были в дружественных с ними отношениях, как мы находим о том официальные записи в общественных архивах».

23. Постановление жителей Галикарнаса: «По предложению Марка Александра, при священстве Мемнона, родного сына Аристида и приемного сына Эвонима, (такого-то числа, месяца) Анфестериона, постановлено народом: так как мы всегда относились и относимся с благоговением к выражению всякого религиозного чувства, то, следуя великодушному в отношении всех людей народу римскому, известившему нашу общину относительно своей дружбы и союза с иудеями и пожелавшему, чтобы последним были разрешены их богослужение, установленные празднества и собрания, мы также решили, чтобы всем желающим иудеям, будь то мужчины или женщины, было позволено справлять их субботы, приносить жертвы по иудейскому ритуалу и совершать богослужения у моря, сообразно их установлениям. Буде же кто-либо, частное лицо или официальное, воспрепятствует им в том, да будет обложен в пользу города денежным штрафом».

24. Постановление жителей Сард: «По предложению должностных лиц, совет и народное собрание решили: после того как наши иудейские сограждане, которые всегда пользовались большими симпатиями со стороны нашего народа, теперь обратились к совету и народному собранию с просьбой разрешить им, ввиду восстановления им со стороны римского сената и народа права пользоваться свободно собственными установлениями и жить по своим законам, свободно и беспрепятственно отправлять свой культ, а также отвести им место, где бы они могли собираться с женами и детьми своими для отправления своего богослужения и принесения Господу Богу своих жертв, — совет и народное собрание постановили: разрешить иудеям собираться в определенные дни для отправления установленного их законами богослужения и предписать начальникам отвести им соответствующее для постройки место, которое они найдут подходящим, равно как вменить в обязанность городским сборщикам доставлять им все для того необходимое».

25. Постановление жителей Ефеса: «В пританнию Минофила, в первый день месяца Артемисия, народ решил, по докладу Никандра, сына Евфима, и по предложению должностных лиц: ввиду того, что иудейские жители (нашего) города обратились к проконсулу Марку Юнию Бруту, сыну Понтия, с просьбой разрешить им отправление суббот и беспрепятственное богослужение сообразно их установлениям, и ввиду того, что он согласился на их просьбу, совет и народное собрание, в солидарности с римскими интересами, сим постановили, чтобы никто не смел препятствовать иудеям справлять субботы, чтобы они за это не подвергались никакому взысканию, а напротив, чтобы им было разрешено руководствоваться во всем их собственными законоположениями».

26. Существует еще множество других подобных постановлений римского сената и должностных лиц относительно Гиркана и нашего народа, равно как имеется масса решений отдельных городов и охранных грамот должностных лиц для утверждения за нами прав, поверить содержанию коих могут спокойно читатели наши ввиду всего того, что мы пока привели. Так как мы привели целый ряд явных и наглядных доказательств дружественного к нам отношения

со стороны римлян, доказательств, записанных на медных столбах и таблицах, по сей день хранящихся в Капитолии, где они и впредь будут храниться, то мы сочли приведение всех решительно постановлений (такого рода) излишним и неинтересным и полагаем, что не найдется столь неумного читателя, который бы не поверил нашей искренности и правдивости наших слов относительно дружественного расположения к нам римлян после приведения вышеуказанных тому доказательств, и потребовал бы еще больше их. Итак, мы (в достаточной мере) показали, сколь дружественны были (нам) римляне в те времена.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Около того же времени вспыхнули смуты в Сирии и притом по следующей причине: один из единомышленников Помпея, Басс Цецилий, составил заговор против Секста Цезаря и, убив его, стал во главе войска и овладел верховной властью. Ввиду этого возгорелась ожесточенная война вблизи Апамеи, так как военачальники Цезаря двинулись (против Басса) во главе отряда конницы и пешей рати. В виде помощи Антипатр также послал им отряд под начальством своих сыновей, потому что помнил все оказанные ему Цезарем благодеяния и считал вследствие этого своей обязанностью отомстить за его убийство и наказать его убийцу. Пока затягивалась эта война, заместителем должности Секста явился из Рима Мурк. В это время был убит в курии Кассием и Брутом также и (Юлий) Цезарь, после того как владел верховной властью три года и шесть месяцев.

2. Когда вследствие возникшей из-за смерти Цезаря войны все более или менее влиятельные лица рассеялись повсюду с целью набирать войска, в Сирию прибыл из Рима Кассий с тем, чтобы принять командование над стоявшими при Анамее войсками. Затем он снял осаду, примирил Басса и Мурка, направился к прочим городам, чтобы набрать там оружие и войска, и наложил на эти города значительную дань. При этом он особенно обидел Иудею, требуя с нее семьсот талантов серебра. Видя ужас и большое смущение населения, Антипатр распорядился распределить сбор этой дани между своими сыновьями и другими лицами, в числе которых на-

ходился также некий Малих, очень плохо относившийся к нему. Первым внес назначенную сумму от лица Галилеи Ирод и тем снискал себе особенную дружбу Кассия, так как Ирод разумно решил, что теперь следует выслуживаться перед римлянами и за чужой счет снискивать их благоволение. Тем временем поплатились своей личной свободой управители всех других городов, и Кассий лишил самостоятельности четыре города; наиболее могущественными из них были Гофна и Эммаус; другими же двумя являлись Лидда и Фамна. Кассий при этом был так разгневан, что убил бы Малиха (рискнувшего оказать ему противодействие), если бы Гиркан не удержал его от решительного шага при посредстве Антипатра, послав ему сто талантов из собственных своих средств.

3. Когда Кассий покинул Иудею, Малих стал злоумышлять против Антипатра, рассчитывая, что смерть его станет для Гиркана залогом прочности власти последнего. Между тем этот план не остался секретом для Антипатра. Узнав о нем, Антипатр двинулся за Иордан и стал набирать (себе) войско из арабов и туземцев. Будучи, однако, хитрым человеком, Малих отрицал свои козни и стал клятвенно уверять Антипатра и его сыновей, что ему никогда и в голову не могла прийти такая мысль, потому что ведь Фасаил охраняет Иерусалим, да и склады оружия находятся в ведении Ирода. Видя невозможность осуществления своих планов, он примирился с Антипатром. В это время претором Сирии был Мурк. Узнав о готовящемся Малихом перевороте в Иудее, он чуть было не казнил его, но Малиха спас заступившийся за него Антипатр.

4. Однако Антипатр не думал, что в лице Малиха он спас своего собственного убийцу. Дело в том, что, собрав войско, Кассий и Мурк поручили заведование всеми делами Ироду, назначили его правителем Келесирии и, дав ему флот и конные и пешие отряды, обещали провозгласить его царем иудейским после войны, которая тогда возникла между Антонием и молодым Цезарем (Августом). Испугавшись такого оборота дел, Малих теперь стал особенно стараться избавиться от Антипатра; с этой целью он подкупил виночерпия Гиркана, у которого Антипатр обедал, и тот отравил последнего. Держа наготове солдат, Малих овладел всем городом. Когда же Ирод и Фасаил узнали о покушении Малиха на их отца и гневно потребовали от него объяснения, Малих вновь

стал отрицать свою вину и так и не сознался в убийстве. Таким образом, умер Антипатр, отличавшийся благочестием, справедливостью и любовью к своей отчизне. Сын его Ирод немедленно решил отомстить за отца и двинуться с этой целью во главе войска на Малиха, тогда как старшему сыну, Фасаилу, казалось более подходящим захватить Малиха хитростью, чтобы не навлекать на себя обвинения в возбуждении междоусобной войны. Поэтому он принял к сведению оправдания Малиха и подал вид, будто верит, что тот отнюдь не виновен в смерти Антипатра. Тем временем он стал воздвигать отцу своему роскошный надгробный памятник. Между тем Ирод отправился в Самарию, которую нашел в грустном положении, и прекратил распри населения ее.

5. Когда вскоре затем наступил праздник в Иерусалиме, он явился во главе своего войска к городу. Малих испугался и стал уговаривать Гиркана не позволять Ироду вступать в город. Гиркан послушался его и привел в качестве объяснения своего запрещения, что нельзя вводить в город иностранцев во время священного праздника. Однако Ирод, не обратив никакого внимания на вестника (Гиркана), ночью вступил в город. Этим он вверг в ужас Малиха, который, впрочем, не переставал разыгрывать комедию, открыто оплакивая Антипатра и называя его своим другом, на самом же деле втайне принимая меры предосторожности для ограждения своей личности. Тогда и приверженцы Ирода решили не подавать вида, что понимают эту комедию, а как будто ничего не подозревая, относились к нему любезно и предупредительно.

6. Тем временем Ирод письмом сообщил Кассию о смерти отца своего. Кассий, отлично зная характер Малиха, написал ему в ответ, что должно отомстить за смерть отца, а сам тайно разослал предписания тирийским военачальникам оказывать всякое содействие Ироду, когда тот начнет требовать (с Малиха) удовлетворения. Когда Кассий взял Лаодикею и к нему стали со всех сторон привозить венки и дары, то Ирод рассчитал, что туда прибудет Малих и получит там свое возмездие. Однако Малих, находившийся тогда около финикийского города Тира, стал подозревать обо всем этом и решился на исполнение еще более отчаянного плана, а именно: так как его собственный сын находился тогда в Тире в качестве заложника, он решил, проникнув в город, похитить ребенка, двинуться в

Иудею и, пока Кассий будет занят войной с Антонием, склонить народ к отпадению и самому занять престол. Однако этот план потерпел неудачу вследствие противодействия со стороны Предвечного и потому, что более хитрый Ирод разгадал его. Он послал в город одного из своих служителей под предлогом приготовить все к пиру (на который были приглашены все его друзья), на деле же к начальникам с предложением выступить против Малиха с кинжалами. Начальники вышли из города, нашли Малиха поблизости на морском берегу и убили его там. В ужасе Гиркан лишился языка; когда же он затем пришел в себя, то спросил у людей Ирода о подробностях этого случая и кто явился убийцей Малиха. Когда же ему ответили, что тот убит по повелению Кассия, Гиркан выразил свое одобрение, потому что Малих был весьма гнусным человеком и (часто) злоумышлял против отчизны.

7. Такое возмездие понес Малих за свое предательство относительно Антипатра. Лишь только Кассий покинул Сирию, в Иудее (опять) возникла смута. Дело в том, что оставленный в Иерусалиме некий Геликс двинулся во главе войска на Фасаила. Таким образом, народу (опять) пришлось взяться за оружие. Тогда Ирод двинулся к дамасскому военачальнику Фабию, по в своем желании поспешить на помощь к брату был удержан болезнью. Тем временем, впрочем, Фасаил собственными силами одержал верх над Геликсом, заключил его в башню, а затем уже, заключив с ним договор, отпустил опять на волю. Вместе с тем он стал укорять Гиркана в том, что он, которому они оказывали столько услуг, поддерживает их врагов. Дело в том, что брат Малиха склонил тогда немало местностей к отпадению и стал укреплять их, в том числе также и наиболее недоступный город Масаду. Впрочем, в это же самое время Ирод успел оправиться от своей болезни; он отнял у него все занятые им местности и, на основании заключенного договора, отпустил его на волю[20].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Тем временем расположенный к сыну Аристовула, Антигону, который успел набрать войско и деньгами склонить на свою сторону Фабия, Птолемей Менней из родственных чувств сделал попытку вернуть Антигону власть. Вместе с ним

двинулся в поход также оставленный Кассием в Тире в качестве правителя Марион. Этот Кассий разделил вообще всю Сирию на отдельные наместничества. Марион вторгся в находившуюся по соседству Галилею, захватил там три укрепленных пункта и занял их своими гарнизонами. Против него двинулся Ирод и отнял у него все его приобретения; но при этом он отнесся крайне снисходительно к тирийским гарнизонам, некоторым из них он даже дал подарки из расположения своего к их городу. Совершив это, Ирод выступил навстречу Антигону, сразился с ним и, победив его, изгнал из Иудеи, пока тот еще не достиг (пограничных) возвышенностей. По возвращении своем в Иерусалим Ирод удостоился от Гиркана и народа награждения венками. В то время он успел уже стать в близкие отношения к семье Гиркана и потому оказывал последнему особенное внимание; он был нареченным женихом дочери Аристовулова сына Александра и внучки Гиркана со стороны матери. Впоследствии она родила ему трех сыновей и двух дочерей. Впрочем, раньше он успел уже взять себе жену из простонародья, некую Дорис, от которой у него родился его старший сын, Антипатр.

2. Тем временем Антонию и Цезарю (Августу) удалось победить Кассия при Филиппах, как о том повествуется и другими историками. После этой победы Цезарь отправился в Италию, Антоний же в Азию. Когда Антоний прибыл в Вифинию, к нему отовсюду потянулись посольства. В числе прочих явились также и знатные представители иудеев и стали жаловаться на Фасаила и Ирода, указывая на то, что Гиркан царствует лишь по имени, тогда как на деле вся власть в руках последних. Между тем Антоний относился весьма хорошо к Ироду. Когда последний прибыл к нему, чтобы оправдаться в возводимых на него обвинениях, ему удалось добиться, что обвинителей перестали даже слушать. Этого достиг Ирод у Антония путем подкупа.

Когда Антоний прибыл в Ефес, первосвященник Гиркан и весь народ (иудейский) отправили к нему посольство с поручением вручить ему золотой венец и с просьбой издать указ, в силу которого были бы отпущены на свободу по отдельным эпархиям все неправильно захваченные Кассием в плен иудеи и им была бы возвращена земельная собственность, которой они были лишены во времена Кассия. При-

знав это ходатайство иудеев правильным, Антоний немедленно отправил Гиркану и иудеям, равно как и тирийцам, постановление следующего содержания:

3. «Марк Антоний император посылает привет первосвященнику и этнарху Гиркану, а также (всему) иудейскому народу. Если дела ваши хороши, я доволен, сам я с войском своим нахожусь в вожделенном здравии. Лисимах, сын Павзания, Иосиф, сын Меннея, и Александр, сын Феодора, явились ко мне в Ефес в качестве послов, исполнили теперь, как и некогда в Риме, данное им поручение твое и народа и усердно описали мне твое к нам расположение. Убежденный их вещественными доказательствами и доводами в том, что вы действительно весьма преданы нам, и узнав ваш благородный образ мыслей и ваше благочестие, позволяю себе выразить вам свое благоволение. После того как враги ваши и римского народа прошли по всей Азии, не щадя ни священных мест, ни храмов и не соблюдая данных клятв, мы, которые заступаемся не только за наши личные интересы, но преследуем общее благо, наказали всех виновных в беззакониях относительно людей и безобразиях по отношению к богам. Этими своими преступлениями враги, по нашему мнению, вызвали и то, что солнце отвернулось, лишь бы не взирать на гнусное убийство Цезаря. Однако мы расстроили их богопротивные замыслы, для приведения в исполнение которых Македония представляла самое подходящее и самой природой как бы предназначенное место, и разбили гнусную толпу их единомышленников, которую они собрали вблизи македонского города Филиппы, причем им удалось занять отличные позиции за оградой тянущихся до самого моря гор, так что доступ туда представлялся возможным лишь через один только проход. Несмотря на все это, мы побили их, потому что боги решили наказать их за все их безбожные начинания. Бежавший в Филиппы и подвергшийся там осаде нашей Брут разделил с Кассием его печальную участь. Итак, теперь, когда те подверглись наказанию, мы надеемся, что Азия впредь сможет наслаждаться миром и отдохнуть от войны. Дарованный нам Господом Богом мир мы желаем распространить и на союзников наших, так что ныне, благодаря нашей победе, тело Азии сможет как бы оправиться от продолжительной болезни. Поэтому я теперь памятую осо-

бенно о тебе и о (твоем) народе, заботясь о развитии вашего благосостояния. Ввиду сего я рассылаю указы по отдельным городам, чтобы была возвращена свобода всем тем свободнорожденным или рабам, которые были проданы с публичного торга Гаем Кассием или его подчиненными. Вместе с тем я утверждаю за вами невозбранное пользование всем тем, что даровано вам было мной и Долабеллой. Тирийцам я сим запрещаю подвергать вас каким бы то ни было насилиям и повелеваю им возвратить все то, что они отняли у иудеев. Присланный тобой венец (с благодарностью) я принял».

4. «Император Марк Антоний посылает привет должностным лицам, совету и народу города Тира. Ввиду того, что ко мне в Ефес прибыли послы первосвященника и этнарха Гиркана и заявили мне, что вы владеете их областью, которую вы заняли во время владычества наших противников, я желаю, так как мы начали войну за главенство и, заботясь о всех благочестивых и праведных людях, наказали тех, кто забывал оказанные благодеяния и нарушал данные клятвы, — итак, я желаю, чтобы тот мир, которым пользуетесь вы, распространился также на союзников наших, и повелеваю вам долее не задерживать имущества, полученного от наших противников, но возвратить его тем, у кого вы его отняли. Ведь никто (из противников наших) не получал ни своей области, ни своего войска от сената; напротив, овладев всем этим насильно, они держались за это силой и вознаграждали этим своих сообщников по преступности.

Так как они подверглись теперь заслуженному наказанию, то мы желаем, чтобы наши союзники невозбранно владели своей прежней собственностью и чтобы вы вернули иудейскому этнарху Гиркану все занятые вами теперь земли, которые принадлежали ему хотя бы за день до начала преступной войны Гая Кассия против нашей провинции, равно как запрещаем вам насильно мешать им в пользовании их личной собственностью. Если же у вас есть какие-нибудь в этом отношении оправдания, то вы можете привести их в свою пользу, когда мы приедем в ваши места, ибо мы намерены соблюдать в одинаковой мере интересы всех союзников наших».

5. «Император Марк Антоний посылает привет свой должностным лицам, совету и населению Тира. Сим посылаю вам свое распоряжение, которое прошу принять к сведе-

нию и относительно которого прошу распорядиться поместить его в общественном архиве с латинскими и греческими копиями. Самый же оригинал прошу держать на особенно видном месте, чтобы все желающие могли прочитать его. Император Марк Антоний, один из триумвиров, постановил: ввиду того, что во время последнего бунта Гай Кассий разграбил чужую провинцию, занятую войсками союзников, и притеснял дружественных римскому народу иудеев, мы, наказав его за наглость с оружием в руках, путем наших постановлений и решений повелеваем, чтобы все отнятое у наших союзников, равно как все то, что у иудеев было продано (с публичного торга), будь то люди или вещи, было возвращено им, а именно, чтобы всем людям была возвращена их первоначальная свобода, а вещи были отданы прежним владельцам. Всякого, кто осмелится ослушаться моего распоряжения, постигнет кара. В случае нарушения мне предоставляется право распорядиться с ослушником сообразно моему личному каждый раз усмотрению».

6. Совершенно то же самое он написал также сидонянам, антиохийцам и арадийцам. Мы считали уместным привести здесь все это в подтверждение указанного нами расположения и попечения римлян о нашем народе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда впоследствии Антоний прибыл в Сирию, то выехавшая к нему навстречу и свидевшаяся с ним в Киликии Клеопатра очаровала его своими прелестями. Тогда вновь явились к нему сто самых влиятельных иудеев с жалобами на Ирода и его клевретов, причем они выбрали из своей среды наиболее ловких ораторов. Но против них стал говорить от имени молодого поколения Мессала и сделал это в присутствии самого Гиркана, который тем временем уже успел породниться (с Иродом). Антоний выслушал обе стороны в Дафне[21] и затем спросил Гиркана, кто из них лучше умеет править народом. Когда же тот указал на Ирода, Антоний, который и раньше относился к нему благосклонно в память своей давнишней дружбы к отцу его, с которым он и Габиний некогда были в наилучших приятельских отношениях, назначил обоих братьев тетрархами[22] и поручил им заведование всеми

делами иудеев, причем утвердил их в этом сане специальной грамотой. Вместе с тем он распорядился арестовать пятнадцать противников их. Когда же он собрался казнить их, его отговорили от этого намерения приверженцы Ирода.

2. Впрочем, вернувшиеся с такой неудачей послы все-таки не отчаивались, но послали еще тысячу человек к Антонию в Тир, куда тот, по слухам, должен был приехать. Однако Антоний, успевший получить от Ирода и его брата большие взятки, отдал приказ наместнику казнить иудейских посланных, которые-де стремятся к возбуждению смут, и поддерживать приверженцев Ирода. В то же время Ирод (находившийся вместе с Гирканом на песчаной равнине перед городом) тотчас пошел к ним навстречу и посоветовал им удалиться, чтобы, в противном случае, не подвергнуться крупной беде. Послы не послушались этого совета, и тогда внезапно выбежавшие (из города) и вооруженные короткими мечами римляне многих из них перебили, а некоторых ранили. Остальные же обратились в бегство, вернулись домой и прятались в ужасе. Когда народ стал громко роптать на Ирода, Антоний разгневался и приказал умертвить арестованных.

3. На следующий год Сирией овладели царский сын Пакор и парфянский сатрап Барзафарн. В это время умер также и Птолемей Менней; получивший после него престол сын его Лисаний заключил дружбу с сыном Аристовула, Антигоном, причем это дело уладил (вышеуказанный) сатрап, который пользовался у него огромным влиянием. Антигон обещал дать парфянам тысячу талантов и пятьсот женщин, если они лишат Гиркана власти, передадут ее ему и убьют приверженцев Ирода. Впрочем, обещания своего он (впоследствии) не сдержал. Ввиду этого парфяне пошли войной на Иудею, собираясь сделать царем Антигона; Пакор двинулся по прибрежной полосе, Барзафарн же вторгся изнутри страны. Тирийцы не впустили Пакора, сидоняне же и птолемаидцы приняли его к себе.

Тогда Пакор отправил в страну иудейскую конный отряд для рекогносцировки и поддержки Антигона. Начальствовал над этим отрядом царский виночерпий, носивший с ним одно и то же имя. Когда же многие из живших около горы Кармела иудеев явились к Антигону с изъявлением желания принять участие в его экспедиции, Антигону показалось

вероятным, что он при их помощи овладеет частью страны. Место это называется Дримы. Но здесь им было оказано сопротивление, и они распались и двинулись (окольными путями) к Иерусалиму. Так как по дороге к ним присоединялись новые приверженцы, то в конце концов образовался значительный отряд, который явился к царскому дворцу и приступил к его осаде. Однако люди Фасаила и Ирода немедленно явились на помощь; произошел бой на площади, и тогда молодежь побила врагов, вогнала их в храм и разослала по ближайшим домам воинов для ограждения их. Однако поднявшийся против них народ, видя их покинутыми союзниками, сжег их вместе с этими домами. За это насилие, впрочем, немного спустя Ирод сильно отомстил своим противникам, сразился с ними и перебил многих из них.

4. Пока между ними ежедневно происходили стычки, враги стали поджидать из страны прибытия простонародья, которое должно было явиться к так называемому празднику пятидесятницы. Когда же наступил этот праздник, около храма собралось несколько десятков тысяч людей вооруженных и безоружных. Они заняли святилище и весь город, исключая окрестностей дворца, который был еще во власти Ирода и его немногочисленного военного отряда. И вот, пока Фасаил охранял стену, Ирод во главе отряда двинулся на врагов через городское предместье и, сразившись тут с ними в жестоком бою, обратил в бегство много десятков тысяч, причем одни из его противников бежали в город, другие в храм, третьи в находящееся вне города небольшое укрепление, которое там имеется.

При этом Фасаил оказал брату должную поддержку. Тем временем парфянский военачальник Пакор по просьбе Антигона прибыл в город во главе немногочисленного конного отряда под предлогом подавить восстание, на самом же деле с тем, чтобы помочь Антигону добиться власти. Так как Фасаил выехал ему навстречу и принял его дружелюбно в свой дом, то Пакор стал уговаривать его отправить его во главе посольства к Барзафарну, причем имел в виду коварный какой-то замысел. Ничего дурного не подозревавший Фасаил так бы и поступил, если бы Ирод не удержал его от этого шага, не доверяя варварам. Напротив, он советовал принять меры предосторожности относительно Пакора и его спутников.

5. Впрочем, Гиркан и Фасаил все-таки отправились (к сатрапу), и Пакор, оставя у Ирода двести всадников и десять человек отборного отряда, известного под именем «свободных», поехал вместе с ними. Когда они прибыли в Галилею, к ним навстречу выступили с оружием в руках начальники тамошних городов. Барзафарн принял (иудеев) сперва любезно и одарил их подарками, а затем стал злоумышлять против них. Фасаил с товарищами был помещен вблизи (города) Экдиппона[23] недалеко от моря.

Когда они тут узнали, что Антигон обещал парфянам за них тысячу талантов и пятьсот женщин, то они стали уже с подозрением относиться к варварам, тем более что кто-то сообщил им, будто на них ночью готовится нападение и будто с этой целью за ними наблюдает специальная стража. Они действительно были бы схвачены, если бы варвары не вздумали подождать, пока остававшиеся в Иерусалиме парфяне не схватят Ирода, чтобы он не убежал от них, если узнает об избиении своих товарищей. Так оно и было на самом деле, и иудеи (своими собственными глазами) видели стражу. Тогда кое-кто посоветовал Фасаилу сесть на коня и не ждать дольше. Особенно побуждал его к этому Офеллий, который узнал (о коварных помышлениях парфян) от некоего Самаралла, самого богатого в то время сирийца, и обещал приготовить корабли для бегства, ибо море было близко. Однако Фасаил не желал покидать Гиркана и навлекать опасность на брата. Поэтому он отправился к Барзафарну и представил ему всю незаконность его действий, если он так злоумышляет против них. При этом он обещал ему заплатить больше денег, чем дал бы ему Антигон, и указал на то, что для него было бы опасно убивать явившихся к нему на основании его слова послами ничем не обидевших его людей. На это варвар стал клясться, что все эти опасения нисколько не основательны и что он мучается ложной подозрительностью. Затем он отправился к Пакору. После его отъезда несколько парфян заключили Гиркана и Фасаила в оковы, а эти несчастные стали осыпать парфян бранью за их вероломство.

6. Отправленный к Ироду виночерпий получил поручение выманить Ирода за стены города и там схватить его. Между тем Фасаилом были посланы люди с извещением о коварстве парфян, но эти вестники были перехвачены вра-

гами. Когда об этом узнал Ирод, он обратился к Пакору и к парфянским военачальникам, которые, в силу своего высокого положения, являлись начальниками остальных парфян. Хотя им на самом деле и было все известно, однако они коварно прикинулись, будто ничего не знают, и предложили Ироду выехать в их обществе за город навстречу послам, которые привезут извещение; при этом парфяне уверяли, что эти посланные отнюдь не захвачены врагами, но скоро явятся с извещениями о том, как устроился Фасаил. Ирод им не поверил, потому что узнал из других источников о плене своего брата. Когда же его предупредила о том еще его теща, дочь Гиркана, он стал еще осторожнее относиться к парфянам. Хотя другие и не очень доверяли ей, однако сам Ирод поверил этой в высшей степени умной женщине.

7. Пока парфяне совещались о дальнейшем образе действий (они не решались открыто напасть на человека, занимавшего столь видное положение) и сговаривались отложить исполнение своего плана до следующего дня, Ирод был крайне смущен и, более доверяя тому, что он узнал о судьбе своего брата и о кознях парфян, чем уверениям противоположного характера, с наступлением вечера решил воспользоваться темнотой для бегства и более не медлить, как будто бы угрожавшая ему со стороны врагов опасность была еще недостаточно определенна. Поэтому он собрал своих воинов, посадил на вьючных животных женщин, а именно мать, сестру и невесту, внучку Аристовула, равно как мать последней (дочь Гиркана), а также младшего своего брата, равно как всю прислугу и домочадцев, Ирод незаметно от врагов двинулся по направлению к Идумее. Впрочем, навряд ли нашелся бы тогда столь черствый сердцем враг, который, присутствуя при этом, не пожалел бы о судьбе этих людей, видя, как женщины прижимали к себе младенцев и со слезами и рыданиями покидали теперь свою отчизну и томившихся в оковах друзей своих, идя навстречу собственной весьма неопределенной будущности.

8. Между тем Ирод, возвышаясь над постигшим его страшным ударом, сам нисколько не терял мужества и присутствия духа, но во время пути утешал еще своих спутников и уговаривал их не предаваться слишком печали, потому что это только помешает их бегству, в котором одном заключается все их спасение.

Ввиду утешений Ирода те действительно по мере сил старались спокойнее переносить постигшее их горе. Впрочем, сам Ирод чуть было не наложил на себя рук, когда один из мулов оступился и мать Ирода подверглась при этом большой опасности. Этот порыв его был вызван не только мыслью о матери, но и опасением, как бы не попасть в руки гнавшихся за ними неприятелей, вследствие происшедшей от этого падения задержки. Он было уже извлек свой меч и собирался пронзить себя им, но тут его удержали более многочисленные спутники и указали ему, что он не может бросить их на произвол врагов, ибо неблагородно избегать самому опасности и тем самым ввергать в нее близких людей. Таким образом, Ирод был удержан от приведения в исполнение своего отчаянного намерения отчасти чувством самолюбия, отчасти убеждениями, отчасти же множеством лиц, не допустивших его наложить на себя руки. Когда же тем временем и мать его опять пришла в себя и оправилась, насколько позволяли обстоятельства, благодаря окружавшим ее попечениям, Ирод стал продолжать начатый путь и по возможности скорее пытался достигнуть крепости Масады. По дороге ему пришлось часто сражаться с выступавшими ему навстречу и преследовавшими его парфянами, но он (постоянно) оставался победителем.

9. Впрочем, во время своего бегства Ирод подвергался опасностям также со стороны иудеев, которые напали на него с оружием в руках по пути, когда он успел удалиться от города на расстояние шестидесяти стадий. Однако он побил их так, как будто бы он не был захвачен в тяжелую и критическую минуту, но был наилучшим образом вооружен и стоял во главе огромного специально готового к бою войска.

Впоследствии, когда Ирод стал уже царем, он воздвиг на месте этой своей победы над иудеями великолепный дворец и положил основание городу, который назвал Иродиадой. Когда Ирод достиг идумейского города Фрисы, навстречу ему выступил брат его Иосиф и стал совещаться с ним о дальнейшем образе действий, потому что с Иродом шла значительная масса народа, помимо наемных воинов, а Масада, куда он хотел укрыться, не могла вместить в себе такого огромного числа людей. Тогда Ирод отпустил от себя большинство их, более девяти тысяч человек, предложив им по мере

возможности укрываться в Идумее и дав им деньги на дорогу. Сам же он с самыми ловкими и преданными удалился в крепость, оставил там женщин и свиту (около восьмисот человек) благодаря значительным в крепости запасам хлеба, воды и прочих припасов, а сам двинулся к Петре Аравийской.

Тем временем с наступлением дня парфяне стали грабить все в Иерусалиме и между прочим царский дворец, оставив, впрочем, нетронутым имущество Гиркана, доходившее стоимостью до трехсот талантов. Однако многое из имущества Ирода ускользнуло от них, главным образом потому, что этот умный и предусмотрительный человек заранее предупредил их, отослав главные свои ценности в Идумею. Однако парфяне не удовлетворились тем, что нашли в городе; поэтому они предавали грабежу и разорению также все его окрестности и разрушили при этом весьма могущественный город Мариссу.

10. После того как Антигон таким образом был вновь водворен в Иудее, при помощи парфянского царя он получил от него пленных Гиркана и Фасаила. Впрочем, он был в довольно безысходном положении, так как у него ускользнули те женщины, которых он должен был сообразно своему обещанию отдать врагам вместе с деньгами. Вместе с тем он опасался также, как бы народная масса не вздумала вернуть царскую власть Гиркану (которого стерегли парфяне), и потому он велел отрубить ему уши, рассчитывая лишить его таким образом возможности быть первосвященником вследствие телесного порока, так как закон требовал, чтобы сан первосвященника занимало лицо нормально сложенное.

Нужно изумляться присутствию духа Фасаила, который, при известии о предстоящей ему казни, вовсе не устрашился смерти, но, считая такую смерть от руки врага слишком тяжелой и позорной, не имея возможности лично наложить на себя руки вследствие оков, решил разбить себе голову о стену. Таким образом он сам лишил себя жизни, причем этот род смерти казался ему наиболее достойным в его безысходном положении: он все-таки лишил врага своего удовольствия казнить его по своему усмотрению. Говорят, что, когда он умирал от своей тяжкой раны, Антигон послал к нему врачей, якобы для подания помощи, но на самом деле, чтобы окончательно отравить его. Но раньше, чем Фасаил испустил дух, некая женщина принесла ему известие, что его брат Ирод избег пресле-

дований врагов. Поэтому Фасаил спокойно встретил смерть, зная, что остается в живых человек, который сможет отомстить за его смерть и жестоко наказать врагов[24].

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1. Тем временем Ирод не отчаивался в постигших его крупных несчастьях, но изо всех сил старался выпутаться из затруднительного положения. Например, он отправился к арабскому царю Малху, которому он раньше оказал целый ряд услуг, и рассчитывал получить от него столь нужную ему теперь денежную помощь, в виде ли ссуды или в форме подарка, так как царь сам в свое время немало попользовался его щедростью. Так как Ирод пока не знал еще ничего о постигшей его брата судьбе, то он спешил освободить его из рук врагов и был готов заплатить за него крупный выкуп, хотя бы стоимостью в триста талантов. Ввиду этого он захватил с собой также семилетнего сына Фасаила, чтобы оставить его арабам в качестве заложника. Когда же ему навстречу выехали послы Малха с просьбой вернуться назад (дело в том, что Малх утверждал, будто бы парфяне запретили ему принять Ирода; впрочем, эта отговорка служила лишь предлогом, чтобы не возвращать Ироду долга, а также была вызвана убеждениями знатнейших арабов, которые не желали лишаться денежных сумм, оставленных им некогда Антипатром), тогда Ирод ответил им, что целью его приезда вовсе не является желание стеснить арабов, по необходимость посоветоваться (с царем) о крайне неотложных делах.

2. Затем, однако, Ирод все-таки считал более разумным удалиться в Египет. Тогда он прибыл в какое-то святилище (где он оставил небольшой отряд своих приверженцев), а на следующий день в Ринокоруру, где узнал о судьбе, постигшей его брата. Тем временем, впрочем, Малх успел одуматься и поспешил вслед за Иродом, однако не мог его догнать, потому что последний, спеша к Пелузиуму, удалился значительно вперед. Когда он прибыл туда и находившиеся там корабельщики не захотели повезти его в Александрию, он обратился к начальствующим лицам. Принятый последними с почтением и сопутствуемый ими к городу, он прибыл туда и был там удерживаем Клеопатрой. Однако Клеопатра не смогла уговорить

его остаться у нее, потому что он вследствие наступления зимы спешил в Рим, тем более что из Италии приходили вести о тамошних смутах и больших политических переменах.

3. Поэтому Ирод поехал отсюда (на корабле) в Памфилию; его застигла страшная буря, и он с трудом спасся в Родосе, потеряв при этом, однако, свой багаж. Тут он встретил двух друзей, Саппина и Птолемея. Найдя город страшно разоренным вследствие войны Кассия, он, несмотря на личный недостаток средств, все-таки не мог удержаться от того, чтобы не поддержать его, и помог ему свыше сил своих. Затем он велел снарядить себе трирему и поехал на ней в сопровождении друзей своих в Италию, где и высадился в Брундузиуме. Прибыв затем в Рим, он сперва сообщил Антонию о событиях в Иудее, а именно: как был загублен взятый парфянами в плен брат его Фасаил, как Гиркан (до сих пор) находится у них в плену, как парфяне провозгласили царем Антигона, обещавшего им (за это) тысячу талантов деньгами и пятьсот женщин из наиболее знатных семейств, как он сам, Ирод, однако, увез этих женщин ночью и как ему удалось избежать врагов, претерпев множество лишений; как затем его домашние подвергаются крайней опасности вследствие осады и как он сам, несмотря на зимнее время и забыв о всяких личных неудобствах, приплыл сюда в уповании исключительно на его, Антония, помощь.

4. Антоний сжалился над постигшим Ирода бедствием, и так как подумал о том, что и самые могущественные люди зависят от превратностей судьбы в такой же точно мере, как и угнетенные, он, в память прежних дружественных отношений к Антипатру, а также побуждаемый обещанными Иродом, в случае назначения своего царем, денежными суммами (он заплатил ему и раньше, когда был назначен тетрархом), особенно же вследствие ненависти к Антигону (в котором видел опасного для римлян мятежника), охотно согласился поддержать Ирода и исполнить его просьбу. Сам Цезарь также выразил готовность исполнить желание Ирода и поддержать его, потому что он памятовал о походе Антипатра вместе с отцом его в Египет, равно как его гостеприимство и во всех отношениях предупредительную любезность, а также потому, что желал сделать угодное Антонию, который особенно отстаивал интересы Ирода. Когда затем собрался совет, представленные Иродом Мессала, а за ним Атратин рассказали об услугах, оказан-

ных отцом его (Антипатром) римлянам, вспомнили о всегдашнем его расположении к ним, а также стали обвинять Антигона во враждебных римлянам замыслах, что видно не из одного того только, что он напал на них, но главным образом из того, что он, совершенно помимо римлян, добился власти при помощи парфян. Так как сенат не скрыл при этом своего гнева, то Антоний немедленно явился с указанием, что для предстоящей парфянской войны было бы полезно провозгласить Ирода царем. Это предложение было принято и единогласно утверждено.

5. Так ревностно соблюдал Антоний интересы Ирода, что не только выхлопотал ему, не рассчитывавшему вовсе на это, царскую власть, но и добился того, чего уже никак не ожидал Ирод, что он мог в качестве царя выехать спустя семь дней из Италии. (Дело в том, что Ирод хотел домогаться царского достоинства не для себя лично, так как не рассчитывал на это, потому что римляне имели обыкновение провозглашать царями лишь лиц соответствующего происхождения, а для своего шурина Аристовула, который был внуком Аристовула со стороны отца и внуком Гиркана по матери.) Этого молодого человека Ирод, впрочем, казнил, как мы покажем в свое время.

Когда окончилось заседание сената, Антоний и Цезарь вышли оттуда в сопровождении Ирода, консулов и всех остальных должностных лиц, для того чтобы принести (установленную) жертву и поместить состоявшееся решение в Капитолии. Затем Ирод в первый день своего царствования обедал у Антония.

Таким образом, он достиг царской власти в сто восемьдесят четвертую олимпиаду, во вторичное консульство Гнея Дометая Кальвина и (в первое) Гая Азиния Поллиона.

6. В течение всего этого времени Антигон осаждал заключившихся в Масаде, причем у них было вдоволь всяких жизненных припасов и ощущался лишь недостаток в воде, так что вследствие этого брат Ирода, Иосиф, решил было с двумястами своих людей бежать к арабам, так как до него дошли слухи, что Малх раскаивается в своем проступке относительно Ирода. От исполнения этого предприятия, впрочем, сам Господь Бог удержал Иосифа, послав ночью дождь: когда водоемы наполнились влагой, не было более необходимости бежать, и все теперь снова ободрились, тем более что в по-

полнении недоставшего запаса воды они усматривали поддержку, оказанную им самим Предвечным. Поэтому они рискнули сделать вылазку и сразиться с войсками Антигона, отчасти в открытом поле, отчасти под прикрытием. При этом они перебили множество неприятелей. В то время прибыл за парфянами в Иудею римский полководец Вентидий, посланный из Сирии для того, чтобы прогнать парфян. Он явился якобы на помощь Иосифу, на самом же деле вся цель его была при этом получить взятку с Антигона. Расположившись поэтому вблизи самого Иерусалима, он тотчас получил от Антигона деньги и сам удалился с большей частью своего войска; а для того, чтобы не навлекать на себя подозрения (в подкупе), он оставил тут Силона с отрядом. Антигон, впрочем, подкупил и его и обезопасил себя этим, рассчитывая, между прочим, на то, что парфяне вторично поддержат его[25].

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

1. Когда вскоре затем Ирод приехал из Италии в Птолемаиду и набрал там значительное войско, состоявшее отчасти из наемников, отчасти из единоплеменников (иудеев), он направился по Галилее против Антигона. Вместе с тем к нему примкнули также Силон и Вентидий, которых уговорил посланный Антонием Деллий поддержать Ирода. Вентидий был как раз занят тем, что подавлял беспорядки, возникшие в различных городах благодаря парфянам, тогда как Силон, подкупленный Антигоном, пребывал в Иудее. Между тем, по мере того как Ирод продвигался вперед, могущество его росло с каждым днем, и, за малыми исключениями, к нему присоединилась вся Галилея. Когда же он двинулся к Масаде (где было необходимо выручить осажденных родственников), город Яффа представил ему некоторую задержку; ввиду его враждебности пришлось сперва взять этот город, чтобы, при дальнейшем следовании Ирода к Иерусалиму, не оставалось крепости в тылу для врагов. При этом Силон воспользовался представившимся случаем изменить свою позицию; когда же иудеи принялись преследовать его, Ирод пошел во главе небольшого отряда, поспешил к нему на выручку, обратил иудеев в бегство и тем спас Силона, очутившегося было в крайне затруднительном положении. Взяв затем Яффу, Ирод

поспешил на выручку своих родных. Из жителей многие теперь примкнули к нему отчасти вследствие расположения к отцу Ирода, отчасти ввиду славы, которая следовала за Иродом, отчасти в воздаяние оказанных ими обоими услуг, большинство же было побуждаемо к тому надеждами, которые возникали у них относительно будущего, когда Ирод утвердит за собой царскую власть.

2. Таким образом, у Ирода набиралось внушительное войско, и по мере того как он двигался вперед, Антигон занимал своими отрядами самые важные пункты по пути следования его или помещал в них засады; впрочем, все это вовсе или, по крайней мере, очень мало вредило врагам. Ирод освободил своих родственников в Масаде, взял крепость Фрису и двинулся на Иерусалим, причем вместе с ним шло не только войско Силона, но к нему примкнули также многие из жителей Иерусалима, испугавшиеся его могущества. Когда Ирод расположился лагерем на западной стороне города, то поставленная здесь стража стала стрелять из луков и метать дротики; некоторые отряды рискнули даже выйти из города и вступили в борьбу с авангардом Ирода. Тогда Ирод в первый раз приказал возвестить под стенами (города), что он, явившись лишь для блага народа и спасения города, готов не только забыть все обиды, нанесенные ему его отъявленными врагами, но и дать амнистию за самые тяжкие провинности. В ответ на это воззвание Ирода Антигон обратился к Силону и римскому войску, что они нарушат всякую справедливость, если отдадут царскую власть Ироду, который является совершенно частным лицом и притом идумеянином, то есть полуевреем, тогда как по справедливости и обычаям (страны) эта власть должна принадлежать лишь кровным иудеям. Если, продолжал он, иудеи теперь и недовольны тем, что он (Антигон) добился царской власти при помощи парфян, и решили ее отнять у него, то все-таки имеется еще много членов его семьи, которые, не причинив никакого зла римлянам и вдобавок будучи священниками, совершенно несправедливо терпят обиду, будучи лишены этой власти; впрочем, они сумеют добиться ее. Пока происходили переговоры, перешедшие затем в ругань, Антигон распорядился отогнать врагов от стены. Последние, однако, принялись за стрельбу из луков и, пустив в ход всю свою храбрость, без труда согнали противников с их башен.

3. Тогда-то Силон явно обнаружил, что его подкупили. Дело в том, что по его наущению многие из солдат стали громко роптать на недостаток съестных припасов и требовать денег для приобретения их, причем просили, чтобы их отвели в более удобные места на зимние стоянки, потому что все окрестности города разорены солдатами Антигона. Вследствие этого весь лагерь заволновался и сделал попытку удалиться. Однако Ирод стал энергично убеждать военачальников Силона и его солдат не покидать его, ссылаясь при этом на то, что они следуют за ним по приказанию Цезаря, Антония и сената. При этом он говорил, что позаботится об их благополучии и без труда доставит им в изобилии все, чего бы они ни пожелали. После этого обещания он немедленно двинулся в глубь страны и тем самым лишил Силона всякого повода к отступлению; при этом ему удалось добыть такое множество припасов, на какое никто не мог рассчитывать, и послал своим друзьям в Самарии просьбу доставить к нему в Иерихон хлеба, вина, оливкового масла, скота и всего прочего, дабы его войско не терпело ни малейшего недостатка. Об этом узнал также Антигон, и потому он немедленно распорядился разослать по окрестностям отряды, которые должны были перехватить обозы (Ирода). Сообразно приказанию Антигона, около Иерихона собралось значительное войско, которое засело в горах и стало ожидать прохода транспортов. Впрочем, и Ирод, в свою очередь, не дремал. С десятью когортами, пятью римскими и пятью иудейскими, равно как с отрядом наемников, к которым было присоединено еще несколько кавалерии, он двинулся к Иерихону. Город этот он нашел покинутым жителями; лишь пятьсот человек заняли с женами и детьми крепость, но Ирод взял ее и отпустил их; римляне тем временем рассыпались по городу и стали грабить его, причем нашли в жилищах множество всевозможных драгоценностей. Затем царь оставил в Иерихоне гарнизон, сам вернулся назад и отпустил римское войско на зимовье в преданные ему области — Идумею, Галилею и Самарию. Вместе с тем и Антигон путем подкупа добился от Силона согласия на оставление части войска в Лидде; этим он думал снискать себе расположение Антония. Таким образом, римляне, освободясь от военной службы, устроились отлично.

4. Ирод, однако, не желал пребывать в бездействии. Послав в Идумею брата своего, Иосифа, во главе двух тысяч пехотинцев и четырехсот всадников, он сам направился к Самарии. Устроив тут свою мать и прочих домашних, освободившихся тем временем от заключения в Масаде, Ирод пошел в Галилею с целью занять несколько пунктов, где были помещены гарнизоны Антигона. Прибыв при снежной вьюге в Сепфорис, причем отряд Антигона покинул город, он завладел богатым запасом продовольствия. Так как там жило в пещерах несколько разбойничьих шаек, он выслал против них отряд конницы и три когорты пехоты и решил прекратить грабежи. Это произошло в непосредственной близости к деревне Арбеле. На сороковой день явился сам Ирод во главе всего своего войска, и хотя враги выступили ему навстречу весьма храбро, однако правое крыло их дрогнуло; когда же они вступили в бой с отрядом самого Ирода, то они, которые одержали уже победу, обратились в бегство, и воины царя преследовали их. Таким образом, Ирод гнался за ними до реки Иордан, а также за теми, которые бежали по другим дорогам. Таким путем Ирод подчинил себе всю Галилею, исключая разбойничьих шаек (в горных пещерах). После этого он роздал войску денежные награды, а именно — каждому солдату вручил полтораста драхм, а начальникам гораздо более. Затем уже он разместил все войско по зимним квартирам. В это время прибыли к нему Силон и другие находившиеся на зимних стоянках военачальники, потому что Антигон отказался давать им продовольствие дольше месячного срока. Вместе с тем Антигон распорядился отдать всем своим приверженцам в окрестностях приказ собрать все припасы, имеющиеся в стране, и бежать с ними в горы, дабы римляне, лишенные всего необходимого, погибли от голода. Между тем Ирод поручил своему младшему брату Фероре позаботиться об этих людях и вместе с тем приказал ему вновь отстроить Александреум; последний быстро доставил войску в изобилии все нужное, а также укрепил покинутый всеми город Александреум.

5. Около того же времени Антоний находился в Афинах. Вентидий между тем, послав Силона против парфян в Сирию, поручил ему сперва поддержать в этой войне Ирода, а затем уже собрать союзников для римского похода. Ирод,

однако, отправил Силона обратно к Вентидию, а сам собрался лично покончить с разбойничьими шайками в пещерах и с этой целью двинулся против них. Пещеры находились в крайне недоступных горах, и вход в них был среди почти отвесных скал, защищенных остроконечными утесами. В этих пещерах разбойники укрывались со своими семействами. Тогда царь распорядился соорудить большие кованые ящики и спустить их на железных цепях с вершины гор, потому что его люди не могли спуститься по скатам, благодаря их отвесности, ниже подняться наверх (по той же причине). Эти ящики были полны воинов, снабженных длинными баграми, которыми они должны были схватывать выходящих из пещер разбойников и сбрасывать их затем вниз. Впрочем, спуск этих ящиков представлял значительную опасность ввиду необычайной глубины пропастей. В то же самое время разбойники (в пещерах) были снабжены в достаточной мере продовольствием и всем нужным; когда же ящики были спущены вниз, никто из разбойников не решился выйти на площадки перед пещерами, но все были в большом страхе. Тогда один из воинов (Ирода) опоясался мечом, ухватился обеими руками за пень, на которой висел ящик, и выскочил на площадку, сердясь на то, что разбойники не решаются выйти к нему. Подойдя затем к входу в пещеру, он сперва своими копьями перебил множество столпившихся у входа, а затем схватил багром тех, кто двинулся вперед, вытащил их на площадку и сбросил в пропасть. После этого он проник в самую пещеру, убил там множество разбойников, а затем спокойно прыгнул обратно в свой ящик. Тогда на остальных врагов напал страх, они услыхали стоны умирающих и стали отчаиваться в своем спасении. Однако наступление ночи положило конец всему этому предприятию. Когда царь возвестил им требование сдаться, многие вышли, отдались во власть его и обещали ему покорность. Точно таким же образом продолжалась осада (остальных) на следующий день, тем более что солдаты стали смелее выскакивать из ящиков и драться у входа в пещеры, куда они также кидали огонь, чтобы опустошить внутренности пещер, где было собрано много дров. При этом один старик, заключенный в пещере с семью сыновьями своими и женой, сделал следующее: когда члены его

семьи просили его разрешить им выйти на площадку и отдаться во власть римлян, он сам встал у входа и поочередно перебил всех выходивших детей своих, равно как и жену. Затем он сбросил тела их в пропасть и за ними сам ринулся вниз, предпочитая смерть рабству. Перед этим он еще стал хулить Ирода за его низкое происхождение, хотя царь (присутствовавший при всем этом) и простирал к нему правую руку, обещая полную безопасность. Таким образом все пещеры в конце концов были заняты.

6. После этого царь поручил Птолемею охрану этих местностей, а сам во главе шестисот всадников и трех тысяч пехотинцев двинулся к Самарии с целью решить спор свой с Антигоном на поле брани. Однако командование Птолемея окончилось для него неудачей, потому что те отряды, которые и раньше производили смуты в Галилее, напали на него и убили его, после чего бежали в болота и неприступные местности, предавая все на пути своем разграблению. Однако Ирод сейчас же вернулся и наказал их, перебив часть мятежников и подвергнув осаде других, которые бежали в укрепления. Укрепления эти он взял, а людей перебил. Этим он раз навсегда подавил в них стремление к мятежам, а города в наказание обложил данью в сто талантов.

7. Тем временем Пакор пал в битве, и счастье отвернулось от парфян. Тогда, по приказанию Антония, Вентидий послал Ироду на помощь Махера с двумя легионами и тысячей всадников. Между прочим, Махер, несмотря на увещевания Ирода, склонился на подкуп со стороны Антигона и удалился под предлогом ближе ознакомиться с положением дел последнего. Но, подозревая его истинные намерения, Антигон не стал дожидаться его прибытия, но встретил его градом камней пращников, тем самым показывая ему, что он понял его планы. Когда теперь Махер убедился, что Ирод посоветовал ему наилучшее и что он, не вняв его совету, поступил нехорошо, он двинулся назад к городу Эммаусу и в гневе на постигшую его неудачу стал избивать всех попадавшихся ему по пути иудеев, невзирая на то, враждебны ли они или дружественны ему. Тогда царь, в свою очередь, страшно рассердился и пошел к Самарии. Он решил пожаловаться Антонию и сказать ему, что не нуждается в таких союзниках, которые приносят больше вреда ему, чем врагам, и что он сам в силах справить-

ся с Антигоном. Однако Махер последовал за ним и стал упрашивать остаться здесь или, по крайней мере, в случае ухода все-таки оставить при нем брата своего Иосифа, чтобы он вместе с ним мог воевать с Антигоном. Усиленные просьбы Махера заставили Ирода склониться на его сторону; он оставил ему Иосифа с войском, но советовал брату остерегаться опасности и не ссориться с Махером.

8. Сам Ирод поспешил к Антонию (который как раз в это время осаждал город Самосату на Евфрате), имея для своего прикрытия отряды конный и пеший. Прибыв в Антиохию и найдя там множество лиц, которые непременно желали поехать к Антонию, но не решались на это из боязни подвергнуться по пути нападению варваров и погибнуть, он смело предложил взять на себя главенство в этой экспедиции. В расстоянии двухдневного перехода от Самосаты туземцы устроили засаду, чтобы лишить Антония подвоза (припасов), причем эти люди заняли лесные опушки при входе в равнину, а значительные спрятанные там же конные отряды должны были дожидаться, пока проезжающие не вступят на равнину. Когда проехали первые части и проследовал в арьергарде Ирод, на него внезапно бросилось из засады до пятисот врагов. Первые ряды быстро были обращены в бегство, царь же ринулся немедленно вперед на выручку товарищей и стал рубить врагов; этим он вновь возбудил мужество своих людей и придал им отваги, а так как тем временем бежавшие вернулись назад, то на варваров отовсюду посыпались удары, и множество их подверглось избиению. Царь сам налег на них изо всех сил и двинулся вперед тогда лишь, когда ему удалось отбить у врагов все то, что они успели было похитить (множество вьючного скота и рабов). Когда же затем на них напало еще более значительное количество врагов, находившихся в засаде в лесах при выходе из равнины, Ирод вступил и с ними в отчаянный бой, обратил их в бегство и, перебив множество их, дал своим спутникам, которые называли его теперь своим спасителем и заступником, возможность беспрепятственно совершать дальнейший путь свой.

9. Когда Ирод приблизился к Самосате, Антоний выслал ему навстречу войско и личную свою свиту, чтобы выразить ему этим свое почтение и оказать поддержку: Антоний уже знал о нападении варваров. Он с удовольствием ждал приез-

да Ирода, и так как узнал о подвигах, совершенных им в пути, то принял его с выражением удивления его храбрости, немедленно заключил его в объятия и принял его с тем большим почетом, что он сам недавно провозгласил его царем. Так как немного спустя Антиох сдал Антонию свою крепость и тем самым война окончилась, Антоний поручил Соссию Сирию с приказанием поддерживать Ирода, а сам двинулся в Египет. Соссий тотчас выслал два легиона в Иудею для поддержки Ирода, а сам с ядром своего войска последовал за ним.

10. В это время в Иудее умер Иосиф следующим образом: он совершенно забыл о том, что советовал ему брат его при отъезде к Антонию, и расположился лагерем на склонах гор (дело в том, что он во главе предоставленных ему Махером пяти когорт собирался двинуться на Иерихон, чтобы овладеть посеянным тамошними хлебом). Но так как римский отряд состоял из одних только новобранцев, которые были еще неопытны в военном деле (тем более что большинство этих людей было набрано в Сирии), то, когда на него там напали враги, он увидел себя в критическом положении и должен был умереть. Пал он, сражаясь геройски, и потерял при этом всех своих воинов, именно шесть когорт. Победив таким образом врагов, Антигон велел отрубить Иосифу голову, а брат последнего, Ферора, предложил ему за нее пятьдесят талантов. После этого галилеяне отложились от своих наместников и потопили приверженцев Ирода в озере[26]. В Иудее (также) произошли значительные смуты. Тем временем Махер принялся за укрепление местечка Гитты.

11. К царю между тем явились вестники с сообщением о случившемся и довели до его сведения в антиохийской Дафне о судьбе его брата, причем сам Ирод уже был предварен различными непреложными сновидениями о смерти брата. Поэтому он ускорил свое выступление к Ливанскому хребту, прибыл туда и, приняв в свое войско, состоявшее из одного римского легиона, еще около восьмисот туземцев, направился к Птолемаиде. Отсюда он ночью выступил во главе своего войска и пошел через Галилею. Тут против него выступили враги, но, будучи побеждены в битве, должны были вновь запереться в той крепости, откуда они вышли накануне. На заре Ирод совершил нападение на эту крепость, но так как он вследствие сильной снежной бури ничего не мог тут поделать, то отступил

со своим войском в ближайшие деревни. Когда же сюда прибыл к нему второй присланный ему Антонием легион, то враги, занимавшие укрепление, испугались и ночью покинули его. Затем царь поспешил к Иерихону, имея в виду отомстить жителям за смерть своего брата. Расположившись станом и угостив всех начальствующих лиц, Ирод затем отпустил их, а сам отправился в свою половину. Тут явилось доказательство милости Божьей к царю: дело в том, что в этот самый момент рушилась крыша дома, причем никого не ранила. Из этого все могли убедиться, как Предвечный любит Ирода, раз Он дал ему возможность избегнуть такой явной и великой опасности.

12. На следующий день шесть тысяч врагов спустились с горных вершин и своим желанием вступить в бой испугали римлян. Неприятельские легковооруженные выступили вперед и стали закидывать дротиками и камнями вышедший против них отряд царя, причем какой-то воин ударил самого Ирода копьем в бок.

Тем временем Антигон послал в Самарию полководца по имени Папп с небольшим отрядом, желая возбудить во врагах убеждение, что он ведет войну с большими силами, чем бы следовало. Этот полководец укрепился станом против Махера. Между тем Ирод (вскоре) взял пять городов, перебил найденных и захваченных там жителей, число которых доходило до двух тысяч, а сам, сжегши эти города, двинулся на Паппа. Последний расположился станом около деревни Иканы. Тут (к Ироду) пристало множество людей из Иерихона и других частей Иудеи; когда же он подошел ближе и враги отчаянно ринулись ему навстречу, он сразился с ними и разбил их, а затем в отместку за убиение брата преследовал их до самой деревни, в которую они бежали, и по пути предавал их избиению. Так как все жилища были наполнены воинами и многие искали убежища на крышах, то Ироду пришлось взять их силой; когда же он велел разрушать крыши, то увидел, что внутри дома были полны воинов. Тогда сверху стали на них швырять глыбами камней и убивать их кучами. Это было самое ужасное зрелище за всю ту войну; груды тел были затем свалены друг на друга около стен. Это обстоятельство совершенно подавило мужество врагов, которым приходилось ожидать и себе такой же (печальной) участи.

Тогда вблизи деревни можно было видеть множество на-

рода. Это были беглецы. Если бы не наступила жестокая зима, упоенное победой царское войско пришло бы к самому Иерусалиму и все дело было бы сделано, тем более что и Антигон ввиду всеобщего бегства теперь думал лишь об окончательном оставлении города.

13. Тогда царь, ввиду наступления вечера, отпустил солдат своих обедать, а сам, будучи очень утомлен, вошел в один из домов и стал купаться. Здесь (опять) он подвергся крайней опасности, из которой спасло его лишь Божье Провидение. Дело в том, что Ирод совсем уже разделся и при нем находился для услуг один только мальчик, как вдруг мимо него пробежал какой-то воин с обнаженным мечом и выскочил в дверь, за ним последовали с таким же оружием второй и третий. Эти воины бежали было в тот дом и скрывались внутри него из страха. Теперь они так были напуганы, что не тронули царя, думая об одном лишь, как бы самим беспрепятственно спастись из дома. На следующий день Ирод распорядился отрубить у павшего Паппа голову и отослать ее Фероре в знак отмщения за судьбу брата: Папп собственноручно убил последнего.

14. По окончании зимы Ирод двинулся отсюда, подошел к самому Иерусалиму и расположился вблизи его лагерем. То был уже третий год, что его назначили в Риме царем. Затем он двинулся вперед, подошел совсем близко к той части городской стены, которая была менее всего укреплена, и расположился лагерем перед самым храмом, имея в виду вести атаку точно таким же образом, как то некогда сделал Помпей. Он распорядился соорудить три вала в этой местности и воздвигнуть на них башни, причем работа шла крайне энергично и все окрестные деревья были срублены. Поручив эти работы специалистам, сам Ирод, пока его войско стояло здесь еще лагерем, поехал на свою свадьбу в Самарию, чтобы жениться там на дочери Александра и внучке Аристовула, с которой, как мной было выше упомянуто, он был обручен[27].

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

1. Свадьба эта была уже справлена, как через Финикию двинулся Соссий, выславший вперед часть своего войска изнутри страны, а сам во главе многочисленного конного и пешего отряда следовавший за ним. Тогда явился из самарянской об-

ласти и царь, ведя с собой значительное подкрепление к прежним своим боевым силам: у него было теперь около тридцати тысяч человек. Все эти войска, в составе одиннадцати легионов, шести тысяч конницы и прочих вспомогательных сирийских сил, собрались под стенами Иерусалима и расположились станом у северной части города. Войска эти были под командой двух лиц: Соссия, посланного Антонием в качестве союзника, и Ирода, старавшегося ради себя самого лишить власти Антигона, который в Риме был объявлен врагом (республики), чтобы самому вместо него занять, сообразно сенатскому постановлению, царский престол.

2. Собравшиеся отовсюду иудеи тем временем с большим рвением и мужеством сопротивлялись войскам Ирода и, будучи заключены в стенах города, сильно хвастались (неприступностью) храма и прославляли народ свой, которого Господь освободит-де от угрожающих опасностей. Все то, что из припасов находилось еще вне города, они собрали к себе, чтобы ни самим врагам, ни их вьючным животным не оставалось никакой пищи, причем доставляли врагам затруднения своими неожиданными разбойничьими набегами. Когда об этом узнал Ирод, он поместил в наиболее соответствующих местах засады для поимки разбойников, а для доставления припасов разослал на далекое пространство вооруженные отряды и таким образом собрал столько продовольствия, что вскоре у его войска было в изобилии все необходимое.

Вместе с тем благодаря дружной работе стольких рук вскоре были сооружены и три вала. Теперь было летнее время, так что ни погода, ни люди не могли помешать успешному ходу этих работ. Затем поместили (на валах) осадные орудия, стали поражать стену и пустили в ход все способы, чтобы овладеть городом. Тем временем, однако, осажденные нисколько этим не смущались, но, в свою очередь, употребляли все старания, чтобы ослабить начинания врагов; так, например, при своих вылазках они поджигали полуготовые или уже совсем готовые осадные орудия, а в происходивших при этом стычках нисколько не уступали римлянам в смелости, хотя и не обладали их опытностью (в военном деле). Когда они разрушили первые осадные сооружения (римлян), неприятели воздвигли новые; иудеи приняли, в свою очередь, все меры, сражались под землей с солдатами, занятыми прокладкой подземных

подкопов, и вообще бились в этой войне до крайности, скорее, впрочем, из отчаяния, чем по предварительно строго определенному плану, тем более что их осаждало такое значительное войско, да и донимали их голод и недостаток во всем необходимом, потому что тот год был субботним. И вот первыми из врагов взошли на стену двадцать добровольцев, а затем и центурионы Соссия. Первая стена была взята по истечении сорока дней, а вторая по прошествии пятнадцати дней. При этом были подожжены некоторые из храмовых портиков, в чем Ирод обвинил Антигона, имея в виду тем самым возбудить против него ненависть иудеев. Когда же были взяты окрестности храма и нижний город, иудеи бежали в самый храм и в верхнюю часть города. А так как они боялись, что римляне помешают продолжать ежедневные жертвоприношения Господу Богу, то они отправили к ним посольство с просьбой разрешить им ввоз исключительно жертвенных животных. Ирод позволил им это в расчете, что они теперь сдадутся ему. Когда же он увидел, что ошибся в своих надеждах и что иудеи особенно рьяно стоят за Антигона, он собрал все свои силы и штурмом взял город. Произошла страшная резня, так как римляне были разъярены продолжительностью осады, а иудейские приверженцы Ирода не желали оставлять в живых ни одного противника. Тогда происходили массовые избиения на улицах, в домах и в храме, где жители искали убежища. Не было пощады никому: ни детям, ни старцам, ни слабым женщинам. Хотя царь повсюду посылал своих людей с просьбой щадить врагов, однако никто уже не сдерживал своих порывов, но предавал, как бы в опьянении, всех и вся избиению. Тогда и Антигон, не думая о своей прежней, равно как и настоящей участи, покинул башню и бросился к ногам Соссия. Последний, однако, отнюдь не сжалился над постигшей его неудачей, но резко накинулся на него и обзывал его Антигоной; впрочем, это не помешало ему не отпустить его, как женщину, на свободу; напротив, он велел связать его и отдать под стражу.

3. Теперь, победив врагов, Ирод задался целью обуздать также и своих иноверных союзников, потому что чужеземные войска собирались подвергнуть осмотру храм и его святыни. Одних царь удержал от этого путем убеждений, других угрозами, а некоторых пришлось прогнать даже с оружием в руках, потому что, если бы они узрели что-либо из запрещен-

ного (видеть в храме), он считал бы победу хуже поражения.

Вместе с тем он запретил также вполне разграблять город, неоднократно спрашивая Соссия, разве римляне желают лишить город окончательно людей и имущества и оставить его (Ирода) царем пустыни, тогда как ему не хотелось бы купить владычество даже над всей Вселенной убиением стольких сограждан. Когда же тот возразил, что солдаты имеют право на грабеж вследствие участия своего в осаде, Ирод сказал, что он готов выдать каждому из них вознаграждение из своих собственных средств. Выкупив, таким образом, остальную часть города, царь исполнил свое обещание: он блестяще вознаградил каждого воина, подобающим образом одарил военачальников, а Соссию сделал прямо царский подарок, так что римляне расстались с ним богатыми людьми.

4. Это бедствие постигло Иерусалим в консульство Марка Агриппы и Канespecиния Галла, в третий месяц сто восемьдесят пятой олимпиады[28] и опять-таки в день поста, как бы для повторения постигшего иудеев несчастья при Помпее: двадцать семь лет тому назад, в этот же самый день город был взят последним. Принеся затем в жертву Господу Богу золотой венец, Соссий ушел из-под Иерусалима и повез с собой в оковах Антигона, чтобы отдать его Антонию. Однако Ирод опасался, как бы Антигон не был пощажен Антонием, привезен им в Рим и там не был бы оправдан сенатом, если только он там заявит, что сам он происходит из царского рода, Ирод же простой человек, и что поэтому, несмотря на некоторые его провинности относительно римлян, все-таки по происхождению царская власть принадлежит детям Антигона. Опасаясь такого оборота дела, он большой суммой денег уговорил Антония казнить Антигона. После этого Ирод избавился от своего страха, а владычество асмонеев прекратилось после ста двадцати шести лет.

Эта семья отличалась блеском и славой, не только происходя из знатного рода и обладая первосвященническим саном, но и выдаваясь геройскими подвигами, совершенными предками на пользу народа[29]. Но асмонеи потеряли власть благодаря своим постоянным распрям, и власть эта перешла к сыну Антипатра, Ироду, происходившему из простонародья и из семьи, подчиненной царям. Однако довольно о семействе асмонеев[30].

Книга пятнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как Антоний, по занятии Иерусалима Соссием и Иродом, велел в Антиохии отрубить Антигону голову и как Ирод приказал казнить сорок пять друзей Антигона, знатных иерусалимских граждан, и предал город разграблению.

2. О том, как Гиркан, прежний правитель и первосвященник иудейский, был отпущен на волю парфянским царем и вернулся к Ироду.

3. О том, как Ирод назначил шурина своего Аристовула первосвященником и немного спустя велел его умертвить.

4. О том, как Клеопатра, домогавшаяся власти над иудеями и арабами, добилась от Антония части областей их.

5. О прибытии Клеопатры в Иудею.

6. О войне, предпринятой Иродом против Арета как раз в то самое время, как Антоний потерпел при Акциуме поражение от Цезаря.

7. О происшедшем в Иудее землетрясении, погубившем много людей и животных.

8. Речь Ирода к иудеям, потерявшим при таких напастях и ударах судьбы все свое мужество.

9. О том, как Ирод, отправляясь к победителю — Цезарю, велел умертвить Гиркана, как он получил от Цезаря царское достоинство и сопровождал Цезаря в Египет.

10. О том, с каким почетом Цезарь относился к Ироду, пока они не приехали в Александрию.

11. Как затем, по возвращении из Египта, Ирод поддался наветам и дал склонить себя к умерщвлению Мариамны.

12. О постигшей Иудею и Сирию голодовке и о заботливости Ирода о стране и об ее населении.

13. О построении греческих городов, богато украшаемых царем Иродом.

14. О том, как Ирод распорядился снести старый храм иудейский, простоявший шестьсот лет, и соорудил вместо него новый, вдвое больший.

Содержание книги обнимает восемнадцатилетний период.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. О том, как Соссий и Ирод силой взяли Иерусалим и при этом полонили Антигона, нами было рассказано в пред-

шествующей книге. Теперь нам придется говорить о событиях, находящихся в связи с предыдущими.

После того как Ирод подчинил себе всю Иудею, он удостоил высокого почета всех тех, кто поддерживал его, пока он еще не достиг власти; всех же приверженцев своих противников он постоянно и непрерывно преследовал, и не проходило дня, чтобы он не подвергал их мучениям. Особенного же почета с его стороны удостаивались фарисей Поллион и ученик последнего, Самея, потому что эти люди советовали своим согражданам во время осады Иерусалима принять к себе Ирода. Теперь они получали за это заслуженную награду. Этот же самый Самея некогда предсказал Гиркану и судьям, когда они судили Ирода в преступлении, за которое полагалась смертная казнь, что, если они оправдают Ирода, последний всех их умертвит. Это предсказание, по воле Господа Бога, впоследствии действительно оправдалось.

2. Теперь же, овладев Иерусалимом, Ирод стал собирать все царские драгоценности. При этом он не стеснялся грабить лиц состоятельных. Набрав таким образом множество серебра и золота, он одарил всем этим Антония и его друзей. Вместе с тем он распорядился умертвить сорок пять главных приверженцев Антигона и велел поставить к городским воротам стражу с приказом следить за тем, чтобы из города не было унесено имущество казненных. При этом убитые подвергались тщательному обыску и все серебро и золото, равно как все находившиеся при них драгоценности, передавались царю. Вообще делались всякие безобразия ввиду того, что царь отличался отчасти большой любостяжательностью, отчасти очень нуждался в деньгах, потому что ввиду субботнего года земля оставалась совершенно невозделанной. Именно теперь наступил субботний год, когда нам запрещено сеять.

Между тем взявший в плен Антигона и державший его в оковах Антоний рассчитывал сохранить его для своего триумфа. Когда же он узнал, что народ волнуется и относится с расположением к Антигону, ненавидя Ирода, он решил отрубить Антигону голову в Антиохии, ибо иначе нельзя было никак успокоить иудеев. Подтверждение моим словам находится у каппадокийца Страбона, который говорит (по этому поводу) следующее:

«Привезя иудея Антигона в Антиохию, Антоний отрубил

ему там голову. Он был первым римлянином, который велел таким образом казнить царственное лицо; по его мнению, иначе нельзя было заставить иудеев признать вместо него вновь провозглашенного царем Ирода, потому что даже пытки не могли побудить иудеев называть последнего царем. Так высоко было их мнение о прежнем царе. Антоний при этом полагал, что бесславная смерть царя заставит забыть иудеев о нем, а с другой стороны, ослабит ненависть их к Ироду». Таково свидетельство Страбона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Когда первосвященник Гиркан, находившийся в плену у парфян, узнал, что царская власть перешла к Ироду, он явился к последнему, бежав следующим образом из плена: Барзафарн и Пакор, военачальники парфянские, захватив в плен Гиркана, бывшего сперва первосвященником, а затем и царем, а также брата Ирода, Фасаила, увели их к себе в страну парфянскую. Фасаил, не снесший позора быть в оковах и предпочитавший славную смерть какой-нибудь жалкой жизни, сам наложил на себя руки, как я рассказал уже выше[1].

2. Когда же Гиркан был привезен к парфянскому царю Фраату и последний узнал о его знатном происхождении, то к нему стали относиться более мягко. Ввиду этого царь освободил Гиркана от оков и разрешил ему жить в Вавилоне, где тогда было много иудеев. Последние почитали Гиркана как первосвященника и царя, равно как делали это и все прочие иудеи, жившие у Евфрата. Это было Гиркану приятно. Когда же он узнал, что царская власть перешла к Ироду, он воспрянул духом, во-первых, потому, что был вообще расположен к Ироду, а затем и оттого, что рассчитывал, что Ирод вспомнит об оказанной ему некогда услуге, когда Гиркан спас его от опасности смерти во время суда, которому подвергся Ирод. При этом Гиркан говорил с иудеями о том, как бы ему хотелось отправиться к Ироду. Те, однако, удерживали Гиркана от этого и уговаривали его остаться, указывая на то, что он пользуется у них всяческой властью и почетом как первосвященник и царь, тогда как он на это не будет там иметь права вследствие того, что его некогда искалечил Антигон;[2] при этом они поставляли ему еще на вид, что цари не всегда помнят услуги,

оказанные им, когда они были еще простыми людьми, и что поворот в их судьбе нередко изменяет их миросозерцание.

3. Несмотря на все эти представления, имевшие в виду одно лишь благо Гиркана, последний, однако, все-таки хотел уехать, тем более что и Ирод прислал ему письмо, в котором советовал упросить Фраата и тамошних иудеев не сердиться на него, если он, Гиркан, разделит царскую власть с Иродом. При этом Ирод упоминал еще, что теперь как раз наступил момент, когда он сможет отблагодарить его за все оказанные ему благодеяния — как за полученное воспитание, так и за спасение ему жизни — и когда Гиркан сможет воспользоваться этим. Отправив такое письмо Гиркану, Ирод одновременно с этим послал к Фраату послом Сарамаллу с богатыми дарами и просьбой дольше не препятствовать ему воздать должное по заслугам своему благодетелю. Впрочем, Ирод тут вовсе не имел в виду оказать услугу Гиркану; но так как он правил вовсе не так, как следовало, то он опасался всяких осложнений и потому скорее желал иметь в руках Гиркана или же совершенно от него избавиться. Последнее он, впрочем, несколько позже и сделал.

4. Гиркан склонился на эти убеждения и, будучи отпущен царем парфянским и снабжен деньгами со стороны иудеев, прибыл (к Ироду), который принял его со всякими почестями и дал ему первое место во время совещаний и обедов, называя его при этом обманным образом отцом своим и всячески стараясь подавить в нем всякое подозрение в его лояльности. Вместе с тем Ирод предпринял также многое другое, чтобы таким путем закрепить за собой власть. Но из этого вышли лишь осложнения для него самого и для его семьи. Остерегаясь назначить на пост первосвященника какого-нибудь представителя знати, он нарочно послал в Вавилон за неким Ананилом, простым священником, и поручил ему первосвященство.

5. Однако дочь Гиркана, Александра, жена Александра, сына царя Аристовула, родившая Александру двоих детей, прекрасного Аристовула и миловидную Мариамну, жену Ирода, не отнеслась спокойно к такому унизительному с ней обращению. Она очень обеспокоилась и смутилась позором ее сына в том смысле, что при его жизни первосвященническое достоинство перешло к какому-то выскочке. Поэтому она отправила при содействии одного музыканта письмо

Клеопатре с просьбой добиться от Антония назначения на пост первосвященника ее сына.

6. Но Антоний медлил с исполнением этой просьбы; (в это время) в Иудею прибыл по своим делам друг его Деллий. Увидя Аристовула, он был в восторге от его красоты и статного сложения, равно как преклонился перед красотой царицы Мариамны и сказал, что Александра является матерью редко красивых детей. Когда же Александра стала говорить с ним, он убедил ее велеть срисовать обоих детей и послать портреты Антонию, который-де при виде их не откажет ей ни в чем. Александра из тщеславия поддалась этим убеждениям и послала портреты Антонию. При этом Деллий не прекращал своих восхвалений и дошел до того, что сказал, что эти дети не человеческие, но от какого-нибудь бога. Этим он хотел возбудить в Антонии чувство похотливости. Антоний, впрочем, побоялся послать за царицей, женой Ирода, но отправил послов за юношей с оговоркой, впрочем: «Если это не представит затруднений». Когда это было сообщено Ироду, он решил, что небезопасно послать такого красавца, каким тогда был шестнадцатилетний Аристовул, да вдобавок еще знатного рода, к Антонию, самому могущественному тогда римлянину, который охотно предавался всевозможным эротическим увлечениям и имел возможность беспрепятственно доставлять себе какие угодно удовольствия. Поэтому он отписал ему, что если только этот юноша выедет из страны, это подаст немедленно повод к войне и всяким смутам, потому что иудеи только и рассчитывают на нового царя для совершения государственных переворотов.

7. Приведя это в свое оправдание перед Антонием, Ирод решил дольше не оскорблять юноши и Александры, тем более что и жена его Мариамна усиленно упрашивала его предоставить первосвященническую власть ее брату; к тому же и Ирод был убежден в соблюдении своих личных при этом интересов, потому что Аристовул, достигнув такого почета, не сможет уже уйти из страны. Поэтому он созвал друзей своих на совещание и стал сильно жаловаться на Александру, говоря, что она злоумышляет против царства и при посредстве Клеопатры домогается свержения его с престола, дабы, при помощи Антония, юный Аристовул получил престол вместо него. При этом он указал на незаконность и бес-

честность ее домогательств, потому что Александра тем самым лишила бы и дочь свою ее высокого почетного положения и вместе с тем вызвала бы смуты в самом царстве, которое он создал с такими трудностями и которого добился путем неимоверных опасностей. Вместе с тем, продолжал он, он готов забыть все несправедливые домогательства и попытки ее лишить его законной власти и готов теперь передать первосвященническое достоинство ее сыну, вместо которого он раньше назначил Ананила, так как (в то время) Аристовул был еще совсем ребенком. Все это Ирод говорил не без задней мысли и крайне обдуманно, имея в виду ввести в полнейшее заблуждение присутствующих женщин и друзей. Тогда Александра в волнении, отчасти от радости вследствие выпавшей на долю сына ее чести, которой она теперь никак уже не ожидала, отчасти из страха перед тем, как бы не навлечь на себя подозрения, стала со слезами на глазах оправдываться, говоря, что она действительно изо всех сил старалась добиться для сына первосвященнического достоинства, но отнюдь не злоумышляла против царской власти. Впрочем, говорила Александра, она не желала бы воспользоваться последней, если бы ей и пришлось достигнуть ее, так как уже теперь на ее долю выпала достаточно великая честь, что царствует Ирод, который один перед всеми умеет дать всей семье достаточную безопасность. Ныне же, закончила она речь свою, она совершенно подавлена благодеянием, оказанным ее сыну в форме предоставленной ему чести быть первосвященником, и она сама готова безусловно повиноваться во всем (Ироду), причем просит извинить ее, если она вследствие родственных отношений или слишком понадеявшись на себя совершила что-нибудь непристойное.

После этого все они помирились и в знак того подали друг другу руки. Этим, казалось, было устранено всякое недоразумение[3].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Тогда Ирод немедленно сменил первосвященника Ананила, который, как мы упомянули выше, не был туземным евреем, но происходил из переселившихся за Евфрат иудеев, ибо много десятков тысяч представителей этого народа посе-

лилось в Вавилонии. В числе их был и Ананил, происходивший, впрочем, из первосвященнического рода. Издавна у него были дружественные отношения к Ироду. Захватив царский престол, Ирод почтил Ананила (высоким саном первосвященника), а теперь опять сместил его для того, чтобы уладить внутренние семейные неурядицы. Впрочем, тут Ирод поступил противозаконно, потому что первосвященник, раз утвержденный в этом сане, считался несменяемым. Впрочем, первым нарушил это правило Антиох Епифан, сменивший Иисуса и поставивший на его место Онию, вторым был Аристовул, отнявший сан у своего брата Гиркана, а третьим явился Ирод, предоставивший это место юному Аристовулу.

2. Таким образом, Ироду казалось, что он уладил свои семейные дела, хотя он и не переставал, как бы то следовало ввиду состоявшегося примирения, относиться с подозрением к Александре, боясь, чтобы она, по примеру прежних интриг, не вздумала улучить минуту для совершения государственного переворота. Поэтому он распорядился, чтобы она не покидала царского дворца и ничего не смела предпринимать самостоятельно; кроме того, была назначена стража, которая должна была следить, чтобы она без ведома царя не делала ничего, что не входило бы в круг ее ежедневных обязанностей. Все это вскоре восстановило против него Александру и вызвало в ней ненависть к Ироду. Преисполненная женского тщеславия, она не выносила подозрительного за собой наблюдения, предпочитая подвергаться чему угодно, чем лишаться, под видом почета, свободы и жить в рабстве и (постоянном) опасении.

Поэтому она отправила Клеопатре письмо с горькими сетованиями на свою судьбу и с просьбой оказать ей посильную помощь. Клеопатра посоветовала ей тайно бежать с сыном к ней в Египет. Этот совет пришелся Александре по вкусу, и она следующим образом стала приводить его в исполнение. Велев приготовить два гроба, она легла в один и приказала сыну лечь в другой, причем распорядилась, чтобы посвященные в план слуги вынесли их ночью. Путь отсюда лежал у них к морю, где уже был готов корабль, на котором беглецы намеревались переправиться в Египет. Этот план сообщил при случайной встрече Саббиону, одному из приверженцев Александры, ее прислужник Эзоп, полагая, что тот уже знает о нем.

Узнав об этом, Саббион, который был на дурном счету у Ирода, считавшего его одним из отравителей отца своего, Антипатра, вздумал вновь снискать себе благоволение царя доносом и сообщил ему о всем плане Александры. Ирод дал последней дойти до исполнения задуманного намерения и затем велел схватить ее с поличным на месте преступления. Несмотря на все желание наказать ее, Ирод тем не менее посмотрел сквозь пальцы на ее провинность (тем более что не желал возбуждать и без того недовольную им Клеопатру) и сделал вид, будто прощает ей из великодушия. Однако вместе с тем он окончательно решил избавиться от юноши; впрочем, он решил отложить пока это дело, чтобы совпадение двух событий не слишком резко бросилось всем в глаза.

3. Когда вскоре наступил праздник Кущей (празднующийся у нас с большой пышностью), он весело провел эти дни, предаваясь вместе со всем остальным народом удовольствиям. Впрочем, по этому поводу чувство зависти вскоре побудило его привести в исполнение задуманное намерение. Дело в том, что когда юный Аристовул, достигший тогда семнадцатилетнего возраста, в полном первосвященническом облачении приступил к алтарю, чтобы принести жертву и совершить все по установленному ритуалу, и при этом обнаружилась его необыкновенная красота и статность, явный признак его родовитого происхождения, собравшуюся толпу народную охватил нескрываемый экстаз, и все вспомнили о деяниях, совершенных его дедом Аристовулом. Побежденная этим чувством толпа сейчас же обнаружила свое настроение, стала громко и бурно выражать свой восторг кликами и пожеланиями всякого благополучия, так что тут обнаружился весь восторг народа, притом в более высокой степени выражалась благодарность за прежде полученные благодеяния, чем то было позволено в присутствии настоящего царя. Вследствие всего этого Ирод решился привести в исполнение свой замысел относительно юноши. Когда однажды, по миновании праздника, Ирод обедал в Иерихоне, куда Александра пригласила его вместе с сыном, царь весело шутил с юношей, а затем увлек его в отдаленное место и здесь стал предаваться в его обществе различным играм и юношеским забавам. Но так как здесь стало слишком жарко, то они скоро утомились и вышли освежиться к тем большим

прудам, которые находились на дворе и несколько освежали полуденный зной. Они сперва глядели, как купались служители и приближенные, а затем и Аристовул, по совету Ирода, полез в воду. Тут приятели, которым Ирод заранее отдал соответственное распоряжение, стали как бы в шутку погружать Аристовула в воду и не раньше отпустили его, пока он не потонул. Таким образом погиб Аристовул, которому было всего только восемнадцать лет. В течение одного года он был первосвященником, а преемником ему вновь стал Ананил.

4. Когда весть об этом несчастье дошла до женщин, их радость сразу сменилась горем и глубокой печалью о безвременно погибшем; также и во всем городе при получении скорбного известия был траур, причем каждая семья оплакивала юношу как своего родного. Еще более скорбела Александра, особенно когда узнала, каким образом произошла гибель ее сына; но ей приходилось сдерживать себя, чтобы избегнуть еще большего горя. Она несколько раз думала покончить с собой самоубийством, но воздерживалась от этого при мысли, что, если она останется в живых, ей легче будет отомстить за столь гнусно загубленного юношу. Поэтому она решила оставаться дольше в живых и не подавать никакого вида, будто знает, что ее сын погиб не случайно, самой же тем временем выжидать удобного случая для мести. Таким образом Александра всеми силами отвлекала от себя подозрение. Ирод же, со своей стороны, старался перед всеми показать, что смерть юноши произошла совершенно случайно, и потому не только представлялся глубоко опечаленным, но горько плакал и выражал печаль свою открыто, причем, быть может, истинная скорбь и обуяла его, когда он видел перед собой труп цветущего и прекрасного усопшего, хотя и считал смерть последнего необходимой для своей личной безопасности. Очевидно, всем этим Ирод старался отвлечь от себя подозрение виновности в смерти юноши. Вместе с тем он ревностно отнесся к устройству особенно торжественных похорон, велел соорудить великолепный гроб и позаботился об обилии курений; равным образом он распорядился положить в гроб также множество драгоценностей. Этим он рассчитывал несколько умерить горе женщин и ободрить их своей щедростью.

5. Между тем всем этим он, однако, нисколько не обманул

Александры; напротив, постоянное напоминание ей о постигшем ее бедствии делало царя еще ненавистнее, и она печалилась больше и больше; тогда она написала Клеопатре о коварстве Ирода и гибели сына. Клеопатра и раньше всегда готова была исполнить просьбы Александры, несчастью которой она соболезновала, и потому она приложила всяческое старание, не переставая побуждать Антония отомстить за смерть юноши. Несправедливо, говорила она при этом, что Ирод, получивший от Антония без всякого со своей стороны права царскую власть, теперь совершает такие беззакония по отношению к настоящим царям. Антоний склонился на ее доводы и, когда прибыл в Лаодикею, послал за Иродом, чтобы он оправдался в гибели Аристовула, причем Антоний присовокупил, что, если это убийство случилось с его ведома, он поступил совершенно незаконно. Опасаясь этого разбирательства, а также боясь раздражить Клеопатру, не переставшую возбуждать против него Антония, Ирод решил повиноваться (другого выхода тут не было); поэтому он передал все дела шурину своему Иосифу, тайно наказав ему, в случае если ему, Ироду, придется погибнуть от руки Антония, немедленно убить также Мариамну: сам он был слишком привязан к этой женщине и опасался, как бы в случае его смерти ее красота не послужила для кого-либо другого предметом искушения. Такого позора Ирод особенно боялся, имея в виду главным образом Антония, который домогался этой женщины, потому что уже успел прослышать об ее красоте и влюбиться в нее. Распорядившись таким образом, Ирод отправился к Антонию, причем вообще не ожидал ничего для себя хорошего.

6. Заведуя всеми делами во дворце и потому часто встречаясь с Мариамной, которую приходилось навещать из чувства приличия, Иосиф многократно бывал у нее и каждый раз особенно распространялся о любви и преданности к ней Ирода. А так как они, и в особенности Александра, по-женски принимали его слова за комплименты, Иосиф в своем рвении показать расположение царя к Мариамне дошел однажды до того, что сообщил им о приказании царя. Этим он думал уверить царицу, что Ирод не может жить без нее и не желал бы даже разлучаться с ней после смерти, если бы его постигло какое-нибудь несчастье. Таковы были намерения Иосифа. Между тем женщины, как и можно было предпола-

гать, вовсе не усмотрели в этом любви Ирода, а, напротив, вывели заключение о гнусности его, который при своей смерти думал лишь об их гибели и насильственной кончине, и отнеслись к словам (Иосифа) с сильной подозрительностью.

7. В это же время со стороны недругов Ирода по городу Иерусалиму был пущен слух, что Антоний позорно казнил его. Конечно, этот слух привел в замешательство всех во дворце, особенно женщин. Александра стала уговаривать Иосифа бежать с ними из дворца к знаменам римского легиона, который тогда расположился станом под стенами города для охраны царской власти и находился под командой Юлия. Таким путем, говорила она, во-первых, расположенные в их пользу римляне дадут им безопасное убежище в случае возникновения бунта во дворце, а во-вторых, они смогут рассчитывать на исполнение всевозможных желаний, если только Мариамну увидит Антоний, при помощи которого можно будет вернуть утраченную власть и все то, что по праву принадлежит людям истинно царского происхождения.

8. Между тем, пока они все еще рассуждали об этом, пришло письмо Ирода с сообщением всего хода дела, из которого видно было, что слухи, безусловно, ложны и неправильны. Прибыв к Антонию, Ирод быстро склонил его на свою сторону теми дарами, которые привез с собой из Иерусалима, а дружественным разговором вскоре достиг того, что Антоний перестал сердиться на него, и прежние наветы Клеопатры на него совершенно утратили всякую силу. При этом Антоний выразился в том смысле, что нехорошо привлекать царя к ответственности за то, что происходит у него в царстве (в таком случае он сам не желал бы быть царем), ибо те, кто предоставил царю его власть, должны предоставить ему и полное право пользоваться ею. Вместе с тем он сказал, что не позволит более Клеопатре вмешиваться в дела правителей. О всем этом писал Ирод и описывал при этом о почестях, которыми удостоил его Антоний, ежедневно приглашавший его на совещания и к своему столу, несмотря на все происки Клеопатры, сильно желавшей завладеть его страной и добиться царской власти, а потому старавшейся всеми способами избавиться от него. А раз он достиг благоволения Антония, ему, Ироду, уже нечего опасаться более неприятностей с его стороны; он скоро вернется, а расположение Ан-

тония укрепит его на престоле и упрочит за ним его положение. Клеопатре тоже более не на что рассчитывать, потому что в ответ на ее домогательства Ирод предоставил ей Келесирию, чем удовлетворил ее и положил предел ее вожделениям, которые она всегда питала относительно Иудеи.

9. По получении этого письма женщины отказались от своего намерения бежать к римлянам в случае смерти Ирода. Однако план их не остался в тайне. Когда Антоний двинулся на парфян, а Ирод вернулся в Иудею, сестра царя Саломия и мать его немедленно донесли ему то, что они узнали об Александре, причем Саломия стала еще обвинять мужа своего Иосифа в сожительстве с Мариамной. Саломия говорила все это из чувства давнишней вражды к царице, потому что последняя во время случавшихся между ними размолвок всегда держала себя свысока с ней и укоряла ее в низком происхождении. Так как Ирод был страстно влюблен в Мариамну, то страшно взволновался и едва мог удержаться от выражения своей ревности каким-нибудь насильственным актом. Однако он сдержал свой порыв и с глазу на глаз спросил Мариамну об ее отношениях к Иосифу. Та стала клясться и привела в доказательство своей невиновности все, что только могла, и тогда царь понемногу склонился в ее пользу. Побежденный любовью к жене, он вскоре забыл свой гнев, так что даже стал извиняться, что поверил наветам. Вместе с тем он горячо благодарил ее за ее целомудрие и стал уверять ее в своей пылкой любви. В конце концов, как это бывает в таких случаях, оба расплакались и заключили друг друга в объятия. Пока царь хотел все больше и больше уверить ее в своей любви к ней и вызвать в ней то же самое чувство к нему, Мариамна вдруг сказала: «Однако вовсе не доказательство твоей любви, что ты приказал сделать, если бы погиб от руки Антония, а именно — чтобы и я безвинно погибла». Эти слова совершенно расстроили царя, он немедленно оттолкнул от себя жену, зарыдал, стал рвать на себе волосы и говорил, что теперь имеется налицо явное доказательство ее интимных отношений к Иосифу, ибо тот не проговорился бы о тайно полученном поручении, если бы у них не установились слишком близкие отношения. В таком состоянии царь чуть не убил своей жены; однако и на этот раз любовь к ней осилила порыв его, и он сдержался, хотя это стоило ему громадных

усилий. Вместе с тем он, даже не повидав Иосифа, велел казнить его; Александру же, как виновницу всего несчастья, приказал заключить в темницу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любостяжательности отличалась неразборчивостью в средствах, то решилась отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсинию, несмотря на то, что та искала убежища в храме ефесской Артемиды. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не лишила его украшения, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей; точно таким же образом она вздумала добиться Сирии, после того как с ним проехала по ней. Так она добилась смерти Лисания, сына Птолемея, под предлогом, будто он соединился для совершения переворота с парфянами, а затем стала требовать от Антония, чтобы он отнял у царей Иудею и Аравию и предоставил эти страны ей. Хотя Антоний вообще во всем уступал этой женщине, однако расположение и страстная любовь к ней не допустили его до готовности во всем слушаться ее, потому что он не желал навлекать на себя укор, будто он для нее не останавливается даже перед самыми тяжкими преступлениями. Итак, для того, чтобы не навлекать на себя обвинения в явной гнусности в силу исполнения всех решительно желаний этой женщины, он отнял у каждого из царей по части их владений и подарил их Клеопатре. Он отдал ей города в пределах области от реки Елевтера до границ

Египта, исключая Тир и Сидон, которые, как он знал, издавна пользовались независимостью, хотя Клеопатра и сильно приступала к нему с просьбами отдать их ей.

2. Добившись этого и проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Апамею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с ней встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший бальзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм[4]. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природой своей побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть, и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения этого замысла Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, во-первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем умоляя его не предпринимать ничего слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное осно-

вание того, что он рискнул поднять руку на женщину, обладавшую величайшим значением своей эпохи. А пользу, которая проистечет из этого, навряд ли кто-либо примет во внимание, несмотря на то, что Ирод добьется ее ценой такой смелости и риском потерять расположение (Антония). Из всего этого очевидно, что он потрясет царство свое массой невообразимых бедствий и подвергнет таковым всю семью свою, тогда как он вполне приличным образом может отклонить столь преступное предложение (Клеопатры). Такими соображениями и представлением очевидной опасности приближенные удержали Ирода от приведения в исполнение задуманного им плана. Поэтому он щедро одарил Клеопатру и проводил ее до Египта.

3. В это время Антоний овладел Арменией и отослал в Египет пленными сына Тиграна, Артабаза, с его семьей и сатрапами. При этом он подарил всех их, равно как все награбленные сокровища, Клеопатре. Впоследствии в Армении воцарился Артаксий, старший из сыновей царя, успевший спастись тогда бегством. С течением времени, однако, Архелай и Нерон Цезарь прогнали его из страны и возвели на престол его младшего брата Тиграна.

4. Но об этом потом; что же касается дани, которую Клеопатра должна была получать с подаренной ей Антонием области, то Ирод был в этом отношении аккуратен, не считая безопасным подавать Клеопатре повод к ненависти. Арабский царь, за которого поручителем являлся Ирод, некоторое время выплачивал двести талантов, но затем стал неисправен в своих платежах, и если иногда и выплачивал часть наложенной на него дани, то делал это не без принудительных мер[5].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Ирод, в свою очередь, видя такую неискренность (арабского царя), который в конце концов не желал более исполнять свои обязанности, решил пойти на него походом, но был удержан от этого римской (междоусобной) войной. Так как теперь ожидалась битва при Акциуме, которая и произошла в сто восемьдесят седьмую олимпиаду[6], причем Цезарь сражался с Антонием из-за верховного владычества, Ирод решил собрать для Антония отборное вспомогательное вой-

ско, потому что страна Ирода давно уже давала обильные урожаи, а сам царь достиг значительного благосостояния. Впрочем, Антоний отклонил эту помощь и (вместо того) предложил Ироду вступить в борьбу с царем арабским, недобросовестность которого по отношению к нему и к Клеопатре уже была известна ему. Этого также желала Клеопатра, рассчитывая сама выиграть, если те ослабят друг друга. Ввиду такого поручения со стороны Антония Ирод вернулся восвояси, но не отпускал еще своего войска, чтобы немедленно вторгнуться в пределы Аравии. Поэтому он приготовил значительные конные и пешие отряды и двинулся к Диосполису, где его уже поджидали арабы, которые успели узнать о готовящейся против них войне. В ожесточенной последовавшей затем битве победителями остались иудеи. После этого в Кане, местности Келесирии, собралось огромное арабское войско. Заранее об этом извещенный, Ирод явился туда во главе ядра своего войска и, приблизившись к Кане, решил расположиться там лагерем, чтобы в удобный момент вступить в бой. Пока он был занят этим, иудейское войско стало кричать, что довольно потеряно времени и что следует идти на арабов. Войско желало немедленно вступить в бой с врагами, потому что оно уповало на свою отличную боевую готовность и потому что особенно храбрились все те, которые участвовали в победоносной первой схватке с арабами.

При такой явной и шумной воинственности царь решил воспользоваться тылом своего войска и, уверяя солдат, что не желает стеснять их мужество, выехал в полном вооружении вперед, тогда как все остальные следовали за ним в боевом порядке. Тотчас арабов обуял ужас; хотя они сперва и оказали некоторое сопротивление, однако, увидав непоколебимость и отчаянную решимость врагов, большинство их дрогнуло и побежало. Арабы, наверное, погибли бы при этом случае, если бы (некий) Афинион не повредил Ироду и иудеям. Будучи военачальником над той частью Аравии, которая находилась в зависимости от Клеопатры, и (постоянно) враждуя с Иродом, он не стал равнодушно смотреть на ход событий, но решил держаться в стороне, если победителями выйдут арабы, а в случае их поражения, как то и было на самом деле, напасть на иудеев во главе отряда, заранее набранного и приготовленного к бою. И вот, когда иудеи ус-

пели утомиться и уже считали себя победителями, он внезапно напал на них и стал избивать их. Дело в том, что иудеи уже успели израсходовать весь запас энергии в борьбе с явными врагами, да и слишком беспечно пользовались своей победой над ними. Поэтому они потерпели поражение от быстрого натиска врагов и понесли тяжкие утраты в этой неудобной для кавалерии гористой местности, к которой нападающие, однако, привыкли. Видя поражение иудеев, арабы также вновь собрались с силами, вернулись еще раз и стали избивать уже обратившихся в бегство иудеев.

Таким образом, всюду происходила ожесточенная резня, а из тех, кто успел спастись, немногие вернулись назад в лагерь. Видя такой исход битвы, Ирод немедленно поехал за помощью; однако он не успел вовремя вернуться, потому что лагерь иудеев был уже взят, и арабы немало радовались, что им неожиданно удалось одержать такую победу над грозным врагом и уничтожить столь значительное неприятельское войско. После этого Ирод принялся за грабежи и, делая частые набеги на страну арабов, наносил им крупный вред. При этом он располагался станом на горах, но воздерживался от открытого боя. Беспокоя и расстраивая врагов своими постоянными набегами, он вместе с тем заботился также о том, чтобы всячески исправить урон, нанесенный его воинам.

2. В это время между Цезарем и Антонием произошла также битва при Акциуме, а именно в седьмой год царствования Ирода. Тогда же страну иудеев постигло небывалое дотоле землетрясение, результатом которого была массовая гибель скота. Также погибло до тридцати тысяч человек под развалинами рушившихся зданий. Впрочем, одни только солдаты, жившие под открытым небом, не потерпели при этом никакого урона. Когда о том узнали арабы от тех людей, которые сообщением этих сведений хотели особенно выслужиться перед ними, то арабы еще более возгордились, полагая, что теперь, после постигшего неприятельскую страну бедствия и погибели стольких людей, им уже нетрудно будет овладеть этой страной. Они даже схватили посланных иудейских (явившихся для заключения с ними, после всего случившегося, мира) и убили их, чтобы затем с отчаянной храбростью двинуться на самое войско иудеев. Однако иудеи не решились встретить нападение врагов, отчасти потому, что впали

в оцепенение после стольких бедствий, отчасти же и еще более потому, что не забыли недавнего поражения; поэтому у них не было уже никакой надежды победить арабов в открытом бою, тем более что нельзя было рассчитывать на помощь единоплеменников, столь тяжко у себя дома пострадавших. В таком положении царь старался всячески образумить военачальников и пытался ободрить тех, которые совершенно пали духом. Когда ему удалось успокоить и ободрить главнейших между ними, он решился обратиться также к войску. Этого он не посмел раньше, чтобы при таких грустных обстоятельствах не возбудить его еще более. Теперь же он обратился к солдатам со следующей речью:

3. «Я, люди, отлично понимаю, что в настоящее время произошло многое такое, что препятствует нашему преуспеянию; вполне естественно, что даже самые храбрые люди при таких обстоятельствах теряют свое мужество. Однако, так как война теперь неизбежна и постигшие нас бедствия не таковы, чтобы одним славным подвигом нельзя было поправить все сделанное, я решился поговорить с вами и указать, каким образом вы сможете вновь явить свою прежнюю, врожденную вам храбрость. Сперва я желаю объяснить вам всю правоту этой нашей войны, к которой мы вынуждены благодаря наглости наших врагов. Если вы об этом хорошенько подумаете, то это должно быть для вас главной побудительной причиной к храбрости. После этого я намерен доказать вам, что постигшие нас теперь бедствия вовсе уже не так страшны и что у нас есть немало надежды на победу.

Итак, я начну с первого пункта, причем беру вас в свидетели правильности моих слов. Вы, конечно, знаете беззаконный образ действий арабов, которые всегда всюду отличаются вероломством, как то и естественно в варварах, не знающих Господа Бога. Особенно же они насолили нам своим корыстолюбием, своей завистливостью и своими коварными интригами. Зачем мне много говорить об этом? Кто другой, как не мы, спасли их от опасности потерять власть и подпасть под иго Клеопатры? Только моя дружба с Антонием и расположение его к нам были причиной того, что их не постигли слишком тяжелые бедствия, так как Антоний старательно избегал предпринимать все такое, что могло бы возбудить наше подозрение. Когда же Антоний пожелал предоставить Клеопатре по

части наших обоюдных владений, я также уладил это дело, одарив его из своих средств богатыми подарками и снискав обоим дальнейшую безопасность. Расходы по этому делу я также взял на себя, выплатив двести талантов и поручившись (за арабов) в такой же сумме. Эти деньги должны были бы пасть на всю страну, а теперь мы освобождены от этого платежа. Если уже несправедливо, чтобы иудеи платили кому-нибудь подати или поземельные налоги, то еще более неосновательно, чтобы мы платили таковые за тех, кого мы сами выручили. Особенно это относится к арабам, которые, по собственному признанию, удержали за собой свою независимость благодаря нам и которые теперь желают лишить нас всего и обидеть нас, причем мы не враги их, но друзья. Если верность должна иметь место относительно самых ярых врагов, то тем более она неизменно должна быть соблюдаема по отношению к друзьям. Впрочем, это не относится к арабам, которые на первом плане преследуют одну свою личную выгоду, причем не отступают даже перед (явной) несправедливостью, лишь бы иметь возможность обогатиться. Итак, неужели у вас еще возникает сомнение в том, следует ли наказать нечестивцев, когда того желает сам Предвечный и требует, чтобы (мы) всегда ненавидели заносчивость и несправедливость, тем более что мы в данном случае начали не только вполне справедливую, но и необходимую войну? То, что (даже) у эллинов и варваров признается за величайшее беззаконие, они сделали с нашими посланными, а именно, убили их. Греки считают послов людьми священными или неприкосновенными, мы же получили величайшие откровения и священнейшие законы наши от вестников самого Господа Бога. Священное имя послов может напоминать людям о Господе Боге и в состоянии примирять врагов между собой. Итак, разве можно совершить более крупное беззаконие, как убить послов, отправленных для выяснения истины? И каким образом такие люди смогут впредь быть счастливыми в жизни или рассчитывать на военную удачу, если они совершили такое злодеяние? Я полагаю, что это невозможно. Впрочем, быть может, найдется человек, который скажет, что правда на нашей стороне, тогда как враги и многочисленнее и храбрее нашего. Но так говорить совершенно недостойно вас, ибо на чьей стороне право, там и Бог, а где Господь Бог, там и сила и мужество. Если мы разберем наше

положение, то придем к следующим результатам: в первой битве мы остались победителями; когда мы вторично сразились с ними, то они также не выдержали нашего нападения, но тотчас ударились в бегство, не будучи в состоянии выдержать наш натиск и нашу храбрость. Когда мы уже одерживали победу, на нас напал Афинион, не известив нас о своей войне с нами. Разве это свидетельствует о храбрости врагов, а не о вторичной гнусности и коварстве? Чего нам поэтому отчаиваться в таком положении, которое, напротив, раскрывает нам наилучшие надежды? Неужели нам страшиться таких людей, которые всегда побеждаемы, когда сражаются по всем правилам, а когда считают себя победителями, то всегда достигают этого незаконным способом? Итак, если кто-нибудь все-таки станет еще считать их храбрыми, разве он сам при таком положении вещей не бросится на них с еще большим мужеством? Ибо отвага заключается не в бою со слабыми противниками, а в умении побить более сильных врагов. Если же кого-либо устрашают наши домашние бедствия и результаты землетрясения, то пусть он подумает о том, что этими самыми бедствиями введены в заблуждение те же арабы, имеющие о них самое преувеличенное представление, а также о том, как недостойно нам трусить из-за того, что придает им столько смелости. Ведь враги наши набираются храбрости не вследствие какой-нибудь своей личной удачи, но потому, что рассчитывают, что мы утратили всякую надежду, будучи сломлены нашими бедствиями.

Когда же мы двинемся на них, то сумеем умерить их пыл, причем наше мужество возрастет по мере того, как они в битве будут падать духом. Ведь мы вовсе не понесли уже столь крупного урона, да и постигшее нас бедствие вовсе не является, как готовы думать некоторые, знаком гнева Предвечного на нас. Вся эта неудача — дело простого случая. Если же все это случилось по желанию Господа Бога, то ясно, что теперь и прекратилось по Его желанию, ибо Он удовлетворяется прошедшим; если бы Он и дальше думал наказывать нас, то не изменил бы теперь Своего решения. А что сам Господь желает этой войны и считает ее справедливой, это видно из следующего: в то самое время, когда многие в стране погибли от землетрясения, все солдаты остались невредимыми и все вы спаслись, так что тем самым Предвечный пока-

зал вам, что, если бы вы двинулись в поход всем народом, с детьми и женами, никто из вас не потерпел бы никакого урона. Имея все это в виду, особливо же памятуя, что в Господе Боге вы имеете всегдашнего заступника, вы теперь смело и спокойно можете выступить против тех, кто нечестив к друзьям, кто вероломен в битвах, кто насильствен по отношению к послам и кто всегда был побеждаем вашей доблестью».

4. После этой речи иудеи почувствовали больше храбрости вступить в бой. Ирод же совершил установленные жертвоприношения и быстро двинулся на арабов, перейдя через реку Иордан. Затем он расположился лагерем вблизи врагов, имея в виду занять лежавшее между ним и неприятелями укрепление, которое считал полезным для себя как в случае быстрого начала битвы, так и в том случае, если бы дело затянулось, так как у него был бы в распоряжении укрепленный стан. Так как и арабы рассчитывали таким же точно образом, то произошел бой из-за крепости. Сперва завязалась перестрелка, затем большие толпы вступили между собой в рукопашный бой, причем порядочное число людей пало с обеих сторон, и, наконец, арабы были побеждены и отступили.

Это тотчас же сильно воодушевило иудеев; Ирод же[7], понимая, что войско арабское теперь решится скорее на все другое, только не на бой, начал храбро срывать их укрепления и двинулся вперед с целью овладеть их лагерем. Таким образом, враги были принуждены биться и выступили в беспорядке и робко, потеряв всякую надежду на одержание победы. И все-таки они вступили в бой, уповая на свое большинство и побуждаемые к тому необходимостью. Произошла ожесточенная битва, в которой пало немало людей с обеих сторон. Под конец, однако, арабы были обращены в бегство. При этом началась страшная резня среди бегущих, потому что они не только умирали от руки врагов, но сами губили друг друга, ибо при массе и беспорядочности беглецов последние топтали друг друга или ранили себя своим же собственным оружием. Таким образом, их пало около 5000 человек, остальная же масса врагов поспешно бежала в (какое-то) укрепление, где ей, однако, представлялось мало надежды спастись вследствие недостатка в съестных припасах, особенно же в воде. Преследовавшим их иудеям не удалось проникнуть вместе с ними в крепость; поэтому они окружили ее и

отрезали к ней решительно всякий доступ, не впуская и не выпуская из нее никого.

5. В такой крайности арабы отправили парламентеров к Ироду, чтобы переговорить с ним об условиях сдачи, а также (вследствие ужасной жажды) с предложением каких угодно условий, лишь бы он дал им воды. Однако царь не принял ни послов, ни выкупа за пленных, ни другого чего-либо, потому что намеревался наказать их за все несправедливости, нанесенные ими иудеям. Таким образом, побуждаемые недостатком всего прочего и особенно жаждой, некоторые арабы вышли из крепости, отдались в руки врагов и дали связать себя. Так, в течение пяти дней отдались в плен около четырех тысяч человек; на шестой день все остальные решили сделать из крепости нападение на врагов и вступить с ними в бой, предпочитая пасть на поле брани в случае необходимости, чем бесславно погибать поодиночке. Решив это, они вышли из укрепления, но не могли долго биться и храбро сопротивляться, потому что были утомлены душой и телом и видели благодеяние в смерти и позор, если бы остались в живых. В этой первой битве пало около семи тысяч человек. После такого удара арабы окончательно утратили все свое прежнее мужество. В таком бедственном положении арабы, изумляясь военному искусству Ирода, добровольно подчинились ему и признали его правителем своего народа. Ирод, очень радуясь своим успехам, вернулся в свою страну, где его сильно превозносили за этот его доблестный подвиг.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. После того как Ирод устроил дела свои вообще хорошо и во всех отношениях гарантировал себя, он подвергся опасности сразу потерять все, так как Цезарю удалось победить Антония в сражении при Акциуме. Тогда изменилось положение не только самого Ирода, но вместе с тем также всех его друзей и врагов, потому что казалось невероятным, чтобы Ирод остался теперь безнаказанным вследствие его столь тесной дружбы с Антонием. Друзья Ирода перестали уповать на возможность поддержки с его стороны, что же касается до его врагов, то они делали вид, будто соболезнуют ему, а в тайниках души своей лелеяли надежду на перемену к лучшему. При

таких обстоятельствах Ирод считал полезным избавиться от Гиркана, в котором видел единственного себе соперника, имеющего право на царский престол; при этом он рассчитывал, что, если он сам (Ирод) удержится и избегнет грозящей опасности, в настоящем положении дел для него будет выгоднее, если не найдется человека, имеющего больше прав на царский престол, чем он сам, если же придется потерпеть от Цезаря, то он все-таки считал более целесообразным избавиться от Гиркана, не желая, чтобы последний стал его преемником по престолу.

2. Пока царь обдумывал это дело, с другой стороны ему само собой представился повод привести его в исполнение. Вследствие мягкости своего характера Гиркан ни в это, ни в другое время не желал интриговать и вообще касаться политики, удовлетворяясь тем положением, которое дала ему судьба. Между тем отличавшаяся честолюбием и постоянно рассчитывавшая на поворот дел Александра стала теперь уговаривать отца своего (Гиркана) не допускать, чтобы Ирод навсегда продолжал свои беззакония относительно членов своей семьи, но воспользоваться случаем и в уповании на лучшее будущее постараться гарантировать себе безопасность. Поэтому, уговаривала она, нужно о всем написать правителю арабскому, Малху, и просить его принять их к себе и дать им безопасное убежище, ибо, если по их удалении дела Ирода примут такой оборот, как они должны принять вследствие вражды к нему Цезаря, им одним будет принадлежать законное право на престол как по их происхождению, так и вследствие расположения к ним народной массы. Первоначально Гиркан не обращал на эти слова никакого внимания, но, когда Александра, в пылу своего честолюбия и женской настойчивости, не переставала уговаривать его денно и нощно и всегда указывала ему на подходящий момент и на козни Ирода, старик наконец решился вручить одному из преданных друзей своих, некоему Досифею, письмо, где он просил араба прислать ему всадников, которые могли бы взять их и проводить до Асфальтового озера, отстоящего от пределов Иерусалима на расстоянии 300 стадий. Гиркан потому доверил это письмо Досифею, что он был предан ему и Александре и к тому же имел немало поводов быть враждебным Ироду. Дело в том, что Досифей приходился родственником

казненного Иродом Иосифа и братом тех, которые в Тире были раньше перебиты Антонием. Впрочем, все это не побудило Досифея оставаться верным Гиркану, но, предпочитая снискать себе милость царя, он передал письмо Ироду. Последний похвалил его за расположение и приказал ему довести дело до конца, а именно вновь запечатать письмо, доставить его Малху и получить от него ответ, потому что Ироду очень хотелось узнать при этом случае мнение Малха. Досифей старательно исполнил поручение, арабский же правитель ответил, что готов принять к себе Гиркана и членов его семьи, равно как всех его единомышленников из иудеев, и обещал прислать рать, которая могла бы эскортировать их, причем обещал всякую поддержку, в чем бы иудеи ни нуждались. Получив и это письмо, Ирод немедленно послал за Гирканом и спросил его, не заключил ли он союза с Малхом. Когда же Гиркан стал отрекаться, он в заседании синедриона предъявил ему письмо и затем велел казнить его.

3. Все это мы описываем, как рассказано в мемуарах самого царя Ирода. У других писателей имеются, впрочем, на этот счет разногласия, а именно: будто Ирод велел казнить Гиркана не за это дело, но основываясь на всегдашних интригах последнего против него. По этим источникам выходит, будто Ирод задал во время пира ничего не подозревавшему Гиркану вопрос, не получал ли он каких-либо писем от Малха; когда Гиркан сказал, что в письме Малх послал ему только привет, то Ирод будто бы спросил, не получил ли при этом Гиркан чего-либо в подарок (от арабского правителя). Когда же старик ответил, что принял от араба лишь четырех верховых коней, Ирод в этом усмотрел подкуп и измену и велел казнить старика. В виде же доказательства того, что Гиркан совершенно невинно умер таким образом, писатели приводят не только мягкость его характера, в силу которой он даже в юности не выказывал ни смелости, ни предприимчивости, почему он в то время, как сам имел в руках своих царскую власть, лично вовсе не пользовался ею, но предоставил ее почти целиком Антипатру из расположения к последнему. В данное же время ему шел уже восемьдесят второй год; он знал, что Ирод вполне упрочил за собой власть свою; при этом он ведь также приехал из-за Евфрата, где покинул глубоко чтившее его население, чтобы совершенно отдаться во

власть Ирода. Ввиду всего этого совершенно неправдоподобно, будто Гиркан домогался чего-либо или принимал участие в заговоре; всему этому препятствовал весь склад его характера, и (потому) все это произошло вследствие подозрительности одного только Ирода.

4. Такой конец постиг Гиркана, после того как он в жизни испытал всевозможные перемены и превратности судьбы. С самого начала, когда царство перешло к его матери Александре, он был тотчас назначен первосвященником иудейского народа и девять лет занимал эту почетную должность. Затем, после смерти матери, царство перешло к нему, и он правил три месяца, после чего был смещен своим братом Аристовулом, но затем вновь восстановлен в своих правах Помпеем. Пользуясь всеми знаками почета, он пребывал царем в течение сорока лет. Будучи вторично свергнут с престола, а именно Антигоном, и изувечен им, он жил в плену у парфян. Через некоторое время он вернулся от них на родину, побуждаемый к тому упованием на поддержку со стороны Ирода. Однако во всех своих на этот счет надеждах он ошибся, найдя (во дворце царя) лишь многотрудные условия существования. Самое тяжелое несчастье его постигло в момент выше рассказанной нами смерти его. Он был человеком покладистым и нерешительным, а так как он не задавался широкими замыслами и, в сущности, не был способен заниматься государственными делами, то и предоставлял главную заботу об управлении близким людям. Вследствие мягкости Гиркана Антипатру и Ироду и удалось добиться своего высокого положения, а между тем они-то и уготовили ему столь незаслуженный и безбожный конец.

5. Избавясь таким образом от Гиркана, Ирод поспешил к Цезарю, причем не мог рассчитывать со стороны последнего за все свои деяния, а особенно за дружбу к Антонию, на отличный прием. Так как Ирод опасался, что Александра воспользуется удобным случаем, взбунтует народ и восстановит его против царя, то он поручил все дела брату своему Фероре, отправил мать свою Кипру, сестру и всех детей своих в Масаду и поручил брату, в случае, если он услышит о каком-либо постигшем его бедствии, не выпускать из рук власти. А так как жена его Мариамна, вследствие размолвки между ней и его матерью и сестрой, не могла жить вместе с последними,

то он поместил ее с ее матерью Александрой в Александреуме, причем оставил их там под присмотром своего казначея Иосифа и итурейца Соэма, которые с самого начала доказали ему свою полнейшую верность. Теперь он поручил им надзор за этими женщинами под предлогом оказания им особенного почета. При этом Иосифу и Соэме было дано поручение немедленно убить обеих женщин, если бы они узнали о каком-либо несчастье, постигшем Ирода, и всеми силами стараться закрепить царскую власть за его детьми и братом Феророй.

6. Сделав все эти распоряжения, Ирод поспешил в Родос, чтобы встретиться там с Цезарем. Приехав в город, он снял диадему, но остался во всем прочем царском убранстве своем. Когда ему удалось добиться аудиенции, он в полной мере выказал всю свою неустрашимость, а именно — не прибег, как то делается обыкновенно в таких случаях, к просьбам и не выказал ни малейшего опасения за все совершенные им проступки, но безбоязненно дал отчет во (всех) своих поступках. Он рассказал Цезарю о своей большой дружбе с Антонием, о том, что он не участвовал в его походах, так как сам был вовлечен в борьбу с арабами, но что он посылал Антонию деньги и хлеб. Этого было, впрочем, слишком мало, что он сделал для Антония, потому что, по его мнению, тот, кто объявляет себя чьим-либо другом и видит в нем своего благодетеля, должен всеми силами души и тела, поскольку это в его власти, поддерживать друга. Хотя он (Ирод) и оказал таким образом Антонию меньше услуг, чем бы следовало, он все-таки очень доволен дальнейшим образом своих действий относительно него, а именно: он не покинул Антония после поражения его при Акциуме и не перешел на сторону того, которому теперь улыбнулось счастье, но остался если и не фактическим товарищем Антония по полю брани, все-таки его наилучшим советником, а именно — он указал ему, как на единственную возможность спастись и не утратить власти навсегда, на необходимость умертвить Клеопатру. «Если бы он избавился от нее, — продолжал Ирод, — то у него осталась бы надежда захватить верховную власть и легче найти средство примириться во вражде своей к тебе. Однако Антоний не внял этому совету, себе во вред, а тебе в пользу, и предпочел отвергнуть его. Итак, если ты теперь, в гневе на Антония, поставишь мне в вину мое к нему расположение, то я не толь-

ко не стану отрекаться, но не задумаюсь еще раз открыто подтвердить здесь мою приязнь к нему. Если же ты, оставя его в стороне, посмотришь, каков я к своим благодетелям и каков я в дружбе, то у тебя доказательство налицо в виде совершенных мной деяний. Если переменилось имя, из этого еще не следует, чтобы моя дружба пошатнулась к тому, кто является заместителем и преемником моего друга».

7. Такими словами, в которых ясно звучала полная независимость, Ирод без труда склонил на свою сторону Цезаря, человека, отличавшегося благородством духа, так что то, что представлялось первоначально поводом к обвинениям, теперь вызвало благоволение к нему императора. Вместе с тем последний вновь венчал Ирода царским венцом и просил его об одном лишь: быть с ним так же дружным, как дружен он раньше был с Антонием. К этому Цезарь присовокупил, что ему написал Квинт Дидий, насколько отважно Ирод поддержал его в бою с гладиаторами. Удостоившись такого приема и видя, что теперь он укрепился еще более в своей власти отчасти благодаря подарку Цезаря, отчасти же вследствие римского (сенатского) постановления, которого он добился для большей уверенности, Ирод решил сопровождать Цезаря в Египет после того, как успел по мере сил одарить и самого императора, и его приближенных и выказать им все свое великодушие. Вместе с тем он рискнул даже заступиться за одного из близких Антонию людей, именно за Александра, прося пощадить его. Однако достигнуть этого Ироду не удалось, потому что Цезарь клятвенно обещал казнить его. Затем Ирод вновь вернулся в Иудею с большим почетом и большей уверенностью, чем крайне поразил всех, кто ожидал совершенно обратной развязки. Народу казалось, что царь, по милости Предвечного, всегда выходит из опасности лишь с большим и новым блеском. Ирод немедленно приступил к приготовлениям к встрече Цезаря, собиравшегося вторгнуться из Сирии в Египет. Когда император прибыл, он принял его с царской пышностью в Птолемаиде, причем угостил все его войско и изобильно снабдил его всеми припасами. Таким образом, он вскоре попал в число наиболее близких императору людей. Во время военных смотров он сопровождал Цезаря верхом, примкнув к его свите с отрядом из блестяще и богато вооруженных ста пятидесяти человек. Вместе

с тем он сопровождал императорское войско также по пустынным местностям. Самому Цезарю он преподнес в подарок восемьсот талантов и этим заставил всех предположить, что данный подарок превзошел все платежные силы его царства. Это уверило всех еще более в его преданности и расположении, и для него было весьма полезно, что он умел так кстати выказать свое великодушие. Когда римляне возвращались назад из Египта, он также явил снова полную готовность снабжать их всем нужным и оказывать им услуги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Вернувшись назад, Ирод застал всю семью свою в сильном смятении и жену свою Мариамну и ее мать Александру крайне расстроенными. Они были очень огорчены, потому что поняли, как и можно было подозревать, что их заключили в Александреум не в видах их личной безопасности, но как в крепость, где они не только потеряли всякую власть над другими, но и не были в состоянии распоряжаться собой. Мариамна стала подозревать, что вся любовь царя к ней является лишь притворной и притом в его же личных интересах, и печалилась о том, что если бы что-нибудь случилось с Иродом, и у нее была бы отнята всякая надежда остаться долее в живых. При этом она вспомнила о поручении, некогда данном Иосифу, и старалась всячески склонить в свою пользу стражу, особенно же Соэма, понимая, что судьба ее всецело зависит от последнего. Сначала Соэм соблюдал верность Ироду и в точности исполнял все его предписания, но несколько позже поддался увещаниям и подаркам льстивших ему женщин и кончил тем, что сообщил им обо всем, что поручил ему царь. Сделал он это главным образом потому, что уже не рассчитывал, что Ирод вернется назад облеченным прежней властью. Рассчитывая ввиду этого не подвергнуться со стороны Ирода особенно большой опасности, он решил сделать многое в угоду этих женщин, которых, по его расчетам, никак не минует власть и которые впоследствии особенно щедро наградят его, когда сами овладеют престолом или, по крайней мере, станут в близкие отношения к (будущему) царю. Но он не боялся ничего даже в том случае, если бы Ирод, устроив все по сво-

ему желанию, вернулся назад, потому что и в таком случае Ирод ни в чем не откажет жене своей, так как Соэм отлично знал необыкновенную любовь царя к Мариамне. Все эти соображения побудили его сказать Мариамне о полученном поручении. Мариамна тут с ожесточением узнала, что ей предстоят со стороны Ирода одни только опасности, и была бы очень опечалена, если бы царя не постигла заслуженная им участь, причем решила, что дальнейшая совместная жизнь ее с Иродом невозможна, если он вернется.

Впоследствии она все это высказала Ироду, нисколько не скрывая от него всей своей печали.

2. Когда царь возвратился с большей, чем на какую мог рассчитывать, удачей, он, как и следовало, раньше всех поделился своей радостью с женой, которую любил больше всего на свете. Мариамна, однако, во время его рассказа об удачном путешествии, видимо, не столько радовалась, сколько казалась огорченной, и не могла скрыть неудовольствие, но в сознании своего достоинства и благородства вздохнула в ответ на приветствие Ирода, причем открыто показала, что скорее печалится при его рассказах, чем радуется. Следствием этого было то, что теперь Ирод смутился не только на основании (неопределенных) подозрений, но и вследствие наличности фактов. Он совершенно растерялся при виде такой нескрываемой ненависти со стороны жены, опечалился, но не считал возможным отказаться от любви своей к ней. Он то не мог сдержать свой гнев, то снова примирялся с ней, переходя от одного к другому и всегда сильно страдая. Таким образом, обуреваемый и ненавистью и любовью к ней, он несколько раз был готов казнить ее за пренебрежение (к нему), но каждый раз чувствовал себя слишком слабым для того, чтобы устранить от себя эту женщину (навсегда). Вообще же он охотно казнил бы ее, но вместе с тем боялся разлуки и полагал, что, если Мариамна умрет, он сам будет более ее наказан.

3. Видя такие отношения Ирода к Мариамне, сестра и мать его признали этот момент наиболее подходящим для выражения своей ненависти к ней и в разговоре стали постоянно возбуждать против нее Ирода такими тяжкими обвинениями, которые были в состоянии возбудить в нем единовременно как ненависть, так и отвращение к Мариамне. Ирод

слушал все эти речи не без удовольствия, но вместе с тем не решался на основании их предпринять что-либо против нее, так как был далеко не уверен. Однако отношения к ней становились у него все хуже и хуже, и наконец возникли несказанные страдания, так как Мариамна не скрывала своего неудовольствия, а у Ирода любовь понемногу сменялась гневом. В конце концов он принял бы решительные меры, но в это время получил извещение, что Цезарь вышел победителем из борьбы, что Антоний и Клеопатра умерли и что он овладел теперь Египтом. Поэтому он поехал навстречу Цезарю и оставил домашние дела в прежнем их положении. При отъезде царя Мариамна стала просить у него награды Соэму за его ревностную службу, а именно — места военачальника. Соэм действительно получил это почетное назначение. Ирод же, встретившись с Цезарем в Египте, мог теперь свободнее общаться с ним, считаясь его другом, и удостоился при этом величайших почестей: Цезарь подарил ему четырехсот галлов, телохранителей Клеопатры, и вновь отдал ему область, отнятую у него царицей, равно как включил в пределы его царства также Гадару, Гиппос и Самарию, а также приморские города Газу, Анфедон, Яффу и Стратонову Башню.

4. Достигнув этого, Ирод еще более возвысился и сопровождал Цезаря в Антиохию. Насколько его внешние дела шли удачно, настолько печальными нашел он при возвращении домашние дела свои, особенно относительно жены, со стороны которой он прежде всегда пользовался таким счастьем. Любил он Мариамну действительно так сильно, как никто другой, о котором повествует история. Хотя она и соблюдала царю верность и вообще держала себя во всех отношениях к нему благопристойно, однако, по привычке всех женщин, вместе с тем относилась к нему с неприязнью, причем иногда обходилась с ним, невзирая на всю его страсть к ней, крайне резко и, несмотря на все свое подчинение и покорность ему, нередко давала ему чувствовать свои капризы. Но всего этого Ирод как будто не замечал вовсе и с достоинством и терпением переносил все. Вместе с тем она открыто стала укорять мать и сестру царя в низком происхождении, так что результатом этого явилась ненависть и непримиримая вражда между всеми этими женщинами; в то же время появились и более тяжкие обвинения. Таким образом, подо-

зрительность царя получала обильную пищу и возрастала в течение целых полугода с тех пор, как Ирод вернулся от Цезаря. В конце концов эта все более и более раздуваемая вражда обнаружилась по следующему поводу. Когда однажды Ирод в полдень отправился в опочивальню, чтобы отдохнуть от жары, он позвал к себе Мариамну, побуждаемый большой любовью к ней. Царица явилась к нему, но отказалась разделить с ним ложе и стала укорять и поносить его за убийства ее отца и брата.

Царь с трудом снес это оскорбление и готов был решиться на крайность, но в это время услышавшая необычайный шум сестра царя Саломия послала к нему заранее подготовленного к тому виночерпия, которому было приказано сказать Ироду, будто Мариамна просила снабдить его любовным питьем для царя. Если же царь смутится и спросит его, что это за питье, то виночерпий должен отдать его царю по приказу последнего; если же царь не смутится этим, пусть он воздержится от дальнейших разговоров; при этом Саломия уверила виночерпия, что здесь нет никакой опасности. Подготовив все таким образом, Саломия именно теперь послала виночерпия к царю. Виночерпий уверенно и свободно явился к царю с заявлением, что Мариамна дала ему подарки и уговорила его предложить царю любовное питье. Когда Ирод крайне заволновался и спросил его, что это за питье, тот ответил, что Мариамна дала ему нечто такое, содержание чего он сам не знает. Поэтому-то он и объявляет ему об этом, чтобы оградить себя от ответственности и предупредить царя. Услышав это, и без того уже возбужденный Ирод еще более разгневался и велел пытать евнуха, наиболее преданного Мариамне, потому что знал, что, помимо этого евнуха, жена его не могла решительно ничего предпринять. В такой крайности евнух под пыткой ничего, правда, не мог сказать относительно любовного питья, но зато рассказал, как у царицы явилась ненависть к Ироду вследствие разоблачений, сделанных ей Соэмом. Не успел тот произнести свои слова, как царь громко закричал, что всегда бывший верный ему и царству Соэм не осмелился бы проговориться о полученном поручении, если бы не был в близких отношениях к Мариамне. Поэтому он распорядился немедленно схватить и казнить Соэма, а жену свою предал суду самых предан-

ных друзей своих, ожесточенно обвиняя ее в приготовлении любовного питья и отравы. При этом Ирод нисколько не сдерживал себя и был вспыльчивее, чем бы следовало при судебном разбирательстве. В конце концов присутствующие, видя такое настроение царя, приговорили Мариамну к смерти. По произнесении этого приговора как сам царь, так и некоторые из судей решили не сразу приводить его в исполнение, но пока посадить царицу в одну из темниц при дворце. Однако Ироду пришлось внять настойчивым требованиям Саломии, советовавшей ему умертвить Мариамну, чтобы тем самым избегнуть народных смут, которые могли бы возникнуть, если бы народ узнал, что царица еще жива.

5. Итак, Мариамна была отведена на казнь. Тогда Александра, видя, в каком положении дела, и понимая, что ей осталось мало надежды не потерпеть таким же точно образом от Ирода, круто и весьма неприлично изменила прежнее свое высокомерное поведение. Желая доказать полную свою непричастность к возводимому на царицу обвинению, она выбежала (на улицу) и стала при всех поносить дочь свою, называя ее гадкой и неблагодарной к мужу женщиной и говоря, что теперь она подвергается заслуженному наказанию за свои дерзости, так как поступила непристойно относительно своего главного благодетеля. Так как Александра столь наглым образом притворялась и даже вцепилась при этом дочери своей в волосы, то ее, как и следовало, многие сочли неприличной ханжой; особенно дала понять это Александре сама осужденная, которая с самого начала не ответила ей ни слова и, нисколько не смутясь, лишь с презрением посмотрела на эту гнусную женщину, очевидно, показывая ей все ее жалкое ничтожество. Сама она совершенно бесстрашно и не изменившись в лице пошла на казнь, даже в последнюю минуту являя всем доказательство своего благородства.

6. Таким образом умерла Мариамна, этот высочайший идеал женской целомудренности и великодушия. Впрочем, ей недоставало сдержанности, и в характере ее в слишком сильной степени замечалась некоторая неуживчивость. Красотой своей и уменьем с достоинством держать себя она превосходила всех своих современниц; это и явилось главной причиной того, что она недостаточно любезно встречала царя и относилась к нему с недостаточной предупредитель-

ностью. Пользуясь всегда любовью со стороны царя и не имея повода предполагать с его стороны какой-нибудь неприятности, она позволяла себе с ним слишком много. А так как ее угнетала судьба, постигшая близких ей людей, и она нисколько не стеснялась высказывать ему это прямо, то она в конце концов навлекла на себя вражду матери и сестры царя и даже самого Ирода; относительно последнего, между тем она всегда была уверена, что он оградит ее от всяких неприятностей.

7. После казни Мариамны любовь царя к ней возросла еще более, чем то было когда-либо раньше, как мы уже имели случай упоминать. Дело в том, что эта любовь к ней царя вовсе не была временной или ослабилась вследствие привычки, но как она с самого начала отличалась страстным энтузиазмом, так она не ослабевала и впоследствии при постоянном сожительстве. Теперь же казалось, что, в виде наказания за казнь Мариамны, любовь к ней охватила его в еще гораздо более сильной степени, так что он часто громко призывал ее к себе, предавался ничем не сдерживаемым слезам, в конце концов стал придумывать всевозможные способы забыться и развлечься и с этой целью задавал попойки и пиры. Впрочем, все это отнюдь не помогало, так что он запустил даже все государственные дела и страдал в столь высокой степени, что приказал своим слугам громко звать Мариамну, как будто бы она была еще жива и могла слышать это и явиться. В то время как царь находился в таком состоянии, (в стране) появилась чума, которая похитила не только массу простонародья, но и наиболее близких к царю друзей его, причем у всех явилась мысль, что это бедствие служит доказательством гнева Божьего за беззаконие, совершенное относительно Мариамны. Все это еще более расстраивало царя, так что он под предлогом охоты отправился наконец в пустынное место. Но здесь ему удалось пробыть лишь короткое время, ибо через несколько дней он впал в опасную болезнь. Его поразило сильное и сопряженное со страшными болями воспаление затылка, связанное с сотрясением мозга и расстройством умственных способностей. Все примененные средства, однако, нисколько не помогали, так что наконец явилось сомнение в возможности выздоровления царя. Так как все попытки в этом отношении оказывались тщетными и сам царь мог

соблюдать лишь ту диету, к которой принуждал его характер болезни, врачи согласились давать ему все, чего бы он ни пожелал, и предоставили случаю выздоровление его, на которое, впрочем, было мало надежды. Болезнь эта охватила царя в Самарии, прозванной Себастой.

8. Тем временем пребывавшая в Иерусалиме Александра, успев узнать о положении царя, приложила все старания, чтобы овладеть укрепленными пунктами города. Этих пунктов было два; из них один находился в самом городе, другой же в храме. Всякий, кто овладевал ими, тем самым подчинял себе и весь народ иудейский: помимо этих пунктов не могли совершаться жертвоприношения, без которых не может жить ни один иудей, потому что все они готовы скорее лишиться жизни, чем отступить от установленного служения Предвечному. Поэтому Александра вступила в переговоры со стражей, указывая на необходимость передать эти укрепления ей и детям Ирода, чтобы в случае кончины последнего никто не мог предупредить их и захватить власть. В случае же, если бы царь выздоровел, по ее мнению, опять-таки самыми надежными людьми явятся члены его собственной семьи. Гарнизоны отнеслись к этому предложению Александры с неудовольствием и, оставаясь прежде верными царю, тем более решили оставаться таковыми и теперь, так как чувствовали ненависть к Александре и считали безбожным изменить находившемуся еще в живых Ироду. Они были издавна преданы ему, а один из них, Ахиав, даже доводился племянником царю. Поэтому они немедленно донесли последнему о планах Александры. Ирод распорядился тотчас казнить ее, а так как он сам едва успел оправиться от болезни и все еще страдал душой и телом, то был крайне раздражителен и стал казнить по самым ничтожным причинам всех, кто попадался ему под руку. Так, например, он казнил многих из самых преданных друзей своих, а именно — Костобара, Лисимаха, Гадию, носившего прозвище Антипатр, а также Досифея. Поводом к этому послужило следующее.

9. Костобар был идумеянином и принадлежал к числу знати своей страны, потому что предки его были жрецами идумейского божества Котзе. После того как Гиркан ввел у идумеян иудейские обычаи и религию, Ирод овладел страной и назначил правителем Идумеи и Газы Костобара, причем выдал за

него сестру свою Саломию, после казни ее первого мужа Иосифа, о которой мы сообщали выше[8]. Достигнув неожиданно столь высокого положения, Костобар вознесся в своем счастье и несколько вышел из своих границ, не считая себя более обязанным повиноваться предписаниям Ирода и полагая, что идумеяне вовсе не для того приняли иудаизм, чтобы быть в подчинении у иудеев. Поэтому он послал сказать Клеопатре, что, так как Идумея всегда находилась под властью ее предков, она имеет право требовать себе от Антония эту страну, причем он сам выражал полную готовность примкнуть к царице. Впрочем, все это Костобар сделал не для того, чтобы угодить Клеопатре и усилить ее власть, а потому, что рассчитывал сам стать полновластным правителем идумейского народа и увеличить свое могущество за счет ослабления Ирода. Этим надеждам он предавался с тем большей охотой, что имел крупную поддержку не только в знатности своего происхождения и в значительных денежных средствах, добытых путем систематической экономии, но и в том, что всегда энергично преследовал раз намеченную цель.

Итак, Клеопатра стала просить у Антония этой страны, но не получила ее, тогда как Ироду было сообщено все это, и он совсем уже было приготовился казнить Костобара. Однако ввиду заступничества сестры и матери своих он простил его, причем, однако, все остальное время никак не мог освободиться от недоверия к Костобару за его тогдашнюю попытку.

10. Спустя некоторое время Саломия поссорилась с Костобаром. Тогда она немедленно послала ему разводное письмо с целью расторжения своего брака. Так поступила она вопреки иудейским законам[9], потому что это у нас разрешается мужу, тогда как женщина не вправе вступить в новый брак, пока она не получила развода от первого своего мужа. Однако Саломия пренебрегла этим основным законом и поступила здесь совершенно произвольно. Брату же своему, Ироду, она объявила, что бросила мужа из любви к нему, Ироду: она узнала, что муж ее вместе с Антипатром, Лисимахом и Досифеем злоумышляют против безопасности государства. Вместе с тем для подтверждения своих слов она указала на то, что Костобар держит у себя вот уже двенадцать лет сыновей Вава, что и было в действительности так. Все это,

узнанное столь неожиданно, крайне смутило царя, и он очень заволновался, так как не ожидал ничего подобного. Что касается сыновей Вава, Ирод первоначально собирался казнить их, так как они стали во враждебные к нему отношения, впоследствии же он совершенно забыл о них, и с тех пор прошло много времени. Вражда же и ненависть к ним возникли следующим образом: когда еще царская власть была в руках Антигона и Ирод во главе войска осаждал Иерусалим, нашлось много лиц, которые вследствие массы связанных с осадой бедствий желали впустить Ирода в город и уже были готовы возложить на последнего все свои надежды. Происходившие, однако, из знатного рода и пользовавшиеся в глазах толпы авторитетом сыновья Вава продолжали оставаться верными Антигону, постоянно поносили Ирода и побуждали народ сохранить за Антигоном принадлежащую ему по праву рождения власть. И вот народ держался их взгляда на вещи, считая это более полезным и целесообразным. Когда же Ирод взял город и верховная власть оказалась в его руках, Костобар, которому было поручено занять и оберегать все выходы из города, чтобы из него как-нибудь не ускользнули виновные граждане или противники царя, принял сыновей Вава и отвез их к себе, зная, в каком они почете у народа, и рассчитывая, что в случае переворота спасение их может сослужить ему самому крупную службу. Впоследствии он, чтобы освободиться от всякого с его стороны подозрения, клятвенно уверил Ирода, что ему ничего не известно о судьбе их. Также и позже, когда Ирод велел объявить о том во всеобщее сведение и обещал награду за поимку и всячески старался найти их, Костобар не сознался. Раз он однажды солгал, то он считал теперь для самого себя небезопасным выдать этих людей и еще старательнее скрывал их не только из расположения к ним, но и по необходимости.

После того как Ирод узнал все это от сестры своей, он послал в указанное место, где находились сыновья Вава, и велел казнить как их, так и всех вместе с ними обвиненных. Теперь не оставалось в живых уже никого из родни Гиркана, и Ирод властвовал единолично, так что никто более не осмеливался противодействовать его беззаконным начинаниям.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Таким образом, Ирод все более и более уклонялся от соблюдения древних установлений и обычаев и введением иноземных начинаний подтачивал издревле сложившийся и собственно ненарушимый строй жизни. Так как все то, что раньше поддерживало в народной массе прежнее благочестие, теперь подвергалось презрению, то мы в результате от этого немало пострадали в позднейшее время. Во-первых, он ввел в честь Цезаря через каждые пять лет повторявшиеся общественные игры и построил в (самом) Иерусалиме театр, равно как на равнине огромнейший амфитеатр, которых роскошь бросалась всем в глаза, но которые отнюдь не соответствовали мировоззрению иудеев, ибо иудеи были непривычны к такого рода зрелищам. Празднование этих игр он производил с большой торжественностью, приглашая с этой целью зрителей из соседних стран и собирая весь (иудейский) народ на них. Также и борцы и всякие другие участники в состязаниях приглашались со всех концов земли, и они являлись в надежде на призы и на славу победы, причем тут участвовали крупнейшие корифеи своего дела. Ирод назначал выдающиеся призы не только участникам в гимнастических состязаниях, но также и знатокам музыки и танцев и тем побуждал лучшие силы вступать в состязания. Равным образом он назначал также большие призы квадригам[10], парным экипажам и одиночкам; одним словом, все, что где бы то ни было выдавалось роскошью и блеском, он старался превзойти еще большей красотой. Кругом всего театра тянулись надписи в честь Цезаря и были воздвигнуты из червонного золота и серебра изображения трофеев его от тех народов, которых он победил на войне. Не было таких драгоценных и прекрасных одеяний и камней, которые бы не показывались зрителям на этих состязаниях. При театре имелся запас диких зверей, в том числе масса львов и всяких других зверей, отличавшихся чрезмерной силой или особенной редкостью. Этих зверей выпускали на бой как между собой, так и с присужденными к смерти людьми, причем иноземцам в одинаковой мере доставляли удовольствие как роскошь обстановки, так и волнение, вызываемое этими опасными зрелищами, тогда как для туземцев тут было лишь доказательство

явного разложения нравов, чистоту которых они так свято соблюдали. Иудеи считали явным безбожием предоставлять диким зверям людей для удовольствия других людей и в столь же высокой степени безбожным вводить в свою личную жизнь чужеземные обычаи. Больше же всего оскорбляли их трофеи, и они немало печалились, видя в них запрещенные законом изображения вооруженных людей.

2. Впрочем, от Ирода не ускользнуло возмущение народа, и так как он счел неуместным действовать в этом случае силой, то позвал к себе нескольких лиц и пытался убедить их, что тут нет ни малейшего богохульства. Однако это ему не удалось, и все в негодовании на его беспутство единогласно закричали, что, если они пока сносили многое, теперь они никак не допустят в городе идолов, причем имели в виду трофеи. При этом они ссылались на то, что это возбранено им их законом. Видя такое их волнение и что нелегко будет их успокоить иначе, как путем наглядного доказательства, Ирод пригласил наиболее влиятельных из них в театр и, указав на трофеи, спросил, за что они принимают их. Когда же те закричали, что это изображения людей, он распорядился снять оружие и показал им голые деревянные столбы. Это тотчас же вызвало неудержимый смех, и общая веселость еще более увеличилась оттого, что иудеи раньше столь иронически относились к убранству этих трофеев.

3. Успокоив таким образом народ и умерив его гнев, Ирод увидел, что большинство убедилось в безопасности (этих трофеев) и более не волнуется. Впрочем, было еще несколько лиц, которые никак не желали примириться с противными народному духу нововведениями и видели в нарушении основных обычаев начало великих бедствий. Эти люди считали своей священной обязанностью скорее подвергнуться опасности, чем допускать такие нововведения в государстве и спокойно взирать на то, как Ирод насильно насаждает противные народному духу начала, причем является царем лишь по имени, а на деле представляет из себя врага народа. Вследствие этого десять граждан составили заговор и поклялись подвергнуться любой опасности (в числе заговорщиков был также один слепой, которого принудили примкнуть тревожные слухи; хотя он и не был в состоянии принять в деле личное участие, однако он приготовился пострадать со

всеми прочими, если бы заговорщиков постигла неудача; этим он немало содействовал подъему духа в остальных своих товарищах).

4. Спрятав под плащами кинжалы, заговорщики немедленно отправились в театр в надежде, что Ирод не уйдет от них, так как они нападут на него внезапно, и что в крайнем случае, даже если им не удастся убить его самого, они перебьют многих из его приверженцев; они готовы были удовольствоваться хотя тем, что смерть их заставит по крайней мере царя образумиться и подумать, насколько он поглумился над народом. Заговорщики были вполне приготовлены ко всему и отличались большой отвагой. Но один из шпионов Ирода разузнал все дело и сообщил обо всем плане царю, когда последний собирался войти в театр. Так как Ирод знал, что большинство его реформ вызывало лишь возбуждение и ненависть, то счел это сообщение довольно вероятным и потому вернулся во дворец и велел поодиночке позвать к себе обвиняемых. Ввиду того, что заговорщики были схвачены слугами царя с поличным, они стали думать не о том, как бы избегнуть наказания, но решили встретить неизбежную теперь смерть с возможно большим мужеством. Поэтому они не выказали раскаяния и не пытались отрицать свою вину, но тотчас после ареста отдали свои кинжалы и храбро сознались, что составили заговор с благой и честной целью, причем не было и речи о какой-нибудь личной для себя выгоде или о личной мести, но преследовалось лишь общее благо народа, которое оберегать и за которое умирать должен быть готов всякий. После того как они так смело рассказали весь ход своего заговора, они были арестованы царскими телохранителями и умерщвлены под пыткой. Немного, впрочем, спустя некоторые лица схватили и навлекшего на себя всеобщую ненависть доносчика и не только убили его, но разорвали на части и бросили псам. Хотя многие из граждан присутствовали при этом, но никто не донес о том. Наконец, Ирод распорядился нарядить строжайшее следствие, и тогда несколько женщин во время пытки показали то, чему они были свидетельницами. После этого всех виновных вместе с их семействами постигла кара, причем пощады не было никому. Но народное волнение и привязанность иудеев к своим законам поставили Ирода в затруднительное положение, и ему пришлось изыскивать меры обезопасить

свое правление. Поэтому он решил всячески удерживать в повиновении народ и поставить его в такие условия, чтобы он при таком стремлении к перевороту не мог перейти в открытое восстание.

5. У него в городе имелось два укрепленных пункта, а именно — дворец, в котором он сам жил, и храмовая крепость, названная Антонией и сооруженная им. Теперь он задумал возвести для ограждения себя от народа третью крепость, а именно в Самарии, которую он назвал Себастой. Итак, он решил укрепить это место, находившееся в расстоянии одного дня пути от Иерусалима и представлявшее то удобство, что оно могло служить отличным средством для обуздания не только города, но и всей страны. Для ограждения себя от всенародного восстания Ирод приступил к перестройке города, носившего название Стратоновой Башни и теперь прозванного Иродом Цезареей. На великой равнине он воздвиг укрепление и поместил в нем отряд всадников, выбранных для того по жребию; в Галилее он построил Гаву, в Перее Есевон. Ирод воздвиг все эти крепости в разных местностях, постоянно озабочиваясь укрепить и обезопасить свое положение и стараясь держать в своих руках весь народ, чтобы он менее думал о возмущении (впрочем, некоторое небольшое брожение замечалось всегда) и чтобы ни малейшее движение не оставалось незамеченным, так как всегда имелись налицо силы, бывшие в состоянии немедленно все узнать и подавить всякую такую попытку. Когда он отправился, чтобы укреплять Самарию, он пригласил поселиться там многих из своих прежних солдат, равно как и многих пограничных жителей, причем соблазнил их перспективой постройки нового храма. Вместе с этим он также желал поднять таким образом значение этого города, который раньше не принадлежал к числу особенно блестящих. Главной побудительной для этих иноземцев причиной было то, что Ирод в видах своей личной безопасности не скупился на деньги. При этом Ирод переименовал город в Себасту и распределил между жителями ближайшую, лучшую во всей стране землю, дабы они при своем поселении сейчас же пользовались известным благосостоянием. Он окружил город крепкой стеной и воспользовался покатостью местности, причем дал городу такие размеры, что он не уступал в этом

отношении даже наиболее знаменитым городам. Он обнимал двадцать стадий. Внутри города он оставил красивую открытую площадь в полторы стадии и воздвиг здесь храм, принадлежавший по величине и красоте к числу самых выдающихся. Отдельные части города также были им постоянно украшаемы, причем это вызывалось соображениями личной безопасности, стремлением воспользоваться крепкими стенами для обращения всего города в огромную крепость, а также желанием оставить после себя достойный памятник своего вкуса и человеколюбия.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. В этот же самый год, именно в тринадцатый год царствования Ирода, великие бедствия постигли страну вследствие ли гнева Господня или потому, что несчастья повторяются периодично. Сперва наступила продолжительная засуха, так что земля стала совершенно бесплодной и не принесла даже того, что она обыкновенно дает в необработанном виде. Затем, так как вследствие недостатка хлеба пришлось изменить весь образ жизни, явились болезни и род чумы, причем одно бедствие сменяло другое. Ввиду отсутствия должного ухода и пищи чума уносила все больше и больше жертв, а гибель последних уменьшала бодрость остальных, тем более что они не были в состоянии противопоставить этому бедствию что бы то ни было. Так как посевы текущего года погибли и запасы прежних лет истощились, то не было уже никакой надежды на благоприятное будущее, тем более что чума, против ожидания, затягивалась все дольше и дольше. Итак, теперь уже ничего не оставалось; были уничтожены также и семена для будущего посева, так что можно было ожидать вторичной голодовки. Нужда заставляла людей прибегать в этой крайности к многоразличным средствам. В не меньшей мере ощущал ее и сам царь, так как он теперь лишился обычных земельных податей и в своей щедрости успел израсходовать все свои деньги на тех, чьи города он восстановил. Он не видел тут никакой возможности помочь беде, а последняя между тем росла, и с ней росла также ненависть его подданных: в неудаче обыкновенно обвиняются лица начальствующие.

2. Находясь в таком положении, Ирод стал всячески из-

мышлять средства помочь беде. Его положение затруднялось тем, что и у соседей, которых постигло то же бедствие, нельзя было получить хлеба и что у него не хватило бы денег, если бы даже они нашлись, помочь такой массе страждущих. Но так как царь считал обязанностью всеми возможными средствами помочь беде, то он собрал все ценности своего дворца и велел сплавить все золото и серебро, не щадя ни драгоценной, ни художественной утвари. Затем он послал эти деньги в Египет, где наместником Цезаря (тогда) был Петроний. Несмотря на то, что многие искали у последнего помощи в этой беде, он все-таки, будучи очень расположен к Ироду и желая помочь его подданным, дал ему первому право вывезти (из Египта) хлеб, причем всячески содействовал покупке этого хлеба и его вывозу. Таким образом, Ирод был главным виновником этой помощи. И вот Ирод, по прибытии хлебных запасов, легко заставил народ приписать именно его заботливости эту помощь и тем самым не только изменить мнение своих прежних недоброжелателей, но и постарался выказать народу свою особенную о нем заботливость и свое попечение. Классифицировав население точнейшим образом, он сперва роздал часть хлеба всем тем, которые были в состоянии сами озаботиться приготовлением себе пищи; потом он направил к пекарям и доставил готовую пищу всем тем многочисленным лицам, которые по старости или другой какой-либо причине не могли сами испечь себе хлеб. Вместе с тем царь позаботился также оградить от бедствий зимы многих, которые не имели теплой одежды, потому что в этой беде погиб также весь скот, так что не было ни шерсти, ни другой возможности сделать одежду. Когда и эти лица были удовлетворены, он оказал помощь соседним городам и послал в Сирию семян для посевов. Тем самым он оказал в не меньшей мере и самому себе услугу, потому что вернул стране ее плодородие и дал всем возможность впредь иметь обилие хлеба. Когда же вновь наступило время жатвы, он разослал по стране пятьдесят тысяч человек, которых он сам кормил в это время и которым помог оправиться, и таким образом вернул себе расположение всего своего столь сильно пострадавшего царства, причем немало оказывал поддержки и окрестным племенам, очутившимся в столь же бедственном положении. Не было такого лица, постигнуто-

го нуждой, которому он не помог бы сообразно средствам; при этом он оказал поддержку даже целым народам и городам, не говоря уже о тех частных лицах, которые впали в нужду вследствие многочисленности своих семей. Все, кто обращался к нему, получали просимое, так что по точному подсчету оказалось, что царь раздал иностранцам десять тысяч коров хлеба (кор равняется десяти аттическим медимнам), а своим подданным — около восьмидесяти тысяч. Эта заботливость и своевременная помощь царя настолько упрочили его положение среди иудеев и так прославили его у других народов, что возникшая прежде к нему ненависть из-за введения новых порядков в царстве теперь прекратилась у всего народа, потому что царь своей щедрой помощью в столь опасную минуту примирил с собой всех. Слава его росла за пределами его владений, и казалось, что все это постигшее страну горе было предназначено лишь для того, чтобы увеличить его популярность. Так как Ирод во время бедствия выказал столь неожиданное великодушие, то отношение простонародья к нему совершенно изменилось: народ смотрел теперь на него не так, как привык судить о нем по его прежним деяниям, а видел в нем своего заступника в беде.

3. Около этого же времени царь послал также Цезарю пятьсот избранных телохранителей своих для войны. Галл Элий повел их к Чермному морю[11], и здесь они оказали ему весьма ценную поддержку. Когда же у Ирода вновь накопились в достаточном количестве деньги, он приступил к постройке дворца в верхней части города, причем устроил в нем обширные помещения, которые богато изукрасил золотом, камнями и диванами; в каждом из них имелось много кроватей, чтобы принять большое количество людей. Сообразно с объемами этих помещений царь дал им и названия, наименовав, например, одно из них в честь Цезаря, другое в честь Агриппы.

В это же время Ирод вновь вступил в брак. Его побудили к тому его эротические наклонности, причем он вообще никогда не упускал случая пользоваться обстоятельствами для своего удовольствия. Мысль о браке явилась у него следующим образом: живший в Иерусалиме некий Симон, сын александрийца Воэта, выдающийся священнослужитель, обладал дочерью, считавшейся тогда первой красавицей. О ней говорили в городе, и слухи о ней дошли до Ирода. Когда же он уви-

дел эту девушку, красота ее поразила его. Но царь отказался от мысли прибегнуть в данном случае к насилию, справедливо боясь навлечь на себя обвинение в тирании. Поэтому он предпочел вступить с девушкой в (законный) брак. Но так как Симон занимал слишком незначительное место, чтобы быть в состоянии породниться с царем, с другой же стороны, был слишком известен, чтобы не считаться с ним, то Ирод нашел удобное средство исполнить свое желание, решив поднять общественное положение всей семьи и дать ей более почетное место. Поэтому он немедленно сместил первосвященника Иисуса, сына Фавита, и назначил на его место Симона. Затем он вступил с ним в родственные отношения.

4. По окончании брачных празднеств он соорудил укрепление в той местности, где когда-то одержал победу над иудеями, когда он сам утратил власть и она была в руках Антигона. Эта крепость отстоит от Иерусалима на расстоянии около шестидесяти стадий и самой природой предназначалась быть удобным укреплением, так как поблизости находился довольно значительный холм, искусственно увеличенный человеческими руками и наверху срезанный и выровненный. На нем возвышались круглые башни, к которым вела крутая лестница из двухсот отесанных камней. Внутри этих башен находятся красивые царские покои, сооруженные не только в видах безопасности, но и для красоты. Около подножия холма возвышались грандиозные здания, служившие, между прочим, водопроводами (в этой местности воды нет), причем вода течет сюда издалека. Здания эти сооружены с огромными издержками. Равнина покрыта домами наподобие целого города, а на холме возвышается крепость, господствующая над всей этой местностью.

5. Так как Ироду все удалось сообразно его надеждам, то он более уже не боялся возникновения смут в государстве: подданных он держал вполне в руках, отчасти нагоняя на них страх, будучи неумолим в случае необходимости наказания, отчасти же выказывая к ним великодушную заботливость в беде. Вместе с тем, однако, он прибег к помощи иностранцев для укрепления своей личной безопасности, как будто бы ему нужен был такого рода оплот против своих собственных подданных. С иностранными государствами он поддерживал отличные отношения и при случае оказывал им услуги, чем

еще более располагал их в свою пользу, причем выказывал всю свою истинно царскую щедрость. Благодаря этому и постоянной удаче влияние его росло. Такое ревностное его отношение и такая услужливость его к Цезарю и к наиболее влиятельным римлянам поневоле заставили его уклоняться от установленных родных обычаев и во многом нарушать иудейские законоположения. Он в своем усердии основывал города и воздвигал храмы, правда, не в Иудее (иудеи этого не потерпели бы, так как почитание статуй и изображений на манер греческих нам запрещено), но делал это вне пределов страны. При этом он оправдывался перед иудеями тем, что все это он предпринимает не по собственному желанию, но по поручению и предписаниям свыше, тогда как перед Цезарем и римлянами он выказывал достаточное пренебрежение к установленным законоположениям и делал вид, будто ставит почитание римлян выше последних. Впрочем, сам он больше всего имел тут в виду свою собственную пользу, так как сгорал желанием оставить потомству выдающиеся памятники своего правления. Это-то и побуждало его основывать города и не жалеть для того никаких расходов.

6. Найдя на морском берегу местность, в высшей степени удобную для города и раньше называвшуюся Стратоновой Башней, он велел составить обширный план и приступил к постройкам, восстановил весь город, притом из белого мрамора, и украсил его роскошными дворцами и общественными зданиями. Самым же замечательным его сооружением, отличавшимся как величиной, так и массой употребленного на него труда, была обширная гавань, величиной с Пирейскую[12], представлявшая внутри отличную стоянку и двойной ряд пристаней. Сооружение это было замечательно особенно тем, что царь не имел нужных материалов на месте, но должен был с большими издержками доставлять их издалека. Город этот расположен в Финикии, по дороге в Египет, между Яффой и Дором. Это два приморских пункта, неудобные по своей доступности ветрам, которые здесь наносят песок морской на берег и затрудняют причал, так что в большинстве случаев купцам приходится становиться на якорь в открытом море. Желая изменить характер этой местности, царь назначил для гавани настолько обширное пространство, что тут могли укрыться целые большие флотилии,

и с этой целью приказал бросить в воду на глубину двадцати аршин огромнейшие камни. Большинство из них имело пятьдесят футов в длину, не менее восемнадцати футов в ширину и около девяти футов в вышину. Впрочем, тут были камни и больше, и поменьше. Весь мол, который он воздвиг в море, достигал двухсот футов в длину. Половина этого сооружения представляла оплот против набегавших волн (почему и называлась молом), а другая половина представляла из себя каменную стену с башнями. Самая большая башня получила название Друзовой и была особенно красива. Прозвище свое она получила в честь пасынка Цезаря, Друза, умершего в юных летах. Тут же были устроены и сводчатые помещения, служившие местом отдыха и пристанищем для моряков. Пространство перед ними представляло шедшую кругом всей гавани набережную, которая служила отличным местом прогулки для желающих. Вход в гавань был устроен с северной стороны, потому что именно северный ветер тут наиболее мягкий. При въезде в гавань с левой стороны возвышалась огромная башня, построенная на прочном основании, чтобы противостоять напору волн, а с правой стороны были поставлены как раз против башни два огромных и соединенных между собой каменных столба. Кругом всей гавани тянулись дома из белого мрамора; среди них воздымался холм, на котором стоял храм в честь Цезаря. Храм этот был виден еще издали с моря; в нем находились две статуи: одна — изображавшая Рим, другая — самого Цезаря. Вследствие красоты и дороговизны материалов самый город получил название Цезареи. Подземные его каналы и ходы были не менее грандиозны, чем наружные сооружения. Некоторые из них, отделенные друг от друга равными промежутками, тянулись вплоть до самого моря. Всех их перерезывал один большой канал, куда стекались дождевая вода и нечистоты; а так как он выходил в самое море, то волны морские проникали сюда извне и очищали таким образом весь город. Царь соорудил в самом городе также и театр, равно как амфитеатр за городом, у южной оконечности гавани. Этот амфитеатр мог вместить огромное количество народа и был помещен так удобно, что из него открывался вид на море. Город принял такой вид свой в течение двенадцатилетнего периода, потому что царь не щадил в этом случае ни сил, ни денег.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Окончив это дело, равно как успев отстроить и Себасту, Ирод решил послать сыновей своих, Александра и Аристовула, в Рим, чтобы они представились Цезарю. Когда они прибыли в Рим, то нашли пристанище в доме особенно преданного друга Ирода, Поллиона, хотя могли остановиться также у самого Цезаря. Последний принял юношей в высшей степени любезно и предоставил Ироду право назначить одного из них, по собственному желанию, своим наследником. При этом он отдал ему также области Трахона, Ватанеи и Авранитиды. Подарок этот был вызван следующим поводом: некий Зинодор арендовал у Лисания его область, но так как он не удовлетворялся доходами с нее, то увеличивал последние путем разбойничьих набегов на Трахон. В этой местности обитали вообще погибшие люди, грабившие владения дамасцев. Между тем Зинодор нисколько не препятствовал этому, но, напротив, сам имел долю в добыче. Страдавшие от этого пограничные жители обратились к тогдашнему наместнику Варрону с жалобой и просили написать Цезарю о безобразном поступке Зинодора. В ответ на это Цезарь послал распоряжение прекратить эти разбои, а самую область предоставить Ироду, который позаботится уже о том, чтобы соседи более не подвергались неприятностям со стороны жителей Трахона. Впрочем, поимка разбойников представлялась делом далеко не легким, так как они привыкли к грабежам, представлявшим для них единственный источник доходов: у них не было ни города, ни земельной собственности, и они укрывались в подземных пещерах, которые служили им убежищем и где они жили со своим скотом. Так как они запаслись водой и пищей, то, очевидно, могли выдержать довольно продолжительную осаду. Входы в их пещеры были узки, и в них приходилось входить гуськом, тогда как внутри эти пещеры были весьма обширны и могли вместить множество народу; при этом верх их выступал немного наружу, будучи почти сровнен с поверхностью. Вся местность представлялась скалистой и труднопроходимой, если не пользоваться указаниями проводника, потому что тропинки вели не прямо, но сильно перекрещивались. Когда жившие здесь люди не могли совершать насилия над ближайшими соседями, они грабили друг друга, не останавливаясь ни перед

какими преступлениями. И вот, когда Ирод отправился в эту местность, полученную им в дар от Цезаря, он при содействии проводников прекратил все прежние безобразия и даровал окрестным жителям спокойствие и мир.

2. Рассердившись сперва на отнятие области, а еще более возбужденный тем, что она досталась Ироду, Зинодор отправился в Рим, чтобы пожаловаться на Ирода. Но ему пришлось вернуться безуспешно. Тем временем в местности за Ионийским морем был в качестве представителя Цезаря послан Агриппа. Когда последний остановился для зимовья в Митилене, находившийся с ним в коротких приятельских отношениях Ирод прибыл также туда, а затем возвратился обратно в Иудею. Тогда к Агриппе явилось несколько гадарцев с обвинениями против Ирода, но Агриппа даже не выслушал их и отправил в оковах обратно к царю. Также и арабы, которые издавна были недовольны образом правления Ирода, всполошились и пытались устроить восстание, притом, как кажется, по довольно веским соображениям. Дело в том, что, когда Зинодор увидел, что ему уже не на что более рассчитывать, он поспешил отдать арабам за пятьдесят талантов часть своих земель, а именно Авранитиду. Так как эта область входила в состав подаренных Ироду Цезарем, то арабы усмотрели в этом насилие лично по отношению к себе, совершали поэтому частые набеги, желая овладеть страной насильно, или же прибегали к жалобам. Вместе с тем они склоняли на свою сторону также несостоятельных солдат, вообще были очень враждебно настроены против Ирода и надеялись всегда на какой-нибудь переворот, на который обыкновенно рассчитывают всякие неудачники. Давно видя это и не желая подавать повода к открытым смутам, Ирод не обращал внимания на их угрожающие выходки, а старался успокоить их добрыми речами.

3. По истечении семнадцатого года царствования Ирода в Сирию прибыл Цезарь. Тогда значительное количество жителей Гадары обратилось к нему с жалобой на Ирода, обвиняя его в жестокости и тираническом образе правления. На этот шаг они решились главным образом по настояниям и наущению Зинодора, который при этом клятвенно уверял их, что не преминет всяческим образом освободить их из-под власти Ирода и подчинить их исключительно и непосредственно одному только Цезарю. Гадарцы дали себя убедить такими сооб-

ражениями и энергично принялись обвинять царя, причем большую смелость придавал им факт, что выданные Агриппой Ироду связанными жалобщики не подверглись никакому наказанию, ибо Ирод отпустил их, не причинив им ни малейшего зла. Вообще насколько Ирод был неумолим по отношению к своим собственным подданным, настолько же великодушно он прощал проступки чужеземцев. И вот когда гадарцы стали обвинять его в насилиях, грабежах и разорении храмов, Ирод бесстрашно стал готовиться к защите; однако Цезарь крепко пожал ему руку и нисколько не переменил своего к нему отношения, несмотря на волнение народной толпы. Расследование этого дела продолжалось целый день, а на следующий оно стало совершенно лишним, потому что гадарцы, видя расположение к нему Цезаря и синедриона и предполагая, что и было естественно, что их выдадут царю, боясь пыток, решили ночью покончить с собой; при этом одни из них зарезались, другие низверглись со скал, третьи искали добровольной смерти в волнах реки. Итак, они сами осудили себя за свое легкомыслие и за свою виновность, вследствие чего Цезарь немедленно оправдал Ирода. К этой удаче царя присоединилась другая, довольно крупная, а именно: Зинодор повредил себе кишку, так что, обессилев от большой потери крови, умер в сирийской Антиохии. Тогда Цезарь отдал Ироду также довольно значительную область Зинодора, а именно: всю местность Улафу и Паниады с окрестностями, лежавшими между Трахоном и Галилеей. Вместе с тем он познакомил его также с сирийскими наместниками, причем приказал им предпринимать все только с одобрения Ирода. Вообще царь имел во всем большую удачу, а именно: два правителя огромного римского государства, Цезарь и Агриппа, относились к нему с таким расположением: Цезарь после Агриппы любил больше всего Ирода, Агриппа же отводил Ироду в своем сердце второе место после Цезаря. Пользуясь таким большим влиянием, Ирод выпросил у Цезаря для брата своего Фероры тетрархию, причем уделил брату из своей собственной казны капитал в сто талантов, чтобы, в случае несчастья, он был бы лично гарантирован и не очутился в зависимости от сыновей его (Ирода). Проводив затем Цезаря до моря, Ирод на возвратном пути воздвиг в честь его в бывшей области Зинодора, вблизи места, называющегося Панием, великолепнейший храм из бело-

го мрамора. Здесь в горе находится очень красивая пещера, под которой земля образует глубокую, бездонную, наполненную стоячей водой бездну, а сверху возвышается огромнейшая гора. У подошвы ее, вблизи пещеры, находятся истоки реки Иордан. Это чудное место Ирод украсил храмом, посвященным Цезарю.

4. В это же время он освободил подданных своих от взноса третьей части податей под предлогом, чтобы люди оправились от неурожая, а на самом деле с целью вернуть себе утраченное расположение сограждан. Дело в том, что последние были недовольны всеми этими новыми сооружениями, в которых усматривали залог гибели прежнего благочестия и падение нравов, причем на это постоянно глухо раздавался ропот недовольного народа. Впрочем, Ирод зорко следил за всем этим, лишая подданных удобного случая для выражения неудовольствия и постоянно принуждая их к работам. Сходки были запрещены гражданам, равно как совместные прогулки и собрания, причем везде был установлен строжайший надзор. Ослушников постигали жестокие наказания. Много людей открыто и тайно были уводимы в крепость Гирканию и там предаваемы казни. Как в городе, так и по большим дорогам имелись смотревшие за этим шпионы. Рассказывают, что сам Ирод не брезговал этим средством, но часто, облекшись в одежду простолюдина, ночью смешивался с толпой простонародья, чтобы узнать настроение его относительно правительства. Тех, кто всячески и решительно противился нововведениям, он преследовал многоразличным образом, прочий же народ он принуждал присягать на соблюдение ему верности и повиновения всем правительственным предначертаниям. Большинство уступало этим требованиям отчасти из расположения, отчасти из страха, всех же недовольных и озлобленных этими насилиями он всяческим образом губил. При этом Ирод потребовал присяги на верность также от учеников фарисея Поллиона и от Самеи, равно как от большинства их приверженцев; но последние отказались от этого и, несмотря на такой отказ, все-таки не подверглись каре благодаря заступничеству Поллиона. Равным образом были освобождены от этой принудительной меры так называемые ессеи. Это секта, образ жизни которой устроен по образцу школы греческого мудреца Пифагора. Впрочем, о них я в другом месте скажу по-

дробнее[13]. Здесь следует указать, почему царь так глубоко чтил ессеев и считал их выше прочих людей, тем более что таким путем выяснится и взгляд общества на эту секту.

5. Был некий ессеянин по имени Манаим (Менахем), который вообще, особенно же вследствие своего праведного образа жизни, пользовался общим уважением, тем более что Господь Бог открыл ему знание будущего. Этот человек взглянул однажды на маленького Ирода, когда тот шел в школу, и предсказал ему, что он будет царем иудейским. На это Ирод, полагавший, что тот его не знает или шутит с ним, ответил, что он ведь принадлежит к простому классу. Манаим, однако, улыбнулся, ударил его рукой по спине и сказал: «И тем не менее ты будешь царствовать, и притом счастливо, ибо Предвечный так решил. Помни также об ударах Манаима, и пусть они будут тебе символом переменчивости судьбы. Все это было бы прекрасно, если бы ты всегда любил справедливость и благочестие, равно как всегда был бы мягок со своими подданными. Но я, который знаю все, знаю, что ты не останешься таковым. Правда, ты будешь счастлив, как никто другой, и уготовишь себе вечную славу, но вместе с тем ты забудешь также о благочестии и справедливости. Все это известно Предвечному, и в конце своей жизни ты вспомнишь о Его гневе на тебя».

На эти слова Ирод тогда не обратил внимания, потому что не мог рассчитывать на их осуществление. Впоследствии, однако, он возвысился, достиг царской власти и высшего счастья. Тогда он во всем величии своей власти послал за Манаимом и стал расспрашивать его, сколько времени он будет править. Манаим воздержался от точного ответа. Тогда, ввиду его молчания, Ирод спросил его, будет ли его царствование продолжаться десять лет, на что Манаим отвечал, что и двадцать и тридцать; но при этом он воздержался от точного определения этого срока. Ирод удовлетворился и этим, обласкал старика и отпустил его и с тех пор в честь его относился всегда с уважением к ессеям. Несмотря на всю странность этого факта, мы все-таки сочли необходимым уделить ему здесь место и сообщить нашим читателям все о нем, тем более что многие из ессеев высоко чтимы (у нас) за свой праведный образ жизни и за знание всего божественного.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. После стольких прекрасных сооружений Ирод приступил при начале восемнадцатого[14] года своего царствования к невиданному дотоле делу, а именно — к перестройке храма Господня. Он желал расширить его объемы и увеличить его высоту, считая, что тем он окончит самое замечательное из всех своих сооружений. Так оно и было в действительности, и этим Ирод снискал себе вечную славу. Но так как он знал, что народ нерасположен к нему, и отлично понимал трудности такого сооружения, он счел за лучшее, раньше чем приступить к делу, убедить народ речью в целесообразности такого начинания. Поэтому он собрал народ и обратился к нему со следующими словами: «Сограждане! Говорить обо всем, что сделано мной во время моего царствования, я теперь считаю излишним; впрочем, все это я сделал не столько для своей собственной славы, сколько в видах вашей же личной безопасности. И вот, после того как я не забывал о вас в многоразличных и крайних бедствиях и при сооружении разных построек думал менее о себе, чем о вашем благе, я полагаю, что мне с помощью и по желанию Предвечного удалось довести вас до такого цветущего благосостояния, которого раньше не достигал народ иудейский.

Поэтому мне кажется теперь лишним говорить здесь вам, которые вы это сами прекрасно знаете, о том, что я сделал для страны, сколько городов мы воздвигли в стране и вновь присоединенных к ней владениях, чем отличнейшим образом мы сами возвысились; здесь я хочу указать лишь на то, сколько поднимет наше благочестие и прославит нас то сооружение, приступить к которому я теперь имею в виду. Этот храм построили в честь Всесильного Бога наши отцы по возвращении из Вавилона; но ему недостает целых шестидесяти локтей в вышину, чтобы сравняться с древним Соломоновым храмом. Но пусть никто не вздумает при этом случае обвинять предков наших в недостатке благочестия. Они сами имели в виду соорудить его в должных размерах, но меры были тут предписаны им Киром и Дарием Гистаспом, которым и потомкам которых были подвластны наши предки, равно как впоследствии они были подчинены македонянам. Поэтому они не имели возможности построить храм такой высоты, какой бы тре-

бовали его прототип и их собственное благочестие. А так как я теперь, по милости Божьей, правлю (самостоятельно), наслаждаюсь полным миром, у меня много денег и большие доходы, а главным образом, так как к нам расположены и дружелюбны римляне, эти властители всего, как говорится, мира, то я попытаюсь исправить ошибку прежних времен, объясняющуюся стесненным положением зависимых людей, и воздам Предвечному дань благочестия за все те благодеяния, которыми Он осыпал меня во время этого моего царствования».

2. Так говорил Ирод, и его неожиданная речь поразила большинство присутствовавших. Отсутствие твердой уверенности не придавало им бодрости, и они беспокоились, что царь уничтожит все (старое) здание храма раньше, чем сможет довести до конца свое предприятие. Эта опасность казалась им тем более серьезной, чем серьезнее представлялись им размеры нового сооружения. Видя их в таком настроении, царь стал их успокаивать, говоря, что не раньше снесет храм, чем когда у него будет все готово для сооружения (нового святилища). В этом он действительно и не обманул их: приготовив тысячу телег для перевозки камней, выбрав десять тысяч наиболее опытных работников, купив для тысячи священников облачения и позаботившись обучить одних из этих священнослужителей плотничьему, других же строительному искусству[15], он при такой подготовке приступил к самому сооружению нового храма.

3. Срыв древние фундаменты и возведя вместо них новые, он воздвиг на них храм, длиной в сто локтей, шириной в сто, вышиной же в сто двадцать локтей, из которых последние двадцать с течением времени ушли в землю, когда фундамент опустился[16]. Впрочем, возвести эти добавочные двадцать локтей мы собрались во времена Нерона. Храм был сооружен из прочных белых камней, из которых каждый имел в длину двадцать пять, в вышину восемь, а в ширину около двенадцати локтей. Все здание, подобно царскому чертогу, понижалось к краям, тогда как высшей частью являлась середина, так что ее можно было видеть издалека на расстоянии многих стадий; особенно же хорошо видно было это тем, кто жил как раз напротив здания или подходил к нему. Входные двери и их карнизы были, наподобие входа в сам храм, украшены пестрыми занавесами, на которых были вышиты узорами цветы и кото-

рые свешивались со столбов. Сверху над входом с фриза свешивалась золотая виноградная лоза, кисти которой спадали вниз. Зрители поражались в одинаковой мере как величиной, так и искусством этого украшения, равно как ценностью употребленного на него материала. Царь окружил здание храма рядами покоев, которые все находились по величине своей в соответствии со зданием храма. При этом он потратил на них такое множество денег, что, казалось, никто раньше его не мог так украсить храм. Эти здания покоились на огромной стене, в свою очередь, представлявшей одно из замечательнейших человеческих сооружений. Гора (на которой стоял храм) представляла значительный каменистый холм, постепенно повышавшийся к восточной стороне города и оканчивавшийся там крутой вершиной. По повелению Предвечного первый наш царь Соломон[17] вершину этого холма отделил и обстроил крупными сооружениями, равно как воздвиг стену и снизу у подошвы холма, там, где открывается глубокое, ущелье. Тут он постепенно охватил края холма большими соединенными свинцовыми скрепами, глыбами камня, так что в конце концов получилась четырехугольная терраса, удивительная как по своему объему, так и по высоте, на которой она находится. Огромные глыбы показывали снаружи всю свою величину, тогда как внутри они были связаны между собой прочными железными скреплениями, делавшими их устойчивыми навеки. Когда это сооружение было доведено таким образом до вершины холма, царь велел сровнять верх тем, что засыпал промежуток между скалой и стеной и устроил таким образом совершенно гладкое и ровное место без выступов. Вся окружность этой площади обнимала в совокупности четыре стадии, причем каждая сторона ее имела одну стадию в длину. Внутри, вокруг всей вершины горы, тянулась еще стена, к которой с востока примыкала двойная галерея одинаковой со стеной длины и лежала как раз против находившегося в центре площадки входа в здание храма. Эту галерею украсили многие из прежних царей. Вокруг всего здания храма тянулись прибитые к стенам доспехи варваров, и к этим трофеям, которые Ирод опять поместил теперь на их прежнем месте, он присоединил еще доспехи, отнятые им у арабов.

4. С северной стороны этого сооружения была построена прямоугольная сильная крепость, славившаяся своей не-

приступностью. Ее воздвигли еще предшественники Ирода, цари и первосвященники из дома асмонейского, и назвали ее Варис. Здесь сохранялось у них священное облачение, которое надевал на себя только первосвященник в случае необходимости принести жертву. Также и Ирод сохранял здесь это облачение; после его смерти оно попало в руки римлян, у которых и оставалось вплоть до времен императора Тиверия. При последнем сирийский наместник Вителлий, прибыв в Иерусалим и удостоившись от жителей весьма блестящего приема, желал им выказать свою за это благодарность и, так как они просили вернуть им это священное облачение, написал о том императору Тиверию. Тиверий согласился вернуть священное одеяние иудеям, и, таким образом, оно оставалось у них до смерти царя Агриппы. После него тогдашний наместник сирийский Кассий Лонгин и наместник Иудеи Куспий Фад приказали иудеям положить это облачение в крепость Антонию, ибо римляне одни должны были быть хозяевами, как они были таковыми и раньше. Тогда иудеи послали послов к императору Клавдию с соответственными представлениями. Когда послы эти прибыли в Рим, находившийся там как раз царь Агриппа-младший обратился по этому поводу с просьбой к императору и получил разрешение вернуть иудеям облачение, причем соответственное распоряжение было послано верховному сирийскому наместнику Вителлию. Прежде первосвященническое облачение было обыкновенно запечатано печатями самого первосвященника и казначеев, так что за день до наступления праздника казначеи явились к начальнику римского гарнизона и по поверке печатей получали от него облачение. Затем, по миновании праздника, они относили его обратно на прежнее место, показывали начальнику крепости и осматривали и удостоверяли печати. — Все это я упомянул здесь вследствие многоразличных горестных событий, имевших совершиться в будущем.

В то время иудейский царь Ирод еще более укрепил эту цитадель в целях усиления и ограждения храма и назвал ее Антонией в честь своего друга, бывшего римского военачальника Антония.

5. В западной стене, окружавшей все храмовые постройки, было четверо ворот. Одни из них вели к царскому дворцу, причем необходимо было пересечь лежавшую по пути

котловину, двое вели к предместью города, а четвертые ворота обращены были к самому городу. При этом спуск в ложбину и выход из нее совершались по ряду специально устроенных для того ступеней. Город лежал как раз напротив святилища, образуя амфитеатр, за которым с южной стороны тянулось глубокое ущелье.

Фасад святилища также имел с южной стороны в середине входы и вместе с тем тройную царскую галерею, тянувшуюся от восточного до западного склона в долину; провести ее дальше оказалось невозможным. Это было одно из самых замечательных сооружений в мире. Дело в том, что долина была так глубока, что голова кружилась, если смотреть в нее сверху; а тут была построена еще огромная галерея, так что у каждого кружилась голова еще раньше, чем взор достигал дна долины, потому что здесь присоединялась глубина последней к высоте галереи. Вместе с тем с одного конца галереи до другого были воздвигнуты четыре параллельных ряда колонн; из них последний, четвертый ряд входил в самую стену здания. Толщина каждой колонны была так значительна, что для обхвата ее требовалось три человека; высота каждой достигала двадцати семи футов, причем подножие ее составляло двойную базу. Всех колонн было сто шестьдесят две; капители их были снабжены коринфскими украшениями и поражали тонкостью своей работы. Так как колонны тянулись четырьмя рядами, то получались три (крытые) галереи. Из них две были совершенно одинаковы, а именно — имели по тридцать футов в ширину, по стадии в длину и более чем по пятидесяти футов в вышину. Ширина же средней галереи была в полтора, а высота в два раза больше крайних галерей, так что она значительно возвышалась над последними. Крыши этих зданий были украшены рельефными резными деревянными изображениями. Крыша средней галереи была выше прочих, и кругом вдоль стены были поставлены небольшие колонки, делившие все пространство на отдельные поля. Все это было так гладко и отполировано, что иной, кто не видал этого, пожалуй, и не поверит и что никто не мог взирать на это без величайшего изумления.

Такова была внешняя ограда храма. Внутри, в небольшом от нее расстоянии, была другая, снабженная несколькими ступенями. Она образовалась из каменной стены, на которой находилась надпись, под страхом смертной казни запрещавшая

иностранцам доступ сюда[18]. Эта внутренняя ограда имела на южной и северной стороне по три входа, отстоявших друг от друга на равном расстоянии, с восточной же стороны одни большие ворота, через которые входим мы с женами своими в состоянии ритуальной чистоты. За этой оградой находилось недоступное женщинам святилище, а дальше третье отделение, доступ куда был открыт одним только священнослужителям. Тут находился самый храм, а перед ним возвышался алтарь, на котором мы приносим Господу Богу жертвы всесожжения. Ни в одно из этих трех отделений царь Ирод не вступал (ему это было запрещено как не священнослужителю); он лично участвовал лишь в возведении галерей и внешних стен, которые и были воздвигнуты им в течение восьми лет.

6. Сам храм был отстроен священнослужителями за один год и шесть месяцев. Весь народ преисполнился радости и возблагодарил Господа Бога, во-первых, за быстрое окончание работы, а затем и за ревность царя. При этом они устроили радостный праздник в честь освящения храма. Царь принес в жертву Предвечному триста волов; остальные жертвовали каждый сообразно своим средствам; впрочем, невозможно установить совершенно точное число принесенных тогда в жертву животных. При этом день освящения храма совпал с днем восшествия царя на престол (а этот день уже всегда праздновался), и поэтому теперь празднество отличалось особенным блеском.

7. Вместе с тем был сооружен для царя также подземный ход, ведший из цитадели Антония до самого храма, вплоть до восточного входа. Тут Ирод воздвиг для себя башню, куда он мог проникнуть подземным ходом, если бы пришлось опасаться народных волнений. Существует предание, что во все время производства работ по постройке храма днем ни разу не было дождя, который шел исключительно ночью, чтобы не препятствовать правильному ходу работ. Это предание сохранилось у нас от предков. Оно вполне правдоподобно, потому что ведь и в других случаях виден был перст Божий.

Таким-то образом закончилась постройка храма[19].

Книга шестнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Каким образом Александр и Аристовул вернулись из Рима.

2. О том, какие интриги пустили против них в ход Саломия и Ферора, сестра и брат царя.

3. О том, как Ирод, женив Александра и Аристовула, поехал к Агриппе в Митилену и там убеждал его приехать в Иудею.

4. Об отъезде Агриппы в Ионию и о том, как Ирод вторично поехал к Агриппе в Босфор.

5. Жалоба иудеев в Ионии Агриппе, в присутствии Ирода, на обращение с ними греков.

6. Как Агриппа поручился им в соблюдении законов и как Ирод возвратился в Иудею.

7. О том, как Ирод обратился с речью к жителям Иерусалима и освободил их от четверти налогов за истекший год.

8. О том, как смуты постигли семью Ирода, предпочитавшего всем остальным старшего сына своего, Антипатра; как Александр и Аристовул страдали от заносчивости последнего.

9. О том, как во время пребывания Антипатра в Риме Ирод предстал с обоими братьями перед императором и жаловался на них.

10. Защитительная речь Александра перед императором и его примирение с отцом.

11. О том, как Ирод при основании Цезареи установил повторявшиеся через каждые пять лет общественные игры.

12. О посольстве иудеев Кирены и азиатских к императору с жалобами на греков.

13. Содержание писем, посланных вследствие этого Цезарем и Агриппой греческим городам.

14. О том, как нуждавшийся в деньгах Ирод проник в могилу Давида, но бежал оттуда, преследуемый призраками, и затем воздвиг над этой могилой памятник.

15. О том, как каппадокийский царь Архелай примирил брошенного в темницу Александра с его отцом и затем вновь уехал домой, тогда как Ирод отправился в Рим.

16. О возмущении жителей Трахона и о подавлении его военачальниками этой провинции.

17. О том, как Ирод потребовал выдачи бежавших в Аравию зачинщиков бунта и как он, по получении отказа, устроил поход туда при Сатурнине.

18. О том, как арабский князь Силлей пожаловался императору на это

вторжение Ирода и как последний чрез Николая смягчил гнев императора.

19. О наветах Еврикла Ироду на обоих сыновей его и о том, как царь велел посадить их в тюрьму и написал о них императору.

20. О том, как уполномоченный на то императором Ирод обвинил сыновей своих в Берите перед синедрионом, как обвиненные были казнены и как их похоронили в Александреуме.

Книга обнимает период в двенадцать лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Ревностно заботясь при устройстве всего общественного строя об искоренении всяческого зла как из пределов самого города, так и вообще из страны, царь личной властью издал закон, который совершенно не соответствовал прежним установлениям и который требовал продажи воров в рабство вне пределов царства. Это постановление было не только слишком сурово за подобные провинности, но и шло вразрез с основными иудейскими законами: быть рабом у иноземцев, ведших различный с иудеями образ жизни, и быть вынужденным исполнять все требования иноземцев само по себе представляло уже нарушение благочестия, а вовсе не наказание виновных, относительно которых древнее законодательство сохранило известное постановление, гласившее: вор должен был вчетверо возместить убыток, а в случае невозможности — быть проданным в рабство, впрочем, никак не к иноземцам и отнюдь не навсегда; он обязательно получал обратно свою свободу по истечении шестилетнего срока[1]. И вот когда вышло это (царское) постановление, определявшее столь суровое и незаконное наказание, в этом была усмотрена известная доля заносчивости царя, который издал свое постановление не как царь, а как тиран в насмешку над подданными; а так как оно вполне соответствовало вообще характеру всех прочих его постановлений, то оно послужило поводом к упрекам и недовольству по адресу его.

2. Около этого же времени царь предпринял поездку в Италию, чтобы повидаться с Цезарем, а также со своими сыновьями, жившими в Риме. Цезарь принял его во всех отношениях любезно и разрешил ему отвезти обратно на родину сыновей, которые уже успели закончить свое образование. Когда Ирод вернулся с ними из Италии, простонародье восторженно отнеслось к юношам, снискавшим себе всеобщее

благоволение как дарами счастья, которыми их наделила судьба, так и своей царственной внешностью и осанкой. Но зато они тотчас же навлекли на себя и недоброжелательство со стороны Саломии, сестры царя, и тех, что своими наветами загубили Мариамну. Дело в том, что последние уже теперь боялись, что, когда юноши сами вступят на престол, им придется поплатиться за незаконные свои поступки по отношению к их матери. Это опасение опять побуждало (придворных) к клеветническим наветам на юношей, причем выставлялось на вид, что те вовсе не находят удовольствия в обществе отца своего, так как считают безнравственным жить вместе с тем, кто являлся убийцей их матери. Так как подобные наветы походили на истину, основываясь на убедительном факте, то врагам удалось преуспеть в своих кознях и лишить юношей расположения, которое питал к ним отец их. Конечно, недоброжелатели ничего этого не высказали царю прямо, но распространяли такие слухи в народе; когда же об этом было донесено Ироду, в нем понемногу стала развиваться та ненависть (к сыновьям), подавить которую он с течением времени уже по самой природе своей был не в состоянии. Впрочем, пока у царя чувство родительской любви было еще сильнее всякой подозрительности и клеветы, и потому он заботился, чтобы его сыновьям оказывались всевозможные почести; когда же они достигли соответственного возраста, он женил их, а именно: Аристовулу дал в жены Беренику, дочь Саломии, а Александру — Глафиру, дочь каппадокийского царя Архелая.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Устроив это и узнав, что Марк Агриппа вновь прибыл из Италии в Азию, Ирод тотчас поехал к нему и просил его приехать в иудейское царство, чтобы найти там гостеприимство преданного ему друга. Тот уступил настойчивым просьбам царя и приехал в Иудею. Ирод принял его с возможной любезностью во вновь отстроенных городах своих, где показывал ему все замечательные сооружения, а затем доставлял ему и друзьям его всевозможные развлечения и удовольствия, не щадя на это никаких средств. Так, он показал ему Себасту и вновь отстроенную приморскую Цезарею, равно как и сооруженные с такими крупными издержками крепости Александ-

реум, Иродиаду и Гирканию. Вместе с тем он повез его также в Иерусалим, где народ встретил Агриппу в праздничных одеяниях и с кликами восторга. Агриппа, в свою очередь, принес Всевышнему в жертву гекатомбу и устроил народу угощение, причем не давал никому перещеголять себя в щедрости. Несмотря на то, что он охотно остался бы здесь еще несколько дней, Агриппа, однако, был стеснен временем: будучи принужден вернуться вновь в Ионию, он ввиду приближения зимы не считал безопасным отлагать свое плавание.

2. Итак, Агриппа отплыл назад, богато одаренный Иродом, который почтил подарками также наиболее выдающихся лиц его свиты.

Царь провел зиму у себя дома, а с наступлением весны направился опять к Агриппе, который, как он знал, имел в виду предпринять поход на Босфор. Таким образом, он проплыл мимо островов Родоса и Коса, рассчитывая у Лесбоса встретиться с Агриппой. Но тут застиг его северный ветер, который не дал кораблям возможности войти в гавань. Простояв поэтому несколько дней у Хиоса, он принял тут множество просителей и отпустил их, одарив по-царски; когда же он увидел городские портики, разрушенные во время войны с Митридатом и нелегко восстановимые, как другие здания, вследствие своей величины и красоты, Ирод отпустил (гражданам) столько денег, сколько было нужно для восстановления этого сооружения, и даже больше, и приказал не мешкать, а поскорее приняться за постройку, чтобы вернуть городу его прежнее украшение.

Когда наконец ветер улегся, царь поехал в Митилену, а оттуда в Византию; узнав же, что Агриппа успел уже миновать Кианейские скалы[2], он поспешил нагнать его. Около Синопа на Черном море Агриппа неожиданно увидал флотилию Ирода, и это доставило ему удовольствие. Свидание было очень радостно, так как Агриппа увидел доказательство величайшей преданности и любви к нему Ирода, который пустился в столь продолжительное плавание и не желал покидать его в нужную минуту, причем бросил свою страну и поставил на втором плане управление своими собственными делами. Во время этого похода Ирод был неотлучно с ним, являясь его союзником в боях, советником в серьезные минуты и приятным товарищем в удовольствиях; всегда и вез-

де был он с ним, деля с ним все тягости, вследствие своего к нему расположения и радости, чтобы почтить его.

Когда окончилось у них то дело на Понте, ради которого Агриппа был послан туда, они решили возвратиться назад уже не морем, но проехать через Пафлагонию и Каппадокию. Перерезав затем Великую Фригию, они прибыли в Ефес, а оттуда морем переправились на Самос. Тут в каждом городе царь оказывал великие милости всем обращавшимся к нему за помощью. Он никогда не останавливался в раздаче денег или в оказании любезности, беря все издержки на свой счет. Он являлся также у Агриппы заступником за тех, которые имели к нему какие-либо просьбы, и достигал того, что никто из просителей не уходил недовольным. Так как сам Агриппа был человеком хорошим, великодушным и готовым быть всякому по мере сил своих полезным, лишь бы не обижать никого, то заступничество царя находило себе здесь широкое поле применения, побуждая и без того тороватого Агриппу к оказанию всевозможных благодеяний. Так, например, царь примирил его с илионцами, на которых тот гневался, заплатил за хиосцев сумму, которую они должны были императорским наместникам, освободил их от ввозных пошлин и вообще поддерживал всех, по мере сил, в их нуждах.

3. Когда они, таким образом, прибыли в Ионию, к ним явилась огромная толпа живших в (ионийских) городах иудеев, которые воспользовались представившимся удобным случаем, чтобы пожаловаться на те притеснения, которым их подвергают, а именно — что им мешают жить сообразно их обычаям, что их нарочно заставляют являться в суд в дни священных праздников, что у них отнимают предназначенные для Иерусалима деньги, что их заставляют нести военную службу и заниматься общественными работами, причем принуждают тратить на это священные деньги, тогда как от всего этого они навсегда освобождены римлянами, предоставившими им право жить по собственным их законам. И вот, когда они так кричали, царь просил Агриппу выслушать их жалобу и приказал одному из своих друзей, некоему Николаю, выступить в качестве их заступника и представителя. Агриппа собрал римских должностных лиц и присутствовавших там царей и властителей, а Николай выступил вперед и начал за иудеев (следующую) речь:

4. «Всесильный Агриппа! Все те, которые находятся в стесненном положении, должны обращаться за помощью к лицам, могущим поддержать их. Особенное право на это имеют здесь предстоящие ныне. Получая от вас прежде неоднократно те милости, которые служили к их благополучию, они теперь просят, чтобы вы, даровавшие им эти милости, теперь не лишали их таковых.

Ведь они получили свои привилегии от тех, у которых исключительно и есть на то возможности и власть, а теперь у них отнимают эти преимущества не более сильные, но такие же точно, как они сами, подданные ваши. Если они удостоились больших преимуществ, то в этом самом и заключается уже похвала им: значит, они оказались достойными таких великих милостей.

Если же эти преимущества незначительны, то гнусно, что даровавшие их не дают им возможности спокойно пользоваться ими. Вполне ведь ясно, что те, которые стесняют и гнетут иудеев, оскорбляют обе стороны, как тех, кто удостоился милостей, не признавая порядочными людьми тех, кого таковыми признали более могущественные, почему и даровали им указанные привилегии, так и самих даровавших эти преимущества, потому что стараются свести на ничто дарованные ими привилегии. И вот, если бы кто-нибудь спросил их, чего они предпочли бы лишиться, жизни или родных своих обычаев, процессий, жертвоприношений и празднеств, устраиваемых ими в честь так называемых богов их, то я отлично знаю, что они готовы были бы претерпеть все, лишь бы не тронуть чего-либо из обычаев. Ведь большинство их и предпринимает войны для ограждения этих установлений. Мы же тем измеряем благополучие, которым ныне благодаря вам пользуется все человечество, что каждой стране предоставлена возможность справлять почитаемые родные обычаи и жить по ним. И вот теперь люди, которые сами не согласились бы претерпеть таковое, изо всех сил пытаются навязать это другим, совершенно упуская из виду, что они поступают одинаково безбожно, когда пренебрегают собственными священными постановлениями относительно своих богов или когда святотатственно посягают на подобные чужие установления. Посмотрим теперь на дело еще с другой стороны. Разве существует такое племя, такой город или це-

лый народ, которым покровительство вашей власти и могущество римлян не представлялось бы величайшим благом? Разве найдется кто-либо, который бы отказался от ваших милостей? Нет, не найдется такого сумасшедшего. Нет никого, ни частного лица, ни общины, которые бы не чувствовали на себе этих милостей. Действительно, все, кто собирается отнять у кого бы то ни было вами дарованные милости, должны отказаться, в свою очередь, и от своих собственных вами дарованных привилегий; при этом все такие милости не могут быть даже вполне оценены во всем их значении: если сопоставить прежнюю форму правления с теперешней, то среди многих прочих преимуществ последней, направленных к всеобщему благополучию, следует особенно остановиться на том, что ныне люди более не рабы, но свободны. И тем не менее, невзирая на все наши преимущества, последние все-таки не могут возбуждать зависти. Благодаря вам мы живем счастливо во всех отношениях и теперь просим только одного, именно и впредь пользоваться правом беспрепятственно соблюдать требования древнего благочестия, а это как само по себе не может быть вредно, так не может стеснять и тех, кто нам разрешил это. Ведь Божество в одинаковой мере охотно принимает поклонение, как и относится доброжелательно к тем, кто способствует поклонению Ему. В наших установлениях нет решительно ничего несовместимого с человеческим достоинством, а все направлено к благочестию и благотворной справедливости. Мы отнюдь не утаиваем данных нам для повседневной жизни предписаний, которые являются лишь напоминанием о нашем благочестии и свидетельствуют о прекрасном отношении нашем к людям вообще; каждый седьмой день (недели) мы посвящаем изучению законов и предписаний, считая необходимым такое напоминание и изучение всего, что избавило бы нас от будущих прегрешений. Если кто рассмотрит эти законы наши поближе, то увидит, что они, и сами по себе прекрасные, особенно выигрывают в наших глазах от своей древности, хотя некоторые и отрицают это; а эта древность их вызывает к ним тем более почтения и любознательности в тех, кто, приняв эти законы, свято чтит их. Теперь нас лишают этих преимуществ, насильственно отнимая у нас деньги, собранные нами с богоугодной целью, и, таким образом открыто ко-

щунствуя, назначают нам принудительные работы, заставляют нас в праздники являться в судилища и на работы, и все это не на основании заранее заключенного договора, но чтобы поглумиться над нашей хорошо всем известной религиозностью и для того, чтобы выразить нам свою ни на чем не основанную и беспредельную ненависть. Впрочем, ваше распространившееся по всей земле владычество одно в состоянии поддерживать в одинаковой мере добрые стремления, как и сдерживать всякое недоброжелательство, высказываемое одними против других.

Поэтому, могущественный Агриппа, мы теперь просим о том, чтобы не подвергаться обидам и глумлениям, чтобы не быть стесненными в наших обычаях, чтобы не лишаться нашего имущества и не подвергаться насилиям со стороны тех, кого мы сами ни в чем не стесняем.

Все эти требования наши не только справедливы, но уже раньше были признаны с вашей стороны вполне законными. Мы могли бы сослаться на целый ряд сенатских постановлений и на таблицы, помещенные на Капитолии, относительно наших привилегий, которые наглядно показали бы, что они дарованы нам вами за испытанную верность нашу, и которые имели бы все-таки законную силу, даже если бы мы их вовсе не заслужили своим к вам отношением. Охраняя права не только наши, но вообще всех людей, вы благодетельствуете в вашем владычестве всем, даруя милости в большей мере, чем можно было бы рассчитывать; всякий, кто вздумал бы перечислять все оказанные вами благодеяния, мог бы вести речь свою без конца. Впрочем, для того чтобы доказать, что мы достигли всех милостей совершенно справедливо, нам достаточно, умолчав о всем прочем, назвать одно лишь имя теперешнего царя нашего, который ныне сидит здесь рядом с тобой.

Разве он хоть раз изменил своему расположению к вашему дому, разве он когда-либо обнаружил какую-нибудь неверность? Разве можно говорить о какой-нибудь такой чести, которой он не оказал бы вам? Разве есть такая услуга, в оказании которой он не явился бы первым? Что же препятствует тому, чтобы число наших услуг не сравнялось с числом ваших нам благодеяний? Конечно, вполне уместно, чтобы я не оставил теперь без упоминания также и доблести отца его

Антипатра, который явился на помощь Цезарю с двумя тысячами воинов при вторжении его в Египет и не уступал в храбрости никому ни во время сухопутных сражений, ни во время морских битв. Что теперь говорить о том, какой поддержкой явились тогда эти воины и каких великих наград удостоился каждый из них от Цезаря; мне следовало бы тут напомнить о письмах, посланных тогда Цезарем сенату, о том почете, которого публично удостоился Антипатр, получивший тогда и право (римского) гражданства.

Итак, все с достаточной убедительностью свидетельствует о том, что мы вполне заслужили (римские) милости и теперь на вполне законном основании требуем от тебя подтверждения этих наших преимуществ, на которые мы могли бы, если бы они даже не были дарованы нам раньше, ныне рассчитывать, видя добрые отношения нашего царя к вам, а ваши к нему. Вместе с тем нам сообщили тамошние (иерусалимские) иудеи, сколь милостиво ты посетил страну их, как ты принес богатые жертвы Предвечному, выразив свое к Нему почтение молитвами, как ты угостил народ и благосклонно принял от него его дары.

Такой прием, оказанный тебе, человеку со столь обширной властью, народом и городом (Иерусалимом), должен служить символом твоей дружбы к народу иудейскому, дружбы, возникшей благодаря посредничеству дома Ирода. Напоминая тебе обо всем этом, мы теперь, в присутствии здесь сидящего царя нашего, не просим ничего сверх того, что вы сами уже даровали нам, и умоляем не относиться безразлично к тому, что этих ваших милостей собираются теперь лишить нас посторонние лица».

5. На такую речь Николая греки и не думали возражать, тем более что тут не было никакого судебного разбирательства, но лишь возбуждался вопрос о насильственном нарушении фактических прав. Поэтому греки вовсе и не отрицали правильности приведенных фактов, но ограничились лишь указанием на то, что иудеи совершенно завладели теперь их территорией и позволяют себе всяческие несправедливости. На это иудеи отвечали, что они сами являются такими же коренными жителями страны (как и греки) и, соблюдая свои родные установления, никому не причиняют ни малейшего зла. Тогда Агриппа признал, что иудеи являются

потерпевшей стороной, и ввиду расположения к нему и дружбы Ирода выразил готовность оказать иудеям всяческую поддержку в их совершенно законных требованиях, сказав при этом, что он готов исполнить и всякие другие просьбы их, лишь бы это не умаляло власти римлян. Что же касается их просьбы о подтверждении уже прежде дарованных им прав их, то он сим вновь утверждает их за ними и требует, чтобы никто не препятствовал им спокойно жить сообразно их собственным установлениям.

С этими словами он распустил собрание. Ирод же поднялся с места, обнял Агриппу и выразил ему свою признательность за его расположение к нему. Обрадованный этим Агриппа, в свою очередь, заключил царя в объятия и расцеловался с ним.

После этого Агриппа уехал с Лесбоса, царь же решил от Самоса вернуться домой и поэтому простился с Агриппой. Несколько дней спустя он прибыл, благодаря попутному ветру, в Цезарею. Отправившись отсюда в Иерусалим, он созвал народ в собрание; там было также много обитателей внутренних частей страны. Тут он выступил вперед, дал отчет о своем путешествии и особенно подчеркнул то обстоятельство, что ему удалось добиться для всех иудеев повсеместно в Азии невозбранное на будущее время отправление своих установлений. О своей удаче и об устройстве своих дел он сумел также упомянуть, равно как о том, что он не упускал никогда случая заботиться о благе иудеев. В радости он отпустил народу четвертую часть повинностей за истекший год. Народ, в восторге от его речи и оказанной милости, разошелся в великой радости, выражая царю своему всяческие благопожелания.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Тем временем неурядица в доме царя росла и росла, принимая все более угрожающий характер; с одной стороны, Саломия как бы по наследству перенесла всю свою ненависть на юношей и, принимая во внимание успешность своих интриг против их (покойной) матери, совершенно потеряла чувство меры и дошла до того, что решилась не оставить в живых никого из родни покойной ею загубленной царицы, кто мог бы отомстить за смерть ее; с другой же стороны, и у юно-

шей кипела глухая злоба против отца отчасти при воспоминании о страданиях их матери (и эта злоба была вполне основательна), отчасти вследствие пробуждавшегося и в них страстного желания власти. И вот вновь началось горе, подобное прежнему, а именно — раздались укоры юношей по адресу Саломии и Фероры, возникали ненависть последних к юношам и интриги против них. Обе стороны отличались одинаковой ненавистью друг к другу; неодинаков был лишь характер проявления этой ненависти. В то время как юноши видели признак благородства в том, что по неопытности не сдерживали своего гнева и всегда были готовы открыто высказывать хулу и порицания, придворная партия поступала таким же образом, но прибегала при этом к ловким и остроумно подведенным наветам, постоянно тем самым подзадоривая юношей и побуждая их к решительному и рискованному шагу относительно их родителя. Так как юноши не обращали внимания на приписываемые их матери провинности и полагали, что она, во всяком случае, пострадала невинно, то придворные не сомневались, что они лично отомстят тому, кто, видимо, являлся виновником ее смерти. В конце концов этими слухами преисполнился весь город, и, как это бывает в борьбе, все сожалели о неопытности юношей; вместе с тем росла и бдительность Саломии, которая старалась в поведении самих юношей найти доказательство непреложности своих слов. Они так скорбели о смерти своей матери, и смерть ее, по их мнению, ложилась позором и на них самих, что старались повсюду вызвать законную жалость не только к участи своей матери, но и к самим себе, которые принуждены жить вместе с убийцами ее и делить с ними все.

2. Все эти распри быстро росли, так как удобной для того почвой являлось отсутствие царя. Когда Ирод вернулся и обратился, как мы выше упомянули, с речью к народу, Ферора и Саломия немедленно явились к нему с представлением, как велика для него опасность со стороны юношей, которые де без стеснения грозят не отлагать мщения за убийство своей матери. Вместе с тем они указывали Ироду также на то, что те рассчитывают при помощи каппадокийца Архелая предстать перед Цезарем и обратиться к нему с обвинениями против отца своего. Услышав это, Ирод очень встревожился и еще более смутился, когда ему о том же сообщили также и

другие. При этом он не мог не подумать о прежде постигших его бедствиях, как он лишился своих лучших друзей и любимой жены вследствие возникших в семье распрей, а так как он предвидел, что ближайшее будущее сулит ему гораздо более тяжкое горе и несчастье, он был крайне расстроен. Дело в том, что, несмотря на дарованные ему Господом Богом и превосходившие всякие ожидания внешние успехи, он в домашней жизни был невыразимо несчастен, и рознь эта доходила до таких пределов, что никто себе этого даже не мог представить; вместе с тем он не знал, не отдать ли ему все внешние свои успехи за устранение зол в домашней среде и не лучше ли будет избавиться от такого обилия домашних неурядиц отречением от высокого царственного положения.

3. Находясь в таком смущении и столь неопределенном положении, он решил, чтобы обуздать юношей, призвать другого сына своего, Антипатра, который родился у него, когда он еще был частным человеком, и дать ему почетное положение, впрочем, не в такой степени, как сделал он это впоследствии, уступив и отдав ему все. Таким путем Ирод рассчитывал сократить притязания сыновей Мариамны и думал, что они тем скорее придут в себя, чем скорее поймут, что не они являются единственными господами положения и что не им одним, и притом обязательно, предстоит унаследование царской власти. Поэтому он ввел при дворе Антипатра в качестве их соперника, рассчитывая не без основания на целесообразность такой меры для себя лично и на то, что, если он поставит юношей на второй план, они со временем исправятся. Однако все случилось иначе, чем он предполагал.

Сыновьям (Ирода) отнюдь не понравилось стеснение, которому они теперь подверглись; с другой же стороны, Антипатр выказал всю силу своего характера, внезапно добившись власти, на которую раньше никак не мог рассчитывать: теперь у него была одна только цель — вредить своим братьям и не допускать их к занятию первенствующего положения, равно как не отходить от отца, который уже поддался наветам со стороны и благодаря стараниям (Антипатра) мог быть еще более возбуждаем против опороченных юношей. Все такие наветы исходили от Антипатра, причем последний, однако, остерегался подавать вид, что он является виновником их; напротив, он пользовался для этого совершенно

неподозрительными клевретами, которые тем самым лишь еще более доказывали свое мнимое расположение к царю. В то время (при дворе) было уже много лиц, которые примкнули к Антипатру в расчете на награды и которые заставляли Ирода верить, что они говорят все это из преданности ему. При таком дружном и верно рассчитанном образе действий сами юноши, со своей стороны, подавали все новые поводы к сплетням. Они нередко плакали над постигшим их унижением, взывали к матери своей и открыто в присутствии приближенных царя обвиняли последнего в нарушении права. Все это ловко подхватывалось гнусными сообщниками Антипатра и доносилось Ироду в приукрашенном виде, так что домашние смуты только росли и росли. Царь расстраивался этими доносами и, желая еще более унизить сыновей Мариамны, все более возвышал Антипатра, так что в конце концов решился даже пригласить ко двору мать его; вместе с тем он неоднократно писал о нем императору и выставлял его как особенно дельного человека.

Когда же Агриппа после десятилетнего правления в Азии собрался вернуться в Рим, Ирод отплыл к нему из Иудеи и взял с собой при этом случае одного лишь Антипатра. Последнего он поручил Агриппе с просьбой взять его с большими подарками в Рим, чтобы Антипатр там мог заслужить благоволение Цезаря. Таким образом, могло казаться, что Антипатр забрал всю власть в свои руки, тогда как его юные братья окончательно и раз навсегда были лишены ее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Во время этого путешествия Антипатр достиг действительно всякого почета и, видимо, пользовался огромным успехом; так как Ирод заранее оповестил всех друзей своих об его приезде, то в Риме ему был оказан блестящий прием. Но Антипатр теперь страдал от того, что он вдали от отца и что ему не представляется более случая по-прежнему клеветать на братьев; поэтому он опасался возможности перемены в отце, который мог бы вздумать относиться к сыновьям Мариамны более ласково. Носясь с этими мыслями, Антипатр не отступал от раз принятого намерения своего, но посылал и отсюда частые письма отцу своему, чтобы восстановлять последнего и

раздражать его относительно братьев. Предлогом ему служило при этом сильное беспокойство об отце; на самом же деле тут целиком сказывалась вся гнусность его характера и вся сила его и без того необузданного властолюбия. В конце концов ему удалось довести Ирода до такого гнева и такой злобы, что последний окончательно возненавидел юношей; впрочем, пока он еще воздерживался от приведения в исполнение своих (мрачных) планов касательно их. Чтобы, однако, не совершить опрометчивости по недосмотру или по слишком большой поспешности, Ирод предпочел поехать в Рим и там пожаловаться императору на детей своих. При этом он желал избегнуть всего, чем он мог бы навлечь на себя подозрение в слишком большой жестокости. Прибыв в Рим, он поспешил в Аквелею, чтобы тут поскорее повидаться с Цезарем. Получив аудиенцию и попросив разрешения побеседовать о крупном постигшем его горе, Ирод представил (императору) сыновей своих и стал жаловаться на их недружелюбие и дерзкие замыслы, направленные к тому, чтобы всюду и всячески выказывать отцу враждебность и ненависть, которые-де клонятся к тому, чтобы умертвить его и таким безбожным образом овладеть царским престолом. При этом Ирод указывал на то свое, дарованное ему самим Цезарем право, в силу которого он перед смертью вовсе не был обязан отдать царство тому или другому сыну, но пользовался правом свободной передачи престола тому из сыновей своих, которого он сочтет по его преданности ему наиболее достойным. Впрочем, продолжал он, они вовсе уж не столь заботятся о власти, но охотно отказались бы даже вовсе не только от нее, но и от собственной своей жизни, лишь бы иметь возможность умертвить отца своего: такая дикая и свирепая ненависть к нему развилась в сердцах их. Это свое горе, которое он долго был принужден таить в себе, ему теперь приходится раскрывать перед Цезарем и такими речами оскорблять его слух. Пусть скажут юноши, подвергались ли они когда-либо какому-нибудь стеснению с его стороны? Когда он был жесток с ними? Как же они смеют у него, столь справедливого человека, оспаривать право власти, которой он сам достиг после долгих трудов и опасностей! Как они могут мешать ему пользоваться ею и предоставить ее тому, кого найдет достойным ее? Ведь такая награда, наравне со всякой другой за благочестие, выпадает лишь на долю того, кто старается за это

сравниться в достаточной заботливости со своим предшественником. Итак, очевидно, что все их интриги против него никак не могут быть названы приличными. Ведь тот, кто только и думает о получении царской власти, тем самым все время рассчитывает вместе с тем и на смерть отца своего: иначе ему не достигнуть власти. Сам он давал до сих пор (всем) своим подданным и особенно своим царственным детям все в изобилии, позаботившись не только о приличной обстановке, о служителях и о содержании их, но и поженив их блестящим образом, а именно — дав одному из них в жены дочь сестры своей, Александру же — дочь царя Архелая. Самое важное, однако, теперь то, что он сам при таких обстоятельствах не воспользовался своей личной властью, но решил привезти юношей к их общему благодетелю, Цезарю, и, отказавшись теперь от всего, на что может иметь право оскорбленный отец и подвергшийся козням царь, готов вместе с ними выслушать решение императора. Впрочем, он просит, чтобы его права не были попраны и чтобы ему не приходилось дольше жить в постоянном страхе за себя; он надеется, что Цезарь не оставит дольше в живых тех, кто решился на такое ужасное дело: если они теперь избегнут кары, то им самим впоследствии придется также сильно пострадать от людей, как они теперь причинили страдания другому.

2. С такой страстностью жаловался Ирод Цезарю на сыновей своих. Пока он говорил, юноши в крайнем смущении разразились слезами, а еще громче заплакали, когда он кончил, потому что в них было искреннее сознание, что они никогда не доходили до такого безбожного намерения; но вместе с тем они отлично сознавали, как трудно на самом деле оправдаться им в возведенных на них Иродом обвинениях; несмотря на то, что теперь представлялся к тому наиболее подходящий случай, они все-таки не сочли уместным выяснить, насколько отец был введен в заблуждение своей собственной страстностью и поспешностью. Поэтому они совершенно не знали, что им говорить, только плакали и в конце концов разразились громкими рыданиями; они боялись, что, если будут молчать, это может подтвердить их виновность, а с другой стороны, затруднялись, по юности и вследствие страшного смущения, в способе своей защиты. Впрочем, от Цезаря, который следил за ними, отнюдь не ускользнуло, что они молчат не столько по

сознанию своей виновности, сколько по неопытности и смущению. Жалость к ним обуяла всех присутствовавших; вместе с тем сам отец их в тайниках души своей не мог не чувствовать сострадания к ним.

3. Увидя некоторое расположение как со стороны отца, так и со стороны Цезаря, видя также, что многие из присутствующих плачут и все глубоко опечалены, один из братьев, Александр, обратился к отцу со следующей речью, в которой пытался опровергнуть взводимые обвинения:

«Отец! Расположение твое к нам подтверждается уже всем этим делом; ведь если бы ты замышлял против нас что-нибудь ужасное, ты не привел бы нас к тому, кто является общим спасителем. Тебе, в силу твоей царской и отцовской власти, было вполне возможно расправиться с людьми, тебя обидевшими. Но то, что ты привез нас в Рим и посвящаешь его (императора) во все это дело, служит гарантией нашего спасения. Ведь никто не поведет того, убить кого имеет в виду, в святилища и храмы. Но наше положение отчаянное: мы не желали бы оставаться долее в живых, если во всех укоренилась уверенность, что мы посягали на такого отца. Еще хуже было бы, если бы предпочли безвинной смерти жизнь, оставаясь в вечном подозрении. Итак, если наше сознание, что мы говорим правду, имеет некоторую силу в глазах твоих, нам доставила бы блаженство возможность единовременно убедить тебя в своей невиновности и избегнуть грозящей нам опасности; но если все-таки клевета удержится на своем месте, то к чему нам это солнце, на которое мы взирали бы, запятнанные подозрением? Конечно, указание на то, что мы стремимся к власти, является достаточно ловким обвинением по отношению таких молодых людей, как мы, а если к тому еще присоединить упоминание о нашей достойной матери, то этого вполне достаточно, чтобы усугубить первое наше несчастье и довести нас до настоящего горя. Но взгляни на то, не общий ли это случай и не применимо ли подобное обвинение в сходных случаях. Ведь ничто никогда не мешает царю, у которого есть молодые сыновья, мать коих умерла, видеть в них подозрительных лиц, домогающихся престола своего отца. Однако одного только подозрения не довольно, чтобы высказывать столь безбожное обвинение. Пусть кто-либо осмелится сказать нам, что случи-

лось нечто такое, в силу чего при всем легковерии (людей) нечто невероятное стало непреложным. Разве кто-либо смеет обвинять нас в составлении отравы, или совершении заговора среди сверстников, или в подкупе прислуги, или в распространении воззваний против тебя? И все-таки каждое из таких преступлений, даже если оно и не имело места, легко служит предметом клеветы. Правда, отсутствие единодушия в царской семье является крупным несчастьем, и та власть, которую ты называешь наградой за благочестие, часто вызывает в гнуснейших людях такие надежды, ради которых они готовы не сдерживать своих дурных наклонностей. Никто не сможет упрекнуть нас в чем-либо противозаконном. Но как устранит клевету тот, кто не желает слушать? Быть может, мы сказали что-либо лишнее?

Если это так, то, во всяком случае, это не относилось к тебе, ибо это было бы несправедливо, но относилось к тем, которые не умалчивают ни о чем сказанном. Кто-либо из нас оплакивал свою мать? Да, но мы жаловались не на то, что она умерла, а на то, что и после смерти она подвергается поруганию со стороны недостойных людей. Обвиняемся мы в том, что стремимся к власти, которая, как нам известно, в руках отца нашего? Но с какой стати? Если, как это и есть на самом деле, мы пользуемся царским почетом, разве мы стараемся не напрасно? Или если мы им еще не пользуемся, то разве мы не можем впоследствии рассчитывать на него? Или неужели мы стремились захватить власть, уничтожив тебя? Но после такого злодеяния нас не несла бы земля и не держало бы море. Разве благочестие и религиозность всего народа допустили бы, чтобы во главе правления стали отцеубийцы и чтобы такие люди входили в священный храм, тобой же сооруженный? Далее, наконец! Оставя в стороне все прочее, разве мог бы, пока жив император, оставаться безнаказанным какой-либо убийца? Сыновья твои не так безбожны и безумны, но, право, они гораздо несчастнее, чем бы следовало для тебя. Если же у тебя нет поводов к обвинениям, если ты не находишь козней, что же укрепляет тебя в уверенности совершения такого страшного преступления? Мать наша умерла. Но ее судьба не могла нас восстановить (против тебя), а лишь сделала нас более рассудительными. Мы хотели бы еще многое привести в свое оправдание, но у нас нет слов для этого,

так как ничего не случилось. Поэтому мы предлагаем всемогущему Цезарю, являющемуся в настоящую минуту судьей между нами, следующий исход: если ты, отец, вновь желаешь относиться к нам без подозрительности и верить нам, то мы готовы оставаться в живых, хотя, конечно, уже не будем по-прежнему счастливы, ибо среди крупных несчастий одно из наиболее тяжких — быть ложно обвиненным; если же у тебя еще есть какое-либо опасение относительно нас, то спокойно принимай себе меры к ограждению своей личной безопасности, мы же удовлетворимся сознанием своей невиновности: нам жизнь вовсе не так дорога, чтобы сохранять ее ценой беспокойства того, кто даровал нам ее».

4. Пока юноша говорил таким образом, Цезарь, который и раньше не верил чудовищной клевете, теперь еще более склонялся в его пользу и не спускал глаз с Ирода, видя, как он расстроен. Волнение охватило также всех присутствовавших, и в зале раздался ропот против жестокосердия царя. Всеобщее сожаление вызвало столь невероятное обвинение цветущих и красивых юношей, и все готовы были оказать им поддержку, особенно после того как Александр так ловко и умело возразил на обвинение. Впрочем, и юноши сами еще не были в состоянии прийти в себя, плакали и, убитые горем, смотрели в землю.

Таким образом, однако, у них опять явилась надежда на благополучный исход этого дела, тем более что царь, видимо построивший свое обвинение на весьма шатком основании, нуждался в некоторой поддержке, так как сам не был в состоянии что-либо возразить. Немного погодя Цезарь сказал, что если, по его мнению, юноши и были довольно далеки от желания совершить возводимое на них преступление, они все-таки не так держали себя по отношению к отцу своему, чтобы не подавать повода к такому обвинению. При этом император предложил Ироду оставить всякое подозрение и помириться со своими сыновьями, потому что несправедливо с его стороны верить в такие козни собственных детей. Взаимное примирение, говорил он, заставит забыть все случившееся и лишь усилит любовь их друг к другу, причем обе стороны должны будут простить друг другу слишком поспешное подозрение и постараться загладить последнее еще большей преданностью. Увещевая их таким образом, импе-

ратор сделал юношам знак (рукой). Когда же они хотели броситься к ногам отца и со слезами вымолить себе у него прощение, Ирод предупредил их, заключил их в объятия и стал осыпать их поцелуями, так что никто из присутствовавших, ни свободнорожденный, ни раб, не был в состоянии скрыть свое волнение.

5. Поблагодарив затем Цезаря, юноши вместе удалились, и с ними ушел Антипатр, притворно выражавший свою радость по поводу их примирения. В течение ближайших дней Ирод одарил Цезаря, который как раз устраивал для римского народа игры и раздачу хлеба, тремястами талантов. Цезарь, в свою очередь, подарил ему половину доходов с кипрских медных рудников и поручил ему заведование другой половиной их; вместе с тем он почтил царя всяческими другими дарами и вниманием, относительно же престолонаследия предоставил Ироду полную свободу в выборе себе либо одного преемника, либо нескольких, между которыми он, по личному усмотрению, мог разделить свое царство. Ирод хотел это сделать немедленно, но император не разрешил, указывая на то, что при жизни не следует отказываться от власти ни над царством, ни над детьми своими.

6. После этого Ирод вернулся назад в Иудею. Пока он был в отсутствии, значительная часть, а именно область Трахонская, отпала от него. Впрочем, оставленные в ней военачальники вскоре опять справились с ней и побудили ее к повиновению. Когда Ирод с сыновьями приплыл к киликийскому городу Елеусу, который теперь переименован в Себасту, он встретился тут с каппадокийским царем Архелаем; тот радушно приветствовал его, радуясь его примирению с сыновьями и особенно тому обстоятельству, что именно его зять Александр опроверг возведенное на них обвинение. Тут они обменялись истинно царскими дарами. Отсюда Ирод поехал в Иудею и, прибыв туда, вступил в храм, где сообщил обо всем случившемся во время путешествия, упомянул о расположении к нему Цезаря и обо всем прочем, что считал полезным довести до сведения народа. Закончил он речь свою увещеванием жить дружно и обратился с этим увещеванием не только к сыновьям своим, но и к придворным и ко всему прочему населению и объявил, что назначает себе в преемники по престолу сыновей своих, сперва Антипатра, а

затем и сыновей от Мариамны, Александра и Аристовула. Пока же он просил смотреть на него одного как на царя и властелина, так как ему не мешают ни его старость, являющаяся наилучшим моментом для царствования ввиду приобретенного опыта, ни что другое держать еще бразды правления: он еще в силах управлять государством и держать в повиновении детей своих. Затем он обратился к военачальникам и войску с указанием, что, если они будут пока смотреть на него одного как на государя, жизнь их потечет спокойно и они сами будут способствовать собственному благополучию.

С этими словами царь распустил собрание. Большинству присутствовавших речь его понравилась. Впрочем, были также некоторые, не оставшиеся довольны ею, потому что вследствие его борьбы с сыновьями и надежд, возлагавшихся на них, многое в государстве изменилось и население допускало возможность коренного переворота[3].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Около этого времени закончилась отстройка города Цезареи Себасты, которую вновь отделал Ирод;[4] десятый год со времени начала работ близился к концу, а освящение города пало на двадцать восьмой год правления царя, в сто девяносто вторую олимпиаду. Для ознаменования освящения города был устроен необычайный праздник, к которому были сделаны блестящие приготовления. Царь обещал при этом случае устроить музыкальные и гимнастические состязания, заготовил огромное число гладиаторов и диких зверей, позаботился о конском ристалище и вообще обставил все празднество большим блеском, чем то было принято даже в Риме или в других местах. Эти игры он посвятил Цезарю и распорядился, чтобы они повторялись каждые пять лет. Император, в свою очередь, желая почтить преданность Ирода, посылал ему из личных средств все нужное для игр. Равным образом и жена Цезаря, Юлия, послала от себя много особенно ценных (в Палестине) вещей, дабы ни в чем не было недостатка. Стоимость всех этих даров исчислялась в общем до пятисот талантов.

В город на игры собрались огромные массы народа и целые посольства, которые отправили отдельные общины в знак

благодарности за полученные благодеяния. Всех их Ирод принял радушно и гостеприимно и почтил их беспрерывными удовольствиями: днем увеселяли их театральные зрелища, а по ночам их ждали изысканные и дорогие удовольствия, так что щедрость царя вошла в поговорку. Во всех своих предприятиях Ирод всегда старался превзойти все, что было раньше. Говорят даже, будто Цезарь и Агриппа неоднократно заявляли, что страна Ирода слишком мала для его великодушия и что он достоин быть царем всей Сирии и Египта.

2. После этого празднества и игр царь воздвиг новый город на равнине, носящей название Кафарсава, выбрав для того богато орошенную и плодородную местность. Вокруг нового города текла река, а над ним возвышалась замечательная по величине деревьев роща. В честь отца своего, Антипатра, Ирод назвал этот город Антипатридою. Кроме того, он построил выше Иерихона в честь своей матери укрепление, отличавшееся как неприступностью, так и красотой, и назвал его Кипром. В честь своего нежно любимого брата Фасаила он воздвиг великолепный мавзолей, а именно соорудил над самым городом (Иерусалимом) башню, не уступавшую по величине своей маяку в Фаросе. Башню эту он назвал Фасаиловой, и она служила как для охраны города, так и для сохранения воспоминания об умершем брате, в честь которого и была названа. Вместе с тем он основал в честь того же брата также город при входе в северную часть иерихонской долины, и благодаря ему он поднял благосостояние дотоле бесплодных окрестностей города, так как о том позаботилось новое население его. И этот город был назван им Фасаилидой.

3. Было бы затруднительно перечислить здесь все прочие благодеяния, которыми он осыпал города Сирии и Эллады, равно как другие местности, куда ему приходилось заезжать во время своих путешествий. Для общественных и казенных зданий он, видимо, израсходовал действительно крупные денежные средства, равно как доставлял таковые для окончания начатых построек, если первоначально ассигнованные суммы оказывались недостаточными. Самыми крупными и знаменитыми из его сооружений и деяний являются следующие.

Родосцам он на собственные средства отстроил пифийский храм и дал им много талантов серебра на снаряжение флота; жителям Никополя, основанного императором вбли-

зи Акциума, он помог соорудить большинство их общественных зданий; антиохийцам, жителям крупнейшего сирийского центра, он украсил двумя рядами портиков ту широкую улицу, которая пересекает весь город, и велел всю занимаемую городом площадь вымостить шлифованными плитами для большего украшения города и удобства жителей; олимпийским играм, по безденежью утратившим свою прежнюю славу, он даровал прежнее их значение и почет тем, что назначил им денежную субсидию и путем жертвоприношений и прочими подарками сделал их вновь популярными. Благодаря своей щедрости он был навеки записан элидцами в число почетных устроителей игр.

4. При таких обстоятельствах, конечно, многие изумляются противоречиям в характере Ирода. Если мы взглянем на щедрость и благодеяния, которыми он осыпал всех людей, то никто, сколь низко ни оценивал бы его, не смог бы не согласиться, что царь обладал весьма доброй душой. Если же, с другой стороны, обратить внимание на насилия и несправедливости, которые он совершал относительно своих подчиненных и ближайших родственников, и вспомнить о жестокости и неумолимости его характера, то придется склониться к убеждению, что Ирод являлся чудовищем, чуждым всякой мягкости. Вследствие этого некоторые полагают, что он страдал внутренним разладом и всегда боролся сам с собой. Я, впрочем, с этим не согласен и думаю, что обе указанные черты его характера имеют одну общую причину. Так как он был честолюбивым и совершенно подчинялся этой страсти, то он предавался порывам великодушной щедрости, лишь бы у него была надежда сейчас же снискать себе славу или впоследствии увековечить себя; благодаря, однако, непосильным при этом денежным затратам ему поневоле приходилось быть жестоким к своим подданным. Все то, что он изобильно тратил на одних, приходилось насильно отнимать у других. Отлично сознавая, насколько подданные ненавидят его за все притеснения, а с другой стороны, не будучи в состоянии прекратить насилия (что отозвалось бы неблагоприятно на его доходах), он пользовался этим самым нерасположением народа в целях личного своего обогащения. Что касается, далее, его приближенных и домашних, то если кто-либо из них не льстил ему на словах, или не признавал себя рабом его, или возбуждал к себе

подозрение в смысле злоумышления против царской власти, то Ирод не умел владеть собой и свирепствовал без меры против родственников и друзей своих, обходясь с ними как с врагами; все эти гнусности он позволял себе относительно их исключительно потому, что безумно жаждал личного почета. Доказательством столь сильно в нем развитой страсти этой служат мне почести, оказанные им Цезарю, Агриппе и прочим друзьям своим. Поскольку он сам преклонялся перед более могущественным, постольку же он желал почета и для себя лично, и такое сильное приложение с его стороны старания доказывало лишь, что он сам домогался подобного. Народ иудейский по своему закону чужд всему подобному и привык ставить справедливость выше славолюбия. В силу всего этого он и не пользовался благосклонностью в глазах Ирода, так как не умел льстить честолюбию царя ни статуями, ни храмами, ни подобными средствами. Во всем этом я вижу причину безобразного отношения Ирода к своим домашним и приближенным, а также объяснение его потворства иноземцам и людям вообще недостойным.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Отдельные общины притесняли иудеев, живших в Азии, равно как в ливийской Кирене; хотя прежние правители когда-то даровали им равноправие, но в это время греки относились к ним отвратительно, отнимая у них священные деньги и нанося им вред в их частных владениях. Сильно от этого страдая и не предвидя предела бесчеловечному отношению к ним греков, иудеи отправили к императору посольство с жалобой на свое положение. Цезарь восстановил им их прежнюю равноправность и послал в указанные провинции соответственные распоряжения. Здесь мы приводим копии с этих постановлений в доказательство расположения, которое питали к нам древние правители.

2. «Цезарь Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна, объявляет: ввиду того, что народ иудейский не только в настоящее время, но и прежде, особенно при отце моем, императоре Цезаре, являл себя преданным римскому народу, особливо когда иудейским первосвященником был Гиркан, я и присяжные советчики мои, по решению

римского народа, постановляем: чтобы иудеи пользовались правом невозбранно жить по своим законам, как то было при первосвященнике Всевышнего Гиркане; чтобы священные деньги были неприкосновенны, посылались в Иерусалим и вручались там казначеям иерусалимским; чтобы иудеев не привлекали в судебные заседания ни по субботам, ни накануне суббот с девятого часа. Если кто-нибудь будет уличен в краже священных книг или священных денег из молитвенного дома или залы иудейского совета, тот будет обвинен в кощунстве, а имущество его поступит в римскую казну. Свидетельство, данное мне иудеями относительно моего гуманного отношения ко всем людям, а также о Гае Марции Цензорине, равно как настоящее постановление, я приказываю вывесить в знаменитом посвященном мне всеми жителями Азии храме анкирском[5]. Кто нарушит в чем-либо это постановление, будет жестоко наказан». Это было записано на колонне в святилище Цезаря.

3. «Император посылает привет свой Норбану Флакку. Все те иудеи, которые по древнему обычаю собирают и отправляют в Иерусалим священные деньги, пусть делают это беспрепятственно».

4. Таковы постановления императора. Также и Агриппа издал следующее постановление об иудеях: «Агриппа посылает привет свой начальству, совету и населению города Ефеса. Я желал бы, чтобы контроль и охрана отправляемых в иерусалимский храм священных денежных сумм лежали, сообразно издревле установленному обычаю, на живущих в Азии иудеях. Все те, кто украдет священные деньги иудеев и будет искать убежища в священном месте, должны быть схватываемы и выдаваемы для заслуженной кары иудеям как лица кощунствующие. Вместе с тем я послал также претору Силану письменный приказ о том, чтобы в субботние дни ни один иудей не привлекался к суду».

5. «Марк Агриппа посылает привет начальству, совету и народу Кирены. Киренские иудеи, относительно которых уже Август запретил ливийскому претору Флавию и остальным лицам провинции затруднять отсылку священных, по их обычаям, денег в Иерусалим, теперь обратились ко мне с жалобой, что некоторые чиновники препятствуют им в этом, совершенно неосновательно и незаконно домогаясь различ-

ных поборов. Поэтому я приказываю отныне ни в чем не стеснять иудеев, и, если у некоторых общин были отняты священные деньги, возвратить их тем, кому поручено было собрать их, или живущим там иудеям».

6. «Проконсул Гай Норбан Флакк посылает привет свой должностным лицам и совету города Сард. Цезарь прислал мне приказание не мешать никому из иудеев, сколько бы их ни было, собирать по установленному у них обычаю и отсылать в Иерусалим священные деньги. Я пишу вам об этом, дабы вы знали, что то желание не только мое, но и самого императора».

7. Равным образом и проконсул Юлий Антоний писал: «Посылаю привет свой должностным лицам, совету и населению города Ефеса. Живущие в Азии иудеи явились ко мне в февральские иды во время судебного заседания в Ефесе и заявили мне, что Цезарь Август и Агриппа разрешили им пользоваться собственными их законоположениями, жить по их установлениям и в знак благочестия приносить в жертву Всевышнему по собственному усмотрению и невозбранно все перворожденное; равным образом они просили теперь меня закрепить за ними это право, дарованное им Августом и Агриппой. Посему я объявляю вам, что, сообразно постановлениям Августа и Агриппы, я сам также разрешаю им это делать беспрепятственно на основании их древних постановлений».

8. Все это я привел здесь по необходимости, потому что наша история попадет главным образом в руки греков. Им я хочу доказать, что мы не только издревле удостаивались всяких почестей и правители никогда не возбраняли нам жить по нашим установлениям, но что они даже поддерживали нас в нашем благочестии и в воздавании почестей Всевышнему. Я часто упоминаю об этом, чтобы примирить народы с нами и уничтожить причину врожденной во многих неразумных людях вражды к нам и этим нашим установлениям. Среди отдельных племен нет ни одного, которое жило бы по обычаям, вполне тождественным с нравами других народов; между государствами мы в этом отношении находим множество различий. Между тем у всех людей, у греков и у варваров, справедливость представляет одинаковое понятие и считается везде в равной мере полезным началом для всех. А так как наши законы в особенно сильной мере отличаются этой

справедливостью, то естественно, что, если мы только точно следуем этим законам, мы становимся ко всем решительно расположенными и любвеобильными людьми. Поэтому мы можем и от других требовать к себе хорошего отношения и не допустим, чтобы с нами обходились как с чужеземцами лишь вследствие различия в наших установлениях; напротив, мы желали бы признания нашей пригодности и порядочности. Стремление к последней обще всем людям и представляет из себя единственное средство как следует устроить жизнь.

Возвращусь, однако, к своему повествованию.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Расходовавши большие деньги на внешние и внутренние дела царства, Ирод как-то узнал, что предшественник его, Гиркан, открыл гробницу Давида и похитил оттуда три тысячи талантов серебра[6], но что там осталось весьма много денег, которыми можно было бы покрыть все расходы; поэтому он довольно долго обдумывал план — воспользоваться этими суммами. И вот однажды ночью он с большими предосторожностями, чтобы никто из граждан не узнал о том, распорядился открыть гробницу и в сопровождении преданнейших друзей своих вошел в нее. Впрочем, денег, подобно Гиркану, он тут не нашел, но зато обрел огромное множество золотых украшений и разных драгоценностей. Все это он взял себе. Желая основательно ознакомиться с содержимым склепов, он захотел проникнуть глубже в гробницы, к тому самому месту, где покоились тела Давида и Соломона. Тут, однако, погибли двое из его оруженосцев, как говорят, от пламени, которое вылетело на них, когда они сделали попытку проникнуть внутрь склепа. В полном ужасе Ирод выбежал из склепа и затем распорядился воздвигнуть, в знак умилостивления Предвечного, памятник из белого камня при входе в гробницу. На это он израсходовал огромную сумму денег. Об этом памятнике упоминает также современный Ироду историк Николай, но не говорит, чтобы царь проник в самую гробницу, так как он (Николай) понимал все неприличие подобного деяния. Впрочем, и в других случаях этот писатель поступает подобным же образом. Живя в его

царстве и находясь с царем в личных сношениях, он писал лишь в угоду ему и чтобы ему льстить, останавливаясь при этом исключительно на таких фактах, которые могли возвеличить Ирода, оправдывая многие из явных его несправедливостей и даже особенно тщательно скрывая их. Так, например, он старается превознести царя даже в таких его поступках, как казнь Мариамны и умерщвление сыновей ее, и для этого клевещет, обвиняя царицу в отсутствии целомудрия, а юношей в интригах (против царя). Вообще, во всей своей истории этот автор чрезмерно превозносит все справедливые поступки царя и в такой же мере старается извинить все совершенные им беззакония. Впрочем, как я уже говорил, ему это вполне простительно: он писал не историю, а оказывал лишь услугу царю. Мы же, которые сами происходим из асмонейского царского рода и поэтому сами принадлежим к священническому сословию, не сочли удобным говорить о нем неправду и чистосердечно и сообразно истине излагаем ход событий; правда, мы высоко чтим многих царственных потомков Ирода, но гораздо выше их мы ставим истину, которой, когда Ирод поступал справедливо...[7] Поэтому случилось, что мы навлекли на себя гнев их.

2. После его безбожного посягательства на гробницу домашние дела Ирода видимо стали ухудшаться — оттого ли, что уже прежде замечались изъяны, которые теперь стали расти от его греховности и наконец привели к неописанным бедствиям, или потому, что царя преследовал злой рок; при этом то обстоятельство, что он (в прочих делах) был счастлив, могло вызвать предположение, что все эти (домашние) неурядицы являлись следствием его греховности. В придворном кругу был такой разлад, какой бывает в момент междоусобной войны: всюду чувствовалась ненависть, выражавшаяся в чудовищных взаимных наветах. Антипатр постоянно ковал крамолу против своих братьев; он очень ловко навлекал на них обвинение извне, тогда как сам притворялся нередко их заступником. Делал он это с целью выказать им якобы свое расположение и преданность; на самом деле он преследовал свои личные планы. Таким образом действий он ловко обманывал даже отца своего, так что последний был убежден, что он все предпринимает исключительно в видах его блага. Ввиду этого Ирод подчинил Антипатру даже свое-

го главного министра Птолемея и стал советоваться относительно государственных дел с его матерью. Одним словом, эти люди стали отныне играть главнейшую роль, могли делать что бы ни пожелали и возбуждать царя против кого угодно. Тем временем сыновья Мариамны все сильнее ощущали тягость своего положения и в сознании своего благородного происхождения никак не могли примириться с постигшим их бесчестием, именно: что они были отторгнуты (от семьи) и занимали такое неблестящее положение. Что касается женщин, то жена Александра, дочь Архелая, Глафира, питала ненависть к Саломии, отчасти из чувства привязанности к своему мужу, отчасти потому, что ее обвиняли в слишком высокомерном отношении к дочери Саломии. Дочь последней была замужем за Аристовулом, и Глафира не выносила, что та держала себя как равная ей.

3. Когда эта ссора обнаружилась во второй раз, сюда оказался замешанным даже брат царя, Ферора. Он навлекал на себя особенное подозрение и ненависть, потому что совершенно подчинился одной из своих рабынь, так недостойно увлекся любовью к ней и в столь сильной мере отдался ей, что совершенно забросил невесту, дочь царя, и только думал о рабыне. Ирод почувствовал себя опозоренным со стороны брата, которому он оказал такие значительные благодеяния, которого он сделал своим соправителем и который, как он видел, платил ему теперь злом за добро. Он не желал его даже видеть. Не считая Ферору достойным этой девушки, Ирод выдал ее за сына Фасаила; лишь долго спустя, когда он мог предположить, что страсть погасла в его брате, он вступил с ним вновь в переговоры о браке и предложил ему в жены свою вторую дочь, называвшуюся Кипрой. Вместе с тем и Птолемей стал советовать Фероре прекратить оскорбительное для брата поведение и покончить со своим любовным увлечением. При этом (министр) указывал, что постыдно в угоду рабыне лишать себя расположения со стороны царя, возбуждать последнего и подавать ему повод к сильной ненависти.

Видя всю пользу такого изменения вещей, Ферора вспомнил, что и раньше ему простили одну провинность, и отторгнул рабыню, успевшую родить ему ребенка. Вместе с тем он выразил царю согласие на брак со второй его дочерью, назначил сроком свадьбы тридцать дней и поклялся при

этом, что отныне прекратит все свои отношения к отторгнутой рабыне. По истечении тридцатидневного срока, однако, он настолько был одержим любовью к рабыне, что отказался решительно от всех своих намерений и вновь вернулся к любимой женщине. Это окончательно расстроило и взорвало Ирода, который не скрывал своего гнева. Отныне царь в разговорах постоянно делал разные намеки, и многие, основываясь на гневе Ирода, делали эти замечания исходной точкой разных наветов против Ферры. Вообще теперь не проходило ни дня, ни даже часа, чтобы царю не приходилось волноваться. Напротив, постоянно ему докладывали о новых распрях между его родными и наиболее близкими ему людьми. Так, например, Саломия дошла в своем сильном озлоблении против сыновей Мариамны до того, что вмешалась в супружеские отношения своей родной дочери, бывшей замужем за Аристовулом, одним из юных сыновей Мариамны, и побудила ее рассказать и сообщить ей о многом, чего бы та, собственно, не должна была говорить. Этим она вызывала раздоры и вводила новые поводы к подозрениям. Таким образом она сама разузнавала все, что происходило между юношами, и сеяла разлад между дочерью и ее мужем. В угоду своей матери дочь часто сообщала Саломии, как братья, оставаясь наедине, вспоминают о Мариамне, как ненавидят отца и как постоянно грозят, в случае, если когда-либо достигнут царства, обратить сыновей Ирода от прочих жен в сельских писарей (к чему-де они благодаря своим теперешним занятиям и по своей подготовке только и способны) и как они грозят, если увидят женщин в царственном убранстве их матери, облечь их в мешки и бросить в темницы, где бы они не видели даже солнечного света. Все это через посредство Саломии немедленно сообщалось царю, который узнавал о том, правда, со скорбью в сердце, но все-таки старался об общем умиротворении. Впрочем, все эти подозрительные вести мучили его, он лишь более озлоблялся и в конце концов начинал верить всему. Хотя он тогда относительно своих сыновей держал себя все еще довольно милостиво, вследствие того, что они сумели оправдаться перед ним, однако зато впоследствии произошло гораздо более крупное горе.

4. Дело в том, что Ферора явился к Александру, женатому, как мы упомянули, на дочери Архелая, Глафире, и сообщил

ему, будто бы со слов Саломии, что Ирод воспылал страстью к Глафире, и притом страстью неудержимою. Услышав это, Александр по юности и страстности своей страшно разгорячился и на основании случайно прорвавшегося замечания стал особенно подозрительно относиться к проявлениям нежности Ирода к молодой женщине (а Ирод действительно неоднократно выражал ей свое расположение) и принимать их с самой скверной стороны. Наконец он почувствовал себя более не в силах сдерживать свое горе, отправился к отцу и со слезами поведал ему то, что сообщил ему Ферора. Ирод окончательно вышел из себя и, не будучи в состоянии снести столь гнусной для него и притом ложной клеветы, страшно заволновался; он громко стал жаловаться на гнусность своих родных, которым он оказал столько добра и которые, в свою очередь, возвели на него такую напраслину, послал затем за Феророю и обратился к нему с проклятиями. «Гнуснейший мерзавец, — сказал он ему, — неужели ты дошел до такой степени неблагодарности, что мог обо мне подумать и распространять такие вещи? Разве я не вполне ясно вижу в этом твои намерения; ведь ты являешься к моему сыну с такими речами не только для того, чтобы опозорить меня, но и добиваешься моей гибели, заставляя детей моих ковать крамолу против меня и готовить мне яд их руками? Какой бы сын, если бы его не охраняли, подобно этому, добрые гении, удержался от убийства родного отца при таком обвинении, возводимом на него? Разве ты желал вселить в его душу один лишь разлад или же дать ему в руку и меч против родителя? Чего же ты желал, когда ты в ненависти своей к нему и к его брату, прикидываясь другом, клеветал ему на меня и говорил ему такие вещи, которые измыслить и вымолвить могла лишь твоя гнусность? Прочь, негодяй, который так подло поступил относительно своего благодетеля и брата; пусть позор твой будет вечно на тебе, я же не только не стану преследовать моих детей, как они того заслуживают, но превзойду самого себя в ласковом к ним отношении в гораздо большей мере, чем они того достойны».

5. Так говорил царь, Ферора же, который на месте попался в своей гнусности, сказал, что все выдумала Саломия, от которой-де и исходят все эти речи. Лишь только услышала это присутствовавшая тут же Саломия, как она притворно возопила, что все это ложь относительно ее, что все прилагают всяче-

ские усилия навлечь на нее ненависть царя и что всяким образом хотят погубить ее за ее преданность Ироду, которого она всегда предваряет об угрожающих ему опасностях. В настоящую минуту возбуждение против нее достигло еще гораздо больших размеров, потому что она была единственной, которая убеждала брата отречься от теперешней жены своей и жениться на дочери царя. Очевидно, что он и возненавидел ее за это. Пока она так говорила, она рвала на себе волосы и неоднократно била себя в грудь. Все это по виду убеждало в ее искренности, но гнусность ее характера явно свидетельствовала о притворстве с ее стороны. Тем временем Ферора стоял посреди них и не имел возможности приличным образом оправдаться; он должен был признаться в том, что действительно распускал такие слухи про царя, но ему не верили, что он говорил с чужих слов. Эта перебранка и спор между ними продолжались порядочное время. Наконец царь с чувством гадливости отпустил от себя как брата, так и сестру, похвалил сына за силу воли и за то, что он передал ему все эти наветы, и уже поздно вечером подумал о том, чтобы дать телу своему покой и отдых. Вся эта внезапно обнаружившаяся история сильно повредила репутации Саломии (все были уверены, что навет все-таки исходил от нее). Жены царя были и без того восстановлены против нее, так как знали ее скверный характер и ее непостоянство, в силу которого она становилась с ними то во враждебные, то в дружеские отношения. Поэтому они постоянно имели сказать что-нибудь Ироду против нее, а один случай еще более укрепил их в этой решимости.

6. Арабский царь Обод был человеком недеятельным и апатичным по характеру, и (поэтому) все дела его лежали на Силлее, муже способном, еще молодом и красивом. Однажды Силлей по какому-то делу прибыл к Ироду. Обедая вместе с последним, он увидел Саломию и почувствовал влечение к ней. Зная к тому же, что она вдова, он вступил с ней в разговор. Саломия, в свою очередь, теперь не пользовавшаяся таким расположением брата, как некогда, и отнесшаяся тепло к молодому человеку, согласилась на брак с ним. С этого момента все присутствовавшие за столом (женщины) убедились, что между Силлеем и Саломией явно установились необыкновенно короткие отношения. Обо всем этом женщины донесли царю, причем смеялись над неприличным поведением обоих.

Ирод обратился по этому поводу также к Фероре и поручил ему проследить за столом, как те относятся друг к другу. Ферора сообщил, что, судя по их жестам и взорам, они, очевидно, пришли к взаимному между собой соглашению. После этого араб уехал, оставаясь под подозрением. Спустя, однако, два или три месяца он вновь вернулся и теперь уже прямо явился к Ироду с предложением выдать за него замуж Саломию. При этом он указывал, что такое родство будет небесполезно для него в смысле вступления царя в более тесное общение с царством арабским, которое, в сущности, у него уже теперь почти в руках, а впоследствии, наверно, перейдет к нему. Когда Ирод передал сестре своей это предложение и спросил ее, согласна ли она на такой брак, та немедленно ответила утвердительно. Тогда от Силлея потребовали перехода в еврейство (иначе брак был невозможен); тот, однако, на это не согласился, ссылаясь на то, что в таком случае арабы побьют его камнями. С этим он уехал. Между тем Ферора стал обвинять Саломию в несоблюдении целомудренности, тем более что и женщины утверждали, что у нее установились слишком интимные отношения к арабу. Тогда Саломия попросила выдать за сына своего от брака с Костобаром ту девушку, которую царь первоначально предназначил в жены своему брату, но которой не взял Ферора, так как, сообразно нашему сообщению, он был увлечен другой женщиной. Царь первоначально согласился на этот брак, но затем склонился на убеждения Фероры, который указывал на то, что юноша этот не будет надежным зятем, так как его отец был убит Иродом, и что было бы куда правильнее выдать девушку замуж за его собственного сына, будущего владельца тетрархии. Вместе с тем он просил прощения у Ирода, и тот согласился на это. Таким образом, девушка, переменив жениха, вышла за сына Фероры, и царь подарил ей в приданое сто талантов[8].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Домашние смуты, однако, отнюдь не прекращались, но постоянно вызывали все новые и большие осложнения. И вот случилось нечто, что, проистекая из довольно скверного источника, повело впоследствии к крупным затруднениям. У царя были евнухи, которых он крайне любил за их кра-

соту. Из них один исполнял обязанности виночерпия, другой служил за столом, а третий, как наиболее преданный, должен был заботиться о ложе царя. Влияние их на государственные дела было огромно.

Кто-то донес царю, что сын Ирода, Александр, подкупил этих евнухов огромной суммой денег. Когда они были допрошены относительно дружественных сношений с Александром и близости к нему, они этого не отрицали, но вместе с тем настаивали на невиновности своей в смысле каких-либо козней против отца Александра. Однако, когда их подвергли пытке и они очутились в безвыходном положении, причем палачи в угоду Антипатру особенно старательно мучили их, несчастные сказали, что в душе Александра (действительно) были нерасположение и ненависть к отцу и что Александр убеждал их покинуть уже слишком состарившегося Ирода, который-де старался скрыть свои лета, крася волосы и таким образом вводя всех в заблуждение относительно своего возраста. Если же, говорил он, они будут преданы ему, то, лишь только он добьется царского престола, который, несмотря ни на какие желания царя, все-таки должен перейти только к нему (Александру), они быстро получат первые места в государстве. При этом он будто бы указывал на то, что не только благодаря своему происхождению, но и вследствие того, что у него все уже приготовлено, власть не может миновать его, так как многие из военачальников и целый ряд верных и надежных друзей вполне готовы сделать для него все и подвергнуться чему угодно.

2. Узнав об этом, Ирод весь преисполнился гнева и страха; он озлобился такими гнусными речами, и вместе с тем они испугали его, заставляя видеть всю опасность. Все это в совокупности только еще больше раздражало его, и он в своем озлоблении опасался, как бы в эту минуту ему не угрожала более серьезная опасность, чем от какой он был в силах оградить себя. Ввиду этого он не приступал к открытому расследованию дела, но подослал к подозрительным лицам соглядатаев. Так как он относился с недоверием и ненавистью решительно ко всем и всюду видел угрожающую опасность, то стал питать подозрение даже относительно ни в чем не повинных людей. В этом он совершенно не знал никаких границ: те, кто, на его взгляд, были при нем слишком долго, казались ему опас-

ными, так как он считал их более способными нанести ему зло; тех же, кто почему-либо не общался с ним, было достаточно только назвать: этого ему было довольно, чтобы загубить их и тем гарантировать себе личную безопасность.

В конце концов его приближенные, потеряв всякую уверенность в своей безопасности, стали доносить друг на друга, торопясь предупредить в этом своих товарищей и думая лишь сами оградить себя; когда случалось, что они достигали своей цели, то, в свою очередь, навлекали на себя подозрения и оказывались сами (в глазах царя) достойными того же наказания, которое они столь предусмотрительно и преступно уготовили своим товарищам. Таким-то образом поступали все те, кто имел с кем-либо личные счеты, но месть их падала назад на их же собственные головы; каждый случай представлялся им удобным для того, чтобы устроить ловушку противникам; впрочем, они сами попадались таким же способом, каким старались устроить козни другим. Дело в том, что на царя вскоре нападало раскаяние в гибели людей, очевидно невиновных, но это тяжелое чувство отнюдь не удерживало его от дальнейших подобных мероприятий, а скорее побуждало его подвергать доносчиков такой же участи.

3. Таковы были смуты при дворе. Царь объявил уже многим приближенным своим, что впредь не требует более их посещений. Это распоряжение он сделал для того, чтобы иметь большую свободу действий и не стесняться по-прежнему. При этом случае он удалил от себя также двух издавна преданных ему друзей, Андромаха и Гемелла, которые оказали ему многочисленные услуги при дворе и немало поддерживали его во время посольств и разных совещаний, равно как воспитывали сыновей Ирода; они раньше занимали высокое место при дворе. Андромаха царь удалил оттого, что сын его был близок к Александру, Гемелла же потому, что он знал личную преданность старика Александру, которого он воспитал и обучил и с которым не разлучался во все время пребывания его в Риме. Царь охотно избавился бы от них менее деликатным способом, но так как он не мог этого сделать относительно столь выдающихся и недавно еще игравших у него столь крупную роль мужей, то лишил их только внешнего почета и тем предупредил возможность преступных замыслов с их стороны.

4. Виновником всего этого являлся Антипатр, который, поняв страшное действие распущенности отца своего, издавна был его ближайшим советником и рассчитывал скорее всего добиться своей цели, если избавится решительно от всех лиц, которые могли бы оказывать ему сопротивление. И вот, лишив таким образом Андромаха всякого влияния, царь стал подвергать пыткам всех, кого признавал за лиц, преданных Александру, и добиваться, не знают ли они о какой-нибудь интриге против него. Все эти люди умирали, не имея что сказать. Это (еще более) озлобляло царя, так как он не мог допытаться ничего из предполагавшегося им. Антипатр при этом выказал необычайное уменье представлять действительно невинных людей в качестве непоколебимых и преданных приверженцев (Александра) и побуждать тем самым царя к еще более тщательным розыскам в области тайных мероприятий. Однажды одна из многочисленных жертв пытки сказала, что знает, как юноша неоднократно, когда его хвалили за высокий рост и уменье стрелять и прославляли его доблесть, говаривал, что все эти блага, которыми наделила его природа, скорее вредны ему, чем полезны: за них-де отец сердится на него и завидует ему. Поэтому он во время совместных прогулок всегда нагибается, чтобы казаться меньше отца, а на охоте в присутствии отца всегда дает промах, ибо ему хорошо известно завистливое чувство отца ко всяким соперникам. Когда подвергшийся пытке вследствие этих слов почувствовал некоторое облегчение, он присовокупил к сказанному, что Александр в сообществе брата своего Аристовула решил устроить во время охоты засаду и умертвить отца, затем, по совершении этого преступления, бежать в Рим и добиться там утверждения на царском престоле. Вместе с тем было захвачено также письмо юноши к брату, где Александр обвинял отца в несправедливости, так как он предоставил Антипатру область, дававшую доход в двести талантов. Ирод решил, что тут у него в руках имеется уже существенное и непреложное, на его взгляд, доказательство виновности сыновей. Поэтому он распорядился схватить Александра и посадить в тюрьму. Впрочем, он все-таки и теперь еще не успокоился, так как не очень верил доходившим до него слухам (при некотором размышлении царь приходил к выводу, что пока еще нисколько не обнаружились коварные

замыслы юношей, а напротив, только их неудовольствие и известное юношеское самолюбие, да и очевидно было, что убийца никак не отправится в Рим). Вместе с тем он хотел бы иметь в руках какое-либо более солидное доказательство беззаконных происков сына и очень бы не желал, чтобы казалось, будто он слишком поспешно решил посадить его в тюрьму. Поэтому он подверг пытке наиболее выдающихся друзей Александра, загубил множество их, но не добился от них ничего, на что рассчитывал. И вот в то самое время, как Ирод решился на такие мероприятия, а во дворце все было преисполнено страхом и смущением, один молодой человек сказал под пыткой, что Александр поручил своим римским друзьям добиться у Цезаря скорейшего приглашения его (Александра) в Рим, так как он имеет сообщить подробности направленного против императора плана, в силу которого отец его склонил на свою сторону против римлян парфянского царя Митридата. К этому юноша присовокупил, что Александр приготовил и держит в Аскалоне наготове яд.

5. Этому навету Ирод поверил, находя некоторое утешение относительно своей поспешности в льстивых уверениях гнусных приближенных. Впрочем, несмотря на немедленно принятые меры, яда не нашлось. Между тем Александр, упрямо желая преисполнить чашу своих бедствий, нисколько не стал отрицать возводимые на него обвинения, но встретил страстность отца еще большей ошибкой, быть может, с целью пристыдить таким путем отца, столь готового внимать клевете, а быть может, и для того, чтобы в случае, если ему поверят, загубить Ирода со всем его двором. Дело в том, что Александр составил в четырех экземплярах и разослал заявление, где говорилось, что нечего прибегать к пыткам и дальнейшему следствию, так как он действительно составил заговор, в котором приняли участие также Ферора и наиболее преданные друзья его, и что здесь против его воли замешана явившаяся к нему ночью Саломия. Все заговорщики (говорилось далее) пришли к одному и тому же выводу, а именно: решили как можно скорее избавиться от царя и восстановить прочный мир и безопасность. В этом заявлении находились также указания на причастность к делу Птолемея и Сапиния, наиболее преданных царю людей. Старинные друзья теперь свирепствовали друг против друга, как будто бы толь-

ко что всех охватило какое-то ослепление; ни защита, ни обвинения не принимались более в расчет; над всеми тяготело сознание неизбежной роковой гибели. Пока одни томились в оковах, другие шли на смерть, а третьи с ужасом думали о подобной же предстоявшей им самим судьбе, во дворце на месте прежнего веселья воцарились уединение и грусть... Невыносимой показалась Ироду вся жизнь его, он был сильно расстроен; великим наказанием ему было — никому больше не верить и от всех чего-то ожидать. Нередко его расстроенному воображению чудилось, что сын его восстает против него и он видит его подле себя с обнаженным мечом. При таком, длившемся день и ночь, душевном состоянии царя обуяла болезнь, не уступавшая бешенству или (полному) расстройству умственных способностей.

6. В таком положении находился Ирод. Узнав об этом его состоянии, озабочиваясь судьбой дочери и мужа ее и сочувствуя Ироду, с которым был дружен и бедственное положение которого знал, каппадокийский царь Архелай прибыл (в Иерусалим), потому что не делал себе иллюзий насчет действительности. Застав Ирода в таком состоянии, он счел в данный момент совершенно неуместным ни укорять его, ни указывать на преждевременность некоторых его мер; он понимал, что если начнет хулить его, то только укрепит его в настойчивости; если же поспешит защищать, то вызовет в нем лишь еще больший гнев. Поэтому он начал другую тактику: чтобы поправить столь несчастное положение, прикинулся разгневанным на юного зятя своего и говорил, что Ирод еще достаточно мягок, что не предпринимает ничего поспешно. Вместе с тем он указал на свое желание расторгнуть брак дочери с Александром и не щадить даже дочери, если бы оказалось, что она знала что-либо и не донесла о том.

Когда Ирод сверх всякого ожидания нашел Архелая таковым, особенно же когда увидел, как он сердится за него, царь стал несколько мягче и, полагая, что он, по всей видимости, все-таки был не вполне справедлив в своих предшествующих мероприятиях, понемногу дал охватить себя прежнему отцовскому чувству. Однако теперь он оказался вполне достойным сожаления: когда кто-нибудь стал отвергать взведенные на юношу обвинения как клеветнические, он выходил из себя; если же Архелай поддерживал обвинение,

он преисполнялся страшной скорбью, плакал и даже просил его не расторгать брака и не так сердиться на совершенные юношей злодеяния. Когда Архелай нашел, что Ирод смягчился, он стал переносить обвинения на друзей Александра, указывая на то, что молодого и неопытного человека загубили те, и все более навлекать подозрения Ирода на его брата. А так как Ирод и без того был восстановлен против Фероры, то последний, не имея посредника и видя влияние Архелая, сам явился к нему в черной одежде. Видя перед собой в недалеком будущем все признаки неизбежной гибели, он сделал это. Архелай не отказался от заступничества, но вместе с тем указал также на полное свое бессилие скоро убедить царя, находящегося в таком состоянии. Он сказал, что гораздо лучше будет, если Ферора сам отправится просить у него прощения и при этом возьмет всю вину на себя. Таким образом он несколько умерит гнев Ирода, при этом Архелай обещал поддержать его своим присутствием. Убедив Ферору в целесообразности этого, он достиг двух благих результатов: во-первых, юный Александр освобождался от тяготевших над ним клеветнических обвинений, и во-вторых, Ферора примирился с братом. После этого Архелай вернулся в Каппадокию, успев себе, как никто в те времена, снискать благоволение Ирода, который почтил его весьма ценными подарками и, между прочим, торжественно причислил его к наиболее преданным друзьям своим. Вместе с тем он обещал ему также поехать в Рим, тем более что об этом уже было написано императору. До Антиохии они ехали вместе. Тут Ирод устроил примирение между сирийским наместником Титием и Архелаем, которые поссорились друг с другом, и затем вернулся обратно в Иудею[9].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Пробыв в Риме и вернувшись оттуда, Ирод начал войну с арабами по следующему поводу: жители Трахона, область которых император отнял у Зенодора и отдал Ироду, не имели более возможности заниматься разбоями, но были принуждены жить теперь спокойно, занимаясь земледелием. Однако этим они не были довольны, да и земля не щедро вознаграждала труд их. Вначале, впрочем, они воздерживались

от насилий над соседями, потому что царь не допускал этого, и своей заботливостью Ирод стяжал себе великую славу. Когда же он отплыл в Рим с целью обвинить там своего сына Александра и представить императору Антипатра, жители Трахона стали распускать слухи, будто Ирод погиб, отпали от царства и обратились к прежним обычным своим насилиям относительно соседей. Впрочем, тогда их усмирили военачальники отсутствовавшего царя. Около сорока главных разбойников покинули страну в страхе, что их постигнет участь попавших в плен, отправились в Аравию и были там приняты Силлеем в отместку за неудавшийся брак его с Саломиею. Он предоставил им укрепленное место, где они и поселились; отсюда они совершали разбойничьи набеги не только на Иудею, но и на всю Келесирию, причем Силлей оказывал им поддержку в их злодеяниях.

Когда Ирод вернулся из Рима, то узнал, в каком бедственном положении обстоят дела в его стране; а так как он не был в состоянии совладать с разбойниками, благодаря поддержке, оказываемой им арабами, но вместе с тем был вне себя от их злодейств, то отправился в Трахон и стал умерщвлять родственников разбойников. Вследствие этих бедствий разбойники еще более озлобились, а так как у них был закон, в силу которого требовалось всяческим образом мстить убийцам родных, они усиленно продолжали разорять и грабить всю страну Ирода. Тогда царь переговорил об этом с императорскими наместниками Сатурнином и Волумнием и потребовал наказания разбойников. Но от этого те в своем возбуждении стали еще более дерзки, приводили в полное смятение области Иродова царства, разрушали деревни и умерщвляли пленных, так что их беззакония походили на настоящую войну. Теперь число разбойников доходило уже до тысячи. В гневе на это Ирод стал требовать выдачи разбойников и, кроме того, возвращения долга в шестьдесят талантов, которые он при посредстве Силлея дал Ободу и срок отдачи которых миновал. Между тем совершенно отстранивший Обода Силлей самостоятельно правил страной; он отрицал, чтобы в Аравии находились разбойники, отдачу же долга отложил вперед до постановления на этот счет решения Сатурнина и Волумния, наместников сирийских. В конце концов последние постановили, что деньги должны быть выда-

ны Ироду в тридцатидневный срок, равно как должна состояться взаимная выдача подданных. В стране Ирода не нашлось, впрочем, решительно ни единого араба, бежавшего туда вследствие совершения какого-либо преступления или по иной причине, арабам же было доказано, что они дают у себя приют разбойникам.

2. По миновании условленного срока Силлей отправился в Рим, не исполнив ничего из постановленного решения. Ирод стал настойчиво требовать возвращения денег и выдачи разбойников, а так как Сатурнин и Волумний дали ему разрешение пойти на арабов походом, то он во главе войска двинулся на Аравию и сделал в течение трех дней семь (обычных) переходов. Достигнув крепости, где засели разбойники, он приступом взял их всех, сровнял крепость, носившую название Раипты, с землей, но, впрочем, никого при этом не обидел. Арабы под предводительством Накеба поспешили им на помощь, и произошла битва, в которой пало немного людей Ирода, но были убиты сам предводитель Накеб и около двадцати пяти людей его. Остальные обратились в бегство. Наказав их, Ирод переселил в Трахон 3000 идумейцев, которые должны были держать разбойников в повиновении. Затем он отправил находившимся тогда в Финикии (римским) наместникам донесение об этом и сообщил, что он ничем не преступил данного ему относительно арабов полномочия. По точном расследовании наместники нашли это донесение вполне согласным с истиной.

3. Поспешившие в Рим вестники немедленно сообщили Силлею о всем происшедшем и при этом по обыкновению сильно все преувеличили. Силлей тем временем уже успел стать известным императору. Лишь только он узнал о посольстве, как немедленно отправился ко двору, облекшись в черную одежду, и предстал перед Цезарем с жалобой на то, что Аравия опустошена войной и все его царство приведено в смятение, так как Ирод разгромил его со своим войском. Со слезами на глазах он уверял, что 2500 самых лучших арабов пало, и в числе их был убит также предводитель Накеб, его друг и родственник, что богатства, находившиеся в Раипте, разграблены и что никакого внимания не обратили на Обода, который не в состоянии вести войну, так как не было налицо ни его, Силлея, ни ядра арабской рати. Так говорил

Силлей и хитро прибавил, что он сам не покинул бы страны, если бы не был уверен в желании Цезаря, чтобы везде и всюду царствовал мир, и что война не окончилась бы благоприятно для Ирода, если бы он сам оставался дома. Цезарь разгневался на это и стал спрашивать находившихся налицо приверженцев Ирода и его посланных из Сирии о том только, действительно ли Ирод предпринял поход. Так как те были принуждены подтвердить это, император же не входил в рассуждение, по какой причине все это случилось, гнев Цезаря еще возрос, и он написал Ироду резкое письмо, в котором говорил, что, если он обходился с ним раньше как с другом, он будет видеть в нем теперь лишь своего подданного.

Вместе с тем и Силлей сообщил арабам письмом о повороте дела. Арабы воспрянули духом, не стали вовсе выдавать разбойников, искавших у них убежища, и не заплатили денег; напротив, они теперь совершенно свободно овладели пастбищами, которые им Ирод предоставил за плату, и говорили, что вследствие гнева императора царь иудейский смещен. Этим же моментом воспользовались трахонцы, восстали против идумейских гарнизонов и стали разбойничать вместе с арабами, которые разоряли страну иудейскую, преследуя здесь не только цели наживы, но особенно свирепствуя в видах гнусного мщения.

4. Когда Ирод потерял расположение Цезаря, то всем этим крайне опечалился; но он должен был переносить это и еще худшее, что вскоре случилось и что его еще больше расстроило. Дело в том, что Цезарь не принял его посольства, которое царь отправил (в Рим), чтобы оправдаться, равно как отослал обратно без аудиенции и второе посольство. Все это убивало царя и внушало ему опасение; еще больше огорчало его, что Силлей находился в Риме и снискал себе доверие, в то же самое время домогаясь всевозможных льгот. Обод успел тем временем умереть, и власть его над арабами перешла к Энею, изменившему свое имя в Арета. Силлей старался клеветой устранить последнего от власти, чтобы самому овладеть ею, и с этой целью роздал крупные суммы царедворцам, обещая заплатить самому Цезарю тоже большие деньги. Император успел уже рассердиться на Арета за то, что он вступил на престол, не списавшись предварительно с ним. Между тем Арет послал императору письмо и дары, в числе которых находился золотой

венец стоимостью во много талантов. В этом письме он обвинял Силлея, говоря, что это презренный раб, который отравил Обода и еще при жизни его захватил высшую власть, что он совершал постоянные прелюбодеяния с арабскими женами и что он занимал деньги, чтобы таким образом добиться власти. Однако император не обратил на это письмо никакого внимания, но отправил его обратно вместе со всеми дарами.

Между тем положение Иудеи и Аравии все ухудшалось, так как в одной царствовала неурядица, а в другой все расползалось за отсутствием хозяина. Царь арабский пока не имел возможности подавлять всех нечестивцев, так как не успел еще упрочить власть свою; Ирод же был принужден сносить все незаслуженные оскорбления, потому что император сердился на него за его слишком поспешные мероприятия. Не видя исхода из столь бедственного положения, Ирод решил еще раз отправить посольство в Рим с целью вновь снискать себе расположение Цезаря при помощи друзей или непосредственным обращением к самому императору.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Туда уехал Николай Дамасский. В это время дела с семейством и сыновьями стали у Ирода гораздо хуже (прежнего). Вообще, если раньше было очевидно, что злой рок уготовал царю самое ужасное горе, которое может испытать человек, то теперь еще более крупное бедствие постигло царя. Эврикл из Лакедемона, человек, происходивший из довольно знатного рода, но вполне испорченный, равно как отличавшийся большим сладострастием и льстивостью, но умевший скрывать то и другое, приехал к Ироду, привез ему подарки, за которые, впрочем, получил гораздо более ценные, и сумел ловко воспользоваться представившимися обстоятельствами для того, чтобы снискать себе в особенно высокой степени расположение царя. Собственно, он остановился у Антипатра, но посещал больше всего Александра, потому что говорил, что находится в близких отношениях к каппадокийскому царю Архелаю. Таким точно образом он представился также поклонником Глафиры и вообще незаметно сумел всех склонить на свою сторону, причем постоянно следил за всем, что говорилось и делалось, чтобы выводить из этого сплетни.

В конце концов оказывалось, что каждый считал его исключительно своим только другом, тогда как всем прочим казалось, что он общается с другими лишь им на пользу. И так удалось ему склонить на свою сторону юного еще Александра и убедить его в том, что он только ему одному может сказать решительно все. Тогда тот со скорбью рассказал ему о своем отчуждении от отца, сообщил ему о судьбе своей матери и об отношениях к Антипатру, как последний, отстранив их совсем, пользуется теперь неограниченной властью. Все это, говорил Александр, прямо невыносимо, тем более что отец настолько уже всех их возненавидел, что не принимает больше участия в их обедах и вовсе не говорит с ним. Так, вполне естественно, поведал ему Александр все, о чем скорбел.

Все эти разговоры Эврикл передал Антипатру, указывая на то, что он делает это не из корыстных или личных целей, но потому, что его, которого Антипатр принял с такими почестями, совершенно подавляет вся серьезность этого положения; он присовокупил еще совет остерегаться Александра. Вероятно, говорил он, все это было сказано неспроста: очевидно, что в основании всех этих слов лежит какое-нибудь крайнее решение. Видя в этом доказательство его дружбы и расположения, Антипатр стал теперь делать Эвриклу при разных случаях подарки и в конце концов уговорил его даже сообщить о всем Ироду. Царь из его убедительных речей вполне вывел заключение о правильности неприязни Александра, и Эвриклу постоянными ловкими нашептываниями удалось настолько настроить и возбудить царя, что ненависть последнего не знала теперь пределов. Это он показал сейчас же, сделав Эвриклу подарок в пятнадцать талантов. Получив эти деньги, Эврикл поехал к каппадокийскому царю Архелаю и стал там восхвалять Александра и Ирода, говоря, что он сам оказал ему крупную услугу, примирив Александра с отцом его. Получив затем деньги и от Архелая, он уехал раньше, чем обнаружилась его гнусность. Впрочем, и в Лакедемоне Эврикл не прекратил своего скверного образа жизни и за целый ряд гнусностей был затем изгнан из отечества.

2. Иудейский царь теперь уже относился к Александру и Аристовулу не так, как прежде, когда он только выслушивал возводимую на них клевету. Он стал настолько озлоблен против них, что, если ему не клеветали на них, сам доискивался

чего-либо, заставляя следить решительно за всем, все разузнавая и охотно слушая каждого, кто мог сказать против юношей что бы то ни было. (И вот он узнал)[10], что Эварат с острова Коса вошел в соглашение с Александром. Это известие доставило Ироду особенное наслаждение.

3. Так как клевета против юношей росла и все как будто видели особую, так сказать, заслугу в том, что могли сообщить относительно их что-либо тяжкое, донесение о чем могло казаться преследующим лишь благо царя, то случилось нечто весьма серьезное в жизни молодых людей. У Ирода было два телохранителя, Юкунд и Тиранн, особенно ценимые им за силу и рост. Царь рассердился на них и удалил их от себя; и вот они стали сопровождать Александра, который ценил их за их гимнастическую ловкость, давал им кое-какие деньги и вообще делал им разные подарки. Царю немедленно они показались подозрительными, и он велел подвергнуть их пытке. Сперва они долго крепились, но затем сознались, что Александр убеждал их умертвить Ирода, если он во время охоты за дикими зверями очутится вблизи их. Тогда-де возможно будет сказать, что царь свалился с лошади и упал на их копья, как это раз с ним действительно и случилось. Вместе с тем они показали, что в конюшне у них зарыто золото, и обвинили начальника охоты в том, что он дал им копья из царского арсенала, равно как по приказанию Александра снабдил оружием также и слуг последнего.

4. После них был схвачен также комендант крепости Александреума и подвергнут пытке. Его обвинили в том, что он хотел принять в эту крепость (царственных) юношей и выдать им хранившуюся там царскую казну. Однако он не признался в этом, но явившийся Иуда, сын его, подтвердил правильность обвинения и представил, видимо, писанное рукой Александра письмо следующего содержания: «Если мы, с Божьей помощью, совершим все то, что имеем в виду, то мы прибудем к вам. Поэтому, сообразно обещанию, приготовьте все к нашему приему в крепости». После получения этого письма Ирод уже нисколько не сомневался в существовании заговора сыновей против него. Александр, однако, уверял, что писец Диофант подделал его почерк и вся эта записка является плодом коварства Антипатра. Диофант слыл знатоком своего дела и впоследствии умер, изобличенный в таком же точно поступке.

5. Всех тех, кто подвергся пытке, царь представил в Иерихоне толпе народной, дабы добиться обвинения сыновей своих. Чернь побила их собственноручно камнями. Когда же толпа приготовилась подобным же образом умертвить и Александра, царь удержал ее от этого и выслал для успокоения ее Птолемея и Ферору. Юношей заключили под стражу и учредили за ними тщательный надзор; к ним более не допускали никого, все их поступки и слова замечались, одним словом, они очутились в ужасном положении бесчестных преступников. Один из арестантов, именно Аристовул, был доведен до такого отчаяния, что заставил даже свою тещу и тетку (Саломию) пожалеть о постигших его бедствиях и возненавидеть виновника их. «Разве, — говорил он, — и тебе не угрожает опасность гибели, потому что о тебе клевещут, будто ты, в надежде на брак с Силлеем, сообщаешь ему все здесь происходящее?» Впрочем, та немедленно поспешила сообщить об этих речах брату. Последний тогда более уже не мог сдержать себя, приказал заковать их в оковы и разлучить, а также велел им самим написать императору, какое зло они причинили отцу своему. Так им это было велено, но они написали, что вовсе не злоумышляли против отца своего и не принимали никаких мер относительно его; что они (правда) задумали бежать, да и то по необходимости, потому что вечные подозрения делали им жизнь невыносимой.

6. Около этого времени из Каппадокии от Архелая прибыл посол, некий Мела, который принадлежал к числу сановников царя. Ирод, желая ему доказать нерасположение к нему Архелая, велел позвать Александра, который и явился, как был, в кандалах, и вновь стал расспрашивать его, куда и как (братья) решили бежать. Александр сказал, что к Архелаю, потому что последний обещал доставить их в Рим. Впрочем, говорил он, они не имели в виду ничего неуместного или гнусного относительно отца и нет ни слова правды в том, в чем обвиняют их бессовестные противники. Им бы хотелось, в видах более точного расследования, чтобы Тиранн и его товарищи еще оставались в живых, но и их загубили скорее, причем Антипатр подослал в народ своих собственных клевретов.

7. При этих словах его царь приказал отвести Мелу и Александра вместе к дочери Архелая Глафире и спросить у нее, не знает ли она чего-либо относительно злого умысла против

Ирода. Лишь только они явились и Глафира увидала Александра в оковах, как стала биться головой об стену и вне себя громко и жалостно рыдать. У молодого человека также выступили на глазах слезы, и всем присутствующим зрелище это было крайне тягостно, так что они долго не были в состоянии сделать или говорить то, ради чего явились. Несколько позже Птолемей, которому было поручено привести Александра, обратился с просьбой сказать, знала ли его жена что-либо из его планов, и тогда Александр воскликнул: «Да разве она этого не знала, она, которую я люблю больше жизни своей и которая является матерью детей моих?» На это Глафира с рыданиями отвечала, что она не знала ни о чем дурном, если же она тем сможет способствовать спасению мужа, то она готова лгать на себя и рассказать все что угодно. Александр сказал: «Ни я сам, ни ты, мы не знаем ни о чем гнусном, что предполагают те, кому это всего менее к лицу; тебе известно только, что мы решили удалиться к Архелаю, а оттуда в Рим». Когда Глафира, в свою очередь, подтвердила это, Ирод, полагая, что он изобличил Архелая в происках против него, вручил Олимпу и Волумнию письма и приказал им во время проезда отдать их в Элеусе Киликийском, выразить ему свое неудовольствие на то, что он принял участие в заговоре сыновей его, а оттуда поехать в Рим; если там Николай сообщит им, что Цезарь более не гневается на него, то пусть они вручат ему прилагаемые письма, которые вполне изобличают козни юношей. Архелаю удалось оправдаться признанием, что он действительно собирался принять у себя юношей, но лишь с целью оказать пользу им и их отцу, дабы последний в своем гневе на возводимые против них обвинения не прибег к слишком крутым мерам; при этом Архелай совершенно отрицал свое намерение направить юношей к императору, равно как не обещал им ничего, что могло бы служить доказательством его отпадения от Ирода.

8. Когда посланные приехали в Рим, им вскоре представился случай вручить письмо императору, уже успевшему примириться с Иродом. Посольство Николая постигла судьба такого рода: когда он прибыл в Рим и явился ко двору, то решил говорить сперва не только о цели своего приезда, но и прямо приступить к обвинению Силлея. Дело в том, что арабы, еще до его прибытия, очевидно, распались

на враждебные друг другу партии. Надеясь найти поддержку в нем, многие арабы примкнули к Николаю, сообщили ему о всех преступлениях, совершенных Силлеем, и доставили ему очевидные доказательства того, что он умертвил весьма многих приближенных Обода. У них в руках были и письма, попавшие к ним во время ссоры и вполне изобличавшие Силлея. Видя в этом особенно благоприятный случай, Николай воспользовался им для приведения своих намерений в исполнение и ревностно занялся примирением Ирода с Цезарем. Он отлично понимал, что если вздумает оправдывать образ действий Ирода, то не достигнет ничего, и поэтому решил обвинять Силлея, полагая, что тут представится случай замолвить словечко и за Ирода. Когда при таком положении дел был назначен день для разбора обоюдных жалоб, Николай в присутствии послов Арета стал во многом обвинять Силлея, особенно же в том, что он умертвил царя и многих арабов, что он занимал деньги не для полезных мероприятий, и доказал, что он виновен в изнасиловании не только многих арабских, но и римских женщин. Ко всему этому он присоединил затем самое важное обвинение а именно — что он обманул Цезаря, рассказав ему совершенно неправильно о поступках Ирода. Когда Николай дошел до этого пункта, Цезарь остановил его, требуя, чтобы он говорил лишь об Ироде, правда ли, что тот повел свое войско на Аравию, что он умертвил 2500 жителей и подверг страну разграблению и увел массу пленных. Николай сказал, что именно об этом он и собирался говорить и объяснить, что ничего не произошло из того, что донесли императору, и что вполне несправедливо сердиться на все это. При таком неожиданном обороте дела Цезарь стал особенно внимательно слушать Николая, который рассказал о ссуде в пятьсот талантов и о существовании расписки, в которой сказано, что, если будет пропущен срок платежа, Ироду предоставляется право гарантировать себе уплату захватом всей территории. При таких условиях, говорил он, весь поход царя является уже не походом, а лишь поездкой с целью потребовать себе обратно собственные свои деньги. К тому же и этот поход не был предпринят скоро и опрометчиво и не совпал со сроком обязательства. Ирод решился на крайнюю меру лишь после того, как неод-

нократно обращался к содействию сирийских наместников Сатурнина и Волумния и после того, как Силлей, наконец, в присутствии их поклялся именем императора, что он в тридцатидневный срок уплатит деньги и выдаст Ироду бежавших из Иудеи к нему подданных его. А так как Силлей не сдержал своего обещания, то Ирод опять отправился к (римским) наместникам; когда же они разрешили ему взять свое, то и тогда он нехотя выступил со своим войском. «Такова-то была война, — сказал Николай, — каковой представляли ее тебе эти артисты, таков был весь поход. Какая же это война, разрешение на которую дали твои собственные военачальники, которую допускал договор, причем подверглось поруганию имя не только прочих богов, но и твое собственное, Цезарь? Теперь же мне следует поговорить также относительно пленных. Бежавшие от гнева Ирода сперва сорок трахонских разбойников, а потом и больше, сделали своим убежищем Аравию. Их принял к себе Силлей и стал кормить их назло всем прочим обитателям страны. Им он роздал земли, и с ними он сам делил добычу от грабежей их. Он клятвенно обещал выдать этих людей (Ироду) в день возвращения своего долга, но и теперь еще нельзя указать ни на кого, кто был бы уведен царем из Аравии, кроме именно этих разбойников, притом даже не всех, а тех лишь, которые не нашли возможности скрыться. И вот, так как вся история о пленниках является ложным и злобным измышлением, то ты, Цезарь, узнаешь, какое огромное здание лжи воздвиг Силлей для того только, чтобы вызвать гнев твой. Я утверждаю, что когда на нас напала арабская рать и лишь после того, как на стороне Ирода пал один или двое, а Ирод слабо отбивался, явился на поле битвы арабский военачальник Накеб, потерявший при этом случае около двадцати пяти воинов. Число их Силлей умножил на сто и заявил, что пало две тысячи пятьсот человек».

9. Это еще более подействовало на императора, и, обратясь к Силлею, он, преисполненный гнева, спросил, сколько арабов пало. Когда тот смутился и сказал, что его ввели в заблуждение, тогда были прочитаны письменный договор, документы наместников и целый ряд жалоб (разных) городов на грабежи. Цезарь был вне себя от ярости, так что присудил было Силлея к смертной казни; затем он помирился с

Иродом, высказал ему сожаление по поводу слишком резкого письма своего, вызванного клеветой, и упрекнул Силлея в том, что тот лживым доносом принудил его опозорить преданного друга. В конце концов Силлей был отправлен домой для того, чтобы исполнить свои обязательства согласно договору, а затем потерпеть заслуженное наказание. Цезарь, однако, не благоволил Арету за то, что он не через него, а самовольно сел на престол. Он решил было отдать и Аравию Ироду, но от этого его удержали посланные последним письма. Узнав о том, что император (вновь) благосклонен к Ироду, Олимп и Волумний, сообразно приказанию царя, решили немедленно вручить Цезарю письменное извещение о виновности сыновей Ирода. По прочтении этих писем император решил, что будет неудобно предоставить новую область старику, который не в ладах со своими собственными детьми. Поэтому он принял послов Арета и, укорив их только в том, что царь их поступил слишком поспешно, не дождавшись с его стороны утверждения на престоле, взял у них дары их и утвердил за Аретом власть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Примирившись с Иродом, император написал ему об этом, выразил свое соболезнование по поводу неурядиц его с сыновьями и сказал, что, если последние действительно решились на какую-либо крайнюю меру, с ними следует обойтись как с отцеубийцами, на что он его сам и уполномочивает; если же они имели в виду только бегство, то ему следует изменить свое решение и не предпринимать относительно их ничего серьезного. При этом Цезарь советовал ему созвать суд в Берите, где имелось римское население, пригласить туда наместников и каппадокийского царя Архелая, равно как всех тех, кого Ирод считает настоящими и неизменными своими друзьями, и порешить с ними, как поступить в данном случае. Такое письмо Цезарь послал Ироду. По получении его царь очень обрадовался состоявшемуся примирению, но еще более был доволен, что ему предоставлена относительно своих сыновей полная свобода действий. И поскольку прежние несчастья сделали его человеком тяжелым, хотя и не могли бы подвигнуть его на кро-

вавую расправу с собственными детьми, постольку он теперь, ввиду поворота дел к лучшему и возвращения свободы действий, совершенно отдался мощному чувству своей ненависти. Итак, он послал в суд такое количество человек, какое ему заблагорассудилось, за исключением, впрочем, одного Архелая: он не считал возможным пригласить его ввиду его враждебности, а также оттого, что предусматривал с его стороны серьезный отпор.

2. Когда в Берит прибыли (римские) наместники и все вызванные царем из различных городов, Ирод поместил сыновей своих (не желая их представлять судьям) в сидонской деревушке Платане, вблизи города, чтобы всегда иметь возможность представить их в случае их вызова в суд. Сам он лично предстал перед полуторастами судьями и начал свое обвинение, которое казалось не слишком тяжким, поскольку его принуждали к тому печальные обстоятельства, но которое было совершенно неуместно в устах отца относительно детей своих. Он был крайне раздражен и выходил из себя, доказывая виновность юношей; при этом он выказал явные признаки своего гнева и необузданной дикости, не давая судьям возможности лично проверять доказательства виновности, но повторяя свое недостойное отца обвинение детей, сам читая их письма, в которых, впрочем, вовсе не упоминалось ни о заговоре, ни о каком-либо другом преступном замысле, но где только говорилось об их планах бегства и встречались некоторые крупные резкости по его адресу, вызывавшиеся его собственной враждебностью к детям. На таких местах царь возвышал голос и говорил, что тут лишнее доказательство очевидного существования заговора, причем клялся, что охотнее лишился бы жизни, чем выслушивать такие речи. В заключение он сказал, что как по природе, так и в силу предоставленной ему императором власти он имел бы право решить данный вопрос по собственному усмотрению, и привел древнее постановление, в силу которого, если родители человека выступали против него с обвинением и возлагали руки свои на голову сына, последний обязательно подвергался побитию камнями со стороны всех присутствовавших при этом. Несмотря на то, что он (царь) властен делать в своей стране и в своем царстве все что угодно, он все-таки готов выслушать приговор судей. Последние, говорил

он, здесь не столько в качестве судей, долженствующих вынести приговор по очевидному преступлению детей, которые его чуть не погубили, сколько в качестве свидетелей, имеющих возможность понять гнев его, так как никто, даже иноземец, не отнесется безучастно к столь коварному замыслу.

3. После этой речи царя судьи, даже не пригласив юношей в заседание для возражения на обвинения, решили, что невозможно смягчить гнев Ирода или побудить его к примирению, и поэтому согласились с ним. Первым высказал свое мнение Сатурнин, бывший консул и человек с весом, выражаясь сдержанно, как то подобало его высокому общественному положению. Он сказал, что Ирод может судить сыновей своих, но не считает его вправе умерщвлять их. Он-де говорит как отец, также имеющий сыновей, и оставался бы при своем мнении даже при более тяжких условиях, если бы дети его причинили ему даже более крупное горе. За ним высказались совершенно в таком же точно смысле и сыновья Сатурнина; их было трое, и они сопровождали отца своего в качестве легатов. Волумний, напротив, настаивал на смертной казни людей, совершивших такое преступление относительно отца своего. То же самое по очереди говорило и большинство судей, так что казалось, что теперь уже ничто не спасет юношей от смерти.

Вдруг Ирод увез юношей в Тир. Сюда прибыл к нему из Рима Николай. Рассказав ему предварительно обо всем, происшедшем в Берите, царь стал расспрашивать его, какого мнения держатся его римские друзья насчет сыновей его. Тот ответил, что друзья считают их намерения преступными, но советовал при этом заключить их только в тюрьму и стеречь их там. «Если ты, впрочем, — сказал он, — все-таки решишь казнить их, то сделай это погодя, чтобы не навлечь на себя обвинения, будто ты действовал по внушению гнева, а не рассудка. Если же ты, напротив, думаешь помиловать их, то отпусти их, чтобы не вызывать на себя еще большей и окончательно непоправимой беды. Таково мнение и большинства твоих римских друзей». Он умолк, а царь погрузился в глубокое раздумье и затем приказал Николаю ехать вместе с ним.

4. Когда Ирод приехал в Цезарею, все население тотчас стало говорить только о его сыновьях, и вся столица была в волнении, какой исход примет дело. Страх обуял всех при мысли,

что старая неурядица приведет теперь к крайне тягостному концу и, хотя все сочувствовали страданиям (узников), без риска нельзя ничего говорить и даже слушать других. Все скрывали в душе свое соболезнование и заметно переносили страшнейшие страдания. Впрочем, нашелся некий ветеран, по имени Тирон, сын которого, будучи сверстником Александра, находился в дружественных отношениях с последним. Все то, о чем думали другие и о чем они молчали, он свободно высказывал, причем неоднократно и без стеснения говорил народу, что истина погибла, что справедливость в людях исчезла, что ложь и порочность овладели ими и что дела находятся в таком неприглядном свете, что преступники не видят даже всего ужаса человеческих страданий. Все это он говорил свободно, подвергаясь при этом значительной опасности. Правильность его взглядов трогала всех, так как он столь смело и мужественно выступил с ними в такую минуту. Поэтому все, кто слышал его речи, относились к нему с уважением и с удивлением взирали на его бесстрашие, в то самое время как сами считали более безопасным хранить молчание. Перспектива самим пострадать заставляла всех разделять его взгляды.

5. Тирон затем явился совершенно свободно к самому царю и потребовал, чтобы ему позволили переговорить с ним один на один. Когда ему была дана эта возможность, он сказал: «Не будучи, о царь, в состоянии удерживаться долее в таком бедственном положении, я решился рискнуть своей личной безопасностью и позволить себе эту вольность, которая, однако, необходима в твоих же собственных интересах и принесет тебе пользу, если ты только как следует отнесешься к ней. Куда девался твой рассудок, (очевидно) тебя покинувший? Где тот тонкий ум, при помощи которого ты совершил столько великих деяний? Почему это тебя покинули друзья твои и близкие тебе люди? Я не в состоянии признать в приближенных твоих искренне преданных тебе друзей, которые спокойно взирают на такое злодеяние, совершаемое в некогда столь счастливой стране. Разве ты сам не хочешь понять, что делается? Неужели ты собираешься умертвить двух юношей, которых родила тебе твоя царственная супруга, юношей, наделенных всякими преимуществами, и на старости лет отдашься в распоряжение сына, который плохо оправдал возлагаемые на него надежды, или в распоряжение родных, кото-

рых ты сам уже столько раз приговаривал к смерти? Разве ты не можешь понять, что молчащая чернь все-таки видит совершаемое преступление и преисполняется ненависти к этому бедствию и что солдаты, особенно же их начальники, питают сострадание к несчастным и вместе с тем ненависть к виновникам всего этого?» Сначала царь выслушивал все это довольно безучастно; но он, естественно, рассвирепел, когда Тирон прямо коснулся его слабого места и упомянул о неверности его приближенных. В свою очередь, Тирон, по необразованности не применяясь к обстоятельствам, постепенно расходился все более и более и говорил с солдатской развязностью. Тогда Ирод сильно возмутился и принял слова его скорее за поношение, чем за полезный совет. Когда же царь услышал о неудовольствии солдат и о возбуждении их предводителей, то приказал схватить и посадить в тюрьму всех тех, кого поименовал Тирон, равно как его самого.

6. Этим случаем ловко воспользовался некий Трифон, царский брадобрей. Явившись к царю, он заявил, будто Тирон неоднократно уговаривал его зарезать Ирода бритвой во время исполнения его служебных обязанностей. При этом будто бы старик указывал ему на то, что таким путем Трифон добьется высокого положения у Александра и получит от него крупные подарки. После этого царь велел схватить Трифона и подвергнуть пыткам Тирона, его сына и брадобрея. Тирон оставался непреклонен, но сын его, видя, как уже измучен отец, и не имея никакой надежды на спасение, наоборот, предвидя для себя еще большие мучения вследствие бедственного положения старика, обещал поведать царю всю правду, лишь бы только такой ценой избавить от пытки и истязаний самого себя и отца своего. Когда царь честным словом обещал ему это, он объявил, что было решено, чтобы Тирон лично расправился с Иродом, так как, оставаясь с ним наедине, такого рода замысел мог быть легко приведен в исполнение; в таком случае по совершении этого намерения он мог, наверное, рассчитывать на благодарность и признательность со стороны Александра. Этими словами юноша действительно избавил отца своего от пытки; остается лишь неизвестным, сказал ли он сущую правду или выдумал все это, чтобы избавить себя и родителя своего от тяжкого положения.

7. Если Ирод раньше хоть несколько задумывался и в тайни-

ках души своей стыдился казнить сыновей своих, то теперь он устранил все, что могло бы его подвигнуть на более гуманное решение, и спешил поскорее привести свое намерение в исполнение. Сперва он вывел на площадь 300 обвиненных начальников, Тирона с сыном и обвинявшего их брадобрея. Всех их он осудил, а чернь закидала их насмерть всем, что попадало ей под руку. Александр и Аристовул были доставлены в Себасту и казнены там, по повелению отца, через повешение. Трупы их ночью были похоронены в Александреуме, где уже покоились их дядя со стороны матери и весьма многие из предков.

8. Вероятно, кое-кому покажется довольно неестественным, что давно питаемая ненависть могла возрасти до таких пределов и, перейдя все границы, побороть даже самую природу. Равным образом можно было бы спросить, какая вина была возведена на юношей: разве они чем-нибудь основательным довели отца своего до такого гнева, что впоследствии уже никак не могли примирить его с собой? Или, быть может, он был так бессердечен, так властолюбив и тщеславен, что не терпел рядом с собой никого, лишь бы одному нераздельно владеть всем? Или следует признать здесь вмешательство рока, который в состоянии осилить всякое самое толковое рассуждение, того рока, который, как мы уверены, неизбежно направляет все деяния людей, которые мы называем судьбой и помимо которого не случается ничего? Мне кажется, будет вполне достаточно определить это представление совершенно различным от того, в силу которого мы якобы сами себе приписываем все и становимся лично ответственными за все свои начинания. Впрочем, обо всем этом еще раньше нас дал свое определение закон. Что касается двух других причин, то, пожалуй, можно было бы упрекнуть юношей в том, что они в своем юношеском самообольщении и своем царственном тщеславии были доступны всяким возводимым на отца наветам, что они недостаточно терпимо относились к его поступкам и привычкам, что они легко верили всем гнусностям и не были сдержанны на язык; вследствие обеих последних причин нетрудно было поймать их шпионам, следившим за ними и доносившим о них в угоду царю. Однако и отец их, очевидно, никак не может рассчитывать на оправдание своего преступного решения, так как вовсе не собрал достаточно ясных улик существования

заговора и рискнул умертвить собственных детей своих без достаточного расследования. Между тем эти сыновья его были красивы и популярны, никому ни в чем не уступали, были одинаково искусны как на охоте, так и на войне и при случае могли блеснуть красноречием. Во всем этом они преуспевали, особенно старший, Александр. Если Ирод решил уже окончательно осудить их, то было бы достаточно, оставляя их в живых, бросить их в темницу или изгнать их и держать вдали от власти, причем римское могущество представило бы ему полную гарантию того, что они не повредили бы ему ни нападением, ни каким-либо насильственным действием.

Между тем столь поспешная казнь сыновей, вызванная лишь обуявшей его страстностью, является доказательством его необузданной преступности; при этом он совершил такое преступление в старческом уже возрасте. Вместе с тем его не может извинить также то обстоятельство, что он так долго тянул дело и постоянно откладывал казнь. Иногда бывает, что человек в (первом) волнении решается на какой-нибудь неуместный поступок; но если он обдумывает этот поступок и колеблется, то решаясь на него, то опять отступая, и в конце концов все-таки приводит его в исполнение, это доказательство гнуснейшей кровожадности характера. Это Ирод действительно впоследствии и подтвердил, не остановясь перед казнью остальных своих друзей, которых особенно любил; хотя о них и можно было сожалеть меньше, так как они вполне заслужили гибель, однако и здесь царь проявил прежнюю жестокость и не пощадил никого. Впрочем, об этом ниже придется еще говорить.

Книга семнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как Антипатр, благодаря убийству братьев, навлек на себя ненависть всего народа и как он поэтому старался крупными денежными суммами склонить на свою сторону правителей римских, сирийского наместника Сатурнина и его чиновников.

2. О том, как царь Ирод, убежденный, что область трахонская не может процветать вследствие вторжений арабов, пригласил к себе происходившего из Вавилонии и жительствовавшего в Антиохии иудея Замариса и поселил его в Трахоне, пользуясь им в качестве оплота против арабов.

3. О том, как Антипатр уговорил отца своего, когда последний усыновил детей Александра и Аристовула и помолвил их с дочерьми Фероры, помолвить их с его (Антипатра) сыновьями, и о том, как он затем льстил Фероре, чтобы воспользоваться им впоследствии для интриг против своего же отца.

4. О том, как сестра царя, Саломия, все это поняла и тайно сообщила о том брату.

5. О том, как Ирод запретил Антипатру посещать Ферору и вообще водить с ним дружбу; о том, как Антипатр преступил это запрещение, правда, не открыто, но втайне, и как это немедленно стало известно Ироду.

6. О том, как Антипатр послал своим римским друзьям письма с просьбой отписать его отцу и побудить Ирода отправить его с крупными денежными суммами к императору; о том, как Ирод склонился на это и действительно отправил своего сына.

7. О том, как Антипатр уговорил Ферору отравить Ирода и как он доставил Фероре яд; о том, как царь Ирод предоставил брату своему Фероре выбор между устранением жены или удалением из страны; о том, как Ферора согласился на первое, удалился в свою тетрархию и немного спустя после этого умер.

8. Обвинение жены Фероры его братом, будто она отравила мужа; о том, как Ироду во время расследования дела попался в руки яд, который заготовил для него сын его Антипатр, и как Ирод при помощи пытки узнал о всех интригах Антипатра.

9. О возвращении Антипатра из Рима к отцу; о том, как его обвинил Николай Дамасский, как он был приговорен отцом своим к смерти и брошен тогдашним сирийским наместником Квинктилием Варом в тюрьму до утверждения приговора императором.

10. О посольстве Ирода к императору по делу Антипатра и о том, как император приговорил последнего к смерти, убедившись в основательности обвинения.

11. О болезни Ирода; о возникшем вследствие этого волнении среди иудеев; о том, как бунтовщики были наказаны.

12. О том, как Антипатр, полагая, что Ирод умер, хотел уговорить тюремщика освободить его. Результат этого — казнь Антипатра.

13. О смерти Ирода; его завещание в пользу императора и о разделе владений среди его троих сыновей; Архелай назначается царем иудейским.

14. Письмо Ирода к войску; о его подарках каждому солдату. Его сын Архелай провозглашается царем.

15. О погребении Ирода в крепости Иродиаде. О том, как народ восстал против его сына Архелая во время пасхальных праздников.

16. О том, как Архелай распорядился перебить 3000 бунтовщиков и как он сам в сопровождении своего брата Ирода поехал к императору в Рим, причем поручил управление делами своему брату Филиппу.

17. О том, как императорский наместник сирийский, Сабин, силой проник в Иерусалим и потребовал от чиновников Архелая выдачи сокровищ Ирода и передачи крепостей.

18. О том, как чиновники Архелая побудили народ взяться за оружие и осадить Сабина с его отрядом в Антонии; о том, как узнавший об этом Вар явился во главе огромной рати к Иерусалиму, сместил Сабина, наказал зачинщиков мятежа, ввел в Иудее порядок и донес императору обо всем случившемся.

19. О том, как император утвердил завещание Ирода и гарантировал его сыновьям право преемства. О том, как Архелай был обвинен своими родственниками перед императором, как он оправдался и был утвержден царем, как его после десятилетнего гнусного правления вновь обвинили, как он был сослан в Виенну и как император провозгласил его страну римской провинцией.

Содержание книги обнимает период в 14 лет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. После того как Антипатр погубил своих братьев и заставил отца решиться на гнуснейшую относительно их крайность и безбожную преступность, ему уже не приходилось рассчитывать впоследствии на особенную жизненную удачу. Хотя он и был избавлен от страха за прочность своей власти вследствие невозможности вмешательства со стороны братьев, но находил, что овладеть царством представит ему крупные затруднения и тягости: так глубоко внедрилась в народе ненависть против него. Если уже это было для него весьма тягостно, то еще более огорчало его нерасположение к нему войска; а между тем на войске всегда зиждилось внутреннее благополучие, если чернь проявляла склонность к мятежам. Такую опасность уготовила ему гибель его братьев. Тем не менее он был теперь соправителем отца своего и собственно

настоящим царем; отец ему доверял больше прежнего, причем Антипатр укрепил свое положение именно тем, за что он, собственно, был достоин гибели, но при этом он загубил братьев своих, как будто бы заботясь о спасении Ирода, а не потому, что его побуждала к тому ненависть к этим братьям; больше их он сам был враждебен отцу своему. Такие мучения терзали теперь Антипатра. Он во всем этом положении предвидел возможность удалить со своего пути Ирода и тем предупредить, что кто-либо станет обвинять его в чем-нибудь и этим поставит его в затруднение; с другой стороны, он предвидел для Ирода возможность найти поддержку, если бы он, Антипатр, открыто выступил в качестве его врага. И вот, подобно тому как одна лишь ненависть к отцу побудила его посягнуть на братьев, эта же самая ненависть теперь еще более подзадорила его не выпускать из рук начатого дела. Он рассчитывал, что если Ирод умрет, то он тем самым прочно утвердит за собой власть, если же дольше останется в живых, то это лишь усугубит его опасность, потому что раскрытие всех тех планов, которые он затеял по необходимости, заставит отца смотреть на него как на заклятого врага. Поэтому он не щадил средств, чтобы снискать себе расположение приближенных отца, стараясь крупными денежными подарками подавить ненависть многих к себе и особенно добиваясь путем блестящих и щедрых даров снискать благоволение друзей своих в Риме, на первом же плане расположение сирийского наместника, Сатурнина. Щедростью даров он надеялся склонить на свою сторону также и брата Сатурнина, равно как сестру царя, которая была замужем за одним из виднейших приближенных Ирода. В искусстве притворяться другом людей, с которыми он общался, он достиг величайших результатов и снискал доверие; вместе с тем он сумел отлично заглушить во многих ненависть к себе. Впрочем, он не был в состоянии обмануть свою тетку, которая уже давно его поняла, которую нельзя было ввести в заблуждение и которая вполне приготовилась оказать отпор его гнусным начинаниям. Несмотря на то, что ее дочь была замужем за дядей Антипатра со стороны матери (причем этот дядя женился на ней, которая раньше была женой Аристовула, благодаря посредничеству и заботливости именно Антипатра, тогда как другая дочь ее была замужем за Каллеем, сыном

Саломии от второго брака), однако это родство не могло оградить его от того, что вся его гнусность была понята. Так же точно его не избавили от (всеобщей) ненависти и прежние его родственные отношения. Дело в том, что Ирод заставил Саломию, влюбленную в араба Силлея и желавшую выйти за него замуж, вступить в брак с неким Алексом. При этом Ироду оказывала поддержку (императрица) Юлия; она-то именно и уговорила Саломию не отказываться от этого брака, чтобы не вызывать открытой вражды, так как Ирод поклялся, что поссорится с Саломией, если она не выйдет за Алекса. Саломия подчинилась отчасти потому, что ее уговаривала Юлия, жена самого Цезаря, а отчасти и потому, что та указала ей на всю выгоду этого брака. В это же самое время Ирод отправил дочь царя Архелая, бывшую замужем за его сыном Александром, назад к отцу ее и вернул ей из своих личных средств ее приданое, чтобы не было на этот счет никаких недоразумений между ними.

2. Ирод сам весьма заботливо занялся воспитанием детей сыновей своих (у Александра было от Глафиры двое мальчиков, а у Аристовула от Береники, дочери Саломии, трое мальчиков и две девочки); когда его навещали друзья, он показывал им внуков и при этом (всегда) оплакивал судьбу, постигшую его собственных сыновей. При этом он молил Бога, чтобы его внуков не постигла подобная же участь, но чтобы они росли в добродетели и любви к справедливости и тем отплатили ему за все его попечения о них.

Когда внуки его достигли соответственного возраста, он подумал об их браке и помолвил старшего из сыновей Александра с дочерью Фероры, а сына Аристовула с дочерью Антипатра; одну из дочерей Аристовула он решил выдать замуж за сына Антипатра, другую же дочь Аристовула — за своего собственного сына Ирода, который родился у него от дочери первосвященника. У нас ведь в обычае, что мужчина в одно и то же время имеет нескольких жен[1]. Эти помолвки царь устроил из сострадания к сиротам, думая путем нового родства вызвать в Антипатре расположение к ним.

Однако Антипатр не преминул выказать к этим юным существам такую же неприязнь, какую он питал к их родителям, своим братьям; заботливость Ирода о них только раздражала его, так как он предполагал, что влияние их будет

гораздо больше влияния их отцов и что особенно, когда они подрастут, царь Архелай станет поддерживать своих внуков, да и Ферора, который уже был тетрархом, даст одну из девушек в жены сыну своему. Вместе с тем его возмущало также простонародье своей постоянно выказываемой жалостью к сиротам, а также тем, что оно из ненависти к нему всячески доказывало непримиримую вражду его относительно братьев. Поэтому он особенно старался побудить отца к отмене его решения, устрашая его представлениями об опасности, связанной с дарованием (юношам) такой силы. Наконец, Ирод уступил просьбам Антипатра, так что последний сам решил жениться на дочери Аристовула, а его сын — на дочери Фероры. Таким образом, состоявшиеся помолвки были, благодаря уступчивости царя, отменены.

3. У царя Ирода в это время было девять жен: мать Антипатра, дочь первосвященника, которая родила ему сына его же имени (Ирода), дочь его брата и дочь его сестры, у которых обеих, впрочем, не было детей. В числе его жен находилась также одна самарянка, от которой он имел двух сыновей, Антипаса и Архелая, и дочь Олимпиаду, которую впоследствии взял в жены Иосиф, племянник царя. Архелай и Антипас воспитывались у одного частного лица в Риме. Кроме того, женой Ирода была также иерусалимская гражданка Клеопатра, от которой у него были сыновья Ирод и Филипп, также воспитывавшиеся в Риме. Другая жена его была некая Паллада, родившая ему сына Фасаила. Помимо этих жен, он жил еще с Федрой и Эльпидой, родившими ему двух дочерей, Роксану и Саломию. Что касается старших дочерей Ирода от Мариамны, от брака с которыми отказался Ферора, то одну из них царь выдал замуж за племянника своего Антипатра, а другую за племянника своего Фасаила.

Вот из кого состояла семья Ирода.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Желая обезопасить себя относительно трахонцев, царь решил в центре их страны основать иудейское поселение, по размерам своим не уступавшее городу. Этим он желал не только оградить свою собственную страну, но и иметь пункт, откуда он мог бы быстро нападать на врагов своих. Узнав, что

некий вавилонский еврей перешел через Евфрат во главе пятисот вооруженных луками всадников и около ста родственников и поселился наудачу в сирийском городе Антиохии Епидафне, причем тогдашний претор Сатурнин предоставил ему для поселения местность Валафу, Ирод послал за ним и за его отрядом и обещал отдать ему область в топархии Батанее, граничащей с Трахоном, желая тем самым создать оплот лично для себя. Вместе с тем он объявил эту область свободной от всех налогов и обычных повинностей и предоставил ее ему в безвозмездное пользование.

2. Привлеченный этими обещаниями, вавилонянин прибыл к (царю), принял от него землю и настроил в ней крепости, а также поселение, которому дал имя Бафира. Этот человек стал действительно оплотом как туземцам, так и иудеям, являвшимся из Вавилона в Иерусалим для жертвоприношений, и ограждал их от разбоев трахонцев. Поэтому многие, которым были дороги иудейские установления, со всех сторон стекались к нему. Таким образом, эта страна (быстро) заселилась, тем более что при полной безопасности она была еще свободна от налогов. Это продолжалось все время, пока Ирод был жив. Когда власть перешла после него к Филиппу, последний короткое время взимал незначительные подати. Однако Агриппа Великий и сын его Агриппа в значительной степени повысосали соки из населения этой области, причем, впрочем, не желали лишать его свободы. Римляне, к которым перешла власть после них, оставили за населением его прежнюю свободу, но сильно притесняли его повышением налогов.

Впрочем, о том я еще поговорю в своем месте, когда зайдет речь об этом.

3. Когда скончался вавилонянин Замарис, который оказал Ироду такую услугу сохранением за ним указанной области, всю жизнь свою отличался доблестью и оставил после себя доблестных сыновей, один из них, Иоаким, выдававшийся своей храбростью, приучил своих вавилонян к конским ристаниям, так что отряд из этих лиц служил телохранителями указанным царям. Когда Иоаким в преклонных летах умер, он оставил после себя доблестного и отважного сына Филиппа, который мог быть во всех отношениях сопоставлен с крупнейшими героями. Поэтому-то царь Агриппа соблюдал верную с ним дружбу и питал непреклонное к нему благово-

ление. Какое бы крупное войско царь ни содержал, этот Филипп постоянно должен был заведовать обучением его, и всегда, во всех походах, на его долю выпадала обязанность предводительствовать этой ратью.

4. Но возвращаюсь к Ироду. Все дела при нем были поручены Антипатру. Ирод не стеснял его решительно ни в чем, так как Антипатр окончательно сумел овладеть расположением и доверием отца. Полагаясь на последнего, Антипатр стал серьезно помышлять о том, как бы еще расширить свою власть, тем более что отец чувствовал себя совершенно безопасным со стороны его. Между тем Антипатр внушал всем страх не столько своим могуществом, сколько гнусностью своих интриг.

Впрочем, Ферора особенно льстил ему, равно как тот, в свою очередь, отвечал ему в высокой степени тем же, причем, однако, Антипатр, склонив на свою сторону всю женскую половину двора, завлек его в искусно расставленные сети. Дело в том, что Ферора находился в полном подчинении у своей жены, тещи и свояченицы, несмотря на всю ненависть к последним вследствие оскорбительного их поведения относительно его незамужних дочерей. Тем не менее он подчинялся им и не мог ничего предпринять помимо этих женщин, которые совершенно обставили его и окончательно между собой спелись. Таким же точно образом и Антипатр повиновался им, как по собственному своему желанию, так и в угоду своей матери: эти четыре женщины были вполне солидарны между собой. Впрочем, раз между Феророй и Антипатром возникла размолвка из-за пустяков. Повод к этому подала сестра царя, которая давно поняла положение дел. Видя, что эта солидарность всех их направлена во вред Ироду, она не задумалась сообщить последнему обо всем. Понимая, что их дружба неприятна царю, они решили с виду более не сходиться друг с другом, но выказывать взаимную ненависть и хулить друг друга, особенно в присутствии самого Ирода или кого-либо из лиц, могущих донести ему об этом, втайне же еще теснее сплотиться между собой. Так они и поступили. Однако от Саломии не осталась скрытой с самого начала ни их солидарность, ни значение их дальнейшего поведения. Она не дала ввести себя в заблуждение, но выведывала все и сообщала об этом с крупными преувеличениями брату, рассказывая ему об их тайных

собраниях и пиршествах, а также об их сокровенных планах. Если бы последние не преследовали гибели царя, то ничто, по ее мнению, не препятствовало бы действовать им открыто. Теперь же они, будучи на глазах у всех, враждуют между собой и всячески стараются якобы повредить друг другу; когда же они вдали от народа, они, как лучшие друзья, стараются во всем быть солидарными между собой и соглашаются относительно (совместной) борьбы с теми, от которых столь старательно скрывают свою дружбу. Все это она разузнавала и при случае в точности доносила брату, который и сам уже понимал положение, но не решался принять крутые меры на основании почти голословных обвинений сестры. Дело в том, что среди иудеев существовала партия, которая кичилась своим точным соблюдением предписаний закона и имела притязание на особое благоволение Всевышнего. В полном подчинении у этой секты были женщины. Партия эта именуется фарисеями. Они могли в сильной степени оказывать противодействие царям, будучи в одинаковой мере хитры и готовы открыто воевать с ними и подрывать их авторитет. Когда все иудеи клятвенно подтвердили свою верность Цезарю и повиновение постановлениям царя, эти лица в числе более шести тысяч человек отказались от присяги. Когда царь приговорил их за это к уплате денежного штрафа, жена Фероры внесла за них требуемую сумму. В ответ на эту ее любезность они предсказали ей (все верили, что Господь Бог даровал им предвидение будущего), что по решению Предвечного власть будет отнята у Ирода и его потомства и что царство перейдет к ней и ее детям от Фероры. Это не осталось скрытым от Саломии и было объявлено царю с присовокуплением того, будто некоторые из придворных уже подкуплены. Тогда царь распорядился казнить наиболее виновных фарисеев, а также своего евнуха Багою, равно как одного из наиболее красивых в то время прислужников своих, некоего Кара. Вместе с тем он распорядился предать казни также всех тех своих близких, которые поверили предсказанию и речам фарисеев. Они подействовали на тщеславие Багои, предсказав ему, что он еще будет носить имя отца и благодетеля ими объявленного будущего царя. Они говорили, что он со временем будет держать всех в своих руках, потому что к нему вернется способность вступить в брак и иметь законных детей[2].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Наказав таким образом изобличенных фарисеев, Ирод собрал синедрион из своих друзей, обвинил жену Фероры в дерзких оскорблениях, нанесенных ею его племянницам, и объявил, что он сам чувствует себя обесчещенным ею: она-де сеет раздор и распрю между ним и его братом, по силе возможности, словом и делом; она виновна в том, что фарисеям удалось увернуться от наложенного на них денежного штрафа, и она виновница всего того, что теперь происходит. «Итак, Ферора, — сказал он, — если ты, не настаивая на моих на этот счет объяснениях, сам по личной инициативе расстанешься с этой женщиной, которая только подает повод к распрям между нами, и если теперь же решишь отпустить ее, дорожа родственным ко мне чувством, то только таким образом ты останешься мне братом и ничто не нарушит наших отличных отношений».

Однако Ферора, правда, сильно потрясенный этими прекрасными словами, сказал: он не считает возможным ни отказаться от родственных чувств к брату, ниже отрекаться от любви к жене своей, но охотнее бы умер, чем лишился любимой жены. Несмотря на тяжкое оскорбление, заключавшееся для царя в этих словах, Ирод, однако, пока подавил в себе гнев против Фероры, но запретил Антипатру и его матери общаться с Феророй, а также советовал удерживать от этого остальных женщин. Те обещали это, но при случае Ферора и Антипатр продолжали видеться и даже пировать вместе. В то же время поговаривали также о том, будто жена Фероры находится в близких отношениях с Антипатром, причем посредницей служит мать Антипатра.

2. Побаиваясь, однако, отца и опасаясь, как бы далее не навлечь на себя еще больше неудовольствия с его стороны, Антипатр написал своим римским друзьям, чтобы они посоветовали Ироду отправить его как можно скорее к императору. На основании этого Ирод послал Антипатра (в Рим), дав ему с собой ценнейшие подарки и завещание, в котором назначал после своей смерти Антипатра своим преемником или, в случае, если бы он умер раньше его, своего сына Ирода, который был у него от дочери первосвященника. Одновременно с Антипатром и араб Силлей приехал (в Рим);

впрочем, он не сделал ничего из того, что повелел ему Цезарь. Поэтому Антипатр стал обвинять его перед императором в тех же преступлениях, в каких обвинял его раньше Николай. Вместе с тем и Арет выступил с жалобой на Силлея, так как последний распорядился против его воли казнить многих выдающихся лиц, в том числе Соэма, человека, заслуживавшего во всех отношениях глубокого уважения, а также императорского слугу Фабата. Поводом к последнему обвинению, возбужденному против Силлея, послужило следующее обстоятельство: у Ирода был в качестве особенно доверенного телохранителя некий Коринфий. Силлей уговаривал его крупной суммой денег умертвить Ирода, и тот согласился. Об этом узнал Фабат от самого Силлея и сообщил о том царю. Последний велел схватить и пытать Коринфия и в конце концов добился от него полного признания. На основании оговора Коринфия он распорядился также арестовать двух других арабов; один из них был начальником племени, другой другом Силлея. Эти люди, которых царь также подверг пытке, сознались, что они явились с тем, чтобы ободрить Коринфия в его намерении и оказать ему в случае необходимости поддержку в деле убиения Ирода. После того как Ирод донес обо всем том Сатурнину, этот распорядился отправить их в Рим.

3. Так как Ферора не изменял любви своей к жене, то Ирод приказал ему удалиться в свою тетрархию. Ферора с удовольствием повиновался этому повелению и дал священную клятву в том, что возвратится не раньше, чем узнает о смерти Ирода. В силу этой клятвы он не повиновался царю даже тогда, когда Ирод перед смертью просил его к себе, чтобы оставить ему кое-какие распоряжения. Однако Ирод не поступил по его примеру, но сам без приглашения явился впоследствии к Фероре, когда тот заболел. Когда же Ферора умер, он торжественно перевез его тело в Иерусалим и похоронил его там, назначив продолжительный траур по нему. Это обстоятельство стало для Антипатра, несмотря на его отплытие в Рим, причиной бедствий, и Господь Бог наказал его теперь за братоубийство. Я в подробностях расскажу всю его историю, которая может служить примером того, поскольку во всем главную роль играет добродетель.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. После смерти и погребения Фероры к Ироду явились два особенно чтимых Феророй вольноотпущенника его и просили не оставлять так смерти брата, но подвергнуть расследованию его неожиданную и грустную кончину. Ирод внимательно отнесся к этим речам, которые вызвали в нем доверие, и вольноотпущенники заявили, что Ферора накануне заболевания обедал у своей жены и что он умер оттого, что был там отравлен ядом, всыпанным в дотоле неизвестное ему блюдо. Этот яд был привезен какой-то арабской женщиной и должен был якобы служить любовным зельем (откуда он носит и название свое), но на самом деле был предназначен для отравления Фероры. Как известно, все арабские женщины искусны в составлении ядов. Та же женщина, которую они теперь обвиняют, сама созналась, что была особенно дружна с одной из приятельниц Силлея. Вместе с тем они утверждали, что для покупки яда к ней отправились также теща Фероры и его свояченица, которые накануне указанного обеда и возвратились в обществе той аравитянки. Разгневанный этими сообщениями, Ирод приказал подвергнуть пытке прислужниц указанных женщин, а также нескольких свободнорожденных женщин, но вследствие их упорного молчания дело оставалось темным, пока наконец одна из рабынь, терзаемая пыткой, не сказала только того, что просит Предвечного уготовить такие же мучения Антипатровой матери, которая одна является виновницей всех их страданий. Все это раскрыло глаза Ироду, и в конце концов он с помощью пыток выведал от женщин все о пиршествах и тайных сходках, о том, что Антипатр передавал Фероре самые тайные вещи, сообщенные ему под секретом (а между тем Антипатр получил от отца подарок в сто талантов в награду за обещание ничего не сообщать Фероре), о ненависти Антипатра к отцу и об его постоянных жалобах своей матери на живучесть Ирода, тогда как к самому Антипатру уже приближается старость, так что, если он когда-либо добьется власти, последняя навряд ли порадует его; о том, что многие из его братьев и их сыновей воспитываются как будущие правители и тем самым безусловно лишают его твердой уверенности в получении власти. Уже теперь, говорил Антипатр, в слу-

чае какого-нибудь несчастья преемником на престоле объявлен его брат, а не сын его. Вместе с тем Антипатр обвинял царя в крайней жестокости, выразившейся, между прочим, в умерщвлении сыновей. При этом он говорил, что, опасаясь подобной же участи, он сам придумал свою поездку в Рим, а Ферора по той же причине удалился в тетрархию.

2. Все это совпадало с доносами сестры царя (Саломии) и заставляло более не сомневаться в искренности показаний женщин. В отместку за гнусность Антипатра Ирод отнял у его матери Дорис все ее драгоценности стоимостью на много талантов и изгнал ее из страны, с женщинами же Фероры он вступил опять в дружеские отношения. Особенно возбуждал гнев царя против его сына самарянин Антипатр, управляющий делами царского сына Антипатра.

Между прочим, этот самарянин сообщил под пыткой, что Антипатр приготовил яд и вручил его Фероре с советом всыпать его отцу во время его (Антипатра) отсутствия, чтобы тем менее навлечь подозрение именно на него. Этот яд привез из Египта Антифил, один из друзей Антипатра; затем яд этот был послан Фероре через Фейдиона, дядю Антипатра со стороны матери; таким-то образом яд попал в руки жены Фероры, которой последний передал его на сохранение. При допросе со стороны царя та созналась во всем и, побежав якобы для того, чтобы принести яд, бросилась с крыши дома; однако она не убилась насмерть, потому что упала на ноги. Приведя ее затем в чувство, царь обещал ей и ее родным полную безопасность, если только она скажет всю правду, тогда как пригрозил ей ужаснейшими мучениями, если она вздумает скрывать что-либо. Тогда она клятвенно обещала рассказать все по правде и действительно, по мнению многих, рассказала эту правду следующим образом: «Яд был привезен из Египта Антифилом, которому дал его брат — врач. Затем этот яд доставил нам Фейдион, и я спрятала его, получив его от Фероры, которому вручил его для тебя Антипатр; когда же Ферора заболел и ты, прибыв к нему, отнесся к нему столь ласково, он увидел твое к нему расположение и переменил свое первоначальное намерение. Призвав меня, он сказал: "Жена, Антипатр соблазнил меня и подговорил меня к умерщвлению своего отца, моего брата, задумав адское дело и дав мне яд для совершения его. Теперь же, когда брат мой ясно доказал неизменность своих

прежних чувств ко мне, а сам я собираюсь покончить все свои счеты с жизнью, я не желаю осквернять памяти своих предков, соглашаясь на братоубийство. Принеси поэтому яд и сожги его на моих глазах"».

Затем она сказала, что принесла яд и поступила совершенно сообразно повелению своего мужа, сжегши большую часть яда и оставив лишь ничтожную долю его, чтобы после смерти Фероры, в случае притеснений со стороны царя, самой принять отраву и тем покончить с собой и своими бедствиями. Сказав это, она представила флакон с ядом. Второй брат Антифила и его мать подтвердили все это под пыткой и признали флакон за настоящий. Вместе с тем подверглась обвинению также и жена царя, дочь первосвященника, в том, что она, зная обо всем, захотела скрыть все. В силу этого Ирод прогнал ее с сыном и вычеркнул его из своего завещания, где он первоначально фигурировал в качестве претендента на царский престол. Тестя своего Симона, сына Боэта, он лишил первосвященнического сана и назначил на его место иерусалимца Матфия, сына Феофила.

3. В это время прибыл из Рима и Батилл, вольноотпущенник Антипатра. Будучи допрошен под пыткой, он показал, что привез яд для вручения его матери Антипатра и Фероре с тем, чтобы в случае неудачи первой попытки отравления царя теперь можно было наверняка избавиться от Ирода. Вместе с тем Ирод получил также письма от своих римских друзей, которые извещали его, что по наущению Антипатра обвиняются Архелай и Филипп в том, что они будто бы ненавидят отца за убиение Аристовула и Александра и начинают уже жалеть о своей собственной судьбе, причем будто бы высказывают предположение, что отец зовет их назад с исключительной целью и их также загубить. Этой клеветы приверженцы Антипатра добились ценой крупных денежных сумм. Вместе с этим и сам Антипатр писал о братьях отцу, приводя все взводимые на них тяжкие обвинения, но при этом прося совершенно простить юношей, ссылаясь на их возраст и объясняя этим их невоздержанные речи. Сам он в то время продолжал свою борьбу с Силлеем и ухаживал за влиятельными лицами, приобретя с этой целью всяких дорогих подарков на сумму до двухсот талантов. Странным является, во всяком случае, то обстоятельство, что он сам ничего

не узнал из того, что готовилось против него в течение последних семи месяцев. Причиной того были надзор и охрана путей и общая ненависть всех к Антипатру: не было никого, кто бы подверг себя опасности ради доставления Антипатру сведений, касавшихся его спокойствия[3].

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Когда Антипатр написал отцу, что вскоре окончит все свои дела как следует и затем приедет, Ирод скрыл свой гнев и ответил ему, чтобы он не замешкался в пути, дабы с ним (Иродом) не произошло чего-либо во время его отсутствия; вместе с тем он коснулся слегка и обвинений, взведенных на его мать, но обещал покончить все дело миром, лишь только Антипатр приедет. Ирод пустил здесь в ход всю свою любезность, боясь, как бы сын его не заподозрил чего-либо и не только не отложил бы своего путешествия, но и, оставаясь в Риме, не стал бы интриговать против царской его власти и не добился бы в этом отношении чего-нибудь существенного. Антипатр получил это письмо в Киликии, после того как ему уже успели сообщить в Таренту о смерти Фероры. Последнее известие сильно смутило его, впрочем, не потому, чтобы он был столь сильно расположен к Фероре, но оттого, что Ферора умер, не отравив, сообразно обещанию своему, Ирода. Прибыв в киликийский город Келендерис, он уже стал колебаться, следует ли ему вообще возвращаться домой: очень уж его огорчало изгнание матери. При этом одни из друзей его советовали ему где-нибудь обождать исхода дела, другие же настаивали на необходимости его возвращения домой, говоря, что он своим появлением прекратит все обвинения, подобно тому как и теперь обвинители его только потому так сильны, что он отсутствовал. Антипатр внял совету последних и поехал в гавань Себасту, которую дорогой ценой соорудил Ирод и которую назвал в честь Цезаря Себастой[4]. Тут Антипатр уже явно мог догадаться о грозящей ему беде, потому что никто не встретил и не приветствовал его, тогда как при его отплытии народ провожал его благословениями и пожеланиями всего лучшего. Теперь то же население не задумалось встретить его с самыми враждебными проклятьями, видя, что ему приходится поплатиться за смерть братьев.

2. В это самое время в Иерусалиме находился преемник сирийского наместника Сатурнина, Вар Квинктилий. Ирод послал за ним, прося его выступить советчиком в данном деле. Пока они совещались между собой, прибыл Антипатр, который был совершенно неосведомлен о случившемся. Он, еще облеченный в порфиру, вошел во дворец. Привратники впустили его, но запретили доступ его друзьям. Теперь он сильно испугался, отлично поняв, в какое попал положение; особенно же поразило его, что, когда он приблизился к отцу, чтобы обнять его, царь оттолкнул его от себя, стал упрекать его в братоубийстве и в злоумышлении против его собственной жизни и сказал, что на следующий день Вар все разберет и рассудит. Лишь только Антипатр узнал о таком постигшем его бедствии, как удалился, удрученный этим горем. Тут ему встретились его мать и жена (дочь Антигона, предшественника Ирода на иудейском престоле). Узнав от них все подробности, он занялся приготовлениями к своей защите.

3. На следующий день Вар и Ирод собрались на заседание, куда были призваны также приверженцы обеих партий, родственники царя и его сестра Саломия, равно как все те, которые могли дать какие бы то ни было показания, те, которые подверглись пыткам, и схваченные незадолго до его приезда рабы матери Антипатра. Последние представили также письмо, содержание которого главным образом сводилось к тому, чтобы Антипатр не возвращался, так как царь осведомлен обо всем, и что единственным теперь для него заступником является император, где он может рассчитывать не попасться в руки отцу. Антипатр бросился перед отцом на колени и стал умолять его не произносить приговора, не расследовав дела, но выслушать его, потому что он имеет возможность оправдаться. Однако Ирод приказал отвести Антипатра в середину зала и затем стал громко жаловаться на то, что у него такие дети, от которых он уже столько страдал раньше, теперь ему на старости лет пришлось убедиться в столь ужасной гнусности Антипатра; при этом Ирод упомянул о том, как он постоянно заботился о воспитании и образовании своих детей, не жалея для этого ничего и всегда предоставляя для удовлетворения всех их желаний крупные денежные суммы. За это, говорил он, воздаянием теперь служит то, что они коварно старались загубить его жизнь и преступно домогаются царства, во всяком случае,

раньше, чем это дозволяется законом, желанием отца и чувством справедливости. Он удивляется Антипатру и тому, в расчете на что тот решился на столь отчаянный шаг. Ведь он документально уже назначен его преемником на престоле и при жизни царя ни в чем не уступал ему, ни во внешнем блеске, ни в фактическом могуществе; ведь Ирод предоставил ему ежегодную ренту в пятьдесят талантов и дал ему на дорогу в Рим триста талантов. Вместе с тем он напомнил ему, что он теперь вполне уподобился своим братьям, если они действительно виновны в том, в чем он их осуждал; что если же они не виновны, то он напрасно взвалил на них вину и обвинил в тяжком преступлении (столь близких) родственников. Ведь все то, что постановил относительно их он сам, он постановил исключительно на основании донесений и сообщений его (Аптипатра). Теперь братья считаются вполне оправданными, так как он сам навлек на себя подозрение в покушении на отцеубийство.

4. При этих словах Ирод разразился слезами и не был в состоянии говорить дальше. По просьбе царя заступить его место Николай Дамасский, который был дружен с Иродом, долго жил при нем и знал все дела его, стал приводить затем все доводы за и против Антипатра. Антипатр обратился с защитительной речью к отцу своему и стал указывать на множество примеров своей ему преданности, равно как на те почести, которых он за это удостоился и которые не имели бы места, если бы он не доказал ему своей полнейшей верности. «Везде, — говорил он, — где представлялась необходимость в особой заботливости, я прилагал все старания, чтобы предусмотреть все; если требовалось личное вмешательство, я все брал лично на себя». Поэтому, продолжал он, нисколько не основательно предполагать, что он, который столько раз ограждал отца своего от гнусных интриг, теперь сам является злоумышленником и заменяет явную засвидетельствованную ему преданность гнусностью такого намерения. Ведь он уже давно провозглашен преемником отца своего, и никто не оспаривал у него в будущем тех почестей, которые воздаются ему уже теперь; нисколько не вероятно, чтобы человек, невозбранно и заслуженно владеющий половиной чего-либо, стал с риском и опасностью для себя домогаться целого, причем остается вполне невыясненным, насколько ему удастся достигнуть своей цели. Неужели он предпринял бы нечто такое, он, который

был свидетелем казни своих братьев, он, который выступил доносчиком и обвинителем, когда дело могло оставаться скрытым, и исполнителем самого приговора, когда гнусное их намерение относительно отца выяснилось целиком. Все эти поступки его служат поэтому доказательством того, насколько благожелательно он, Антипатр, всегда поступал относительно отца своего. Касательно его поступков в Риме он ссылается на свидетельство императора, которого столь же трудно обмануть, как самого Господа Бога. Все это могут подтвердить письма императора, причем нехорошо, что больше веры, чем им, приписывается тем, которые клеветой стараются посеять смуту; большинство этих лиц воспользовалось для проявления своей враждебности досугом, явившимся у них вследствие его отъезда, и они ничего не смогли бы сделать, если бы он не уехал. После этого Антипатр стал проклинать пытки, говоря, что они приводят лишь ко лжи, потому что по самой природе вещей пытаемые говорят в своих мучениях все, что угодно палачам; впрочем, он сам предложил подвергнуть его пытке.

5. После этого в судилище произошло движение. Все очень жалели Антипатра, который обливался слезами и жестоко царапал себе лицо; даже во врагах его явилось чувство жалости, и видно было, что и Ирод поколеблен, хотя не желал показать это. Тем временем, однако, Николай стал дальше и подробнее развивать мысль, высказанную вначале царем, привел доказательства виновности обвиняемого на основании признаний под пыткой и сообщений прочих свидетелей, особенно же он остановился на явном мягкосердечии царя, который не щадил никогда ничего для воспитания и образования своих сыновей и теперь попадает из одного тяжелого положения в другое. Правда, говорил он, его не столько изумляет дерзость тех братьев, потому что они были слишком юны и подпали влиянию гнусных людей, советовавших им попрать все законы природы и поспешить овладеть могуществом раньше, чем следовало. Но зато его, естественно, крайне поражает гнусность Антипатра, который не только остался безучастен к величайшим благодеяниям, оказанным ему отцом (подобно самым ядовитым змеям, хотя и в последних замечается стремление не жалить своих благодетелей), но и в своей жестокости не принял во внимание ужасную судьбу, постигшую его братьев, сам вел следствие над ними и сам настаивал на приведении в исполне-

ние приговора над изобличенными: «Мы, однако, не укоряем теперь тебя в том, что ты не сдержал своего гнева на них, но мы поражены тем, что ты поспешил уподобиться им по преступности. Мы убеждаемся, что все твои начинания в этом смысле вовсе не были направлены к тому, чтобы оградить отца, но преследовали лишь гибель братьев, дабы своей ненавистью к ним ты мог более уверить всех в своей сыновней преданности и тем получить возможность вернее погубить его самого. Все это ты подтвердил своими поступками.

Ты умертвил своих братьев, доказав их виновность, но не выдал их единомышленников. Этим ты всем доказал, что ты накануне обвинения вошел с ними в сделку, направленную против твоего отца, желая один воспользоваться плодами отцеубийства и из обоих преступлений извлечь удовольствие, вполне достойное твоего характера. Впрочем, явно перед всеми ты выступил в роли преследователя своих братьев, за что тебя все, как и следовало, превозносили высоко. Если же это было не так, то ты являешься еще большим негодяем, так как ты втайне ковал козни против отца своего, не схватив братьев как злоумышленников против него (сам ты не задумался перед таким же преступлением), но ненавидя их как преемников власти, на которую они имели больше прав, чем ты. Кроме того, ты желал после братьев умертвить также и отца своего, чтобы не рискнуть быть изобличенным в ложном обвинении их. Ту смерть, которую ты теперь сам заслужил, ты уготовил несчастному отцу своему, задумав не обыкновенное отцеубийство, но такое, какого до сих пор не знала история.

Ты злоумыслил не только как сын против отца, но поднял руку на своего друга и благодетеля, которому ты помогал в государственных делах и преемником которого ты был объявлен, причем тебе не было возбранено теперь уже пользоваться всеми благами власти; напротив, желания отца твоего и его письменное постановление гарантировали тебе исполнение всех твоих надежд. Между тем ты не имел в этом деле в виду расположения Ирода, но решил все это по своему личному усмотрению и своей гнусности, желая отнять у отца, который во всем слепо доверял тебе, его часть, причем, однако, ты на словах выставлял себя его спасителем. На самом же деле ты искал случая умертвить его и не только довольствовался при этом своей личной испорченностью, но втянул в интриги так-

же и мать свою, посеял смуту в семье относительно своих братьев и даже осмелился называть отца своего разъяренным зверем. Этим ты выказал злобу, которая сильнее злобы всякой змеи. Ведь ты напустил своего яду в душу ближайших родных и благодетелей своих. Ты втянул в свое дело телохранителей и впутал в свои интриги против старца мужчин и женщин, как будто тебе не было довольно удовлетвориться чувством своей личной ненависти. И теперь, после того, как ради тебя подверглись пыткам свободнорожденные и рабы, и после того, как мужчины и женщины сознались в существовании заговора, ты явился сюда и спешишь не только отрицать истину, утверждая, что ты вовсе не задумывал умерщвления отца своего, но и восстаешь против принятого относительно тебя решения, против добропорядочности Вара и против всякой справедливости! И вот ты настолько уверен в своем собственном бесстыдстве, что выражаешь сам готовность подвергнуться пытке, чтобы все преданные отцу твоему оказались лжецами, а твоим заявлениям под пыткой была придана вера. Конечно, ты, Вар, не станешь ограждать царя против дерзких поползновений его родных, ты не умертвишь того гнусного животного, которое притворяется преданным отцу своему для того лишь, чтобы добиться гибели своих братьев и затем поскорее овладеть самолично престолом, причем оно выказывает всю свою смертельную ненависть к нему. Ведь ты знаешь, что отцеубийство является одинаковым преступлением как против природы, так и против всех жизненных условий, причем исполнение его нисколько не отличается от самого замышления его. Тот, кто за это не наказывает, сам совершает преступление против природы».

6. К этому (оратор) присоединил еще целый ряд обвинений против матери Антипатра, указал на то, сколь много она по женскому легкомыслию болтала, упомянул о ее заговорах и жертвоприношениях, предпринятых с целью повлиять на царя, рассказал, как разнузданно и цинично держал себя Антипатр с женами Фероры, и остановился на данных, добытых пыткой и свидетельскими показаниями. Он заранее заготовил много различных пунктов обвинения и ловко пользовался в этих видах также случайно раскрывавшимися теперь фактами. Все те люди, которые раньше, боясь мщения Антипатра в случае его оправдания, умалчивали о многом,

теперь открыто выдали его врагам и не скрывали более своей к нему ненависти, потому что видели, насколько он подавлен всеми обвинениями и насколько изменяет ему его обычное счастье. Все это ускорило обвинительный над ним приговор, и притом не столько в силу нерасположения к нему обвинителей, сколько вследствие чудовищной его дерзости, вследствие его ненависти к отцу и братьям, так как он преисполнил дом свой смутой и убийствами и всегда относился ко всем либо с ненавистью, либо дружелюбно не по заслугам, но по степени возможной пользы, которую могли ему впоследствии оказать. Большинство этих людей уже давно ясно видели все это, именно те из них, которые обладали критическим чутьем и могли нелицеприятно судить о фактах; но прежде они не решались громко объявлять о том, теперь же, когда им нечего было бояться, они выложили решительно все, что знали. И вот тогда-то посыпались всевозможные разоблачения, причем их нельзя было оспаривать ни ссылкой на то, будто большинство своими показаниями заискивает у Ирода, ни тем, что они умалчивают о чем-либо в видах личной безопасности. Все это люди высказывали потому, что действительно считали поведение Антипатра гнусным и побуждались к тому не ограждением безопасности Ирода, но были убеждены в необходимости наказания Антипатра. Многие выступили со своими разоблачениями даже без приглашения, так что Антипатр, несмотря на свое уменье отрицать все и не краснеть, не имел возможности раскрыть рот для возражения. Когда Николай закончил обвинительную речь свою, Вар предложил Антипатру приступить к опровержению обвинений, если у него имеются доказательства невиновности. При этом Вар указал как на свое желание, так и, как ему известно, на желание отца его, чтобы Антипатр вышел из суда оправданным. Тогда Антипатр, вместо того чтобы предъявить непреложные доказательства своей невиновности в заговоре против отца, бросился наземь и стал взывать к Господу Богу и ко всем, прося их засвидетельствовать его невиновность. Таков уж прием всех непорядочных людей: когда они задумывают какую-либо гнусность, то забывают совершенно о Боге и приступают к своему делу по личному усмотрению; когда же их накрывают и они подвергаются опасности поплатиться за свои деяния, они всегда прибегают

к Предвечному, прося его засвидетельствовать их невиновность. Так было и с Антипатром. Сперва он решился на все, как будто бы Бога не существовало вовсе; когда же ему был отрезан всякий путь к самооправданию и не на что было опереться, чтобы опровергнуть взведенные обвинения, он положился на милость Божью, прося Его свидетельствовать за него и явить чудо для его спасения. При этом он не переставал выставлять перед отцом на вид все свои заслуги.

7. После того как Вар несколько раз обращался к Антипатру, но не добился от него ничего, кроме взывания к Всевышнему, он, видя неуспешность своей попытки, приказал принести яд, чтобы убедиться в его действительности. Когда яд был принесен, то, по требованию Вара, его должен был выпить осужденный на казнь преступник. Он немедленно пал мертвым. После этого Вар поднялся с места и распустил собрание. На следующий день он поехал в Антиохию, где, как в столице Сирии, чаще всего и пребывал.

Ирод распорядился немедленно заключить сына в оковы. Впрочем, никто не узнал, в каких отношениях были Вар и Ирод и что сказал последнему Вар перед своим отъездом. Однако большинству казалось, что все, предпринятое впоследствии Иродом относительно Антипатра, было сделано им с одобрения Вара.

Посадив Антипатра в темницу, царь послал донесение об этом деле императору в Рим и поручил лицам, везшим это письмо, устно сообщить Цезарю о гнусности Антипатра. В эти же дни было перехвачено также и письмо Антифила к Антипатру (первый находился тогда в Египте), и когда царь распечатал его, то прочитал следующее: «С опасностью для своей собственной жизни я посылаю тебе письмо Акмеи. Тебе известно, что, если это узнают, я подвергнусь опасности с двух сторон. Желаю тебе, впрочем, успеха в своем деле».

Таково было содержание письма. Царь же стал искать второго письма, которого нигде нельзя было найти. Раб Антифила, доставивший это послание, говорил, что не получал другого. Царь был в большом смущении. Тогда кто-то из приближенных Ирода увидал сшитую на хитоне раба складку (на нем было два платья) и подумал, не спрятано ли письмо внутри этой складки. Так оно и оказалось. Письмо было захвачено и оказалось следующего содержания: «Акмея —

Антипатру. Я написала для твоего отца такое письмо, какое ты пожелал, и послала копию с него моей госпоже якобы от имени Саломии; когда (Ирод) прочитает это письмо, он, наверное, накажет Саломию как злоумышляющую против его жизни». Письмо это было якобы адресовано Саломией на имя госпожи Акмеи и было по заказу Антипатра составлено от имени Саломии, причем Акмея сама сочинила его по указаниям Антипатра. Содержание его было следующее: «Акмея — царю Ироду. Задавшись целью сообщать тебе решительно обо всех направленных против тебя начинаниях и найдя письмо Саломии к моей госпоже, я с личной для себя опасностью, но имея в виду твою пользу, сняла с него копию и послала тебе ее. Это письмо Саломия писала еще тогда, когда собиралась выйти замуж за Силлея. Разорви письмо, чтобы моя жизнь не подверглась опасности». Это было написано также Антипатру, дабы он знал, что по его желанию Акмея известила Ирода, будто Саломия прилагает все усилия к тому, чтобы злоумышлять против царя, и что Акмея послала ему копию с подложного письма Саломии к ее госпоже. Акмея была еврейка, находившаяся в услужении у императрицы Юлии. Все это она сделала в угоду Антипатру, потому что была подкуплена им ценой крупной суммы денег для того, чтобы способствовать ему в его начинаниях, направленных против его отца и тетки.

8. Ирод рассвирепел от неслыханной гнусности Антипатра и решил было немедленно казнить его как виновника такого преступления и злоумышленника, направившего все силы свои не только против его и его сестры, но и как человека, введшего смуту в семью Цезаря. К этому побуждала его также Саломия, которая била себя в грудь и предлагала казнить ее, если бы обнаружилось, что это обвинение правильно. Ирод послал за сыном и подверг его допросу, причем предложил ему без страха говорить все, что он может привести в свое оправдание. Когда же Антипатр молчал, царь просил его, так как все равно он по всем пунктам изобличен, по крайней мере, не скрывать от него имен своих сообщников по преступлению.

Антипатр взвалил всю вину на Антифила, но больше не выдал никого. В гневе Ирод решил отправить сына к императору в Рим, чтобы он там дал ответ в своих страшных за-

мыслах. Но затем он побоялся, как бы Антипатру не удалось при помощи друзей избегнуть угрожающей ему опасности, и потому по-прежнему велел держать его в темнице в оковах, сам же послал новых послов с письменным обвинением против сына, сообщил, в какой мере Акмея являлась соучастницей в преступлениях Антипатра, и приложил к этому копии писем[5].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Посланные, получив инструкции о том, что говорить на вопрос (императора), и снабженные письмами, поехали в Рим. Царь же тем временем заболел и составил новое завещание, в котором, из ненависти к сыновьям Антипатра, Архелаю и Филиппу, за козни их отца, предоставлял престол младшему своему сыну; кроме того, он оставлял императору тысячу, жене его Юлии, его детям, друзьям и вольноотпущенникам пятьсот талантов. Вместе с тем он назначал в завещании также сыновьям и внукам своим денежные суммы, ренты и земельные наделы. Сестру свою Саломию он наградил особенно щедро, ибо она всегда оставалась ему верна и никогда не решалась злоумышлять против него. Так как царь отчаивался в своем выздоровлении (ему было уже около семидесяти лет), то он стал особенно раздражителен против всех и легко сердился. Причиной такому раздражению его служило предположение, что все его презирают и народ радуется постигшему его горю, тем более что некоторые из более влиятельных в глазах народа лиц восстали против него по следующему поводу.

2. Иуда, сын Сарифея, и Матфий, сын Маргалофа, считались самыми красноречивыми и наиболее опытными знатоками иудейских законов; эти люди пользовались большим расположением в глазах народа за то, что они воспитывали юношество (все, кто желал усовершенствоваться в добродетели, бывали у них ежедневно). Узнав, что теперешняя болезнь царя неизлечима, они побудили юношество уничтожить все начинания царя, противоречившие основным древним законам, и начать борьбу благочестия за эти законы. Благодаря дерзким нововведениям царя, говорили они, и противоречию этих нововведений основному закону его и постиг-

ли не только неслыханные для обыкновенного человека несчастья, но и самая болезнь его является последствием этого. Действительно, Ирод кое в чем нарушил закон, в чем его и могли упрекать последователи Иуды и Матфия. Так, например, царь воздвиг над главным фронтоном храма очень дорогой жертвенный дар в форме огромного золотого орла. Между тем закон возбраняет своим последователям постановку статуй и вообще изображений живых существ. Учителя потребовали снятия этого орла, причем говорили, что, если тут и есть опасность, людям, которые собираются пожертвовать жизнью для спасения и сохранения родных обычаев, приходится значительно выше удовольствий жизни ценить свою доблесть, потому что они тем самым создадут себе вечную славу как теперь, так и впоследствии: их жизнь будет всегда вспоминаться с уважением. Ведь и тем, кто беспрепятственно и спокойно живет теперь, придется неизбежно когда-либо умереть, и поэтому все, кто стремится к самоусовершенствованию, должны твердо решиться расстаться с жизнью со славой и почетом. Ведь великое успокоение заключается в том, что умираешь, совершая славные подвиги, связанные с опасностью, и в таком случае как сыновья умирающих, так и все родственники их, мужчины и женщины, делаются участниками их славы.

3. Такими речами Иуда и Матфий возбуждали молодежь; в это время до них донесся благоприятный им слух, будто царь скончался. Поэтому они в полдень отправились к храму, сорвали на глазах у множества бывшего в храме народа золотого орла и разрубили его на куски. Царский военачальник (которому немедленно сообщили об этом деле) посмотрел на это серьезнее, чем бы следовало, и явился во главе значительного отряда, достаточного для того, чтобы дать отпор черни, собиравшейся снять священное изображение. Он совершенно неожиданно напал на толпу; как это обыкновенно бывает, чернь решилась на свою решительную попытку скорее необдуманно, чем по здравом рассуждении, и потому пришла в замешательство и совершенно не знала, что ей делать. Поэтому военачальнику удалось захватить не менее сорока юношей, которые смело остались на месте, когда остальная толпа бежала, а также взять в плен Иуду и Матфия, считавших позорным бежать при его появлении; он предста-

вил их царю. Когда их привели и царь спросил их, почему они осмелились уничтожить им воздвигнутый жертвенный подарок, они отвечали: «То, что мы задумали, мы решили исполнить и исполнили все так, как подобает настоящим мужчинам. Мы желали оградить святилище, которое посвящено Господу Богу, тем более что укрепило нас в нашем решении постоянное ознакомление с законом. Нет ничего удивительного в том, что мы выше оценили те законы, которые преподал нам Моисей и которые он по указанию Предвечного оставил нам записанными, чем твои постановления. Мы с удовольствием подвергнемся смерти и какому угодно наказанию с твоей стороны, потому что сознаем, что мы подвергнемся этому не за преступные деяния, но за любовь к истинному благочестию». То же самое сказали все они и доказали на словах такую же решимость, какая заставила их и действовать.

Тогда царь велел заковать их в оковы и послать в Иерихон, куда он созвал всех влиятельных иудеев. Когда последние съехались, царь пригласил их в амфитеатр. Там, лежа на постели и не будучи более в силах держаться на ногах, он принялся перечислять все свои заслуги перед ними, упомянул, с какими расходами он построил храм, чего не могли сделать в течение своего стодвадцатилетнего царствования асмонеи, и сказал, что он соорудил его во славу Предвечному и украсил его драгоценными приношениями, память о которых, как он надеется, и слава которых останется за ним и после смерти. Затем он возвысил голос и начал кричать, что они еще при его жизни не стесняются оскорблять его, что днем на виду у всех нагло прикасаются к его жертвенным дарам и что, хотя как будто все это направлено против его лично, если присмотреться поближе, на деле тут совершенно простое святотатство.

4. Боясь, как бы Ирод в своей жестокости не рассвирепел на них и не сделал бы их ответственными за происшедшее, все присутствующие стали утверждать, что все это произошло помимо их ведома и что, по их мнению, этого дела нельзя оставить безнаказанным.

Ирод обошелся с ними вообще довольно мягко, но сместил с должности первосвященника Матфия как отчасти виновника всего случившегося и назначил первосвященником брата жены своей, Иозара. При этом же первосвященнике

Матфии случилось, что на один день был назначен другой первосвященник, именно на один из дней постных. Произошло это дело таким образом: накануне постного дня Матфий видел во сне, будто бы он общается с женой. Так как он в силу этого лишался возможности отправлять свои священнические обязанности, то его заместил его родственник Иосиф, сын Эллима.

Итак, Ирод сместил первосвященника Матфия, а другого Матфия, который поднял бунт, вместе с несколькими товарищами велел сжечь живьем. В эту ночь произошло лунное затмение.

5. Между тем болезнь Ирода все ухудшалась, так как Господь Бог наказывал его за все его беззакония. То был медленный огонь, который был не столько заметен наружно, сколько свирепствовал у него внутри тела; к этому присоединялось еще страстное, непреодолимое желание оторвать у себя какой-нибудь член тела.

Его мучили также внутренние нарывы, особенно же страшные боли в желудке; ноги его были наполнены водянистой, прозрачной жидкостью. Такая же болезнь постигла и низ его живота; на гниющих частях появлялись черви; когда он хотел подняться, дыхание причиняло ему страшные страдания как вследствие зловония, так и вследствие затруднительности своей; всего его охватывали судороги, причем царь обнаруживал неестественную силу. Богобоязненные люди, которые по своим знаниям умели объяснять такие явления, говорили, что теперь Предвечный наказывает царя за его великие беззакония. Между тем больной, страдая более всякого другого, все еще надеялся на выздоровление, посылал за врачами и не переставал в точности пользоваться всеми предписываемыми ими средствами. Переправившись через Иордан, он даже погрузился в горячие ключи Каллирои[6], которые вообще очень целебны и содержимое которых годно для питья. Вода этих ключей стекает в так называемое Асфальтовое (Мертвое) море. Тут врачам показалось, будто он поправляется; но когда царь сел в ванну, наполненную маслом, он чуть не умер на глазах их. Ирод пришел в себя лишь от громких криков слуг. Теперь он уже потерял всякую надежду на выздоровление и потому приказал выдать каждому солдату по пятидесяти драхм. Вместе с тем он распорядил-

ся выдать крупные награды военачальникам и друзьям своим. Затем он вернулся назад в Иерихон, и тут желчь так возбудила его против всех, что он перед самой смертью выдумал следующее страшное дело: когда по его приказанию явились отовсюду все наиболее влиятельные иудеи (это была страшная масса людей, потому что все повиновались предписанию, ибо ослушникам угрожала смертная казнь), царь, в одинаковой мере возбужденный как против невинных, так и против виновных, приказал всех их запереть в ипподроме. Затем он послал за своей сестрой Саломией и ее мужем Алексасом и сказал им, что он скоро умрет, так как его страдания неимоверны. Конечно, это вполне естественно и бывает со всеми, но его особенно огорчает, что он умрет и никто не станет оплакивать его и скорбеть о нем в такой мере, в какой это было бы прилично, так как он ведь царь.

Ему прекрасно известно настроение иудеев, и он знает, насколько желательна и приятна им смерть его, так как они еще при его жизни устроили бунт и нагло отнеслись к его жертвенным дарам. Поэтому, говорил он, теперь их дело придумать для него какое-нибудь облегчение его страданий. Итак, если они (Саломия и ее муж) не откажутся помочь ему, то ему будут устроены такие пышные похороны, каких не удостоился еще никто из царей, и тогда весь народ обуяет искренняя скорбь, между тем как теперь народ этот издевается и смеется над ним. Поэтому, когда они (Саломия и ее муж) удостоверятся в его смерти, пусть они распорядятся окружить ипподром войсками, которым, однако, не следует пока сообщать о его кончине (это можно будет возвестить народу после исполнения его воли), и прикажут им перестрелять заключенных в ипподроме людей. Тем, что они таким образом умертвят всех, они окажут ему двойную услугу, во-первых, тем, что в точности исполнят выраженное им перед смертью желание, а во-вторых, тем, что в таком случае народ почтит его искренним горем. Ирод умолял их об этом со слезами на глазах, прося их сделать это из родственного чувства к нему и из любви к Господу Богу. Так как он настаивал на том, чтобы они оказали ему эту честь, те обещали в точности исполнить его желание.

6. Если кто-либо вздумает объяснять прежние поступки этого человека относительно родных тем, что он совершил

их из привязанности к жизни (и боязни умереть), то это его приказание является окончательно бесчеловечным, так как он, покидая жизнь, желал повергнуть весь народ в горе вследствие утраты самых дорогих ему лиц. Ведь он приказал умертвить из каждого дома по одному человеку, притом без того, чтобы эти лица совершили что-либо незаконное или обвинялись в каком-нибудь преступлении; все, кто ценит добродетель, обыкновенно в такие минуты забывают свою ненависть к действительным врагам своим[7].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Пока Ирод давал это поручение родственникам своим, получилось письмо от отправленных им к римскому императору послов. Сущность этого письма сводилась к тому, что Цезарь в гневе велел казнить Акмею за ее участие в преступлениях Антипатра; последнего же он вполне отдавал в распоряжение Ирода, как отца и царя, и предоставлял царю право либо изгнать его из страны, либо казнить. Услышав это, Ирод немного оправился от своих страданий, потому что письмо доставило ему удовольствие; особенно же он был доволен казнью Акмеи и предоставлением ему права по личному усмотрению распорядиться с Антипатром. Но так как вскоре страдания его опять возобновились со страшной силой, он в изнеможении захотел съесть чего-нибудь и потребовал себе яблоко и нож. И раньше он обыкновенно сам срезал с яблок кожу и ел плод, нарезав его небольшими кусочками. Взяв нож и оглянувшись, он вдруг вздумал пронзить себя им. Он, наверное, привел бы это намерение в исполнение, если бы его не предупредил его двоюродный брат Ахиав, который схватил его за руку. Он громко закричал, и сейчас же по всему дворцу раздались крики и громкие стенания, как будто царь уже умер. Ввиду этого Антипатр, убежденный в смерти отца, воспрянул духом, рассчитывая теперь выйти на волю и немедленно захватить в свои руки царскую власть. Он тотчас вступил в переговоры с тюремщиком, обещая ему большую награду сейчас и впоследствии и указывая на то, что теперь наступил момент действовать решительно. Однако тюремщик не только не склонился на просьбы Антипатра, но и сообщил царю весьма красноречиво об его планах. Ирод, кото-

рый и раньше не был расположен к сыну, услышав это сообщение тюремщика, громко возопил и стал биться головой о стену, несмотря на то, что лежал уже при последнем издыхании. Затем он оперся на локоть и приказал послать нескольких копьеносцев, не откладывая, умертвить Антипатра и похоронить его без всяких почестей в Гирканию[8].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Ирод изменил свое первоначальное решение и вновь переделал свое завещание. Антипасу, которого он сперва назначил своим преемником на царском престоле, он отдал тетрархию в Галилее и Перее, Архелая он провозгласил своим преемником, а области Гауланитиду, Трахон, Батанею и Паниаду оставил в виде тетрархии Филиппу, сыну Архелая, царского брата. Ямнию, Азот, Фасаилиду он предоставил сестре своей Саломии, которая получила сверх того пятьсот тысяч серебряной монеты. Царь подумал также обо всех остальных родственниках своих и, дав каждому из них денежные суммы и значительные ренты, сделал их всех богатыми людьми. Императору он завещал десять миллионов сребреников, кроме различной золотой и серебряной утвари и весьма драгоценной одежды, а жене его Юлии и некоторым другим лицам он оставил по пятисот тысяч. Затем он умер, спустя пять дней после казни Антипатра, процарствовав тридцать четыре года после умерщвления Антигона и тридцать семь лет после провозглашения своего царем со стороны римлян. Это был человек, одинаково жестокий ко всем, необузданный в гневе, попиравший справедливость, но притом пользовавшийся большей удачей, чем кто-либо иной. (Ведь он, происходя из простого звания, добился царского сана и, несмотря на тысячи опасностей, всегда ускользал от них, сумев при этом дожить до преклонного возраста.) Что же касается его домашней обстановки и его сыновей, то и здесь все соответствовало его личным желаниям и стремлениям, потому что он мог радоваться тому, что сумел совладать с ними как со своими врагами. Мне, однако, он и в этом отношении представляется человеком крайне несчастным.

2. Между тем Саломия и Алексас выпустили заключенных в ипподроме на свободу раньше, чем стало известно о смерти

царя. При этом они сказали, будто сам царь распорядился, чтобы они вернулись к себе домой к делам своим. Этим они оказали народу крупное благодеяние. Когда весть о смерти царя распространилась повсюду, Саломия и Алексас собрали войско в иерихонский амфитеатр и тут сначала прочитали ему послание Ирода к воинам, где царь благодарил последних за верную преданность и просил их так же отнестись и к его сыну Архелаю, которого он назначает своим преемником. Затем Птолемей, которому был доверен царский перстень с печатью, прочитал завещание; последнее, впрочем, не иначе вступало в законную силу, как с утверждения императора. По прочтении завещания немедленно поднялись громкие клики в честь (нового) царя, Архелая; воины по отдельным частям, предводительствуемые своими начальниками, присягнули ему на верность и преданность и призвали Господа Бога в хранители царя.

3. Затем состоялись похороны царя, причем Архелай озаботился устроить их как можно пышнее и не щадил средств, чтобы придать им в честь усопшего больше блеска. Тело умершего покоилось на золотом ложе, усеянном разнообразными драгоценными камнями; покров был пурпуровый, и тело покойного было облачено в багряницу; на голове его покоилась диадема, поверх которой был надет золотой венец, в правой руке находился скипетр. Около ложа шли сыновья умершего и масса его родственников; за ними следовало войско по отрядам сообразно своей национальности: сперва шли копьеносцы, затем отряды фракийцев, германцев и галлов, все в полной походной форме. За ними следовало уже все остальное войско, предводительствуемое своими лохагами и таксиархами и снаряженное как бы на войну. Затем шли пятьсот служителей, несших курения. Вся процессия прошла (таким образом) восемь стадий до Иродиума, где, сообразно повелению покойного, и состоялось его погребение.

4. Так умер Ирод. Архелай справил в честь отца, как того требовал обычай, семидневный траур, затем угостил своих друзей и, отменив траур, направился в храм. Везде на пути его приветствовали кликами радости и прославлениями, так как все наперерыв друг перед другом старались выказать ему свои благопожелания. Затем Архелай взошел на устроенное возвышение, снабженное золотым троном, и обратился с приветственной речью к народу, выражая ему свое удоволь-

ствие по поводу его расположения к нему, которое высказалось в его благопожеланиях; вместе с тем он благодарил собравшихся, что они предали забвению все несправедливости, совершенные относительно их его отцом, и обещал приложить все старания, чтобы воздать им добром за их к нему расположение. При этом Архелай сказал, что он пока не принимает титула царя, потому что тогда только будет иметь на него право, когда император утвердит завещание отца его. По этой же причине он отклонил и желание иерихонского войска, собиравшегося возложить на него диадему; он-де отлично понимает неуместность такой почести, потому что еще не удостоился официального утверждения со стороны императора. Когда же он достигнет власти, то приложит все свое старание, чтобы вознаградить их за расположение к нему; он постарается доказать им, что хочет быть во всех отношениях и для всех лучше отца своего. Как это обыкновенно бывает с толпой, последняя была уверена, что люди, достигшие высокого положения и власти, в первые же дни выказывают весь свой характер; поэтому поскольку Архелай говорил мягко и любезно с народом, постольку же чернь еще более превозносила его похвалами, а затем стала требовать себе всяких льгот: одни громко требовали, чтобы им облегчили их ежегодные налоги, другие просили освободить узников, заключенных Иродом в темницы (там их давно томилось множество); были, наконец, и такие, которые требовали отмены налогов, безжалостно взимавшихся со всего покупаемого и продаваемого на рынках. Считая весьма важным для себя с самого начала заслужить расположение народа, нужное для утверждения его во власти, Архелай нисколько не отклонял этих просьб, но начал с полной готовностью исполнять все эти желания народа. Затем он принес жертву Предвечному и отправился обедать со своими друзьями[9].

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. В это время некоторые иудеи, собравшись для того, чтобы совершить попытку к восстанию, стали громко оплакивать Матфия и его умерщвленных Иродом товарищей, которые из страха народа перед последним до сих пор не удостоились еще чести быть погребенными; эти люди были при-

говорены к казни за снятие золотого орла (с храма). И вот бунтовщики с криками и воплями стали поносить царя, как будто бы это могло облегчить положение казненных. Собравшись на сходку, они потребовали, чтобы Архелай наказал всех тех лиц, которые пользовались особым благоволением Ирода, а раньше всего сместил назначенного Иродом первосвященника и заменил его более сведущим в законах и более порядочным человеком. Хотя Архелай и очень беспокоился этим их движением, однако постарался успокоить их, имея в виду поскорее отравиться в Рим и там гарантировать себе поддержку со стороны императора. Поэтому он выслал к ним одного из своих военачальников с приказанием уговорить их, указав им, чтобы они оставили свою неразумную в данный момент затею и приняли во внимание, что смерть, постигшая их друзей, была вполне законной; вместе с тем военачальнику было поручено доказать им, что в их требованиях много оскорбительного и что современные обстоятельства требуют на первом плане единодушия, пока Архелай не вернется к ним обратно с утверждением в сане царя со стороны императора. Тогда он готов обсудить с ними совместно их требования, пока же просит воздержаться от дальнейших манифестаций, чтобы не навлечь на себя недовольства бунтовщиков.

2. Такое поручение царь дал военачальнику и отпустил его затем к народу. Бунтовщики, однако, кричали и не дали военачальнику промолвить слова; они угрожали смертью ему, равно как всякому, кто бы вздумал уговорить и остановить их в их намерениях; при этом они придавали больше значения своим собственным желаниям, чем требованиям начальников, считая безобразным, что если они при жизни Ирода лишились друзей своих, не иметь, после его смерти, возможности отомстить своим врагам. В своем крайнем озлоблении они считали законным и справедливым всякий приятный им поступок, совершенно игнорируя связанную с этим для них опасность; если кому-нибудь из них и приходила в голову такая мысль, то он предпочитал насладиться скорее чувством мщения своим злейшим врагам, чем думал о возможных последствиях этого мщения. Несмотря на то, что Архелай высылал к ним для переговоров нескольких лиц и некоторые сами, без его приказания, от себя пытались успокоить недовольных, последние никому не дали говорить. Напротив, они

страшно рассвирепели и подняли целый бунт; при этом было очевидно, что они решатся на крайние меры, если к ним присоединится побольше простонародья.

3. В это время наступил праздник, в который иудеям древним законом предписано есть опресноки. (Этот праздник носит название Пасхи, служа напоминанием их удаления из Египта; эти дни иудеи празднуют особенно охотно, и у них в обычае приносить тогда больше жертв, чем в какой-либо другой праздник; в это же время на поклонение Всевышнему стекается в город бесчисленная масса жителей не только из пределов их собственной страны, но и из-за границы.) И вот бунтовщики, оплакивавшие смерть законоучителей Иуды и Матфия, также собрались в храме, где у них всего было вдоволь, потому что им не было стыдно выклянчивать себе запасы у других. Тогда Архелай, опасаясь, как бы эти люди в своем ослеплении не решились на опасные меры, выслал к ним отряд тяжеловооруженных под командой хилиарха с предписанием сдержать пыл бунтовщиков раньше, чем к ним присоединится и ими будет увлечена слишком большая часть народа. При этом царь приказал привести к нему всех тех, кто обнаружил бы слишком большое увлечение беспорядками. На этих солдат руководители бунта и масса простонародья набросились с яростью, крича и ободряя друг друга, окружили их и закидали большинство их камнями. Спаслись бегством лишь немногие из солдат и их военачальник, но все они были ранены. Затем, совершив это, бунтовщики вновь принялись за жертвоприношения. Между тем Архелай стал опасаться за целость своего царства, если не подавит этого волнения народа. Поэтому он выслал все свое войско, а также кавалерию, предписав последней воспрепятствовать тому, чтобы заключенным в храме была оказываема какая-либо поддержка со стороны расположившихся вне святилища, а также ловить тех, кто избегнет рук пехоты и считал бы себя уже в безопасности. Таким образом, всадники перебили до трех тысяч человек; остальные ушли на ближайшие возвышенности. Затем Архелай велел возвестить всем, что разрешает им вернуться к делам своим. Тогда эти люди оставили празднование Пасхи и возвратились домой, боясь всяких осложнений, хотя они (вначале) и выказали, благодаря своей необразованности, такую дерзость.

После этого Архелай в сопровождении своей матери, Пто-

лемея, Николая и многих друзей отправился в морское путешествие, поручив заведование всеми домашними и государственными делами своему брату Филиппу. Вместе с ним поехала также Саломия, сестра Ирода, со всей многочисленной родней своей, под предлогом поддержать Архелая в его утверждении царем, на деле же с целью противодействовать ему в этом и особенно для того, чтобы поднять шум из-за случившегося в храме. В Цезарее с Архелаем встретился Сабин, сирийский уполномоченный императора, отправлявшийся в Иудею, чтобы заарестовать денежные суммы Ирода. Однако от этого намерения удержал его прибывший туда Вар, которого с этой целью Архелай специально пригласил через Птолемея. В угоду Вару Сабин воздержался от занятия иудейских крепостей и от опечатания казны, которую предоставил в распоряжение Архелая до постановления соответствующего решения со стороны императора. Сам он остался в Цезарее, обещав это Архелаю. Когда же Архелай отплыл в Рим, а Вар вернулся в Антиохию, Сабин двинулся на Иерусалим и занял царский дворец. Затем он послал за начальниками гарнизонов и всеми чиновниками и прямо потребовал от них отчета, распоряжаясь по личному усмотрению судьбой укреплений. Однако чиновники не ослушались ни в чем приказаний Архелая, удержали у себя все, что им доверил царь, и сослались на то, что они берегут все для императора.

4. В это же самое время отправился в Рим также другой сын Ирода, Антипас, имея в виду со своей стороны выступить претендентом на престол. Он был побужден к тому Саломией, которая убедила его, что он имеет больше прав на престол, чем Архелай, так как он был объявлен царем в первом завещании, которое имеет более законной силы, чем написанное впоследствии. Его сопровождали его мать и Птолемей, брат Николая, который раньше принадлежал к числу наиболее влиятельных друзей Ирода, а теперь был близок к нему. Особенно же сильно побуждал Антипаса домогаться престола некий Ириней, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и достигший благодаря этому своему недюжинному таланту высокого общественного положения. Поэтому Антипас и не внимал советам тех, которые уговаривали его уступить своему старшему брату Архелаю, вдобавок назначенному царем в самом завещании Ирода.

Когда Антипас прибыл в Рим, все родные стали на его сторону, впрочем, не из расположения к нему, но из ненависти к Архелаю, особенно же оттого, что все они жаждали свободы и желали быть подчинены римскому наместнику. Если бы, однако, тут вышла задержка, то они считали для себя более выгодным поддерживать Антипаса, чем Архелая, и потому всячески отстаивали интересы первого. Вместе с тем и Сабин прислал Цезарю письменное обвинение против Архелая.

5. Архелай, со своей стороны, представил императору прошение, в котором излагал свои притязания, и, приложив к этому завещание отца, равно как послав к Цезарю Птолемея с перечнем Иродова имущества и перстня, стал ожидать исхода своего дела. Император прочитал бумаги его и письма Вара и Сабина, удостоверился в состоянии имущества Ирода и в его ежегодных доходах, а также внимательно разобрал все доводы Антипаса относительно его прав на царский престол. Затем он собрал для обмена мыслей своих друзей, и в том числе Гая, сына Агриппы и его дочери Юлии, который пользовался у него большим влиянием и которого он считал своим первым советником. Всем желающим высказаться относительно настоящего положения дел император предоставил это право. Первым выступил с речью Антипатр, сын Саломии, человек, отличавшийся необыкновенным красноречием и весьма враждебный Архелаю. Он сказал, что притязания Архелая на престол являются насмешкой, потому что Архелай на самом деле вполне воспользовался царской властью раньше, чем его утвердил в этом сане император; при этом он укорял его в том, как дерзко он распорядился с умерщвленными во время праздника, наказание которых ему, даже если бы те были действительно виновны, надлежало бы предоставить власть имущим, а не оставлять это право за собой: если он тут действовал как царь, то он оскорбил императора, не зная еще, как тот относится к нему; если же он действовал как частное лицо, то это еще хуже, так как нельзя иметь притязания на какое-либо право и на утверждение в нем, если отнял у самого Цезаря принадлежащее ему одному право. Вместе с тем он обвинил Архелая также в том, что тот уволил некоторых военачальников, что самовольно сел на царский престол, что он, как настоящий царь, постановлял

решения и соглашался на требования лиц, предъявивших ему свои притязания официально, и что он вообще держал себя так, как только мог себя держать человек, уже утвержденный Цезарем в сане. При этом он поставил ему также на вид, что Архелай выпустил лиц, заключенных в ипподроме, и присоединил к этому еще многое, что отчасти было верно, отчасти по самому существу своему могло случиться вследствие того, что слишком молодые люди злоупотребляют властью из честолюбия. Равным образом он укорял его в недостаточном уважении к памяти отца, указывая, будто Архелай задал пир в ту самую ночь, когда скончался Ирод, следствием чего и явилась попытка народа устроить бунт. Если, продолжал он, Архелай так отплатил мертвому отцу своему, который оказал ему столько благодеяний, и притом таких значительных, днем притворно обливался слезами, как актер, а ночью предавался всяким удовольствиям, которые были ему доступны вследствие его высокого положения, то ясно, что Архелай таким же точно образом поступит и относительно Цезаря, если тот утвердит его во власти, как он поступил и относительно отца своего: ведь он танцует и поет, как будто бы умер его враг, а не ближайший родственник и вдобавок благодетель. Весьма странным поступком со стороны Архелая является и то обстоятельство, что он теперь прибыл к Цезарю с просьбой утвердить его на престоле, после того как раньше сделал все, на что уполномочить его могло лишь признание его верховным властителем. Особенно же ярко он описывал преступное избиение людей в святилище, подробно рассказал, как они при наступлении праздника были перерезаны наподобие жертвенных животных (причем в числе их находилось несколько чужестранцев, остальные же были туземцами), как храм наполнялся мертвыми телами. Он подчеркивал, что такое злодеяние было совершено не иноземцем, но человеком, облеченным священным именем царя, и было сделано им для того, чтобы удовлетворить ненавистную и прирожденную всем людям страсть к тираническому своеволию. Поэтому-то отцу и во сне никогда не снилось сделать такого человека своим преемником на престоле: ведь Ироду был известен характер Архелая. При этом оратор указал на то, что и по смыслу завещания преимущество принадлежит Антипасу, которого отец назначил своим преемником

на троне тогда, когда он еще не страдал ни физически, ни душевно, но был в полном владении своими умственными силами и настолько здоров, что мог сознательно управлять и распоряжаться всеми своими делами. Впрочем, если бы отец Архелая в прежнем своем завещании распорядился относительно его так же, как в последнем, то ясно, каким бы царем мог стать Архелай, который уже теперь пренебрег императором, тогда как от последнего только и зависит его утверждение в сане, и который, будучи еще частным человеком, не задумался перерезать своих сограждан в храме.

6. Сказав все это и скрепив свою речь свидетельскими показаниями целого ряда тут же находившихся родственников, Антипатр смолк. Тогда в качестве представителя интересов Архелая поднялся Николай и начал говорить, что все случившееся в храме скорее должно быть приписано самовольному поведению пострадавших, чем властным распоряжениям Архелая; ведь лица, решающиеся на такие предприятия, не только поступают гнусно с теми, кого они возбуждают, но и принуждают к насильственным мерам людей совершенно спокойных. Вполне ясно, что бунтовщики восстали на словах как бы против Архелая, в действительности же против императора. Ведь они напали на высланных вполне своевременно Архелаем воинов, которые должны были остановить их в дерзком начинании, и перебили их, не принимая во внимание ни близости Предвечного, ни святости праздника. За таких-то людей Антипатр выступил теперь ходатаем, потому ли, что желает насытить вражду свою к Архелаю, или оттого, что ненавидит голую истину. «Те, кто приступает неожиданно к насильственным действиям, именно и являются лицами, принуждающими других даже против воли браться за оружие для ограждения своей безопасности». Вместе с тем оратор привел целый ряд других возражений против доводов обвинителей, которые сами находились в числе советчиков (Архелая): ничто, что облекается в форму обвинения, не произошло помимо их ведома. Впрочем, все это само по себе и не является преступным, но выставляется теперь таковым для того лишь, чтобы повредить Архелаю, ибо таково уже у них желание насолить родственнику, который оказал крайне важные услуги отцу своему, а по отношению к ним всегда выказывал родственные чувства и обходил-

ся с ними гуманно. При этом царь Ирод составил свое завещание в полном обладании умственными способностями, и это второе завещание уже потому действительнее первого, что царь предоставил Цезарю, как верховному правителю, право утвердить его по всем пунктам. (Я убежден, что) Цезарь никоим образом не последует примеру тех дерзких людей, которые, пользуясь всеми благами власти при жизни Ирода, теперь во всем нагло противодействуют его желаниям, причем не имеют даже права считать себя такими его слугами (каким является Архелай). Ведь Цезарь и не подумает нарушить последнюю волю человека, который постоянно и во всем следовал его указаниям, был его другом и сотрудником и написал свое завещание в уповании на его лояльность. Император по своей доблести и верности, которые известны всему миру, не последует примеру этих гнусных людей и не признает сумасбродным безумцем человека и царя, который назначил преемником своим достойного сына и в этом вполне уповал на преданность Цезаря. Ирод не мог ошибиться в выборе своего наследника, если он был настолько рассудителен, что решил все это оставить на утверждение императора.

7. Этим словом Николай закончил речь свою, Архелай же бросился к ногам Цезаря. Последний велел ему подняться и сказал, что он считает его вполне достойным престола. Этим он в достаточной мере ясно высказал свое личное на этот счет мнение и доказал, что он поступит совершенно сообразно завещанию и вполне примет во внимание интересы Архелая. Сейчас, впрочем, он не решил дальнейшего образа своих действий, но удовлетворился тем, что удостоверился в полном успокоении Архелая. Распустив затем собрание, император стал обсуждать вопрос о том, утвердить ли на престоле Архелая или распределить эту власть между всеми представителями Иродовой семьи, которая ведь также нуждалась в поддержке.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Пока, однако, император постановлял какое бы то ни было решение, мать Архелая, Малфака, заболела и умерла, а от сирийского наместника Вара получилось письмо, в котором он извещал о бунте иудеев. Дело в том, что после от-

плытия Архелая народ стал волноваться; сам Вар приехал, жестоко наказал зачинщиков восстания, по силе возможности успокоил волнующихся и возвратился в Антиохию, оставив в Иерусалиме один легион для подавления всякой попытки иудеев к восстанию. Впрочем, ему не вполне удалось подавить возмущение. Дело в том, что по отъезде Вара императорский наместник Сабин, оставшийся на месте, стал сильно удручать восставших, рассчитывая на то, что при помощи оставленного ему войска он справится с ними и с народом. Он окружил себя значительным числом телохранителей, чем возбуждал лишь иудеев и побуждал их к возмущению. При этом он пытался насильно овладеть укреплениями и в своей алчности и своем корыстолюбии всецело предавался разыскиванию царских сокровищ.

2. При наступлении Пятидесятницы (так называется один из наших праздников) огромные толпы народа собрались в город не только с целью помолиться, но и для того, чтобы выразить свое негодование по поводу насилий Сабина; много явилось также галилеян, идумеян, иерихонцев, а также жителей Заиорданья; к ним присоединилось огромное множество иудеев, которые сильнее других пылали желанием отомстить Сабину. Все собравшиеся разбились на три отряда и расположились каждый отдельно, причем одни заняли ипподром, а из прочих двух отрядов один расположился вдоль восточной, южной и северной сторон святилища, а другой — вдоль западной стороны, где находился царский дворец. У них были сделаны приготовления для осады отовсюду окруженных ими римлян. Сабин испугался такой массы врагов и опасался вспышки со стороны мужей, которые предпочли умереть, чем подчиниться, и всю свою доблесть полагали в победе; поэтому он немедленно послал Вару письмо и настоятельно просил его тотчас же поддержать его в крайней опасности, угрожающей оставленному им войску; он писал ему о возможности быть вскоре захваченными в плен и перебитыми. Сам он занял высокую башню крепости, так называемую Фасаилову башню, воздвигнутую в честь Иродова брата Фасаила и получившую свое название после убиения Фасаила парфянами, и дал знак римлянам выступить против иудеев; и в то время как сам он не решался спуститься к друзьям своим, он считал возможным, чтобы дру-

гие умирали за него и за его любостяжание. Когда римляне рискнули сделать вылазку, произошел ожесточенный бой, в котором римляне одержали верх над врагами. Однако, невзирая на такое бедствие и несмотря на массу павших, иудеи не переставали сохранять мужество. Они сделали обход и взобрались на крыши галерей, окружающих снаружи храм; тут снова возгорелся ожесточенный бой, причем иудеи бросали сверху камни либо прямо руками, либо из пращей; они были на это мастера. К ним также присоединились все стрелки, которые наносили римлянам значительный урон, потому что успели занять более возвышенную позицию и были недосягаемы для неприятельских дротиков, тогда как сами имели крупные преимущества перед врагами. В таком виде бой продолжался значительное время. Наконец римлянам надоело все это, и они, незаметно от иудеев, взобравшихся на крыши галерей, подожгли эти галереи. Так как они при этом кидали в огонь много горючего материала, то пламя быстро охватило крышу, деревянные части которой, особенно благодаря наличности массы смолы и воска, равно как покрытой лаком позолоты, вскоре были объяты пламенем. Таким образом это великое и дивное сооружение превратилось в ничто, а находившиеся на крыше нашли тут нежданно свою гибель. Когда крыша рухнула, многие упали вместе с ней в огонь, других при этом застрелили враги. Отчаиваясь в своем спасении и страшась предстоящей участи, многие сами ринулись в огонь, другие же собственноручно покончили с собой при помощи своих мечей. Те, наконец, которые пытались спастись тем же путем, каким взобрались на крышу, были все перебиты римлянами вследствие своей безоружности, своего отчаяния и потери мужества, в которую их ввергала безоружность. Таким образом, ни один из тех, которые взобрались на крышу, не спасся. Римляне ринулись повсюду, где только можно было проникнуть, внутрь храма и старались овладеть богатствами последнего. При этом многое было разворовано солдатами, Сабин же унес на глазах у всех четыреста талантов.

3. Иудеи были огорчены несчастьем, постигшим павших в битве друзей, а также похищением сокровищ. Тем не менее, однако, они заняли царский дворец всеми своими наиболее дельными и храбрыми воинами и угрожали поджечь дворец

и перебить всех; при этом они предлагали римлянам скорее удалиться, обещая им и Сабину с его приверженцами в этом случае полную безопасность. Тогда большинство царских войск перешло на их сторону. Руф же и Грат, располагавшие тремя тысячами отборного и рослого войска Ирода, примкнули к римлянам. То же самое сделал и отдельный конный отряд, бывший под командой Руфа. Иудеи, в свою очередь, не ослабляли осады; они подкапывали стены и кричали осажденным, чтобы те не мешали им вернуть прежнюю свою свободу. Сабину, правда, хотелось удалиться со своими воинами, но вместе с тем он не решался поверить (иудеям) вследствие учиненных над ними насилий, да к тому же его сильно сбивала неожиданная мягкость врагов. Кроме того, он ожидал прибытия Вара и потому подвергался дальнейшей осаде.

4. В это же самое время множество других волнений охватило Иудею, причем многие решились на открытую борьбу либо в надежде на личную выгоду, либо из ненависти к иудеям. Так, например, две тысячи бывших солдат Ирода, вернувшихся теперь на родину, собрались в пределах самой Иудеи и начали неприязненные действия против царских приверженцев. Сопротивление стал им оказывать двоюродный брат Ирода, Ахиав, но так как более опытные в военном деле противники оттеснили его с равнины на плоскогорье, то он искал по возможности спасения в неприступных горных ущельях.

5. Был там также некий Иуда, сын могущественного атамана разбойников Езекии, которого Ирод с большими трудностями держал в повиновении. Этот Иуда собрал около галилейского города Сепфориса огромную толпу отчаянных людей, сделал набег на царский дворец, захватил все находившееся там оружие, вооружил им всех своих приверженцев и похитил все находившиеся там деньги. Так как он грабил и брал в плен всех, кто ему попадался на пути, то он всюду вселял ужас. При этом им руководило желание добиться высшего положения и даже царского достоинства; впрочем, он рассчитывал достигнуть этого не столько доблестью, сколько дерзким захватом.

6. Существовал тогда также один из служителей царя Ирода, некий Симон, человек красивый, огромного роста и крайне сильный, пользовавшийся доверием царя. Основываясь на беспорядочном состоянии дел, этот человек осмелился

возложить на себя царский венец. Собрав себе толпу приверженцев, которые в своем безумии провозгласили его царем, и считая себя вполне достойным этого высокого сана, Симон разграбил и сжег царский дворец в Иерихоне. Равным образом он предал пожару целый ряд других дворцов в стране, причем предоставлял толпе своих приверженцев грабить их сколько угодно. Он, наверное, совершил бы еще более значительные беззакония, если бы против него не были приняты меры: Грат присоединил царские войска к римским и во главе этой рати выступил против Симона. Когда затем произошла продолжительная и ожесточенная битва, большинство приверженцев Симона, происходивших из Переи и представлявших из себя беспорядочную толпу, сражавшуюся скорее храбро, чем умело, погибли, а сам Симон, искавший спасения в бегстве по узкому ущелью, попался в руки Грата и был им обезглавлен.

Около Иордана, в Амафе, дворец был также сожжен толпой бродяг, похожей на приверженцев Симона. Таким образом, полная разнузданность овладела народом, так как у него не было своего царя, который мог бы доблестным правлением сдерживать народную массу, а прибывшие для успокоения возмутившихся иноземцы лишь подливали масла в огонь своим наглым отношением и своим корыстолюбием.

7. Вместе с тем даже некий Афронг, человек, не блиставший ни знатностью рода, ни личной доблестью, ни обилием денежных средств, всего-навсего простой пастух, отличавшийся, впрочем, огромным ростом и недюжинной физической силой, решился домогаться царской власти. Удовольствие пользоваться выдающимся положением заставляло его не дорожить даже личной жизнью и подвергнуться гибели. У него было четверо братьев, таких же рослых и сильных, как он сам. В них он рассчитывал иметь хорошую поддержку при овладении царским престолом. Так как около них собралась огромная толпа приверженцев, то каждый из братьев взял на себя командование одним отрядом. Таковы-то были его военачальники. Они помогали ему, вступая постоянно, по собственному усмотрению, в стычки.

Сам же Афронг надел на себя царский венец и держал совет относительно дальнейшего образа действий. При этом он

всюду руководился лишь своим собственным мнением. В руках такого человека власть была долгое время; он назывался царем и мог невозбранно делать все, что ему было угодно. Как он сам, так и его братья сильно вредили своей жестокостью римлянам и царским войскам, питая как к тем, так и к другим сильную ненависть: последних они ненавидели за надменность при жизни Ирода, римлян же — за те обиды, которые они, по их мнению, наносили им. С течением времени озлобленность их росла все более и более. Никому, кто попадался им в руки, уже не было спасения либо вследствие их корыстолюбия, либо вследствие их любви к убийствам. Однажды они напали близ Еммауса на когорту римлян, которая везла войску хлеб и оружие. Окружив римский отряд, они закидали дротиками начальника его, Ария, и сорок лучших его пехотинцев. Испугавшись этого поражения, остальные римляне спаслись бегством, бросив трупы товарищей; им на выручку, впрочем, пришел Грат во главе царских войск, бывших в его распоряжении.

Такие стычки устраивали они в течение долгого времени, нанося римлянам немало вреда и сильно притесняя свой собственный народ. Впрочем, впоследствии все они пали, один в битве с Гратом, другой в бою с Птолемеем. Старший попался в руки Архелая, и тогда последний, в горе от постигшей братьев неудачи и не видя для себя спасения вследствие своего одиночества и потери войска от переутомления, отдался, уповая на Господа Бога, в полное распоряжение Архелая.

8. Все это, впрочем, произошло значительно позже. Тем временем Иудея была полна разбойничьих шаек. Где только ни собиралась толпа недовольных, она тотчас выбирала себе царя, на общую гибель. Правда, эти цари наносили римлянам маловажный вред, зато свирепствовали среди своих собственных единоплеменников.

9. Лишь только Вар узнал из письма Сабина о случившемся, он стал опасаться за участь римского легиона. Поэтому он взял два остальных легиона (в Сирии их было всего три) и четыре отряда конницы, равно как вспомогательные войска, которые тогда предоставили в его распоряжение некоторые цари и тетрархи, и поспешил с ними на помощь осажденным в Иудее. Войска, высланные вперед, получили приказание спешить в Птолемаиду. Между прочим, когда он

проходил через город Берит, жители дали ему вспомогательный отряд в полторы тысячи человек. Равным образом и царь Каменистой Аравии, Арет, который из вражды к Ироду сдружился с римлянами, послал ему довольно значительные пешие и конные отряды. Когда же вся рать собралась в Птолемаиде, он дал часть ее своему сыну и одному из своих друзей для того, чтобы они начали войну с галилеянами, населявшими окрестности Птолемаиды. Было совершено нападение, и враги были обращены в бегство. Затем был занят город Сепфорис, жители его проданы в рабство, а город сожжен. Сам Вар во главе всего войска двинулся к Самарии, но не причинил этому городу никакого вреда, так как жители его не принимали участия в смутах. Тут он расположился станом в деревушке Арус, входившей в состав области Птолемея. Эту деревню подожгли арабы, побуждаемые к тому ненавистью к Ироду и потому также враждебно относившиеся ко всем друзьям последнего. Выступив отсюда, арабы разграбили и сожгли другую деревню, Самфо, которая представляла из себя довольно укрепленный и неприступный пункт. Вообще на пути их все подвергалось насилию, везде царили пожар и убийство. Таким образом, по приказанию Вара, желавшего устроить нечто вроде искупительной жертвы в память павших воинов, был подожжен и Еммаус; жители, впрочем, успели вовремя покинуть этот город. Отсюда он двинулся уже к Иерусалиму. Когда же расположившиеся у стен для осады иудеи увидели приближение его войска, то не стали дольше ждать и отступили, бросив осаду. Затем, когда Вар жестоко накинулся на иерусалимских иудеев, последние стали оправдываться тем, что стечение такой массы народа в городе объясняется наступившими праздниками, и что войну следует приписать вовсе не их желанию, но дерзости пришельцев, и что они вместе с римлянами скорее подвергались осаде, чем думали сами осаждать римлян. Навстречу Вару выехали Иосиф, двоюродный брат царя Ирода, Грат и Руф во главе войск своих и все осажденные римляне. Сабин, впрочем, не попадался Вару на глаза: он удалился из города к морю.

10. Потом Вар разослал по стране часть своего войска и стал ловить виновников возмущения. Когда ему указывали на таковых, он их наказывал как зачинщиков; многих, впрочем, он отпустил без наказания. Таким образом было казне-

но (через пригвождение к кресту) две тысячи человек. Видя затем, что войска ему более не нужны, он распустил их, потому что они, вопреки повелениям и желаниям Вара, совершили много насилий и грабежей из любостяжания. Когда же он узнал, что вновь собралось десять тысяч иудеев, он поспешил захватить их. Впрочем, они не вступили с ним в бой, но, по совету Ахиава, сдались Вару.

Последний простил толпе ее провинность, руководителей же ее отправил к императору. Большинство из них Цезарь отпустил безнаказанными, подвергнув казни лишь тех из участников бунта, которые принадлежали к числу родственников Ирода, потому что они вопреки всякой справедливости выступили против своих сородичей[10].

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Устроив таким образом дела свои и оставив в Иерусалиме в качестве гарнизона прежний легион, Вар двинулся к Антиохии. Для Архелая же тем временем в Риме возникли новые осложнения по следующему поводу: с разрешения Вара в Рим прибыло посольство иудеев, просившее автономии. Этих представителей народа было всего пятьдесят; в Риме к ним присоединилось еще свыше восьми тысяч иудеев. Когда Цезарь собрал совет из своих приближенных и главных римских должностных лиц в храме Аполлона, сооруженном им с большими расходами, туда прибыли посланные в сопровождении толпы местных евреев, а также Архелай со своими друзьями. Так как родственники царя питали ненависть к Архелаю, то, с одной стороны, они не желали поддержать его, с другой же, считали тягостным вместе с посланными выступить против него, причем понимали, насколько будет позорно в присутствии Цезаря выступать против родственника. Вместе с тем и Филипп, по совету Вара, прибыл из Сирии в Рим, главным образом для поддержания брата (к которому питал большое расположение Вар), а с другой стороны, также для того, чтобы в случае перемены порядка правления (Вар считал и это возможным, так как предвидел разделение царства вследствие множества поборников автономии) не упустить случая гарантировать и себе некоторую часть.

2. Когда было предоставлено слово иудейским посланным, собиравшимся говорить о необходимости уничтожения царской власти, они приступили к обвинению Ирода во всевозможных беззакониях; правда, они называли его царем, и он был таковым по имени, но позволял себе тиранические деяния, направленные к гибели иудеев, и не отступал перед самовольным введением различных новшеств. Существовало множество людей, которых он загубил дотоле неизвестным по своей жестокости в истории способом, а еще хуже страдания оставшихся в живых, так как он стеснял их не только лично, но и угрожал отнять у них все их имущество. Окрестные города, населенные иноземцами, не уставал украшать за счет гибели и разорения своих собственных подданных; народ он вверг в безвыходную нищету, тогда как он застал его, за немногими исключениями, в положении благосостояния; у знати, которую он подвергал казни по самым ничтожным причинам, он отнимал имущество, тех же представителей ее, которым оставлял жизнь, окончательно лишал всех денег. Помимо того, что насильно и беспощадно взимались налоги, назначенные каждому жителю ежегодно, никогда нельзя было обойтись без взяток как ему самому, так и его приближенным, друзьям и чиновникам, которым было поручено взимание этих налогов. Иначе, если не заплатить денег, нельзя было спокойно жить. Можно обойти молчанием растление им девушек и опозорение женщин. Так как эти злодеяния совершались им в пьяном виде и без свидетелей, то потерпевшие лучше молчали, как будто бы ничего и не было, чем разносили молву об этом. Итак, Ирод выказал относительно их такое же зверство, какое могло выказать лишь животное, если бы последнему была предоставлена власть над людьми. Хотя народ претерпевал и раньше многие превратности и пертурбации, однако история не знает о таком несчастье, какое постигло народ благодаря Ироду. Поэтому-то они так охотно провозгласили царем Архелая, полагая, что, кто бы ни сел на престоле, он будет все-таки мягче Ирода; поэтому они охотно несли траур по его отцу и были готовы сделать все, лишь бы расположить к себе нового царя. Последний, однако, видимо боясь показаться неродным сыном Ирода, не задумался немедленно выказать народу весь свой характер, и притом в такое время, когда император еще

не успел утвердить его в сане и дать ему безграничную власть. Он немедленно показал своим подданным пример той доблестной мягкости и законности, которую желал впоследствии проявлять относительно их: первым его поступком относительно народа и Предвечного было, что он учинил избиение трех тысяч единоплеменников в святилище. Как же им теперь не выказывать ему совершенно основательной ненависти, если он, помимо своей жестокости, еще возвел на них обвинение в беззаконном сопротивлении его власти! Результат их просьбы сводится теперь к тому, чтобы освободиться от такого царства и таких правителей, слиться с населением Сирии и подчиниться посылаемым туда наместникам. Тогда-то обнаружится, действительно ли они беспокойны и добиваются смут, или же они могут быть добрыми подданными при мягких правителях.

3. Так говорили иудеи. Николай приступил к оправданию царей от возводимых на них обвинений и сказал, что они не выступали против Ирода, пока он был жив (особенно неприлично обвинять мертвого, когда имели возможность сделать это при его жизни и когда они могли добиться наказания его). Поступок Архелая он отнес на счет их собственной дерзости; они стремились к противозаконным деяниям и сами начали избивать тех, на обязанности которых лежало удерживать их от насилий; теперь они жалуются на то, что и с ними поступили так же. Вместе с тем он упрекнул их в беспокойном нраве и в том, что они находят удовольствие в возмущениях, причем их невоспитанность выражается в нежелании повиноваться справедливости и законам, так как они хотят везде занимать первенствующее место.

4. Так говорил Николай. Услышав это, император распустил собрание. Через несколько дней он назначил Архелая, правда, не царем, но этнархом половины владений Ирода, причем обещал ему почетный титул царя, если только Архелай заслужит этого своим поведением. Вторую половину он разделил на две части и отдал их двум другим сыновьям Ирода, а именно Филиппу и Антипасу. Последний являлся конкурентом своему брату Архелаю на всю область. Антипасу достались Перея и Галилея, дававшие ежегодный доход в двести талантов. Батанея, Трахон, Атранитида и область, носящая название «удел Зенодора», доставляли Филиппу доход

в сто талантов. Остальное, именно Идумея, Иудея и Самария, достались Архелаю, причем самаряне были освобождены от четвертой части налогов; император даровал им эту льготу за то, что они не приняли участия в общем восстании народа. Таким образом, Архелаю были подчинены города: Стратонова Башня, Себаста, Яффа и Иерусалим.

Газа, Гадара и Иннос были городами с греческим населением; император отнял их у него и включил их в состав Сирии. Архелай получал с уделенной ему области ежегодного дохода шестьсот талантов.

5. Это досталось сыновьям Ирода из отцовского наследия. Саломии император подарил, кроме того, что оставил ей по завещанию брат ее (а именно Ямнию, Азот, Фасаилиду и 500 000 серебряных монет), еще царский дворец в Аскалоне. Таким образом, ежегодный доход ее достигал до шестидесяти талантов, а владения ее находились в области Архелая. Также и остальные родственники царя получили уделы, назначенные им по завещанию. Двум незамужним дочерям царя император подарил, помимо того, что оставил им отец, еще по 250 000 сребреников и выдал их замуж за сыновей Фероры. Все те суммы, до полутора тысяч талантов, которые были царем завещаны самому Цезарю, он вернул сыновьям его, а себе оставил лишь несколько вещей, не столько, впрочем, вследствие их ценности, сколько на память о царе Ироде[11].

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

1. Когда Цезарь распорядился таким образом, один иудейский юноша, воспитывавшийся в городе Сидоне у некоего римского вольноотпущенника, выдал себя за сына Ирода, так как очень походил лицом на Александра, которого умертвил его отец Ирод. Это сходство было подтверждено всеми видевшими юношу. Это-то обстоятельство и побудило его добиваться царской власти. В сообщники он выбрал себе единоплеменника, человека, опытного в придворных интригах, впрочем, большого негодяя, который по самой природе своей был искусным интриганом. Этого человека иудей взял себе в руководители в своем гнусном предприятии и затем объявил себя Александром, сыном Ирода, говоря, что его спрятал один из тех, кому было поручено казнить его. По-

следний умертвил других юношей, чтобы ввести в заблуждение присутствовавших при этом, его же и его брата Аристовула он спас. Этим он сам был окончательно сбит с толку и невольно вводил в заблуждение других. Когда он прибыл на остров Крит, то убедил в том всех иудеев, с которыми ему пришлось иметь дело. Снабженный с их стороны значительной денежной суммой, он поехал затем на остров Мелос. Тут в еще гораздо большей степени стали стекаться к нему деньги, потому что люди верили в его царственное происхождение и давали ему деньги в надежде, что он, по достижении престола отца своего, вознаградит своих благодетелей. Затем он в сопровождении своих новых друзей поехал в Рим и, пристав в Дикеархее, так же удачно сумел обмануть тамошних иудеев. К нему отнеслись как к царю, и особенно примкнули к нему те, кто был расположен к Ироду и дружен с ним. Причиной этого служило общечеловеческое свойство, в силу которого охотно слушаешь речи человека красивого. Ему удалось вселить в людей, имевших сношения с Александром, уверенность, что он именно и есть сам царевич, так что те даже готовы были присягнуть в этом. Молва о нем достигла Рима раньше его, так что все тамошние иудеи вышли к нему навстречу. Их особенно увлекала чудесность его спасения, и, когда он проезжал на колеснице по улицам, они выражали особенно бурную радость по поводу того, что он сын именно Мариамны. Вся обстановка Александра была, за счет друзей его, поистине царская. Народ окружал его толпой, в честь его раздавались ликования, и вообще произошло все то, что обыкновенно бывает, когда, против ожидания, находится мнимо погибший.

2. Когда весть о нем дошла до императора, последний не поверил ей, так как знал, что нелегко было обмануть Ирода в столь серьезных для него делах. Однако, не будучи вполне уверен, он приказал одному из своих вольноотпущенников, Келаду, который был (когда-то) близок с царственными юношами, привести к нему Александра. Так тот и сделал, причем оказался не смышленее прочих. Император, впрочем, не дал ввести себя в заблуждение. Сходство действительно было, но не настолько большое, чтобы можно было обмануть зоркий глаз. От тяжкой работы Лже-Александр огрубел, и тогда как можно было бы ожидать у человека такого про-

исхождения, получившего такое воспитание, нежности кожи, последняя, напротив, на всем его теле была жестка и груба. Видя, насколько учитель и его ученик спелись в своей лжи и держали себя одинаково дерзко, император стал расспрашивать мнимого Александра о судьбе спасшегося вместе с ним Аристовула и по какой причине он не явился сюда для участия в тех почестях, которые подобают лицам столь высокого происхождения. Тот сказал, что Аристовул из боязни перед опасностями моря остался на Кипре, а также для того, чтобы, в случае если Александра постигнет неудача, род Мариамны не пресекся окончательно; тогда Аристовул, оставаясь в живых, мог бы начать действовать против своих врагов. Когда же выдумавший всю эту комедию стал подтверждать слова юноши и поддерживать его, император отвел юношу в сторону и обратился к нему со следующими словами: «Если ты мне скажешь всю правду, то я тебе в награду за это подарю жизнь. Поэтому скажи мне, кто ты такой и кто побудил тебя к такому рискованному предприятию; ведь это преступление, которого ты, по юности своей, не мог сам придумать». Тут не было уже исхода. Пришлось рассказать Цезарю о всем плане, каким образом и кем он был придуман. Видя крепкое телосложение Лже-Александра, император (желавший сдержать данное ему слово) отправил его гребцом на корабль, а виновника всей этой истории предал казни. Жителям острова Мелоса было уже достаточным наказанием, что они бросили на ветер в пользу Лже-Александра такую кучу денег.

Так бесславно окончился дерзкий план Лже-Александра[12].

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1. Когда назначенный тетрархом Архелай прибыл в Иудею, то лишил сына Боэта, Иоазара, первосвященнического сана в наказание за его участие в восстании и назначил на его место его брата Елеазара. Затем он роскошно отстроил иерихонский дворец и провел половину воды, орошавшей в избытке деревушку Неару, к городу, причем засадил всю окрестную равнину финиковыми пальмами. Тут он основал деревню, которую назвал Архелаидой. Вместе с тем он позволил себе одно закононарушение, а именно: женился на

Глафире, дочери Архелая, которая раньше была женой его брата Александра и имела от последнего детей. Иудеям строго возбраняется жениться на вдовах своих братьев. И Елеазар недолго был первосвященником, так как еще при его жизни эту должность занял вместо него Иисус, сын Сия.

2. На десятом[13] году правления Архелая наиболее выдающиеся иудеи и самаряне, не будучи в состоянии переносить его жестокость и тиранию, обвинили его перед императором, особенно ввиду того, что Архелай, как они узнали, нарушил предписание Цезаря обращаться мягко с подданными. Когда это услышал император, то разгневался и послал за поверенным Архелая в Риме (его также звали Архелаем), так как не считал нужным писать этнарху Архелаю. Поверенному этому он сказал: «Поезжай немедленно и привези к нам Архелая». Последний тотчас же отправился в путь и, прибыв в Иудею, застал Архелая за пиром в обществе друзей. Тут он сообщил ему о желании Цезаря и стал торопить его с отплытием. Когда же он прибыл (в Рим) и Цезарь выслушал некоторых обвинителей и его самого, то он приговорил его к изгнанию, назначил ему для жительства галльский город Виенну[14] и конфисковал его имущество.

3. Раньше чем Архелай получил приглашение явиться в Рим, он рассказал своим друзьям о следующем сне: он видел десять[15] зрелых и полных колосьев пшеницы, склонившихся низко; их объедало десять волов. Проснувшись и считая этот сон весьма знаменательным, он послал за снотолкователями, которые были искусны в своем деле. Пока те еще спорили между собой и не могли прийти к соглашению, некий ессеянин Симон потребовал, чтобы ему было предоставлено право говорить без стеснения, и сказал, что виденный Архелаем сон предвещает поворот судьбы его к худшему. Волы знаменуют собой горе, потому что труд этих животных тяжкий, а перемена судьбы предвещается тем, что волы трудом своим вспахивают землю, которая поэтому благодаря им подвергается изменениям. Десять колосьев указывают на такое же количество лет, потому что колосья зреют ежегодно один раз. Итак, наступает конец правлению Архелая. Таким образом Симон объяснил сон, а на пятый день после этого прибыл посланный императором в Иудею уполномоченный Архелай.

4. Нечто подобное случилось также с женой Архелая, Глафирой, дочерью царя Архелая, с которой тот, как я упомянул выше, вступил в брак, после того как она была замужем за Александром, сыном Ирода и братом Архелая. Когда ее первый муж, Александр, был казнен отцом своим, то она вышла замуж за ливийского царя Иова. После смерти последнего она жила вдовой в Каппадокии у отца своего, и тут-то на ней женился Архелай, расставшийся по этому поводу со своей женой Мариамной. Такая сильная любовь к Глафире обуяла его. Уже в бытность замужем за Архелаем ей приснился следующий сон: ей приснилось, будто Александр явился к ней и она заключила его в свои объятия. Он же стал укорять ее, говоря: «Глафира, ты теперь подтверждаешь поговорку, что не следует доверять женщинам. Ты девушкой вышла за меня и жила со мной, у нас с тобой были дети, но ты предала забвению мои ласки и вступила во второй брак. И с тебя не было достаточно этого позора. Ты решилась отдаться третьему мужу, и притом бесстыдно и нагло ввела его в мой дом. Выйдя за Архелая, ты связалась со своим шурином, моим братом. Я же не могу забыть своей любви к тебе; поэтому я освобожу тебя от этого позора и верну тебя к себе, как то было прежде».

Глафира рассказала это своим родственницам, а несколько дней спустя умерла.

5. Я считал приведение этих фактов вполне уместным в своем повествовании, которое в этом месте посвящено истории царей. Кроме того, я полагаю, что тут мы имеем отличное доказательство бессмертия души и того, что Предвечный печется о людях. Кто же этому не поверит, тот, оставаясь при своем мнении, никому не должен препятствовать признавать за истину то, что побуждает человека к добродетели.

Область, некогда подчиненная Архелаю, была включена в состав Сирии. Император же послал туда бывшего консула, Квириния, чтобы сделать перепись[16] в Сирии и продать дом Архелая[17].

Книга восемнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. Как Квириний был послан императором для совершения переписи в Сирии и Иудее и выдачи состояния Архелая.

2. Как Копоний, происходивший из сословия всадников, был отправлен в Иудею в качестве прокуратора.

3. Как галилеянин Иуда уговаривал народ не определять своего имущества, пока наконец первосвященник Иоазар не посоветовал ему лучше подчиниться римлянам.

4. О том, какие философские школы были у иудеев и каково было их учение.

5. О том, как тетрархи Ирод и Филипп воздвигали города в честь императора.

6. О том, как самаряне бросили в храм кости умерших и тем осквернили народ на целых семь дней.

7. О том, как Саломия, сестра Ирода Великого, завещала перед смертью свое имущество императрице Юлии.

8. О том, как Понтий Пилат хотел тайно доставить в Иерусалим изображения императора, как этому воспротивилось население и подняло бунт.

9. О том, что постигло римских иудеев в это время со стороны самарян.

10. О жалобе самарян Вителлию на Пилата и о том, как Вителлий побудил его поехать в Рим и дать отчет во всем случившемся.

11. О войне тетрарха Ирода с арабским царем Аретом и о его поражении.

12. О том, как император Тиверий послал Вителлию приказ побудить парфянского правителя Артабана послать ему заложников и начать войну с Аретом.

13. О смерти Филиппа и о том, как его тетрархия стала римской провинцией.

14. О путешествии Агриппы в Рим, где он был обвинен своим собственным вольноотпущенником и брошен в тюрьму.

15. О том, как Агриппа после смерти Тиверия был освобожден Гаем (Калигулой) и провозглашен царем тетрархии Филиппа.

16. О том, как Ирод во время своего путешествия в Рим был смещен и как Гай Калигула предоставил его тетрархию Агриппе.

17. О споре иудеев с александрийскими греками и как те и другие отправили к императору по посольству.

18. Обвинение иудеев со стороны Апиона и его товарищей по посольству в том, что иудеи не признают изображения императора.

19. О том, как разгневанный этим Калигула послал Петрония наместником в Сирию для войны с иудеями, если бы последние отказались воздвигнуть ему статую.

20. О гибели, уготованной вавилонским иудеям братьями Асинеем и Анилеем.

Содержание книги обнимает период в тридцать два года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Сенатор Квириний, который раньше занимал все государственные должности и проложил себе дорогу к консульству, человек, пользовавшийся во всех делах огромным влиянием, явился в Сирию, куда его посылал император для того, чтобы творить суд и оценить все имущество населения. Вместе с ним был послан и Копоний, происходивший из всаднического сословия. Ему была предоставлена верховная власть (прокуратора) над всей Иудеей. Затем в Иудею, которая тем временем вошла в состав Сирии, прибыл и Квириний, желая совершить общую перепись и конфисковать имущество Архелая.

Хотя иудеи при первых слухах о переписи с самого начала были возмущены этим, но в конце концов оставили всякую мысль о сопротивлении благодаря увещеваниям первосвященника Иоазара, сына Боэта. Уступая увещеваниям Иоазара, они наконец беспрепятственно допустили расценку своего имущества. Однако некий галилеянин Иуда, происходивший из города Гамалы, вместе с фарисеем Саддуком стал побуждать народ к оказанию сопротивления, говоря, что допущение переписи поведет лишь к рабству. Они побуждали народ отстаивать свою свободу. Их не может постигнуть неудача, говорили они, потому что налицо самые благоприятные условия; даже если народ ошибется в своих расчетах, он создаст себе вечный почет и славу своим великодушным порывом; Предвечный лишь в том случае окажет иудеям поддержку, если они приведут в исполнение свои намерения, особенно же, если они, добиваясь великого, не отступят перед осуществлением своих планов.

Народ с восторгом внимал этим речам, и, таким образом, предприятие получило еще более рискованный характер. Не было большего бедствия для нашего простонародья, как то, какое уготовили ему вышеназванные люди. Благодаря посто-

янным войнам иудеи более уже не были в состоянии оказывать кому бы то ни было сопротивление; друзей, которые могли бы поддержать их в трудную минуту, также больше не было; зато происходили постоянные разбойничьи набеги и умерщвления наиболее именитых граждан под предлогом преследования общего блага, на самом же деле для того, чтобы палачи могли пользоваться имуществом умерщвленных. Отсюда возникли всевозможные возмущения, происходил ряд политических убийств, отчасти вследствие кровопролитной междоусобной борьбы, так как люди, озверев, кидались друг на друга и в своем увлечении не желали оставлять в живых никого из своих противников, отчасти же вследствие избиения врагов. Наконец, наступил голод, доводящий людей до крайнего бесстыдства, города брались насильно и разрушались, пока наконец эта смута не довела до того, что самый храм Предвечного стал жертвой пламени, брошенного врагами. Такое горе и такие осложнения приносят с собой нарушение и отвержение родных установлений для всех участников этого дела.

Между тем Иуда и Саддук ввели у нас четвертую философскую школу. Имея большое число горячих приверженцев, они не только в настоящий момент преисполнили государство смутой, но и необычными философскими учениями положили на будущее время начало всевозможных бедствий.

Я думаю на этом несколько подробнее остановиться, особенно уже потому, что гибель нашему государству принесла ревностно приверженная этому учению молодежь.

2. У иудеев с давних пор существовали три философские школы, основывавшиеся на толковании древних законов: школы ессеев, саддукеев и фарисеев. Нам уже приходилось говорить о них во второй книге (нашей) «Иудейской войны»[1], но вместе с тем я и здесь готов в немногих словах упомянуть о них.

3. Фарисеи ведут строгий образ жизни и отказываются от всяких удовольствий. Всему тому, что разум признает за благо, они следуют, считая разум лучшим охранителем во всех желаниях. Они выдаются своим почтительным отношением к людям престарелым и отнюдь не осмеливаются противоречить их предначертаниям. По их мнению, все совершающееся происходит под влиянием судьбы. Впрочем, они нис-

колько не отнимают у человека свободы его воли, но признают, что по предначертанию Божию происходит смешение Его желания с желанием человека, идти ли ему по пути добродетели или злобы. Фарисеи верят в бессмертие души и что за гробом людей ожидает суд и награда за добродетель или возмездие за преступность при жизни; грешники подвергаются вечному заключению, а добродетельные люди имеют возможность вновь воскреснуть. Благодаря этому они имеют чрезвычайное влияние на народ, и все священнодействия, связанные с молитвами или принесением жертв, происходят только с их разрешения. Таким образом, отдельные общины засвидетельствовали их добродетель, так как все были убеждены, что фарисеи на деле и на словах стремятся лишь к наиболее высокому[2].

4. По учению саддукеев, души людей умирают вместе с телом, они не признают никаких других постановлений, кроме постановлений закона. Они считают даже похвальным выступать против учителей своей собственной философской школы. Это учение распространено среди немногих лиц, притом принадлежащих к особенно знатным родам. Впрочем, влияние их настолько ничтожно, что о нем и говорить не стоит[3]. Когда они занимают правительственные должности, что случается, впрочем, редко и лишь по принуждению, то саддукеи примыкают к фарисеям, ибо иначе они не были бы терпимы простонародьем[4].

5. Учение ессеев требует все предоставлять на волю Божью; они признают бессмертие душ и считают стремление к справедливости высшей целью. В храм они доставляют пожертвования, но сами они не занимаются жертвоприношениями, признавая другие способы очищения более целесообразными. Поэтому им запрещен доступ в общий храм, и они совершают свое богослужение отдельно. Впрочем, это наилучшие люди, которые всецело отдаются земледельческому труду. Достойно удивления то чувство справедливости у них, которое они, помимо всех прочих народов, ставят не ниже добродетели и которого не знают ни греки, ни другие народы. Это столь в них развитое чувство укоренилось у них не со вчерашнего дня, а издревле, и в силу его они не препятствуют никому жить со всеми общей, равной жизнью: имущество у них общее, и богач пользуется у них не большим,

чем ничего не имеющий бедняк. Такой образ жизни ведут эти люди, и число их превышает четыре тысячи человек. Они не имеют ни жен, ни рабов, полагая, что женщины ведут лишь к несправедливостям, а вторые подают повод к недоразумениям. Живя сами по себе, они услуживают друг другу. Для заведования доходами и произведениями почвы они с помощью голосования избирают наиболее достойных лиц из священнического сословия; последние и должны заботиться о доставлении хлеба и прочих съестных припасов. Они живут все одинаково и наиболее подходят к тем дакийским племенам, которые носят название полистов[5].

6. Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкой своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собой главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры, напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян.

Таковы были философские школы иудеев[6].

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Секвестровав имущество Архелая и окончив перепись в тридцать седьмом году после поражения Антония Цезарем Августом при Акциуме[7], Квириний сместил первосвященника Иоазара за то, что он не поладил с народом, и назначил на его место Анана, сына Сефа[8]. Ирод (II) и Филипп получили каждый по предназначенной им тетрархии. Ирод затем окружил стенами Сепфорис, красивейший город всей галилейской страны, и посвятил его императору, а другой город, Вифарамфту, он также окружил стеной и назвал его в честь

императрицы Юлиадой. Филипп, со своей стороны, отстроил расположенную у истоков Иордана Паниаду и назвал ее Цезареей. Местечко Вифсаиду[9], расположенное у Генисаретского озера, он обратил в город, увеличив число жителей и снабдив его всем нужным, и назвал его Юлиадой в честь Юлии, дочери императора.

2. При прокураторе Копонии, который, как я упомянул, прибыл в Иудею вместе с Квиринием, произошло следующее событие: во время праздника опресноков, носящего у нас название Пасхи, в полночь священнослужители обыкновенно открывали врата храма. Когда они и на этот раз последовали этому обычаю, несколько тайно прибывших в Иерусалим самарян разбросали под сводами галерей человеческие кости[10]. Вследствие этого пришлось, чего раньше никогда не было, никого не впускать в храм и вообще снабдить последний большей охраной.

Вскоре после этого Копоний возвратился в Рим, и преемником ему стал Марк Амбивий. При нем умерла Саломия, сестра царя Ирода Великого, оставив (императрице) Юлии Ямнии всю топархию, расположенный на равнине город Фасаилиду и город Архелаиду, где находились огромные плантации пальм с наилучшими плодами. После Амбивия наместником стал Анний Руф, при котором умер второй римский император[11] после пятидесяти семи лет, шести месяцев и двух дней правления (в течение этого периода он четырнадцать лет делил власть с Антонием) в семидесятисемилетнем возрасте. Преемником ему на престоле стал Тиверий Нерон, сын его от императрицы Юлии[12]. Он был, следовательно, третьим римским императором. При нем был послан в Иудею пятый наместник, преемник Анния Руфа, Валерий Грат. Он сместил первосвященника Анана и поставил на его место Исмаила, сына Фаби. Впрочем, недолго спустя он уволил и Исмаила и назначил на его место Елеазара, сына первосвященника Анана. По прошествии года он удалил и его и передал этот пост Симону, сыну Камифа. Однако и последний удержался не более года, и преемником ему был назначен Иосиф, прозванный также Кайафой[13]. После всего этого Грат возвратился в Рим, проведя в Иудее одиннадцать лет, и вместо него прибыл его преемник Понтий Пилат.

3. Тетрарх Ирод, находившийся в очень дружественных

отношениях с Тиверием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи, у Генисаретского озера[14], город Тивериаду. Невдалеке отсюда, в деревушке Аммаусе[15], находятся горячие ключи. Здесь были поселены всевозможные пришельцы отовсюду, в числе которых было немало галилеян, множество насильно удаленных и отправленных в ссылку людей, а также несколько высокопоставленных лиц. Сюда же были привлечены для поселения всевозможные набранные отовсюду бедняки, равно как целый ряд лиц, свободное происхождение которых не было даже установлено. Всем им тетрарх предоставил права свободнорожденных граждан и дал им различные преимущества; а для того, чтобы привязать их к городу, он настроил жилища и дал им земельные участки. Он отлично понимал, что поселение здесь людей было, собственно, противно иудейским законам, вследствие того что Тивериада была основана на месте множества находившихся здесь и разрытых с этой целью могил. Тут закон постановлял, что жители должны считаться ритуально нечистыми в течение семидневного срока.

4. Около этого времени пал от руки сына своего Фраатака капарфянский царь Фраат. Поводом к этому послужило следующее: хотя у Фраата были законные дети, однако он взял себе в наложницы итальянскую рабыню Формусу, которую прислал ему в числе прочих даров Юлий Цезарь. Сперва он находился с ней в незаконном сожительстве, но с течением времени, увлеченный ее красотой, женился на ней и сделал ее своей законной супругой, после того как она успела родить ему сына Фраатака. Она вскоре достигла огромного влияния на царя и задумала приложить все старания, чтобы укрепить за своим сыном престол парфянский. Впрочем, она (вскоре) увидела, что достигнет этого не иначе, как если коварным образом избавится от законных детей Фраата. Тогда она стала уговаривать последнего отправить законных детей в Рим в качестве заложников. Так оно и было сделано (Фраат не был в состоянии отказать Формусе в чем бы то ни было), и Фраатак, оставшись один, получал теперь подготовку к будущему правлению. Но вместе с этим юноше показалось слишком долгим ждать смерти отца для получения престола, и потому он задумал умертвить отца при содействии своей матери, с которой, как гласила молва, он даже находился в преступ-

ной связи. Все это, то есть отцеубийство, равно как кровосмешение с матерью, возбудило в одинаковой мере ненависть к нему его подданных, и поэтому он, не успев достигнуть совершеннолетия, потерял власть во время мятежа и был убит. Тогда, однако, наиболее родовитые парфяне пришли к заключению, что им невозможно жить без царя. Последний должен был, иначе это противоречило бы закону, происходить непременно из рода Арсакидов, тем более что и раньше неоднократно, да и теперь происходили в правлении затруднения вследствие наличности итальянской наложницы и ее потомства. Поэтому они отправили депутацию к Ороду и просили его сесть на престол. Впрочем, этот человек по своей гнусности, легкой раздражительности и крайней жестокости вскоре заслужил ненависть всего народа, хотя и принадлежал к царскому роду. Решив убить его, заговорщики привели свой план в исполнение, по мнению некоторых, во время пиршества за столом (парфяне никогда не расстаются со своими мечами), а по мнению большинства, во время охоты. Потом парфяне послали в Рим и стали просить себе царя из числа тамошних заложников. Преимущество перед прочими братьями было оказано Бонону, который теперь стал думать, что судьба улыбнулась ему, так как царство предлагали ему две крупнейшие державы в мире — его собственная страна и чужая ему (Римская империя). Впрочем, варвары, вообще по природе своей не отличающиеся устойчивостью, быстро раскаялись в своем выборе, считая последний и неуместным, и бесславным, так как не хотели повиноваться чужеземному рабу: заложничество они признавали рабством, да и к тому же царь у них явился не результатом правильной войны, но, что было гораздо хуже, был им позорно навязан в мирное время. Поэтому они немедленно призвали на царство мидийского правителя Артабана, происходившего из рода Арсакидов. Артабан принял это приглашение и явился к ним с войском. Навстречу ему выступил Бонон, а так как первоначально парфяне еще оставались верны последнему, то в происшедшей затем битве он победил своего соперника, и Артабан должен был бежать к пределам Мидии. Вскоре, впрочем, Артабан набрал новое большое войско и сразился с Бононом, которого ему удалось победить. Бонон умчался верхом, в сопровождении немногих привер-

женцев, в Селевкию. Учинив затем страшную резню среди не оправившегося еще от ужаса парфянского войска, Артабан двинулся во главе своей многочисленной рати к Ктесифону. Таким образом, он стал наконец царем парфянским, а Бонон бежал в Армению. Тут он продолжал сначала домогаться своей страны и отправил посольство к римлянам. Однако Тиверий ответил ему отказом как вследствие его малодушия, так и по причине угроз Артабана (который, в свою очередь, отправил послов с извещением, что он начнет войну). Так как теперь уже не было никакой возможности вернуть престол, тем более что и могущественные, жившие около Нифаты[16], армянские князья примкнули к Артабану, Бонон отдался под покровительство сирийского претора Силана. Последний, принимая во внимание римское воспитание Бонона, оставил его у себя в Сирии, Артабан же отдал Армению одному из своих сыновей, а именно — Ороду.

5. Тем временем умер также царь Коммагены, Антиох. При этом простонародье восстало против знати; обе партии послали (в Рим) депутации. Знать просила обратить область в римскую провинцию; народ, однако, желал иметь по-прежнему своих царей. Сенат решил отправить Германика для улаживания положения на востоке, но здесь судьба уготовила Германику найти смерть. Прибыв на восток и устроив там все дела, он был отравлен Пизоном, как о том рассказывается в других источниках[17].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда претор Иудеи Пилат повел свое войско из Цезареи в Иерусалим на зимнюю стоянку, он решил для надругания над иудейскими обычаями внести в город изображения императора на древках знамен. Между тем закон наш возбраняет нам всякие изображения. Поэтому прежние преторы вступали в город без таких украшений на знаменах. Пилат был первым, который внес эти изображения в Иерусалим и сделал это без ведома населения, вступив в город ночью. Когда узнали об этом, население толпами отправилось в Цезарею и в течение нескольких дней умоляло претора убрать изображения. Пилат не соглашался, говоря, что это будет оскорблением императора, а когда толпа не переставала досаждать

ему, он на шестой день приказал своим воинам тайно вооружиться, поместил их в засаде в здании ристалища, а сам взошел на возвышение, там же сооруженное. Но так как иудеи опять возобновили свои просьбы, то он дал знак, и солдаты окружили их. Тут он грозил немедленно перерубить всех, кто не перестанет шуметь и не удалится восвояси. Иудеи, однако, бросились на землю, обнажили свои шеи и сказали, что они предпочитают умереть, чем допускать такое наглое нарушение мудрого закона. Пилат изумился их стойкости в соблюдении законов, приказал немедленно убрать из Иерусалима (императорские) изображения и доставить их в Цезарею.

2. Затем Пилат соорудил водопровод в Иерусалиме. На это он употребил деньги святилища. Водопровод питался ключами, находившимися в расстоянии двухсот стадий[18] от города. Однако население воспротивилось этому, и много десятков тысяч иудеев собралось около рабочих, занятых сооружением водопровода, и стало громко требовать, чтобы наместник оставил свой план. Как то обыкновенно бывает в таких случаях, некоторые из них позволили себе при этом оскорбить Пилата ругательствами. Последний распорядился переодеть значительное число солдат, дал им дубины, которые они должны были спрятать под платьем, и велел им окружить толпу со всех сторон. Толпа, в свою очередь, получила приказание разойтись. Но так как она продолжала поносить его, то он подал воинам условный знак, и солдаты принялись за дело гораздо более рьяно, чем то было желательно самому Пилату. Работая дубинами, они одинаково поражали как шумевших мятежников, так и совершенно невинных людей. Иудеи, однако, продолжали держаться стойко; но так как они были безоружны, а противники их вооружены, то многие из них тут и пали мертвыми, а многие ушли, покрытые ранами. Таким образом было подавлено возмущение.

3. Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он

вновь явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя, таким образом, по Его имени[19].

4. Около этого же самого времени другое горе постигло иудеев. Впрочем, об этом после. В это же самое время не прекращались в Риме бесстыдства, совершавшиеся в храме богини Изиды[20]. Поэтому я сперва упомяну о последнем, а затем перейду уже к рассказу о судьбе иудеев.

В Риме жила некая знатная и славившаяся своей добродетелью женщина по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она, и не уступал ей в хороших качествах. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулина была слишком порядочная женщина, чтобы ее можно было купить подарками, как он узнал от подосланных лиц, Деций возгорел еще большим желанием обладать ею, так, что обещал за единожды дозволенное сношение с ней заплатить ей целых 200 000 аттических драхм[21]. Однако Паулина не склонилась и на такое щедрое вознаграждение, и тогда юноша, не будучи далее в силах переносить муки (неудовлетворенной) любви, решил покончить с собой и умереть голодной смертью. Решив это, он не откладывал исполнения этого решения в долгий ящик и сейчас же приступил к нему. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, как юноша чахнет, и озабоченная его решением покончить с собой, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения сможет ему доставить возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм для того, чтобы овладеть Паулиной. Подбодрив таким образом Мунда и получив от него требовавшуюся сумму денег, она пошла не той дорогой, какой пошел он, так как видела, что ту женщину за деньги не купишь. С другой стороны, зная, как ревностно относится Паулина к культу Изиды, она выдума-

ла следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам (Изиды) для тайных переговоров, она сообщила им под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиной. Жрецы, побужденные громадностью суммы, обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с ней наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни, и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиной, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем явились жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумлялись необычайности явления, но и не могли согласиться с таким невероятным событием, тем более что знали целомудрие и порядочность Паулины. На третий день после этого события она встретилась с Мундом, который сказал ей:

«Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдаться мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждение, а потому я и прикрылся названием Анубиса». С этими словами юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу обо всей этой гнусности и просила его помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее (немедленно) сообщил обо всем императору.

Подвергнув дело относительно участия жрецов самому строгому и точному расследованию, Тиверий приговорил к

пригвождению к кресту их и Иду, которая была виновницей всего этого преступления, совершенного столь гнусно над женщиной. Затем он велел разрушить храм Изиды, а изображение богини бросить в реку Тибр. Мунда он приговорил к изгнанию, полагая, что наказал его таким образом достаточно за его любовное увлечение.

Таковы были позорные поступки жрецов храма Изиды.

Теперь я, по обещанию своему, возвращусь к рассказу о судьбе, постигшей в это время римских иудеев.

5. В это время из Иудеи бежал человек, боявшийся обвинения в нарушении некоторых законов и наказания за это. Вообще это был гнусный человек. Он тогда проживал в Риме и соединился здесь с тремя подобными ему негодяями. К ним примкнула Фульвия, знатная женщина, принявшая иудаизм. Они убедили ее послать пурпур и золото в иерусалимский храм, и когда та сдала им это, то они присвоили его себе, как то и было их первоначальным намерением. Тиверий, которому по желанию Фульвии сообщил об этом муж ее Сатурнин, бывший с императором в дружественных отношениях, распорядился изгнать из Рима всех иудеев. Консулы выбрали из них четыре тысячи человек и послали их в качестве солдат на остров Сардинию. Гораздо большее число, однако, они предали казни, потому что те отказались от участия в военной службе, благодаря запрещению этого иудейскими законами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Таким образом, иудеи, вследствие гнусности четырех человек, были изгнаны из города. Также и самаряне не удержались от возмущения. Их смутил некий лживый человек, который легко во всем влиял на народ. Он побудил их собраться к нему на гору Гаризим, которую они считают особенно священной. Тут он стал уверять пришедших (отовсюду) самарян, что покажет им зарытые здесь священные сосуды Моисея. Самаряне вооружились, поверив этой басне, и расположились в деревушке Тирафане. Тут к ним примкнули новые пришельцы, чтобы возможно большей толпой подняться на гору. Однако Пилат предупредил это, выслав вперед отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав на собравшихся в деревушке, часть из них перебили, а часть

обратили в бегство. При этом они захватили также многих в плен, Пилат же распорядился казнить влиятельнейших и наиболее выдающихся из этих пленных и беглецов.

2. Когда этим дело кончилось, представители верховного совета самарян явились к бывшему консулу Вителлию, который теперь был прокуратором сирийским, и стали обвинять Пилата в казни их погибших единоплеменников, говоря, что последние пошли в Тирафану вовсе не с целью отложиться от римлян, но для того, чтобы уйти от насилий Пилата. Тогда Вителлий послал Марцелла, одного из своих приближенных, в Иудею, чтобы принять там бразды правления, Пилату же велел ехать в Рим для ответа перед императором в возводимых на него обвинениях. Проведя в Иудее десять лет, Пилат поехал в Рим, так как не смел ослушаться приказания Вителлия. Но раньше, чем он успел прибыть туда, Тиверий умер[22].

3. После этого Вителлий поехал в Иудею и прибыл в Иерусалим как раз во время праздника Пасхи. Так как он был встречен радушно, то Вителлий навсегда освободил население от платежа налога на привозимые и продаваемые (в городе) плоды. Вместе с тем он разрешил держать первосвященническое облачение и все к этому относящееся в храме, предоставив надзор и охрану этих вещей священнослужителям, как то было некогда раньше[23]. Теперь же эти облачения хранились обыкновенно в так называемой крепости Антонии по следующей причине: некий Гиркан, первый из целого ряда первосвященников, носивших это имя, построил себе вблизи храма башню, в которой обыкновенно и жил. Здесь у него хранилось его облачение, надевать которое он один только был вправе, и когда он уходил в город, то облекался в свою простую собственную одежду. Так поступали затем его сыновья и их дети. Овладев царством, Ирод Великий роскошно отстроил эту башню, названную им в честь своего друга Антония Антонией, и как нашел там первосвященническое облачение, так и продолжал хранить его там, не думая, что возбудит этим неудовольствие народа против себя. Такого же образа действий держался и преемник и сын его Архелай. Овладев областью последнего, римляне удержали у себя также облачение первосвященника, которое сохранялось в каменном здании, запечатанном печатями священнослужителей и казначеев, причем начальник стражи башни

обязан был ежедневно заботиться о том, чтобы перед этим помещением всегда горел светильник. За семь дней до наступления праздника облачение выдавалось священнослужителям начальником стражи. Освятив облачение, первосвященник возвращал его через день после окончания праздников, и оно продолжало по-прежнему храниться в башне. Так делалось в каждый из трех больших ежегодных праздников и в день поста. Вителлий разрешил иудеям хранить облачение у себя и запретил вмешиваться в это дело начальнику стражи, но предоставить иудеям пользование облачением, когда в том представится надобность. Этим он расположил народ в свою пользу. Затем он сместил первосвященника Иосифа Кайафу и назначил на его место Ионафа, сына бывшего первосвященника Анана. После этого Вителлий вернулся обратно в Антиохию.

4. Тем временем Тиверий отправил Вителлию письмо, в котором просил его заключить дружественные сношения с парфянским царем Артабаном. Император опасался его враждебных действий, так как Артабан успел овладеть Арменией и мог подать повод к значительным осложнениям. При этом император указывал на то, что лишь в том случае может доверять Артабану, если он выдаст заложников и, главным образом, в числе их своего собственного сына. Вместе с этим письмом Вителлию Тиверий отправил значительные денежные подарки царям Иберии и Албании, убеждая их немедленно начать войну с Артабаном. Цари, однако, воздержались от такой войны, но напустили на Артабана скифов, предоставив последним свободный пропуск через свои владения и проход Каспийский. Таким образом, Артабан вновь лишился Армении, страна парфянская стонала под ужасами войны, наиболее влиятельные лица были убиты, везде царило полное смятение, и сын самого царя пал со многими тысячами войска в одной из битв. Вителлий был готов умертвить старика Артабана и с этой целью за большие деньги подкупил друзей и родственников царя, но Артабан понял, что этот замысел будет приведен в исполнение, так как он окружен массой влиятельных лиц, которые не остановятся ни перед чем. Он ясно сознавал, что все его родственники подкуплены и лишь коварным внешним образом выказывают ему преданность, которая у них впоследствии немедленно изменится, когда

они перейдут на сторону врагов. Поэтому он решил спастись бегством в свои горные сатрапии. Тут ему удалось впоследствии набрать большое войско из даев и саков, вступить затем в борьбу с противниками и вернуть себе власть.

5. При известии об этом Тиверий пожелал заключить с Артабаном дружественный союз. Получив приглашение в этом смысле, старик охотно принял предложение. Тогда Артабан и Вителлий встретились у берегов Евфрата. На реке был сооружен мост, и посередине этого моста они сошлись, сопровождаемые каждый отрядом своих телохранителей. После того как они обо всем условились, тетрарх Ирод угостил их в роскошной палатке, которую он с большими расходами велел для этой цели соорудить на самой середине моста. Вскоре после этого Артабан послал Тиверию в качестве заложника своего сына Дария и отправил императору богатые дары. В числе последних находился также некий иудей Елеазар, человек семи футов роста, прозванный за это Гигантом. После того Вителлий вернулся в Антиохию, Артабан же — в Вавилон.

Желая, чтобы император от него первого узнал о получении заложников, тетрарх Ирод отправил к нему посланных с письмами, где все было в точности донесено, так что консуляру (Вителлию) не приходилось ничего прибавить к этому. Когда император известил Вителлия, что он уже все знает из донесения Ирода, Вителлий страшно рассердился, видя в этом поступке (Ирода) большее оскорбление, чем то было на самом деле. Однако он подавил в себе гнев до тех пор, пока власть не перешла к Гаю Калигуле.

6. Тогда же, на двадцатом году правления Тиверия, умер и брат тетрарха Ирода, Филипп, после того как в течение тридцати семи лет правил Трахоном, Гауланитидой и Батанеей. Его правление отличалось мягкостью и спокойствием. Он провел всю жизнь в пределах подчиненной ему области. Когда ему случалось выезжать, он делал это в обществе нескольких избранных. При этом за ним всегда возили его кресло, сидя на котором он творил суд. Если по пути к нему являлся кто-либо с жалобой, то он, недолго думая, тут же ставил кресло, садился на него и выслушивал обвинителя. Виновных он тут же подвергал наказанию и немедленно отпускал тех, кого обвинили несправедливо. Филипп умер в Юлиаде. Труп его

был доставлен в мавзолей, который он сам заранее воздвиг для себя, и торжественно похоронен там. Так как Филипп не оставил после себя потомства, то Тиверий взял его область себе и присоединил ее к Сирии. Впрочем, доходы с этой тетрархии он распорядился сохранить за ней.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Около этого времени царь Каменистой Аравии Арет и тетрарх поссорились между собой по следующей причине: Ирод был давно уже женат на дочери Арета. Во время одного путешествия в Рим он заехал к своему сводному брату Ироду, который родился от дочери первосвященника Симона. Влюбившись в жену брата, Иродиаду (она была дочерью их общего брата Аристовула и сестрой Агриппы Великого), он рискнул предложить ей выйти за него замуж. Иродиада согласилась и сговорилась с ним войти в его дом, когда он возвратится из Рима. При этом было условлено, что Ирод прогонит дочь Арета. После этого тетрарх отплыл в Рим, заключив вышеуказанный договор. Когда же он по исполнении в Риме всего нужного собирался вернуться домой, жена его, без его ведома успевшая разузнать все о его условии с Иродиадой, просила разрешения уехать в Махерон, находящийся как раз на границе владений Арета и Ирода, причем никому не сказала о цели этой своей поездки. Ирод согласился, не предполагая, что жене его что-либо известно. Последняя между тем заранее послала в Махерон к начальнику, поставленному там ее отцом, просьбу приготовить все к дальнейшему путешествию. Затем она явилась сама и поехала тотчас же в Аравию, причем арабские князья последовательно сопровождали ее, пока она (довольно скоро) не приехала к отцу своему. Ему она рассказала о намерении Ирода. Арет на основании этого решил начать войну со своим зятем, именно на границах Гамалитиды. Собрав войска, обе стороны вступили в борьбу, причем вместо Арета и Ирода сражались их военачальники. В происшедшей тут битве все войско Ирода было уничтожено благодаря измене нескольких перебежчиков, которые примкнули к Ироду, принадлежа, собственно, к числу подданных тетрарха Филиппа. Ирод отписал об этом Тиверию. Император разгневался на образ действий Арета, по-

слал Вителлию приказ объявить ему войну и представить ему Арета либо живым в оковах, либо прислать ему его голову.

2. Такой приказ отдал Тиверий сирийскому наместнику. Некоторые иудеи, впрочем, видели в уничтожении войска Ирода вполне справедливое наказание со стороны Господа Бога за убиение Иоанна. Ирод умертвил этого праведного человека, который убеждал иудеев вести добродетельный образ жизни, быть справедливыми друг к другу, питать благочестивое чувство к Предвечному и собираться для омовения. При таких условиях (учил Иоанн) омовение будет угодно Господу Богу, так как они будут прибегать к этому средству не для искупления различных грехов, но для освящения своего тела, тем более что души их заранее уже успеют очиститься. Так как многие стекались к проповеднику, учение которого возвышало их души, Ирод стал опасаться, как бы его огромное влияние на массу (вполне подчинившуюся ему) не повело к каким-либо осложнениям. Поэтому тетрарх предпочел предупредить это, схватив Иоанна и казнив его раньше, чем пришлось бы раскаяться, когда будет уже поздно. Благодаря такой подозрительности Ирода Иоанн был в оковах послан в Махерон, вышеуказанную крепость, и там казнен. Иудеи же были убеждены, что войско Ирода погибло лишь в наказание за эту казнь, так как Предвечный желал проучить Ирода.

3. Приготовив для войны с Аретом два легиона и присоединив к ним тех легковооруженных и всадников, которых ему предоставили подвластные римлянам царьки, Вителлий между тем двинулся к Петре (столице Аравии) и прибыл (сперва) в Птолемаиду. Когда же он собрался повести свое войско через Иудею, к нему навстречу вышли наиболее влиятельные граждане и умоляли его не проходить через их страну, так как по закону они не вправе разрешить внесение в Иудею тех изображений, которые в таком значительном числе имеются на его знаменах. Вителлий согласился, изменил свое первоначальное решение и, велев войску идти по великой равнине, сам в сопровождении тетрарха Ирода и некоторых друзей своих поехал в Иерусалим, чтобы, ввиду наступления иудейского национального праздника, принести там жертву Предвечному. Здесь он был восторженно принят населением и пробыл там три дня, в течение которых отнял

первосвященство у Ионафа и поставил на его место брата его Феофила. На четвертый день он получил письменное извещение о смерти Тиверия и потому заставил население присягнуть на верность императору Гаю Калигуле. Вместе с тем он отозвал также свое войско и распустил его на зимние стоянки, так как теперь, с переходом престола к Гаю, Вителлий не имел уже полномочия продолжать войну. Рассказывают, что и Арет, при известии о походе Вителлия, стал гадать по полету птиц и пришел к заключению, что неприятельское войско не дойдет до Петры: из военачальников сторон умрет либо тот, кто начал войну, либо тот, кто отдал приказание к выступлению войск, либо тот, против кого направлен весь поход.

Таким образом, Вителлий вернулся в Антиохию. Тем временем сын Аристовула, Агриппа, за год до смерти Тиверия отправился в Рим, чтобы там, при первой представившейся возможности, добиться чего-либо от императора. Мне хочется здесь несколько подробнее остановиться на потомстве Ирода Великого, отчасти потому, что это потомство играло большую роль в истории, отчасти потому, что тут оправдывается положение, что ни обилие потомков, ни другая какая-либо находящаяся в распоряжении людей сила не имеет никакого значения, если люди не отличаются истинным благочестием. Ведь в течение столетнего периода почти все многочисленное потомство Ирода, за немногими исключениями, подверглось гибели. Вместе с тем каждому будет полезно ознакомиться с постигшими этих потомков бедствиями. Особенно интересна в этом отношении судьба наиболее выдающегося из них, Агриппы, который, происходя из совершенно второстепенной семьи, помимо всякого ожидания, достиг такой значительной власти. Правда, на эту тему мы говорили и раньше, но теперь я хотел бы остановиться на этом подольше.

4. У Ирода Великого было от Мариамны, дочери Гиркана, две дочери. Одна из них, Салампсио, была выдана отцом своим замуж за своего двоюродного брата Фасаила, сына брата Ирода того же имени. Другая дочь, Киприда, также вышла замуж за другого двоюродного брата своего, сына сестры Ирода, Саломии. Салампсио родила Фасаилу пятерых детей, сыновей: Антипатра, Ирода и Александра, и дочерей Александру и Киприду. На последней женился Агриппа, сын Ари-

стовула. Александра же вышла замуж за знатного киприйца Тимия и умерла бездетной. Киприда родила Агриппе двух мальчиков, Агриппу и Друза (из них последний умер ребенком), и трех дочерей: Беренику, Мариамну и Друзиллу. Отец их, Агриппа, когда-то воспитывался вместе с другими своими братьями, Иродом и Аристовулом. Все трое были детьми Береники и сына Ирода Великого. Береника, в свою очередь, была дочерью Костобара и сестры Ирода, Саломии. Все они остались сиротами после казни, постигшей отца их Аристовула и его брата Александра, как мы рассказали уже выше. Когда они подросли, то поженились; а именно: указанный Ирод, брат Агриппы, взял себе в жены Мариамну, дочь Олимпиады и внучку царя Ирода Великого. Мариамна была дочерью Иосифа, племянника Ирода. От нее Ирод имел сына Аристовула. Третий брат Агриппы, также носивший имя Аристовула, женился на дочери эмессийского царя Сампсигерама, Иотапе, которая родила ему глухую дочь, также названную Иотапой. Это было потомство по мужской линии. Сестра их Иродиада вышла замуж за сына Ирода Великого, Ирода же, происходившего от Мариамны, дочери первосвященника Симона. Она родила ему дочь Саломию. После рождения этой девочки Иродиада, вопреки нашим законам, вышла замуж за сводного брата своего мужа, именно за галилейского тетрарха Ирода, но разошлась и с ним еще при его жизни. Ее дочь Саломия вышла замуж за трахонского тетрарха Филиппа, сына Ирода (Великого). Так как Филипп умер бездетным, то на ней женился Аристовул, сын Ирода и брат Агриппы. У них было трое детей: Ирод, Агриппа и Аристовул. Это, следовательно, было потомство Фасаила и Салампсио.

У Киприды родилась от Антипатра дочь того же имени, на которой впоследствии женился Алексас Гелкий, сын Алексаса, и от которой он также имел дочь Киприду. Братья же Антипатра, Ирод и Александр, умерли бездетными. У казненного царем Иродом Александра были от дочери каппадокийского царя Архелая сыновья Александр и Тигран. Последний стал царем Армении и умер бездетным после обвинений, возведенных на него в Риме. У Александра же родился сын, прозванный в честь дяди своего Тиграном. Нерон сделал его царем Армении, и у него родился сын Александр. Последний женился на

Иотапе, дочери коммагенского царя Антиоха, и был провозглашен Веспасианом царем киликийского острова. Все потомство Александра сейчас же при рождении оставляло старинные иудейские обычаи и жило по образцу греков. Остальные дочери царя Ирода умерли бездетными. А так как перечисленные мною потомки Ирода были еще в живых в то время, когда Агриппа Великий овладел престолом, то мне остается теперь рассказать, какие превратности судьбы постигли Агриппу и как он, преодолев их, сумел добиться величайшего почета и власти[24].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Незадолго до смерти царя Ирода Великого Агриппа жил в Риме, где очень сдружился со своим сверстником Друзом, сыном императора Тиверия. Вместе с тем он сблизился также с Антонией, женой Друза Великого (т. е. старшего)[25]. Антония очень ценила мать Агриппы, Беренику, и хотела вывести в люди также сына ее. Будучи по характеру своему человеком широким и в высшей степени щедрым, Агриппа, однако, сдерживал себя в этом отношении, пока была жива его мать, так как боялся возбудить ее гнев. Когда же Береника умерла и он стал самостоятелен, Агриппа растратил свои средства отчасти постоянными ежедневными кутежами, отчасти путем той расточительности, с которой он раздавал деньги. Наиболее значительные суммы пошли в карманы императорских вольноотпущенников, так как Агриппа рассчитывал на их поддержку. Вскоре он впал в такую бедность, что не мог долее жить в Риме. Кроме того, и Тиверий запретил друзьям своего (недавно) скончавшегося сына показываться ему, чтобы вид их не вызывал в нем горестных воспоминаний о покойном.

2. Вследствие этого Агриппа отплыл в Иудею. Он был убит потерей всех своих денег, а также невозможностью уплатить долги кредиторам, которых было много и которые не давали ему случая как-нибудь скрыться. Не зная, что делать, и мучимый стыдом, он отправился в идумейскую крепость Малафу, чтобы там покончить самоубийством. Об этом намерении узнала его жена Киприда и стала употреблять все усилия, чтобы помешать приведению его в исполнение. Так, например,

она отправила жене тетрарха Ирода, сестре своей Иродиаде, письмо, в котором рассказала о намерении Агриппы и о том, что его к этому побудило, и просила ее как родственницу помочь ее мужу выпутаться, причем указывала на свои собственные в этом направлении попытки, несмотря на то, что она сама не обладала такими крупными средствами. Иродиада и муж ее послали за Агриппой, дали ему для жительства Тивериаду, определили ему вместе с тем известную сумму денег на содержание и дали ему звание тивериадского агоранома[26]. Вскоре, однако, Ирод изменил свое решение относительно зятя, хотя то, что он для него сделал, вовсе не удовлетворяло Агриппу. Однажды в Тире во время пиршества возникли у них за вином какие-то разногласия; Ирод стал ругать зятя бедняком и укорять его в том, что он получает свое пропитание от него. Этого не снес Агриппа; он тотчас отправился к консуляру Флакку, с которым был когда-то в Риме особенно дружен и который теперь был сирийским наместником.

3. Флакк его принял любезно и дал ему помещение, приняв к себе раньше того брата Агриппы, Аристовула, с которым Агриппа, впрочем, жил в ссоре. Однако, несмотря на их взаимную вражду, консуляр одинаково дружественно относился к ним обоим и одинаково почитал их. Впрочем, Аристовул успокоился не раньше, чем во вражде своей к брату восстановил против него также и Флакка, причем поводом к этому послужило следующее обстоятельство: жители Дамаска спорили с сидонцами относительно правильности границ. Флакк собирался разрешить их распрю. Зная, каким влиянием пользуется Агриппа у Флакка, они решили просить его о заступничестве и обещали ему за это крупную сумму денег. Агриппа постарался сделать все в пользу дамасцев. Между тем Аристовул, который узнал об обещанной брату взятке, донес о том Флакку. Так как при расследовании этот донос оказался правильным, то Флакк порвал свою дружбу с Агриппой и прогнал его от себя. Впав, таким образом, опять в крайнюю бедность, Агриппа отправился в Птолемаиду, а так как ему ни здесь, ни в другом месте не представлялось возможности жить, он решил ехать в Италию. Однако он был стеснен в деньгах. Поэтому он просил своего вольноотпущенника Марсию занять у кого-нибудь для него нужную сумму. Марсия обратился к некоему Петру, вольноотпущен-

нику Береники, матери Агриппы, которая, однако, в завещании передала его в распоряжение (своей подруги) Антонии, и просил его выдать ему деньги под письменное обязательство Агриппы с его поручительством. Петр, однако, который был зол на Агриппу за то, что потерял за ним несколько денег, потребовал от Марсии расписку в получении двадцати тысяч аттических драхм, хотя и выдал ему на две с половиной тысячи меньше. Марсия должен был согласиться на это, так как иначе ничего нельзя было сделать.

Получив эти деньги, Агриппа поехал в Авфедон, где нанял корабль, чтобы отправиться в дальнейший путь. Узнав об этом, наместник Ямнии, Геренний Капитон, выслал военный отряд с тем, чтобы вытребовать от Агриппы триста тысяч сестерций, взятых им в Риме из императорской казны, и вместе распорядился насильно задержать должника. Агриппа наружно подчинился последнему распоряжению, с наступлением же ночи велел перерубить канаты и отплыл в Александрию. Тут он просил алабарха Александра дать ему взаймы двести тысяч драхм. Александр отказал ему в этом, но согласился выдать эту сумму под поручительство Киприды, в уважение к ее преданности мужу и вообще за ее порядочность. Киприда дала свое поручительство. Тогда Александр выдал им в Александрии пять талантов, а остальные обещал вручить в Дикеархее по прибытии туда Агриппы: он знал и боялся расточительности последнего. Киприда затем простилась с мужем, который поехал в Италию, и возвратилась с детьми своими в Иудею.

4. Прибыв в Путеоли[27], Агриппа отправил письмо императору Тиверию, находившемуся тогда на острове Капрее, извещая его о своем приезде и прося его разрешения приехать поклониться ему на Капрее. Тиверий был очень рад этому, ответил ему любезным письмом и сказал, что с удовольствием примет его у себя на Капрее. Когда Агриппа приехал, император принял и приветствовал его с той же любезностью, которую выказал ему и в письме. На следующий день, однако, Тиверий получил письмо от Геренния Капитона, который писал ему, что Агриппа задолжал 300 000 сестерций[28], пропустил условленный срок уплаты и, когда ему напомнили об этом, бежал из страны своей; таким образом, теперь Геренний совершенно не знает, как вернуть эти день-

ги. Прочитав письмо, император сильно разгневался и запретил Агриппе доступ ко двору, пока он не заплатит долга. Агриппа, однако, нисколько не испугался гнева императора, но обратился к Антонии, матери Германика и Клавдия, который впоследствии стал императором, с просьбой одолжить ему 300 000 сестерций, чтобы не утратить дружбы Тиверия. В уважение к памяти его матери Береники, с которой ее связывала тесная дружба, равно как и потому, что он был сверстником и товарищем ее сына Клавдия, Антония выдала ему деньги, так что он мог уплатить означенный долг, и у него возобновились прежние дружеские отношения к Тиверию. Последний, в свою очередь, даже поручил ему своего внука (Тиверия) и велел сопровождать его повсюду. Питая благодарность к Антонии, Агриппа стал особенно ласково относиться к ее внуку Гаю[29], который пользовался особенной популярностью благодаря расположению всех к его покойному отцу[30]. В это время жил некий самарянин Фалл, императорский вольноотпущенник. Сделав у него заем в миллион сестерций, Агриппа вернул Антонии долг свой, а с помощью остальных денег старался угождать Гаю, причем достиг на него особенно значительного влияния.

5. Между тем дружба между Агриппой и Гаем все росла. Когда они однажды вместе выехали на прогулку, у них зашла речь о Тиверии, и, так как они были одни, Агриппа выразил желание, чтобы Тиверий поскорее умер и предоставил власть Гаю как наиболее достойному во всех отношениях. Это услыхал Евтих, вольноотпущенник и возница Агриппы. Впрочем, пока он молчал об этом. Впоследствии Агриппа совершенно основательно обвинил этого вольноотпущенника в похищении у него плаща. Евтих бежал, но, будучи пойман, был приведен к городскому префекту Пизону. Когда последний спросил его о причине бегства, Евтих отвечал, что ему необходимо сделать императору сообщение, касающееся безопасности его личности. Поэтому Пизон велел связать его и отправить на Капрею. Тиверий по своей привычке оставил его в оковах (и не торопился с его допросом), потому что был вообще наиболее медлительным государем. Так, например, он никогда не принимал посольств тотчас же по их прибытии и не смещал военачальников и наместников до их смерти. Так же медленно происходил и допрос арестантов. Когда друзья од-

нажды спросили его о причине такой его медлительности, Тиверий отвечал, что он потому задерживает посольства, чтобы их сейчас же не сменили новые депутации уполномоченных, которых затем во множестве пришлось бы принимать и угощать; общественные же должности он оттого дает людям один раз навсегда, чтобы те несколько совестились и не слишком притесняли подчиненных. В самой природе всякого должностного лица, говорил он, лежит стремление к любостяжанию. Если должности будут предоставляться чиновникам ненадолго и не на определенное, но на короткое время, то эти чиновники приложат все свое старание полнее обобрать людей состоятельных. Если же их назначат на более продолжительный срок, то они, имея перед собой возможность беспрепятственного грабежа, вскоре вследствие своего обогащения утомятся этим и надолго оставят подчиненных в покое. Если же перемещения следуют быстро друг за другом, то начальники не успевают удовлетвориться наложенными на подчиненных поборами, так как они не будут иметь времени ощутить неудовольствие по поводу своих вымогательств и не успеют обогатиться до перемещения на новую должность. В доказательство правильности этого своего взгляда он приводил следующий пример: некий раненый лежал на дороге, и множество мух село на его раны. Кто-то из прохожих почувствовал сострадание к несчастному и, видя его беспомощное состояние, решился отогнать мух. Но раненый просил его оставить это, и тогда прохожий удивленно спросил, почему он противится, чтобы тот облегчил ему его страдания. На это раненый отвечал: «Ты причинишь мне еще более сильные страдания, если отгонишь этих мух. Так как они успели уже насытиться моей кровью, то они не с такой силой кусают меня и даже иногда совсем перестают меня терзать. Если же затем явятся новые рои мух голодных и найдут меня уже истощенным, то я окончательно погибну». Поэтому-то (продолжал император) он, заботясь о состоянии без того уже сильно разоренных подданных своих, и не отправляет к ним одного чиновника за другим, которые, наподобие мух, стали бы высасывать из них, тем более что тогда к их любостяжательности присоединилась бы боязнь, что их вскоре лишат предоставленного им удовольствия. Подтверждением этого взгляда Тиверия служит и соответствен-

ный образ его действий: в течение тех двадцати двух лет, что он был императором, он послал в Иудею всего только двух наместников, Грата и его преемника Пилата. Так поступал он не только относительно Иудеи, но и относительно других подвластных ему провинций. Также и преступления арестантов он, по собственному признанию, подвергал разбору всегда спустя лишь продолжительное время, дабы преступники быстрой казнью не получали облегчения своих страданий, которого они, по преступности своей, вовсе не заслужили, и для того, чтобы наказание им увеличилось томительной неизвестностью.

6. По этой-то причине и Евтих не мог добиться, чтобы его допросили, и оставался в темнице. Через некоторое время Тиверий переехал с острова Капреи в Тускуланум, который находится в расстоянии ста стадий от Рима. Тут Агриппа стал просить Антонию добиться (у императора) допроса Евтиха по возведенному на него обвинению. Антония пользовалась у Тиверия большим почетом отчасти вследствие близких родственных своих к нему отношений (она была женой его брата Друза), отчасти же вследствие своего добродетельного образа жизни. Дело в том, что, несмотря на свою молодость, она оставалась вдовой и отказывалась от всякого нового брака, хотя император и уговаривал ее выйти вторично замуж. При этом она вела незапятнанный образ жизни. Кроме того, она оказала Тиверию неоценимую услугу: некий Сеян, начальник преторианской гвардии, бывший друг мужа Антонии и пользовавшийся, благодаря войскам, огромной властью, устроил опасный заговор, к которому примкнули многие сенаторы и вольноотпущенники[31]. Так как заговорщики сумели подкупить войско, то дело приняло бы серьезный оборот и Сеян привел бы свой план в исполнение, если бы Антония не выступила смелой противницей его гнусных начинаний. Узнав о задуманном покушении на жизнь Тиверия, она написала последнему о том подробное письмо, которое вручила одному из преданнейших слуг своих, Палласу, для доставки Тиверию на остров Капрею. Извещенный об этом, император велел казнить Сеяна и его заговорщиков. С этих пор Антония, которую Тиверий и раньше очень уважал, пользовалась в его глазах еще большим почетом и доверием.

И вот, когда Антония просила Тиверия допросить Евти-

ха, император сказал: «Если Евтих выдумал слова, которые он приписал Агриппе, то он получит от меня должное возмездие; если же при расследовании окажется, что он сказал правду, то пусть Агриппа остерегается, как бы наказание, которое он собирается уготовить своему вольноотпущеннику, не пало на его собственную главу». Когда Антония сообщила об этом Агриппе, последний еще более настаивал на производстве следствия, и так как Агриппа не переставал просить об этом Антонию, то она выбрала удобную минуту, когда Тиверия после обеда вынесли в носилках на прогулку в сопровождении ее внука Гая и Агриппы, приблизилась к носилкам и просила императора вызвать Евтиха и допросить его. На это Тиверий заметил: «Клянусь, Антония, богами, что то, что я теперь делаю, я делаю не по своей личной воле, но благодаря твоим просьбам». С этими словами он приказал Макрону, преемнику Сеяна, привести Евтиха. Когда тот вскоре затем явился, император спросил его, что он может сказать против человека, которому он обязан свободой. Евтих сказал: «Государь! Однажды этот вот Гай и Агриппа выехали на прогулку в колеснице, а я сидел у ног их. Они беседовали долго о всякой всячине, и наконец Агриппа обратился к Гаю со следующими словами: "Наступит ли день, когда этот старик умрет и сделает тебя владыкой мира? Ведь внук его, Тиверий, не будет нам препятствием. Ты можешь умертвить его. Тогда вселенная будет счастлива, а более ее я"». Тиверий поверил этому, и в нем пробудилось прежнее неудовольствие против Агриппы, так как он приказал ему когда-то следить за его внуком Тиверием, сыном Друза; однако Агриппа не поступил сообразно этому, но всецело посвятил себя Гаю. Поэтому император сказал: «Макрон, наложи на него оковы». Макрон, однако, не понял, о ком говорил Тиверий, никак не предполагая, что последний мог иметь в виду Агриппу, и поэтому не привел приказание в исполнение.

Вскоре затем император застал Агриппу в ипподроме. Тогда он обратился к Макрону: «Ведь я же приказал наложить на него оковы». Когда Макрон еще раз переспросил императора, о ком идет речь, последний ответил: «Об Агриппе».

Тогда Агриппа стал просить о помиловании, указывая на то, что ведь он воспитывался совместно с его сыном и руководил воспитанием младшего Тиверия. Однако он ничего

не добился и в пурпуровой одежде был отведен в темницу. Тогда стояла сильная жара, и, так как Агриппа за обедом выпил много вина, его теперь стала мучить жажда, так что он совершенно изнемогал от нее и жестоко страдал; вдруг он увидел, что один из рабов Гая, некий Фаумаст, нес воду в сосуде. Он попросил дать ему напиться. Тот охотно подал ему кувшин, и Агриппа воскликнул: «Юноша, так как ты оказал мне эту услугу, то, когда я освобожусь от оков, я не премину добиться у Гая освобождения твоего; ведь ты услужил мне, арестанту, совершенно таким же образом, как делал это раньше, когда я был полноправным человеком». Агриппа действительно сдержал это свое обещание: когда он впоследствии сам стал царем, то добился у Гая, ставшего тем временем императором, полного освобождения Фаумаста и сделал его своим личным управляющим; перед смертью своей он поручил его сыну своему Агриппе и дочери своей Беренике с тем, чтобы они оставили его в этой должности. Фаумаст и умер в ней, достигнув преклонного возраста.

7. Все это, впрочем, случилось гораздо позже. Тогда же Агриппа в числе многих других арестантов стоял перед императорским дворцом и в отчаянии прислонился к дереву. На это дерево внезапно слетел филин, и тогда один из арестантов, германец по происхождению, увидя это, спросил стоявшего тут же солдата, кто этот человек в пурпуровом плаще. Узнав, что тот называется Агриппой, иудей, принадлежащий к числу наиболее видных представителей своего народа, он просил воина подвести его поближе к Агриппе, так как имеет сообщить ему нечто и желал бы задать ему несколько вопросов относительно иудейских законов. Когда ему это было разрешено, германец обратился через переводчика к Агриппе и сказал ему: «Молодой человек, теперь ты опечален внезапным поворотом в судьбе своей, которая так круто изменилась у тебя. Вероятно, ты не поверишь словам моим, когда я скажу тебе, что Предвечный решил изменить твою судьбу и прекратить настоящую скорбь твою. Однако знай, что я готов клясться как своими собственными богами, так и римскими, благодаря которым мы томимся в этих оковах, что скажу одну только правду, и притом не ради праздного времяпрепровождения и болтовни и не для того, чтобы тщетно ободрить тебя. Ведь обещания, в случае их неисполнения,

лишь усугубляют печаль, и лучше их с самого начала вовсе не делать. И несмотря на это, несмотря на то, что я рискую личной безопасностью, я считаю себя обязанным сообщить тебе о решении богов. По всей видимости, ты скоро будешь освобожден от этих своих цепей; тогда ты достигнешь величайшего почета и власти, и все те, кто теперь скорбит о постигшей тебя судьбе, будут заискивать перед тобой. Ты умрешь, добившись счастья и оставив состояние детям своим. Помни, однако, что, когда ты вновь увидишь эту птицу, тебе предстоит умереть через пять дней. Что все так и случится, это возвещают тебе боги, пославшие эту птицу. Я, знакомый с предсказанием будущего, не счел себя вправе скрыть от тебя все это, дабы ты, зная, что тебя ждет лучшее будущее, легче переносил страдания настоящей минуты и не придавал им слишком большого значения. Помни также, что когда счастье улыбнется тебе, то были мы, товарищи твои по заключению, которые предсказали тебе скорое освобождение». Это предсказание германца первоначально показалось Агриппе столь же смешным, сколь оно впоследствии возбудило его удивление.

Тем временем Антония, которую очень огорчало постигшее Агриппу несчастье, но которая понимала, что теперь несвоевременно да и бесполезно будет заступаться за него у Тиверия, постаралась добиться от Макрона, чтобы в виде стражи Агриппы и в лице сотников, которым поручался неуклонный надзор за арестантами, назначались люди более мягкосердечные, чтобы Агриппе ежедневно разрешалось купаться, чтобы ему было дозволено видеться с друзьями и вольноотпущенниками своими и чтобы он вообще не ощущал никакого существенного недостатка ни в чем. Таким образом, арестованного посещали его друг Силас и вольноотпущенники Марсия и Стойхей. Они доставляли ему любимую пищу и вообще всячески заботились о нем; так, например, они приносили с собой как будто бы для продажи, плащи, которые с наступлением ночи при содействии солдат и с ведома Макрона подстилали Агриппе. Так продолжалось дело в течение шести месяцев.

8. Таково-то было положение Агриппы. Между тем Тиверий возвратился на остров Капрею, где и заболел, сперва, правда, легко, но затем, когда болезнь осложнилась, он стал

сильно опасаться за свое выздоровление. Поэтому он приказал Эводу, самому приближенному из вольноотпущенников своих, привезти к нему детей, с которыми ему необходимо было переговорить перед смертью. Родных детей у Тиверия больше не было, после того как единственный сын его, Друз, умер. Теперь оставались в живых еще сын Друза, Тиверий Гемелл, а также сын брата Тиверия, Германика, Гай, юноша, получивший вполне законченное образование и пользовавшийся в глазах народа большой популярностью за доблесть отца своего, Германика. Последний (т. е. Германик) пользовался особенным расположением простонародья благодаря чистоте нравов, легкой доступности и тому, что он никогда не домогался особенно выдающегося положения. Поэтому-то не только народ и римский сенат весьма уважали Германика, но и все подвластные римлянам племена, которых подкупала мягкость его обращения с ними или которые слышали об этой черте его характера. Когда он умер, всех обуяла скорбь, причем люди не представлялись опечаленными в угоду властям, но потому что все в государстве горевали о нем как о родном дорогом покойнике. Так, воспоминание о нем продолжало жить среди людей. Результатом всего этого была большая популярность его сына; особенно привязаны были к нему солдаты, которые сильно старались, чтобы престол перешел к нему, и в случае необходимости готовы были умереть за него.

9. Тиверий, приказав Эводу привести к нему на следующий день рано утром детей, стал теперь молить богов явить знамение, кому из юношей надлежит стать его преемником. Правда, он охотнее всего оставил бы престол своему внуку, но еще больше значения и веры, чем своему личному взгляду на дело и желанию, он придавал решению богов. У него, между прочим, было твердое убеждение, что тот из претендентов получит престол, который первым явится к нему рано утром.

Решив это, он послал за воспитателем своего внука и приказал ему на заре привести к нему питомца. Тиверий предполагал, что этим он повлияет на решение богов. Бог, однако, решил иначе. В таком расчете император приказал Эводу, как только стало светать, впустить к нему того из юношей, который придет первым. Тот вышел и, найдя Гая (Тиверий еще не

пришел, так как ему слишком поздно подали завтрак, а Эвод ничего не знал о намерениях своего государя), сказал ему: «Отец зовет тебя». С этими словами он ввел его к императору.

Увидя Гая, Тиверий понял всемогущество Бога и то, что он сам ничего не мог против этого поделать и не мог теперь уже изменить принятое решение. Затем он стал жалеть как о самом себе, что у него отнята возможность привести в исполнение собственное желание, так и о своем внуке Тиверии, который не только лишился римского престола, но и вместе с тем подвергается личной опасности, потому что его безопасность теперь в руках других, более могущественных лиц, которые не станут терпеть его рядом с собой. При этом император понимал, что и родственные узы не окажут Тиверию услуги, так как наследник престола будет бояться и ненавидеть его отчасти как претендента на власть, отчасти как человека, который не сможет не злоумышлять против его особы с целью совершить государственный переворот.

Тиверий был вообще предан учению о предзнаменованиях и более кого бы то ни было другого руководился этим в течение всей своей жизни. Так, например, однажды при появлении Гальбы[32] он сказал своим приближенным, что входит человек, которому некогда выпадет на долю честь быть римским императором. Так как Тиверий более других императоров придавал значения предзнаменованиям, тем более что неоднократно видел их оправдывавшимися, то он руководствовался ими также в делах правления. Теперь его крайне огорчало все случившееся, он страдал, как будто бы его внук уже был умерщвлен, и упрекал себя в том, что так положился на предзнаменование. Ему ведь было так легко спокойно и без печали умереть в неведении будущего, а теперь приходилось расставаться с жизнью, предвидя грядущее горе наиболее близких ему людей. Хотя его и очень огорчало, что престол неожиданно перешел к нежелательному лицу, однако император, правда нехотя и с неудовольствием, обратился к Гаю со следующими словами: «Дитя мое! Хотя Тиверий мне и ближе, чем ты, однако я все-таки по доброй воле и с утверждения богов вручаю тебе власть над римским народом. Но при этом прошу тебя, не забывай, когда ты будешь императором, ни о моем к тебе благоволении, в силу которого я поставил тебя на такое высокое место, ни о род-

стве своем с Тиверием. Знай, что я с соизволения богов даровал тебе такое благо, за которое ты вознаградишь меня, если подумаешь о родстве своем с Тиверием. С другой стороны, помни, что, пока он будет жив, Тиверий будет оплотом твоей власти и личности, а если умрет, то это будет началом твоего несчастья. Стоять одиноким на таком высоком посту тяжело, и боги не оставят безнаказанным беззаконного нарушения какого-либо предписания». Так говорил Тиверий. Впрочем, ему не удалось повлиять на Гая, который обещал ему, правда, повиновение, но который, вступив на престол, немедленно распорядился умертвить Тиверия, как то предвидел старый император. Однако и сам он немного спустя погиб, пав жертвой заговора.

10. Несколько дней спустя после назначения Гая своим преемником Тиверий умер, пробыв императором двадцать два года, пять месяцев и три дня. Таким образом Гай стал четвертым римским императором[33]. Когда римляне узнали о смерти Тиверия, они очень обрадовались этому приятному для них известию. Они все еще не решались поверить этому, хотя они того и страстно желали (за верность этого сообщения они готовы были заплатить огромные деньги); однако вместе с тем они опасались, как бы в случае, если бы известие было опровергнуто, им не пришлось по доносам поплатиться жизнью за проявление такой своей радости. Ведь один этот человек совершил ужаснейшие преступления по отношению к римской знати, будучи крайне раздражительным и совершенно не умея сдерживать свой гнев, даже когда не было никакого повода к тому. Он ко всем относился крайне жестоко и за самые маловажные провинности сейчас же налагал смертную казнь. Поэтому, насколько римляне радовались при извещении об его смерти, настолько же им мешало предаваться этой радости опасение за то наказание, которому они подверглись бы, если бы слух оказался ложным.

Узнав о смерти Тиверия, вольноотпущенник Агриппы, Марсия, поспешил к последнему, чтобы сообщить ему эту добрую весть. Он застал его отправляющимся на купание, наклонился к нему и по-еврейски шепнул ему на ухо: «Лев умер!» Агриппа сразу понял смысл этих слов, очень обрадовался и сказал: «Я тебя отблагодарю за все твои услуги и за эту добрую весть. Лишь бы это была правда». Сотник, кото-

рому было поручено наблюдение за Агриппой, видя, с какой поспешностью прибыл Марсия и какую радость вызвали в Агриппе слова его, подумал, не случилось ли что-нибудь особенное, и спросил их об этом. Те сперва старались уклониться от ответа, но когда сотник стал приставать к Агриппе, последний (успевший уже снискать его благоволение) открыто рассказал ему дело. Сотник разделил радость Агриппы, предвидя выгоду и для себя, и предложил ему вместе пообедать. Пока они еще сидели за столом и наслаждались вином, пришел кто-то с известием, что Тиверий жив и через несколько дней вернется в город. Тогда сотник страшно испугался, совершив проступок, за который полагалась смертная казнь, а именно — что он при известии о смерти императора в радостях пировал с арестантом. Поэтому он столкнул Агриппу с ложа и воскликнул: «Да разве ты думаешь, что безнаказанно обманул меня с известием о кончине императора? Ведь ты за это заплатишь мне головой своей». Затем он приказал вновь заковать Агриппу в цепи, которые он перед тем снял с него, и усилил за ним надзор. Это была страшная ночь для Агриппы.

На следующий день, однако, по городу распространилось известие, подтверждающее кончину Тиверия; теперь население уже не боялось открыто говорить об этом; некоторые лица даже стали приносить (благодарственные) жертвы. Тем временем были получены письма от Гая. Одно из них было адресовано в сенат, которому Гай сообщал о смерти Тиверия и о том, что престол перешел к нему. Другое письмо было получено городским префектом Пизоном с тем же известием и приказанием освободить Агриппу из военной тюрьмы и перевести его в дом, где он жил до своего ареста. Теперь он мог спокойно ожидать будущего. Правда, он был еще подвержен аресту и охраняем стражей, но мог жить по своему усмотрению.

Когда затем Гай приехал с телом покойного Тиверия в Рим и, по римскому обычаю, устроил пышные похороны, он хотел в тот же самый день освободить Агриппу. Однако Антония отговорила его от этого, впрочем, не из нерасположения к арестанту, а потому, что заботилась, чтобы Гай не скомпрометировал себя и не навлек на себя обвинение, будто он так обрадовался смерти Тиверия, что немедленно освободил человека,

подвергнутого покойным императором тюремному заключению. Впрочем, по прошествии нескольких дней Гай послал за Агриппой, велел его привести во дворец, поручил его заботам своего брадобрея и портного, а затем возложил ему на главу диадему и провозгласил его правителем тетрархии Филиппа, к которой он присоединил еще тетрархию Лисания. Вместо той железной цепи, в которую был закован Агриппа, он подарил ему золотую такого же веса. Начальником стоявшей в Иудее римской кавалерии он назначил Марилла.

11. На втором году правления императора Гая (Калигулы) Агриппа просил разрешения отправиться в свои владения, чтобы устроить там дела свои. Затем он обещал возвратиться ко двору. Разрешение это было дано ему Гаем, и Агриппа поехал домой, куда, вопреки ожиданию всех, возвратился царем, причем наглядно показал людям, знавшим его некогда в бедности и теперь видевшим такое его благополучие, насколько велика сила судьбы. Одни поздравляли его с тем, что его надежды сбылись, другие же не верили всему этому.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Между тем сестра Агриппы, Иродиада, бывшая замужем за тетрархом Галилеи и Переи Иродом, стала завидовать могуществу своего брата, видя, что он занимает гораздо более высокое положение, чем ее муж, и вернулся покрытый почетом и богатый, тогда как ему некогда пришлось спасаться бегством от кредиторов. Она печалилась и сердилась при такой перемене в положении брата, особенно же она была недовольна, когда видела Агриппу в царском облачении разъезжающим по улицам. Тут она была не в состоянии скрыть свое неудовольствие и зависть и уговаривала мужа отправиться в Рим и добиться там подобных же почестей. Она указывала на то, как трудно жить ей, если Агриппа, сын некогда казненного родным отцом своим Аристовула, человек, впавший в такую нужду, что люди из сострадания изо дня в день доставляли ему все необходимое для жизни, человек, уехавший от своих кредиторов, теперь вернулся домой царем, тогда как Ирод, сын царя, которому само происхождение дает право на занятие такой высокой должности, сидит себе спокойно дома, оставаясь частным человеком. «Если ты,

Ирод, — говорила она, — раньше не огорчался тем, что занимаешь положение ниже отца своего, то теперь, по крайней мере, воспользуйся своим царским происхождением и не оставайся позади человека, который пользовался твоими деньгами; не допускай, чтобы он добился своей бедностью большего, чем мы, так как мы можем многого достигнуть при помощи нашего богатства; стыдись быть ниже тех, кто вчера еще и позавчера жил благодаря твоему состраданию. Поедем в Рим и не будем щадить ни труда, ни денег, потому что нисколько не лучше копить деньги, чем добиться с помощью их царского престола».

2. Ирод настойчиво отклонил это предложение, любя свой покой и подозрительно относясь к шумной римской жизни. Иродиаду он старался отговорить от ее намерения. Ввиду этого последняя, однако, еще более приставала к нему, настаивая на том, что необходимо пустить в ход все, чтобы добиться царского престола. Она не раньше успокоилась, чем склонила его на свою сторону; впрочем, он не умел ей ни в чем отказать и подчинялся ее решениям. Итак, он приготовился к отъезду, который обставил со всевозможной пышностью, не щадя для этого денег, и отправился в Рим в сопровождении Иродиады. Лишь только Агриппа узнал об их намерениях и приготовлениях, как и сам принял свои меры. Узнав об их отъезде, он отправил в Рим Фортуната, одного из своих вольноотпущенников, которому вручил подарки для императора, а также письмо, направленное против Ирода. Остальное Фортунат при случае должен был словесно сообщить Гаю. Фортунат поехал немедленно вслед за Иродом, и плавание его было столь благополучно, что он прибыл к императору единовременно с Иродом. Последнего он застал у Гая, которому Фортунат сейчас же вручил письмо. Оба корабля единовременно пристали в Дикеархее. Гая они нашли в кампанском городке Баях, который отстоит от Дикеархеи на расстоянии пяти стадий. Тут в Баях находится целый ряд сооруженных с большими издержками императорских вилл, причем каждый государь старался при постройке этих дворцов перещеголять своего предшественника. В этой местности имеются бьющие из земли горячие ключи, которые отличаются целебными свойствами. Вообще жизнь тут представляет много приятного. Гай только что разговаривал с

Иродом, который явился к нему раньше других, как ему было подано письмо Агриппы, содержавшее обвинения против Ирода. Дело в том, что Агриппа обвинял последнего в участии в заговоре Сеяна при императоре Тиверии[34] и в заговоре с парфянским царем Артабаном, направленном против Гая. Он подкреплял свой донос указанием, что в арсенале Ирода лежит заготовленное для 70 000 воинов оружие. Гай, прочитав письмо, пришел в беспокойство и спросил Ирода, правда ли то, что сказано в письме об оружии. Не имея возможности отрицать истину, Ирод признался, что это так. Тогда Гай поверил также обвинению в соучастии его в заговоре, отнял у него тетрархию и присоединил ее к царству Агриппы. Вместе с тем он предоставил последнему также все деньги Ирода, которого приговорил к позорной ссылке в галльский город Лугдунум[35]. Узнав, что Иродиада — сестра Агриппы, император вернул ей ее личные средства и, полагая, что она не захочет разделить печальную участь своего мужа, сказал, что отныне защитником ей будет брат ее. Однако Иродиада ответила на это: «Государь! Ты великодушно и милостиво предложил мне исход, но мне мешает воспользоваться милостью твоей моя преданность мужу: я, разделявшая с ним все, когда он был счастлив, теперь не считаю себя вправе бросить его при перемене судьбы». Император рассердился на нее за это великодушие и приговорил ее к ссылке вместе с Иродом. Имущество ее он предоставил Агриппе. Такое наказание постигло Иродиаду от Господа Бога за ее зависть к брату и за то, что она легкомысленно уговорила мужа, а он ее послушался.

Первый и следующий год своего правления Гай являл себя великодушным государем и человеком мягким, чем и заслужил глубокую любовь римлян и подчиненных народов. С течением же времени он благодаря своей власти перестал считать себя обыкновенным смертным, сам провозгласил себя божеством и вообще начал всячески глумиться над Предвечным[36].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Тем временем между александрийскими иудеями и жившими в том же городе греками произошла распря, результатом которой было то, что к императору Гаю явилось

по депутации из трех выборных с той и с другой стороны[37]. В числе представителей александрийских граждан находился также некий Апион, который возводил на иудеев тяжкие обвинения и, между прочим, утверждал, что они отказываются почитать императора. Все-де подданные Римской империи, говорил Апион, воздвигают в честь Гая алтари и храмы и всюду почитают его как бога; одни только александрийские иудеи считают позорным воздвигать в честь его статуи и клясться его именем. На эти гнусные и тяжкие обвинения, которыми Апион, естественно, рассчитывал восстановить Гая против иудеев, готовился возражать главный представитель иудейской депутации, Филон, человек, пользовавшийся широкой известностью, брат алабарха Александра и большой знаток философии. Но Гай не разрешил этого Филону и приказал ему удалиться. При этом император был так озлоблен, что, очевидно, замышлял что-то ужасное против иудеев. Филон, оскорбленный, удалился и сказал при этом своим товарищам-иудеям, что они не должны терять мужества, так как Гай на словах, правда, страшно озлоблен против них, но что на деле он уже успел восстановить против себя Предвечного.

2. Разгневанный тем, что одни иудеи так презирают его, Гай послал в Сирию легата Петрония, преемника Вителлия. Он приказал ему с сильной ратью вторгнуться в Иудею и, если иудеи добровольно уступят, воздвигнуть в храме Господнем его статую; если же они окажут сопротивление, сделать это с оружием в руках. Приняв начальство над Сирией, Петроний поспешил исполнить поручение императора. Он собрал возможно больше союзнических войск, присоединил к ним два римских легиона и явился в Птолемаиду на зимовку, чтобы весной начать правильную войну. Об этих своих решениях он написал Гаю. Последний похвалил его за энергию и советовал не уступать, но неуклонно преследовать ослушников войной. Между тем толпы иудеев являлись к Петронию в Птолемаиду, моля его не побуждать их к противозаконным действиям и к нарушению древних установлений. «Если тебе уже безусловно необходимо воздвигнуть статую (императора), — говорили они, — то делай по-своему, но сначала перебей нас всех. Мы не в состоянии допустить вещь, запрещенную нам авторитетом законодателя на-

шего, а также нашими предками, которые в этом запрещении видели главное побуждение к добродетели». Петроний, сдерживая гнев, ответил: «Если бы я был императором и постановил бы это самолично, то обращение ваше ко мне имело бы смысл. Теперь же я, как уполномоченный государя, обязан всеми силами исполнить его предначертания, чтобы ослушанием не навлекать на себя тяжкого наказания». «Так как, Петроний, таково твое решение, — сказали иудеи, — а именно не нарушать повелений Гая, то и мы сами не станем нарушать предписания закона, которому мы, повинуясь Предвечному и памятуя о добродетели и трудах наших предков, до сих пор оставались верны; мы не решимся на гнусное нарушение тех предписаний, которые, по постановлению Предвечного, должны принести нам счастье, и все это из страха перед смертью. Поэтому мы попытаем счастья в бою за соблюдение наших древних установлений и знаем, что, раз мы решились подвергнуться опасности, у нас будет надежда с помощью Божией на победу во славу Его, особенно если мы ради Его рискнем на все это и подвергнемся военной судьбе. Если же мы послушаемся тебя, то навлечем на себя страшный позор трусости как по отношению к самому факту нарушения законов, так и особенно тем, что вызовем неудержимый гнев Предвечного, которого ведь и ты сам признаешь более могущественным, чем Гая».

3. Видя из этих слов непоколебимость иудеев и что ему без боя не удастся исполнить приказание Гая и воздвигнуть его статую лишь ценой страшной резни, Петроний решил в обществе своих приближенных и слуг отправиться в Тивериаду, чтобы ознакомиться с настроением тамошних иудеев. Сознавая всю опасность войны с римлянами, но считая гораздо более опасным и преступным нарушать законы, огромные толпы иудеев и здесь встретили Петрония по его прибытии в Тивериаду. Они умоляли его не доводить их до такой крайности и не осквернять города постановкой статуи. «Итак, — воскликнул Петроний, — вы желаете воевать с императором, не принимая во внимание его боевой готовности и своего собственного бессилия?» Иудеи отвечали: «Мы вовсе не желаем войны; мы охотнее умрем, чем нарушим законы». При этом они бросались наземь и открывали шеи, готовясь принять смертельные удары. Так поступали они в

течение сорока дней. При этом они окончательно запустили свои занятия земледелием, несмотря на то, что было время посева. Они выказывали большую стойкость и полную готовность скорее умереть, чем допустить постановку статуи.

4. При таком положении дел Аристовул, брат царя Агриппы, и Хелкия Великий, в сопровождении прочих знатных членов семьи и главнейших представителей народа, обратились к Петронию с просьбой, так как он видит решимость народа, не доводить последнего до исступления, но написать Гаю, как толпа противится постановке статуи, как она бросила даже земледельческие занятия, как она не желает и не может вступить в войну, но охотнее соглашается умереть, чем преступить свои законы, и как по причине невозделанности почвы явятся разбои неизбежным следствием этого и невозможности платить повинности. Быть может, Гай при таких условиях оставит свою мысль о насильственном образе действий и не захочет погубить народ во время возмущения. Если же Гай все-таки будет настаивать на своем прежнем решении начать войну, то и тогда Петроний сможет приняться за это дело. Такими представлениями товарищи Аристовула старались уговорить Петрония. Видя, с одной стороны, столь серьезное отношение и настойчивые просьбы их, причем они не щадили средств убедить его, с другой же стороны, видя непоколебимость иудеев и считая большим грехом перед Всевышним пожертвовать жизнью стольких десятков тысяч людей в угоду сумасбродству Гая, Петроний, боясь также вечных угрызений совести, решил все-таки написать об этом Гаю — о невозможности исполнить его приказание, хотя и был уверен в страшном гневе императора за то, что не повиновался ему неотложно. Быть может, Петроний рассчитывал также уговорить императора, а уже в противном случае, если тот будет настаивать на своем безумном мнении, решил начать войну с иудеями. Даже если бы гнев императора обратился против него самого, Петроний готов был в силу своей доблести умереть за такое множество людей. Поэтому он решил послушаться иудеев, умолявших его.

5. Созвав иудеев в Тивериаду (куда явились несметные толпы их) и обратившись к ним с речью, Петроний сказал, что теперешний шаг он предпринимает не по собственному желанию, но по повелению императора, который приказал дать

почувствовать его гнев немедленно всем тем, кто бы осмелился ослушаться его. Поэтому он, Петроний, который достиг такого почетного положения, считает своей обязанностью поступить вполне согласно повелениям государя. «И тем не менее, — продолжал он, — я счел бы несправедливым пожертвовать своей личной безопасностью и своим почетным положением ради вас, которых так много. Я преклоняюсь перед величием закона, который вы, благодаря его древности, считаете своей обязанностью отстаивать, и преклоняюсь главным образом перед величием и могуществом Всевышнего. Я не могу допустить, чтобы храм Его был осквернен дерзким святотатством правителя. Поэтому я посылаю Гаю донесение о вашем решении и по силе возможности поддержу вас, чтобы доказать вам, что я соглашаюсь с вашими, вполне правильными, взглядами. Предвечный же, могущество которого выше всякого человеческого начинания и уменья, да поддержит вас в соблюдении вами древних законов и да предохранит его (Гая) от того, чтобы он в своих нечеловеческих требованиях не лишился окончательно того почета, к которому привык. Если же Гай выйдет из себя и направит против меня всю силу гнева, я готов идти на всякую опасность и подвергнуться всякому физическому и нравственному страданию скорее, чем видеть гибель вашу, гибель такого множества людей за столь славную идею. Теперь же пусть каждый отправится восвояси, к делам своим. Позаботьтесь о возделке земли. Сам я пошлю в Рим и не упущу ни лично, ни через друзей своих никакого случая, чтобы добиться для вас благоприятного результата».

6. С этими словами он отпустил иудеев, причем просил наиболее выдающихся из них принудить народ к занятию земледелием и успокоить его обещаниями всего лучшего в будущем. Так Петроний спешил ободрить народ. Предвечный, в свою очередь, явил Петронию свою помощь и заботливость во всем. Лишь только Петроний окончил разговор с иудеями, Всевышний ниспослал сильный дождь. Это было большой неожиданностью, потому что с самого утра этого страшно жаркого дня не было видно на небе ни одного облачка, да и жара в течение целого года отнимала у людей всякую надежду на дождь, хотя они иногда и видели на небе облачка. Когда поэтому теперь так неожиданно и внезапно полил сильный дождь, иудеи почерпнули в этом надежду, что и

Петронию удастся его ходатайство за них. Сам Петроний поразился еще больше, видя воочию, насколько Предвечный заботится об иудеях и как Он проявляет это; никто, даже если бы захотел, не мог бы утверждать противное. Поэтому все то, что Петроний написал Гаю, должно было побудить императора к перемене решения и заставить его отказаться от мысли довести до отчаяния столько тысяч человек. При этом Петроний поставлял на вид, что, если Гай распорядится перебить их всех (а по его мнению, было ясно, что они без борьбы не допустят нарушения законов), он лишится доходов и подвергнет себя позору на вечные времена. Затем Петроний охарактеризовал Гаю могущество Бога, покровительствующего иудеям, как чрезвычайное, которое, наверное, не преминет вскоре же явить себя во всей своей силе.

Таковы были доводы Петрония.

7. Царь Агриппа, живший пока еще в Риме, все более и более сближался с другом своим Гаем. Однажды Агриппа пригласил его обедать, причем постарался превзойти всех как расходами, так и роскошью блюд и всяческих удовольствий, так что, не говоря уже о других, и сам Гай не мог бы, в случае желания, не только превзойти его, но даже и помериться с ним в этом отношении. Одним словом, Агриппа превзошел самого себя и сделал все возможное в угоду императору. Преклоняясь перед его расположением к нему и перед великодушием, с которым Агриппа в угоду ему принудил себя понести огромные, чрезмерные расходы, Гай, желая, в свою очередь, не отставать от Агриппы и вознаградить его чем-либо за доставленное ему удовольствие, разгоряченный и развеселившийся от вина, которое ему постоянно подливал Агриппа за обедом, воскликнул: «Я и раньше чувствовал честь, которую ты мне всегда оказывал, и знаю твою великую преданность мне, выражавшуюся тобой с личной опасностью при Тиверии. И теперь ты ни в чем не изменил своего ко мне отношения и стараешься даже выше сил своих выказать мне свою преданность. Поэтому я, считая, что было бы постыдно уступать тебе со своей стороны в подобном же рвении, желаю теперь наверстать упущенное. То, чем я до сих пор одаривал тебя, конечно, были сущие пустяки. Теперь я хочу доставить тебе от всего сердца и по мере сил моих все, что могло бы сделать счастье твое полным». Гай говорил таким

образом, предполагая, что Агриппа попросит себе обширной земельной собственности или доходов с каких-либо городов. Хотя у Агриппы была уже вполне готовая просьба, однако он пока умолчал о ней, а тотчас ответил Гаю, что как в прежних его добрых отношениях к нему вопреки желанию Тиверия, так и в теперешнем его добром расположении к нему им, Агриппою, никогда не руководила мысль об извлечении для себя каких-либо выгод. То, что Гай дал ему раньше, уже является крупным вознаграждением, превосходящим всякие самые смелые надежды. «Даже если бы дары эти, — сказал он, — и были меньше, чем они есть, то и в таком случае они все-таки явились бы слишком большой наградой за мою любовь и заслуги перед тобой».

Гай был поражен этой скромностью и стал настаивать, чтобы Агриппа сказал ему, чего он желает. Тогда тот сказал: «Государь, так как ты столь милостиво считаешь меня достойным награды, то я не стану просить тебя ни о чем таком, что имело бы в виду мое обогащение; ведь я, благодаря твоему великодушию, и без того не беден. Поэтому я попрошу тебя о такой вещи, которая даст тебе славу человека благочестивого, которая побудит Предвечного быть твоим защитником во всех твоих начинаниях и которой я смогу стяжать себе добрую память у всех, кто о том узнает; могу ли я рассчитывать на исполнение с твоей стороны моего желания? Прошу тебя, откажись от мысли воздвигнуть твою статую в иудейском храме, как ты о том послал распоряжение Петронию».

8. Хотя Агриппа понимал всю опасность этой просьбы (если бы Гай не согласился на исполнение ее, то ему предстояла бы неизбежная смерть), однако он сознавал все значение ее и решил попытать счастья. Гай был очарован любезностью Агриппы, с другой стороны, не желал оказаться лжецом перед столькими свидетелями, видевшими, как он сам настаивал на просьбе Агриппы, и не хотел, чтобы эти люди подумали, будто он сейчас же раскаялся в своем решении. Вместе с тем он изумился сдержанности Агриппы, который отстранил на задний план личное счастье в виде ли денежных доходов или другим каким-либо способом и выставил вперед лишь общее благо, сохранение законов и поклонение Предвечному. Поэтому Гай согласился на исполне-

ние просьбы Агриппы и тотчас же отправил Петронию письмо, в котором похвалил его за набор войска и за то, что он послал к нему за советом, как поступить дальше. В письме этом между прочим было сказано:

«Если ты успел уже воздвигнуть мою статую, то пусть она стоит; если же ты не успел еще сделать это, то не заботься дольше о том, но распусти войско и вернись к тому делу, ради которого я тебя первоначально послал. Я не интересуюсь более постановкой статуи и делаю это в угоду Агриппе, человеку, которого я слишком высоко чту, чтобы мог отказать ему в какой-либо просьбе».

Это письмо Гай написал Петронию раньше, чем получил его донесение о том, что иудеи оказывают отчаянное сопротивление и открыто выражают намерение вступить в борьбу с римлянами. Получив это сообщение, Гай страшно разгневался, что иудеи дерзнули испытать его могущество. Он был вообще человеком, которому все было безразлично, который не останавливался ни перед чем, который, если озлоблялся против кого-нибудь, уже не знал никаких пределов, но находил удовольствие лишь в удовлетворении своей злобы. Поэтому он послал Петронию следующий ответ: «Так как ты оценил дары, преподнесенные тебе иудеями, выше моих приказаний и осмелился в угоду им ослушаться моих повелений, то я повелеваю тебе самому быть своим судьей и решить, как тебе следует поступить, дабы почувствовать мой гнев. Я желаю, чтобы твоя судьба послужила уроком для всех в настоящее и будущее время, что нельзя не исполнять приказаний своего государя».

9. Такое письмо написал Гай Петронию. Однако последний не получил его при жизни Гая, так как путешествие тех, кому была поручена доставка этого письма, затянулось, и Петроний раньше получил другое письмо с известием о смерти Гая. Господь Бог не забыл об опасностях, которым добровольно подверг себя Петроний в угоду иудеям и во славу Божию, но дал ему удовлетворение тем, что в гневе своем низверг Гая за его дерзкую попытку объявить себя божеством. Вместе с Петронием были довольны и Рим, и вся империя, особенно же выдающиеся сенаторы, против которых необузданно свирепствовал Гай. Последний умер немного спустя после отправки Петронию письма с приказанием ему

покончить самоубийством. О причине смерти Гая и о характере составленного против него заговора я поговорю впоследствии. Петроний сперва получил письмо, извещавшее его о смерти Гая, а немного спустя пришло то, в котором ему предписывалось покончить самоубийством. Он был доволен гибелью, постигшею Гая, и изумлялся Провидению, которое вознаградило его так быстро за оказанное им Господу Богу почтение и за спасение храма и иудеев. Таким образом, Петроний избег, сам того не зная, смертельной опасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Тем временем живших в Месопотамии и главным образом в Вавилоне иудеев постигло страшное, необычайное бедствие, выразившееся в том, что многие из них были перерезаны так, как раньше не бывало тому примера в истории. Чтобы в точности рассказать обо всем этом, мне придется изложить причины, поведшие к такому несчастью. В Вавилоне находится город Наардея, крайне оживленный, обладающий отличной и обильной землей. Ко всем прочим преимуществам присоединялось еще и то, что там был избыток населения. Город этот недоступен врагам, так как река Евфрат со всех сторон окружает его и он, кроме того, защищен стенами. В таких же благоприятных условиях находится на той же реке город Низибис. Уповая на укрепленность своих городов, тамошние иудеи удерживали у себя двойные драхмы, которые закон предписывает отдавать Предвечному[38], равно как не посылали никаких других жертвенных даров и смотрели на свои города как на казнохранилища. Отсюда уже деньги при случае посылались в Иерусалим, причем огромные, тысячные толпы людей сопровождали эту доставку денег из боязни перед грабежами парфян, которым Вавилония платила дань. В это время в Наардее жило два брата, Асиней и Анилей. Так как они (рано) лишились отца, то мать приучила их ткать, тем более что в этом, по понятиям местных жителей, не было ничего позорного: у них мужчины даже прядут шерсть. Однажды мастер, у которого они учились, стал выговаривать им за их опаздывания на работу и затем подверг их телесному наказанию. Юноши приняли это за личное оскорбление, собрали все хранившееся у них в доме

оружие и отправились в такое место, где река разделяется на два рукава; тут были отличные пастбища и множество хлеба, запасенного на зиму.

К ним собрались все негоднейшие юноши; им братья роздали оружие, сами стали во главе их и не переставали руководить ими при совершении всевозможных гнусностей. Уповая на недоступность своего убежища и соорудив себе укрепление, братья стали посылать товарищей к соседним пастухам с предложением выплачивать известную дань овцами, которые могли бы им служить пищей. При этом они обещали, в случае повиновения, жить с пастухами в дружбе и ограждать их от всех врагов, откуда бы они ни явились, и угрожали перебить их стада в случае отказа. Так как при таких условиях не было выбора, то пастухи послушались и послали им столько скота, сколько те от них потребовали. Таким образом, силы юношей крепли, и они были в состоянии внезапными нападениями вредить кому угодно по личному своему усмотрению. Всякий, кто имел с ними дело, старался задобрить их, а они наводили страх даже на смельчаков. Молва о них дошла наконец до парфянского царя.

2. Тогда вавилонский сатрап, узнав об этом и желая подавить мятежников в самом корне раньше, чем они успели бы натворить бед, собрал возможно большее войско из парфян и вавилонян и ринулся на них, имея в виду нагрянуть на них врасплох, пока они еще не узнали о готовящемся на них походе. Он тихо оцепил низменность и спокойно дожидался следующего дня. То была суббота, когда иудеи отдыхают от трудов. Полагая, что враги в этот день не решатся вступить с ним в бой и что ему придется лишь схватить и перевязать их, он понемногу начал подвигаться вперед, имея в виду затем сразу неожиданно нагрянуть на них. В это время Асиней сидел со своими товарищами в стороне, причем оружие лежало вблизи их. Вдруг Асиней воскликнул: «Товарищи, до меня доносится конское ржанье, но не коней, которые пасутся на свободе, а таких, на которых сидят всадники; при этом я слышу лязг удил, боюсь, как бы враги не застали нас врасплох и не окружили нас. Пусть кто-нибудь выйдет вперед соглядатаем, чтобы принести точную весть о случившемся; я желал бы, чтобы мое предположение оказалось ложным».

Так он говорил, и немедленно некоторые из его товари-

щей пошли удостовериться. Впрочем, они весьма быстро вернулись и сказали: «Ты нисколько не ошибся относительно действия врагов, которые более не желают, чтобы мы дольше издевались над ними. Они нас застигли хитростью и теперь нагрянут на нас с такой огромной ратью, что перебьют нас как скот, причем мы оказываемся бессильными что-нибудь поделать, так как наш закон повелевает нам воздерживаться от всякого труда в сегодняшний день». Однако Асиней не разделял мнения лазутчиков на этот счет, но считал более разумным мужественно нагрянуть на врагов, чем спокойно дать убить себя; поэтому он предпочел прибегнуть в такой крайности к силе, на которую его побуждали обстоятельства: он решился даже преступить закон и готов был в случае необходимости умереть. После этого он взялся за оружие и тем подал пример смелости и храбрости своим товарищам. Итак, они ринулись на врагов, перебили множество их, которые столь беспечно рассчитывали на легкую победу, и обратили в бегство остальных.

3. Между тем парфянский царь, получив известие об этом сражении и удивившись мужеству братьев, пожелал лично повидать их и поговорить с ними. Поэтому он послал к ним самого верного своего телохранителя со следующим поручением:

«Царь Артабан, хотя вы и позволили себе нанести дерзкое оскорбление ему и его стране, готов, однако, подавить свой гнев ради вашей доблести; он прислал меня предложить вам вступить с ним в союз и с этой целью предоставляет вам безопасный проезд по всем его дорогам и просит дружественно явиться к нему без обмана и коварства. При этом он вам обещает подарки и такой почет, который вам при вашем теперешнем положении будет особенно полезен благодаря могуществу царя». Между тем, Асиней сам не решился ехать, а послал своего брата Анилея с дарами, какие мог набрать. Тот отправился и вскоре предстал перед царем. Артабан, увидав одного только Анилея, спросил его о причине отсутствия Асинея. Узнав, что тот остался в своей низине из опасения, царь стал клясться всеми богами, что он никогда не обидит никого, кто явится к нему, полагаясь на его слово. При этом он протянул ему правую руку, что служит у всех варваров доказательством величайшего доверия. Никто из них, дав

правую руку, никогда не счел бы себя вправе обмануть другого и никто не сомневается в своей безопасности, если получит это доказательство верности со стороны тех, кого он подозревал бы в желании причинить ему зло. Поступив таким образом с Анилеем, Артабан отослал его назад к брату для того, чтобы он уговорил его приехать к нему. Все это царь сделал, имея в виду воспользоваться доблестью этих иудейских братьев в свою пользу, а именно — думая сделать из них себе оплот против своих собственных сатрапий, которые уже возмутились или собирались возмутиться. В таком случае он думал выпустить их против сатрапий; с другой же стороны, он боялся, что, если будет принужден к войне против мятежников, Асиней и вавилоняне лишь укрепятся в своем могуществе, при первом слухе о войне сами начнут неприязненные действия и, в крайнем случае, не упустят возможности по мере сил разорить страну.

С такими расчетами Артабан отправил Анилея. Последний крайне убедительно рассказал брату о любезности царя вообще, в особенности же о данной им клятве. В результате оба поехали к Артабану.

Последний принял их с большим удовольствием и удивился Асинею, который выказал такое геройство духа, тогда как на вид был так мал и настолько ничтожен, что вызывал во всех чувство презрения. При этом царь сказал друзьям своим: «Он, очевидно, обладает душой гораздо более величественной, чем его тело». Во время пиршества царь указал на Асинея Авдагасу, начальнику своих телохранителей, и сказал, какой он славный герой и какую доблесть обнаруживает на войне. Однако Авдагас просил царя разрешить ему убить этого человека и тем воздать ему за все то зло, которое он причинил стране парфянской. На это царь ответил: «Не могу же я дать тебе такое разрешение по отношению к человеку, доверившемуся моему слову, человеку, которому, кроме того, я дал свою правую руку и которому поклялся именем богов. Но если ты толковый человек, то не заставишь меня прибегнуть к нарушению клятвы и сам постараешься отомстить за попранную парфянскую страну. Поэтому, когда он поедет назад, ты нападай на него и без моего ведома расправься с ним». На заре царь послал за Асинеем и сказал ему: «Юноша, теперь пора тебе вернуться восвояси уже для того, чтобы

не возбудить в некоторых здешних полководцах зависти и не вызывать в них желания, помимо моего ведома, расправиться с тобой. Я тебе предоставляю вавилонскую область, дабы твоя заботливость оградила ее от грабежей и от всяких бедствий. Я считаю себя вправе видеть в тебе своего друга, так как я поклялся в своей верности, при этом ни в каких-нибудь мелких делах, а в серьезном вопросе, касающемся твоей личной безопасности». С этими словами он вручил ему дары и немедленно отпустил Асинея. По возвращении последнего на родину он принялся за сооружение крепостей и за укрепление запущенных местностей. Таким образом, он вскоре достиг большого могущества, какого раньше не достигал никто, кто собственной смелостью добился столь высокого положения. Также и парфянские полководцы, которые посылались в его распоряжение, весьма раболепствовали перед ним. Малым сравнительно с их почетом казался почет, который оказывали ему за его доблесть жители Вавилона. Таким образом, Асиней достиг величайшего могущества: все дела Месопотамии сосредоточились в его руках, и это счастье его длилось пятнадцать лет.

5. Несмотря на такую удачу братьев, в конце концов и их начали постигать бедствия, главным образом потому, что они обратили свою добродетель, при помощи которой достигли такой великой власти, в насмешку, решившись ради удовлетворения своих страстей и удовольствия преступить древние узаконения. Дело в том, что в их страну прибыл некий парфянский военачальник; он привез с собой и жену свою, которая отличалась всевозможными прелестями и красотой своего стана вызывала всюду удивление. О красоте ее либо узнал, либо лично в ней убедился Анилей, брат Асинея; он в нее безумно влюбился и вместе с тем был в большом затруднении, так как у него не было никакой надежды овладеть этой женщиной иначе как силой; а с другой стороны, он никак не мог противостоять своей страсти. Поэтому немедленно муж ее был признан врагом Анилея, и, лишь только между ними произошел поединок, в котором, конечно, пал муж, женщина должна была насильно выйти за Анилея. Вместе с тем она вошла в дом братьев и принесла в одинаковой мере горе как Анилею, так и Асинею, и причиной этого послужило следующее обстоятельство. Когда она после смерти

мужа была захвачена насильно, то принесла с собой также изображения богов, которых почитали она и ее муж. У жителей тех мест в обычае держать в домах божков и брать их с собой во время путешествий; так и она привезла их с собой по обычаю своей страны. Сперва она поклонялась этим божкам втайне, когда же стала женой Анилея, она стала по-прежнему почитать их и воздавать им те почести, которые воздавала при первом муже. Тогда наиболее приближенные к брату лица стали укорять Анилея, что он нарушает еврейские постановления и глумится над их законом, взяв себе в жены иностранку, которая отвергает жертвоприношения и установленное богопочитание. Пусть он смотрит, как бы ему в погоне за удовольствиями не пришлось потерять власть, которая теперь благодаря Господу Богу достигла такого значения. Однако они не только ничего не добились, но Анилей убил даже одного из наиболее почитаемых воинов за то, что он позволил себе слишком вольные речи. Умирая за законы, этот воин стал взывать к Богу о мести, которая должна была постигнуть Анилея и Асинея, и просил послать остальным товарищам такой же конец от руки врагов. Такая месть должна была постигнуть братьев за то, что они подали пример беззаконий, товарищей же за то, что они не поддержали его и допустили такие его страдания за глумление над законом. Товарищи очень опечалились, но пока сдерживали себя, памятуя, что они достигли благополучия исключительно благодаря могуществу братьев. Когда же они услыхали, что среди них происходит культ парфянских божеств, они не сочли возможным дольше допускать таких глумлений Анилея над законами. Поэтому они в громадном количестве явились к Асинею и громко требовали от Асинея, чтобы он, если раньше не сумел соблюсти своих интересов, теперь, по крайней мере, вернулся на путь истинный раньше, чем его преступление станет причиной гибели как для него, так и для всех остальных. Затем они жаловались на то, что брак его с этой женщиной заключен против их законов и обычаев, и говорили, что культ этой женщины направлен к обесчещению Господа Бога.

Асиней и сам знал прекрасно, что преступление его брата является и явится причиной великих бедствий; впрочем, он ничего не сделал, уступая родственному чувству, против бра-

та, который был охвачен такой сильной страстью. Но, когда ежедневно товарищи все в большом числе стали приставать к нему и все громче жаловаться на брата, он обратился к Анилею с соответственными представлениями и стал порицать его за прежние его поступки, потребовал прекращения этих безобразий на будущее время и велел отослать жену к ее родственникам. Однако он этим ничего не достиг; напротив, женщина, узнав, что народ волнуется из-за нее, и боясь, как бы Анилей не пострадал из-за любви к ней, подсыпала Асинею в пищу яду и таким образом освободилась от этого человека. При этом она не беспокоилась о последствиях своего поступка, так как судить ее пришлось бы ее же сожителю.

6. Став, таким образом, единовластным правителем, Анилей задумал идти походом на некоего Митридата, человека, занимавшего в стране парфянской высокое положение, женатого на дочери царя Артабана. Это владение он подверг разграблению, причем захватил здесь массу денег, рабов, скота и многого другого, что может сделать жизнь человека приятной. Находившийся поблизости Митридат, узнав о захвате своих владений, страшно рассердился на то, что Анилей без всякого повода и невзирая на его высокое положение вздумал обидеть его; потому он набрал как можно более всадников, и притом наилучших, и явился во главе их, чтобы начать неприятельские действия против Анилея. Прибыв к одной из своих деревень, он расположился здесь на отдых, имея в виду на следующий день вступить в бой, так как следующий день была суббота, которую иудеи обыкновенно проводят в бездействии. Анилей узнал о том от некоего сирийца, жителя другой деревни; этот человек между прочим сообщил ему все в точности, а также указал ему место, где Митридат собирался ужинать; поэтому Анилей, накормив своих солдат заранее, ночью двинулся вперед в расчете застигнуть парфян врасплох. Около четвертой стражи[39] он напал на врагов, когда те еще спали, перебил многих из них, а остальных обратил в бегство. При этом он захватил Митридата живьем, посадил его голого на осла и повез с собой, а это у парфян считается величайшим бесчестьем. Приведя его затем в таком жалком виде в лес, Анилей должен был приложить все старания отговорить товарищей своих, которые требовали смерти Митридата. Он указал им на то, насколько

нехорошо убивать человека, занимающего у парфян столь высокое положение, притом особенно высокочтимого у царя благодаря родству с ним. Теперь дело еще возможно поправить, потому что если Митридат и подвергся оскорблению, то он все-таки будет относиться с благодарностью к тем, кто спас ему жизнь. Если же он подвергнется гибели, царь, конечно, не задумается устроить великую резню среди вавилонских иудеев. Последних, однако, следует пощадить как из родственных чувств, так и потому, что, если приключится какая-нибудь неудача, они лишатся последнего убежища, тем более что цвет иудейского юношества уже призван под знамена. Так рассуждал Анилей и убедил собрание, которое отпустило Митридата.

Когда последний вернулся домой, жена встретила его упреками и спросила его, неужели он, зять царя, так спокойно отнесется к нанесенному оскорблению и не подумает отомстить обидчикам своим, удовлетворившись тем, что избег плена у иудеев. «Поэтому вернись теперь, — сказала она, — к своей прежней доблести, или я должна поклясться своими царственными богами, что перестану быть твоей женой». Тогда Митридат, не будучи в состоянии выносить изо дня в день постоянные глумления, а с другой стороны, зная гордость жены и боясь расторжения брака с ней, против воли и неохотно решился собрать по возможности большое войско и двинулся во главе его на врагов. При этом он решил скорее погибнуть, чем попасть в руки иудеев.

7. Когда Анилей узнал, что Митридат приближается к нему во главе огромного войска, он счел постыдным оставаться в своих низинах, а не выступить навстречу врагам. Поэтому он, полагаясь на прежние свои удачи, рассчитывал и теперь справиться с врагами и думал, что, по обыкновению, возбудит мужество своих воинов. Таким образом, он двинул вперед свою рать. К его войску пристали многие лица в расчете поживиться на чужой счет во время грабежа; кроме того, эти люди думали устрашить врагов своим внешним видом. Они прошли около 90 стадий[40], причем путь их лежал по безводной местности, был полдень, и их страшно мучила жажда. Тут-то внезапно появился Митридат и нагрянул на них, истощенных жаждой и потому не бывших в состоянии в такую жару даже нести оружие. Началось постыдное бегство

людей Анилея, так как им, утомленным, приходилось сражаться с бодрым неприятелем. Произошла страшная резня, и много десятков тысяч народа пало.

Анилей с трудом собрал остатки войска и спасся бегством в лес. Этим он доставил большую радость Митридату, который одержал такую победу. Впрочем, к Анилею вскоре собралось огромное количество всякого сброда, который нисколько не дорожил своей безопасностью, но искал лишь минутной удачи. Конечно, эти люди несколько заполнили ряды его поредевшего войска, но они не могли сравниться с павшими благодаря своей полной неподготовленности; впрочем, он с ними нагрянул на вавилонские деревни и подверг их полному опустошению. Тогда вавилоняне и прочие участники войны послали в город Наарду к жившим там иудеям с требованием выдать им Анилея. Это было тщетное желание, потому что иудеи, даже если бы и хотели, не имели возможности выдать его; поэтому они предложили заключить мир. Так как и те желали мира, то они вместе с вавилонянами послали людей к Анилею для переговоров. Вавилоняне, лично осмотрев и изучив то место, где расположился станом Анилей, ночью тайно напали на опьяненных и покоившихся в глубоком сне врагов и без труда перебили всех и в том числе Анилея.

8. Таким образом, вавилоняне освободились от столь тягостного им соседа, который до сих пор служил им препятствием в их действиях против иудеев. С последними они всегда сильно ссорились вследствие разности религиозных установлений, и обе стороны старались делать друг другу неприятности. Поэтому теперь с гибелью Анилея вавилоняне набросились на иудеев. Последние боялись насилия со стороны вавилонян и, не будучи в состоянии оказать им сопротивление в открытом бою, а с другой стороны, считая невозможным жить с ними, ушли в Селевкию, один из наиболее выдающихся городов, основанный Селевком Никатором. Население этого города составляют в большом числе македоняне, а еще в большем — греки; также имеется там значительное ассирийское население. В этот город бежали иудеи; тут они в течение пяти лет жили спокойно, на шестой же год в Вавилоне появилась среди них чума. Вследствие этого в Селевкию пришли новые иудеи. Их постигло тогда более крупное бедствие, о котором я сейчас расскажу.

9. Между греками и сирийцами Селевкии происходили постоянные споры и разногласия, причем, однако, победителями всегда оставались греки. Теперь же, когда в этот город переселились иудеи, перевес оказался на стороне сирийцев, потому что к ним примкнули иудеи, привыкшие к опасности и отличавшиеся также способностью воевать. Тогда греки, видя, что они в меньшинстве, и считая единственным средством к восстановлению своего прежнего значения по силе возможности разъединение иудеев и сирийцев, вступили в переговоры с теми сирийцами, с которыми они раньше были близки, и обещали им мир и дружбу. Те охотно на это согласились. Таким образом, обе стороны вступили в переговоры, которые вели наиболее выдающиеся представители той и другой партии. Вскоре состоялось полное соглашение. После этого, желая дать друг другу веское доказательство взаимной дружбы, они воспользовались ненавистью к иудеям; напали на них неожиданно и перебили свыше 50 000 человек. Таким образом, погибли все иудеи, кроме тех, кого спасли сострадательные друзья или кому дали возможность бежать близкие соседи. Беглецы направились в Ктесифон, город с греческим населением, недалеко от Селевкии. Тут царь обыкновенно проводил зиму, и здесь у него были собраны значительные запасы. Впрочем, и тут они не могли долго оставаться, потому что селевкийцы не питали никакого уважения к своему царю. Таким образом, все тамошнее иудейское население дрожало перед вавилонянами и селевкийцами, тем более что все жившие в тех местах сирийцы соединились с селевкийцами с целью истребить иудеев. Поэтому многие иудеи ушли в Наарду и в Низибис из-за безопасности в этих городах и руководствуясь тем, что там была сосредоточена масса воинов. Таково было положение вавилонских евреев.

Книга девятнадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как император Гай Калигула был убит Кассием Хереей и как его дядя Клавдий по требованию войска принял бразды правления.
2. О раздорах между сенатом и народом, с одной стороны, и преданными императору войсками — с другой.
3. О посольстве царя Агриппы к сенату и о том, как примирившиеся с сенатом войска отправились к Клавдию и провозгласили его владыкой государства; о том, как покинутый сенат просил Клавдия о примирении.
4. О том, как император Клавдий вернул Агриппе полностью царство его отца и, кроме того, предоставил ему еще тетрархию Лисания.
5. Постановление императора Клавдия относительно александрийских и вообще всех живших в его империи иудеев.
6. Возвращение царя Агриппы в Иудею.
7. Постановление сирийского наместника Петрония в пользу иудеев.
8. О том, как царь Агриппа с большими запасами принялся восстанавливать стены Иерусалима, но не успел покончить с этим предприятием, так как его настигла смерть.
9. О том, что совершил Агриппа в течение 3-х лет до своей смерти и как он умер.

Содержание книги обнимает время в три года и шесть месяцев.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Император Гай не только выказывал сумасбродство относительно иерусалимских и прочих живших в тех местах иудеев, но и в своем безумии свирепствовал по всему протяжению Римской империи, на суше и на море, преисполняя мир тысячами таких бедствий, о которых никогда раньше не было слышно. Наиболее чувствовал его гнет город Рим, который он нисколько не выделял из числа прочих городов; тут он своевольно обращался со всеми гражданами и особенно с сенаторами, главным же образом с теми, которые принадлежали к числу патрициев и пользовались почетом за знатное происхождение. Он ревностно преследовал сословие всадни-

ков, которые пользовались особенным почетом и значением благодаря своим деньгам и которые почитались одинаково с сенаторами; из числа их поэтому пополнялись члены сената. Этих людей он подвергал бесчестию и изгнанию, убивал их и присваивал их имущество. Вообще все эти казни в большинстве случаев имели в виду разграбление имущества казненных. Он требовал себе божественных почестей и желал, чтобы подданные его поклонялись ему как Богу. Придя в храм Зевса, который римляне называют Капитолием и считают наиболее священным капищем своим, он осмелился назвать Зевса братом. В прочих его поступках также сказывалось безумие. Так, например, считая лишним проезжать на корабле от кампанского города Дикеархеи до другого приморского города Мисена и вообще признавая себя владыкой моря и земли и потому считая себя вправе требовать от них покорности, он соединил эти города, находящиеся на расстоянии тридцати стадий, мостом и оставил, таким образом, в стороне весь залив, и ездил по мосту в колеснице, утешая себя тем, что ему, как Богу, так подобает путешествовать. Он не оставил ни одного греческого храма без разграбления; везде, где находились какие-нибудь рисунки, или изваяния, или утварь, он приказывал привозить все это к нему, говоря, что красивое обязательно должно находиться в красивейшем месте, а таким является город Рим. Похищенными таким образом вещами он украшал дворец и свои сады, а также свои многочисленные, рассеянные по всей Италии виллы. Он даже распорядился перевезти в Рим статую почитаемого греками Зевса Олимпийского работы афинянина Фидия. Впрочем, это намерение его не было приведено в исполнение, так как архитекторы сказали Манлию Регулу, которому была поручена перевозка статуи, что изваяние сломается, если его вздумают сдвинуть с места.

Говорят, что Манлий по этой причине, а также потому, что ему явились во сне необыкновенные знамения, отказался от своего намерения и написал Гаю извинение, что не может исполнить его поручение. В результате он, конечно, подвергся бы казни, если бы его не спасла неожиданная кончина Гая.

2. Сумасбродство императора достигло такой степени, что, когда у него родилась дочь, он снес ее на Капитолий и

положил на колени статуи Юпитера, уверяя, что этот ребенок в одинаковой мере принадлежит как ему, так и Юпитеру, что у нее, значит, двое отцов и что он, Гай, поэтому оставляет вопрос открытым, кто из них обоих является более могущественным. Между тем народ спокойно взирал на такие его поступки. Гай также позволил рабам выступать с какими угодно обвинениями против своих хозяев; конечно, все, что они говорили, было ужасно, потому что в угоду Гаю и по его понуждению ими возбуждались страшнейшие обвинения. Дело дошло даже до того, что некий раб Полидевк решился выступить с обвинением против Клавдия, и Гай не постеснялся явиться послушать судебное разбирательство по делу своего родственника; он питал даже надежду найти теперь предлог избавиться от Клавдия. Однако это дело у него не выгорело, ибо он преисполнил все свое государство наветами и злом, а так как он сильно восстановил рабов против господ, то теперь во множестве стали возникать против него заговоры, причем одни участвовали в них, желая отомстить за испытанные бедствия, другие же считали нужным избавиться от этого человека раньше, чем он вверг бы их в большие бедствия. Поэтому смерть его была бы по законам всех народов всякому желательна, особенно же нашему народу, который чуть не погиб, если бы смерть Гая не наступила так быстро. Я желаю подробно рассказать о нем особенно потому, что этот рассказ должен возбудить во всех, которые находятся в каком-нибудь стеснении, большую уверенность во всемогуществе Божием и дать им утешение; для тех же, которые считают счастье вечным, даже если оно не связано с добродетелью, тут заключается предостережение.

3. Тремя способами собирались умертвить Гая, и в каждом из этих заговоров инициаторами являлись благородные мужи. Так, например, Эмилий Регул, родом из иберийского города Кордубы, собрал товарищей, имея в виду либо при помощи их, либо самолично умертвить Гая. Во главе другой партии заговорщиков стоял трибун Кассий Херея; наконец, Аппий Минуциан был также готов покончить с этой тиранией. Причиной их ненависти к Гаю являлись различные обстоятельства. Так, Регул был человеком весьма вспыльчивым и с ненавистью относившимся ко всему, в чем проявлялась несправедливость; в его характере вообще была решимость и

любовь к свободе, почему он и не скрывал своих планов, о которых сообщил друзьям и другим людям, казавшимся ему достаточно решительными. Минуциан пришел к своему решению вследствие желания отомстить за близкого друга Лепида, одного из выдающихся граждан, которого казнил Гай. С другой же стороны, его побуждал страх за самого себя, так как Гай и ему, подобно другим, выразил свой гнев и намерение казнить его. Наконец, Херея был возмущен теми упреками в трусости, которые швырял ему в лицо Гай, а с другой стороны, несмотря на свое расположение и готовность служить ему, отлично сознавал, что каждый день приносит ему опасность; поэтому он не усматривал в убиении Гая постыдного поступка. Все эти заговорщики считали удобным сообщать о своих намерениях тем, которые видели безобразия Гая и после его смерти могли надеяться избегнуть затруднений. Они рассчитывали на вероятный успех своего предприятия и в этом случае считали большим преимуществом располагать таким количеством добрых товарищей, которые на благо города и государства не задумались бы рискнуть собой даже с возможностью собственной гибели. Главным образом эти желания обадривали Херею, который желал прославиться; с другой же стороны, ему, как трибуну, имевшему свободный доступ к Гаю, исполнение покушения представлялось менее затруднительным, чем другим.

4. В это время начались игры. Зрелище это особенно любимо римлянами, которые охотно стекаются в цирк и толпой приступают с просьбами о своих нуждах к императору. Последний не считает себя вправе отказывать им и всегда исполняет эти просьбы. И в этот раз народ приступил к Гаю с настоятельной просьбой об ослаблении поборов и облегчении бремени налогов. Гай не согласился, а так как народ слишком бурно выражал свои желания, он распорядился схватить крикунов и безотлагательно казнить их. Так велел Гай, и приказание его было исполнено; тут погибла масса народа. Чернь перестала кричать и в ужасе смотрела на это, убедясь воочию, насколько легко их просьбы могут повести к смерти. Между тем Херею все это побудило и еще более убедило в необходимости заговора и освобождения человечества от озверевшего Гая. Неоднократно собирался он покончить с ним во время пира, но каждый раз удерживался, не

потому, что затруднялся его умертвить, но потому, что желал выбрать наиболее удачное время, чтобы наверняка привести в исполнение свой замысел.

5. Он служил уже продолжительное время, но общение с Гаем не доставляло ему ни малейшего удовольствия. Когда Гай поручил ему собирание податей и всяких недоимок императорской казне, которые успели с течением времени удвоиться, Херея не торопился с этим делом, слушаясь более своего сердца, чем приказаний Гая, а так как он жалел и щадил людей при взимании этих поборов, то возбудил против себя гнев Гая, и тот вследствие такого медленного собирания податей назвал его старой бабой. Император вообще глумился над ним и всякий раз, когда на его долю выпадала необходимость просить о назначении пароля, тот назначал слово «баба», делая к этому всевозможные позорные добавления. Все это Гай делал, хотя сам не был свободен от упрека в неких таинственных похождениях. Дело в том, что он облекался в женские одежды и выдумал своего рода прическу, причем вообще придавал себе вид женщины; несмотря на все это, он осмеливался называть Херею такими позорными именами. Всякий раз, когда Херее приходилось являться за паролем, у него вскипал гнев, особенно когда ему приходилось сообщать пароль войску, потому что тогда товарищи его смеялись над ним. Всякий раз, когда он являлся с докладом к императору, они рассчитывали на немалое удовольствие. Поэтому у Хереи, который был доведен в своем гневе до крайностей, окончательно созрела решимость наметить некоторых товарищей по заговору. Тут был некий Помпедий, имевший звание сенатора и прошедший почти все общественные должности; впрочем, он был эпикурейцем и вел праздный образ жизни. На него донес его враг Тимидий, будто он позволял себе неприличные отзывы о Гае; при этом он призвал в свидетельницы актрису Квинтилию, отличавшуюся большой красотой и имевшую множество поклонников, и в том числе Помпедия. Женщина эта отказалась лжесвидетельствовать против него и тем навлечь смерть на своего возлюбленного. Тогда Тимидий потребовал для нее пытки. Гай в исступлении приказал Херее немедленно пытать Квинтилию; он охотно пользовался Хереей для приведения в исполнение смертных приговоров и вообще во всех тех случаях, когда

требовалась известная жестокость. Он рассчитывал на особенную безжалостность Хереи, который, конечно, будет стараться избегнуть обвинения в слишком большой мягкости. Когда Квинтилию повели на пытку, она наступила на ногу одному из своих поклонников, побуждая его тем самым мужаться и не бояться за нее во время пытки, которую она собиралась перенести со стойкостью. Тогда Херея стал жестоко пытать ее, правда, он делал это против воли лишь из необходимости, дрожа за самого себя. Затем, когда она все-таки ничего не сказала, он представил ее Гаю. Квинтилия своим истерзанным видом вызвала у всех присутствующих ужас. Сам Гай почувствовал при виде ее жалость, оправдал и отпустил ее и Помпедия, причем почтил ее даже денежным подарком в утешение за испытанные страдания и в награду за выказанную стойкость.

6. Этот случай расстроил Херею, как будто бы он добровольно причинял людям такие бедствия, которые вызвали сострадание даже у Гая; поэтому он сказал Клименту и Папинию, из которых первый был начальником стражи, а другой трибуном: «Мы, Климент, не можем упрекнуть себя, что не были на страже императора; из тех, которые составили заговор против его власти, мы, благодаря нашей предусмотрительности и старанию, одних казнили, других пытками привели в такое состояние, что они вызвали жалость даже у Гая; а кто станет укорять нас в нашем отношении к войскам?» Так как Климент молчал, а с другой стороны, покрасневшее лицо его показывало, насколько он стыдился предписаний императора, но не решался в видах своей личной безопасности говорить о безумии тирана, Херея стал в своих речах смелее и без стеснения начал говорить с ним об ужасах, постигших город и всю империю. При этом он сказал, что Гая упрекают во всех этих позорных поступках. «Но, — сказал он, — те, кто ищет истины, могут убедиться, что я и Климент, а также Папиний и более нас другие нанесли римлянам и всему человечеству ужасные удары, причем поступали так не по приказанию Гая, но по собственному своему желанию. Хотя теперь было бы время покончить нам с жестокостями по отношению к нашим согражданам и подчиненным, мы служим в качестве палачей вместо того, чтобы быть воинами, носим оружие не за свободу и за власть рим-

лян, но на благо человека, который порабощает тела и души. При этом мы ежедневно обагряем себя кровью убийства и пытки этих людей до тех пор, пока кто-нибудь по приказанию Гая не поступит точно так же и с нами. И несмотря на все это, Гай не относится к нам с расположением, но скорее с подозрительностью, невзирая на множество принесенных ему нами человеческих жертв. Гай никогда не успокоится, потому что он ищет не справедливости, но наслаждения. Мы сами испытаем это на себе, тогда как нам бы следовало заботиться об общем благе и свободе и ограждать себя от всяких опасностей».

7. Климент, очевидно, отнесся сочувственно к мыслям Хереи, но советовал ему молчать, чтобы эти речи не проникли в народ, указывая на то, что если распространятся об этом слухи раньше исполнения его и узнают о заговоре, то они будут подвергнуты смертной казни; следует все предоставить времени и связанным с ним надеждам, потому что счастье неожиданно улыбнется им. Сам он, конечно, слишком стар, чтобы идти на такие рискованные предприятия. «Конечно, — сказал он, — я сумел бы противопоставить твоим намерениям и речам нечто более безопасное, но кто бы мог выставить против них что-либо более благородное?» Затем Климент удалился в смущении от всего слышанного и сказанного. Между тем Херея испугался и поспешил к Корнелию Сабину, который также был трибуном. Он вообще знал его за порядочного человека, любившего свободу и потому враждебно относившегося к настоящему положению вещей. Он желал немедленно сообщить ему свои планы и побудить его к исполнению их, так как опасался болтовни Климента, а с другой стороны, ему надоели постоянные неизвестность и откладывание.

8. Сабину все это понравилось, тем более что он и раньше был того же самого мнения и лишь потому молчал, что у него не было никого, с кем бы он мог безопасно поделиться своими мыслями. Теперь же, когда он нашел человека, который не только был готов молчать о слышанном, но и вполне разделял его мнение, он воспрянул духом и стал уговаривать Херею отнюдь не откладывать дела. Поэтому они отправились к Минуциану, человеку, не уступавшему им в доблести и одинаково с ними великодушному.

Этот Минуциан возбуждал в Гае подозрение после казни Лепида. Дело в том, что Минуциан и Лепид были очень дружны между собой, тем более что их связывал постоянный страх за свою безопасность. На всех занимавших высокое общественное положение Гай наводил ужас, так как не переставал свирепствовать против каждого из них. Такие люди отлично знали, насколько каждый из них страдает при настоящем положении дел, но от общения друг с другом и от выражения своего настроения и ненависти к Гаю их удерживала боязнь за свою личную безопасность. С другой же стороны, они отлично понимали всеобщую ненависть к Гаю и потому не переставали дружественно относиться друг к другу.

9. И вот, когда эти три человека сошлись вместе, они поздоровались, причем по обыкновению, как и раньше, предоставили Минуциану первенство за его высокий сан, за то, что он был одним из выдающихся граждан и пользовался общей популярностью; так они поступали и раньше, особенно когда Минуциану приходилось говорить. Теперь Минуциан ласково спросил Херею, какой пароль назначил ему император на этот день. Весь город отлично знал, каким глумлениям подвергался Херея при назначении пароля. При этом ласковом обращении тот не желал более медлить и ответил Минуциану, что благодарит его за доверие и относительно этих вопросов желает поговорить с ним как с другом.

«Ты мне, — сказал он, — даешь теперь пароль свободы, и я тебе благодарен, что ты тем самым окончательно и всецело разбудил меня от сна, в который я был погружен. Я не нуждаюсь в длинных речах, которые возбудили бы мое мужество, раз ты того же взгляда на вещи, что и я; если мы были сообщниками раньше, то с тем сошлись сюда и сейчас; я опоясан лишь одним мечом, но этот меч будет достаточен для двоих; поэтому примемся за дело; будь ты руководителем, приказывай, и я пойду куда ты захочешь; или же я сам при твоей помощи и твоем содействии возьмусь за дело. Люди, которые вносят в дело душу, не нуждаются в железе; благодаря этой душе их и железо становится страшнее; я готов действовать, и меня не пугает представление о возможных моих страданиях; мне нет времени думать о своей личной опасности, когда приходится оплакивать рабство моего столь свободного некогда отечества, когда нужно плакать о попираемых законах

и когда приходится оплакивать всех людей, падающих от руки Гая. О, если бы я удостоился в настоящую минуту найти в тебе верного судью, который смотрит на дело моими глазами и который меня не осудит!»

10. Минуциан отлично понял смысл этих слов, с радостью заключил Херею в объятия и тем самым укрепил его в его решимости. Затем он открыто похвалил его и, обняв еще раз, отпустил со всевозможными благопожеланиями.

Некоторые уверяют, будто Херея был укреплен в своем намерении еще следующим случаем: дело в том, что, когда он раз входил в здание совета, из толпы раздался голос, побуждавший его исполнить предприятие и полагаться на Божество. Сперва Херея испугался, подозревая, что кто-либо из заговорщиков изменил и что теперь он будет схвачен. Однако в конце концов он убедился в том, что этот призыв обещает ему удачу, так как в нем сказывалось либо одобрение со стороны одного из товарищей, либо действительно Божество, взирающее на все человеческие дела, этим побуждало его не терять мужества. Между тем слух о заговоре распространился среди многих, и все эти люди — сенаторы, всадники и простые воины — вооружились; не было вообще никого, кто бы не считал умерщвление Гая великим счастьем. Вследствие этого все, кто как мог, старались не только не отставать друг от друга в доблести, но по силе возможности от всего сердца словом и делом способствовать убиению тирана. Даже Каллист принадлежал к числу заговорщиков. Это был вольноотпущенник Гая, человек, достигший величайшей власти, почти такой же, как сам тиран, потому что все его боялись, между прочим, за его огромное богатство; он брал крупные взятки и позволял себе величайшие несправедливости, злоупотребляя властью и отлично зная непримиримую натуру Гая, который никогда не отступал от раз принятого намерения. Он также знал, что имеет много разнообразных причин бояться за свою личную безопасность; особенно тут играло роль его несметное богатство. Поэтому он сблизился с Клавдием и тайно примкнул к нему в надежде, что после смерти Гая власть должна же будет перейти к Клавдию и что он тогда благодаря своему влиянию достигнет у него подобного же почетного положения, особенно оттого, что заранее успеет доказать ему свою благодарность и расположение. По край-

ней мере, он позволил себе сказать Клавдию, будто Гай приказал ему отравить его, но будто он, Каллист, придумал различные способы уклониться от этого. Мне же кажется, что Каллист выдумал все это, чтобы заслужить расположение Клавдия, так как если бы Гай действительно решил избавиться от Клавдия, он не остановился бы перед отговорками Каллиста, да и Каллист, получив такое приказание, исполнил бы его: нарушая предписания своего государя, он бы сам немедленно подвергся наказанию. Я полагаю, что Клавдий избег безумства Гая лишь по воле Предвечного, Каллист же приписал себе заслугу, на которую не имел ни малейшего притязания.

11. Между тем, благодаря нерешительности большинства заговорщиков, планы Хереи отлагались со дня на день. Сам Херея неохотно соглашался на такую проволочку, считая всякую минуту удобной для этого. Такой случай представлялся, например, неоднократно, когда Гай ходил на Капитолий, чтобы принести жертвы за дочь свою. Тут нетрудно было сбросить его с высокой крыши на площадь, когда он стоял на этой крыше и кидал народу золотые и серебряные монеты, также нетрудно было покончить с ним во время введенных им мистерий, он ведь заботился только о том, чтобы все было устроено как можно лучше, и совершенно не верил, что кто-нибудь мог предпринять против него что-либо. Если даже не было доказательств тому, что боги внушат Херее мысль покончить с Гаем, у него самого было достаточно силы и без оружия расправиться с ним. Поэтому Херея сердился на своих товарищей по заговору, боясь, что они упустят удобный случай. Те должны были согласиться, что Херея прав и вполне основательно требует большей поспешности, но, с другой стороны, они просили его повременить еще немного, чтобы в случае, если бы предприятие постигла неудача, город не был приведен в замешательство тем, что начнут ловить соучастников преступления и тем отнимут у заговорщиков всякую возможность действовать, так как Гай будет им тогда недоступен. По их мнению, было бы лучше взяться за дело во время Палатинских игр. Эти игры установлены в честь первого императора, присвоившего себе власть, и тут присутствуют, кроме самого императора, римские патриции с детьми и с женами, причем недалеко от царской ложи для

них сооружается особая трибуна. Итак, заговорщики полагали, что в присутствии такой массы зрителей, собранных на столь небольшом пространстве, им нетрудно будет совершить покушение на Гая, когда он войдет в театр. Даже его телохранители, если бы и пожелали, не смогли бы оказать ему в этом случае помощь.

12. Так спешил Херея и, когда наступили игры, решил в первый же день привести в исполнение свое намерение; однако сильнее его была судьба, которая потребовала отсрочки. Таким образом, прошли первые три дня праздников, пока наконец на четвертый — и последний — дело было приведено в исполнение. Херея созвал своих товарищей и сказал им: «Уже много времени прошло, и это заставляет нас стыдиться, что мы в своем намерении были так долго нерешительны. Ужасно будет, если произойдет донос, который заставит рухнуть все наше дело и побудит Гая к еще большим насилиям; разве мы не видим, что отнимаем от свободы столько же дней, сколько мы потворствуем тираническому правлению Гая? Разве мы не должны на будущее время обезопасить себя и тем самым, дав остальным людям залог счастья, на веки вечные снискать себе удивление и всеобщий почет?» Но так как те не умели на это ничего ответить и все-таки не решались взяться за дело, молчали и, видимо, были поражены, он сказал: «Чего же мы, друзья, медлим? Разве вы не видите, что сегодня последний день игр и что Гай собирается совершить морское путешествие?» Дело в том, что император готовился отплыть в Александрию, чтобы посетить Египет. «Красиво будет, если мы при громе рукоплесканий римлян выпустим из рук своих этого безобразника для того, чтобы он с торжеством объезжал земли и моря; разве мы не испытаем справедливого стыда, если его умертвит какой-нибудь египтянин, который не сочтет возможным допустить его издевательство над свободнорожденными людьми? Я более не в состоянии выносить вашу медлительность и поэтому еще сегодня приступлю к своему предприятию, будучи готов с удовольствием снести все его последствия, которым в случае необходимости охотно подвергнусь. Что могло бы меня, разумного человека, более обидеть, если бы на моих глазах кто-либо другой покончил с Гаем и этим лишил меня моей славы?»

13. Сказав это, он не только еще более возгорел желанием осуществить свое дело, но возбудил и в остальных решимость, так что у всех возникло желание, не откладывая, осуществить предприятие.

С раннего утра, опоясавшись (коротким) всадническим мечом, Херея явился во дворец. Таков уж был обычай, что трибуны в подобном вооружении являлись к императору за паролем. В этот день именно на долю Хереи выпала очередь принять пароль. Народ в большом множестве с громким криком и толкотней уже стекался к театру, чтобы запастись местами на зрелище. Между тем Гай с удовольствием смотрел на эту толпу и нарочно распорядился не оставлять свободных мест ни для сенаторов, ни для всадников. Все садились вперемежку: мужчины рядом с женщинами и рабы рядом со свободными гражданами. Между тем для Гая был оставлен свободный проход. Он стал приносить жертву в память Цезаря Августа, в честь которого и были установлены эти игры. Случилось так, что при падении одного из жертвенных животных была совершенно забрызгана кровью одежда сенатора Аспрена. Это обстоятельство вызвало смех Гая, но для Аспрена являлось, очевидно, дурным предзнаменованием. Дело в том, что он был убит вместе с Гаем. Вообще рассказывают, что Гай в этот день вопреки своему обыкновению был особенно обходителен и настолько ласков и доступен, что все видевшие это были поражены. После совершения жертвоприношения он направился к своему месту и сел там, окруженный наиболее выдающимися из приближенных. Театр, который вновь ежегодно сооружался, был следующего устройства: он имел два выхода, из которых один вел на улицу, а другой оставлял открытыми вход и выход к портику, дабы находившиеся внутри зрители не подвергались стеснению; здесь же был выход для актеров и для музыкантов, которые могли удаляться в особое отдельное для них помещение.

И вот, когда толпа уселась по своим местам, а Херея со своими трибунами поместился недалеко от Гая, который занимал правую сторону театра, Ватиний, один из сенаторов и бывший претор, спросил сидевшего рядом с ним консуляра Клувия, не слышал ли он чего-нибудь нового. При этом Ватиний нарочно говорил так тихо, чтобы никто другой не рас-

слышал его слов. Когда сосед ответил на это отрицательно, Ватиний сказал: «А между тем, Клувий, имеется в виду представить убиение тирана». На это Клувий отвечал: «Помалкивай, милый друг, дабы кто из ахеян не услышал твоего слова»[1]. Затем стали кидать в зрителей огромное количество редких фруктов и разных дорогих и редких птиц; Гаю доставляло удовольствие смотреть на борьбу и драку, происходившую из-за них среди зрителей. Тут произошло два обстоятельства, которые могли заключать в себе дурное предзнаменование, а именно: началось представление пьесы, в которой подвергался казни на кресте атаман разбойничьей шайки, а затем давалась пьеса, представлявшая историю Кинира. В этой пьесе умирали как сам Кинир, так и его дочь Мирра[2]. Как во время казни разбойника, так и при умерщвлении Кинира было пролито много искусственной крови. Рассказывают, что в этот же самый день некогда случилось убиение македонского царя Филиппа, сына Аминта, Павзанием, одним из его товарищей, в то время, когда Филипп входил в театр[3]. Между тем Гай был в нерешимости, оставаться ли ему до конца игр в театре, так как то был последний день, или же пойти выкупаться и позавтракать, а затем вернуться назад. Тогда сидевший выше Гая Минуциан, опасаясь, как бы опять попусту не было потеряно время, и видя, что Херея встал и пошел к выходу, поспешил к нему, чтобы ободрить его, но в эту минуту Гай любезно удержал его снизу за одежду, спросив: «Куда же ты, милейший?» Тогда Минуциан, по-видимому, из уважения к императору, сел на свое место (на самом же деле он испугался), а немного спустя опять поднялся. Теперь уже Гай не препятствовал его уходу, полагая, что это обусловливается необходимостью. Между тем Аспрен, который также участвовал в заговоре, стал советовать Гаю по примеру прошлых дней пойти выкупаться и позавтракать, а затем уже вернуться. Этим он думал ускорить исполнение задуманного плана.

14. Херея со своими товарищами стали на известных пунктах, и каждый должен был стараться по мере возможности не покидать своего места. Между тем они тяготились проволочкой и постоянным откладыванием дела, тем более что наступил уже девятый час дня[4]. При нерешимости Гая Херея уже был готов броситься в его ложу и покончить с ним.

Однако он понимал, что тут должно произойти большое кровопролитие, так как было налицо такое количество сенаторов и всадников; вместе с тем он был готов рискнуть всем, считая, что общая безопасность и свобода не будут куплены слишком дорогой ценой, даже если будет перебито столько народу. И вот поднялся шум, потому что Гай встал со своего места. Народ столпился у входа в театр, однако заговорщики стали оттонять и оттеснять народ, уверяя, что такое скопление рассердит Гая, на самом же деле потому, что желали наверняка совершить покушение и для того должны были по возможности удалить от Гая его защитников. Впереди Гая шли его дядя Клавдий, его зять Марк Виниций и Валерий Азиатик, которых по их высокому положению никоим образом невозможно было разлучить с императором; за ним следовал сам Гай с Павлом Аррунцием.

Когда он вошел во дворец, то миновал главный вход, где были выстроены прислуживающие ему рабы и через который прошли Клавдий и его товарищи, и свернул в узкий и темноватый проход, ведший в ванную комнату. Тут он вместе с тем хотел взглянуть на мальчиков, прибывших из Азии, которые должны были во время устраиваемых им мистерий петь гимны или выступать в театре в качестве танцовщиков. Здесь его встретил Херея и просил у него пароль; когда же тот ему опять ответил насмешкой, Херея не задумываясь произнес проклятие по адресу Гая, извлек меч и нанес ему жестокий, впрочем не смертельный, удар. Некоторые говорят, будто Херея умышленно не покончил с Гаем одним ударом, но хотел наказать его, нанеся ему целый ряд ран. Однако такой взгляд мне кажется невероятным, потому что в таких случаях страх не оставляет времени для размышлений; если Херея действительно имел в виду это, я считал бы его величайшим глупцом, который охотнее желал удовлетворить свой гнев, чем освободить себя и своих товарищей сейчас же от грозивших всем им опасностей. Ведь много было способов оказать Гаю помощь, если бы тот не умер тотчас же; в таком случае Херея, значит, думал не о том, чтобы отомстить Гаю, но о том, чтобы наказать себя и товарищей, если бы он напрасно загубил себя и потерял время; между тем при удобном исходе он втихомолку мог избегнуть преследования стражи, причем раньше было совершенно неизвестно, насколько все это

кончится удачно. Впрочем, предоставляю судить об этом каждому по его желанию. Между тем Гай, терзаемый болью (меч проник между плечом и горлом, и его остановила на пути ключица), даже не вскрикнул в первую минуту и не позвал никого из друзей своих, потому ли, что он не доверял им, или просто потому, что не догадался. Застонав от страшной боли, он сделал попытку к бегству. Тут его встретил Корнелий Сабин, который уже приготовился к этому. Он толкнул его, Гай упал на колени, и тут по данному знаку заговорщики окружили его и стали рубить его мечами, ободряя друг друга. Известно, что последний, окончательно смертельный удар нанес ему Аквила. Однако Херею нужно рассматривать как настоящего виновника всего дела; если он привел свой план в исполнение в сообщничестве со многими, он был все-таки первым, который задумал это дело; он раньше всех других приступил к его осуществлению, первый смело решился говорить с остальными об этом; когда же они выслушали его призыв к покушению, он собрал заговорщиков отовсюду, везде являлся со своим советом и не только всюду достигал успеха, где он действовал путем убеждения; своими умелыми речами он убедил всех, даже нерешительных людей; когда же наступил момент действовать, то и здесь он был первым, который взялся за дело, произвел покушение и нанесением смертельного удара Гаю облегчил задачу остальным. Вследствие этого мы по справедливости должны приписать рассудительности, доблести и отваге Хереи все то, что было сделано остальными.

15. Убитый таким образом Гай лежал на полу, покрытый множеством ран. Когда товарищи Хереи покончили с Гаем, то поняли, что им невозможно спастись тем же путем, каким они пробрались во дворец; с другой стороны, они ужаснулись своего поступка, потому что убийство императора было связано для них с большой опасностью, ввиду того, что он был почитаем и любим безрассудной толпой и солдаты, отыскав его, не оставили бы этого деяния без кровавой мести; с другой же стороны, коридор, в котором они совершили покушение, был узок и вблизи находилась большая масса прислуги, равно как те солдаты, на долю которых в этот день выпало охранять особу императора. Поэтому они избрали другие пути и проникли во дворец отца убитого Гая, Германика.

Этот дом был связан с дворцом, так как собственно весь дворец составлял одно собрание различных пристроек, сооруженных разными правителями, дававшими каждой пристройке свое имя, либо по готовому зданию, либо по начатому. Таким образом, заговорщики избегли ярости толпы и пока находились в безопасности: бедствие, постигшее императора, не получило еще огласки. Весть о смерти Гая дошла впервые до германских телохранителей, называющихся так по народу, из среды которого набираются. Из них же набирается так называемый кельтский легион. Эти варвары легко раздражаются; этим они походят на некоторые варварские племена, отличающиеся недостаточной рассудительностью в своих поступках. Обладая страшной физической силой, они всегда совершают первый натиск на тех, которых считают врагами, и нередко пользуются успехом.

Когда они узнали об умерщвлении Гая, то страшно опечалились, впрочем, не потому, что подумали о том, что здесь произошло нечто недоблестное, но только оттого, что вспомнили о своей выгоде: Гай пользовался у них большой популярностью, успев снискать расположение их денежными подарками. Извлекши меч, они под предводительством Сабина, который был трибуном их не вследствие доблести или знатного происхождения (он был гладиатором), но сумел своей огромной физической силой снискать власть над этими людьми, бросились по всему зданию разыскивать убийц императора. Сперва им попался в руки Аспрен, которого одежда, как я выше рассказал, была забрызгана кровью жертвенного животного, что было дурным предзнаменованием. Его они искрошили на мелкие куски. Вторым попался им Норбан, один из благороднейших граждан, считавший в числе своих предков целый ряд полководцев. Так как они не обратили внимания на его сан и набросились на него, то Норбан, отличавшийся значительной физической силой, выхватил меч у первого попавшегося германца и нанес ему удар, тем самым показывая, что недешево продаст им свою жизнь. Однако массой нападавших он был наконец сбит с ног и пал, весь покрытый ранами; третьим попался им в руки Антей, один из сенаторов. Впрочем, германцы схватили его не случайно, как двух предшествующих лиц: ненависть к покойному Гаю, любопытство и желание убедиться в его

смерти понуждало его проникнуть во дворец. Дело в том, что Гай не только не удовлетворился тем, что присудил к изгнанию его отца, которого тоже звали Антеем, но еще подослал солдат убить его. Итак, Антей явился сюда, чтобы испытать удовольствие от личного созерцания убитого. При суматохе, охватившей всех, он захотел спрятаться, но не избег германцев, которые в поисках убийц одинаково свирепствовали как над виновными, так и над невинными.

16. Таким образом погибли эти люди. Когда в театр пришло известие о смерти Гая, всех охватило смятение и недоверие. Одни с удовольствием приняли весть о его гибели и считали ее великим для себя счастьем, но не верили ей из страха. Были и такие, которые, не желая подобного конца Гаю, не могли поверить этому и никак не хотели свыкнуться с фактом, так как не считали возможным, чтобы какой-нибудь человек мог решиться на столь смелый поступок. К числу последних относились женщины, молодые люди, многие рабы и некоторые воины. Солдаты эти получали от него плату, поэтому поддерживали его тиранические наклонности, потворствовав его насилиям, и, умерщвляя наиболее видных граждан, тем добивались личного почета и всяких выгод. Женщины и молодежь, как это обыкновенно бывает, увлекались даровыми зрелищами, гладиаторскими боями и массовыми истреблениями (зверей), которые производились как будто в угоду народу, на самом же деле служили лишь к удовлетворению сумасбродной жестокости Гая. Рабы получили при нем возможность обвинять своих господ и глумиться над ними, находя при каждом случае поддержку в самом императоре. Даже если они решались на ложные доносы на своих господ, им довольно легко верили; при этом нужно было лишь указать на денежные средства господ, и тогда рабы-доносчики получали не только свободу, но и вознаграждение за свои доносы, так как им полагалась за это восьмая часть всего имущества оклеветанных. Что же касается, наконец, патрициев, то хотя многие из них и верили слуху об этом, так как, с одной стороны, знали о заговоре, с другой же, страстно желали умерщвления Гая, они, однако, должны были при этом известии либо молча скрывать свою радость, либо подавать вид, будто совсем не слышат, о чем идет речь: одни боялись, как бы упования их не оказались ложными и

как бы их не постигла кара, если они без стеснения выкажут таким образом свой взгляд на вещи; другие хотя и были вполне уверены в справедливости слухов, однако, будучи соучастниками заговора, тем более хранили молчание, не зная настроения других лиц; при этом были и такие, которые боялись сказать что-либо лишнее людям, извлекавшим личную выгоду из тиранического правления Гая: они опасались доноса и наказания, если бы Гай остался в живых, так как (по городу) распространился слух, будто Гай только сильно ранен, не умер, но остался жив и находится на попечении врачей. Таким образом, никто никому не мог довериться и смело высказать свое мнение. Если собеседник был другом (Гая), то возникало подозрение, что он загубит вследствие своей приверженности к тирану; если же ненавидел императора, то его боялись и не верили ему именно в силу этой ненависти. Некоторые лица стали распускать слух (этим они особенно разочаровали и убивали патрициев), будто Гай, невзирая на опасность и не думая о своих ранах, явился, как был, залитый кровью, на форум и там говорит с народом. Впрочем, эти слухи распространялись лишь теми людьми, которые старались посеять смуту и желали угодить всяким партиям. Между тем, однако, никто не покидал своего места, боясь, что, если уйдет, навлечет на себя ответственность: всякому приходилось опасаться, что его осудят не за действительный образ мыслей, но за то, что пожелают приписать ему обвинители и судьи.

17. Когда же толпа германских телохранителей с мечами наголо окружила театр, все зрители подумали, что настали их последние минуты. При каждом появлении германца они содрогались, как будто бы уже началась резня. Люди были в полном отчаянии, не смея удалиться из театра, а с другой стороны, видели, что дальнейшее их пребывание там связано с большой опасностью. Когда же германцы действительно ворвались в театр, поднялся крик и вопль: стали умолять воинов о пощаде, указывая на то, что преступление было совершено без ведома здесь собравшихся и что никто не знал о возмущении, если таковое действительно имело место. Поэтому их следует, вопили они, пощадить, не наказывать ни в чем не повинных людей за чужое преступление и стараться разыскать настоящих виновников того, что случилось.

Таким и подобным образом, с воплем и отчаянием призывая и умоляя богов, кричали люди ввиду близкой опасности и видя неизбежность смерти. Гнев воинов смягчился при этом, и им стало жаль своего намерения относительно собравшихся в театре зрителей. Несмотря на всю свою озверелость, германцы, наконец, сами поняли жестокость, после того как они возложили головы Аспрена и павших вместе с ним на алтарь (в театре). Однако зрители при этой картине еще более содрогнулись, видя, что тех не спасло их высокое общественное положение. Им особенно стало жаль их, так как и сами они вскоре могли подвергнуться такой же печальной и опасной участи, причем оставалось совершенно неизвестным, удастся ли им в конце концов избегнуть этой участи. Таким образом, даже те, которые от всей души и справедливо ненавидели Гая, были теперь лишены возможности радоваться постигшей его судьбе, так как они сами подвергались опасности погибнуть и у них не было никакой уверенности, что при теперешних обстоятельствах им удастся избегнуть как-нибудь этой своей гибели.

18. В то время жил в городе Еварест Аррунций, по профессии аукционный глашатай. Благодаря последнему обстоятельству он отличался громовым голосом. Кроме того, он был одним из самых богатых римлян и поэтому имел возможность как теперь, так и впоследствии приобретать какие угодно имущества в городе. Хотя он и ненавидел Гая всей силой души, однако страх за свою личную безопасность и боязнь лишиться жизни при выражении своего удовольствия в настоящую минуту побудили его прибегнуть к хитрости. Он притворился в высшей степени опечаленным, надел на себя траур, как будто потерял кого-либо из самых дорогих ему людей, и явился в театр, где со слезами объявил о смерти Гая. Этим самым он положил конец общей неизвестности по поводу случившегося. Вскоре прибыл и (Павел) Аррунций, за которым послали. Он немедленно отозвал германцев, а сопровождавшие его трибуны приказали им вложить мечи в ножны. При этом они также объявили о смерти Гая. Это-то обстоятельство окончательно спасло всех находившихся в театре, которым раньше угрожали германцы. Дело в том, что, пока у последних еще имелась надежда, что Гай жив, они не останавливались ни перед какими насилиями: в них было

столько расположения и привязанности к императору, что они готовы были отдать жизнь за него, чтобы оградить его от покушения или подобного несчастья. Когда же они получили определенное известие о смерти Гая, то весь их гнев и вся их мстительность сразу прекратились, тем более что теперь было совершенно бесполезно стараться за того, кто погиб и не мог уже вознаградить их; вместе с тем им приходилось при дальнейших насилиях опасаться наказания либо со стороны сената, к которому могла теперь перейти верховная власть, либо со стороны вновь назначенного правителя. Поэтому германцы, правда неохотно, все-таки должны были сдержать свой порыв, который охватил их при первом известии о кончине Гая.

19. Между тем Херея, который очень боялся, как бы Минуциан не попал в руки обезумевших германцев и не погиб бы, обращался к каждому воину, прося пощадить его, и всячески старался узнать что-либо о судьбе Минуциана. Тем временем Климент, к которому привели Минуциана, отпустил последнего и тем самым вместе с прочими сенаторами явно засвидетельствовал правильность совершенного поступка и доблесть тех лиц, которые задумали его, хотя и не могли лично почему-либо принять участие в этом деле. Таким образом, подтверждалось, что тиран, правда, короткое время может быть довольным, удовлетворяя своей страсти к насилиям, но что он вместе с тем не может рассчитывать хорошо окончить жизнь свою, так как он благодаря ненависти к нему всех в конце концов найдет такую смерть, какая постигла Гая. Последний ведь еще раньше, чем возник против него заговор и было решено покончить с ним, сам стал врагом себе. Этим самым он же показал, что, совершая безобразия и совершенно пренебрегая законами, он обратил своих лучших друзей в заклятых врагов. Итак, если эти люди теперь как будто и являлись убийцами Гая, то на самом деле Гаю приходилось себе же приписывать собственную гибель.

20. Теперь, когда стража удалилась, все в театре поднялись со своих мест, чтобы уйти. Тут среди присутствующих произошли сильный шум и давка. Причиной такого поспешного бегства из театра явился врач Алкион, который отлучался под предлогом, что ему необходимо поспешить к некоторым тяжелораненым, и который услал вперед своих людей якобы

для того, чтобы они приготовили все нужное для операций над ранеными, а на самом деле с расчетом спасти их от опасности в настоящую критическую минуту. В это же самое время сенат собрался на совещание, а народ, по обыкновению, двинулся к форуму и расположился там. Как сенаторы, так и народ занялись исследованием вопроса, кто убийцы Гая, причем народ взялся за это дело вполне серьезно, а сенат делал лишь вид, будто также серьезно заботится об этом. Между тем бывший консул Валерий Азиатик явился к народу, шумевшему и очень недовольному тем, что до сих пор еще не найдены убийцы императора. Когда все набросились на него с вопросом, кто же преступник, то Валерий рискнул сказать: «О, если бы им был я сам!»

В то же самое время консулы издали прокламацию с обвинениями против Гая. Здесь они предлагали народу и войскам разойтись по домам; при этом они обещали народу значительное сокращение налогов, а войску почетные дары, если только они соблюдут обычное спокойствие и не вздумают прибегать к насилиям. Дело в том, что возникло опасение, как бы народ и войска не обратились к грабежу и разорению храмов и город таким образом не пострадал бы при таком возбужденном состоянии их. Впрочем, скоро все собравшиеся сенаторы, особенно же заговорщики, учинившие убиение Гая, стали выказывать большую смелость и решимость, как будто бы власть уже перешла в их руки.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Во время всех этих событий Клавдий внезапно был увезен из своего дворца. Дело в том, что солдаты собрались на сходку и стали совещаться относительно дальнейшего образа действий. Они понимали, что при обширности Римской империи демократический образ правления был бы неуместен, тем более что в таком случае они сами остались бы внакладе. С другой стороны, рассуждали они, если какое-либо лицо сумеет захватить верховную власть в свои руки, им самим навсегда придется отказаться от своих выгод, так как они ничем не способствовали его возвышению. Поэтому, так как дела находились пока в столь неопределенном положении, они сочли наилучшим провозгласить императором

Клавдия, дядю убитого Гая, тем более что Клавдий не уступал никому из сенаторов ни в знатности происхождения, ни в образовании. При этом естественно было предположить, что Клавдий, будучи провозглашен ими императором, наверное, воздаст им по заслугам и богато одарит их. Решив это, они немедленно приступили к исполнению своего плана, и таким образом Клавдий был уведен солдатами. Тогда (сенатор) Гней Сенций Сатурнин, лишь только узнал о том, что Клавдий уведен воинами, делая вид, будто неохотно принимает предлагаемое ему императорское достоинство, на самом же деле очень доволен этим, поднялся в сенате со своего места и безбоязненно и вполне достойно свободного и благородного человека обратился к товарищам со следующей речью:

2. «Римляне! Как это ни невероятно, однако мы достигли того, на что мы так долго не смели рассчитывать, а именно — свободы. Правда, неизвестно, на сколь продолжительное время мы удержим ее. Это зависит от воли богов, даровавших ее нам. Теперь, однако, мы можем пока наслаждаться ею, и, если бы даже мы (вновь) лишились ее, она все-таки принесет нам счастье. Ведь уже одного часа довольно для хороших людей, если только они проживут в течение этого часа с чистым сердцем и в свободном государстве по тем законам, благодаря которым эта их родина некогда достигла цветущего состояния. Что касается прежней нашей свободы, то я не могу здесь говорить о ней, так как, родившись значительно позже того (как мы ее утратили), я не знал ее; теперь же я вполне отдаюсь минуте и считал бы весьма счастливыми всех тех, кто родится именно теперь или в это время юн. После богов поэтому я считал бы особенно достойными всякого почета тех мужей, которые, хотя и поздно, однако все-таки и в таком возрасте дали нам возможность вкусить этой свободы. О, если бы эта свобода теперь навеки оставалась нам невозбранной! Нам же, будь мы молоды или близки к могиле, пусть будет удовлетворением хотя бы (один уже) этот день. Старики могут быть довольны, если, умирая, почувствуют все блага свободы; для молодежи же эта свобода будет доказательством и примером доблести мужей, даровавших им это благо и являющихся их предками. И поэтому нам, которые достигли уже зрелого возраста, не может быть другой, более священной задачи, как жить по заветам добродетели,

которая одна может гарантировать человечеству свободу. Я сам знаю из примеров древности и убедился личным опытом в том, какими бедствиями преисполняют тираны свои государства, как они подавляют всякую доблесть, как отнимают у всех свободнорожденных всякую самостоятельность, как распространяют всюду лесть и страх, причем все дела ведутся не сообразно мудрости законов, но по произволу правителей. С тех пор как Юлий Цезарь решил отнять у народа власть и произвольным насилием над законодательством потряс основы государственности, попирая право и направляя все сообразно личному своему удобству, с тех пор не было такого бедствия, которое не постигло бы нашего города. При этом все преемники Юлия Цезаря, сколько их ни было, наперерыв друг перед другом старались о том, чтобы уничтожить древние установления и чтобы по возможности избавиться от всех благородных граждан, считая необходимым в видах якобы личной безопасности привлечь на свою сторону самых отъявленных негодяев. Таким образом, они не только подавляли всякую самостоятельность людей порядочных, но и считали своей задачей навсегда загубить последних. Хотя этих тиранов было много и каждый из них старался ознаменовать свое правление невыносимыми притеснениями, однако сегодня погибший Гай превзошел в своих преступлениях всех их, обращая свой необузданный гнев не только против сограждан, но и против своих родственников и приближенных; он одинаково насиловал и безвинно наказывал всех и одинаково свирепствовал против людей и против богов. Ведь тирану недостаточно путем насилия удовлетворять своим страстям и распространять вокруг себя печаль, похищая имущество и жен своих противников; он находит удовлетворение лишь в безусловном и окончательном истреблении всей родни этих своих противников. А такими противниками его являются все свободомыслящие люди, и даже те не в состоянии снискать себе его расположение, которые терпеливо подчиняются ему и сносят его обиды. Так как эти тираны отлично сознают несправедливости, которые они причинили многим людям, а эти последние, в свою очередь, великодушно мирятся с постигшей их судьбой, то тираны наконец сами начинают думать, не будучи в состоянии обманывать себя относительно своей виновности, что только в том слу-

чае смогут гарантировать себе полную личную безопасность, если окончательно избавятся от этих несчастных. Теперь вы избавились от подобных бедствий и равноправны; а так как подобный способ правления наиболее способствует не только минутному благополучию, но и дальнейшему спокойствию и славе благоустроенного государства, то вы должны каждый подумать о том, как принести наивозможную пользу обществу, и открыто высказать свое мнение, если кому-либо не нравится то, что сделано было до сих пор; пусть при этом никто не боится за свою безопасность, так как теперь уже нет более деспота, который безнаказанно мог бы причинить вред городу или мог бы своевольно умертвить лиц, без стеснения высказавших свое мнение. Тиранию ничто так не поддерживало, как трусость и боязнь противоречить ее предначертаниям. Подавленные, убаюканные спокойствием и приученные вести жизнь рабов, мы, из боязни доблестно умереть, старались избежать этого, сносили величайший позор и гнуснейшие бедствия и спокойно взирали на позорную смерть наших товарищей. Поэтому раньше всего следует оказать величайшие почести тем, кто избавил нас от тирана, а именно Кассию Херее. С помощью богов этот один человек как по своей сообразительности, так и вследствие своей решимости, даровал нам свободу. Не следует об этом забывать, что мы должны сообразно с тем, как он единовременно не только подумал о возвращении нам свободы, но и подвергся опасности для достижения ее, недолго думая и размышляя выразить ему за это наше почтение и благодарность. Является поступком прекраснейшим и достойнейшим свободных мужей воздать благодарностью своим благодетелям; в числе последних находится и тот муж, который облагодетельствовал всех нас, притом совершенно не так, как это сделали убийцы Гая Юлия (Цезаря), Кассий и Брут. Они своим поступком посеяли смуту и междоусобные распри в государстве; этот же, убив тирана, тем самым избавил город от всяких бедствий».

3. Так говорил Сенций, и речь его была с восторгом принята сенаторами и теми всадниками, которые присутствовали в заседании. Тогда вдруг вскочил некий Требеллий Максим и совлек с пальца Сенция перстень с камнем, на котором было выгравировано изображение Гая[5]. Этот перстень Сен-

ций в пылу своей речи и сгорая желанием сделать то, что он только что совершил, забыл снять. В эту же самую минуту камень с портретом Гая сломался.

Между тем наступила ночь, и Херея обратился к консулам с просьбой назначить пароль. Они дали ему пароль, гласивший «свобода». Они при этом сами удивились, и подобный поступок их вызвал даже недоверие. Дело в том, что теперь вновь, спустя сто лет после утраты власти, консулам пришлось назначать пароль: раньше чем город попал во власть тиранов, консулы были главнокомандующими над войсками. Получив этот пароль, Херея сообщил его солдатам, стоявшим у здания сенатского собрания. То были четыре когорты, которые охотнее желали оставаться совершенно без императора, чем служить тирану. Итак, войска ушли под предводительством своих трибунов, а затем разошелся по домам и народ, радуясь, полный надежд и упования, и сознавая, что власть в его руках, а не в руках верховного вождя. Теперь Херея стал в глазах народа воплощением всех доблестей.

4. Между тем Херея был очень недоволен тем, что в живых оставались еще дочь и вдова Гая и что не вся семья его истреблена, так как он полагал, что все остающиеся в живых члены семьи его могут быть причиной гибели города и законов. А так как Херея хотел довести свое дело до конца и вполне удовлетворить свою ненависть к Гаю, то послал трибуна Юлия Лупа с приказанием убить вдову и дочь Гая. Луп получил это поручение, так как он был родственником Климента и так как было желательно, чтобы он, приняв хотя бы это участие в истреблении тиранов, мог гордиться своей гражданской доблестью, как будто бы он принимал участие в заговоре с самого начала возникновения его.

Однако некоторым из заговорщиков казалось слишком жестоким убивать вдову Гая, потому что последний всегда действовал скорее по своим собственным природным побуждениям, чем по ее указаниям, во всем, что принесло государству бедствия и погубило цвет его граждан. Другие же, наоборот, приписывали все ее влиянию и считали именно ее виновницей всех содеянных Гаем несправедливостей, говоря, будто она дала Гаю любовное зелье, чтобы окончательно поработить его себе и сделать из него игрушку своих прихо-

тей. Этим-де она довела его до безумия и навлекла такое горе на судьбу римлян и всей подчиненной им империи. Таким образом, мнение, что ее следует умертвить, одержало верх, так как желавшие спасти ее ничего не смогли поделать, и Лупу было дано это поручение. Последний не замедлил ни минуты приведением в исполнение приказания пославших его, ибо не желал навлекать на себя укор в том, будто он задумался пред чем-либо, что могло послужить на пользу народа.

Придя во дворец, Луп нашел вдову Гая, Кесонию, рядом с трупом убитого, лежащим на земле, совершенно не удостоившимся того, что закон повелевает оказывать мертвому. Кесония была покрыта кровью, которая вытекла из ран покойного ее мужа, и представляла картину полнейшего несчастья и отчаяния, а рядом с ней на полу лежала ее дочь. Женщина твердила только одно: она упрекала Гая, что он не хотел послушаться ее, когда она неоднократно уговаривала его. Уже тогда эти речи вдовы Гая подверглись двоякого рода толкованию, да и теперь еще можно понимать их так или иначе, как угодно. Одни истолковывали эти речи в том смысле, что она уговаривала его отказаться от своей безумной жестокости по отношению к гражданам и мягко и добропорядочно править делами, чтобы не погибнуть от руки граждан. Другие же уверяли, будто, когда стали распространяться слухи о существовании заговора, она советовала Гаю, не откладывая, перерезать всех заговорщиков, даже если они еще не успели причинить ему никакого зла, и тем обезопасить себя; таким образом, будто бы в ее словах заключался упрек в бездеятельности в то время, как она уговаривала его принять решительные меры. Таковы были речи Кесонии, и таким-то образом люди истолковывали их.

Когда Кесония заметила приближающегося Лупа, она указала ему на труп Гая и со слезами и стонами просила подойти поближе. Когда же она увидела, что Луп явился вовсе не из сострадания к ней и не для того, чтобы оказать ей поддержку, она сразу поняла причину его прихода и с полной готовностью обнажила шею, умоляя его в полном отчаянии готового к смерти человека не медлить дольше и привести в исполнение то, что ему поручено. Таким образом, Кесония мужественно пала от руки Лупа, и вместе с ней погибла также ее

дочь. Луп после этого поспешил известить о том Херею и его товарищей.

5. Таким образом погиб Гай после четырехлетнего без четырех месяцев правления над римлянами. Еще раньше, чем власть перешла к нему, он явил себя человеком жестоким и в высшей степени испорченным, преследовавшим исключительно свои личные удовольствия и доступным клевете: он легко пугался всего и поэтому был кровожаден там, где мог бы быть вполне покоен; всю свою власть и безумное чванство он направил к тому, чтобы обижать наименее того заслуживавших людей; при этом он извлекал для себя выгоды из казней и противозаконий. Он желал быть и казаться выше самого Бога и Его законов, с другой же стороны, рабски преклонялся перед похвалой толпы. Все то, что закон считает постыдным и клеймит позором, он признавал высшей добродетелью. Он совершенно забывал о своих друзьях, несмотря даже на бесчисленные крупнейшие услуги их, и за мельчайшие провинности готов был жестоко наказывать их. При этом он считал враждебным себе все то, что делалось в видах добродетели, и принимал все, даже самое невероятное, если только к тому побуждала его страстность его.

Так, например, он находился в близких сношениях с родной сестрой своей, что и положило начало особенной ненависти граждан к нему, так как они этому сперва не хотели верить и такой безобразный поступок доселе был в истории еще неизвестен. С другой стороны, никто не был бы в состоянии привести в пример какой-либо великий чисто царственный поступок его на пользу его современников или потомства. Исключение составляют разве только задуманные им гавани в Региуме и Сицилии для стоянки прибывающих из Египта судов с хлебом. По общему признанию, эти сооружения имели громадное значение и представляли большую пользу для моряков. Однако он так и не довел их до конца, и дело остановилось на полпути. Причиной тому служило то обстоятельство, что Гай думал о разных ненужных вещах и тратил деньги на свои удовольствия, которые могли удовлетворить его одного и которые делали невозможным более щедрый отпуск сумм на полезные предприятия.

Между прочим, Гай был отличным оратором, одинаково хорошо владевшим греческим и латинским языками. При

этом он сразу понимал все; пока другим приходилось соображать и сопоставлять, он сразу находил, что ответить, и тем далеко оставлял за собой любого оратора в любом деле. Он развил свои природные дарования трудом и достиг силы в этом отношении благодаря усидчивому труду.

Будучи внучатым племянником Тиверия, преемником которого ему пришлось сделаться, Гай должен был особенно заботливо отнестись к требованиям образования, потому что сам Тиверий придавал образованию большое значение.

Повинуясь своему родственнику и подчиняясь требованиям императора, Гай старался угодить ему в этом смысле. Таким образом, он занимал в этом отношении одно из первых мест среди своих сограждан; впрочем, плоды его образования не были в состоянии оградить его от гибели, надвигавшейся на него вследствие его произвола. Так тяжела добродетель самообладания для тех, которые могут не отдавать (никому) отчета в своих действиях и следовать личному своему желанию. Первоначально Гай окружил себя друзьями и по своему образованию и любви к славе стремился иметь дело с наиболее достойными людьми, пока с увеличением его произвола он понемногу не стал утрачивать свою популярность; когда же, наконец, ненависть к нему стала возрастать, ему пришлось погибнуть от руки заговорщиков, бывших первоначально его приближенными.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Когда Клавдий, как я выше рассказал, расстался с Гаем и услышал, что весь дворец огласился криками и стонами по поводу смерти Цезаря, он стал беспокоиться относительно своей личной безопасности и спрятался в узком проходе; впрочем, он знал, что ничто, кроме его высокого происхождения, ему не может теперь повредить. Дело в том, что он вел замкнутый образ жизни частного человека и вполне удовлетворялся этим, работая над расширением своего образования и особенно занимаясь греческой литературой. Таким образом, он вполне ушел от шумной внешней жизни. И вот, когда теперь народ находился в большом смятении, весь дворец был преисполнен обезумевшими солдатами, а отряд телохранителей обуяли те же смущенность и растерянность,

что и частных лиц, так называемые преторианцы, представлявшие из себя отборный отряд войска, собрались на совещание о том, что следует предпринять.

Все эти воины менее всего думали о том, чтобы отомстить за смерть Гая, которого постигла лишь вполне заслуженная кара, а скорее заботились о своем личном благосостоянии, подобно тому как и германцы, столь кровожадно преследовавшие убийц, делали это скорее в своих личных интересах, чем для общего блага.

Все это, однако, приводило в смущение Клавдия, который стал беспокоиться за свою участь, особенно когда увидел, как пронесли головы Аспрена и его товарищей. И вот, под покровом ночи, он стал на возвышении, к которому вело несколько ступеней. Тут его увидал Грат, один из дворцовых солдат, и так как он не мог разглядеть в темноте лицо его, с другой же стороны, думал, что имеет, вероятно, дело с человеком злонамеренным, подошел к нему поближе и, когда Клавдий просил его удалиться, стал наступать на него. Схватив его, он, однако, признал Клавдия и, обратившись к товарищам, воскликнул: «Да это Германик; возьмем и провозгласим его императором». Когда же Клавдий увидел, что воины собрались насильно увести его, он испугался, как бы его не постигла участь Гая, и стал молить о пощаде, напоминая солдатам о том, что он никогда никого не притеснял и вообще находится в полном неведении о случившемся. Тогда Грат с улыбкой схватил его правую руку и сказал: «Перестань же повторять малодушные слова о своем спасении; будь храбр и подумай об императорской власти, которую боги, заботясь о вселенной, отняли у Гая и предоставили теперь тебе в награду за твою добродетель. Иди и воссядь на троне своих предков!» При этом он поддержал Клавдия, который от страха, а также от радости едва удержался на ногах.

2. Между тем к Грату присоединилось еще много телохранителей, которые, видя, что Клавдия куда-то ведут, опечалились, так как предполагали, что его тащат также на казнь; а между тем они знали его как человека, всегда очень смирного, который неоднократно при правлении Гая подвергался со стороны последнего значительным опасностям. Поэтому некоторые воины решили обратиться к консулам за заступничеством за него. Тем временем число прибывавших

солдат все росло и росло; приближенные же Клавдия, которому по его физической слабости было очень тяжело идти, разбежались, равно как разбежались при известии о взятии Клавдия и его слуги, которые обыкновенно носили его носилки. Они все думали, что пришел конец их господину. И вот, когда воины и Клавдий пришли к площадке на Палатинском холме (тут, по преданию, были воздвигнуты первые постройки города Рима и тем положено его основание) и собирались решить участь народа, толпа солдат стала прибывать. Все они с радостью желали взглянуть на Клавдия и из расположения к Германику особенно охотно готовы были провозгласить его императором: Клавдий ведь был братом Германика, а последний, как известно, распространил свою славу на всех близких ему. При этом солдатам пришло на ум вспомнить о корыстолюбии лиц, заседавших теперь с властью в руках в сенате, и о том, какие беззакония эти люди позволяли себе в предшествующие царствования. Вместе с тем они подумали также о своем собственном безвыходном положении, в котором они очутились бы, если бы был выбран кто-нибудь другой в императоры, тогда как если эта власть перешла бы при их посредстве и благодаря их преданности именно к Клавдию, они могли рассчитывать на то, что он в память этой услуги воздаст им так, как того заслуживала их помощь.

3. Таким образом рассуждали воины между собой и сообщили свои взгляды на дело вновь прибывавшим. Узнавая, в чем дело, последние охотно присоединялись к решению, и затем воины окружили Клавдия плотной стеной и торжественно повели его в казарму, чтобы там никто не мог помешать их начинанию. Тем временем, однако, произошел разлад во взглядах народа и сенаторов. Последние добивались прежней власти и, пользуясь представившимся случаем, хотели свергнуть с себя иго, которое наложили на них насилия тиранов. Народ между тем относился к этому недоброжелательно, так как понимал, что в лице императора имел сдерживающее начало против притязаний знати и мог опереться на личность императора, и потому радовался уводу Клавдия, предполагая, что избрание его на престол положит предел междоусобной смуте. Пример тому был уже при Помпее. Когда сенат узнал, что Клавдий в сопровождении солдат при-

был в казарму, то послал к нему нескольких выдающихся членов своих с советом не настаивать на получении престола, но уступить сенату, против численного превосходства которого он стоит одиноким, и предоставить законной власти озаботиться об общем благе; пусть он при этом вспомнит, насколько прежние правители повредили государству и насколько он сам вместе с ними, сенаторами, подвергался разным опасностям со стороны Гая. Итак, если он был возмущен тягостью тиранических насилий других, то пусть сам добровольно не осмеливается предпринять что-либо против блага своей родины. Если он послушается их и удовлетворится по-прежнему прочным почетом спокойной жизни частного человека, он удостоится этого почета со стороны своих свободных сограждан и сможет снискать себе славу доблестного мужа, который в пределах законности готов находить благо не только во власти, но и в добровольном своем отречении. Если же он не разделяет их взгляда и не примет в соображение примера Гая, они сумеют с ним справиться: на их стороне большая часть войска, у них большие запасы оружия и они располагают множеством рабов, которые сумеют воспользоваться этим оружием. Главная при этом надежда их сводится к тому, что судьба и боги оказывают поддержку лишь тем, кто доблестно идет в бой за правду, а такими, в свою очередь, являются все те, кто готов сразиться за независимость своего отечества.

4. Так говорили посланные, Вераний и Брокх (оба были народными трибунами), причем пали на колени и просили не навлекать на государство войн и бедствий. Когда же они увидели, какая масса воинов окружает Клавдия и что в этом случае сами консулы не смогут ничего поделать, они просили его, если он уже непременно добивается власти, принять таковую от сената: ведь он будет править куда спокойнее и счастливее, если добром получит эту власть от сената, чем если добьется ее путем насилия.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Понимая, с каким расчетом были посланы эти депутаты, Клавдий, однако, в данную минуту под влиянием их слов был готов идти на некоторые уступки. Впрочем, он уже успел

оправиться от страха за свою личную безопасность, с одной стороны, потому, что ему придавала мужества наличность войск, а с другой — царь Агриппа советовал ему не выпускать из рук такую явившуюся к нему сама собою власть. Между прочим, Агриппа поступил и относительно Гая так, как мог поступить человек, которого тот столь любил. Дело в том, что он взял и снес труп Гая на его ложе, покрыл его там одеялами, а затем отправился к отряду телохранителей и объявил им, что хотя Гай еще жив, однако сильно страдает от полученных ран и требует медицинской помощи. Когда же Агриппа услыхал, что солдаты увели Клавдия, он побежал к нему и застал его в ту самую минуту, когда тот был в полном смущении и уже намеревался уступить требованиям сената. Он ободрил Клавдия и советовал ему не упускать власти. Затем он отправился к себе домой. Когда из сената прислали за ним, он умастил себе волосы, как будто бы только что явился с пира, пришел в собрание и спросил сенаторов, что поделывает Клавдий. Сенаторы сообщили ему о положении дел и спросили его мнение насчет этого. Тогда Агриппа ответил, что он сам охотно готов умереть за сенат, но что нужно иметь в виду (общую) пользу и отрешиться от всего, что могло бы быть полезно отдельным личностям. Он сказал, что, если сенаторы хотят удержать власть в своих руках, им нужно будет подумать об оружии и войске, которое могло бы отразить их, чтобы им неожиданно не попасть впросак неподготовленными. Когда же сенат возразил, что у него в распоряжении масса оружия и будет много денег, что у них уже имеется некоторая часть войска и что они уже согласились освободить с этой целью рабов, Агриппа воскликнул: «Да будет вам, сенаторы, удача во всем сообразно вашему желанию! Я должен теперь без обиняков высказать свое мнение, касающееся общего блага. Знайте, что войско, которое готово сражаться за Клавдия, испытано долголетней службой. Наша же рать будет состоять из разного сброда и случайно освобожденных рабов, а это скверно. Нам придется сражаться с испытанными воинами и выставить против них людей, навряд ли знающих, как извлечь меч из ножен. Поэтому мне сдается, что следует послать теперь же к Клавдию депутатов с предложением отказаться от власти, и я сам готов принять на себя это поручение».

2. Так сказал Агриппа. С ним согласились, и он был вместе с другими послан к Клавдию. Говоря с ним наедине, он советовал ему отвечать потверже, как достойно будущего императора, и опираться при этом на могущество своей будущей власти. Поэтому Клавдий отвечал, что он нисколько не удивляется, если сенат неохотно подчинится чужой власти, так как он уже столько выстрадал от жестокости прежних правителей; теперь же настали более благоприятные времена, сенаторы испытают его, Клавдия, мягкость, так как он лишь по имени будет правителем, на деле же готов с ними делиться этой властью. Ввиду того, что он на глазах их вел столько разных дел, они навряд ли не поверят ему. С такими данными депутаты были отправлены назад. Затем Клавдий потребовал от собравшихся воинов присяги на верность и подарил каждому из телохранителей по пяти тысяч драхм; начальствующим лицам он сделал соответственно большие подарки и обещал всем частям войск, где бы они ни были расположены, подобное же вознаграждение.

3. Между тем консулы, несмотря на поздний ночной час, созвали сенат на совещание в храм Юпитера Победоносца. Однако при известии об ответе Клавдия одни испугались и спрятались в городе, другие поспешили уехать в свои поместья, предвидя, к какому печальному концу придет все дело, и потому они отказались от мысли о свободе и предпочитали в безопасном подчинении вести бездеятельный образ жизни, чем сохранить за собой власть и положение своих предков и постоянно дрожать за свое личное спокойствие. И все-таки собравшихся было сто человек. Пока они совещались относительно положения вещей, бывшее в их распоряжении войско внезапно подняло крик, требуя, чтобы сенат выбрал когонибудь одного императором и не ослаблял власти, разделив ее между многими лицами. Войска высказывались в том смысле, что власть следует предоставить не всем (сенаторам), но одному лицу, и требовали, чтобы им, солдатам, было предоставлено выбрать того, кто, по их мнению, является наиболее достойным ее. Теперь положение сената стало особенно затруднительным, потому что, с одной стороны, приходилось отказаться от свободы, а с другой — следовало опасаться Клавдия. Между тем среди сенаторов были люди, которые рассчитывали сами быть избранными — как вследст-

ние своей родовитости, так и вследствие родства с императорским домом. Таким претендентом, например, являлся Марк Виниций, который происходил из очень знатного рода и, кроме того, был женат на сестре Гая, Юлии. Когда он объявил себя кандидатом на императорский престол, консулы стали, однако, приводить против его кандидатуры всевозможного рода возражения. Валерия Азиатика, который также подумывал об этом, удержал Минуциан, один из убийц Гая. Если бы кандидаты на престол получили удовлетворение, то при неизбежной борьбе их с Клавдием произошла бы крайне кровопролитная резня. Тем временем и гладиаторы (которых в городе было довольно значительное количество), и ночная городская стража, и гребцы направились к (преторианским) казармам, так что лица, домогавшиеся (первоначально) власти, теперь отказались от своего намерения, отчасти чтобы оградить и пощадить город, отчасти из опасения за свою личную безопасность.

4. На самом рассвете Херея и его товарищи отправились к войскам, имея в виду обратиться к ним с речью. Когда же масса солдат увидела, как они делали знаки рукой, чтобы вызвать тишину и начать свою речь, она закричала, что не даст им говорить, а настаивает на том, чтобы им был дан единовластный правитель. Они требовали императора, так как им надоело ждать. Тем временем сенат находился в большом затруднении, не зная, каким образом разрешить вопрос о форме правления: солдаты не хотели признавать компетентности сената, а убийцы Гая не допускали вмешательства войска в это дело. При таком положении вещей Херея не мог удержаться, чтобы не выразить своего гнева по поводу требования ими императора, и обещал дать им такового, если кто-либо из солдат принесет ему удостоверение от Евтиха. Евтих этот был одним из возниц партии зеленых[6] и был особенно предан Гаю, что наглядно выразилось в его отношениях к солдатам во время постройки царских конюшен. Тут Евтих обременял воинов всевозможными позорными для них работами. На последние теперь иронически намекал Херея, равно как осыпал воинов насмешками в том же роде и говорил, что принесет (им) голову Клавдия. При этом он указывал, что будет ужасно, если они после сумасшедшего передадут власть слабоумному. Однако солдаты не смуща-

лись его речами, но извлекли мечи и, подняв знамена, отправились к Клавдию, чтобы присоединиться к тем, которые уже принесли присягу. Таким образом, сенат остался без защитников, и консулы обратились в частных лиц. Всюду наступило смущение и уныние, так как никто не знал, что предпринять и как оградить себя от гнева Клавдия; люди стали укорять друг друга, и все раскаивались в своей горячности. Тогда Сабин, один из убийц Гая, выступил вперед и объявил, что он скорее сам убьет себя, чем согласится на избрание Клавдия и допустит восстановление рабства. Затем он стал укорять Херею в трусости, если он, который первый пошел на Гая, теперь готов остаться в живых, когда он своим поступком не смог вернуть отечеству свободы. Херея ответил на это, что он ни минуты не задумается умереть, но сперва желал бы узнать о настроении Клавдия.

5. Пока дела были в таком положении, все воины отовсюду стали стекаться к Клавдию, чтобы выразить ему свою преданность. При этом они обвиняли одного из консулов, именно Квинта Помпония, в том, что он особенно возбуждал сенаторов к отстаиванию свободы. Солдаты даже извлекли мечи и, устремившись на консула, покончили бы с ним, если бы их вовремя не остановил Клавдий. Освободив его таким образом от опасности, Клавдий посадил затем Помпония рядом с собой. Однако те сенаторы, которые были тут вместе с Квинтом, не удостоились со стороны Клавдия подобного почета. Некоторые из них подверглись даже побоям, так как их насильно не хотели допустить к Клавдию; Апоний должен был удалиться, совершенно израненный, и все вообще сенаторы подверглись крайней опасности. Тогда царь Агриппа приблизился к Клавдию и просил его оградить сенаторов и обойтись с ними помягче, потому что, если они подвергнутся истреблению, ему некому будет показать свою власть. Клавдий внял этому совету и предложил сенаторам собраться в палатинском дворце, куда он затем велел снести себя в носилках через весь город, причем войско сопровождало его и по пути позволяло себе совершать различные насилия над народом. Тогда вышли на улицу также убийцы Гая, Херея и Сабин, хотя это им было запрещено Поллионом, которого незадолго перед тем Клавдий назначил начальником отряда телохранителей. Когда

Клавдий прибыл во дворец, он собрал приближенных и предложил им решить участь Хереи. Хотя те и признали в поступке последнего много благородства, однако вместе с этим они обвиняли его также в известном вероломстве (по отношению к Гаю) и решили подвергнуть его смертной казни, как пример на будущее время. Таким образом, Херея был поведен на казнь и вместе с ним Луп и еще целый ряд римлян. Говорят, что Херея мужественно отнесся к постигшему его несчастью и не только не изменился при этом в лице, но и осыпал упреками разрыдавшегося Лупа. Когда же последний снял одежду и стал жаловаться на холод, Херея заметил ему, что холод ведь привычен волку[7]. Масса народа шла за осужденными, чтобы присутствовать при казни. Когда они пришли к месту казни, Херея спросил солдата (который должен был исполнить обязанности палача), ловко ли он делает свое дело, или же ему впервые приходится действовать мечом. Затем он просил принести меч, которым он сам убил Гая.

Херея умер, не дрогнув, под первым же ударом меча. Луп, вследствие своего отчаяния, не так счастливо окончил жизнь свою; ему пришлось нанести повторный удар, так как он недостаточно спокойно подставил свою голову.

6. Несколько дней спустя наступил праздник поминовения усопших, когда римский народ приносит жертвы в память своих покойников. Тогда же римляне почтили и память Хереи, бросив в честь его лепешки в огонь и умоляя его быть милостивым к ним и не воздавать злом за народную неблагодарность.

Таков был конец Хереи. Сабин же, которому Клавдий не только простил его вину, но которого он даже утвердил в его прежней должности, счел бесчестным отречься таким образом от прежних своих товарищей по заговору и сам покончил с собой, бросившись на меч, который вонзился в его тело вплоть до самой рукоятки.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Между тем Клавдий немедленно удалил из войска все ненадежные элементы, а затем издал указ, которым утверждал за Агриппой власть, дарованную ему Гаем, причем ото-

звался о царе в весьма лестных выражениях. Он прибавил к его владениям все области, которыми правил дед Агриппы, Ирод Великий, а именно — Иудею и Самарию. Эти области он отдал ему как принадлежавшие ему по праву рождения. Кроме того, Клавдий предоставил ему еще Авилу[8], которой управлял некогда Лисаний, и всю местность в пределах Ливанского хребта. Затем он на форуме в Риме заключил клятвенный союз с Агриппой. Антиоху он подарил отнятые у него владения, а именно — часть Киликии и Коммагену. Вместе с тем он освободил также алабарха Александра (Лисимаха), который навлек на себя гнев Гая и томился в темнице; он был с ним издавна дружен, тем более что тот заведовал делами его матери Антонии. Сын этого алабарха женился на дочери Агриппы, Беренике. Когда Марк — так звали сына алабарха — умер, Агриппа выдал его вдову за своего брата Ирода и упросил Клавдия предоставить Ироду царство халкидское.

2. В это время произошли смуты между иудейским и греческим населением города Александрии. Дело в том, что после смерти Гая, под властью которого народ иудейский был очень притесняем и подвергался со стороны александрийцев страшнейшим насилиям, он воспрянул духом и немедленно взялся за оружие. Клавдий приказал египетскому наместнику подавить смуту. Вместе с тем он, по настоянию царей Агриппы и Ирода, отправил в Александрию и в Сирию указ следующего содержания:

«Так постановляет император Тиверий Клавдий Германик Август, верховный жрец, облеченный властью народного трибуна: принимая во внимание, 1) что александрийские иудеи, называющиеся александрийцами, были поселены в Александрии вместе с первыми жителями этого города и пользовались благодаря распоряжению царей одинаковыми (с греками) гражданскими правами, как то явствует из писаных документов и имеющихся на сей счет указов; 2) что во время нашего (римского) владычества Александрия была подчинена Августу и при этом в различные времена дарованные тамошним иудеям права были соблюдаемы посылаемыми туда наместниками, которые отнюдь не умаляли этих прав; 3) что вместе с этим в то время, когда в Александрии находился Аквила и умер иудейский этнарх, Август не пре-

пятствовал избранию новых этнархов, так как желал, чтобы все его подданные невозбранно пользовались самоуправлением и не были принуждаемы к нарушению своих исконных религиозных обрядов; и, наконец, 4) что возмущение александрийских греков против тамошних иудеев датирует еще со времен императора Гая, который в своем великом безумии и недомыслии притеснял иудеев за то, что они не желали отречься от религии своих предков и признать самого его богом, — принимая все это во внимание, я не желаю, чтобы, вопреки глупому распоряжению Гая, иудейский народ был чем-либо стеснен в своих правах, но требую, чтобы за ним были утверждены все прежние права его, дабы иудеи могли жить по своим обычаям. При этом я требую, чтобы с обеих сторон было приложено всяческое старание избегнуть каких бы то ни было волнений после обнародования этого моего распоряжения».

3. Таково было содержание императорского указа относительно александрийских иудеев. Другое же распоряжение, касавшееся остальных частей империи, гласило следующим образом:

«Я, Тиверий Клавдий Август Германик, император, верховный жрец с трибунской властью и вторично консул, постановляю: так как любезнейшие мне цари Агриппа и Ирод обратились ко мне с просьбой утвердить за всеми римскоподданными иудеями те же права, которые я утвердил за иудеями александрийскими, я с удовольствием согласился на это, и притом не только в угоду просителям, но и потому, что счел того достойными тех, за которых они просили, ибо они всегда соблюдали верность римлянам; поэтому я решил, чтобы права эти распространились на все даже греческие города, где есть иудейское население, так как права эти были признаны еще божественным Августом. Пусть поэтому иудеи, живущие на всем протяжении нашей славной империи, невозбранно соблюдают свои исконные обычаи, причем я, по своему великодушию позволив им это, требую, чтобы они держали себя спокойнее, не глумились над религиозными обрядами иноверцев и соблюдали в точности свои собственные законы. Это мое распоряжение пусть будет сообщено всем правителям городов, колоний и муниципий не только в пределах Италии, но и вне ее, а также царям и князьям

через их собственных посланников. Пусть этот указ будет вывешен в течение тридцатидневного срока на видном месте, где каждый легко сможет прочитать его».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Этими распоряжениями, разосланными в Александрию и вообще по всей империи, Клавдий достаточно ясно выказал свой взгляд на иудеев. Затем он с величайшим почетом отпустил Агриппу в его царство, причем послал всем преторам и наместникам письменные указы с требованием принимать его любезно. Агриппа, в свою очередь, как это и было вполне естественно со стороны человека, судьба которого приняла самый благоприятный оборот, поспешил воспользоваться разрешением уехать. По прибытии своем в Иерусалим он принес благодарственные жертвы и исполнял все предписания законов. Так, например, он распорядился остричь волосы множеству назиреев[9]. Подаренную ему Гаем золотую цепь, которая весила столько же, сколько железная, некогда отягчавшая его царственные руки[10], он повесил внутри храма над входом в ризницу в память тяжелой участи своей и в доказательство того, как судьба человека может перемениться к лучшему; эта цепь служила напоминанием, что и великие мира сего могут когда-нибудь пасть и что Предвечный может поднять павших. Посвящение этой цепи Богу показывало всем, что царь Агриппа по маловажной причине утратил свою прежнюю власть и попал в темницу, откуда некоторое время спустя вышел, чтобы сделаться еще более могущественным, чем был прежде. Все это являло наглядный пример того, что среди людей великое могло быть унижено, а униженное вновь возродиться к прежнему величию.

2. Исполнив все ритуальные предписания, Агриппа сместил первосвященника Феофила, сына Анана, и поручил его должность сыну Боэта, Симону, носившему также имя Канферы. У этого Симона было два брата и отец Боэт, дочь которого, как нами было упомянуто выше, была замужем за царем Иродом. Таким образом, и Симон, и его отец, и его братья были первосвященниками подобно тому, как некогда, во времена македонского владычества, первосвященство

переходило последовательно к трем сыновьям Симона, сына Онии. Впрочем, об этом мы уже упоминали в предшествующих книгах.

3. Устроив таким образом дела, касавшиеся первосвященнического достоинства, царь задумал вознаградить иерусалимцев за их преданность ему. Поэтому он, желая воздать им за любовь их, освободил каждый из домов их от специального налога. Затем он назначил начальником над всем войском Силаса, человека, который некогда разделял с ним все его бедствия.

Спустя некоторое время несколько юношей из города Дора, решившихся поглумиться над священными вещами и по природе своей отличавшихся необычайной смелостью, задумали поставить в одной из синагог статую императора. Это привело Агриппу в страшную ярость, потому что тем могло быть положено начало попиранию исконных иудейских законов. Поэтому он немедленно отправился к сирийскому наместнику Публию Петронию и выступил перед ним с жалобой на доритян. Петроний не менее самого Агриппы рассердился на этот поступок последних (дело в том, что он сам считал нарушение законов верхом безбожия) и в гневе своем послал доритским отступникам письмо следующего содержания: «Публий Петроний, представитель императора Тиверия Клавдия Августа Германика, обращается к начальствующим лицам доритян. Так как некоторые из вас дошли в своей безрассудной дерзости до того, что, вопреки предписанию императора Клавдия Августа Германика относительно предоставления иудеям права соблюдать их законы, решились не послушаться его и поступить как раз наоборот, а именно — что осквернили собрание иудеев постановкой статуи императора в зале их заседаний, вы поступили противозаконно не только относительно иудеев, но и относительно самой личности императора. Ведь постановка статуи последнего была бы гораздо уместнее в его собственном, лично ему посвященном храме, чем в чужом месте, тем менее в синагоге. По самой природе вещей справедливо, чтобы каждый был у себя дома своим хозяином; так посмотрел на дело и император. При этом было бы смешно упоминать здесь относительно моего постановления после императорского указа, в силу которого иудеям разрешено жить по собственным зако-

нам и пользоваться полной равноправностью с греческим населением. Так как ослушники решились на свой поступок вопреки распоряжению Августа, чем они навлекли на себя, вероятно, и неудовольствие своих начальников, и так как они при этом указали на то, что поступили таким образом не по собственному побуждению, а по требованию простонародья, я распорядился, чтобы центурион Прокл Вителлий представил мне виновных для расправы. Вместе с тем я предлагаю лицам начальствующим, если они не желают навлекать на себя подозрения в соучастии в этом закононарушении, назвать центуриону имена виновных и тем предотвратить всякие смуты и междоусобия, которые, по моему мнению, должны быть вызваны этими делами. При этом я, равно как почтеннейший друг мой, царь Агриппа, не заботился ни о чем более, как о том, чтобы предотвратить смуты среди иудейского населения, которое под предлогом самозащиты уже начало собираться и делать ряд неосмотрительностей. А для того чтобы было вполне известно, как смотрит на все дело император, я присоединяю к своему письму его указ относительно жителей Александрии, указ, который, несмотря на свою общеизвестность, был мне в собрании прочитан любезнейшим царем Агриппой. Последний счел нужным в свое время заступиться перед императором за иудеев и постарался, чтобы у них не были отняты прежние императорские милости. Поэтому я на будущее время предлагаю вам не выискивать никакого предлога для смут и волнений, но дать каждому возможность по-своему отправлять свое богослужение».

4. Таким-то образом Петроний позаботился загладить нанесенную иудеям обиду и оградить их от подобных явлений на будущее время. Между тем Агриппа лишил Симона Канферу первосвященства и вновь поставил на эту должность Ионафа, сына Анана, считая его достойным этого высокого сана. Однако Ионаф отказался в следующих выражениях от этой чести: «Царь! Получая от тебя столь почетное предложение, я радуюсь, тем более что ты сам собой пришел к этому решению. Однако Предвечный никак не может считать меня достойным первосвященства. С меня довольно, что я единожды облекся в это священное одеяние. Тогда я сделал это с более чистым сердцем, чем сделал бы это теперь. Если же ты желаешь, чтобы ныне эта честь была оказана человеку,

более меня достойному ее, то позволь дать тебе совет. У меня, царь, есть брат, который совершенно чист от всякого греха, как относительно Бога, так и относительно тебя. Его я предлагаю тебе как лицо, достойное этой чести».

Царь вполне согласился с этими доводами, высоко почтил мнение Ионафа и утвердил в первосвященническом сане брата последнего, Матфия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. Немного спустя Петрония сменил Марс и стал наместником сирийским.

Между тем Силас, царский главнокомандующий, который оставался верен Агриппе во всех превратностях его судьбы и не только неизменно разделял с ним некогда все тягости, но и неоднократно подвергал себя крайней опасности, очень чванился этим, думая, что царь должен воздавать ему за его верную дружбу высшим почетом. Ввиду этого он никоим образом не желал уступать первенство царю, но обходился с ним всегда крайне фамильярно, а во время дружеских бесед даже становился крайне тягостным, так как он безмерно кичился и часто напоминал царю о превратностях его судьбы. Делал он это с единственной целью, чтобы выказывать ему свою большую давнишнюю преданность. Поэтому он часто и подробно перечислял царю все тягости, которым он подвергался ради него.

Такие хвастливые речи в конце концов звучали как насмешка, почему царь однажды возмутился такой несдержанной нескромностью этого человека. Ведь никому не доставляет удовольствия напоминание о бесславном прошлом, а постоянное повторение этой темы может быть делом лишь близорукого глупца. В конце концов Силас добился того, что страшно рассердил царя, который, уступая чувству раздражения перед рассудительностью, не только сместил Силаса, но и велел заковать его в цепи и отправить на родину. С течением времени, однако, гнев царя смягчился, и он, припоминая целый ряд заслуг Силаса, понял, что слишком сурово обошелся с этим человеком. Поэтому, когда наступил день рождения Агриппы, который ознаменовывался празднествами всех его подчиненных, он велел призвать Силаса обратно и

пригласить его во дворец к нему на пир. Силас же, отличавшийся откровенностью, нисколько не постеснялся высказать перед посланными справедливый, по его мнению, гнев и сказал им: «Зачем царь приглашает меня для такой чести, которой он все равно немного погодя лишит меня? Ведь и прежние доказательства благодарности его ко мне за мою преданность были непродолжительны, так как он позорно лишил меня их. Или он думает, что я раз навсегда отказался от свободы своего слова? Сознавая свою правоту и это право за собой, я теперь еще громче буду говорить о том, в скольких тяжелых положениях я выручал Агриппу, каким тягостям подвергался ради него, доставляя ему спасение и почет; и за все это в благодарность я получил лишь кандалы и темную тюрьму. Конечно, я об этом никогда не забуду. Быть может, вскоре мне придется расстаться с жизнью, и тогда моя смерть облегчится сознанием доблестно исполненного долга».

Так энергично говорил Силас и требовал, чтобы его слова были переданы царю. Видя его столь непримиримым, Агриппа оставил Силаса в крепости.

2. Тем временем царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не считал возможным ослушаться[11].

3. Этот царь был по природе своей весьма щедр на подарки и любил одаривать подчиненных. Расходуя на это часто значительные суммы, он снискал себе славу, находя удовольствие в своей щедрости и в том, что жизнь его от этого лишь выигрывала. Этим он совершенно не походил на своего предшественника Ирода (Великого). Последний отличался страстной мстительностью и неудержимой ненавистью ко всем противникам своим и в то же время открыто признавался, что симпатия его скорее на стороне греков, чем иудеев. Иностранные города Ирод одарил значительными денежными суммами, сооружая термы, театры и всякие другие здания; в одних он строил храмы, в других портики. Между тем

он решительно ничего не сделал ни для одного иудейского города и не подарил ему ничего, что было бы достойно упоминания.

Агриппа, напротив, был мягкого характера и одинаково щедр ко всем. С иноземцами он был предупредителен и любил одаривать их, но зато он не менее щедрым являл себя также к своим единоплеменникам и даже старался особенно выказывать им сочувствие и благоволение. Поэтому он любил подолгу жить в Иерусалиме; он всегда в точности исполнял предписания законов. Во всем он старался точно соблюдать требования ритуала, и не проходило дня, чтобы он не совершил установленного законом жертвоприношения.

4. В Иерусалиме в это время жил иудей, считавшийся особенно глубоким знатоком законов. Его звали Симоном. Когда однажды царь уехал в Цезарею, он собрал народ на сходку и решился выступить тут с обвинениями против Агриппы, говоря, что последний не религиозен и что ему следовало бы запретить доступ в храм, куда могли входить лишь природные иудеи. Эти речи Симона к народу были (немедленно) письменно сообщены царю военачальником города. Тогда Агриппа послал за Симоном и по прибытии его велел ему сесть рядом с собой (Агриппа в это время был в театре). Затем он мягко спросил его: «Скажи мне, что делается тут противозаконного?» Симон не нашелся, что ответить на это, и стал просить у царя прощения. Царь простил его раньше всякого другого; вообще он считал мягкость особенно царственным качеством и понимал, что великим мира сего более приличествует доброта, чем гнев. Затем он дал Симону еще кое-что в подарок и с этим отпустил его.

5. Среди множества воздвигнутых Агриппой сооружений те, которыми он почтил город Берит, занимают особенно выдающееся место. Тут он воздвиг роскошнейший театр, который мог равняться с любым зданием этого рода, а также необычайно красивый амфитеатр, равно как термы и портики. Не желая стеснять себя в смысле красоты и объемов всех этих зданий, он не щадил средств на них. Освящение этих зданий он обставил особенной торжественностью. В театре он велел устроить представления, во время которых дал зрителям всевозможную музыку и поэтические состязания. Масса гладиаторов в амфитеатре должна была служить

доказательством необычайной щедрости царя. Желая доставить зрителям особенное удовольствие, Агриппа распорядился устроить бой двух отрядов по семисот человек в каждом. Для этого он отрядил решительно всех имевшихся в стране преступников, дабы некоторые из них получили тут заслуженное наказание, и это воинственное зрелище положило основание продолжительному миру. Так он избавил страну от злодеев.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Поступив в Берите так, как нами было рассказано, Агриппа отправился в галилейский город Тивериаду. В это время Агриппа пользовался уже большим уважением в глазах прочих царей. Поэтому к нему сюда съехались Антиох, царь Коммагены, Сампсигерам, царь эмесский, Полемон, владетель Понта, и, наконец, его собственный брат Ирод, царь халкидский. Всех этих лиц Агриппа принял радушно и любезно, выказывая тем самым большое великодушие, почему эти цари и считали его достойным своего почетного посещения. Пока гости еще были у него, прибыл сирийский наместник Марс. Желая почтить в его лице римлян, царь Агриппа выехал ему навстречу за семь стадий от города. Впрочем, этот же самый поступок его относительно Марса послужил поводом к недоразумению. Дело в том, что Агриппа выехал к нему навстречу в сообществе прочих гостивших у него царей. Однако это согласие между последними и такая их дружба показались Марсу подозрительными, так как он полагал, что столь тесное общение нескольких правителей между собой не может быть особенно полезно в римских интересах. Поэтому Марс вскоре послал к каждому из царей по одному из своих приближенных и советовал каждому немедленно вернуться в свою область. Агриппа отнесся к этому поступку Марса с крайним неудовольствием, и с этих пор между ними установились дурные отношения. Впоследствии царь лишил Матфия первосвященнического сана и поставил на его место Элионея, сына Канферы.

2. Между тем исполнилось три года, что Агриппа царствовал над всей Иудеей. Однажды он поехал в город Цезарею, которая раньше называлась Стратоновой Башней. Тут он

устроил игры в честь императора, так как наступил какой-то праздник, установленный в честь Клавдия. На эти игры стеклась масса лиц начальствующих и таких, которые занимали видное общественное положение. На второй день игр, рано утром, царь явился в театр в затканной серебром одежде, удивительным образом блиставшей и сверкавшей. Серебро дивно переливалось в лучах восходящего солнца, так что все были ослеплены и с содроганием должны были отвращать свои взоры от Агриппы. Сейчас же несколько льстецов с разных концов стали, впрочем не на благо царю, громко возносить его и называть его богом, говоря: «Будь милостив к нам! Если мы до сих пор преклонялись перед тобой как перед человеком, то теперь мы готовы признать, что ты по природе своей выше всякого смертного». Царь не особенно был поражен этими заявлениями и не думал остановить кощунствующих льстецов. Когда же он, немного погодя, поднял взор кверху, то увидал на перекладине сидящего там филина. Он немедленно признал в нем предвозвестника грядущих бедствий, как эта же птица некогда принесла ему счастье;[12] скорбь обуяла сердце царя. Вскоре затем Агриппа почувствовал, что во внутренностях его начинается сильнейшая боль. Он поднялся с места и обратился к своим со следующими словами: «Я, которого вы признали своим богом, теперь готов расстаться с жизнью. Судьба неожиданно изобличила мне всю лживость ваших уверений, ибо я, которого вы (только что) назвали бессмертным, теперь должен умереть. Впрочем, следует покорно отнестись к решению Предвечного. Я рад, что прожил не как бездеятельный ленивец, но счастливо и с блеском». Лишь только Агриппа сказал это, как его охватила особенно сильная боль[13]. Тогда его поскорее перенесли во дворец. Быстро повсюду разнеслась весть, что царю придется вскоре умереть. Тогда масса народа с женами и детьми облеклась в мешки и по исконному обычаю стала молить Господа Бога о здравии царя. Везде раздавались плач и стенания. Царь же тем временем лежал в верхнем этаже дворца и мог видеть толпу коленопреклоненных. При виде этого зрелища он не был в состоянии удержаться от слез. Затем, промучившись еще пять дней страшными болями в желудке, царь умер в возрасте пятидесяти четырех лет, на седьмом году своего правления. При императоре Гае он царствовал в

течение четырех лет, правя три года тетрархией Филиппа, а на четвертый получив в удел еще область Ирода. Затем он прожил еще три года во время правления императора Клавдия. Тут он не только был царем вышеупомянутых областей, но царствовал над всей Иудеей, Самарией и Цезареей. Он извлекал из своих владений крупнейшие доходы, доходившие до двух миллионов. Однако, несмотря на это, ему пришлось делать крупные займы; так как он был очень щедр, то доходы не покрывали его расходов, тем более что он не умел сдерживать свою щедрость.

3. Народ еще не знал о кончине Агриппы, когда сговорившиеся заранее халкидский царь Ирод и наместник и друг царя Хелкий послали одного из преданнейших слуг, некоего Аристона, убить Силаса (который был во враждебных с ними отношениях). Сделали они это как бы по распоряжению самого царя Агриппы.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Таким образом окончил жизнь свою царь Агриппа. Он оставил после себя сына, Агриппу же, которому шел тогда семнадцатый год, и трех дочерей: шестнадцатилетнюю Беренику, вышедшую замуж за своего родного дядю Ирода, и двух девочек, Мариамну и Друсиллу, из которых первой было десять, а второй шесть лет. Отец предназначил Мариамну в жены Юлию Архелаю, сыну Хелкии, а Друсиллу — Епифану, сыну коммагенского царя Антиоха.

Когда распространилось известие о смерти Агриппы, жители Цезареи и самаряне забыли о полученных от него благодеяниях и позволили себе поступить как отъявленные враги его. Они стали осыпать усопшего насмешками, не поддающимися описанию, а все находившиеся там (в довольно значительном количестве) солдаты отправились домой, вытащили статуи царских дочерей, понесли их в торжественной процессии в дома терпимости и, поставив их там на крышах, стали изо всех сил издеваться над ними так, что и рассказывать о том неприлично. Затем они расположились пировать на площадях и устроили всенародные празднества, причем надевали венки, умащались благовонными мазями и совершали возлияния в честь Харона[14], чокаясь между собой по

поводу кончины царя, так неблагодарны были они не только к памяти Агриппы, щедростью которого они столь часто пользовались, но и к памяти его деда, Ирода Великого, отстроившего им город их и с крупными издержками соорудившего им гавани и храмы.

2. В это время сын усопшего, Агриппа, находился в Риме, воспитываясь при дворе императора Клавдия. Когда последний узнал о кончине Агриппы и о том, как издевались над ним жители Цезареи и Самарии, он глубоко опечалился и страшно разгневался на их неблагодарность. Клавдий сперва немедленно хотел послать молодого Агриппу на место отца его и вместе с тем собрался возобновить с ним клятвенный союз. Однако от этого удержали его пользовавшиеся огромным влиянием вольноотпущенники и приближенные, указывавшие на то, что было бы рискованно поручать юноше, едва вышедшему из детского возраста, управление таким обширным царством, с которым ему невозможно будет справиться и которое для взрослого человека представляло бы значительные затруднения. Император вполне признал правильность их доводов. Поэтому он отправил в качестве наместника над Иудеей и всеми владениями Агриппы Куспия Фада и оказал тут честь покойному царю, не поручив этой должности Марсу, с которым, как узнал Клавдий, усопший находился в натянутых отношениях. Раньше всего он приказал Фаду наказать жителей Цезареи и Самарии за оскорбление памяти умершего и за их глумление над его дочерьми. Затем Фаду было поручено перевести эскадрон, состоявший из граждан Цезареи и самарян, равно как и сформированные из них пять когорт, на службу в Понт, и выбрал в качестве заместителей сосланных соответственное число расположенных в Сирии римских легионеров. Однако это приказание не было приведено в исполнение, потому что виновные отправили депутацию к Клавдию, смягчили его гнев и добились того, что им было разрешено остаться в Иудее. Впрочем, с течением времени именно эти люди положили начало величайшим бедствиям для иудеев, потому что они посеяли смуту, из-за которой впоследствии произошла война Флора. Поэтому, когда Веспасиан, как мы вскоре расскажем, подчинил себе эту страну, он распорядился выслать их из пределов данной области.

Книга двадцатая

СОДЕРЖАНИЕ

1. О том, как император Клавдий послал в Иудею после смерти Агриппы некоего Фада наместником.

2. О ссоре филадельфийцев с иудеями, жившими в Перее, вследствие границ области Мии; о том, как Фад, сердясь на убиение иудеями многих филадельфийцев, велел схватить трех самых влиятельных перейских иудеев и казнить их.

3. О том, как атаман разбойничьей шайки Феломей, притеснявший арабов, был доставлен к Фаду и казнен.

4. О том, как Фад и Кассий Лонгин, наместник сирийский, отправились в Иерусалим и тут потребовали от иудейских главарей перенесения головного убора и священного одеяния (первосвященника) в замок Антонию под надзор римлян, как то было раньше.

5. О том, как по этому поводу иудеи пожаловались Фаду и Лонгину и просили их разрешения послать относительно этого дела депутацию к императору Клавдию.

6. О том, как Фад разрешил это, при условии получения заложников.

7. О том, как император Клавдий благодаря заступничеству Агриппы Младшего исполнил просьбу иудеев и написал о том Фаду.

8. О том, как адиабенская царица Елена вместе со своими сыновьями Монобазом и Изатом и всей родней своей приняла иудаизм.

9. О том, как после смерти Ирода Агриппа Младший получил, с разрешения императора Клавдия, халкидский престол.

10. О том, как наместником иудейским был назначен Тиверий Александр и как он распорядился пригвоздить к кресту сыновей галилеянина Иуды, побуждавших народ к восстанию.

11. О постигшем страну голоде.

12. О прибытии в Иудею Кумана, посланного в качестве наместника.

13. О том, как при нем множество иудеев погибло вблизи храма.

14. О ссоре между иудеями и самарянами и о том, как многие из последних были умерщвлены.

15. О том, как сирийский наместник Уммидий Квадрат, получив известие об этом, прибыл в Иудею и отправил наиболее влиятельных иудеев и самарян, равно как Кумана и трибуна Целера, в Рим для ответа; о том, как он сам казнил некоторых из иудеев.

16. О том, как Клавдий, подвергнув всех их допросу, по настоянию царя Агриппы оправдал иудеев, сослал Кумана и казнил трибуна Целера и главарей самарян.

17. О том, как посланный наместником в Иудею Феликс нашел страну стонущей под игом разбойничьих шаек, как он решил уничтожить последние и восстановить мир в стране и как отправил главаря разбойников, некоего Елеазара, в кандалах в Рим.

18. О том, как некий египтянин прибыл в страну и побудил многих иудеев к возмущению; как Феликс принял против него решительные меры и распорядился перебить много народа.

19. О том, как Феликс успокоил влиятельнейших иудеев в Цезарее, находившихся в ссоре с сирийцами.

20. О том, как после смерти Клавдия императорский престол перешел к Нерону.

21. О том, как при посланном в Иудею наместнике Порции Фесте страна стонала под гнетом сикариев.

22. О колоннаде вокруг храма и о том, как иудеи сделали ее выше.

23. О том, как Фест, недовольный этим, послал в Рим к Нерону главарей иудейских, пытавшихся умиротворить его.

24. О том, как Фест умер в Иудее и его преемником стал Альбин.

25. О том, как при нем сикарии прекратили свою пагубную для страны деятельность.

26. О том, как преемник Альбина, Флор, настолько притеснял иудеев, что заставил их взяться за оружие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. Когда умер царь Агриппа, император Клавдий послал, как мы рассказали в предшествующей книге, преемником Марсу Кассия Лонгина. Это Клавдий сделал в угоду памяти покойного царя, так как Агриппа неоднократно при жизни своей обращался к императору с просьбой не оставлять Марса во главе Сирии. Когда же в Иудею прибыл новый наместник Фад, то нашел здесь распрю между перейскими иудеями и жителями Филадельфии[1] из-за границ области Мии, причем население уже взялось за оружие. Между тем жители Переи, помимо ведома своих начальников, успели перебить множество филадельфийцев. Узнав об этом, Фад очень рассердился, что они не предоставили ему разрешения своего спора, если считали себя обиженными со стороны филадельфийцев, но немедленно приступили к военным действиям. Поэтому он велел схватить трех начальников их и заковать в кандалы как виновников всей этой смуты. Одного из них, Аннибала, он затем приказал казнить, а двух других, Амарама и Елеазара, приговорил к изгнанию. Немного спустя к нему привели также схваченного атамана разбойников, некоего Феломея, который причинил много вреда Идумее и ара-

бам. Фад распорядился казнить его. Таким образом, благодаря заботливости и усердию Фада вся Иудея и Аравия была избавлена от разбойников. Затем он, сообразно предписанию императора, призвал первосвященника и наиболее именитых иерусалимских граждан и предложил им доставить, как то практиковалось прежде, головной убор и священную ризу, которую мог надевать на себя один лишь первосвященник, в крепость Антонию, чтобы они там находились под наблюдением римлян. Собравшиеся, правда, не осмелились противоречить требованию наместника. Но вместе с тем они просили Фада и Лонгина, также явившегося в Иерусалим во главе значительного войска из боязни, чтобы требования Фада не вызвали волнений среди иудейского простонародья, сперва разрешить им отправить послов к императору с просьбой оставить священную одежду в их распоряжении. При этом они умоляли Фада подождать с исполнением своего требования, пока не получится ответ Клавдия на их ходатайство. Римляне отвечали, что они готовы разрешить иудеям отправку депутации при условии выдачи ими детей в качестве заложников. На это иудеи охотно согласились и, выдав заложников, отправили своих послов. Когда последние прибыли в Рим и Агриппа Младший, сын умершего царя, узнал о причине их приезда (Агриппа, как мы уже раньше упоминали, жил при дворе императора), он стал просить Клавдия исполнить просьбу иудеев относительно священного облачения и написать в этом смысле письмо Фаду.

2. Призвав затем депутатов, Клавдий сообщил им, что исполняет их просьбу, и велел им благодарить за это Агриппу (по ходатайству которого он, император, это делает). При этом он вручил им в виде письменного ответа бумагу следующего содержания: «Император Клавдий Германик, в пятый раз облеченный властью народного трибуна, в четвертый раз консул и в десятый раз главный военачальник, отец своего отечества, сим посылает привет начальникам, членам совета, населению иерусалимскому и всему вообще иудейскому народу. Так как мой любезный Агриппа, которого я воспитал и который так предан мне, представил мне ваших послов, поблагодаривших меня за мою заботливость о вашем народе и усердно и почтительно просивших меня представить в ваше собственное распоряжение священную одежду и головной убор первосвящен-

шка, я сим выражаю свое на это согласие, подобно доблестному и любезнейшему мне Вителлию. На эту вашу просьбу я согласился, во-первых, как вследствие своего благочестия, так и желания, чтобы каждый мог исполнять по-своему требования религии; а во-вторых, я согласился на это потому, что знаю, что этим я доставлю удовольствие царю Ироду и младшему Аристовулу, преданность которых ко мне и заботливость которых о вас мне одинаково известны. К тому же я особенно расположен к этим отличным и милым людям. Вместе с тем я послал своему наместнику Куспию Фаду соответственное распоряжение. Это письмо вручено Корнелию, сыну Керона, Грифону, сыну Фейдиона, Дорофею, сыну Иоанна. Составлено оно за четыре дня до июльских календ[2], в консульство Юлия Руфа и Помпея Сильвана».

3. Тогда же Ирод, брат покойного Агриппы, управлявший в это время Халкидой, обратился к императору Клавдию с просьбой предоставить ему право заведования (иерусалимским) храмом, его суммами и назначением первосвященников. Клавдий согласился на это. С того времени право это оставалось за всеми его потомками — вплоть до конца (иудейской войны). Между прочим, Ирод сместил первосвященника, прозванного Канферой, и предоставил его сан Иосифу, сыну Камея.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Около того же времени адиабенская царица Елена и ее сын Изат приняли иудаизм. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство.

Царь Адиабены, Монобаз, известный также под именем Базея, влюбился в свою сестру Елену и стал жить с ней. Затем она забеременела. Когда он однажды спал с ней, то случайно во сне прикоснулся рукой к ее животу. Тут ему показалось, будто он слышит голос, требующий, чтобы он отнял руку и не повредил бы младенца в утробе жены своей, так как это дитя зачалось по особенному желанию Господа Бога и будет всю свою жизнь счастливо. Голос поразил царя, который тотчас же проснулся и сообщил обо всем жене. Когда у них родился сын, царь назвал его Изатом. У Монобаза был еще другой, старший сын от Елены, равно как были другие сыновья от других жен.

Однако всю свою любовь он очевидно сосредоточил на Изате, как будто бы он был единственным его сыном.

2. В результате получилось то, что другие братья стали завидовать Изату. Вскоре это чувство зависти перешло в ненависть, так как все были огорчены явным предпочтением, которое Изату оказывал отец его. Хотя Монобаз и отлично замечал это, однако он простил других сыновей своих, зная, что они поступают так не по злобе, а потому, что каждый из них считал и себя достойным такой же любви со стороны отца. Однако, опасаясь, как бы ненавидевшие его братья не устроили Изату какой-нибудь неприятности, Монобаз отправил его с большими подарками к Авеннеригу, царю Спасинхараксы[3], и поручил ему позаботиться о безопасности юноши. Авеннериг любезно принял последнего, очень полюбил его и выдал за него замуж свою дочь Симахо, причем подарил ему область, из которой Изат мог извлекать значительные доходы.

3. Состарившись и видя, что ему уже немного остается жить, Монобаз перед смертью захотел повидаться с сыном. Поэтому он послал за ним. Когда Изат прибыл, он сердечнейшим образом приветствовал его и подарил ему область, носящую название Карры[4]. Эта местность отличается обилием смолы амома. Тут же сохраняются и остатки ковчега, в котором, по преданию, Ной спасся во время потопа; эти остатки по сей день показываются всем желающим.

Изат оставался тут вплоть до смерти отца своего. В самый день кончины Монобаза царица Елена послала за всеми высшими начальниками, за сатрапами и теми, кому были вверены ответственные должности. Когда все они явились к ней, она сказала им: «Я полагаю, что вам небезызвестно, что мой покойный муж признал Изата достойным себе преемником на престоле; впрочем, я ожидаю теперь и вашего на этот счет решения; счастлив может быть лишь тот правитель, которому вручается власть не одним человеком, но который получает ее добровольно от многих». Царица сказала все это, чтобы испытать настроение созванных ею лиц. Последние, лишь только услышали слова царицы, преклонились перед нею, по обычаю своей страны, а затем выразили полное сочувствие решению покойного царя и сказали, что охотно повинуются ему, так как Монобаз вполне справедливо предпочел, по их мнению, Изата всем его братьям. Затем они предложили умертвить всех прочих братьев и родст-

ственников, дабы Изат был гарантирован в безопасности и прочности своей власти. Они указывали на то, что, когда эти будут умерщвлены, исчезнет всякий страх из-за ненависти их к Изату. На это Елена выразила им свою признательность за их преданность ей и Изату, но вместе с тем советовала удержаться от умерщвления остальных братьев, хотя бы до тех пор, пока не прибудет Изат и даст им на то свое разрешение. Не убедив таким образом царицу в необходимости избавиться от соперников, придворные стали уговаривать ее по крайней мере арестовать братьев и держать их, для своей же безопасности, в заключении, пока не приедет Изат. Вместе с тем они советовали ей временно поручить бразды правления человеку, которому она наиболее доверяет. Елена согласилась с этим и назначила временно исполняющим обязанности царя старшего сына своего Монобаза. Она сама возложила на него диадему, вручила ему именной перстень отца (у них это называется сампсерой) и велела ему управлять государством до прибытия брата. Последний скоро приехал, узнав о смерти отца. Затем он сменил своего брата Монобаза, который передал ему правление.

4. В то время как Изат жил в Спасинхараксе, некий иудей-купец, по имени Анания, вошел в сношения с женами (покойного) царя и познакомил их с сущностью иудейской религии. Таким образом, Анания при посредстве женщин стал известен также Изату, которого ему тоже удалось склонить на свою сторону, и когда Изат был призван отцом своим в Адиабену, Анания сопровождал его по настоятельной просьбе Изата. Тем временем и Елена, которую просветил другой иудей, приняла иудаизм.

Когда Изат, став царем, прибыл в Адиабену и увидал тут своих братьев и прочих родственников в оковах, он был очень недоволен этим. Считая безбожным не только умерщвлять их, но и томить в темнице, а с другой стороны, не считая безопасным держать их при себе, когда они могли быть злопамятны, он отправил часть их вместе с их семьями в Рим к императору Клавдию, а прочих послал в качестве заложников к парфянскому царю Артабану. Узнав затем, насколько его матери нравятся положения иудейской религии, он поспешил и сам принять эту веру, а так как не мог считать себя настоящим иудеем, пока не принял обрезания, то выразил готовность подвергнуться и этому.

5. Когда же его мать узнала об этом, она пыталась отговорить его и указывала ему на опасность, связанную с таким переходом: ведь он царь и может навлечь на себя неудовольствие своих подданных, которые, узнав об его расположении к иноземцам и их обычаям, смогут не пожелать повиноваться царю-иудею. Так рассуждала Елена и всячески старалась отговорить сына от его намерения; последний между тем передал все ее речи Ананию. Анания вполне согласился со взглядами царицы и стал грозить Изату покинуть его и уехать, если он будет настаивать на своем. При этом Анания указывал на то, что он сам, если все это дело станет известным, должен опасаться и за себя, так как все будут считать именно его виновником такого перехода и наставником царя в столь недостойном деле. Анания присовокуплял, что Изат может поклоняться Господу Богу и не принимая обрезания, если уж он непременно желает примкнуть к иудейству. Такое поклонение, по его мнению, будет гораздо важнее принятия обрезания. Когда же Анания указал еще на то, что Предвечный простит ему это упущение, так как он согласился на него по необходимости и из соображений политического свойства, царь наконец склонился в пользу мнения Ананию. Однако Изат не мог вполне подавить в себе желание подвергнуться обрезанию. После этого к нему однажды прибыл некий Елеазар, галилейский иудей, пользовавшийся славой большого знатока закона. Этот-то человек и склонил Изата подвергнуться обрезанию. Войдя к царю и приветствовав его, Елеазар застал его за чтением Моисеева Пятикнижия и воскликнул: «О царь, ты не исполняешь главного закона и этим грешишь против Господа Бога. Тебе следует не только читать эти законы, но раньше всего исполнять их. Доколе же ты хочешь оставаться необрезанным? Если тебе до сих пор неизвестны законоположения на этот счет и ты не знаешь, в чем заключается настоящее благочестие, то познакомься теперь с этим». При этих словах царь перестал откладывать дело, но перешел в другую комнату, позвал врача и велел ему совершить операцию. Затем он послал за своей матерью и за своим наставником Ананией и сообщил им о случившемся. Последние были поражены и очень испуганы этим, боясь, как бы при распространении известия о поступке царя Изат не подвергся опасности потерять царство, так как подданные не захотят повиноваться человеку,

который предался чужим обычаям; вместе с тем они боялись и за себя, так как их могли признать виновниками всего этого дела. Однако Господь Бог оградил их от осуществления их боязни. Когда Изату и его детям пришлось действительно подвергнуться серьезным опасностям, Он выручал их всегда из затруднительного положения и тем показывал, что люди, уповающие на Него и доверяющиеся Ему одному, постоянно получают награду за свое благочестие.

6. Впрочем, об этом мы поговорим впоследствии. Тем временем мать царя, Елена, видя, что мир в стране не нарушается, что ее сын счастлив, всеми любим и благодаря заступничеству Предвечного заслужил расположение даже иноземных народов, возымела желание поехать в город Иерусалим, поклониться пользовавшемуся знаменитостью храму Господа Бога и принести там благодарственные жертвы. Поэтому она просила сына дать ей на то разрешение. Изат весьма охотно исполнил просьбу матери, распорядился приготовить все нужное для поездки, снабдил ее очень крупной суммой денег и проводил ее довольно далеко, когда она отправилась в Иерусалим. Приезд царицы был весьма полезен и кстати для жителей, потому что в это время город страдал от голода и многие жители умирали от недостатка в съестных припасах. Тогда царица Елена послала нескольких лиц своей свиты с крупными суммами в Александрию для закупки хлеба, а других приближенных — на Кипр за сушеными финиками. Поручения ее были быстро исполнены, и, когда посланные вернулись, она стала раздавать пищу нуждавшимся. Этим благодеянием она навсегда оставила среди нашего народа добрую о себе память. Когда же ее сын Изат узнал об этом голоде, то и он послал значительные деньги иерусалимским начальникам. Распределенные среди нуждающихся, эти суммы спасли многих от жестоких мучений голода. Эта династия вообще оказала нашему городу большие услуги; как мы за то выручали ее, мы расскажем впоследствии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1. Между тем парфянский царь Артабан узнал, что его сатрапы устроили против него заговор. Не считая себя безопасным среди них, он решил уехать к Изату, чтобы просить

его о помощи и о восстановлении своем в царской власти, если это будет возможно. Таким образом, он поехал к нему в сопровождении своих родственников и слуг и встретился на пути с Изатом, которого он сам прекрасно знал, но который не знал его вовсе. Подъехав ближе, Артабан начал с того, что, по обычаю своей страны, пал ниц, а затем уже обратился к нему со следующими словами: «О царь! Не отвращай от меня, явившегося к тебе просителем, взора своего и не относись безучастно к моей просьбе. Меня постигло несчастье, я превратился из царя в частное лицо и теперь прибегаю к твоему заступничеству. Подумай о том, сколь непостоянна судьба, вспомни, что всех нас может постигнуть несчастье, и подумай о моей любви к тебе. Ведь если я буду покинут тобой без помощи, то могут явиться и другие, более смелые злоумышленники, которые восстанут против других царей». Эти слова Артабан произнес со слезами на глазах и низко склонив голову.

Когда Изат узнал имя просителя и увидел его в таком жалком и измученном положении, то немедленно соскочил с коня и воскликнул: «Мужайся, царь, и пусть теперешнее несчастье не сокрушает тебя. Настоящая печаль твоя скоро сменится радостью. Во мне ты найдешь друга и товарища, который будет лучше, чем ты сам рассчитывал: или я верну тебе обратно твой парфянский трон, или предоставлю тебе свой собственный».

2. С этими словами он предложил Артабану сесть на коня, а сам пошел пешком рядом с ним, чтобы оказать ему тем высокую честь. Артабан не мог равнодушно отнестись к этому, стал отказываться от предложенной ему чести и сказал, что положительно сойдет с коня, если Изат, в свою очередь, не сядет на лошадь и не поедет вперед. Изат наконец уступил его настояниям и также поехал верхом. Привезя затем гостя во дворец, он стал оказывать ему всевозможный почет, сажая его во время заседаний и обедов на первое место. При этом он не взирал на теперешнее его положение, но делал все это из уважения к его прежнему сану, отлично сознавая, что всякого человека могут постигнуть превратности судьбы. Вместе с тем Изат написал парфянам письмо, убеждая их вновь принять к себе своего царя Артабана, причем ручался им клятвенно и своим царским словом, что всем им будет дарована амнистия.

Хотя парфяне и не отказывались вновь принять к себе Артабана, однако они ответили, что это им теперь невозможно потому, что они уже доверили власть другому лицу (его звали Киннамоном) и теперь опасаются, как бы среди них из-за этого не произошли волнения. Когда Киннамон узнал об этом ответе парфян, он немедленно сам написал Артабану (воспитанником которого он был; Киннамон отличался добрым и благородным сердцем), чтобы тот доверился ему и приехал назад получить от него обратно бразды правления. Артабан доверился ему и поехал. Киннамон же выехал ему навстречу, преклонился перед ним, как перед царем, и, сняв со своей головы диадему, возложил ее на голову Артабана.

3. Таким образом, Артабан при содействии Изата вернул себе трон, которого раньше лишился благодаря своим сановникам. Он не забывал оказанных ему Изатом благодеяний, но старался воздать ему за это тем, что у парфян считается особенно почетным, а именно — он разрешил ему носить прямую тиару и спать на золотой кровати.

Эти привилегии принадлежат одним только парфянским царям. Вместе с тем он предоставил Изату также обширную и плодородную область, которую отнял у армянского царя. Имя этой области — Низибис; тут когда-то македоняне основали город Антиохию, прозванную Епимигдонийской.

4. Таким почетом парфянский царь отличил Изата. Вскоре затем, однако, Артабан умер и оставил царство сыну своему Вардану. Прибыв к Изату и намереваясь начать войну с римлянами, этот Вардан просил его о помощи и предложил примкнуть к нему. Однако Изат не согласился, потому что знал силу и удаль римлян и не считал возможным помериться с ними. Вместе с тем Изат послал своих пятерых сыновей, находившихся еще в юном возрасте, в Иерусалим, чтобы они там научились нашему языку и законам и получили законченное образование. Он очень охотно, как я уже упомянул выше, отпускал свою мать на поклонение храму. Тем временем, постоянными рассказами о могуществе и подвигах римлян, он старался удержать Вардана от его намерения, рассчитывая таким образом запугать его и подавить в нем желание воевать с римлянами. В конце концов парфянин на все это рассердился и объявил войну самому Изату; однако он не привел своей угрозы в исполнение, потому что Предвечный

расстроил все его планы. Дело в том, что парфяне, узнав характер Вардана и его решение вступить в борьбу с римлянами, умертвили его, а царство передали его брату Котарду. Впрочем, и этот немного времени спустя пал жертвой заговора, и преемником ему стал его брат Вологез, который, в свою очередь, доверил две большие части своих владений двум братьям своим, а именно — отдал область мидийскую старшему брату Пакору, а Армению — младшему, Тиридату.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Тем временем брат Изата, Монобаз, и его родственники видели благочестие царя, его душевную чистоту и то, насколько он любим всеми. Поэтому они и сами пожелали отказаться от своей религии и принять иудаизм. Действительно, это свое намерение они и привели в исполнение. Между тем их поступок стал известен среди подданных; сановники очень рассердились на это, но, впрочем, не выказывали гнева, имея в виду выбрать удобный момент и расправиться с ними. Поэтому они написали Авии, царю арабскому, письмо, в котором обещали ему крупную сумму денег, если он согласится начать поход против их царя. При этом они заявили ему, что в первом же сражении покинут Изата, ибо желают наказать его за его вероотступничество. Они готовы были связать себя с Авией клятвенным договором и просили его явиться поскорее. Арабский царь согласился на это и, не откладывая, во главе большой рати двинулся против Изата. В первой же стычке, даже еще до начала настоящего рукопашного боя, все заговорщики по данному знаку покинули Изата и, будто охваченные паническим ужасом, повернули тыл и бросились бежать. Впрочем, Изат не испугался этого; он понял, что начальствующие лица совершили измену. Поэтому он сам пока отступил к своему лагерю и стал исследовать дело. Когда же он узнал, что действительно было заключено соглашение с царем арабским, он казнил виновных; на следующий день он вновь сразился с врагами, перебил множество их, а всех остальных обратил в бегство. При этом, преследуя самого арабского царя, он добрался до крепости Арсама; он стал упорно осаждать ее и в конце концов взял ее силой. Захватив там крупную добычу, он возвратился в Адиабену. Авию же ему не удалось поймать

жившем, так как он, находясь в таком стесненном положении, раньше чем попасть в руки Изата, сам покончил с собой.

2. Потерпев таким образом неудачу в своем первом предприятии, так как Предвечный выдал их царю с головой, влиятельные адиабенцы, однако, не успокоились на этом, но написали новое письмо, теперь уже к парфянскому царю Вологезу с предложением умертвить Изата и дать им какого-нибудь другого правителя, хотя бы парфянина; они ссылались при этом на свою ненависть к Изату, который изменил их древней вере и ревностно предан чужим обычаям. При этом известии царь парфянский приготовился к войне; но так как у него не было достаточного повода к ней, то он послал Изату требование отказаться от предоставленных ему его отцом (Артабаном) почетных преимуществ. В противном случае он угрожал войной. Изат очень смутился при этом известии; однако отречение от раз дарованных ему прав он считал позорным и боялся этим навлечь на себя обвинение в трусости. С другой же стороны, он также понимал, что даже в случае его отречения парфянский царь не успокоится. Поэтому Изат в такой опасности решил обратиться к всемилосердному Богу. Видя в Нем своего могущественнейшего заступника, он распорядился отвезти детей и женщин в наиболее безопасную крепость, собрать туда весь хлеб и сжечь все сено и подножный корм. Сделав эти приготовления, он стал ожидать врагов. Тем временем парфянский царь, совершая непрерывные переходы, прибыл раньше, чем его ожидали, во главе огромного пешего и конного войска, и расположился станом вблизи реки, отделяющей Адиабену от Мидии. Невдалеке от него и Изат стал лагерем, имея в своем распоряжении около шести тысяч всадников. В это время к Изату явился посланный парфянским царем вестник, который объявил, как велико могущество парфянского царя и что его владения простираются от реки Евфрат до границ Бактрии. При этом он также перечислил всех царей, находившихся у него в зависимости. Посланный грозил, что парфянский царь накажет Изата за его неблагодарность, и говорил, что от власти врага не сможет избавить его даже столь почитаемый им Бог его. Когда вестник кончил, Изат ответил ему, что он знает, насколько могущество парфян больше его собственной власти, однако он знает также и то, что Предвечный мо-

гущественнее всех в мире. Дав такой ответ, он обратился с молитвой к Богу, пал ниц, посыпал главу пеплом и стал с женами и детьми своими поститься. Затем он обратился к Господу Богу со следующей мольбой: «Всевышний! Если я не напрасно уповал на Твою милость, считая Тебя главным заступником и владыкой, яви мне теперь свою помощь и отрази врагов не столько ради меня, сколько потому, что они дерзко отзывались о Твоем могуществе и не сдержали своего нахального языка». Так со слезами и стенаниями молил Изат Предвечного, и Господь услышал его: еще в ту же ночь, пока царь молился, Вологез получил письмо с извещением, что даи и саки[5] собрали огромное войско, воспользовались его отсутствием и предают страну парфянскую разграблению. Поэтому Вологез тотчас вернулся назад, не причинив Изату ни малейшего вреда. Таким образом Изат благодаря заступничеству Предвечного счастливо избавился от грозного парфянского царя.

3. Немного времени спустя Изат умер пятидесяти пяти лет от роду, на двадцать четвертом году своего правления. Он оставил после себя 24 сыновей и столько же дочерей. Преемником он назначил своего брата Монобаза в благодарность за то, что он во время его отсутствия, после смерти отца их, так верно сохранил ему престол. Когда Елена узнала о смерти сына, то очень опечалилась, как и подобало матери, лишившейся столь благочестивого сына. Вместе с тем ей послужило утешением известие, что преемником ему стал старший брат его. Она немедленно поспешила к Монобазу. По прибытии своем в Адиабену Елена недолго пережила сына своего Изата, но вскоре умерла от старости и от тоски по нему. Монобаз отправил останки ее и брата в Иерусалим, где распорядился похоронить их в тех трех пирамидах, которые в расстоянии трех стадий от города воздвигла Елена. О деяниях же царя Монобаза во время его царствования мы расскажем впоследствии.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1. Во время наместничества Фада в Иудее, некий Февда[6], обманщик, уговорил большую массу народа забрать с собой все имущество и пойти за ним, Февдой, к реке Иордан. Он

выдавал себя за пророка и уверял, что прикажет реке расступиться и без труда пропустить их. Этими словами он многих ввел в заблуждение. Однако Фад не допустил их безумия. Он выслал против них отряд конницы, которая неожиданно нагрянула на них, многих из них перебила и многих захватила живьем. Остервенившись, воины отрубили самому Февде голову и повезли ее в Иерусалим[7]. Это было все, что случилось выдающегося у иудеев во времена наместничества Кусния Фада.

2. Преемником Фада стал Тиверий Александр, сын александрийского алабарха Александра, который выдавался среди своих сограждан как знатностью происхождения, так и богатством. Вместе с тем алабарх отличался также благочестием, тогда как сын его не оставался верен древним традициям. В это же самое время случился в Иудее и тот большой голод, когда, как я рассказал выше, царица Елена на большие деньги закупила хлеба в Египте и раздала его нуждавшимся. Тогда же были казнены и сыновья галилеянина Иуды, Иаков и Симон, которые, как мы упомянули выше, во время переписи Квирина возбудили народ к отпадению от римлян. Александр велел их пригвоздить к кресту. Тогда же и халкидский царь Ирод сместил первосвященника Иосифа, сына Кемея, и передал эту должность Ананию, сыну Недевея.

Преемником Тиверия Александра стал Куман. При нем умер Ирод, брат царя Агриппы Великого, на восьмом году правления императора Клавдия. Он оставил после себя троих сыновей: Аристовула, которого родила ему его первая жена, Береникиана, и Гиркана от дочери своего брата, Береники. Царство Ирода император Клавдий передал Агриппе Младшему.

3. Во времена наместничества Кумана в Иудее в Иерусалиме произошли волнения, причем погибли многие из иудеев. Но сперва я расскажу о причине этого волнения. Когда наступил праздник Пасхи, в который у нас принято есть опресноки, и когда отовсюду в город стеклось большое количество народа, Куман стал опасаться, как бы не произошли беспорядки. Поэтому он приказал одному отряду солдат с оружием в руках занять галереи храма и подавлять в случае необходимости всякий беспорядок. Так обыкновенно поступали во время празднеств и прежние наместники.

На четвертый день праздника какой-то солдат позволил себе непристойную выходку в храме перед народом, который при виде этого рассвирепел, говоря, что солдат оскорбил не их, но самого Господа Бога. Некоторые из более смелых иудеев стали даже поносить Кумана, указывая на то, что он разрешил это солдату. Когда Куман узнал об этом, он сам крайне рассердился и стал увещевать народ успокоиться, не волноваться и избегать смут и волнений. Но он не мог убедить их; они еще более поносили его. Тогда он собрал все войска и повел их в полном вооружении в замок Антонию, который, как мы уже раньше упоминали, примыкал к самому храму. При виде солдат толпа испугалась и бросилась бежать. Но улицы были узки, и народ, предполагая погоню врагов, стал тесниться и толкаться, и таким образом на улицах были задавлены во время этого бегства многие; число человеческих жертв тут было исчислено в двадцать тысяч. Таким образом праздник обратился в печаль. Народ оставил свои молитвы и жертвоприношения, плакал и предавался горю. Вот какое бедствие навлек на народ святотатственный поступок одного солдата.

4. Еще не успели люди успокоиться от постигшего их горя, как произошло новое бедствие. Дело в том, что несколько людей, искавших повода к смутам, напали на большой дороге в расстоянии ста стадий от города на ехавшего там императорского чиновника Стефана и окончательно ограбили его. Узнав о том, Куман немедленно выслал воинов с приказанием разграбить ближайшие местности и, схватив наиболее видных представителей населения, доставить их в оковах к нему, чтобы он мог привлечь их к ответу за содеянное. В то время как воины предавали местность разграблению, какой-то безрассудный молодой солдат нашел в одной деревне хранившийся там экземпляр Моисеева законодательства. Вытащив этот свиток, солдат бессовестно разодрал его на глазах у всех, причем глумился, ругался и всячески издевался над ним. Узнав об этом, иудеи собрались в большом числе и отправились в Цезарею, где находился тогда Куман. Тут они просили отомстить не за них, но за Предвечного, законы которого подверглись поруганию. Они при этом указывали на то, что не могут оставаться долее в живых, если их старинные установления попираются таким образом. В свою очередь, Куман

опасался новых народных волнений. Поэтому он, по совету друзей своих, велел отрубить виновному солдату голову и тем подавил уже готовое вспыхнуть восстание[8].

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1. Между самарянами и иудеями произошла распря по следующей причине: галилеяне, которые отправлялись во время праздников в священный город, имели обыкновение проходить через пределы Самарии. И вот, когда они однажды держали таким образом путь свой, из деревни Гинеи, лежавшей между Самарией и Великой равниной, на галилеян напало несколько человек и перебило множество их. Узнав об этом происшествии, именитые галилеяне явились к Куману и просили его отомстить за смерть невинно погибших. Однако Куман дал себя подкупить крупной суммой денег, полученных от самарян, принял их сторону и отказался от наказания виновных. На это галилеяне рассердились и стали уговаривать народ иудейский взяться за оружие, перебить врагов и тем отстоять свою свободу, потому что, как говорили они, рабство само по себе уже тяжело и становится совершенно нестерпимым, если связано с глумлением. Хотя начальники и пытались умиротворить их и положить предел волнениям и обещали склонить Кумана к наказанию убийц, однако они ничего не добились: иудеи взялись за оружие, призвали к себе на помощь Елеазара, сына Динея (то был разбойник, уже много лет хозяйничавший в горах), подожгли несколько самарянских деревень и предали их разграблению.

Когда весть об этом деле дошла до Кумана, он взял себастийский отряд и четыре роты пехоты, вооружил также самарян и двинулся против иудеев. Сойдясь с ними, он многих из них перебил, а еще большее количество их взял в плен. Видя, до какого ужасного бедствия дожил народ, наиболее почитаемые и родовитые граждане облеклись в мешки, посыпали головы пеплом и все вместе стали уговаривать возмутившихся успокоиться. Они наглядно представляли толпе, как погибнет от этого родина, как будет предан пламени храм, как их жены и дети попадут в рабство, и убеждали их опомниться, бросить оружие, успокоиться на будущее время и разойтись по домам. Эти увещания имели успех. Народ разошел-

ся, а разбойники вновь удалились в свои неприступные убежища. С той поры вся Иудея наполнилась разбойниками.

2. В это время главные представители самарян отправились к сирийскому наместнику Уммидию Квадрату, который тогда жил в Тире, с жалобой на то, что иудеи сожгли и разграбили их деревни. При этом самаряне заявляли не столько о своем личном неудовольствии, сколько указывали на то, что иудеи отнеслись презрительно к римлянам; им бы следовало обратиться к их суду, если они почувствовали себя обиженными, вместо того чтобы самостоятельно совершать набеги, как будто бы римляне не были хозяевами страны. Ввиду всего этого они, самаряне, и явились к нему с просьбой взыскать с виновных. Так формулировали обвинение самаряне; иудеи же, со своей стороны, говорили, что виновниками всей смуты и военных действий являются самаряне, уже потому, что они задобрили Кумана дарами, так что тот не дал хода делу об умерщвлении (галилеян). Когда Квадрат узнал об этом, он отложил постановление своего решения, сказав, что сделает это, когда приедет в Иудею, в точности расследует все дело и узнает истину. Таким образом, те уехали ни с чем.

Немного погодя Квадрат прибыл в Самарию, где предполагал найти виновных в смутах самарян. Когда же он узнал, что и некоторые иудеи находились в числе бунтовщиков, он распорядился пригвоздить к кресту тех, которых забрал Куман. Отсюда он поехал в деревню Лидду, которая, впрочем, по величине своей не уступала целому городу. Здесь он вторично стал публично творить суд над самарянами. Тут ему сообщил один самарянин, что некий влиятельный иудей, по имени Дорт, и вместе с ним четыре бунтовщика уговаривали народ отложиться от римлян.

Квадрат распорядился казнить виновных, первосвященника же Ананию и военачальника Анана велел заковать в цепи и отправить в Рим, чтобы они там дали ответ императору Клавдию о всем случившемся. Вместе с тем он предписал наиболее влиятельным самарянам и иудеям, равно как наместнику Куману и трибуну Целеру, отправиться в Италию к императору, который-де разберет их жалобы друг на друга. Сам же он, опасаясь новых волнений со стороны иудеев, поехал в Иерусалим. Однако он нашел город спокойным и занятым отправлением праздника в честь Предвечного.

Убедившись таким образом, что ему нечего бояться волнений, он покинул иудеев и вернулся в Антиохию.

3. Когда Куман и влиятельнейшие самаряне прибыли в Рим, император назначил день для разбора их взаимных жалоб друг на друга. Императорские вольноотпущенники и приближенные тем временем усердно хлопотали за Кумана и самарян, и те, наверное, одержали бы верх над иудеями, если бы случайно находившийся в Риме Агриппа Младший, видя интриги против иудеев, не обратился к императрице Агриппине с настоятельной просьбой уговорить мужа внимательно и беспристрастно отнестись ко всему делу и уже тогда наказать настоящих виновников смуты. Подготовленный этим путем, Клавдий выслушал дело, признал самарян главными зачинщиками и приказал казнить тех из них, которые явились к нему. Кумана он приговорил к ссылке, трибуна же Целера велел отвезти в Иерусалим, позорно провезти по всему городу, чтобы все видели его, и затем подвергнуть казни[9].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1. После этого Клавдий послал в качестве правителя в Иудею Феликса, брата Палланта. На тринадцатом году своего правления император отдал Агриппе тетрархию Филиппа, и Батанею, и Трахон с Авилой (входившие некогда в состав тетрархии Лисания). Вместе с тем, однако, он отнял у него Халкиду, после того как Агриппа правил ею в течение четырех лет. Получив эти области в удел от императора, Агриппа выдал свою сестру Друсиллу замуж за эмесского царя Азиза, пожелавшего принять обрезание. Дело в том, что Епифан, сын царя Антиоха, отклонил брак с ней, не желая принимать иудаизм, хотя он раньше и обещал ее отцу сделать это. Мариамну Агриппа выдал за Архелая, сына Хелкия; она уже раньше еще отцом Агриппы была объявлена невестой Архелая. От этого брака родилась дочь Береника.

2. Впрочем, немного спустя расстроился брак Друсиллы с Азизом. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство.

В то время наместником Иудеи был Феликс[10]. Когда он увидал Друсиллу, отличавшуюся необыкновенной красотой, он захотел сблизиться с этой женщиной. Поэтому он подо-

слал к ней некоего Симона, иудея, происходившего с острова Кипр и выдававшего себя за мага, и стал уговаривать ее бросить мужа и выйти замуж за него, Феликса. При этом он, в случае ее согласия, обещал сделать все для ее счастья. Друсилла была настолько испорченной, что дала себя уговорить преступить закон и выйти замуж за Феликса. К этому ее, между прочим, побудило также желание избавиться от постоянного выражения зависти со стороны своей сестры Береники, которая немало досаждала ей за ее красоту. Она родила затем Феликсу сына, которого назвала Агриппой. О том, каким образом этот юноша погиб вместе со своей матерью при извержении горы Везувий во времена императора Тита, я расскажу впоследствии.

3. После смерти своего мужа и дяди Ирода Береника долго оставалась вдовой. Но затем, когда стали носиться слухи, будто она живет со своим братом, она уговорила Полемона, царя киликийского, принять обрезание и жениться на ней. Таким путем она рассчитывала покончить со всеми сплетнями. Полемон согласился на это, особенно ввиду ее богатства. Впрочем, этот брак продолжался недолго: Береника, как говорят, вследствие своей невоздержанности, вскоре покинула Полемона, который при этом отказался от иудаизма. Около этого же самого времени и Мариамна бросила Архелая и вышла замуж за Димитрия, родовитого и богатого александрийского иудея, который тогда был там алабархом. Родившегося от этого брака сына она назвала Агриппином. Впрочем, о каждом из них мы впоследствии расскажем подробно.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1. Около этого времени[11] умер император Клавдий, процарствовав тринадцать лет, восемь месяцев и двадцать дней. Между некоторыми лицами распространился слух, что он был отравлен женой своей Агриппиной[12]. Отцом последней был Германик, брат Клавдия. Сперва она была замужем за Домицием Агенобарбом, одним из выдающихся римских граждан. После его смерти она долго вдовела, а затем вышла за Клавдия; у нее тогда был уже сын от первого брака, Домиций. Перед этой женитьбой на Агриппине Клавдий из ревности развелся с женой своей Мессалиной, от которой у него

было двое детей, Британник и Октавия. Кроме того, у него была еще дочь Антония, которую родила ему его первая жена Петина. Октавию он выдал за Нерона, как Клавдий впоследствии, после усыновления, назвал Домиция[13].

2. Агриппина, опасаясь, как бы достигший зрелого возраста Британник не стал преемником отца своего, и желая гарантировать своему собственному сыну (Нерону) престол, отравила, как говорят, Клавдия. Затем она немедленно послала за военачальником Бурром, равно как за трибунами и наиболее влиятельными вольноотпущенниками, чтобы они представили Нерона войскам и провозгласили его императором.

Таким образом власть перешла к Нерону. Он тайно распорядился отравить Британника, а затем недолго спустя уже открыто умертвил родную мать, отплатив ей таким образом не только за то, что она даровала ему жизнь, но и за то, что благодаря ее стараниям он стал римским императором. Вместе с тем он велел убить также жену свою Октавию, равно как целый ряд выдающихся лиц под предлогом, будто они составили заговор против него.

3. Однако довольно об этом! Многие писатели повествовали о Нероне; одни из них, которым он оказывал благодеяния, из признательности к нему извращали истину, другие из ненависти и вражды настолько налгали на него, что не заслуживают никакого извинения. Впрочем, мне не приходится удивляться тем, кто сообщил о Нероне столь лживые данные, так как эти люди не говорили истины даже относительно предшественников его, несмотря на то, что они не имели никакого повода относиться неприязненно к ним и жили гораздо позже их. Однако пусть те, кто не дорожит истиной, пишут о нем как им угодно, если это доставляет им такое удовольствие. Мы же на первом плане ставили истину и потому коснулись лишь вскользь всего того, что не относится прямо к нашему предмету[14], касательно же иудейских дел мы распространяемся подробно, не останавливаясь ни перед постигшими иудеев бедствиями, ни перед их ошибками. Итак, я возвращаюсь к своему повествованию о наших внутренних делах.

4. В первый же год правления Нерона умер эмесский царь Азиз, и преемником его стал его брат Соэм. Управление Малой Арменией Нерон поручил Аристовулу, сыну халкидско-

го царя Ирода. Агриппе он отдал часть Галилеи, Тивериаду и Тарихею, равно как перейский город Юлиаду и двадцать четыре окрестные деревни.

5. Между тем дела Иудеи приходили со дня на день в больший упадок. Страна вновь наполнилась разбойниками и обманщиками, которые вводили простонародье в заблуждение. Тем временем Феликс ежедневно ловил и казнил как тех, так и других. Так, например, он хитростью захватил Елеазара, сына Динея, собравшего вокруг себя огромную шайку разбойников, уверениями полнейшей безопасности он заманил его к себе, затем велел заковать в оковы и отправил его в Рим. Особенную неприязнь Феликс питал к первосвященнику Ионафу за то, что тот часто напоминал ему о необходимости лучшего управления иудейскими делами, дабы Феликс, которого император по просьбе Ионафа же послал наместником в Иудею, не навлекал на себя ненависти народа. Поэтому Феликс стал придумывать предлог, под которым он мог бы избавиться от столь тягостного ему Ионафа, потому что постоянные увещевания тяжелы тем, кто имеет в виду поступать противозаконно. По этой причине Феликс за огромную сумму денег подкупил одного из преданнейших друзей Ионафа, иерусалимского жителя Дораса, и уговорил его подослать к Ионафу наемных убийц. Дорас согласился и следующим образом решил привести, при помощи убийц, в исполнение свой замысел: несколько человек отправились в город под предлогом поклониться Господу Богу; при этом у них под платьем были спрятаны ножи. Затем они приблизились к Ионафу, обступили его и покончили с ним. Так как это убийство прошло безнаказанным, то разбойники впоследствии стали совершенно безбоязненно являться во время праздников в город, держа под платьем ножи наготове. Затем они смешивались с народной толпой и убивали тут как своих личных врагов, так и тех, против которых их нанимали за деньги. Это они делали не только в пределах города, но и в самом храме, так как не стеснялись осквернять святилище столь святотатственными убийствами. Поэтому, полагаю я, и Господь Бог, в гневе на такое кощунство, лишил нас нашего города и напустил на нас римлян, не видя более в своем храме прежней его чистоты и незапятнанности, предал город всеочищающему пламени и дал увести нас с женами и деть-

ми в рабство, желая, чтобы мы образумились при таких бедствиях.

6. Итак, деяния убийц преисполнили весь город ужасом. Тем временем разные проходимцы и обманщики старались побудить народ последовать за ними в пустыню, где обещали ему явить всякие чудеса и необыкновенные вещи[15], которые будто бы должны случиться по желанию Предвечного. Многие поверили этому и (жестоко) поплатились за свое безумие, потому что Феликс возвращал их обратно и наказывал. Около того же времени в Иерусалим явился некий египтянин, выдававший себя за пророка; он уговорил простой народ отправиться вместе с ним к Елеонской горе, отстоящей от города на расстоянии пяти стадий. Тут он обещал легковерным иудеям показать, как по его мановению падут иерусалимские стены, так что, по его словам, они будто бы свободно пройдут в город. Когда Феликс узнал об этом, он приказал войскам вооружиться; затем он во главе большого конного и пешего отряда выступил из Иерусалима и нагрянул на приверженцев египтянина. При этом он умертвил четыреста человек, а двести захватил живьем. Между тем египтянину удалось бежать из битвы и исчезнуть[16]. Впрочем, разбойники вновь стали побуждать народ к войне против римлян, говоря, что не следует повиноваться. При этом они разграбляли и сжигали деревни тех, кто не примыкал к ним[17].

7. Около того же времени возникли разногласия и между иудейским населением Цезареи и ее сирийскими жителями из-за вопроса о политической равноправности. Дело в том, что иудеи требовали себе первенства вследствие того, что основатель Цезареи, царь Ирод, был иудейского происхождения. Сирийцы с этим хотя и соглашались, но вместе с тем указывали на то, что Цезарея первоначально называлась Стратоновой Башней и тогда в городе не было ни одного жителя из иудеев. Когда римские чиновники узнали об этом, они распорядились арестовать зачинщиков всей смуты как с той, так и с другой стороны, велели наказать их палочными ударами и таким образом ненадолго подавили волнение. Однако вскоре иудейские жители города, кичась своим богатством и потому презрительно относясь к сирийцам, вновь стали глумиться над последними, имея в виду вызвать их неудовольствие. Сирийцы, правда, уступали иудеям в зажи-

точности, но зато полагались на то обстоятельство, что большинство римских легионеров, там квартировавших, состояло из цезарейцев и себастийцев. Поэтому и они, в свою очередь, некоторое время глумились над иудеями. Впоследствии, однако, дело дошло до того, что они стали кидать друг в друга каменьями, пока много человек с обеих сторон не было ранено и пало. В конце концов, впрочем, победителями остались иудеи.

Когда Феликс заметил, что эта распря переходит в открытую войну, он поспешил уговорить иудеев прекратить ее. Но так как те не повиновались ему, он выпустил на них вооруженных солдат, многих иудеев перебил, а еще большее количество их захватил живьем, причем разрешил солдатам разграбить несколько особенно богатых домов. Более сдержанные и влиятельные иудеи между тем испугались за свою личную безопасность и просили Феликса велеть трубить отбой, вообще пощадить их сограждан и дать им возможность загладить проступок. Феликс внял их просьбам.

8. Около этого времени царь Агриппа передал первосвященство Измаилу, сыну Фаба. Тогда же возникли ссоры и смуты между первосвященниками, священниками и наиболее влиятельными иерусалимскими гражданами. Каждый из враждующих собирал вокруг себя толпу крайне отчаянных и беспокойных приверженцев, становился во главе их и вел их в бой. При столкновениях эти отряды осыпали друг друга сперва бранью, а затем и каменьями. Между тем не было никого, кто бы мог их припугнуть и тем положить предел смуте; напротив, все эти злоупотребления происходили, как будто бы в городе не было начальства. Первосвященники настолько потеряли всякий стыд и дошли до такой дерзости, что решались отправлять своих слуг к гумнам, чтобы забирать там десятину, предназначавшуюся для простых священнослужителей. Таким образом случилось, что несколько бедных священников умерло от голода. Насилия бунтовщиков подавили всякое понятие о справедливости.

9. Когда Нерон назначил Феликсу преемником Порция Феста, наиболее влиятельные из цезарейских иудеев отправились в Рим и там выступили с обвинениями против Феликса. Последний, вероятно, поплатился бы за совершенные над иудеями притеснения, если бы брат Нерона, Палланта,

которого император тогда особенно ценил, не заступился за него. Тогда же главные сирийцы Цезареи путем огромной суммы денег склонили Бурра, бывшего воспитателя Нерона и теперь его греческого секретаря, выхлопотать для них у императора указ, которым бы у иудеев отнималась всякая равноправность. Бурру действительно удалось склонить императора к изданию такого указа, который впоследствии подал повод к разным бедствиям для нашего народа. Дело в том, что когда жившие в Цезарее иудеи узнали об этом указе Нерона в пользу сирийцев, они стали еще более предаваться смутам, пока не дошли до открытой войны[18].

10. Когда Фест прибыл в Иудею, он нашел страну бедствующей от разбойников, которые предавали грабежу и пожарам все селения. Эти разбойники носили название сикариев. Их расплодилось тогда очень много, и они пускали в ход ножи, по величине своей схожие с персидскими акинаками, а по изогнутости с римскими sicae; от этих-то ножей убийцы, умерщвлявшие много народа, и получили название сикариев.

Как мы упоминали выше, они смешивались во время праздников с народной толпой, отовсюду стекавшейся в город для отправления своих религиозных обязанностей, и без труда резали тех, кого желали. Нередко они являлись также в полном вооружении во враждебные им деревни, разграбляли и сжигали их. Фест, между прочим, выслал конный и пеший отряды против людей, введенных в заблуждение неким проходимцем, который обещал им спасение и избавление от всех бедствий, если они пожелают последовать за ним в пустыню. Высланные против них воины перебили как самого обманщика, так и его жертвы.

11. Около этого времени царь Агриппа воздвиг огромное здание вблизи царского дворца в Иерусалиме, у гимназии. Самый же дворец возник еще при асмонеях. Так как этот дворец был расположен на возвышенности, то отсюда открывался прелестнейший вид на город. Лежа там на своем ложе, царь мог оттуда видеть все, что происходило в храме. Когда иудейские главари заметили это, то страшно рассердились, потому что никогда законом не было дозволено глядеть на происходившее в святилище, особливо во время службы. Поэтому они построили у галереи с западной стороны храма

высокую стену, которая не только скрывала вид из царской столовой, но и замыкала вид на западную галерею, тянувшуюся вдоль храма; там римляне ставили караулы во время религиозных иудейских праздников.

Агриппа рассердился на это, но еще более был недоволен наместник Фест, приказавший иудеям снести стену. Те, однако, просили его разрешить им отправить относительно этого дела посольство к Нерону, говоря, что они предпочитают умереть, чем снести какую-либо из построек храма. Фест разрешил им это, и тогда иудеи отправили к Нерону десять наиболее влиятельных лиц из своей среды, равно как первосвященника Измаила и храмового казначея Хелкию.

Выслушав их, Нерон не только простил им их поступок, но и согласился оставить стену; это он сделал в угоду жене своей Поппее (она отличалась истинным благочестием)[19], которая просила его за иудеев. Императрица затем отпустила десять депутатов[20], Хелкию же и Измаила оставила у себя в качестве заложников. Когда царь (Агриппа) узнал о том, он сделал первосвященником сына первосвященника же Симона, Иосифа, прозванного Кавием.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1. Узнав о смерти Феста, император послал в Иудею наместником Альбина. Около того же времени царь (Агриппа) лишил Иосифа первосвященнического сана и назначил преемником ему Анана, сына Анана же. Последний, именно Анан-старший, был очень счастлив: у него было пять сыновей, которые все стали первосвященниками после того, как он сам очень продолжительное время занимал это почетное место.

Такое счастье не выпадало на долю ни одного из наших первосвященников. Анан же младший, о назначении которого мы только что упомянули, имел крутой и весьма неспокойный характер; он принадлежал к партии саддукеев, которые, как мы уже говорили, отличались в судах особенной жестокостью. Будучи таким человеком, Анан полагал, что вследствие смерти Феста и неприбытия пока еще Альбина наступил удобный момент (для удовлетворения своей суровости). Поэтому он собрал синедрион и представил ему Иакова, брата Иисуса, именуемого Христом, равно как нескольких других лиц, обви-

нил их в нарушении законов и приговорил к побитию камнями. Однако все усерднейшие и лучшие законоведы, бывшие (тогда) в городе, отнеслись к этому постановлению неприязненно. Они тайно послали к царю с просьбой запретить Ананну подобные мероприятия на будущее время и указали на то, что и теперь он поступил неправильно. Некоторые из них даже выехали навстречу Альбину, ехавшему из Александрии, и объяснили ему, что Анан не имел права, помимо его разрешения, созывать синедрион. Альбин разделил их мнение на этот счет и написал Анану гневное письмо с угрозой наказать его. Ввиду этого царь Агриппа лишил Анана первосвященства уже три месяца спустя после его назначения и поставил на его место Иисуса, сына Дамнея.

2. Когда Альбин приехал в Иерусалим, он приложил всяческое старание и усердие, чтобы умиротворить страну. При этом он умертвил множество сикариев. Тем временем влияние первосвященника Анана росло со дня на день, и он пользовался любовью и почетом среди своих сограждан. Дело в том, что он давал взаймы деньги и постоянно умел склонять подарками Альбина и другого первосвященника (Иисуса). При этом у него были крайне испорченные слуги, которые в обществе подонков народа отправлялись на гумна и там насильно овладевали предназначавшеюся для простых священнослужителей десятиной; в случае же сопротивления они прибегали к побоям. Так как никто не мог препятствовать этому, то и другие первосвященники делали то же, что и слуги Анана. Тогда-то многим из священников, для которых раньше десятина представляла источник существования, пришлось умереть от голода.

3. Когда во время наступившего праздника сикариям удалось ночью пробраться в город, они схватили письмоводителя, храмового смотрителя Елеазара, который был сыном первосвященника Анана, связали его и увели с собой. Затем они послали к Анану, обещая, что отпустят к нему письмоводителя, если Анан уговорит Альбина освободить захваченных им десять сикариев. Анан был принужден уговорить Альбина, и тот исполнил его просьбу. Между тем этот случай подал повод к большим бедствиям. Теперь разбойники всячески старались захватить кого-нибудь из членов семьи или близких Анана и систематически держать их у себя до тех пор,

пока не получат в обмен нескольких сикариев. Тем временем число последних вновь увеличилось, и они с неслыханной дотоле дерзостью опустошали всю страну.

4. Около этого времени царь Агриппа расширил город Цезарею Филиппу и назвал ее в честь Нерона Нерониадой. Равным образом он с большими издержками воздвиг в Берите театр, в котором ежегодно устраивал на свой счет представления. На это он тратил огромные суммы. Вместе с тем он раздавал народу хлеб и масло. Весь город он украсил статуями и картинами древних мастеров, и вообще почти весь блеск своего двора он перенес именно в этот город. Впрочем, это-то обстоятельство и усилило нерасположение к нему его подданных, потому что он отнимал у них многое для украшения чужого города.

Потом Иисус, сын Гамалиила, был назначен в преемники первосвященнику Иисусу, сыну Дамнея. Результатом этого была ссора, возникшая между ними обоими. Каждый из них собрал вокруг себя толпу отчаянных приверженцев, которые нередко от ругательств переходили к закидыванию друг друга камнями. Тем временем Анан, благодаря своему богатству, пользовался огромным влиянием, так как с помощью денег склонял людей на свою сторону. Также и Костобар и Саул, происходившие из царского рода и пользовавшиеся большой популярностью благодаря своему родству с Агриппой, набрали себе каждый по толпе негодяев, во главе которых совершали всякие насилия и были всегда готовы отнять имущество более слабых. С этого времени для нашего города начались особенно тяжкие бедствия, так как все дела стали клониться к окончательному упадку.

5. Когда Альбин узнал, что прибыл его преемник, Гессий Флор, он пожелал оставить какие-нибудь результаты своего пребывания среди иерусалимцев. Поэтому он велел предать казни всех арестантов, которые заслужили смерть; тех же лиц, которые сидели в тюрьме по каким-либо незначительным и маловажным причинам, он освободил за известную сумму денег. Таким образом, тюрьма, правда, опустела, зато страна наполнилась разбойниками.

6. Те представители левитов, которые исправляли обязанности певчих, обратились к царю с просьбой созвать синедрион и внести предложение о разрешении всем левитам но-

сить такую же льняную одежду, какую носили священники. При этом они говорили, что он таким достойным его правления нововведением сможет снискать себе вечную славу. Просьба их была уважена, и царь, по постановлению членов синедриона, разрешил певчим заменить прежние одежды льняными, как они того желали. Так как одна часть левитов участвовала в храмовом богослужении, то он, по просьбе их, разрешил и им также изучить псалмы. Все это, однако, находилось в противоречии с древними законоположениями, нарушение которых не могло не повлечь за собой наказания.

7. В то время была вполне закончена постройка храма. Когда же народ увидел рабочих, которых было свыше восемнадцати тысяч человек, без дела и понял, что теперь они, по окончании работ, останутся без хлеба, а с другой стороны, из страха перед римлянами не желал копить храмовые деньги, то он, думая о рабочих и имея в виду употребить эти деньги на них (всякий рабочий, который поработал хотя бы один час в день, немедленно получал свой заработок), обратился к царю с просьбой приняться за перестройку восточной галереи храма. Эта галерея тянулась вне храма и была воздвигнута над глубоким обрывом. Она покоилась на стенах, имевших в длину четыреста локтей. Эти стены были сооружены из белого мрамора, каждая глыба которого имела в длину двадцать, а в вышину шесть локтей, и представляли дело царя Соломона; он первый отстроил весь храм. Однако Агриппа, которому император Клавдий поручил заведование делами храма, полагая, что разрушение всякой вещи нетрудно, тогда как тяжело ее создание, особенно же в применении к такой галерее, которая потребует много времени и громадных денежных затрат, отказал населению в этой просьбе. Зато он ничего не имел против того, чтобы весь город был вымощен белым мрамором.

Вместе с тем царь лишил первосвященнического сана Иисуса, сына Гамалиила, и поставил на его место сына Феофила, Матфия, при котором началась война иудеев с римлянами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1. Теперь я считаю необходимым и полезным в видах полноты исторического повествования остановиться на первосвященниках, рассказать о возникновении их, кто удостоился

этой высокой чести и сколько их было всего до окончания (иудейской) войны. По преданию, первым первосвященником был Аарон, брат Моисея; после его смерти преемниками ему немедленно становились сыновья и потомки его, среди которых это звание оставалось наследственным. Поэтому-то и вошло в обычай не назначать никого на эту должность, кто не происходил бы из рода Ааронова. Лицо, принадлежащее к другой семье, даже к царской, не имеет права на первосвященство. И вот всех первосвященников, от упомянутого нами родоначальника их, Аарона, до Финееса, который бунтовщиками был провозглашен первосвященником во время войны, было восемьдесят три. Из них с того времени, как Моисей в пустыне воздвиг Скинию в честь Предвечного, до прибытия (народа) в Иудею, когда царь Соломон построил Господу Богу храм, первосвященствовало тринадцать человек. Сначала они были несменяемы до самой смерти, а затем смещались. Эти тринадцать первосвященников, которые являлись потомками двух сыновей Аарона, последовательно друг за другом удостаивались своего высокого сана. При них государственное устройство иудеев первоначально носило аристократическую, потом единодержавную, а затем царскую (с известными ограничениями) форму. Указанные тринадцать лиц первосвященствовали с того дня, когда предки наши под предводительством Моисея покинули Египет, вплоть до сооружения в Иерусалиме Соломонова храма, то есть в течение шестисот двенадцати лет. После указанных тринадцати лиц звание это принадлежало восемнадцати первосвященникам, а именно: в течение периода от иерусалимского царя Соломона и до нападения Навуходоносора, царя вавилонского, который при этом сжег храм, увел народ в рабство в Вавилонию и захватил в плен первосвященника Иосадака. Эти лица занимали свои должности в течение четырехсот шестидесяти шести лет, шести месяцев и десяти дней.

В это время иудеи управлялись царями. Спустя семьдесят лет после вавилонского пленения персидский царь Кир вновь отпустил живших в Вавилонии иудеев назад на родину и разрешил им воздвигнуть храм. Первосвященническое звание перешло тогда к одному из возвратившихся из плена, именно к Иисусу, сыну Иосадака. Он и его потомки, всего пятнадцать человек, управляли получившим демократический строй госу-

царством в течение трехсот четырнадцати лет, вплоть до царя Антиоха Евпатора. Этот-то упомянутый Антиох вместе со своим военачальником Лисием решили сместить первосвященника Онию и умертвить его в Берее; при этом они обошли его сына и назначили первосвященником Иакима, происходившего, правда, из рода Ааронова, но не принадлежавшего к семье Онии. Поэтому-то другой Ония, двоюродный брат вышеупомянутого, называвшийся так же, как и отец его, отправился в Египет, снискал дружбу Птолемея Филометора и его жены Клеопатры и уговорил их построить в гелиополитанском номе Предвечному храм наподобие иерусалимского и назначить его, Онию, первосвященником. Впрочем, об этом египетском храме мы говорили уже неоднократно.

Между тем Иаким пробыл первосвященником всего три года и затем умер. Ему не тотчас же был назначен преемник, но город в течение семи лет обходился без первосвященника. Затем уже асмонеи, которым было доверено управление народом, по окончании войны с македонянами назначили первосвященником Ионафа, занимавшего эту должность семь лет. Когда же он пал жертвой интриг и заговора Трифона, как мы в свое время рассказали, то первосвященство перешло к брату его Симону. Но и этот, пробыв в своей должности годом дольше брата, был во время обеда коварно умерщвлен своим зятем.

Преемником ему стал его сын Гиркан. Последний был первосвященником в течение тридцати одного года и умер в преклонных летах, оставив сан свой Иуде, прозванному также Аристовулом. Ему наследовал его брат, царь Александр, когда Иуда умер от болезни; этот Иуда был единовременно царем и первосвященником, так как он за год до своей смерти возлел на главу свою царский венец. Александр умер, пробыв царем и первосвященником в течение двадцати семи лет, и поручил жене своей Александре назначить первосвященника по собственному усмотрению. Александра поручила эту должность Гиркану, сама же в течение десяти лет вплоть до своей смерти была царицей. Столько же времени был первосвященником и сын ее Гиркан. Дело в том, что после ее смерти брат Гиркана, Аристовул, вступил в борьбу с ним, победил его и отнял у него власть, которую присвоил себе как царь и как первосвященник. Однако по истечении трех лет и стольких же месяцев его

правления (в Иудею) явился Помпей, силой взял Иерусалим и затем отправил Аристовула с детьми его пленными в Рим. При этом Помпей вернул Гиркану первосвященнический сан и поручил ему управление народом, но в то же время запретил носить диадему. Таким образом, Гиркан был еще двадцать четыре года правителем. После того парфянские князья Барзафарн и Пакор перешли через Евфрат, объявили войну Гиркану, взяли последнего в плен и провозгласили царем сына Аристовула, Антигона. Он успел процарствовать (лишь) три года и три месяца, как Соссий и Ирод осадили его. Затем Антоний повез его в Антиохию и казнил там. После этого царская власть была передана римлянами Ироду (Великому), который не стал более назначать первосвященников из рода асмонеев, но, за исключением одного только Аристовула, передавал этот почетный сан некоторым ничем не выдававшимся, простым священникам. Если же он назначил первосвященником Аристовула, внука взятого парфянами в плен Гиркана и брата жены своей Мариамны, то он сделал это лишь в угоду простонародью, которое высоко чтило память Гиркана. Но так как он впоследствии стал опасаться слишком большой популярности Аристовула, то он, как мы уже рассказали, решил избавиться от него, утопив его во время купанья в Иерихоне. После него Ирод уже более не поручал первосвященства потомкам асмонеев. Подобно Ироду поступали в деле назначения первосвященников также его сын Архелай и римляне, к которым впоследствии перешло управление Иудеей. И вот со времен Ирода вплоть до того дня, когда Тит взял город и сжег храм, было всего двадцать восемь первосвященников в течение ста семи лет. Некоторые из них правили еще при жизни царя Ирода и его сына Архелая. После же смерти их форма правления стала опять аристократической, причем, однако, управление народом было доверено первосвященникам. Однако этого достаточно о первосвященниках.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

1. Между тем Гессий Флор, которого Нерон назначил преемником Альбина, навлек на иудеев большие бедствия. Сам он происходил из города Клазомен и привез с собой свою жену Клеопатру, бывшую в дружбе с женой Нерона, Поппе-

ей. Клеопатра нисколько не отличалась от последней своей испорченностью[21]. Благодаря Поппее Гессий Флор и достиг своего назначения. Флор настолько злоупотреблял своей властью и позволял себе такие насилия, что иудеи, в своем крайнем горе, вспоминали об Альбине как о благодетеле. Последний по крайней мере старался скрывать свою гнусность и заботился о том, чтобы не уронить себя окончательно; Гессий же Флор кичился своими беззакониями относительно нашего народа, как будто бы он был прислан лишь для выказывания своей испорченности: он не упустил ни одного случая, где он мог грабить или обижать людей. Чувство жалости было недоступно ему, и его любостяжание было прямо ненасытно, так что он не делал различия между большим и малым, но делил свою добычу с разбойниками. Большинство последних действовало смело, потому что могло быть уверено в безнаказанности со стороны наместника, которому за это уделялась часть награбленного. Однако это было еще не все. Так как несчастные иудеи не могли дольше сносить грабежей разбойников, то они видели себя принужденными отказаться от своих привычек и массой выселяться, думая найти убежище где бы то ни было среди иноземцев. Чего же еще больше? Флор был тем, кто принудил нас начать войну с римлянами, так как он держался того мнения, что лучше гибнуть многим зараз, чем умерщвлять немногих отдельных лиц. Эта война началась во втором году наместничества Флора и на двенадцатом году правления Нерона.

К чему мы тогда были вынуждены и что нам пришлось перенести, об этом подробно может узнать всякий желающий из моих книг об иудейской войне.

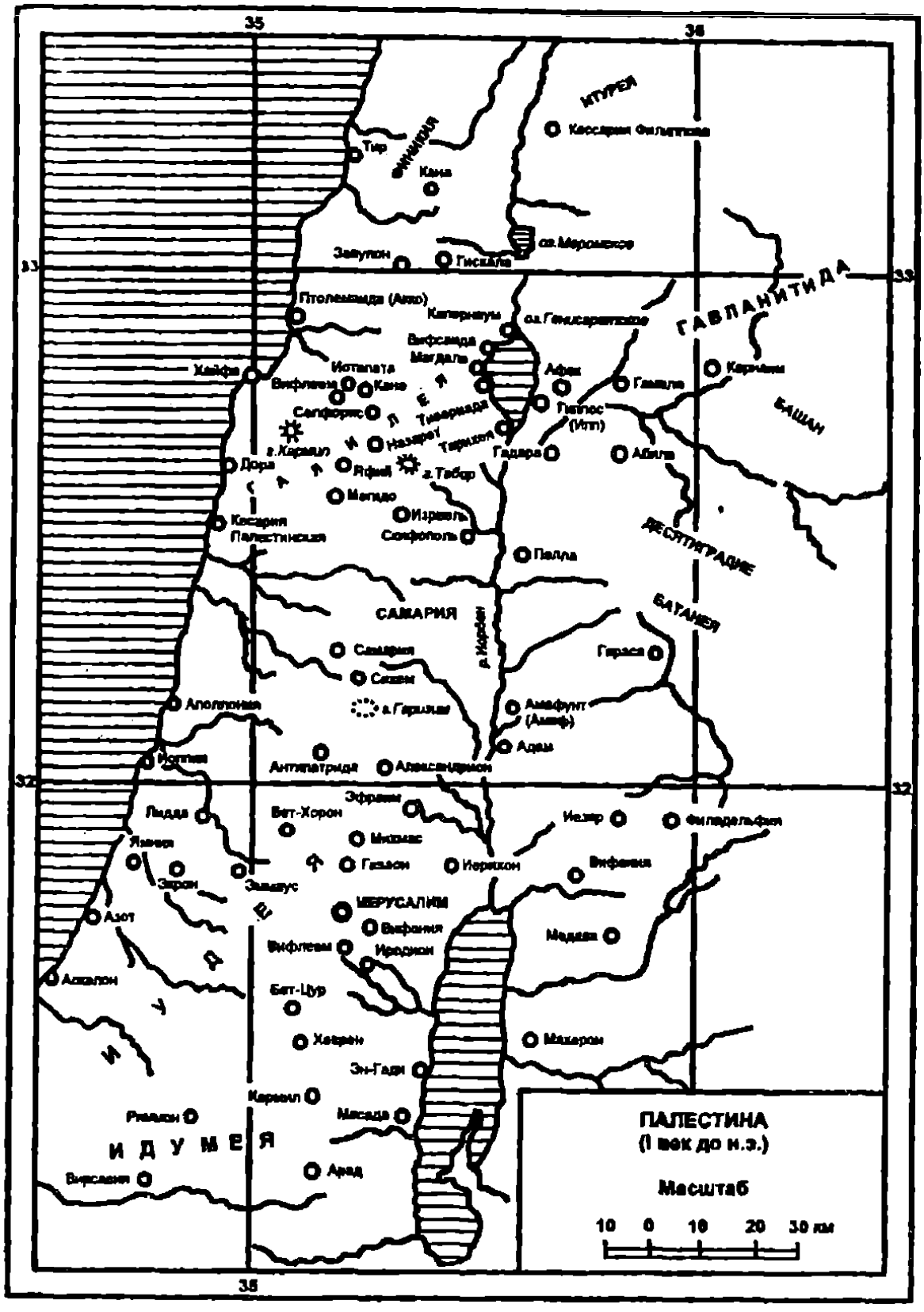
Здесь я закончу свое сочинение «Древности», продолжением которых служит моя книга «Иудейская война». Содержание его обнимает рассказ от возникновения первого человека до двенадцатого года правления Нерона. Тут повествуется о судьбе нашей в Египте, Сирии и Палестине, как мы страдали от ассирийцев и вавилонян, что с нами сделали персы и македоняне и впоследствии римляне. Надеюсь, что все это передано мной с возможной точностью. Вместе с тем я попытался также установить преемство первосвященников за двухтысячелетний период их существования. Равным образом я в точности передал, как я и обещал в начале своего

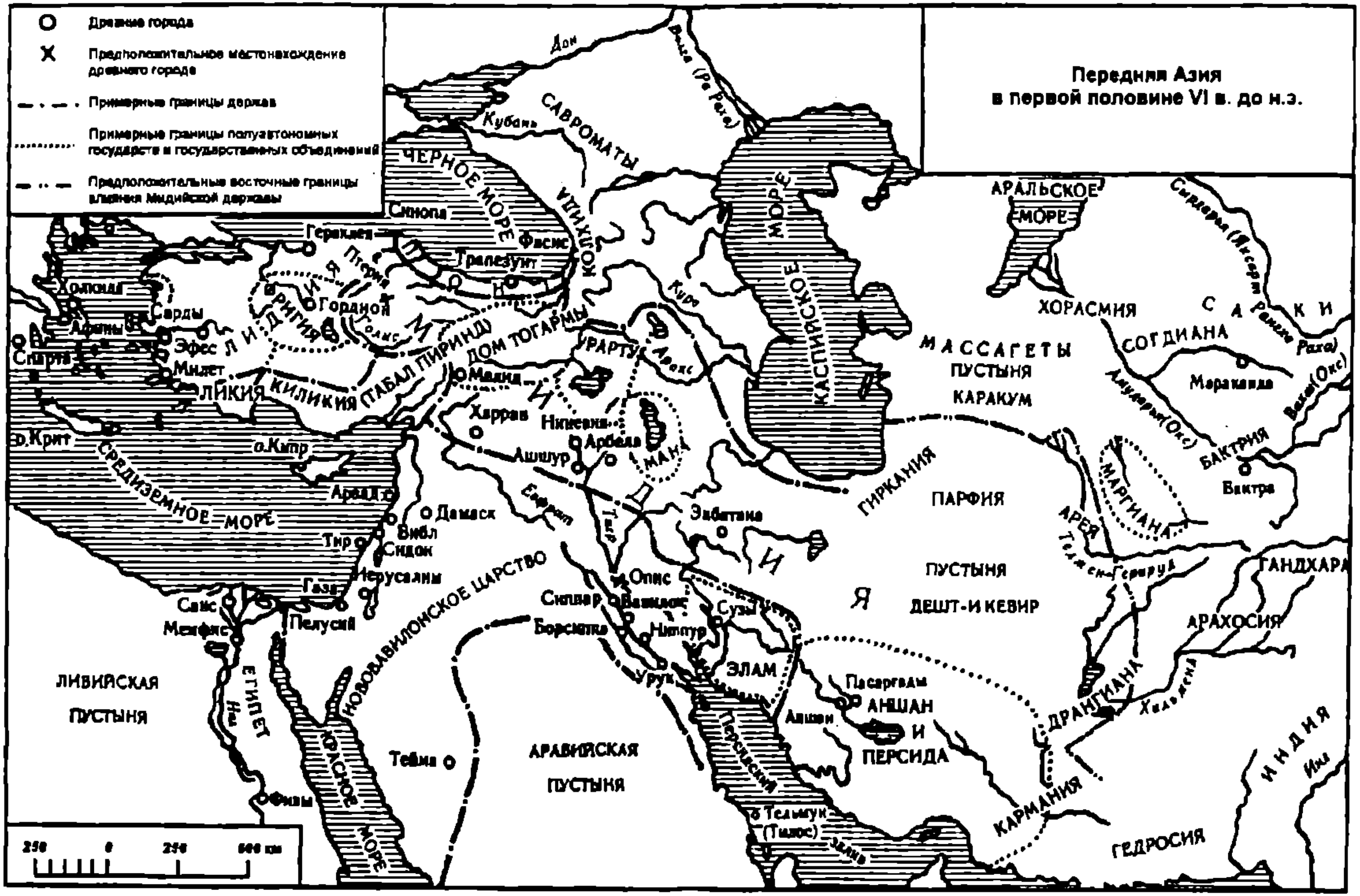
повествования, последовательно историю царей, их деяний и образа правления, равно как пределы их власти сообразно с тем, что имеется об этом в Писании.

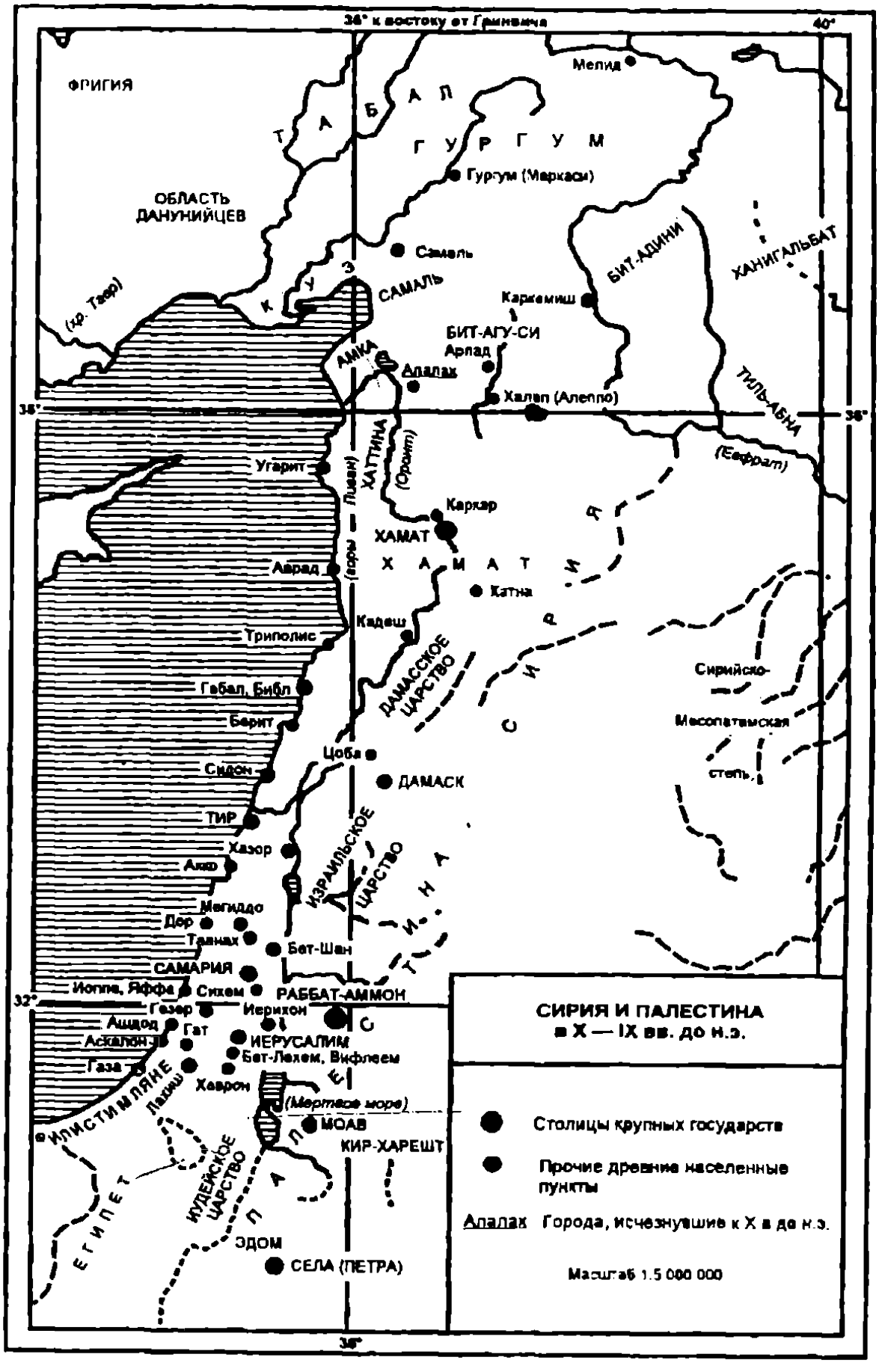
В заключение своего сочинения позволю себе смело сказать, что передать все это настолько подробно по-гречески не смог бы, при всем своем желании, никто другой, будь то иудей или иноземец. Мои соотечественники все согласны с тем, что я являюсь одним из лучших знатоков истории страны нашей. Я старался с большим усердием преодолеть трудности в изучении греческого языка и литературы, основательно усвоив его грамматику. Впрочем, свободно говорить по-гречески мешает мне мое иудейское происхождение. Дело в том, что у нас не уважаются те, кто изучил много языков или умеет украшать речь свою красивыми оборотами. Это уменье считается принадлежностью не только свободнорожденных людей, но и рабов. Лишь те, которые в точности знают закон и отличаются уменьем толковать Св. Писание, признаются истинно образованными людьми. Поэтому-то, хотя многие и трудились над приобретением таких познаний, однако едва двое или трое вполне преуспели в том. Впрочем, за то они и вкусили от плодов трудов своих.

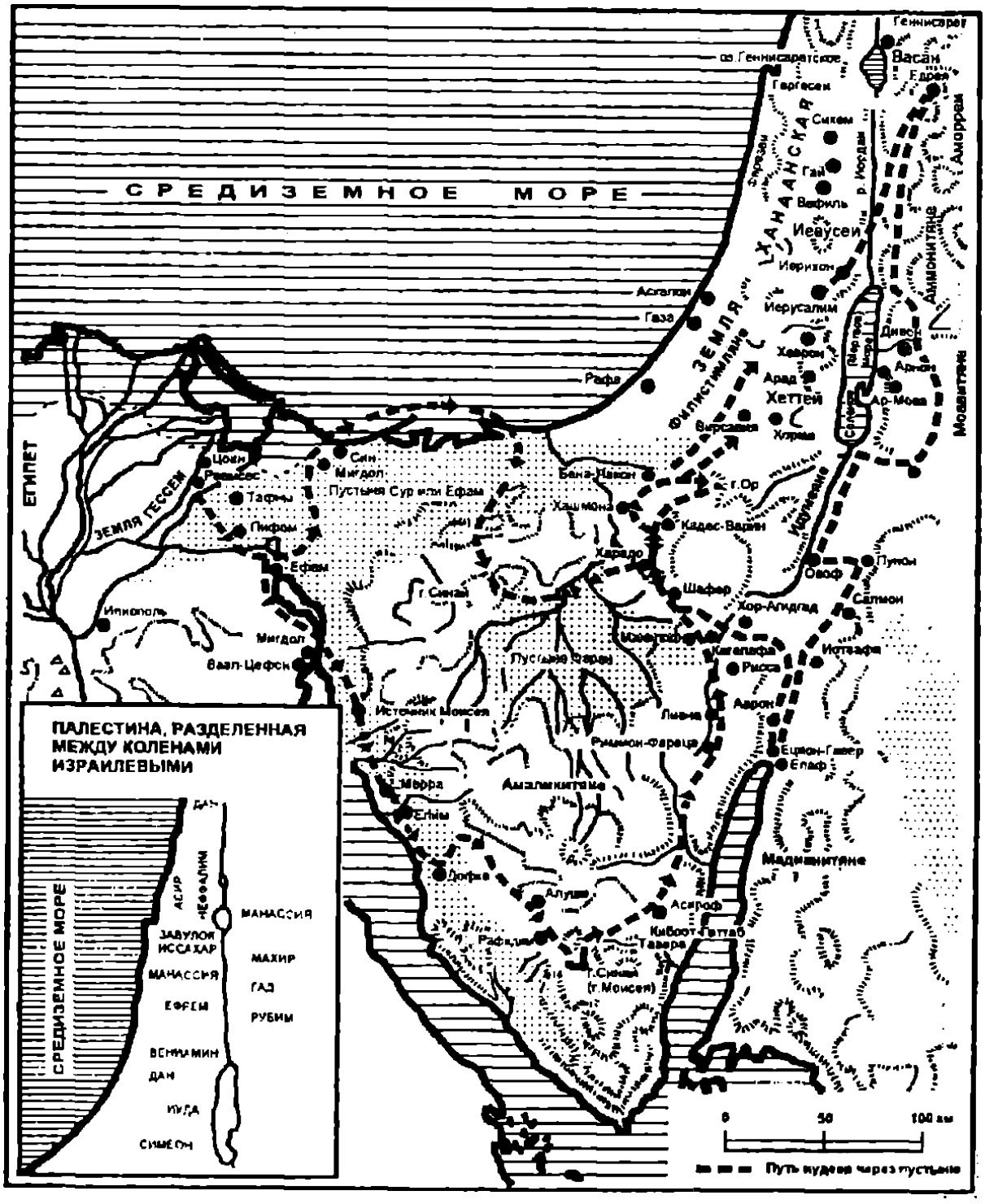
Вероятно, большинству не покажется неуместным и неудобным, если я здесь вкратце упомяну о своем происхождении и о своих деяниях в жизни[22]. Пока живы еще люди, которые могли бы либо изобличить, либо поддержать меня[23].

На этом я и покончу свои «Древности», которые распадаются на двадцать книг и состоят из шестидесяти тысяч строк. Если Господу Богу будет угодно, я впоследствии кратко расскажу об (иудейской) войне и историю нашей иудейской жизни до сегодняшнего дня, то есть до тринадцатого года правления императора Домициана и до пятидесятишестилетнего года моей жизни[24]. Я имею также в виду изложить в четырех книгах наше иудейское вероучение о Господе Боге и Его существе, равно как поговорить о законах и о причинах, почему одно нам разрешено, а другое запрещено[25].

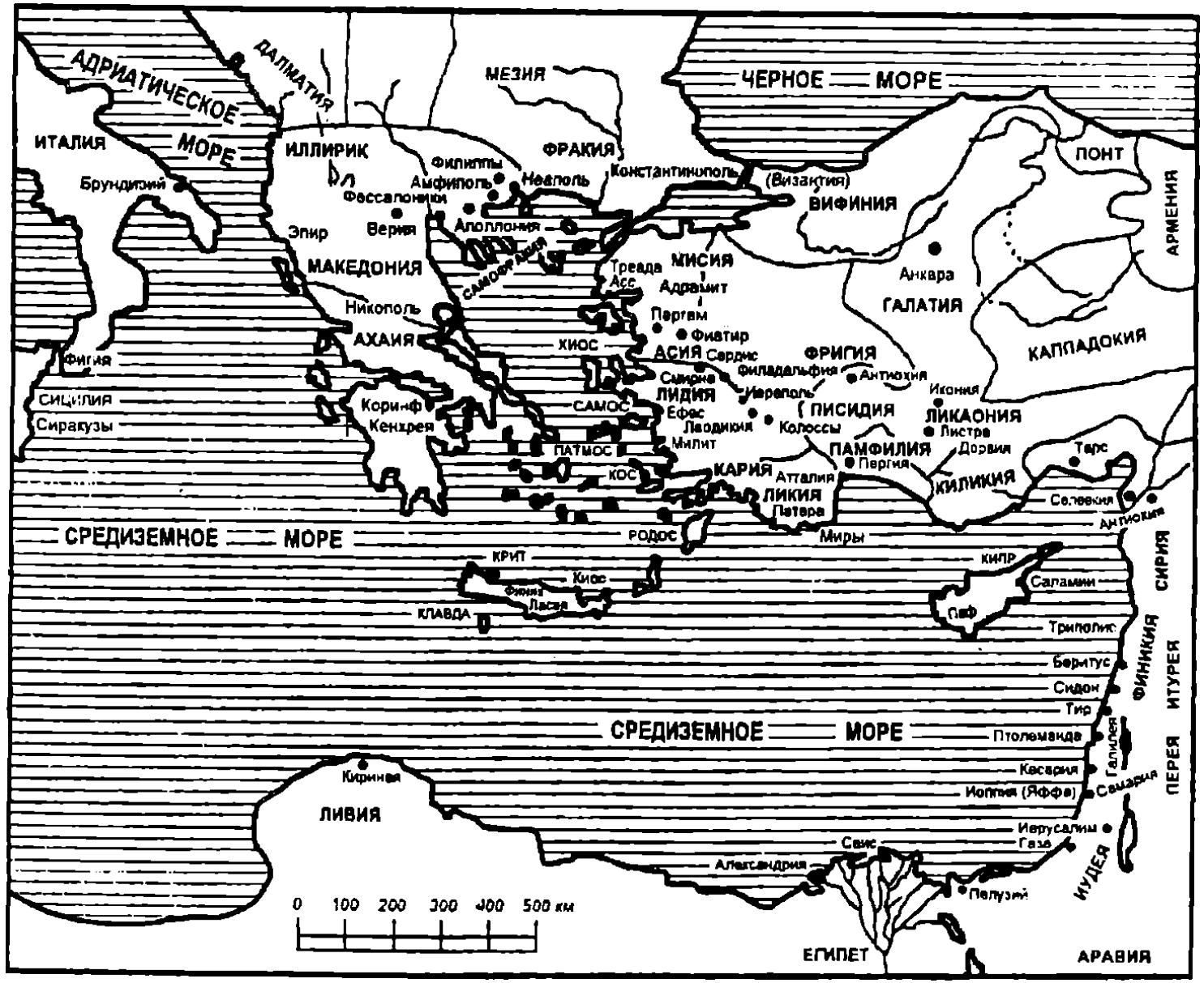

ПАЛЕСТИНА
(I век до н.э.)
Масштаб
10 0 10 20 30 км
ИТУРЕЯ
ФИНИКИЯ
ГАВЛАНИТИДА
БАШАН
ДЕСЯТИГРАДИЕ
БАТАНЕЯ
САМАРИЯ
ИДУМЕЯ
ИУДЕЯ
Тир
Кана
оз. Меромское
Завулон
Гискала
Птолемаида (Акко)
Капернаум
оз. Генисаретское
Вифсаида
Магдала
Хайфа
Иотапата
Вифлеем
Кана
Сепфорис
Тивериада
Афек
Гамала
Карнаим
Гиппос (Илп)
Назарет
Тарихея
Гадара
Абила
Дора
Яфий
г. Табор
Мегидо
Кесария Палестинская
Изреель
Скифополь
Пелла
Самария
Сихем
Гераса
Аполлония
Амафунт (Амаф)
Адам
Иоппия
Антипатрида
Александрион
Эфраим
Лидда
Бет-Хорон
Иезер
Филадельфия
Ямния
Михмас
Гаваон
Иерихон
Вифания
Эхрон
Эммаус
ИЕРУСАЛИМ
Азот
Вифания
Медава
Вифлеем
Иродион
Аскалон
Бет-Цур
Хеврон
Махерон
Эн-Гади
Кармил
Масада
Ривлон
Арад
Вирсавия
35
36
33
32

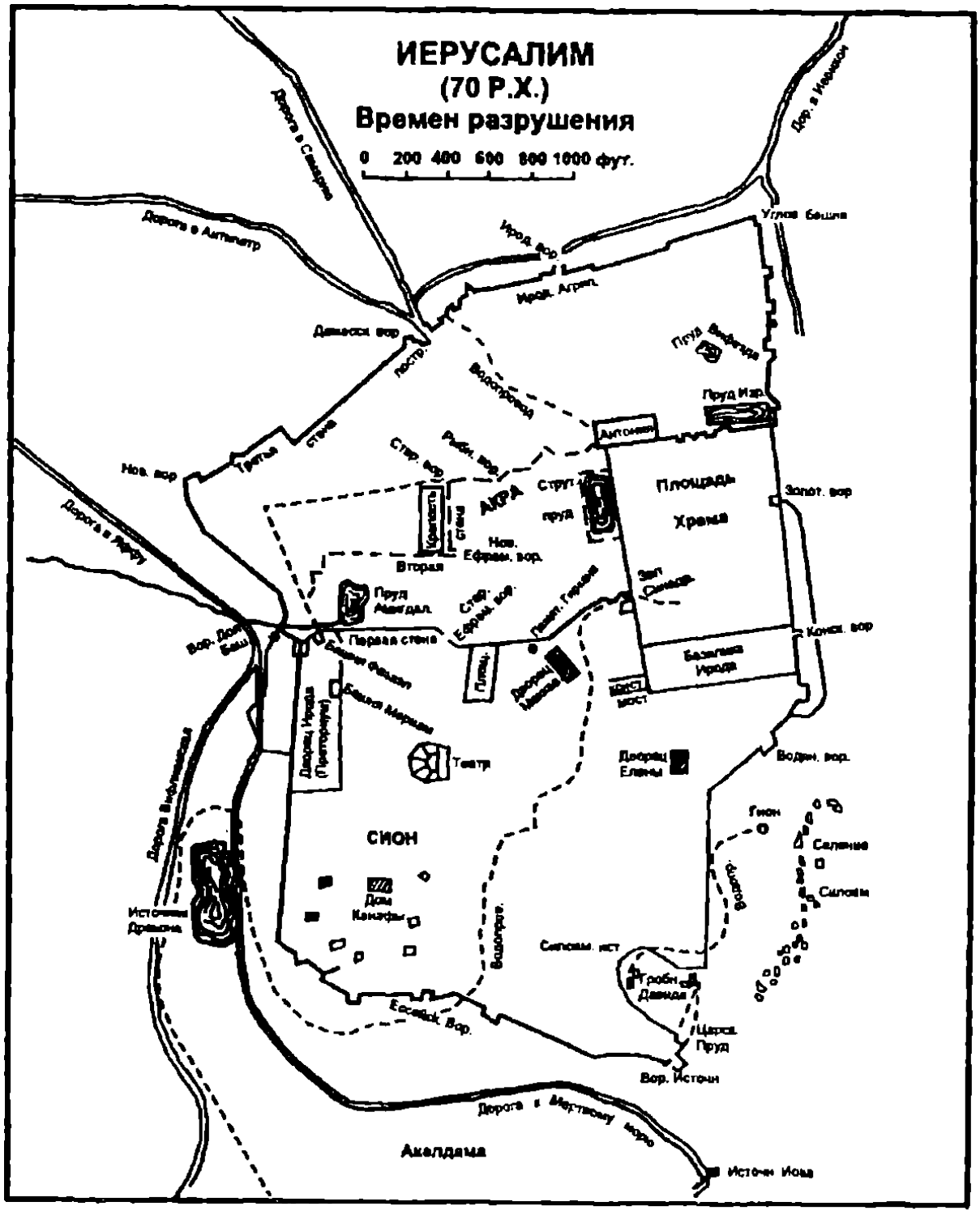

Передняя Азия
в первой половине VI в. до н.э.
Древние города
Предположительное местонахождение древнего города
Примерные границы держав
Примерные границы полуавтономных государств и государственных объединений
Предположительные восточные границы влияния Мидийской державы
ЧЕРНОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
КРАСНОЕ МОРЕ
Персидский залив
САВРОМАТЫ
КОЛХИДА
МАССАГЕТЫ
ПУСТЫНЯ КАРАКУМ
ХОРАСМИЯ
СОГДИАНА
САКИ
БАКТРИЯ
МАРГИАНА
АРЕЯ
ПАРФИЯ
ГИРКАНИЯ
ПУСТЫНЯ ДЕШТ-И-КЕВИР
ГАНДХАРА
АРАХОСИЯ
ДРАНГИАНА
ГЕДРОСИЯ
КАРМАНИЯ
ИНДИЯ
АНШАН И ПЕРСИДА
ЭЛАМ
МАНА
УРАРТУ
ДОМ ТОГАРМЫ
КИЛИКИЯ (ТАБАЛ ПИРИНД)
ЛИКИЯ
ЛИДИЯ
ФРИГИЯ
НОВОВАВИЛОНСКОЕ ЦАРСТВО
АРАВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
ЛИВИЙСКАЯ ПУСТЫНЯ
ЕГИПЕТ
Дон
Волга (Ра Раха)
Кубань
Кура
Аракс
Тигр
Евфрат
Нил
Сырдарья (Яксарт Ранхе Раха)
Амударья (Окс)
Вахш (Окс)
Теджен-Герируд
Хильменд
Инд
Синопа
Гераклея
Трапезунт
Фасис
Птерия
Гордион
Галис
Сарды
Эфес
Милет
Холкида
Афины
Спарта
о. Крит
о. Кипр
Мелид
Харран
Ниневия
Арбела
Ашшур
Арвад
Дамаск
Библ
Тир
Сидон
Иерусалим
Газа
Пелусий
Саис
Мемфис
Фивы
Тейма
Экбатана
Опис
Сиппар
Вавилон
Борсиппа
Ниппур
Урук
Сузы
Аншан
Пасаргады
о. Тельмун (Тилос)
Мараканда
Бактра
250 0 250 500 км


36° к востоку от Гринвича
40°
ФРИГИЯ
ТАБАЛ
ГУРГУМ
Мелид
Гургум (Маркаси)
ОБЛАСТЬ ДАНУНИЙЦЕВ
Самаль
КУЗ
САМАЛЬ
(кр. Тафр)
Каркемиш
БИТ-АДИНИ
ХАНИГАЛЬБАТ
БИТ-АГУ-СИ
Арпад
АМИКА
Алалах
Халеп (Алеппо)
ТИЛЬ-БАРСИП
38°
(Ефрат)
Угарит
ХАТТИНА
(Оронт)
Каркар
ХАМАТ
ХАМАТ
Аврад
(горы Ливан)
Хатна
Кадеш
Триполис
ДАМАССКОЕ ЦАРСТВО
Сирийско-
Месопотамская
степь
Библ
Берит
Цоба
Сидон
ДАМАСК
ТИР
Хазор
Акко
ИЗРАИЛЬСКОЕ ЦАРСТВО
Мегиддо
Дор
Таанах
Бет-Шан
САМАРИЯ
Иоппия, Яффа
Сихем
РАББАТ-АММОН
32°
Гезер
Иерихон
Ашдод
Гат
ИЕРУСАЛИМ
Аскалон
Бет-Лехем, Вифлеем
Газа
Хеврон
ФИЛИСТИМЛЯНЕ
Лахиш
(Мертвое море)
МОАВ
КИР-ХАРЕШТ
ИУДЕЙСКОЕ ЦАРСТВО
ЕГИПЕТ
ЭДОМ
СЕЛА (ПЕТРА)
36°
СИРИЯ И ПАЛЕСТИНА
в X — IX вв. до н.э.
Столицы крупных государств
Прочие древние населенные пункты
Алалах Города, исчезнувшие к X в. до н.э.
Масштаб 1:5 000 000



Путь иудеев через пустыню.
Палестина, разделенная между коленами Израилевыми


АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ДАЛМАТИЯ
МЕЗИЯ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
ИТАЛИЯ
Брундизий
ИЛЛИРИК
Филиппы
Амфиполь
Неаполь
ФРАКИЯ
Константинополь
(Византия)
ВИФИНИЯ
ПОНТ
АРМЕНИЯ
Фессалоники
Верия
Аполлония
Эпир
МАКЕДОНИЯ
САМОФРАКИЯ
Троада
Асс
МИСИЯ
Адрамит
Анкара
ГАЛАТИЯ
Никополь
Пергам
Фиатир
АХАИЯ
ХИОС
АСИЯ
Сардис
ФРИГИЯ
КАППАДОКИЯ
Фигия
Смирна
Филадельфия
Антиохия
Икония
СИЦИЛИЯ
Коринф
Кенхрея
САМОС
ЛИДИЯ
Иерополь
ПИСИДИЯ
ЛИКАОНИЯ
Сиракузы
Ефес
Лаодикия
Колоссы
Листра
Милит
ПАТМОС
ПАМФИЛИЯ
Дорвия
Тарс
КОС
КАРИЯ
Пергия
Атталия
КИЛИКИЯ
ЛИКИЯ
Патара
Селевкия
Антиохия
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
РОДОС
Миры
КРИТ
КИПР
СИРИЯ
Киос
Саламин
Финикия
Ласея
КЛАВДА
Паф
Триполис
ФИНИКИЯ
Беритус
ИТУРЕЯ
Сидон
Тир
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Птолемаида
Галилея
ПЕРЕЯ
Кириная
Кесария
Иоппия (Яффа)
Самария
ЛИВИЯ
Иерусалим
Газа
Саис
Александрия
ИУДЕЯ
Пелузий
0 100 200 300 400 500 км
ЕГИПЕТ
АРАВИЯ



План Иерусалима времен разрушения

О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКОГО НАРОДА

ПРОТИВ АПИОНА

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемое в русском переводе сочинение Флавия Иосифа, известного еврейского историка, занимает совершенно особенное и исключительное место в ряду литературных памятников евреев древнего мира, отличаясь как своим происхождением, так и своим содержанием и своей тенденцией от остальных умственных произведений, которые нам оставили евреи того отдаленного периода. Оно составляет если, может быть, не первую[1], то во всяком случае древнейшую, дошедшую до нас, апологию евреев и еврейства, прямо и непосредственно обращающуюся против произведенных на еврейский народ и его учения клеветнических нападок, обстоятельно и в систематическом порядке разбирающую и опровергающую направленные против них обвинения и смело выступающую против предрассудков, народившихся и выросших на почве невежества, людской злобы и национальной ненависти, открывая собою, таким образом, новую отрасль литературы, к которой евреи впоследствии еще часто, против воли и нехотя, должны были прибегать и которая, все более разрастаясь в течение веков, получила особенно широкое развитие в наши дни, когда считавшийся уже давно похороненным дух нетерпимости и национального антагонизма воскрес к новой жизни и приобретает все больше власти. Апологи-

---

[1] Есть основание думать, что известный философ Филон, живший ранее Иосифа, также писал одно и, может быть, даже несколько сочинений в защиту евреев и еврейства против нападок на них со стороны юдофобских писателей. Евсевий (Praep. evang. VIII, 11) приводит небольшой отрывок, трактующий об ессеях, из одного сочинения Филона, которое, по его словам, озаглавлено было ἡ ὑπὲρ Ἰουδαίων ἀπολογία — *апология иудеев*. Содержание сохранившегося отрывка, однако, не дает нам никакого представления о характере сочинения, из которого он взят, и притом еще противоречит тому, что Филон в другом месте сообщает об ессеях, так что подлинность его вызывает сомнения и действительно оспаривается некоторыми учеными (Грец, Гильгенфельд). С этим сочинением, вероятно, тождественно другое, названное тем же Евсевием сочинение Филона περι Ἰουδαίων — *о иудеях* (Hist. Eccl. II, 18, 6). Наконец, Евсевий сохранил нам некоторые отрывки из одного сочинения, приписываемого им также Филону, под заглавием Ὑποθετικά — *нравоучительные советы* (Praep. evang. VIII, 6 — 7), которое, насколько можно судить по содержанию отрывков, вероятно, также было апологического характера.

ческая литература в известном смысле, впрочем, уже раньше существовала у евреев, но она имела иной характер, чем та, первый образец которой нам представляет сочинение нашего знаменитого историка, и преследовала еще другие более идеальные цели. Отличительный характер всего мировоззрения евреев, так резко расходившегося со всеми религиозно-нравственными представлениями окружавшей их среды, особенности их быта и жизни, освященной и пропитанной возвышенными принципами, лежащими в основе их учения, их своеобразный культ, составлявший прямую противоположность всем господствовавшим в древнем мире формам богопочитания, их нравы и обычаи, носившие национальный отпечаток и имевшие свои корни в историческом прошлом, — все это вместе должно было создать для евреев со времени их диаспоры совершенно исключительное положение между теми народами, среди которых их забросила воля судьбы. Но, ревностно оберегая свое религиозное и национальное достояние, сохраняя свои особенности, насколько они обусловливались требованиями религии, морали и истории, евреи при всем этом не чуждались культуры своего времени и очень скоро усвоили ее себе. Особенно сильно было влияние, которое на них производила греческая культура, со времени македонского героя с замечательной быстротой распространившаяся на Востоке и создавшая себе главный свой центр в Египте. Но при всем обаянии, которым греческая культура пользовалась в глазах евреев, в особенности тех из них, которые жили в метрополии греческой образованности и тогдашней умственной жизни, они все-таки не настолько ослеплены были ее блеском, чтобы не замечать ее слабых сторон и больных мест и не убеждаться в неустойчивости нравственных основ, на которых она была построена. Вполне сознавая великое значение бессмертных творений греческого духа, углубляясь в недра греческой мысли, увлекаясь очаровательной прелестью греческой поэзии, они тем не менее не могли скрывать от себя тех темных пятен, которые представляла греческая жизнь, и чем больше они с нею знакомились, чем глубже они ее изучали, тем сильнее должно было возмущаться их нравственное чувство и тем громаднее должна была им казаться пропасть, отделяющая эллинизм от иудаизма. Светлые стороны иудаизма, его возвышенное мировоззрение, его религиозные истины и высоконравственные принципы все ярче и яснее должны были выступать перед ними при виде грубого политеизма, разыгрывавшегося перед их глазами, и шаткости нравственных основ, на которых покоилась вся греческая жизнь. И чем больше в них укреплялось сознание превосходства своего учения над господствовавшими в древнем мире религиозно-нравственными представлениями, тем сильнее в них укоренялось убеждение в конечном торжестве начал, лежащих в основании иудаизма, и тем неудержимее становилось влечение внести свет истины в языческую среду и приобщить ее к тем духовно-культурным благам, которые доставляет чистая, разумная вера и высокоидеальная мораль. Это стремление лучших умов среди евреев эллинистской эпохи породило довольно богатую литературу на греческом языке, которая, служа целям пропаганды еврейской мысли в языческом мире и распространения в нем основных идей иудаизма, преследовала вместе с тем, хотя косвенно, апологические тенденции. Выставляя иудаизм, чуждый и непонятный греческому духу и пропитанной им среде, в настоящем и чистейшем свете, доказывая, что еврейский народ

не только смело может выдержать сравнение с другими народами, но во многих отношениях стоит выше их, она старалась внушить, таким образом, современникам более правильное и лучшее мнение о евреях, их учении и культе и расположить их к ним.

Сюда относится ряд произведений нравоучительного и философского содержания, как причисляемые к апокрифической литературе «Премудрость Соломона» и «Послание Иеремии» и группа сочинений псевдонимных, обращающихся под языческой маской и от имени какого-нибудь общеизвестного и прославившегося в истории или литературе лица против испорченности языческого мира, с одной стороны, раскрывая всю пустоту его веры и культа и изображая яркими красками всю безутешность и безнадежность его жизни, лишенной истиннорелигиозной основы и нравственной опоры, а с другой стороны, выставляя, в противоположность печальной картине, представляемой язычеством, светлый образ иудаизма с его возвышенной религией и чистой моралью. Самым любопытным произведением этой группы несомненно нужно считать еврейскую часть дошедших до нас «Сивиллинских книг», где устами мифической Сивиллы языческому миру проповедуются иудейский монотеизм и иудейская мораль, предвещается бесповоротная гибель в случае дальнейшего его упорства в грехе и лжеверии и обещаются жизнь счастливая и вечное блаженство, если он оставит свой ложный путь и обратится к истинной вере. К этой категории, далее, принадлежат «Послание Аристея», написанное с целью превозношения еврейского закона и глорификации еврейского народа, «Нравоучительная поэма» Фокилида, излагающая в сжатом виде всю ветхозаветную мораль, и некоторые другие сочинения, известные лишь по отрывкам и цитатам[2]. Наконец, сочинения величайшего еврейского мыслителя той эпохи, Филона, также, между прочим, служили к тому, чтобы выяснить его современникам высокое значение еврейского закона и внушить им уважение к нему. — Подобно нравоучительной и философской, историческая литература того времени также преследовала, если не прямым, то косвенным образом, апологические цели. Она хотела главным образом противодействовать нелепым басням и бессмысленным выдумкам, усердно распространявшимся юдофобскими писателями о евреях, их происхождении и прошлом, их культе и религиозных верованиях, и для этого она не ограничивалась только простым и точным изложением исторических фактов, но и вплетала в свой рассказ множество легенд и сказаний, которыми народная фантазия окружала свою старину и своих национальных героев[3]. Так и Иосифом при написании им истории своего народа, по собственному признанию, преимущественно руководила мысль «примирить другие народы с евреями и искоренить из сердец их ту ненависть, которую они к ним питают без всякой основательной причины»[4].

Вся эта литература, о которой только что шла речь, однако, лишь косвенным образом ведет защиту евреев; она лишена всякого полемического характера, она не обращается прямо против господствовавших предрассуд-

---

[2] Обо всей этой литературе ср.: Schürer, Geschichte des jüdischen Volkes, II, 789 — 831.

[3] Freudenthal, Alexander Polyhistor, c. 197.

[4] Antiquitates, XVI, 6, 8.

ков, не опровергает одно за другим в последовательном и систематическом порядке возводившихся на евреев обвинений, не выступает открыто против авторов этих обвинений, пером и словом распространявших и поддерживавших их. Потребность в апологии такого рода, в энергичной отповеди, появилась, очевидно, только тогда, когда отношения между евреями и окружавшей их средой все более стали обостряться и семя, брошенное и взращенное целым рядом юдофобских писателей, начало приносить свои горькие плоды. Такое положение вещей действительно возникло во время Калигулы, и последующие события — восстание евреев против римлян, их ожесточенная борьба и конечное порабощение — еще более содействовали ухудшению этого положения.

Небезынтересно будет вкратце проследить начало и постепенный рост враждебного отношения греков к евреям, перешедшего от них к римлянам. Оно нам подтвердит истину, которую достаточно уже выяснило антиеврейское движение наших дней, что нерасположение к евреям не есть явление естественное, которое инстинктивно и невольно прорывается в народе, с которым они приходят в соприкосновение, но имеет свою причину в незнании еврейства и в ложном и превратном понимании его, или же искусственно вызывается происками и агитацией отдельных лиц, которые по личным или иным мотивам возбуждают и поддерживают его в народной массе. Оно нам, далее, покажет, что тогда, как и теперь, главную роль в антиеврейской травле играли люди пера, которые в погоне за дешевой славой и популярностью не пренебрегали никакими средствами, не исключая лжи и клеветы, если только они давали им возможность достигнуть известного эффекта.

Первое, более близкое знакомство греков с евреями началось, как известно, при Александре Великом, покорившем всю Иудею и переселившем значительную часть евреев в Египет. Как Александр, так и первые Птолемеи и Селевкиды относились очень дружелюбно к своим еврейским подданным и ни о каком предубеждении и ни о каких предрассудках против них в то время ничего не было слышно. Они стали проявляться только впоследствии, когда чистый и благородный дух эллинизма все более вырождался и развращался приставшими к нему чужими элементами. Первыми творцами столь часто встречающихся в позднейшей греческой и римской литературе басен о евреях, их происхождении, прошлом и культе были не греки, но эллинизированные египтяне, и главной мастерской, где фабриковались все эти сказки и выдумки и откуда они распространялись, был египетский город Александрия. Этот город, достигший в короткое время необыкновенно высокого развития и сделавшийся скоро, благодаря многочисленности населения, торговому значению, богатству и сосредоточивавшимся в нем умственным силам, главной метрополией греческого мира, вмещал в себе также множество евреев, переселившихся туда отчасти по принуждению, отчасти добровольно. Благодаря покровительству, оказанному им Птолемеями, высоко ценившими их преданность престолу и отечеству и часто пользовавшимися их услугами, благодаря своему благосостоянию, которое они создавали себе собственной энергией и честным трудом, евреи скоро приобрели в Александрии влиятельное и выдающееся положение, которое не могло не вызывать зависти природных египтян, претендовавших на первенство и считавших себя оттесненными чужим народом.

К этому еще прибавилось оскорбленное национальное самолюбие, которое было задето за живое, когда, благодаря переводу Библии на греческий язык, история победоносного исхода евреев из Египта и печальная роль, которую при этом играли древние египтяне, предки александрийцев, стали общеизвестны и, конечно, могли бы давать склонным к насмешливости грекам достаточно повода и материала к глумлениям и издевательствам над ними.

И вот, чтобы противодействовать невыгодному для себя впечатлению, которое библейский рассказ должен был производить, они стали измышлять нелепейшие басни о евреях и их происхождении, которые усердно распространялись и, наконец, находили себе веру. Египетский историк Манефон, живший в царствование Птолемея Филадельфа, при котором начат был перевод Библии, первый их пустил в ход[5], а за ним их повторяли многие другие писатели, не довольствуясь уже одним простым пересказом, но разукрашивая их новыми вымыслами изобретательной фантазии. Такова уже природа ненависти, — раз она возбуждена, то она уже не останавливается на своем пути и не знает предела, но все более развивается и ищет себе все новой пищи, стараясь открывать в предмете, против которого она направлена, все новые стороны, к которым она могла бы придираться, и истолковывая все в нем, даже самое невинное, во враждебном смысле. И чем сильнее она въедается, тем она становится ожесточеннее и тем больше она нарождает предрассудков, которые, раз появившись на свет, уж не так легко могут быть искореняемы, в особенности если они поддерживаются в слепо верующей и не способной к критическому анализу толпе авторитетным словом литературы. Еще хуже бывает, если предмет ненависти отличается известными, резко бросающимися в глаза, особенностями, которые не разделяются другими, если он своим мировоззрением, религиозными взглядами, нравственными понятиями — одним словом, всем тем, что составляет существеннейшую и характернейшую черту человека, выдается из всей окружающей его массы и образует строго определенную индивидуальность. Но таковыми именно были евреи в древнем мире. Их религия составляла прямую противоположность всем, без исключения, культам тогдашнего времени, их нравственный кодекс, которым регулировался их образ жизни, во многих отношениях расходился с господствовавшей моралью. Им не могли простить, что они не поклоняются божествам других народов, что они не признают никакого другого культа и отвергают всякую другую форму богопочитания. Отуманенные языческим духом, греки и

[5] Иоель (Blicke in die Religionsgeschichte, II, 116 сл.) совершенно верно приводит в связь возникновение в древнем мире ненависти к евреям, первые проявления которой мы видим в Александрии, с библейским рассказом об исходе евреев из Египта. В III столетии до Р. Х. Пятикнижие, вероятно, уже было переведено на греческий язык и Манефон уже мог быть знакомым с ним. Впрочем, возможно также, что басня о происхождении евреев, придуманная с целью дискредитирования библейского рассказа, которую Иосиф передает от имени Манефона, не принадлежит последнему, но относится к более позднему времени. Действительно, некоторые ученые (Бек, Мюллер, Келлнер) считают все это место позднейшей вставкой в сочинение египетского историка.

позже римляне не были в состоянии возвыситься до понимания религии евреев и их чисто духовного культа и поэтому видели в них людей безбожных, презирающих богов, лишенных всякого религиозного чувства. Обвинение в безбожии и презрении богов (ἀθεότης contumelia numinum) было самое тяжелое, которое возводилось на евреев, и чаще всего повторяется во враждебной евреям литературе. Оно и служило главным поводом столкновений, которые в отдельных городах, как в Александрии, Антиохии и Кесарее, происходили между евреями и их языческими согражданами. Религиозная обособленность, естественно, обусловливала собою также некоторую социальную обособленность. Евреи, хотя принимали самое деятельное участие в политической и коммунальной жизни, занимали, как, например, в Египте, важные должности, отличались в качестве полководцев и вообще не отставали от общих интересов и не чуждались господствующей культуры, но в частной жизни, по крайней мере насколько она определялась религией или не согласовалась с их нравственными понятиями, они соблюдали некоторый сепаратизм. Они не разделяли трапезы греков, не участвовали в их празднествах, не присоединялись к их неумеренным оргиям, не присутствовали на шумных вакханалиях, не посещали палестры, не увлекались страстью к гимнастическим играм и вообще держали себя вдали от тех явлений греческой жизни, которые не соответствовали их более серьезному направлению духа. Отсюда возникло новое обвинение, не менее тяжелое и роковое, чем первое, обвинение в нелюдимости (ἀμιξία), в устранении себя от сообщества с другими, в замкнутости и, наконец, также в недостатке гуманности и в человеконенавистничестве (odium generis humani). Эти два обвинения, которые впоследствии даже возводились язычниками на христиан и которые, конечно, лишены всякого фактического основания и могли возникнуть лишь на почве полного незнакомства с сущностью еврейской религии и совершенного непонимания ее возвышенного содержания и идеального духа, служили главной подкладкой враждебного отношения к евреям древнего мира[6].

Из Александрии, главного очага юдофобии, последняя перенесена была в другие центры эллинизма и, наконец, также перешла к римлянам. Здесь она нашла вполне благодатную почву для своего процветания. Римляне,

---

[6] Антисемиты нашего времени для оправдания своей антиеврейской агитации часто ссылаются на пример греков и римлян, нерасположение которых к евреям будто бы имело свою причину в специфических, свойственных только одним евреям пороках и хищнических наклонностях, употребляемых ими во вред остальному населению, среди которого им приходится жить. Но это лишено всякого основания. Ни у одного древнего писателя не встречается ни малейшего намека на мнимые еврейские пороки, честь открытия которых всецело принадлежит позднейшему времени. Причины враждебного отношения древнего мира к евреям, как доказывает беспристрастная история, скрывались единственно в исключительном религиозном положении, которое тогда занимали евреи, и ничего общего не имеют с теми обвинениями, которыми стараются оправдывать современное антиеврейское движение. См.: Hild, Les Juifs à Rome devant l'opinion et dans la litterature в Revue des Etudes Juives, VIII, 1 сл. и XI, 162 сл.; Edmund Friedemann, Der Antisemitismus im alten Rom, 1893.

привыкшие требовать от всех слепого послушания и безропотной покорности, впервые встретили в евреях народ, не поддававшийся их прихотям и умевший отстаивать даже в рабстве самостоятельность и свободу своего духа. В последние годы республики и при первых императорах существовали еще сносные и по временам, как, напр., при Цезаре и Августе, даже сравнительно хорошие отношения, но с тех пор, как на римском престоле восседали безумные тираны, антагонизм между Римом и Иудеей все более усиливался. Культ императоров, начавшийся, хотя в умеренной форме, еще при Цезаре и принявший впоследствии самые широкие размеры[7], послужил первым поводом к серьезному столкновению. Евреи наотрез отказались признать Калигулу божеством и поставить его статую в храм и возбудили этим против себя не только самого императора, но и всех римлян, видевших в этом упорном отказе лишь недостаток лояльности и неуважение ко всемогущему Риму. И здесь, таким образом, источником ненависти была своеобразная, непонятная язычникам религия евреев. Но к религиозным причинам здесь еще прибавились политические. Гнет римского владычества сильно давал себя чувствовать и напоминал евреям каждую минуту потерянную свободу. Долго они терпели и переносили всякого рода притеснения, пока, наконец, чаша не была переполнена и таившееся в груди, но долго сдерживаемое негодование вырвалось наружу и выразилось в открытом восстании[8]. Борьба была слишком неравная и окончилась неблагоприятно для защитников национальной и религиозной свободы. Но она стоила римлянам много усилий и много крови и нанесла их национальной гордости чувствительный удар. Ожесточение против евреев, осмелившихся оказать непобедимому Риму продолжительное, мужественное сопротивление и отказавшихся подчиниться владетелям мира, достигло крайних пределов[9]. Победители не знали пощады и подвергли побежденных самой страшной и безжалостной мести. Но этим еще не довольствовались, а всячески давали им чувствовать их подчиненность и униженное изложение. Евреи стали посмешищем для всех и всякого, их открыто оскорбляли и везде — в жизни, в литературе и на сцене осмеивали. Старые басни и сказки, которыми некогда забавлялись александрийцы, вновь воскресли и проникли даже в серьезную литературу, где они выдавались как достоверная, несомненная история (Тацит)[10]. Поэты выбирали евреев мишенью для своей едкой сатиры и своего остроумия и осмеивали все то, что им было дорого и свято (Ювенал, Марциал). Это общее стремление унижать, насколько возможно, евреев еще увеличилось тем, что презираемая и осмеиваемая еврейская религия стала в самом Риме пускать корни и привлекать к себе многих просвещенных язычников, которые не находили удовлетворения в вере отцов. Распространение еврейства в языческом мире, начавшееся еще раньше, особенно сильно было в самом Риме как раз после окончательного покорения евреев. Кроме настоящих прозелитов, совершенно

[7] Preller, Römische Mythologie, с. 772 сл.

[8] Tacitus, Historiae V, 10, «Duravit tamen patientia Judaeis» и т. д.

[9] Ibid. «augebat iras quod soli Judaei non cessissent».

[10] Все, что Тацит сообщает о евреях, их происхождении и культе, заимствовано им из других источников, главным образом из враждебной евреям греческой литературы. См.: Hild в Revue des Etudes Juives, XI, 176 сл.

примкнувших к еврейству, в Риме были очень многие, которые, не переходя формально в еврейскую веру, признавали основные ее истины и соблюдали главнейшие обряды ее, так что знаменитые слова философа времени Нерона, стоика Сенеки, сказанные им по отношению к евреям, что «побежденные дали законы победителям» (victi victoribus leges dederunt), с еще большим правом могли быть применяемы к эпохе после окончательного покорения Иудеи.

Вообще же положение евреев в это время было очень печальное. Еще не были залечены глубокие раны, нанесенные им потерей свободы, дорогого отечества и святыни, еще свежи были воспоминания о недавно пережитом национальном бедствии, еще не были изглажены из памяти трагические сцены, разыгравшиеся перед их глазами. К этим нравственным мукам прибавились еще новые страдания. Их преследовала неумолимая ненависть грозных победителей, над ними издевалась народная толпа, литература их осыпала насмешками и забрасывала грязью все то, что было для них свято и дорого их сердцу, то, за что они страдали и проливали свою кровь.

Все это, вероятно, побудило Иосифа, который жил в Риме и был свидетелем тех унижений, которым подвергались его единоплеменники, взяться за перо и выступить против наветов и клеветнических нападок на народ, к которому он сам принадлежал, и на учение, которому он был предан всей душой. И он блистательно исполнил взятую на себя задачу и с большим умением и весьма искусно и убедительно опроверг ходячие обвинения против евреев и доказал всю их неосновательность и нелепость. Мы не знаем, какое впечатление произвела на его современников написанная им апология, но, во всяком случае, он ею оказал большую услугу своему народу. Иосиф считался в глазах своих соплеменников изменником, но если он действительно согрешил против своего народа, то впоследствии своей литературной деятельностью, которая имела главной своей целью прославление его, и в особенности своим апологическим сочинением искупил свой грех и приобрел право на благодарность не только современников, но и потомства.

Обратимся теперь к самому сочинению, которое общеизвестно под заглавием «Против Апиона» (Contra Apionem). Это заглавие, однако, не первоначальное; оно и не соответствует содержанию книги, в которой автор полемизирует не только против одного Апиона, но в не меньшей степени против многих других писателей, перечень которых мы дадим дальше. Оно впервые встречается у св. Иеронима и вследствие краткости своей вошло в общее употребление. Евсевий и еще до него Ориген цитируют нашу книгу, под другим заглавием, а именно «О древности иудеев» (περὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων ἀρχαιότητος), которое хотя тоже не исчерпывает собою содержания книги, в которой вопрос о происхождении евреев составляет только один из многих, но имеет за собою авторитет некоторых рукописей. Порфирий, известный неоплатоник и комментатор Платона и Аристотеля, приводит ее под заглавием «Обращение к Грекам» (πρὸς τοὺς Ἕλληνας), но, по справедливому замечанию новейшего издателя сочинений Иосифа[11], оно также не может считаться аутентичным, так что настоящее заглавие,

[11] Josephus ed. Niese, V, Praefatio, c. III.

которое дал своему сочинению сам автор, остается сомнительным[12]. — Нелегко также точно определить год, в котором наша книга была написана. Достоверно лишь то, что она появилась после 93 г. по Р. Х., так как в ней встречаются уже ссылки на оконченные в упомянутом году «Иудейские древности» (кн. I, гл. 1, 10, 18; II, 40). Она посвящена, равно как два другие из его сочинений («Иудейские древности» и «Автобиография»), некоему Эпафродиту, которого одни отождествляют с вольноотпущенным и секретарем Нерона этого имени, казненным при Домициане, другие же с ученым грамматиком, носившим то же имя, который раньше был префектом в Египте, а потом поселился в Риме, где он еще жил в царствование Нервы[13].

Выше уже было замечено, что полемика Иосифа направлена не против одного Апиона, но и против других писателей, которые в своих сочинениях отзывались о евреях во враждебном тоне и возведенными на них по неведению или умышленно обвинениями возбуждали в массе чувства нерасположения и презрения к ним. Так как имена их часто встречаются в нашей апологии, то мы перечислим их здесь и скажем о каждом из них несколько слов.

1) Ряд враждебных евреям писателей открывает известный египетский историк Манефон (по-египетски «Моинтот», т. е. любимый Тотом). Он жил в царствование Птоломея Филадельфа (283 — 246 гг. до Р. Х.), был родом из Себеннитоса в Нижнем Египте и принадлежал к касте жрецов. Кроме других сочинений, известных только по имени, он составил на греческом языке историю Египта от древнейших времен до Александра Великого, дошедшую до нас лишь в отрывках, сохранением которых мы обязаны позднейшим писателям, в том числе и Флавию Иосифу. В этом своем сочинении он, между прочим, коснулся также евреев и первый сообщил о них и их происхождении и о возникновении еврейского культа самые нелепые сказки, которые скоро нашли в греческом мире широкое распространение. Новейшие успехи египтологии хотя восстановили не особенно лестную репутацию, которою Манефон раньше пользовался как историк, и во многом подтвердили сообщаемые им сведения, в особенности его династические списки, но в отношении евреев он, во всяком случае, оказывается менее до-

---

[12] См. обо всем этом: Müller, Des Flavius Josephus Schrift gegen den Apion, с. 17; Schürer, I, с. 68 сл.; Gutschmid, Kleine Schriften, IV, с. 355; Niese, l. c.

[13] Вопрос о времени, когда наша книга была написана, зависит отчасти от определения личности Эпафродита. Если допустить тождество последнего с секретарем Нерона, казненным в 96 г., тогда посвященная ему апология должна быть написана между 93 и 96. Этого мнения действительно придерживается Гутшмид (l. c. стр. 350), но оно встречает затруднение в том, что «Автобиография», посвященная тому же лицу, должна быть отнесена к более позднему времени, так как в ней упоминается о смерти Агриппы II, умершего в 100 г. Попытка Гутшмида устранить это затруднение едва ли кого-нибудь удовлетворит. Более вероятно, что покровителем и другом Иосифа был упомянутый выше грамматик, год смерти которого хотя не известен, но который, во всяком случае, пережил своего тезку. Другое предположение о личности Эпафродита, не имеющее, впрочем, никакого исторического основания, см. у Zipser'a, Des Fl. Jos. Werk «Ueber das hohe Alter des jüd. Volkes», с. 12.

бросовестным историком. Им, очевидно, руководило оскорбленное национальное самолюбие, которое не могло примириться с мыслью, что могущественный некогда Египет должен был выпустить находившихся под его властью евреев на свободу, испытав при этом немало унижений. Впрочем, некоторые ученые, как сказано было выше, считают место, трактующее о евреях, которое Иосиф приводит со слов Манефона, позднейшей интерполяцией.

2) Посидоний из Апамеи (в Сирии), философ и историк, родился около 135 г. до Р. Х. и умер в глубокой старости, около 50 г. до Р. Х. Он руководил школой в Родосе, где он преподавал стоическую философию, и имел в числе своих слушателей, между прочим, Цицерона. В своем историческом сочинении, являющемся продолжением истории Полибия и сохранившемся только в отрывках, он распространялся также о евреях и их культе, в особенности о последнем, изображая его в самом смешном виде, и первый приписывал евреям обоготворение ослиной головы. От него эта басня перешла к другим писателям, как Трог Помпей (у Иустина), Плутарх, Диодор Сицилийский и Тацит. Сирийское происхождение Посидония достаточно объясняет его ненависть к евреям. Он был свидетелем возрождения Иудеи, освободившейся, благодаря подвигам Маккавеев, из-под власти Сирии, и не мог простить евреям ударов, нанесенных ими его отечеству, которое с тех пор начало все более падать, пока, наконец, не было поглощено римским колоссом. Его влиянию, вероятно, отчасти и Цицерон обязан был своим враждебным настроением против евреев.

3) Аполлоний Молон (или сын Молона), учитель риторики, был современником Посидония и, подобно ему, жителем ост. Родоса. Он происходил из Алабанды в Карии и своей безнравственной жизнью вполне оправдал сомнительную славу, которой его родной город пользовался в древности, вследствие легкости господствовавших в нем нравов. По свидетельству Александра Полигистора (у Евсевия, Präp. evang. IX, 19), Аполлоний написал сочинение о евреях, которое, насколько можно судить по приведенному тем же Александром отрывку, было исторического содержания. Вероятно, это же сочинение имеет в виду Иосиф в своей полемике против Аполлония; из последней видно, что оно было составлено в крайне враждебном духе и заключало в себе много неправильных и превратных суждений о еврейской религии и Моисеевом законодательстве. К ходячим обвинениям против евреев Аполлоний прибавил еще новые, упрекая их не только в безбожии и человеконенавистничестве, но еще в трусости и фанатизме, и называя их самыми бездарными и неспособными среди всех варваров, ничем не обогатившими общей культуры. Предубеждения Аполлония против евреев также, должно быть, не остались без влияния на Цицерона, который некоторое время находился в числе его слушателей[14].

[14] Как велика сила предрассудка и в какой степени подвергаются ей даже просвещенные умы, видно на примере Цицерона. Этот знаменитый оратор и творец классической латинской прозы, со дня рождения которого в начале текущего года минуло ровно две тысячи лет (он родился 3 января 106 г. до Р. Х.), перенесший греческую философию на римскую почву, автор трактата de natura deorum, выясняющего великое значение разумного богопочитания, приверженец стоиков в области этики, при всем своем философ-

4) Лисимах — писатель, имя которого упоминается несколько раз в нашей апологии, но о личности и жизни которого мы ничего не знаем. Может быть, что он тождественен с парадоксографом того же имени, который был родом из Александрии и жил в последнем дохристианском столетии. Если это предположение, в пользу которого высказываются многие ученые, верно, тогда весьма вероятно, что цитированные Иосифом от имени Лисимаха места, касающиеся выхода евреев из Египта и являющиеся в главных своих чертах отголоском Манефоновых басен, взяты из его сочинения «Фивские парадоксы»[15], от которого сохранились некоторые отрывки.

5) Херемон, александриец, принадлежал к касте жрецов, но в то же время усвоил себе в совершенстве греческое образование и приобрел известность как философ-стоик. Он жил в первом веке по Р. Х., стоял во главе александрийской библиотеки и был некоторое время наставником Нерона. Из его трудов, сохранившихся только в отрывках, известны его «Египетская история» и сочинение об иероглифах, на которое впервые обращено было внимание английским египтологом Бирчем[16]. В первом

ском образовании не мог возвыситься над предрассудками своего времени и в иудаизме, в котором разумная вера и высокая мораль соединяются в совершеннейшей форме, видел лишь barbara superstitio — *варварское суеверие*. Свое нерасположение к евреям и презрительное отношение к исповедуемому ими культу Цицерон особенно выказал в речи, произнесенной им в 59 г. до Р. Х. в защиту Валерия Флакка, против которого возбуждено было, между прочим, обвинение в присвоении еврейских денег, предназначенных для отправки в Иерусалим в пользу храма (Oratio pro Flacco, 28). В другом месте он называет евреев «народом, рожденным для рабства» (De provinciis consularibus. V, 10: Judaeis et Cyris, nationibus natis servituti). Эти предубеждения, которые разделялись всеми его современниками, ему в особенности еще внушены были его наставниками Посидонием и Аполлонием, считавшими его в числе своих слушателей во время посещения им в 78 г. до Р. Х. Родоса. Впрочем, Цицерон вообще не был ни самостоятельным характером, ни оригинальным мыслителем. Вся его философская система, если о такой может быть речь, представляет собою довольно пестрый эклектицизм, сотканный из греческих идей различнейших школ, отчасти поверхностно только им усвоенных. См. характеристику его личности и философских произведений у Mommsen'a Römische Geschichte, III, с. 217 и 623, и у Teuffel'я, Geschichte der römische Literatur (пятое изд.) I, с. 312, 338 и сл. Приписываемый ему каламбур: quid Judaeo cum Verre, как доказал Т. Рейнак, имеет апокрифический характер. См.: Revue des Etudes Juives, XXVI, с. 36 сл.

[15] В александрийскую эпоху, когда богатое и разнообразное творчество греков стало иссякать и литературная деятельность ограничивалась более собиранием и охранением старого и критической обработкой классических текстов древности, развился особый род компилятивной литературы, состоявшей из сборников замечательных и необыкновенных событий и явлений из области истории и естествознания, извлеченных из сочинений более древних. Подобного рода сочинения назывались «парадоксами» и составители их «парадоксографами».

[16] Brugsch, Die Aegyptologie, с. 4.

из этих двух сочинений он, подобно его предшественникам, писавшим о египетской старине, коснулся также происхождения евреев, идя по стопам других египетских историков и повторяя за ними, с некоторыми лишь вариациями, старые сказки, ставшие со времени Манефона общим достоянием греко-римского мира. Некоторые[17] отождествляют его с лицом того же имени, упоминаемым у Страбона и описываемым им как человек хвастливый и невежественный, но в таком случае надо допустить, что он достиг очень глубокой старости, так как Страбон называет его современником египетского наместника Элия Галла, известного своим неудавшимся походом в Аравию, предпринятым им, по повелению Августа, в 24 г. до Р. Х.[18].

6) Всех названных писателей далеко оставил за собою грамматик Апион, сделавший юдофобию чуть ли не своим ремеслом и обязанный главным образом ей той печальной известностью, которую он приобрел в истории. Он первый перенес юдофобию из области теории на почву практическую, открыто проповедуя ненависть к евреям, разжигая народные страсти и своей систематической агитацией создавая в Александрии «еврейский вопрос», который, благодаря его же стараниям, скоро нашел свое решение в беспощадной, кровавой расправе с несчастными жертвами возбужденной им народной ярости. По своим личным качествам и характеру своей деятельности Апион в полном смысле слова может считаться прототипом как бесчисленных героев, которые после него в течение длинного ряда веков прославились своими антиеврейскими подвигами, так и тех, которые еще в наше просвещенное время выбирают своей специальностью травлю евреев и пожинают свои лавры на этом «благородном» поприще. В его лице соединены были все черты, которые так типично отличают врагов евреев всех времен, а потому и приёмы и средства, которыми он пользовался для достижения своих целей, почти ничем не разнятся от тех, к которым еще ныне прибегают родственные ему по духу и направлению антисемиты. Извращение истины, ложь, клевета, вымысел, пошлое глумление, грубое издевательство и другие подобные средства, составляющие необходимую принадлежность всякого несправедливого и бессовестного дела, служили и тогда единственными оружиями в руках этого антиеврейского агитатора, которыми он обрабатывал народную толпу, всегда готовую слепо следовать за теми, которые со своей высоты спускаются к ней, льстят самым низменным инстинктам ее и разыгрывают перед ней роль благодетелей. Такая личность, как Апион, представлявший собою полнейшее воплощение тщеславия, хвастовства, наглости, самодурства и шарлатанства, не могла пройти незамеченной, а потому о нем сохранились сравнительно многие известия, доставляющие достаточно материала для его характеристики и знакомящие нас с главными

---

[17] См.: Müller, Des Flavius Josephus Schrift gegen den Apion, c. 203; против этого отождествления Schürer, Geschichte II, c. 777.

[18] Относительно времени наместничества Элия Галла в Египте мнения историков расходятся. Одни утверждают, что поход в Аравию был предпринят им уже в качестве наместника, другие же — что назначение его на этот пост состоялось по окончании похода. См.: Schiller, Geschichte der römischen Kaiserzeit, I, c. 198, примеч. 2.

моментами его жизни. Апион[19], сын Плейстоника[20], родился около 30 г. до Р. Х. в южном, или великом, оазисе, составлявшем один из номов Верхнего Египта и служившем в римскую эпоху местом ссылки[21], но еще в детстве попал в Александрию, где он под руководством известнейших грамматиков того времени получил свое образование. Александрия тогда все еще продолжала составлять главный центр греческой образованности.

Знаменитый музей со своей богатой литературными сокровищами библиотекой, уничтожение которой долгое время несправедливо приписывали арабскому халифу Омару, привлекал туда лучшие научные силы, собиравшие около себя всех жаждавших знания. Особенно процветала в Александрии наука грамматическая, которую, однако, тогда понимали в более широком смысле, чем теперь, включая в это понятие не только одно знакомство с особенностями и правильным строем языка, но знание истории и литературы, преимущественно изящной, а равно критику и герменевтику. Грамматик был в одно и то же время филологом, историком, критиком и эстетиком. Особенное внимание обращалось на стихотворения Гомера, изучением и комментированием которых занимались знаменитейшие грамматики. Как представители литературы и охранители духовных сокровищ древности, грамматики пользовались всеобщим уважением и большой популярностью. Эту карьеру, которая обещала честь и славу и на которой, при некоторой ловкости и умелости, нетрудно было выдвинуться, по крайней мере в глазах массы, выбрал себе также Апион. Он сделался грамматиком и, следуя примеру известнейших представителей александрийской грамматической школы, также посвятил себя главным образом изучению Гомера. Хотя его работы о Гомере, заключавшиеся в комментариях и глоссах к его стихотворениям, насколько позволяют судить сохранившиеся остатки, лишены всякого научного значения и, по отзыву одного из лучших знатоков и компетентнейших судей в этой области[22], должны считаться совершенно бесценными,

---

[19] Имя «Апион» египетского происхождения и этимологически стоит в связи со словом «Апись» (по-египетски «hapi»), названием священного быка, встречающимся также в других египетских именах, а потому следует писать его через одно *п*.

[20] Некоторые позднейшие источники называют отца Апиона Посидонием, что, однако, может быть только ошибкой, так как сам Апион в сохранившейся надписи, начертанной им на Мемноновой статуе, называет себя сыном Плейстоника. См.: Friedlaender, Sittengeschichte Roms (третье издание) II, с. 155. Этим опровергается также мнение Шперлинга, считающего имя Посидония более достоверным (Arthur Sperling, Apion der Grammatiker und sein Verhätnuss zum Judentum, c. VI).

[21] Ныне Эль-Карге; местность эта изобилует памятниками египетской древности, которые описаны Бругшем в книге Reise nach der grossen Oase El-Kargeh. Leipzig, 1877.

[22] Лучшую характеристику научной деятельности Апиона в области экзегезы Гомеровых стихотворений можно найти в монографии Lehr'a, Quaestiones epicae. I Quid Apio Homero praestiterit. С. 1 — 34. Этот ученый собрал все сохранившиеся отрывки из работ Апиона по этой части, подверг их обстоятельному разбору и доказал их ничтожное значение в сравнении с соответствующими трудами других александрийских граммати-

Апион тем не менее умел придавать им вид глубокой мудрости и обращать на них внимание своих современников. Он разъезжал по всей Греции, повсюду читал лекции о Гомере, с замечательной смелостью и беззастенчивостью преподнося своим слушателям всевозможные небылицы и самые нелепые вещи. Так, например, он уверял, что упоминаемый в «Одиссее» Элизий, называемый древними также «Счастливыми островами», находится в Египте между Канопом и Зефирионом, основывая свое открытие на невозможной и бессмысленной этимологии. В первых двух буквах, которыми начинается «Илиада», по его глубокомысленному толкованию, заключается указание на количество песней, из которых состоят обе поэмы Гомера, так как числительное значение этих букв составляет *сорок восемь*. Он, далее, пресерьезно рассказывал, что явившаяся к нему тень Гомера открыла ему оставшееся неизвестным место рождения великого поэта, которое подало повод ко многим спорам, но что он не решается разгласить эту тайну. Эти образчики уже достаточно характеризуют высокую мудрость Апиона и направление его духа. Им руководила не истина, которая всегда выступает скромно и беспретенциозно, а погоня за эффектом и дешевой популярностью. Все в его действиях клонилось лишь к тому, чтобы обращать на себя побольше внимания, вызывать удивление и заставлять о себе говорить. И, для того чтобы достигнуть этой цели, он ни перед чем не останавливался, ничем не стеснялся и самым бесцеремонным образом злоупотреблял легковерием своих слушателей. Не было во всем мире ничего достопримечательного, чего бы он не видел собственными глазами, не было ни одного события, которое бы не было ему доподлинно известно — или как очевидцу, или из самых надежных и достоверных источников. Его самомнение и самообожание доходили до невозможных размеров. Будучи собственно природным египтянином, родившись не в Александрии и получив только впоследствии право гражданства в этом городе, он тем не менее выдавал себя за настоящего александрийца и объявлял этот город счастливым, что обладает таким гражданином, как он. По словам Плиния, Апион уверял, что он наделяет бессмертием всякого, кому он посвящает какое-нибудь из своих сочинений[23]. Успехи, достигнутые им в его тесной родине и в разных греческих городах, которые он осчастливил своим посещением, его, однако, еще не удовлетворяли. В царствование Тиверия он отправился в Рим, где он также успел немало нашуметь. Император Тиверий его не называл иначе как «cymbalum mundi» — *колоколом мира*. Плиний, который имел тогда случай его видеть и слушать, сообщая об этом, прибавляет, что вернее было бы называть его «propriae famae tympanum» — *барабаном собственной славы*. Литературная деятельность Апиона была весьма разнообразная и не ограничивалась только предметами, входящими в круг так называемых грамматических наук. Он пробовал свои силы на всевозможных литературных поприщах и писал, между прочим, также естественнонаучные сочинения[24]. О последних мож-

---

ков. Это мнение разделяется всеми серьезными учеными, писавшими об Апионе.

[23] Plin., Hist. Natur., praef., 25; immortalitate donari se scripsit, at quos aliqua componebat.

[24] Перечень сочинений Апиона, насколько о них сохранились сведения, можно найти у Sperling'a, op. c., стр. XVI сл. и Gutschmid'a, op. c. стр. 361.

по судить по образцам, сохранившимся у Плиния и Элиана, которые отзываются об авторе их в не особенно лестных выражениях и сопровождают цитаты, которые они приводят от его имени, нередко ироническими замечаниями. Но для нас больше интереса представляют его исторические сочинения, которые, впрочем, также сделались добычей времени и известны лишь по цитатам, большинство которых обязано своим сохранением Флавию Иосифу, который их приводит в своей апологии для полемических целей. В этих сочинениях он излил всю свою злобу против евреев, ненависть к которым имела первое свое основание в его египетском происхождении.

При всем своем старании казаться греком, Апион в глубине души своей все-таки оставался египтянином и вполне разделял национальную вражду своих единоплеменников против евреев. В своих «Египетских книгах» (Αἰγυπτιακά, Αἰγυπτιακαὶ ἱστορίαι, libri Aegyptiaci), составлявших компиляцию из более древних сочинений, преимущественно Манефоновых[25], и содержавших описание Египта, его истории, культа, древностей и достопримечательностей, он имел полную возможность дать волю этим неприязненным чувствам, которые глубоко таились в его сердце. В этом сочинении ему часто представлялся случай говорить о евреях, и он действительно не жалел красок, чтобы очернить и унизить ненавидимый им народ и представить его в самом презренном и смешном виде. Все, что только слепая ненависть, невежество и дикая фантазия когда-нибудь придумывали для опозорения евреев, нашло место в этом сочинении. Мы здесь опять встречаемся со старыми баснями о происхождении еврейского народа и выходе его из Египта, которые со времен Манефона все с новыми прикрасами и приправами переходили из одного сочинения в другое и, наконец, глубоко укоренились в греко-римском мире; мы здесь снова наталкиваемся на известные уже обвинения, относившиеся к культу и религиозной жизни евреев и изображавшие последних врагами богов и людей. Все, что Апион выдвигал против евреев, не отличалось, правда, ни оригинальностью, ни новизной, но оно облечено было в такую пикантную и насмешливую форму, что не могло не произвести эффекта. Но Апион шел еще дальше. Ему мало было унизить всю еврейскую нацию, ему хотелось еще в особенности выместить свою злобу на александрийских евреях, которые выдавались численностью, образованием и богатством и занимали весьма видное положение в первом и знаменитейшем городе Египта, и для этой цели он не постеснялся прибегнуть к самому возмутительному извращению фактов. Возможно, впрочем, что Апион не только в своих «Египетских книгах» распространялся о евреях, но избрал их, кроме того, предметом особого сочинения, в котором он главным образом старался доказать, что евреи — чужие, пришельцы, незаконным образом присвоившие себе право гражданства в Александрии и недостойные тех преимуществ, которыми они пользуются. Иосиф в своей апологии хотя не упоминает о такой книге, но о ней говорят некоторые позднейшие писатели, и иные критики склонны думать, что Иосиф в своих возражениях Апиону преимущественно имеет в виду эту книгу[26].

---

[25] Gutschmid, op. cit., c. 363.

[26] См. об этом вопросе: Schürer, II, c. 779. Gutschmid, c. 362 сл. Sperling, c. XVII сл. Молчание Иосифа об этой книге говорит в пользу предположения Шурера, отрицающего существование ее.

Национальная антипатия Апиона против евреев не была, однако, единственным мотивом крайне враждебного его отношения к ним. Такому человеку, как он, который все, что только могло удовлетворить его мелкое и беспримерное тщеславие, считал дозволенным, юдофобия в то время должна была казаться самым удобным и легким средством, чтобы выдвинуть свою личность на первый план и снискать себе общую популярность. Для роли юдофобского агитатора, как мы это видим в наши дни, не требуется ведь ни знания, ни ума и никаких выдающихся способностей, — надо только обладать известной долей бессовестности и наглости, не слишком церемониться с истиной и поддакивать самым грубым и низким инстинктам толпы. В этих же качествах египетский грамматик не имел себе равного и мог смело соперничать с первыми антисемитами нашего времени. Он поэтому и является душой движения, которое вспыхнуло против евреев в Александрии в царствование Калигулы и разразилось на них страшной грозой.

Национальная рознь, существовавшая между александрийцами и евреями и поддерживаемая целым рядом юдофобских писателей, которых, кроме перечисленных, было еще много других, неизвестных по имени[27], с течением времени все более росла и, наконец, пустила глубокие корни в александрийском населении. Покровительство, которым евреи раньше пользовались со стороны Птолемеев, видевших в них надежную и сильную опору престола и вверявших им нередко самые ответственные должности, расположение, оказанное им римским завоевателем Египта, Юлием Цезарем, и первыми императорами, утвердившими за ними все гражданские права, которые им предоставлены были еще со времени Александра Великого, не могли не возбуждать зависти александрийцев, никак не хотевших признавать ненавистных евреев равными себе гражданами. К этому еще прибавилось другое обстоятельство, служившее причиной озлобления. Египтяне и греки давно уже перестали быть самостоятельными народами, с собственной политической жизнью, тогда как евреи все еще имели свой родной очаг и политический центр и сохраняли хоть некоторую тень самостоятельности. С нескрываемой завистью смотрели они на Ирода, который придал еврейскому царству новый внешний блеск и известное политическое значение, и немало, должно быть, чувствовали они злорадства, когда в 6 г. по Р. Х. Иудея сделалась римской провинцией и, казалось, окончательно лишилась своей самостоятельности. Но к великой своей досаде они должны были видеть возрождение царской власти в Иудее в лице Агриппы I, внука Ирода. Раздражение против евреев, подстрекаемое еще агитаторами вроде Апиона, достигло высшего предела и, наконец, в первые годы царствования Калигулы, выразилось в открытом восстании против них. Калигула, преемник Тиверия и друг Агриппы, вступил на престол в 37 г. по Р. Х. Первое время его царствования прошло спокойно для евреев. Казалось даже, что для них наступят опять более счастливые времена, так как Иудея избавилась от гнета римских прокураторов и после долгого перерыва снова увидела себя под сенью собственного царя и к тому еще такого, в жилах которого отчасти текла

[27] Это вытекает из нашей апологии II, 14, где Иосиф говорит об известных уже нам писателях и о *других*, которых он не называет по имени.

маккавейская кровь[28]. Но новая туча, собиравшаяся над их головами, скоро помрачила открывшийся им светлый горизонт, надвинула бурю на Иудею и накликала страшную беду на египетских евреев. Катастрофа была вызвана, главным образом, отказом евреев признать Калигулу божеством и воздавать ему соответствующие почести. Такой отказ, конечно, мог быть истолкован теми, которые не хотели видеть настоящей его причины, в смысле недостатка уважения к личности императора, и александрийцы действительно воспользовались им как удобным предлогом для расправы с евреями, рассчитывая при этом на полное одобрение со стороны императора. Тогдашний наместник Египта, Авиллий Флакк, не пользовавшийся расположением Калигулы и каждую минуту опасавшийся за свою судьбу, стал на сторону врагов евреев, также в надежде заслужить подобным образом действий благодарность императора и настроить его более благосклонно к себе.

Тогда и для Апиона открылось обширное поле деятельности. Достаточно подготовив александрийскую чернь неутомимой агитацией, открытыми проповедями и зажигательными воззваниями к враждебным действиям против евреев, он сделался главным виновником вспыхнувшего против них движения и имел полное основание быть довольным достигнутыми им результатами. Появление Агриппы в Александрии подало первый повод к враждебным демонстрациям, выразившимся вначале неприличной выходкой против иудейского царя, но принявшим вскоре весьма серьезную форму. Раз возбужденная народная ярость не знала больше меры и все сильнее продолжала свирепствовать. Чернь вторгалась в синагоги, насильственно устанавливая в них статуи Калигулы и придавая таким образом движению характер преследования, предпринятого лишь против врагов императора, отказывающихся признать его божеством. Наместник Флакк, вместо того чтобы своей властью помешать дальнейшему распространению движения, еще пришел ему на помощь. Он объявил александрийских евреев бесправными и сам стал во главе движения. Тогда для несчастных евреев Александрии настало страшное время. В своем диком остервенении народ, поддерживаемый и поощряемый высшей властью, не знал никакой жалости и никакой пощады. Почти все, что принадлежало евреям, сделалось добычей народной ярости. Их дома были разграблены и разорены, богатство, приобретенное ими честным, тяжелым трудом, было расхищено, синагоги были разрушены и многие евреи были подвергнуты ужасным пыткам и мучительной смерти.

Флакк не остался праздным зрителем всех этих ужасов, но своим примером еще более воспламенил толпу. По его распоряжению наиболее влиятельные члены еврейской герусии (верховного совета) в цепях поволочены были в театр и здесь подвергнуты бичеванию. По его же приказанию центурион во главе отряда, под предлогом отнятия у евреев оружия, отправился в населенные ими кварталы для обыска уцелевших от разрушения домов, позволяя себе при этом самые возмутительные насилия над преследуемыми и не щадя ни возраста, ни пола. Но наконец Флакка постигла заслуженная кара. Неожиданно он был отозван, привезен в оковах в Рим и

[28] Агриппа был сыном Аристовула, второго сына Ирода от брака его с асмонеянкой Мариамной.

сослан на остров Андрос в Эгейском море, где через некоторое время был казнен. Травля евреев, благодаря, вероятно, стараниям вновь назначенного наместника, имя которого неизвестно, прекратилась, но положение александрийских евреев все еще оставалось критическим. Они не могли так скоро оправиться от нанесенных им ударов и должны были еще много страдать от александрийцев, отказавшихся признавать их равными себе гражданами. Неопределенность положения побудила наконец александрийских евреев прибегнуть к императору. Они отправили в Рим депутацию со знаменитым философом Филоном во главе, чтобы принести ему жалобу на жестокое и несправедливое с ними обращение александрийцев и ходатайствовать пред ним о восстановлении отнятых у них прав. Но и противники не бездействовали и с своей стороны также снарядили депутацию к Калигуле. Кого же они противопоставили еврейскому мудрецу? На кого они возложили защиту своих несправедливых требований? Им не пришлось долго задумываться над выбором своего представителя, — они его нашли в лице Апиона. Кто, в самом деле, был достойнее его выступить в роли обвинителя евреев? Кто мог равняться с ним в искусстве лгать, извращать истину и клеветать? Филон и Апион! Трудно представить себе две более резкие противоположности, чем эти две личности. Один — идеал мудрости и кротости, глубокий мыслитель, проповедник добра, любви и мира; другой — шарлатан, низкий честолюбец, воплощение ненависти и вражды. Обе депутации предстали перед Калигулой, но евреи и здесь встречали только одни насмешки. Разве они могли ожидать справедливости и беспристрастия от человека, который прежде всего обратился к ним с упреком, отчего они не признают его божеством, тогда как все народы воздают ему божественные почести! Император их еле выслушивал, и, осматривая в это время свои новые виллы и делая разные распоряжения, он время от времени обращался к ним с каким-нибудь насмешливым замечанием, вызывавшим хохот всех присутствующих. Евреи ничего не добились, и только уже после смерти Калигулы в 41 г. по Р. Х. его преемник Клавдий издал эдикт, которым александрийским евреям возвращены были все их прежние права и предоставлена была свобода культа[29].

О дальнейшей деятельности Апиона никаких сведений не сохранилось; он умер, вероятно в царствование Клавдия, от мучительной болезни, заставившей его, хотя безуспешно, подвергнуть себя той операции, которая у евреев служит знамением завета Авраамова и на осмеянии которой он так часто изощрял свое остроумие.

Из всех названных авторов Апион имел самое сильное влияние на позднейшее время и служил главным источником для римских писателей, занимавшихся евреями. Поэтому Иосиф в своем апологическом сочинении уделяет ему сравнительно больше внимания, чем другим. С тонкой иронией он полемизирует против него, раскрывает его низкий характер и глубокое невежество и доказывает, как произвольно и бесцеремонно он обращается с истиной. Но и его возражения против других противников отличаются неопровержимой силой аргументации и убедительностью. Вообще

---

[29] История александрийских преследований и посольства к Калигуле подробно рассказывается Филоном в двух книгах: Adversus Flaccum и De legatione ad Caium.

книга Иосифа составлена очень умело и с большим знанием и может считаться образцом апологического красноречия. Она и служила таковым для позднейшей христианской апологетики, которой приходилось защищать христианство против тех же обвинений, которые раньше возводились на евреев, и еще против многих других. Произвела ли наша книга какое-нибудь действие на современников автора ее, мы не знаем, но в древней христианской литературе она довольно часто упоминается. Евреям она, как вообще сочинения Иосифа, стала известной очень поздно. Азария де Росси, знаменитый еврейский критик, живший в XVI столетии, первый упоминает ее в своем сочинении «Меор-Энайим» и приводит из нее некоторые цитаты (см. указатель, приложенный к изданию Д. Касселя). В том же столетии ученый еврейский врач Самуил Шуллам перевел нашу книгу в сокращенном виде на еврейский язык и напечатал свой перевод вместе с известной хроникой «Иухасин» Авраама Закуто (Константинополь, 1566; изд. во второй раз отдельно Бемером и Зильберманом, Лык, 1858). Знаменитый защитник евреев и еврейства, Манасе б. Израэль также перевел ее на еврейский язык, но перевод этот в печати никогда не появился. Подобно ему и другой поборник еврейства, великий просветитель русских евреев И. Б. Левинзон, много интересовался нашей книгой и часть ее в еврейском переводе издал в своем сборнике «Бет-Гаоцар» (Вильна, 1841). Но и на другие языки наша книга была переведена евреями. На испанский язык перевел ее в 1687 г. Иосиф Ариас (Кайзерлинг в Hebräische Bibliographie I, стр. 21 и Biblioteca espanola-portugueza-judaica, стр. 13), в наше время на немецкий язык З. Франкель (Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judenthums, 1852) и М. Иост (Bibliotek der griechischen und römischen Schriftsteller über Judenthum, II, 1867) и частью на русский язык А. Пумпянский (Приложение к Гакармелю, 1860)[30]. О многочисленных других переводах, сделанных неевреями, изданиях греческого текста и богатой литературе о нашей книге см. Fürst Bibliotheca Judaica II, 117 — 132; Schürer I, 76 — 81; Gutschmid IV, 381 — 384. Апология Иосифа вполне заслуживает того внимания, которым она пользуется еще по настоящее время в ученом мире. Но помимо интереса, который она представляет для истории евреев и характеристики отношения древнего мира к иудаизму, а также для истории греческой литературы, сохранив имена многих греческих писателей и отрывки не дошедших до нас сочинений, она в полемически-апологическом отношении и теперь еще не потеряла для нас своего значения. Апионы еще теперь не перевелись, и демонический дух ненависти и злобы, который ими руководил две тысячи лет тому назад, еще ныне не исчез. Кровавые сцены, разыгравшиеся в Александрии, составляют только начало той длинной трагедии, которая еще продолжается в наши дни. В этих сценах ненависть языческого мира к евреям впервые проявилась во всей своей ужасающей силе. Язычество как будто чувствовало, что почва начинает колебаться под ним, что дни его сочтены и что ненавидимая и презираемая религия скоро свергнет его с его высоты. В то время, когда Апион громил евреев и издевался над

[30] Существует, кроме того, еще старинный русский перевод нашей книги, сделанный П. В. Ждановым и напечатанный вместе с «Иудейскими древностями» (т. III; первое издание, СПб., 1783; о других изд. см. «Систематический указатель литер. о евреях», с. 403).

их учением, когда на улицах Александрии раздавались стоны и вопли несчастных жертв возбужденной им народной ярости, лучи иудаизма стали уже проникать в языческий мир и рассеивать густой мрак, покрывавший его. Еще некоторое время прошло, и «варварское суеверие», против которого греко-римский мир так устойчиво боролся, восторжествовало и положило начало новой исторической эре и новой культурной жизни. Обвинения, которые во время этой упорной борьбы возводились на евреев, и басни, которые измышлялись для их унижения, давно уже признаны беспристрастной историей лишенными всякого основания; сочинения, которыми эти обвинения и басни распространялись, сделались добычей времени, и имена авторов их, может быть, совершенно подпали бы забвению, если бы их не увековечила апология Иосифа, — но ненависть к евреям осталась. Переходя из рода в род, передаваясь одним веком другому, она во всей своей силе сохранилась по настоящее время и все еще продолжает производить свое развращающее действие и требовать своих жертв. На место прежних обвинений появились новые, столь же неосновательные, но и старые не совсем еще замолкли и время от времени вновь всплывают. Апология нашего знаменитого историка показывает нам, как мы должны встречать эти обвинения и что мы должны отвечать на них. С такой же любовью и с таким же воодушевлением, как он, и мы должны заступаться за нашу религию, наш народ и наше прошлое. Как бы велика ни была сила предрассудка и упорной клеветы, истина в конце концов должна восторжествовать. Вместе с нею восторжествует также любовь. Царство ненависти не может быть вечно. Еврейство впервые провозгласило заповедь любви к ближнему и великий идеал, к которому стремятся лучшие люди нашего времени: идеал правды и справедливости, братского единения всех народов и вечного мира. Подобно тому как остальные истины еврейства, которые некогда осмеивались древним миром, признаны были всем цивилизованным человечеством и стали краеугольным камнем всей современной культуры, и принцип любви сделается общим достоянием всех, и наступит время, когда осуществится идеал, предвещенный устами еврейских пророков, когда больше «не будут творить ни зла, ни вреда и земля будет наполнена знанием Господа, как морское дно покрыто водой» (Ис. 11, 9).

Я. И. Израэльсон

Книга первая

1. Я полагаю, лучший из мужей, Эпафродит[1], что в своем сочинении о «древностях»[2], обнимающем собою исторический период в пять тысяч лет[3] и составленном на основании наших священных книг на греческом языке, я достаточно уже выяснил всем его читателям, что наш народ иудейский очень древний и по первому начатку своему вполне самобытный[4], показав вместе с тем, каким образом он поселился в земле, которую мы ныне обитаем. Однако я замечаю, что многие верят распространяемым некоторыми писателями злостным наветам и недоверчиво относятся к тому, что мною сказано было о наших древностях, ссылаясь на молчание известнейших греческих историков о нашем народе как на доказательство молодости его, а потому я считаю своим долгом вкратце разъяснить все это в особом сочинении, дабы изобличить злонамеренность и умышленную ложь клеветников, рассеять неведение других и просветить насчет нашей древности всех, которые желают узнать истину. Для подкрепления изложенного мною я приведу свидетелями писателей, которые во всем, что касается древности вообще, пользуются у греков наибольшим авторитетом; тех же, которые в своих писаниях распространяли о нас клевету и ложь, я опровергну доводами, почерпнутыми из собственных их слов. Попытаюсь также указать причины, по которым не многие греки упомянули в своих исторических произведениях о нашем народе, и вместе же с тем приведу авторов, не оставивших без внимания нашей истории, для сведения тех, которые их не знают или притворяются незнающими.

2. Меня прежде всего крайне удивляет мнение тех, которые полагают, что в отношении древних событий одни только греки, как единственные обладатели истины, заслуживают

веры, нам же и остальным людям верить не должно. Я, наоборот, думаю, что действительность доказывает как раз противоположное, если согласиться с тем, что не надо следовать пустым предположениям, но искать правды в самих фактах. У греков все является новым и существующим, так сказать, со вчерашнего или завчерашнего дня, как, например, основание городов, изобретение искусств и начертание законов, но почти новее всего у них забота о письменном сохранении исторических событий. Ведь должны же они сами признать, что египтяне, халдеи и финикияне[5] — нас я пока к ним не причисляю — имеют самые древние и прочные предания и исторические воспоминания. Населяя страны, наименее подверженные разрушительному влиянию климатических условий, те прилагали большое старание к тому, чтобы ни одно происшествие не предавалось забвению, но всегда заносилось мудрейшими в публичные записи и свято сохранялось для потомства. Эллада же подвергалась бесчисленным катастрофам, которые стерли память о прошлом, так что каждое поколение, начиная новую жизнь, всегда считало свой век началом жизни вообще. Поздно и с трудом греки познали природу письмен, и даже те, которые хотели бы отнести употребление шрифта к глубокой древности, не без гордости утверждают, что они его получили от финикиян и Кадма[6]. Но едва ли кто-нибудь сумеет указать письменный памятник, священный или публичный, который бы сохранился с того времени. Ведь даже вопрос об употреблении букв участвовавшими в Троянской войне, происходившей много лет позже, возбуждал немало сомнений и толков, и преобладающее мнение действительно клонится к тому, что употребляемые ныне буквы были им неизвестны. Вообще у греков нет ни одного письменного памятника, который, по общему признанию, был бы древнее поэзии Гомера; этот же жил, очевидно, после Троянской войны, и он, как говорят, не оставил своих поэм в письменной форме, но они, сохраняясь в памяти, в более позднее время составлены были из отдельных песен, вследствие чего в них и встречается много отступлений[7]. Те же, которые у греков делали первые попытки писать историю, вроде Кадма милезийского, Акузилая аргивского и других, которых можно было бы еще назвать, жили немного раньше похода персов против Эллады[8]. Относи-

тельно же тех греков, которые первые начали философствовать о небесных и божественных предметах, как Ферекид сиросский, Пифагор и Фалес, все единогласно признают, что они были учениками египтян и халдеев и сами мало писали;[9] их же сочинения греки считают самыми древними и то едва верят, чтобы они были написаны ими.

3. Не безумное ли, после этого, хвастовство со стороны греков, если они утверждают, что они одни только знают историю древности и сохранили о ней самое верное и точное предание? Разве не всякий легко может убедиться из их писателей, что они передавали события не на основании достоверных сведений, но так, как каждый их рисовал в своем воображении? Оттого часто и бывает, что они в своих сочинениях друг друга опровергают и без всякого стеснения одно и то же событие представляют в диаметрально противоположном виде. С моей стороны было бы излишним усердием, если бы я стал объяснять тем, которые это лучше меня знают, как часто Гелланик противоречит Акузилаю в генеалогиях, как часто Акузилай поправляет Гезиода или как Эфор в большинстве случаев уличает во лжи Гелланика, Эфора же — Тимей, Тимея — жившие после него писатели, Геродота же все[10]. Тимей, писавший об истории Сицилии, не считал достойным для себя соглашаться с такими писателями, как Антиох, Филист и Калий;[11] точно так же авторы аттических летописей или историки аргивские не следовали друг другу в изложении истории Аттики или Аргоса. И что же говорить о событиях менее важных и касающихся только отдельных городов, если даже в отношении персидской войны и связанных с нею событий знаменитейшие историки не согласны между собою. Даже Фукидида[12] некоторые обвиняют в том, что он нередко уклоняется от истины, хотя он считается лучшим историком своего времени.

4. Что касается причин этих противоречий, то желающие исследовать их, может быть, найдут еще многие другие, но я придаю наибольшую силу следующим двум причинам. Первой и, как мне кажется, самой важной из них, является то обстоятельство, что греки с самого начала не заботились о том, чтобы о происходивших у них событиях велись публичные записи, и это всем, которые впоследствии хотели что-нибудь писать о прошлом, давало повод к неточностям и

возможность ошибаться. И не только остальные греки пренебрегали письменным сохранением исторических фактов, но и у афинян, которых считают автохтонами и ревностными покровителями образования, ничего подобного не встречается, так как, по собственному их признанию, древнейший письменный памятник у них составляют уголовные законы Дракона, который жил немного раньше тирана Пизистрата[13]. Зачем еще упоминать об аркадянах, которые так кичатся своим древним происхождением?[14] Ведь они и после того времени едва усвоили себе знание письмен.

5. Благодаря такому отсутствию всяких письменных памятников, которые могли бы поучать любознательных и обличать лжецов, и произошли те многочисленные разногласия, которые встречаются между историками. Как вторую причину к этому нужно прибавить следующее обстоятельство. Те, которые принимались писать, не заботились об истине, хотя о ней на каждом шагу громко возвещается, а только хотели показать силу красноречия, и чем кто полагал возможным затмить славу других, к тому он направлял все свои старания. Одни предпочтительно занимались мифическими вымыслами, другие, гоняясь за милостью, восхваляли города и царей, еще другие старались изображать события или их повествователей в дурном свете, надеясь таким образом прославиться. Словом — они всегда делали то, что больше всего идет вразрез с историей. Доказательством исторической правды служит то, что все об одном и том же событии сообщают и пишут одинаково. Они же думали, что чем больше будут отступать от других, тем скорее прослывут самыми правдивыми историками. В красноречии и умении обращаться со словом мы, надо сознаться, уступаем греческим писателям, но уж никоим образом не в отношении правдивости древней истории, в особенности же той, которая касается событий отечественных.

6. Что у египтян и вавилонян с древнейших времен много внимания обращалось на ведение летописей, причем у первых забота об этом возлагалась на жрецов, которые, не довольствуясь сухой передачей фактов, сопровождали их философскими рассуждениями, а у вавилонян на халдеев[15], и что из всех народов, приходивших в прикосновение с греками, финикияне пользовались письменами как для домашне-

го обихода, так и для передачи потомству общенародных событий, — это всеми признанный факт, и мне о нем нечего распространяться. Но я постараюсь вкратце доказать, что и наши предки не меньше названных народов, чтобы не сказать больше, заботились о ведении летописей, поручая эту обязанность первосвященникам и пророкам, и что эти летописи с большой старательностью оберегались до наших дней, и смею сказать, и впредь будут охраняться.

7. Наши предки с самого начала не только назначали для сей цели людей достойнейших и служению Богу всецело преданных, но постоянно обращали большое внимание на то, чтобы род священнический оставался несмешанным и чистым[16]. Ибо всякий причастный к священству может вступать в брак только с женой из своего племени, причем он не должен взирать ни на богатство, ни на другие преимущества, но обязан проверять происхождение семейства, обращаясь к имеющимся в архивах[17] родословным спискам и подтверждая точность последних свидетельскими показаниями. Так мы поступаем не только в Иудее, но везде, где обретается колония нашего народа, это правило строго соблюдается относительно священнических браков. Я говорю о евреях Египта, Вавилонии и других мест обитаемой земли, где рассеяны хоть некоторые священники. Все они посылают в Иерусалим снабженные свидетельскими подписями списки, в которых отмечаются имена: невесты, ее отца и дальнейших предков. Если, как уже часто случалось, бывает война, как, например, при вторжении в нашу землю Антиоха Эпифана, Помпея Великого и Квинтилия Вара[18], в особенности же в наши дни[19], тогда остающиеся в живых священники составляют, на основании архивных списков, новые родословные таблицы и проверяют незапятнанность уцелевших жен, так как они с женами, которые были в плену, сожительства больше не имеют, из опасения, что они, как это часто бывает, могли иметь сношения с иноплеменниками. Лучшим доказательством точности наших исторических преданий служит то, что наши первосвященники поименно перечислены в родословных списках за две тысячи лет в беспрерывном порядке от отца к сыну. Те священники, которые позволяют себе хоть малейшее отступление от приведенных предписаний, не допускаются ни к жертвеннику, ни к участию в других священ-

нодействиях. — Так как писать не всем предоставлялось и все, что записывалось, передавалось точно и без противоречий, так как, далее, одни пророки записывали события отдаленной, глубокой древности и своего времени — первые по вдохновенью Божьему и последние на основании собственных точных наблюдений, — то вполне понятно и естественно, что у нас нет бесчисленного множества книг, притом еще расходящихся между собою и противоречащих одна другой[20].

8. Мы имеем только двадцать две книги, обнимающие собою историю всего нашего прошлого и по справедливости считающиеся вполне достоверными. Из них пять принадлежат Моисею и заключают в себе законы и историческое предание от сотворения человека до смерти Моисея. Этот период времени обнимает почти три тысячи лет. От смерти Моисея до эпохи персидского царя Артаксеркса, преемника Ксеркса, пророки, следовавшие за Моисеем, записывали современные им события в тринадцати книгах. Остальные четыре книги содержат песнопения Богу и житейские правила людям[21]. От Артаксеркса до наших дней, правда, тоже все записывалось, но эти книги не пользуются такой же степенью достоверности, потому что цепь предания прекратилась и пророки более не следовали один за другим в том беспрерывном порядке, как прежде[22]. Какую веру мы придаем нашим книгам, об этом свидетельствует факт, что, несмотря на то, что столько веков уже протекло, никто не дерзнул сделать в них какие-либо прибавления, ни убавить, ни изменить что-нибудь.

Всем иудеям сейчас же с самого рождения внушается, чтобы они верили в их божественное происхождение, неизменно держались их и, если требуется, с радостью отдавали за них свою жизнь. Уже часто можно было видеть, как еврейские пленники переносили в театрах пытки и всякого рода смерть, лишь бы не произнести слова против законов и связанных с ними остальных частей Св. Писания. Кто бы из греков подверг себя *ради этого* подобным мучениям или согласился бы хоть на малейшую жертву, если бы даже всей их письменности грозила опасность погибнуть? Они в своей литературе видят только слова, набросанные по воле писателей. И не без основания рассуждают они так о произведениях более древ-

них, раз они замечают, что и в настоящее время некоторые пишут о том, при чем они сами не присутствовали и о чем они даже не постарались справляться у людей сведущих. Ведь обнародовали же некоторые писатели описания происходившей против нас войны, не побывав сами на театре военных действий и не находившись в близости последних, а только состряпав кое-что на основании дошедших до них неясных слухов, и они еще имеют дерзость величать эти свои писания именем истории!

9. Я же составил правдивое описание всей войны и отдельных ее эпизодов, лично присутствовав при всех событиях! Я состоял полководцем так называемых у нас галилеян до тех пор, пока возможно было сопротивление, но затем попал в плен к римлянам. Веспасиан и Тит держали меня под стражей и заставляли меня постоянно находиться около них. Сначала я был в оковах, но впоследствии с меня сняли оковы и из Александрии вместе с Титом меня послали для осады Иерусалима. Ничто из того, что происходило за это время, не ускользнуло от меня — все стало мне известно. С одной стороны, я тщательно записывал все, что я видел в римском лагере, а с другой — я один только понимал то, что передавалось перебежчиками. Впоследствии, когда я в Риме нашел досут, я обработал подготовленный уже раньше труд, прибегая, ради греческого языка, к помощи некоторых сотрудников, и, таким образом, я составил историю событий. Я настолько был уверен в истине моего описания, что я решился раньше всех призвать в свидетели главных начальников войны, Веспасиана и Тита. Им я первым поднес мою книгу, а затем уже многим римлянам, участвовавшим в войне. Я также продавал ее многим единоплеменникам, которые хорошо знакомы с греческим образованием, в том числе Юлию Архелаю, почтенному Ироду и самому достославному царю Агриппе. Все они засвидетельствовали, что я строго держался истины, так как они не постеснялись бы открыто заявить и не умолчали бы, если бы я, по неведению или в угоду кому-либо, представил неверно или опустил какое-нибудь событие.

10. Некоторые злые люди старались умалять достоинство моей истории, обращаясь с нею точно ученики в школе, изощряющиеся в хитро придуманных обвинительных и клеветнических речах. Им бы следовало знать, что тот, кто обе-

щает другим верное описание исторических фактов, должен прежде всего иметь о них точные сведения, или будучи сам очевидцем изображаемых событий, или осведомляясь о них у людей сведущих. И я думаю, что то и другое как нельзя больше соблюдено было мною в моих трудах. Свое сочинение о «древностях» я составил, как уже заметил, на основании наших священных книг, так как сам принадлежу к роду священническому и основательно изучил философию, заключающуюся в тех книгах. Историю же войны я написал на основании собственных своих наблюдений, так как участвовал в ней, был очевидцем главнейших ее эпизодов и все, что говорилось и делалось, доходило до моего сведения. Не дерзость ли после этого со стороны тех, которые стараются подвергать сомнению и оспаривать мою правдивость? Пусть они, как сами утверждают, и читали «воспоминания» военачальников, но, во всяком случае, они не были при том, что совершалось нами, противной партией.

11. Я позволил себе это вынужденное отступление, потому что хотел показать легкомыслие тех, которые выдают себя за историков. — Достаточно выяснив, как мне кажется, что письменное сохранение древних событий гораздо раньше практиковалось варварами, чем греками, я хочу теперь обратиться сначала с некоторыми возражениями против тех, которые стараются выставлять наш государственный строй новым на том основании, что греческие писатели, как они говорят, о нас не упоминают; затем я приведу из сочинений других народов свидетельства о нашей древности и докажу, что поносители нашего народа без всякой причины на него клевещут.

12. Мы не населяем страны прибрежной и не питаем склонности ни к торговле, ни к вызываемому ею общению с другими народами. Наши города отстоят далеко от моря, и так как мы наделены хорошей землей, то ее возделываем. Больше же всего мы обращаем внимание на воспитание детей и хранение законов, считая главнейшей задачей всей жизни соблюдать преподаваемое ими благочестие. Если к сказанному еще прибавить своеобразность нашей жизни, то окажется, что в древние времена у нас не было ничего, что могло бы служить поводом для сближения с греками, как, например, у египтян вывоз и привоз товаров или у жителей

финикийского прибрежья оживленная торговая и промышленная деятельность, вызванная жадностью к наживе. Наши предки также не предпринимали, подобно другим народам, войн для грабежа или усиления своего могущества, хотя наша страна изобиловала храбрыми людьми. Поэтому финикияне, которые ради торговых целей сами отправлялись морем к грекам, стали им скоро известны, а через них уже египтяне и все те, от которых они к ним привозили грузы, переплывая большие моря.

После мидяне и персы, достигши господства над Азией, стали выдвигаться и обращать на себя внимание, персы в особенности с тех пор, как они свои походы распространили до нашего материка[23]. Фракийцы[24] же сделались известны грекам благодаря своему соседству с ними, а скифы[25] — через посредство тех, которые совершали плавания по Понту[26]. Вообще все народы прибрежные, живущие к востоку и западу от моря, были более знакомы тем, которые имели желание писать историю, тогда как народы, обитающие подальше от моря, остались им по большей части неизвестными. И то же явление замечается в отношении Европы; ведь даже о городе Риме, который уже с давних пор славится своим могуществом и совершенными им военными подвигами, помину нет ни у Геродота, ни у Фукидида, ни у кого-либо из их современников, и о нем только поздно и постепенно кой-какие сведения доходили до греков[27]. А о галлах и иберах так мало знали даже писатели, которые слывут самыми точными, в том числе Эфор, что последний принимал Иберию, составляющую значительную часть Запада, за один город, и они без всякого стеснения приписывают этим народам такие нравы, какие у них никогда не существовали и которых ни одно предание не знает[28]. Причина незнания истины об этих народах заключается в их обособленности, причина же сообщения о них ложных сведений — в желании казаться более сведущим, чем другие. Что же после этого удивительного в том, что наш народ, который жил так далеко от моря и избрал себе такой образ жизни[29], многим остался неизвестным и не подавал писателям повода к тому, чтобы они упоминали о нем в своих сочинениях.

13. А что, если бы мы захотели воспользоваться тем же аргументом против греков, утверждая, что они народ не

древнего происхождения, на том основании, что в наших литературных памятниках о них не говорится?[30] Разве они не посмеялись бы порядком над нами и разве они не прибегли бы к тем же, как я думаю, доводам, которые сейчас приведены были мною, ссылаясь при этом, в доказательство своей древности, на свидетельства соседних с ними народов? Вот и я постараюсь сделать то же самое. Я сошлюсь главным образом на показания египтян и финикиян, свидетельство которых никто не может отвергнуть, как несогласное с истиной, ввиду того, что египтяне и финикияне — первые все без исключения, а из последних тиряне, — очевидно, особенно враждебно настроены против нас[31]. О халдеях я бы не мог сказать то же самое, так как они родоначальники нашего народа и вследствие своего родства с иудеями упоминают о них в своих летописях[32]. Сначала я представлю свидетельства, почерпнутые у названных народов, а затем приведу также греческих авторов, у которых встречаются указания на иудеев, дабы не оставить клеветникам никакого повода к нареканиям на нас.

14. Начну сперва с египетской письменности. Приводить подлинные памятники египтян, правда, нет возможности, но Манефон[33], который, как известно, был родом египтянином, усвоившим греческое образование, составил на греческом языке историю своего отечества, которую, как сам утверждает, переложил из священных книг и в которой обличает Геродота в том, что он по неведению много ложного сообщил о Египте. Этот же Манефон пишет следующее во второй книге своей «Египетской истории» о нас[34]. (Передаю собственные его слова, выводя как бы его лично свидетелем.)

«Был у нас царь по имени Тимеос[35]. В его царствование Бог, неизвестно почему, прогневался, и из восточных стран внезапно напали на нашу землю люди бесславного происхождения, полные отваги, и завладели ею легко, без боя и насильно. Они покорили всех бывших в ней князей, затем беспощадно сожгли города и разрушили храмы богов. С жителями они поступили самым жестоким образом, убивая одних, а других вместе с женами и детьми обращая в рабство. После всего этого они избрали царя из своей среды, имя которого было Салитис[36]. Последний основал свою резиденцию в Мемфисе, обложил данью верхнюю и нижнюю землю

и поставил гарнизоны в более подходящих пунктах. Но в особенности он укрепил восточные окраины, в ожидании, что ассирийцы когда-либо, собравшись с силами, сделают нападение на его царство, желая завладеть им. Найдя в Сетроитском номе[37], на востоке от Бубастийского рукава Нила, весьма удобно расположенный город, который, согласно древнему религиозному сказанию, назывался Аварис[38], он обстроил его, укрепил его весьма сильными стенами и поместил в нем многочисленный гарнизон, состоявший из двухсот сорока тысяч тяжеловооруженных. Туда он отправлялся летом как для раздачи продовольствия и жалованья, так и для того, чтобы, с целью внушения страха соседним народам, заставлять воинов усердно заниматься военными упражнениями. Он умер, процарствовав девятнадцать лет. Ему наследовал другой по имени Беон[39], который царствовал сорок четыре года. После него Апахнан царствовал тридцать шесть лет и семь месяцев. После него царствовали Апофис — шестьдесят один год и Ианнас[40] — пятьдесят лет и один месяц. Последним из всех этих царей был Ассис[41], который царствовал сорок девять лет и два месяца. Вот эти шесть были первыми царями среди них, и они постоянно и со все большей силой стремились к тому, чтобы искоренить род египетский. Весь их народ назывался *гиксос*, что значит "цари-пастухи". Ибо *гик* означает на священном языке "царя", а *сос* в народной речи — "пастуха" или "пастухов"; из этих же двух частей образовалось слово *гиксос*[42]. Некоторые полагают, что это были арабы»[43].

В другом же экземпляре я нашел[44], что звук *гик* означает не царей, но, наоборот, указывает на то, что пастухи были пленниками, так как, с другой стороны, *гик* и *гак* (произносится с придыханием густым) по-египетски прямо означает «пленников»[45]. Это объяснение мне кажется правдоподобнее и согласнее с древней историей.

Манефон, далее, говорит: «Вышеупомянутые цари из так называемых пастухов и их преемники владели Египтом в продолжение пятисот одиннадцати лет[46]. После этого цари фивские и верхнеегипетские[47] поднялись против пастухов, и вспыхнула сильная и продолжительная война. В царствование Мисфрагмуфоса[48] пастухи были побеждены и вытеснены из всего Египта, и они заперлись в одном месте, которое

в окружности своей заключало десять тысяч арур[49]. Место это называлось Аварис. Его со всех сторон, — говорит Манефон, – пастухи окружили большой и крепкой стеной для того, чтобы иметь все свое состояние и добычу в безопасности. Но Фуммос[50], сын Мисфрагмуфоса, расположившись перед стеной во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек, осаждал их, стараясь силой подчинить их себе. Но отчаявшись в успехе осады, он заключил с ними договор, в силу которого они должны были оставить Египет и могли все в полной безопасности направиться, куда им угодно было. И тогда они, на основании состоявшегося соглашения, со своими домочадцами и своим состоянием оставили Египет в количестве не менее двухсот сорока тысяч человек и пошли в Сирийскую пустыню. Но из страха перед могуществом ассирийцев, которые тогда владычествовали в Азии, они в ныне называемой Иудее построили город, который мог бы вместить столько тысяч людей, и наименовали его Иерусалимом»[51]. В другой книге своей «Египетской истории» Манефон замечает, что «этот же народ так называемых пастухов в их священных книгах[52] называется пленниками». И это совершенно верно, потому что у наших отдаленных предков пастушество составляло обычное занятие[53] и они, ведя жизнь номадов, по справедливости называются пастухами. Пленниками они также не без основания называются египтянами, так как наш предок Иосиф сам заявил египетскому царю, что он пленник[54], и впоследствии, с согласия царя, вызвал в Египет своих братьев. Но об этом я более подробно поговорю в другом месте.

15. А теперь я приведу показания египтян, подтверждающие эту нашу древность, и опять сошлюсь на Манефона, передавая его слова, относящиеся к определению времени. Вот что он говорит: «После переселения народа пастухов из Египта в Иерусалим царь Тефмос[55], вытеснивший их из Египта, царствовал еще двадцать пять лет и четыре месяца, а затем умер, передав власть своему сыну Хеврону[56], который стоял во главе ее тринадцать лет. После него царствовали: Аменофис[57] двадцать лет и семь месяцев; его сестра Амесса[58] двадцать один год и девять месяцев; затем Мефрес[59] двенадцать лет и девять месяцев; Мефрамуфос[60] двадцать пять лет и десять месяцев; Фмос[61] девять лет и восемь месяцев; Аме-

нофис[62] тридцать лет и десять месяцев; Орос[63] тридцать шесть лет и пять месяцев; его дочь Акенхера[64] двенадцать лет и один месяц; ее брат Рафотис девять лет; Акенхер двенадцать лет и пять месяцев; Акенхер второй двенадцать лет и три месяца; Армаис четыре года и один месяц; Рамесс[65] один год и четыре месяца; Армесс Миамун шестьдесят шесть лет и два месяца; Аменофис[66] девятнадцать лет и шесть месяцев. Этому последнему наследовал Сетос, он же Рамесс[67], у которого была многочисленная конница и морская сила. Он назначил правителем Египта своего брата Армаиса[68], предоставив ему во всех других отношениях царскую власть, а только повелев ему не носить царского венца, не обижать царицы, матери детей, и воздерживаться также от остальных царских наложниц. Сам же он пошел войной против Кипра и Финикии, затем против ассирийцев и мидян и всех их покорил, одних мечом, других без боя, одним только страхом перед его великим могуществом. Возгордившись своими успехами, он все смелее двигался вперед, подчиняя себе города и области на востоке. Прошло меж тем много времени, и оставленный в Египте Армаис начал безбоязненно совершать то, что ему запрещено было братом. Он позволял себе насилие над царицей и не переставал оскорблять без всякого стыда остальных наложниц. Наконец он, по совету друзей, возложил на себя царский венец и возмутился против своего брата. Но верховный жрец Египта письмом открыл все Сефосу и сообщил ему о возмущении против него брата Армаиса. Немедленно он возвратился в Пелузий и овладел принадлежащим ему царством. По его имени страна названа была Египтом, ибо Сефос, говорят, назывался Египтом, брат же его Армаис — Данаем»[69].

16. Так говорит Манефон. Из приведенных же хронологических данных, если сосчитать все года, ясно вытекает, что так называемые пастухи, наши предки, вышли из Египта и поселились в обитаемой нами земле за триста девяносто три года до прибытия Даная в Аргос[70]. А между тем его аргивяне считают самым древним[71]. Свидетельство Манефона, почерпнутое из египетских памятников, подтверждает нам, таким образом, два весьма важных факта: во-первых, что наши предки пришли в Египет из другой страны, и затем, что они вышли оттуда почти за тысячу лет до Троянской войны[72].

Что же касается того, что Манефон еще прибавляет не по египетским памятникам, но, как он сам признается, на основании народных сказаний, не имеющих за собою никакого авторитета, то я все это впоследствии опровергну и разоблачу его неимоверные выдумки.

17. Теперь же я хочу от этого перейти к имеющимся у финикиян письменным известиям о нашем народе и привести сохранившиеся у них свидетельства.

Есть у тирян с давних времен весьма тщательно сохраняемые официальные летописи, в которых записаны достопамятные дела, происходившие у них и совершенные против других[73]. В этих летописях говорится, что иерусалимский храм был сооружен царем Соломоном за сто сорок три года и восемь месяцев до основания Кархедона[74] тирянами, и в них же мы находим довольно точное описание устройства нашего храма. Ибо тирский царь Хиром[75] был другом нашего царя Соломона, на которого он перенес дружбу, связывавшую его с его отцом[76]. Соперничая с Соломоном в блестящем украшении храма, он ему прислал в дар сто двадцать талантов золота и лучший лес, срубленный, по его приказанию, на горе Ливанской, для покрытия здания[77]. Взамен этого Соломон, кроме многих других даров, уступил ему в Галилее область, называемую Хавулоном[78]. Больше всего их соединяла в дружбе любовь к мудрости: они пересылали друг другу, для решения, задачи, и Соломон, превосходивший его во всем остальном мудростью, и в отношении этих задач оказался сильнее. Еще по сие время у тирян сохраняются многие из писем, которыми они обменялись[79]. В доказательство же того, что сказанное о письменных памятниках тирян не есть выдумка, сочиненная мною, я приведу свидетелем Дия, который пользуется славой достоверного писателя и основательного знатока финикийской истории[80]. В своем сочинении о финикийской истории он выражается следующим образом: «После смерти Абибала[81] воцарился сын его Хиром. Этот сделал насыпи в восточных частях города, расширив, таким образом, объем всего города, соединил с ним стоявший особняком на острове храм Олимпийского Зевса, засыпав лежавшее между ними пространство, и украсил храм золотыми дарами[82]. Он взошел на Ливан и приказал срубить деревья для построения храмов. Говорят, что иерусалимский

царь Соломон посылал Хирому загадки, предлагая ему присылать такие же с условием, чтобы тот, кто не в состоянии будет решать их, уплачивал разгадчику денежную пеню. Хиром согласился, но так как не мог решать предложенные загадки, то должен был отдать в виде пени большую часть своих сокровищ. Но потом некий Абдемун[83], тирянин, решил загадки и со своей стороны предложил многие другие, которых Соломон не мог разгадать, так что вынужден был еще приплатить Хирому много пени от своих сокровищ». Таково свидетельство Дия о царях, выше мною упомянутых.

18. Но я хочу к этому присоединить еще Менандра Ефесского, который описал происходившие при каждом царе у греков и варваров события, старательно изучив историю каждого из них по местным источникам[84]. В той части своего сочинения, которая трактует о тирских царях, он, дошедши до Хирома, говорит следующее: «После смерти Абибала царство принял сын его Хиром, который жил пятьдесят три года и царствовал тридцать четыре года. Он посредством насыпей расширил место, называемое Еврихором[85], соорудил золотую колонну в храме Зевса, отправился в лесную рощу и приказал срубить на Ливанской горе кедровые деревья для покрытия храмов, разрушил старые храмы и воздвиг новые в честь Геракла и Астарты[86], затем, установив сперва праздник воскресения Геракла в месяце Перитии[87], пошел против итикийцев[88], отказавшихся платить дань, и, покорив их, опять вернулся. При нем жил Абдемун, который, несмотря на молодость свою, решал всегда задачи, которые составлял Соломон, царь иерусалимский. Время же от этого царя до основания Карфедона определяется следующим образом: "После смерти Хирома царство принял сын его Балбазер[89], который жил сорок три года и царствовал семнадцать лет. Ему наследовал сын его Абдастарт[90], который жил двадцать девять лет и царствовал девять лет. Его коварным образом убили четыре сына его кормилицы, старший из которых захватил власть. После него воцарился Астарт[91] сын Леастарта[92], который жил пятьдесят четыре года и царствовал двенадцать лет. После него царствовал брат его Асфарим[93] девять лет, прожив пятьдесят восемь лет. Этот был убит своим братом Феллетом[94], который, завладев властью, царствовал восемь месяцев и жил пятьдесят лет. Его убил Ифобал[95], жрец

Астарты, который жил шестьдесят восемь лет и царствовал тридцать два года. Ему наследовал сын его Балезор[96], который жил сорок пять лет и царствовал шесть лет. Преемником его был сын его Меттен[97], который жил тридцать два года и царствовал двадцать девять лет. Преемником его был Пигмалион[98], который жил пятьдесят шесть лет и царствовал сорок семь лет. В седьмом году его царствования убежала его сестра и построила город Кархедон в Ливии"»[99]. Таким образом, общая сумма лет от царствования Хирома до основания Кархедона составляет сто пятьдесят пять лет и восемь месяцев. Но так как иерусалимский храм был сооружен в двенадцатом году царствования Хирома, то от построения храма до основания Кархедона протекло всего сто сорок три года и восемь месяцев[100]. Что же мне прибавить больше к этому свидетельству финикиян? Истина, кажется, неопровержимо доказана. И ведь предшествовало же на много времени построению храма прибытие наших предков в страну[101]. Ибо они только тогда приступили к сооружению храма, когда уже вся земля была завоевана ими. Это уже достаточно выяснено было мною на основании наших священных книг в моем сочинении о «древностях»[102].

19. Теперь же изложу то, что о нас писали и передавали халдеи, повествования которых и в других отношениях согласуются с нашими книгами. Свидетелем я приведу Беросса, мужа халдейского происхождения, известного, впрочем, всем интересующимся литературой, так как он обработал для греков сочинения халдеев об астрономии и философии[103]. Этот же Беросс рассказывает, со слов древнейших памятников, о потопе, о вызванной им всеобщей гибели людей, о ковчеге, в котором был спасен Ной, праотец нашего рода, и о том, как ковчег был занесен на вершины армянских гор, то же самое, что Моисей[104]. Затем он перечисляет потомков Ноя, прибавляя к каждому из них время его жизни и доходя до Набопаласара[105], царя Вавилонии и халдеев. Описывая деяния этого царя, он рассказывает, как он, узнав об отпадении Египта и нашей земли, послал против них сына своего Набокодросора[106] во главе большого войска, как последний победил всех и сжег иерусалимский храм и как он весь наш народ увел с собою и переселил в Вавилонию. Город же после этого остался опустошенным в течение семидесяти лет до

Кира, царя персидского[107]. Упомянутый вавилонский царь, по его словам, властвовал над Египтом, Сирией, Финикией и Аравией и своими деяниями превзошел всех предшествовавших ему царей халдейских и вавилонских.

Затем продолжив немного, Беросс дальше в своей истории древности опять прибавляет[108] (передаю собственные слова Беросса, которые гласят следующим образом): «Когда до отца его, Набопаласара, дошла весть об отпадении сатрапа, поставленного над Египтом и областями около Келесирии и Финикии, то он, сам не будучи больше в силах перенести трудности похода, передал некоторые части войска сыну своему, Набокодросору, находившемуся тогда в полном цвете лет, и послал его войной против возмутившегося сатрапа. Набокодросор столкнулся с ним и, дав ему сражение, одержал победу и снова привел страну под свою власть»[109]. В это же время случилось, что отец его, Набопаласар, заболел в городе Вавилоне и скончался, процарствовав двадцать один год[110]. Спустя некоторое время после этого Набокодросор узнал о смерти отца. Устроив дела в Египте и в остальных областях и вверив некоторым из друзей своих пленников иудейских[111], финикийских, сирийских и тех, которые набраны были из живущих в Египте народов, с тем чтобы доставить их вместе с тяжелым войском и прочей добычей в Вавилонию, сам он двинулся в путь в сопровождении небольшой свиты и через пустыню прибыл в Вавилонию[112]. Он нашел дела правления в руках халдеев и царство под бдительным оком лучшего из них и, приняв власть, сделался обладателем отцовского наследия в полном его объеме. Прибывшим пленникам он назначил для поселения самые подходящие местности Вавилонии, а из военной добычи он щедрой рукой украсил храм Бела[113] и другие храмы, а также существовавший издревле город, который он расширил, пристроив к нему новый город[114]. Озабоченный тем, чтобы неприятель, в случае осады, не мог отвести реку и направить ее против города[115], он обвел внутренний город тремя стенами и внешний столькими же, сделав первые из обожженного кирпича и асфальта, а последние из одного кирпича[116]. Укрепив город столь замечательным образом и роскошно украсив ворота его[117], он построил близ отцовского дворца новый дворец, превосходивший старое здание как высотой, так и прочим

великолепием. Слишком долго, может быть, пришлось бы распространяться, если бы я захотел описать его, — замечу только, что это необыкновенное по своим размерам и чудное здание окончено было в течение пятнадцати дней[118]. В этом дворце он воздвиг каменные возвышения, которым он придал вид горообразный; затем он их обсадил всякого рода деревьями и искусственным образом устроил так называемый "висячий сад", потому что его жена, выросшая в Мидийской стране, питала влечение к гористой местности»[119].

20. Вот это и еще многое другое Беросс рассказывает про упомянутого царя в третьей книге своей «Халдейской истории», упрекая при этом греческих писателей[120] в том, что они без всякого основания приписывают построение Вавилона ассирийской Семирамиде и ошибочно относят к ней все эти дивные творения[121]. И в этом случае нельзя не признать достоверности халдейских источников, тем более что и в финикийских архивах имеются указания, согласные с тем, что Беросс сообщает о вавилонском царе и о том, что он покорил Сирию и всю Финикию. То же самое свидетельствует Филострат[122], упоминая в своей истории об осаде Тира[123], а также Мегасфен в четвертой книге своего сочинения об Индии[124], в которой старается доказать, что названный вавилонский царь мужеством и величием подвигов превзошел Геракла, покорив, по его словам, большую часть Ливии и Иберию[125]. А что касается сказанного выше[126] о иерусалимском храме, о том, как он был сожжен вавилонянами во время войны и как приступлено было к восстановлению его тогда, когда Кир сделался властелином Азии, то все это видно будет из слов Беросса, которые я сейчас приведу[127]. Вот что он говорит в третьей книге: «Когда начато было сооружение упомянутой стены, Набокодросор впал в болезнь, от которой скончался после сорокатрехлетнего царствования[128]. Власть перешла к сыну его — Эвилмарадуху[129], который управлял государством беззаконно и безнравственно и через два года[130] был убит устроившим против него заговор Нериглисаром, мужем сестры своей[131]. Покончив с ним, низвергший его Нериглисар захватил власть, которой владел в продолжение четырех лет[132]. Сын его, Лаборосоардох[133], который был еще отроком, царствовал всего девять месяцев, так как вследствие обнаруживаемого им дурного нрава был убит своими приближен-

ными. Устранив его, заговорщики собрались и предложили власть некоему Набонниду из Вавилона[134], участвовавшему в том же заговоре. При нем в Вавилоне возведены были вокруг реки стены из обожженного кирпича и асфальта[135]. В семнадцатом году его царствования Кир выступил из Персии во главе многочисленных сил и, завоевав всю остальную Азию, двинулся против Вавилонии. Узнав о его приближении, Набоннид повел против него войско, чтобы вступить с ним в бой, но, потерпев поражение, убежал в сопровождении немногих и заперся в городе Борсиппе[136]. Кир же занял Вавилон и приказал разрушить внешние стены города, который казался ему слишком уж укрепленным и неприступным. Затем он направился против Борсиппа для осады Набоннида. Но Набоннид, не дожидаясь осады, сдался еще раньше, а потому Кир обращался с ним милостиво. Он его выслал из пределов Вавилонии и назначил ему для пребывания Карманию. В этой стране Набоннид провел остаток дней своих, и там же он скончался»[137].

21. Приведенные слова заключают в себе истину, согласную с нашими книгами. В последних сообщается, что Навуходоносор в восемнадцатом году своего царствования[138] разрушил наш храм, остававшийся в таком положении в продолжение пятидесяти лет, до тех пор, пока во втором году царствования Кира не было положено основания новому храму[139], который был окончен во втором же году царствования Дария[140]. — К этому я еще присоединю показания финикиян, так как пренебрегать обилием доказательств никак не следует. Исчисление же времени по этим показаниям следующее:[141] «При царе Ифобале Навуходоносор осаждал Тир в течение тринадцати лет[142]. После него царствовал Баал[143] десять лет. Затем выбирались судьи[144], которые управляли: Экнибал, сын Баслеха[145], — два месяца; Хелбес[146], сын Абдея, — десять месяцев; верховный жрец Аббар[147] — три месяца; судьи Миттин[148] и Герастрат[149], сын Абдалима[150], — шесть лет. После них царствовал Балатор[151] — один год. После его смерти из Вавилона вызван был Мербал[152], который царствовал четыре года, а когда этот скончался, вызван был его брат, Хиром, который царствовал двадцать лет. В его время Кир утвердил свою власть над персами». Таким образом, весь период времени обнимает пятьдесят четы-

ре года и три месяца[153]. Ибо в седьмом году[154] своего царствования Навуходоносор приступил к осаде Тира, и в четырнадцатом году царствования Хирома Кир достиг власти в Персии. Так и в отношении храма свидетельства халдеев и тирян согласны с нашими книгами. Несомненным и неоспоримым оказывается, следовательно, доказательство в пользу того, что мною высказано было относительно древности нашего народа, и я думаю, что изложенное достаточно убедить всякого, кто не слишком задорный.

22. Теперь же я должен удовлетворить требование тех лиц, которые не доверяют показаниям варваров[155] и достойными веры считают одних только греков, и доказать им, что многие из последних знают о нашем народе и упоминают о нем в своих сочинениях, когда к тому представляется случай. Вот Пифагор Самосский, живший в древнее время и признанный превосходнейшим из философов как по мудрости, так и по благочестию, несомненно был не только знаком с нашими нравами, но и подражал им в высокой степени. Сам он, по общему мнению, ничего письменного не оставил[156], но о нем писали многие, а из них самый известный — Гермипп, прилагавший много старания к исследованию всей области истории[157]. Последний рассказывает в первой книге о Пифагоре, что когда умер один из учеников Пифагора по имени Каллифонт, родом из Кротоны[158], он говорил, что душа покойного пребывает с ним днем и ночью[159] и повелела ему не переходить через место, на котором поскользнулся осел[160], воздерживаться от жажду возбуждающей воды[161] и избегать всякого злословия[162]. Затем он прибавляет следующее: «Так поступал и говаривал он, подражая верованиям иудеев и фракийцев и усваивая их себе. Не без основания утверждают, что тот муж внес в свою философию многие господствующие у иудеев воззрения»[163]. Но и в городах наш народ не был безызвестен, и многие из наших нравов даже проникли в некоторые из них и иными почитались достойными подражания. Об этом свидетельствует Теофраст[164] в своем сочинении «О законах», говоря, что тирские законы запрещают клясться клятвами иноземцев, и называя в том числе, между прочим, клятву, называемую *корбан*. Но эта клятва не встречается ни у какого народа, разве только у иудеев, на языке которых сие слово, если его передать в переводе, значит *приношение*

Богу[165]. Да и Геродоту Галикарнасскому наш народ не остался безызвестным, и он, кажется, каким-то образом упоминает о нем. Говоря во второй книге своей истории[166] о колхидцах[167], он замечает следующее: «Из всех людей одни только колхидцы, египтяне и эфиопы с самого начала практикуют обрезание. Финикияне же и сирийцы, живущие в Палестине, по собственному признанию, научились этому от египтян, тогда как сирийцы, обитающие у рек Фермадонта[168] и Парфении[169], и смежные с ними макроны[170] утверждают, что переняли этот обычай в недавнее время у колхидцев. Ибо последние суть единственные из всех людей, которые совершают над собою обрезание, и они, кажется, в этом отношении подражают примеру египтян[171]. А сами египтяне и эфиопы, кто у кого позаимствовал этот обычай — сказать не могу»[172]. И так Геродот замечает, что сирийцы, живущие в Палестине, практикуют обрезание. Но из всех народов, населяющих Палестину, одни только иудеи совершают его — следовательно, он, зная об этом господствующем в Палестине обычае, о них говорил[173]. — Упоминает о нашем народе также Херил[174], один из древнейших поэтов, называя его в числе тех, которые вместе с персидским царем Ксерксом пошли войной против Эллады. Сначала он перечисляет все остальные народы, а затем последним в ряду их выводит наш народ, описывая его следующими словами:

> «После же них показался народ удивительный видом,
> Речь финикийскую он испускал устами своими,
> Там, где Солимский хребет и широкое море, живет он.
> Головы сплошь до темени бриты у них, но поверх их
> Кожу головью коня надевают, тверделую паром».

Для всех, я полагаю, ясно, что он здесь нас имеет в виду, так как Солимские горы находятся в нашей земле и мы их обитаем, а равно море, называемое Асфальтовым[175]. Ибо оно самое широкое и большое среди всех сирийских озер. Итак, Херил упоминает о нас[176]. Но не трудно доказать, что евреев не только знали, но и с чувством удивления относились к ним, если случалось с ними встречаться, и то не худшие из греков, а те, которые своей мудростью особенно прославились. Так, Клеарх[177], ученик Аристотеля и философ-перипатетик, равного которому не было, говорит в первой книге «О

сне»[178], что его учитель, Аристотель, рассказал про одного иудейского мужа следующее, причем приводит этот диалог: «Распространяться много было бы слишком долго, но не бесполезно будет излагать таким же способом[179] замечательную философию, которой обладал тот человек». «Я знаю хорошо, — сказал он, — ты, Гиперохид, наверно, подумаешь, что я тебе рассказываю чудо или нечто похожее на сновидение». Гиперохид почтительно ответил: «Потому-то и расскажи, мы все с напряженным вниманием будем слушать». «Итак, — сказал Аристотель, — согласно требованию риториков и дабы не согрешить против учителей повествования, остановимся сперва на его происхождении». «Говори, — сказал Гиперохид, — если тебе угодно так». «Тот человек, — начал Аристотель, — был по происхождению иудеем, родом из Келесирии. Эти люди[180] ведут свое начало от индийских философов. У индийцев, как говорят, философы называются *каланами*, а у сирийцев — *иудеями*[181]. Последние получили свое имя от страны, которую они населяют и которая называется Иудеей. Имя же города их очень мудреное — они называют его Иерусалимом. Вот этот человек, который многих считал своими друзьями и из своей отдаленной от моря родины часто спускался в приморские города, был греком не только по языку, но и по духу. В то время мы находились в Азии[182]. Туда и он пришел, и, познакомившись с нами и с некоторыми другими преданными науке лицами, он начал испытывать их в мудрости. Но так как он сошелся с людьми, из которых многие отличались глубоким знанием, то он преимущественно делился с ними тем, чем сам обладал»[183]. Так говорит Аристотель у Клеарха и еще много распространяется о великой и редкой умеренности, которую иудейский муж соблюдал в своем образе жизни, и о его самообладании. Кто желает, может более узнать из самой книги, ибо я ограничиваюсь самым существенным и стараюсь не приводить лишнего. Всего этого Клеарх касается только мимоходом, так как он трактует, собственно, о другом предмете и не имел намерения говорить специально о нас. Зато Гекатей Абдеридский[184], который был философом и вместе с тем весьма сведущим в делах практической жизни, современник царя Александра и близкий друг Птолемея, сына Лага[185], не мимоходом говорил об иудеях, но целую книгу о них написал, из которой

я приведу некоторые краткие извлечения. Но сперва я выясню время. Он упоминает о битве при Газе между Птолемеем и Димитрием; эта же битва, по словам Кастора, происходила в одиннадцатый год смерти Александра, в сто семнадцатую олимпиаду. Ибо при этой олимпиаде он замечает: «Тогда Птолемей, сын Лага, победил в битве при Газе Димитрия, сына Антигона, прозванного Полиоркетом». Александр же, как все единогласно признают, скончался в сто четырнадцатую олимпиаду[186]. Ясно, таким образом, что в его время и во время Александра процветал наш народ. Гекатей же со своей стороны говорит следующее: «После битвы при Газе Птолемей привел под свою власть лежащие около Сирии области[187]. Многие из тамошних жителей, убедившись в кротости и гуманности Птолемея, изъявили желание отправиться вместе с ним в Египет и посвятить себя там служению государству. В числе их находился также иудейский первосвященник Езекия[188], человек шестидесяти лет, пользовавшийся большим почетом среди своих соплеменников, одаренный недюжинным умом, сильный словом и опытный в делах как редко кто; хотя, — прибавляет он, — число всех священников, получающих десятину от всех произведений и управляющих общественными делами, доходит у иудеев до тысячи пятисот человек». Дальше он опять возвращается к вышереченному мужу, замечая следующее: «Этот человек, достигший такого почета и ставший в близкие отношения к нам, собирал вокруг себя разных своих соотечественников и разъяснял им все различие (между Египтом и другими странами), так как у него записаны были сведения о местностях, в которых они жили, и об их политическом положении»[189]. Затем Гекатей рассказывает, как мы относимся к нашим законам и как мы предпочитаем всякого рода страдания нарушению их, усматривая в подобном образе действия величайшую добродетель. «Хотя, — говорит он, — соседи и являющиеся к ним иноземцы всячески их обижают и персидские цари и сатрапы часто подвергали их униженьям[190], они тем не менее не могут быть отвлекаемы от своих убеждений, но всегда за них без малейшего сопротивления встречают всякие мучения и жесточайшую смерть, лишь бы не отречься от веры предков». При этом он приводит немало примеров, доказывающих их стойкость и твердость духа в отношении законов.

Так, он рассказывает, что когда раз Александр во время своего пребывания в Вавилоне хотел восстановить обвалившийся храм Бела и приказал всем своим воинам общими силами убрать мусор, одни только иудеи не повиновались[191]. Их подвергли многим истязаниям и жестоким карам, но они все спокойно претерпели, пока царь их не простил и освободил от наказания. Когда они, рассказывает он далее, вернулись в свою землю, то они разрушили все оказавшиеся там языческие храмы и капища, уплатив за одни сатрапам денежное вознаграждение, а за другие получив прощение. И он при этом замечает, что справедливость требует не отказать им в удивлении за подобные деяния. Он также упоминает о многочисленности нашего народа. «Много мириад, — говорит он, — персы сперва перевели в Вавилон[192], а затем, после смерти Александра, немало также переселилось, вследствие возникших в Сирии смут, в Египет и в Финикию». Тот же автор описывает величину земли, которую мы обитаем, и красоту ее. «Тремя миллионами арур[193], — говорит он, — лучшей и плодоноснейшей земли владеют они, ибо пространство такой величины занимает Иудея». Но и о самом городе Иерусалиме, что он красив и велик и с древнейших времен населяется нами, а равно о множестве жителей его и об устройстве храма говорит он, выражаясь следующими словами: «Есть у иудеев много укрепленных мест и селений по всей земле, но один только город укрепленный, имеющий в окружности около пятидесяти стадий[194] и обитаемый населением приблизительно в сто двадцать тысяч человек. Называют они его Иерусалимом. Там, приблизительно в середине города, подымается каменная стена[195], имеющая в длину пять плефров[196] и в ширину сто локтей, с двумя воротами. Внутри этой стены возвышается четырехугольный жертвенник, сложенный из необтесанных, но просто собранных и неотделанных камней[197] в таком виде, что каждая сторона имеет двадцать локтей, вышина же его десять локтей[198]. Близ него построено большое здание, в котором стоят жертвенник[199] и светильник, оба из золота, весом в два таланта. На них огонь неугасаемый горит днем и ночью[200]. В храме нет ни изображения, ни дароприношения, там отсутствует всякое растение, нет ни рощи, ни чего-либо подобного в этом роде[201]. Священники там проводят дни и ночи, исполняя

разные священнодействия и совершенно воздерживаясь от вина в храме»[202]. Далее он рассказывает, что мы участвовали в походах царя Александра и его преемников. Приведу здесь со слов его эпизод с одним иудейским мужем во время похода, при котором он, как утверждает, сам присутствовал. «Когда я, — говорит он, — отправлялся к Чермному морю, то в числе других иудейских всадников, сопровождавших нас, находился один по имени Мосоллам[203], человек сильный духом и телом и, по отзыву всех, лучший стрелок среди греков и варваров. По дороге один прорицатель, гадавший по птичьему полету[204], предложил всей двигавшейся массе остановиться. Тогда тот человек спросил, отчего они не продолжают своего пути. Прорицатель, показав ему птицу, сказал: "Если она останется здесь, тогда всем следует остановиться; если же она поднимется и устремится вперед, тогда и мы можем продолжать свой путь, но если она полетит обратно, тогда и нам надо вернуться". Молча тот натянул свой лук, поразил птицу и убил ее. Прорицатель и некоторые другие пришли в негодование и осыпали его проклятиями, но он им сказал: "Что вы, несчастные, неистовствуете?"; затем, взяв птицу в руки, он продолжал: "Как же она, которая не позаботилась о своем собственном спасении, могла бы нам предвещать что-нибудь разумное относительно нашего пути; если бы она могла предвещать будущее[205], она не прилетела бы к этому месту и убоялась бы смерти от стрелы иудея Мосоллама"». Но довольно будет этих свидетельств из Гекатея; желающим побольше узнать не трудно будет обращаться к самой книге. Я же не поленюсь назвать еще Агафархида[206], который упоминает о нас, насмехаясь над нашей, как он думает, простотой.

Именно он, рассказывая историю Стратоники[207], упоминает, как она, покинув мужа своего Димитрия, отправилась из Македонии в Сирию и как затем, вследствие нежелания Селевка жениться на ней (на что она, однако, рассчитывала), возбудила население Антиохии к открытому против него восстанию, после того как он собрал себе войско из Вавилона. Затем же, когда прибыл царь и она, по взятии им Антиохии[208], убежала в Селевкию[209], ей представлялась возможность быстро отплыть; она тем не менее, веря неблагоприятному сновидению, осталась, была настигнута и казнена. Рассказав это с насмешкою над суеверием Стратоники, Агафар-

хид пользуется приведенным примером, чтобы поглумиться и над нами, и пишет следующее: «Населяющие самый укрепленный из всех своих городов, известный у населения под именем Иерусалима, иудеи обыкновенно бездействуют на седьмой день (недели), не дотрагиваясь уже в этот день ни к оружию, ни к земледельческим орудиям и не исполняя решительно никакой другой обязанности, кроме молитвы, за которою проводят с поднятыми руками все время до вечера. Когда же Птолемей Лаг[210] входил с своим войском в город, то эти люди[211], вместе того чтобы защищаться от нашествия, заупрямились в своем безумии, и таким образом отечество их подпало власти тяжкого деспота, а закон их оказался в применении к делу никуда не годным.

Этот случай научил, конечно, всех прочих, кроме них, прибегать к сновидениям[212] и допускаемому законом суеверию[213] лишь постольку, поскольку люди со своими человеческими соображениями оказываются слишком слабыми в затруднительных положениях».

Все это кажется Агафархиду достойным осмеяния, лицам же, рассуждающим без злобной зависти, представляется в высшей степени великим и похвальным, если ничтожная горсть людей предпочитает личному спасению и общественному благу соблюдение законов[214] и богопочитание.

23. А что некоторые историки не по незнакомству с нами, но либо из зависти[215] или по другой какой-нибудь причине нарочно не упомянули о нас, тому я думаю представить доказательство. Например, Иероним[216], написавший историю диадохов, жил в одно время с Гекатеем[217] и, будучи другом царя Антигона[218], управлял Сириею. Однако тогда как Гекатей написал о нас целую книгу, Иероним, живя постоянно и почти исключительно в тех местах[219], нигде в истории своей о нас не упоминает. Настолько различны взгляды людей. Одному мы показались достойными самого теплого участия, другому же какое-нибудь низменное побуждение совершенно закрыло глаза на истину. Впрочем, в смысле установления древности (нашего) народа в одинаковой мере достаточны официальные записи египтян, халдеев и финикиян[220], как и столь многие данные греческих историков: кроме вышепоименованных[221], упоминают о нас, и не вскользь только[222], Феофил[223], Феодот[224], Мнасей[225], Аристофан[226], Гермоген[227], Ев-

гемер[228], Конон[229], Зопирий[230] и, вероятно, еще многие другие: ведь у меня не все книги были под рукою[231].

Хотя большинство из названных писателей и ошибалось в установлении истины относительно возникновения мироздания, так как они случайно не были знакомы с нашими священными книгами, но вообще все единогласно свидетельствуют о нашей древности, то есть именно о том, чего ради я и веду настоящую речь. Впрочем, Дмитрий Фалерский[232], Филон Старший[233] и Евполем[234] уклонялись от истины ненамного, и это им вполне простительно, так как они не были в состоянии с полною точностью изучить нашу литературу.

24. Теперь мне остается еще самое главное из намеченного в начале этого сочинения, именно раскрыть лживость наветов и обвинений, обращаемых некоторыми по адресу нашего племени, и употребить свидетельства составителей таких изветов против них самих. А что это, благодаря недобросовестности иных, приходилось практиковать и другим писателям, это, я полагаю, хорошо знают все занимающиеся историей. Ведь некоторые из этих писателей задались специальной целью закидать грязью благородное происхождение целых народов и славнейших городов и очернить государства, что, например, сделали: Феопомп[235] по отношению к Афинам, Поликрат[236], затем историк, написавший книгу «Триполитикон»[237], относительно Спарты, — потому что это сочинение не принадлежит, как полагают иные, Феопомпу, — причем затронул и государство фиванское, а Тимей[238] наклеветал в своей истории много на названные и другие города. Чаще всего эти господа поступают так вследствие личных своих отношений к знатным людям, одни из зависти и низости, другие потому, что считают уместным выступать с сенсационными новостями. И у наивных людей[239] они не ошибаются в своих расчетах, тогда как люди здравомыслящие лишь осуждают их за великую их низость.

25. Египтяне первые начали с наветов на нас[240]. И вот, в угоду им, некоторые историки[241] взяли на себя труд извратить истину, с одной стороны рассказывая о факте прибытия наших предков в Египет не согласно с правдой, а с другой — скрывая истину об их исходе оттуда. Много причин к ненависти и недоброжелательству к нам они повыискали главным образом в том обстоятельстве, что предки наши власт-

вовали над их страною, а затем, вернувшись на родину, продолжали жить счастливо[242]. Затем и странное мировоззрение[243] их вызвало у них большую вражду (к нам), именно потому, что наше благочестие отличается от их так называемого богопочитания ровно настолько, насколько сущность Единого Творца разнится от природы бессловесных животных. Все египтяне вообще считают последних божествами, расходясь между собою лишь в степени почитания (того или другого животного)[244]. Будучи людьми легкомысленными и вообще недалекими[245] и с самого начала плохо привыкнув рассуждать о богословских вопросах[246], они потому и не были в состоянии представить себе все величие нашего вероучения. Видя же, что многие идут по стопам нашим[247], они стали завидовать нам. И вот некоторые из них дошли до такой степени безрассудства и мелочности, что не только не задумались восстать против древних летописей своих, но в своем рьяном ослеплении не заметили взаимных противоречий в собственных своих сочинениях.

26. Об одном главном писателе[248] я поведу здесь речь, свидетельством которого я несколько выше[249] пользовался при разборе вопроса о древности (нашего народа). Это — Манефон. Обещав изложить египетскую историю по священным документам[250] и сказав в начале своей книги, что предки наши, войдя в числе многих десятков тысяч человек в Египет, покорили население, и сказав затем сам, что они спустя некоторое время покинули страну, завладели теперешнею Иудеею и, основав Иерусалим[251], построили там храм, до сих пор рассказывал правильно и не отступал от летописей. Далее же, предоставив себе свободу передавать, на основании устных сообщений, разные невероятные сказки и вымыслы об иудеях, сознательно извратил истину, примешав к нам массу прокаженных и других египтян, приговоренных к оставлению страны вследствие различных других заразных болезней. Затем, подставив вымышленного царя Аменофиса[252] и потому не решаясь точно определить время его правления, хотя по отношению к прочим фараонам он правильно определил года их царствования, он связывает с его именем разные басни и обходит тут молчанием то свое же собственное сообщение[253], что исход гиксосов[254] в Иерусалим совершился за 518 лет раньше[255]. Ибо, когда они покинули Египет, фараоном

был Тутмосис. Время же царствования следовавших за ним царей, по его данным, обнимает 393 года до воцарения двух братьев, Сефоса и Гермея (из которых Сефос, по его словам, носил также прозвище Египта, а Гермей — Даная)[256]. Изгнав последнего[257], Сефос правил 59, а за ним старший из сыновей его, Рамсес, 66 лет. Итак, сообщив, что предки наши вышли из Египта за столько лет раньше (Рамсеса) и вставив затем царя Аменофиса, он[258] заявляет, что этот последний пожелал, подобно Гору, одному из своих предшественников на престоле[259], лицезреть богов[260] и сообщил о своем желании сыну Паписа, тезке своему Аменофису[261], который вследствие своих знаний и дару предвидения будущего считал себя божественного происхождения. Тезка его ответил, что он (лишь в том случае) сможет лицезреть богов, если очистит всю страну от прокаженных и прочих нечистых людей. Сообразно с этим царь велел собрать со всего Египта всех калек, и число их дошло до 80 000. Затем он приказал заключить их в каменоломни, находящиеся к востоку от течения Нила[262], где работали и остальные выделенные из общества египтяне. Среди последних, говорит он, находились и некоторые ученые жрецы, пораженные проказою. Но в то же время Аменофис, этот мудрый прорицатель[263], перепугался, боясь за себя и за царя гнева богов, как бы не освободились насильно отведенные в каменоломни; и вот он стал поговаривать, что кое-кто[264], пожалуй, заступится за прокаженных с оружием в руках и овладеет Египтом на тринадцать лет. Не решившись, однако, высказать это самому царю, он оставил об этом последнему письмо и покончил жизнь самоубийством. Фараон был в полном отчаянии. Затем он[265] пишет буквально следующее: «Когда же истек несчастным срок в каменоломнях, то царь, по настоятельной просьбе дать им убежище и кров, предоставил им покинутый гиксосами город Аварис[266], который, по преданию, издревле посвящен был Тифону. Заняв этот город и пользуясь всею (прилегающею к нему) областью в качестве убежища, они выбрали начальником своим некоего жреца из Гелиополиса[267], Осарсифа[268], поклявшись беспрекословно повиноваться ему. Первым же изданным им постановлением был закон — не поклоняться богам и не воздерживаться ни от каких издавна в Египте почитавшихся священными животных, но убивать и употреблять в пищу

всех, равно как не сближаться ни с кем из населения, кроме принесших клятву единомышленников. Издав такой и много других противных египетским обычаям постановлений, он приказал народу восстановить стены города и готовиться к войне с фараоном Аменофисом. Сам же он, собрав как прочих жрецов, так и прокаженных[269], отрядил посольство к изгнанным Тутмосисом пастухам в город по имени Иерусалим и, сообщив о положении своем и прочих подвергшихся позорному насилию сотоварищей, просил предпринять общее единодушное нашествие на Египет. При этом он советовал направиться сперва к Аварису, первоначальной родине их общих предков, и обещал в достаточной мере припасти для войска провиант, чтобы затем уже, когда понадобится, сражаться вместе и без труда подчинить себе (всю) страну[270]. Крайне обрадовавшись этому обстоятельству, те единодушно выступили в поход в количестве до 200 000 человек и скоро прибыли в Аварис. Узнав в подробности об этом нашествии, Аменофис, фараон египетский, немало смутился, так как вспомнил об Аменофисе, сыне Паписа[271]. Созвав тотчас египетское войско и посоветовавшись с его начальниками, он приказал прислать к себе наиболее чтимых в капищах священных животных[272] и повелел жрецам, каждому в отдельности[273], охранять в самых безопасных местах изображения божеств. Пятилетнего же сына своего, Сефоса, называвшегося также, по отцу Рамсесу[274], Рамессом, он отправил к своему другу[275]. Сам же он приготовился защищаться с прочими египтянами, в числе до 300 000 отборных воинов. Сойдясь с врагами, он, однако, не вступил с ними в битву, так как ему пришла в голову мысль, что он собирается воевать с богами[276]. Повернув поэтому быстро назад и прибыв в Мемфис, он захватил Аписа и всех прочих, доставленных туда по его повелению священных животных и немедленно отправился со свитою и всем войском египетским в Эфиопию, ввиду того, что царь эфиопский был по добровольному признанию[277] его вассалом. Последний принял фараона и всю его свиту, поскольку страна его обладала в достаточной мере городами, селениями и нужным для всех этих преследуемых судьбою пришельцев провиантом на по крайней мере тринадцатилетнее изгнание, и выставил на границе Египта эфиопский сторожевой лагерь для охраны людей царя Аменофи-

са. Так обстояло дело в Эфиопии. Гиксосы же[278], соединившись с прокаженными египтянами, поступали столь жестоко с (покоренным ими) населением, что видевшим их тогдашние зверства первое их владычество[279] казалось золотым: они не только жгли города и деревни, грабя и оскверняя храмы, не только не щадили изображений богов, но и делали из святилищ постоянно кухни, в которых зажаривали особенно высоко почитавшихся священных животных, а соответствующих жрецов и прорицателей заставляли разыгрывать при этом роль жертвоприносителей и резников, чтобы затем, обобрав догола, выгонять их. При этом рассказывается, что происходивший из Гелиополиса жрец Осарсиф, так названный по гелиополитанскому божеству Озирису, основав новое свое государство и дав ему законы, изменил, пристав к этим людям, свое имя на название Моисея, которым и стал с тех пор именоваться»[280].

27. Вот это и многое другое, что я, краткости ради, обхожу молчанием, сообщают египтяне об иудеях[281]. Далее Манефон рассказывает, что после этого Аменофис с большим войском и в сопровождении сына своего Рамсеса, под начальством которого также была особая рать[282], выступил из пределов Эфиопии. Сойдясь с гиксосами и прокаженными, они оба победили их и, умертвив множество, преследовали остальных до границ Сирии. Это и тому подобное сообщает Манефон. А что он рассказывает несообразности и очевидно лжет, это я покажу, предварительно выставив, для подтверждения всего последующего, такое обстоятельство: именно Манефон сначала сделал уступку в нашу пользу, сказав, что мы по происхождению своему не египтяне, но что, напав на Египет извне, овладели им, а затем уже покинули его[283]. А что с нами и впоследствии не смешались прокаженные египтяне и что не из их среды вышел вождь народа нашего Моисей, но родился за много поколений раньше, это я постараюсь вывести из его же[284] собственных сообщений.

Итак, первая выставляемая им причина события[285] является прямо-таки смешною, раз он заявляет, что фараон Аменофис возгорел желанием лицезреть богов. Каких именно таких богов? Если тех, которые почитались египтянами, то есть быка, козла, крокодилов или обезьян с собачьими мордами, то ведь они были у него пред глазами. Небесных же бо-

гов как мог он лицезреть? И ради чего обуяло его вдруг такое желание? Вне сомнения, оттого, что другой предшествовавший ему царь[286] лицезрел их. Конечно, от последнего[287] он знал уже, какие такие эти боги и каким образом тот добился возможности лицезреть их, так что он, следовательно, более не нуждался в новом к тому способе. Умен же был и прорицатель, при помощи которого фараон задумал привести свой план в исполнение! Каким же образом он-то не предвидел всей невозможности исполнения замысла царя, раз он не уклонился от этого? Какой наконец смысл в том утверждении, что боги-де невидимы вследствие наличности (в стране) калек и прокаженных? Ведь боги гневаются обыкновенно на безбожие, а не на телесные недостатки и увечья. Далее, каким образом возможно собрать в один какой-нибудь день 80 000 прокаженных или калек?[288] Почему царь ослушался прорицателя? Ведь тот велел ему выгнать прокаженных за пределы Египта, тогда как он засадил их в каменоломни, как будто бы он нуждался в рабочих, а не решился очистить страну. Затем (Манефон) утверждает, что прорицатель, предвидя гнев богов и дальнейшую судьбу Египта, покончил самоубийством, а царю оставил письмо с предвещанием. Но почему же прорицатель с самого начала не знал вперед своей смерти? Почему же он с самого начала не высказался против желания царя лицезреть богов? Неужели основателен страх за то несчастие, которое должно наступить уже после нашей смерти? Или пришлось ли бы подвергнуться ему чему-нибудь худшему, чем поспешному самоубийству?

А теперь взглянем на самую наивную сторону дела: зная все это и трепеща за будущее, царь не только не изгнал вовсе из страны тех прокаженных, от которых ему было велено очистить Египет, но даже, как утверждает Манефон, по просьбе их предоставил им город Аварис, в древности населенный гиксосами. Собравшись туда, продолжает он[289], они избрали-де себе начальника из бывших гелиополитанских жрецов, и он уже будто бы предписал им не поклоняться богам и не воздерживаться от пользовавшихся почитанием в Египте животных, а, напротив, без стеснения убивать и есть их, не водясь ни с кем, кроме единомышленников. Заставив затем народ присягнуть на верность этим постановлениям, он, предварительно укрепив Аварис стенами, объя-

вил войну фараону. При этом Манефон присовокупляет, что он послал в Иерусалим приглашение сражаться совместно с ним, обещая уступить им за это Аварис, так как это-де первоначальное обиталище имеющих прибыть из Иерусалима союзников. Равным образом он уверил их в том, что, сделав Аварис базисом военных действий, они (легко) овладеют всем Египтом. Затем Манефон рассказывает, будто они прибыли с 200 000 войском и что фараон египетский Аменофис, не считая себя вправе бороться с богами, поспешно бежал в Эфиопию, заранее повелев жрецам скрыть и уберечь Аписа и некоторых других священных животных. Далее, — что выходцы из Иерусалима напали на страну, разрушили города, сожгли святилища и избили жрецов[290], не воздерживаясь вообще ни от какого беззакония и насилия. Жрец же, давший им государственное устройство и законы, по его мнению, был родом из Гелиополиса, назывался от тамошнего бога Озириса Осарсифом и затем переменил наименование свое на имя Моисея. Наконец, он утверждает, что Аменофис на тринадцатый год, ибо столько времени ему суждено было пробыть в изгнании, покинул Эфиопию с большим войском и, сразившись с гиксосами и прокаженными, победил их в битве и, умертвив множество их, преследовал остальных до границ Сирии.

29. И тут опять нет никакого смысла в его неправдоподобной лжи. Ведь если прокаженные и вся масса их товарищей первоначально и были враждебно настроены против царя и поступивших с ними сообразно велению прорицателя, то теперь, когда они по выходе из каменоломен получили от фараона целую область с городом, они должны были почувствовать полное к нему расположение. И хотя бы они продолжали ненавидеть царя, а некоторые, в частности, даже злоумышляли против него, то все-таки они, имея при своей массе множество родни[291], не пошли бы войною на все прочее население. И допустив даже, что они порешили сражаться с людьми, они никак уже не посмели бы бороться против богов и не издали бы постановлений, идущих вполне вразрез с их собственными обычаями, в которых они родились и выросли. Однако мы должны чувствовать благодарность к Манефону за то уже, что он совершенно ясно говорит, что не пришельцы из Иерусалима были виновниками описанных

беззаконий[292], но что то были египтяне и что среди них особенно жрецы все это повыдумали и заставили, путем клятвы, беспрекословно повиноваться массу простонародья. И разве не противоестественно, что никто из их родных или друзей не отложился вместе с ними (от фараона) и не захотел разделить с ними опасности войны, а что прокаженные послали за помощью в Иерусалим и уже оттуда пригласили себе союзников в борьбе? И на основании какой такой уже прежде выказанной дружбы или близости (сделали это иерусалимцы)? Напротив, ведь раньше они были врагами и резко отличались от всех народностей. Между тем Манефон утверждает, что те немедленно поверили их обещаниям относительно овладения Египтом, как будто они по собственному опыту не достаточно хорошо знали страну, из которой их насильно выгнали. А если им (раньше) жилось скверно и нелегко, то ради чего им, занимавшим счастливый город и владевшим страною, которая была гораздо лучше Египта, было подавать с большою опасностью помощь тем прокаженным, к которым они издавна относились враждебно и которых никто даже из родственников не держал при себе?[293] Ведь не могли же они предвидеть будущего бегства фараона. Напротив, он (Манефон) сам говорит, что сын Аменофиса выступил с войском в 300 000 человек против них и дошел до Пелузия[294]. И это отлично знали все заинтересованные в деле, а между тем на основании каких данных могли они предвидеть изменение (царского) решения и бегство фараона? Далее[295] он утверждает, что иерусалимские войска, овладев Египтом, совершили массу гнусностей, и за это укоряет их, как будто бы он не сам вызвал их в качестве врагов и как будто возможно упрекать призванных извне, когда настоящие, природные египтяне еще раньше прибытия их[296] совершали, и притом в силу заранее данной клятвы, такие насилия. А между тем (по его же дальнейшему рассказу) явился Аменофис и, победив и перебив врагов в сражении, погнал их до пределов Сирии. Так вот как легкодоступен Египет для вторжения в него откуда бы ни было, и конечно те, которые тогда завоевали его, отлично зная, что Аменофис еще жив, не подумали ни укрепить доступа в страну из Эфиопии, хотя они и располагали достаточными для того средствами, ни держать наготове остального своего войска, так что Аменофис, по сообщению

Манефона (без труда), избивал их по всему пути до Сирии, преследуя их по безводной песчаной пустыне![297] Да пустыня-то такова, что и не готовому сражаться войску нелегко пробраться чрез нее!

30. Итак, на основании данных у Манефона[298], наше племя происходит не из Египта и равным образом с нами никто из тамошних жителей не смешался: ведь более чем вероятно, что из прокаженных и больных многие должны были умереть во время своего продолжительного и бедственного пребывания в каменоломнях, многие пали в последовавших затем битвах, а большинство погибло в последнем сражении и во время бегства[299].

Мне остается сделать ему[300] несколько возражений касательно Моисея, которого египтяне считают человеком необыкновенным и божественным; желая же (поразительная наглость!) считать его своим, они выдают его за одного из жрецов, удаленных из города Гелиополиса вследствие проказы.

Между тем из памятников явствует, что тот[301] родился за 518 лет раньше и вывел наших предков в страну, нами теперь занимаемую[302]. Что он не страдал никаким подобным телесным недугом, это вытекает из его же собственных постановлений: он запрещает прокаженным оставаться в городе или жить в деревне, но велит удаляться, разорвав верхнее платье, в пустыню[303] и считает каждого прикоснувшегося к ним или бывшего с ними под одною кровлею нечистым[304]. И даже если болезнь пройдет и человеку вернется его прежний собственный облик, он (Моисей) предписал различного рода очищения, обмывания в ключевой воде и острижение всех волос; только исполнившему целый ряд многоразличных и всяческих жертвоприношений он разрешает вернуться в священный город[305]. А между тем было бы более вероятным, что человек, родившийся с таким недугом, отнесется с мягкостью и человеколюбием к лицам, которых постигло подобное же несчастие[306]. Между тем Моисей издал такие постановления не только относительно прокаженных, но запретил священнодействовать лицам с самым незначительным телесным повреждением и лишал человека этой чести, если он во время отправления своих священнических обязанностей причинял себе таковое. И неужели правдоподобно, чтобы он так

необдуманно делал постановления и чтобы масса людей, одержимых подобными телесными недугами, позволила издать названные законы, себе же на стыд и во вред?

Впрочем, тот[307] злонамеренно назвал его чужим именем, уверяя, что он назывался (первоначально) Осарсифом. А между тем это имя нисколько не похоже на последующее, результат якобы перемены названия Осарсиф на его настоящее имя «спасенный из воды» (Моисей);[308] ибо воду египтяне называют μῶυ. Итак, я полагаю, в достаточной мере выяснено, что, пока Манефон следует древним документам, он немного уклоняется от истины, имея же дело с анонимными[309] преданиями, он либо намеренно исказил их, либо со злостною целью поверил явным выдумкам.

32. После него я перехожу к рассмотрению данных у Херемона[310]. Этот также написал египетскую историю, но, подставив то же, что и Манефон, имя для царя Аменофиса и его сына Рамесса, сообщает, что Аменофису во сне являлась Изида с упреками за то, что во время войны подвергся разрушению храм ее[311]. Книжник же Фритибавт[312] сказал, что страшные ночные видения прекратятся, лишь только царь очистит Египет от запятнанных людей. Поэтому, собрав 250 000 прокаженных[313], тот изгнал их. Вожаками же их (при этом) были: ученый Моисей и Иосиф, также книжник[314], которые по-египетски назывались: Моисей—Тисифен, Иосиф—Петесеф[315].

Достигнув Пелузия[316], они встретились с 380 000 человек, оставленных там Аменофисом[317]. Их фараон также не хотел впустить в Египет. Заключив с ними дружественный договор, они двинулись обратно в Египет. Между тем Аменофис, не дожидаясь их нашествия, бежал в Эфиопию, покинув жену свою беременною. Последняя, скрываясь в каких-то пещерах, родила сына по имени Рамесс[318], который, по достижении возмужалости, прогнал иудеев в количестве 200 000 человек в Сирию и дал отцу своему возможность вернуться из Эфиопии.

33. Так повествует Херемон, и мне кажется, что именно из (сопоставления) данных того и другого[319] ясна вся их лживость. Ведь если бы в основе (всего сообщения) была доля истины, то такое разногласие было бы невозможным, а сообщающие ложное обыкновенно пишут несогласно друг с

другом, выдумывая рассказы сообразно своему личному вкусу. Один[320], например, выдает за первоначальную причину изгнания прокаженных желание царя лицезреть богов, а Херемон уже от себя рассказывает о ночном видении Изиды. Один называет жреца, повелевшего фараону очищение страны, Аменофисом, другой Фритибавтом. Конечно, и численность войск приведена лишь приблизительно, имея отдаленное сходство: один говорит о 80 тысячах, другой не удовлетворяется и 200 000 и потому прибавляет к ним еще 50 тысяч. Равным образом Манефон, засадив прокаженных в каменоломни, а затем предоставив им Аварис, утверждает, что они поселились там, стали враждебно относиться к обычаям всех прочих египтян, а затем уже пригласили на помощь иерусалимцев; Херемон же утверждает, что изгнанные из Египта нашли около Пелузия 380 000 человек, оставленных там Аменофисом с ними вместе; вновь нагрянули на Египет, и что Аменофис бежал в Эфиопию. Самым же великолепным остается все-таки то обстоятельство, что выдумавший[321] всю историю с ночным относительно прокаженных видением Изиды не сообщает ни кто такие были, ни откуда взялись все эти тысячи людей, были ли то природные египтяне, или они явились откуда-нибудь извне; равным образом он так и не выясняет причины, почему царь не хотел впустить их в Египет.

Равным образом Херемон помещает в одно и то же время выход Моисея и удаление Иосифа, тогда как (известно, что) Иосиф умер за четыре поколения до Моисея, то есть приблизительно за 170 лет до него[322]. Сын Аменофиса, Рамесс, по словам Манефона, юношею выступает вместе с отцом на войну и вместе с ним бежит в Эфиопию, тогда как этот рассказывает об его рождении в какой-то пещере уже после смерти отца и говорит, что он (впоследствии) победил иудеев в сражении и в числе 200 000 человек прогнал их в Сирию. Что за небрежность! Ведь он предварительно ни словом не обмолвился ни о том, кто такие были те 380 000 человек, ни о том, куда девались 230 000, пали ли они в бою или, быть может, перешли на сторону Рамесса. Но самым изумительным остается все-таки то, что от него невозможно добиться, кого именно он называет иудеями, прилагает ли он это название к 250 000 прокаженных или к собравшимся

около Пелузия 380 000 человек. — Однако было бы наивно дальше разоблачать тех, кто сам себя уже разоблачил. Опровержения со стороны других в подобном случае всегда кажутся недостаточно вескими.

34. К ним[323] я присоединю еще Лисимаха[324], пишущего на ту же самую, что и они, гнусно лживую тему о прокаженных и нечистых, но превзошедшего их в неправдоподобии своих вымыслов, очевидно, вследствие великой своей (к нам) ненависти. Итак, он рассказывает, что при египетском царе Бокхорисе[325] иудейский народ, будучи одержим проказою, паршою и некоторыми другими болезнями, стекался к храмам и занимался нищенством[326]. Когда же заболела масса народа[327], то в Египте настал недород. Фараон Бокхорис послал тогда вопросить о причинах бесплодия оракул Аммона[328], и бог будто бы повелел очистить храмы от нечистых и нечестивых людей, прогнав их от святилищ в места пустынные, а одержимых паршою и проказою потопить, так как бог Солнца[329] гневается на их пребывание в стране; затем, по совершении очищения капищ, земля станет опять плодородною. Получив это повеление, Бокхорис приказал призвать жрецов и служителей алтарей и повелел им, сделав выбор среди нечистых, передать одних воинам для удаления в пустыню, а к прокаженным привесить куски олова, чтобы они легче погружались в воду. Когда одержимые проказою и паршою были потоплены, остальные, согнанные в пустыню и предоставленные там гибели, собрались вместе на совещание относительно своего положения. Зажегши при наступлении ночи костры и факелы, они тем самым охраняли себя[330] и, соблюдая всю ночь пост[331], умилостивили богов спасти их. С наступлением же дня некий Моисей убедил их бодро двинуться вперед наугад, пока они не дойдут до населенного места; при этом он советовал[332] им не щадить никого из людей, и не входить ни с кем из них в общение, и дотла разрушать капища и жертвенники богов, на которые пришлось бы натолкнуться[333]. Единодушно согласившись исполнять это предложение, они начали свое странствование по пустыне, с достаточно большими затруднениями достигли жилых мест, совершая насилия над людьми[334] и предавая грабежу и огню святилища; затем они прибыли в страну, ныне именуемую Иудеею, и, основав город, поселились в ней.

Город этот получил от их (воинственного) настроения название Иеросила[335]. Впоследствии же, когда они с течением времени стали могущественны[336], они переменили ради избежания упреков это название, переименовав его в Иерусалим, а себя в иерусалимцев.

35. Этот[337] нашел уже возможным назвать другого царя, чем первые, выставил лицо более известное[338] и, не касаясь сновидений и египетского прорицателя, отправился прямо за оракулом относительно одержимых паршою и проказою к Аммону. При этом он заявляет, что иудейский народ во множестве толпился около капищ. Ну и что же? Дал он это имя прокаженным или только заболевшим иудеям?[339] Ведь он пользуется выражением: «иудейский народ». Какой такой народ? Иноземный или уже раньше живший в стране? Так почему же ты называешь в таком случае египтян иудеями? Если же то были иностранцы, то почему не говоришь, откуда они? И каким образом, после того как царь многих из них потопил в море, а прочих прогнал в пустыню, их еще оставалось такое множество?[340] Как выбрались они из пустыни, овладели страною, ныне нами обитаемою, и основали город и храм, всем отлично известный? Следовало бы также не только назвать имя законодателя, но и показать, какого рода и племени был он и ради чего решился дать им такие законы касательно богов и относительно насилий над людьми[341] во время пути. Ибо если то были природные египтяне, то они не так легко отступились бы от родных обычаев; если же они происходили из какого-нибудь другого места, то у них, вследствие продолжительной привычки, сохранились бы некоторые законы[342]. Если бы же они поклялись никогда не относиться к людям, изгнавшим их, иначе как враждебно, то это имело бы еще некоторый смысл, а то обстоятельство, что они объявили *всем* людям беспощадную войну, да еще в своем, как он сам говорит, тяжелом положении, когда они (напротив) нуждались в помощи всех и каждого, то это доказывает безумие не их, но гораздо большую глупость налгавшего на них, того, который осмелился сказать, будто они и городу-то своему (первоначально) дали имя от разграбления храмов и лишь впоследствии изменили его. Ясно ведь, что последующим поколениям имя это должно было принести один только позор и ненависть, между тем как люди, осно-

вывая город, думали таким его названием стяжать себе славу. В необузданном своем рвении хулить все, этот милый[343] человек не сообразил того, что мы, иудеи, пользуемся для выражения понятия «грабить храм» не тем же самым словом, что греки. Итак, что мог бы еще кто-либо возразить такому бессовестному лгуну? Ну, а так как моя книга вышла и без того уже чересчур объемистой, то я постараюсь ниже, в другом, новом отделе, восполнить остальное, сюда относящееся.

Книга вторая

1. В предшествующей книге, почтеннейший мой Эпафродит[1], я, основываясь на сочинениях финикийцев, халдеян и египтян[2] и опираясь на свидетельства о нашей древности многих греческих историков[3], показал всю истину, равно как выставил возражения Манефону[4], Херемону[5] и некоторым другим[6]. Теперь же я примусь за остальных лиц, что-либо о нас написавших[7], но при решении возразить грамматику[8] у меня возникло сомнение насчет того, стоит ли серьезно относиться к нему[9]. С одной ведь стороны, писания его схожи с тем, что уже сказано другим, с другой же — все его добавления крайне бесцветны, а главное, тут у него появляется какое-то шутовство, и если уж говорить всю правду, он обнаруживает полную невоспитанность, какая и приличествует человеку с дрянным характером и бывшему в продолжение всей своей жизни шарлатаном[10]. Но ввиду того, что народная масса, по своему недомыслию, восторгается такими речами скорее, чем составленными с некоторою тщательностью, радуется порицанию и с неудовольствием выслушивает всякую похвалу, я все-таки счел необходимым не оставлять без возражения этого господина, который открыто, как на суде, выставил против нас обвинение[11].

Вместе с тем я вижу, что большинству людей свойственно радоваться, если иной, хулящий другого, сам уличается в осмеиваемых им же недостатках. Конечно, не легко проследить все его рассуждение и вполне точно понять, что, собственно, он хочет сказать, но вообще, при страшной у него запутанности и накоплении лжи, одна часть (его рассуждения) совпадает с выше уже разобранными данными об исходе предков наших из Египта, другая сводится к обвинению живущих в Александрии евреев, и в виде третьей части сюда

примыкают нарекания на богослужение в нашем храме и на прочие ритуальные предписания[12].

2. Итак, полагая, что я уже не только в достаточной степени, но даже более подробно, чем нужно, доказал, что, с одной стороны, предки наши не были египетского происхождения, а с другой — что они удалились оттуда[13] ни вследствие каких-либо телесных недугов, ни других подобных причин, я вкратце покончу с дополнениями Апиона[14]. В третьей книге своей «Истории Египта»[15] он пишет следующее: «Как я слышал от египетских старцев, Моисей происходил из Гелиополиса;[16] хотя ему и следовало бы оставаться верным родным обычаям, однако он ввел молитвы под открытым небом на стольких стенах города, сколько их там было, повелев всем (людям) обращаться при этом лицом к востоку;[17] так ведь расположен уже город бога Солнца[18]. Вместо обелисков он воздвиг столбы, у подножия которых находилось изображение ладьи. На последнее падала от верхушки колонны тень, так что движение ее всегда совпадало с движением солнца по небу»[19]. Вот какова эта удивительная фраза грамматика! Впрочем, ложь тут не нуждается в определении: она очевидна из фактов.

Ведь сам Моисей, воздвигнув первую Скинию Господу Богу, не сделал на ней подобного изображения, как он равным образом не велел делать таковое и последующим поколениям, да и Соломон, воздвигший впоследствии в Иерусалиме храм, воздержался от всякого подобного, изобретенного самим Апионом придатка[20]. Он заявляет также, что слышал от стариков, будто Моисей был гелиополитанцем. Очевидно, это так: ведь он был моложе и потому поверил тем, которые знали его (Моисея), благодаря своему возрасту, и были его современниками[21]. И хотя этот грамматик, специалист по поэту Гомеру[22], не был бы в состоянии с точностью определить родину последнего, как он равным образом не мог бы дать определенного ответа и касательно Пифагора, жившего, так сказать, чуть ли не позавчера[23], однако относительно жившего за такое множество лет до них[24] Моисея он настолько определенно и ясно выражается, на основании рассказов стариков, что он очевидно лжет. А что касается определения времени, когда, по его мнению, Моисей вывел (из Египта) прокаженных, слепых и хромых, то, как я вижу,

этот достоверный ученый (в данном вопросе) близко сходится во взглядах с своими предшественниками; ибо Манефон заявляет[25], что иудеи были изгнаны из Египта во время царствования Тутмосиса, то есть за 393 года до бегства Даная в Аргос[26], Лисимах — при фараоне Бокхорисе[27], то есть за 1700 лет, Молон же[28] и другие по собственному разумению. Ну, а наиболее точный из них, Апион, вполне непреложно определил исход, поместив его в седьмую олимпиаду и притом в первый ее год[29], то есть в тот самый год, когда, по его мнению, финикийцы основали Карфаген[30]. Прибавку о Карфагене он сделал, полагая, что она послужит ему самым веским подтверждением его правоты, хотя он и не понял, что тем самым выставил аргумент против себя же: если верить летописям финикийским об этой колонизации, то в них написано, что царь Хирам, о котором я выше представил[31] сообщения финикийских летописей относительно того, что он был дружен с воздвигшим в Иерусалиме храм Соломоном и доставлял многое для постройки этого святилища, жил более чем за 150 лет до основания Карфагена. Между тем Соломон построил храм спустя 612 лет после исхода евреев из Египта[32]. Определив сплеча число изгнанных таким же, как и Лисимах[33], — последний определяет это число в 110 000 человек, — он приводит затем изумительно убедительное объяснение того, почему суббота называется sabbatos[34]. «Совершив, — говорит он, — шестидневный переход (иудеи), заболели бубонами и по этой причине, благополучно достигнув страны, ныне именуемой Иудеею, стали на седьмой день отдыхать; день этот они назвали sabbatos, сохранив египетское название, потому что заболевание бубонами египтяне называют саббатозис». Неизвестно, следует ли посмеяться над такой болтовней или же возмутиться бессовестностью, заключающеюся в факте подобного писания. Очевидно, конечно, что все 110 000 человек должны были заболеть бубонами[35]. Да ведь если, как и уверяет Апион, то были люди слепые, хромые или одержимые многоразличными болезнями, то они не были бы в состоянии совершить и однодневный переход; если же они смогли пройти огромную пустыню, да еще вдобавок с оружием в руках побеждать своих противников, то, естественно, они, после шестидневного перехода, не могли все в полном составе заболеть бубонами. Ведь такая

вещь никогда не случается ни с того ни с сего с теми, кто по обязанности делает (эти переходы), например, десятки тысяч солдат постоянно проходят подобные расстояния в продолжение многих дней, — да и невероятно, чтобы это случилось вдруг само собою именно тут. Это было бы уже чересчур несообразно. Удивительный Апион, впрочем, только что сказав, что они достигли в продолжение шести дней Иудеи, тут же заявляет, что Моисей, взойдя на находящуюся между Египтом и Аравиею гору Синай, оставался на ней целых сорок дней невидимым и затем, снизойдя оттуда, дал иудеям законы. Неужели возможно, чтобы одни и те же люди оставались и сорок дней в пустыне, то есть в месте, лишенном воды, и вместе с тем прошли ее всю поперек в шестидневный срок? Да и этимологическое его объяснение названия субботы свидетельствует или о беспредельной его наглости, или о страшном невежестве[36]. Sabbat на еврейском языке означает воздержание от всякого труда. Sabbo же, по его утверждению, у египтян значит «боль от бубонов».

3. Вот такие-то данные сообщает египтянин Апион, в восполнение сообщений других историков[37], о Моисее и об исходе иудеев из Египта.

И чему же тут удивляться, если он лжет, будто предки наши были родом египтяне? Ведь сам он лгал о себе, только в обратном смысле: родившись в египетском оазисе[38] и будучи, таким образом, по выражению одного лица, чистейшим египтянином, он клятвенно отрекся от своего настоящего отечества и происхождения и, выдавая себя за александрийца[39], подтвердил лишь гнусность своего происхождения. Очевидно, он называет египтянами тех, кого он презирает и ненавидит, потому что если бы он не считал египтян презреннейшими людьми, то сам не стыдился бы своего с ними родства. Люди, гордящиеся своим отечеством, кичатся, если могут носить имя от названия своей родины, и нападают на тех, кто без должного на то права присваивает себе их название. Относительно нас и египтян допустимы две возможности: или они, в надежде больше прославиться, претендуют на родство с нами, или же они собираются сделать нас сообщниками дурной своей репутации[40]. Благородный Апион же, как кажется, пожелал преподнести александрийцам, в виде благодарности за дарованное ему право гражданства, памфлет на

нас; а так как он прекрасно знал их нерасположение к их согражданам, александрийским иудеям, то и задумал наклеветать на последних и, оставаясь в обоих случаях бессовестным лгуном, попутно примешать к тому же и всех остальных[41].

4. Теперь посмотрим, в каких таких страшных злодеяниях обвиняет он александрийских иудеев. «Придя из Сирии, — заявляет он, — они поселились около открытого моря, где нет залива, в непосредственной близости к месту прибоя волн»[42]. Ну, уж если это место кажется ему никуда не годным, то пусть он поносит и всю Александрию, не настоящий, но так называемый родной свой город, хотя и прибрежная полоса последнего, по общему мнению, вполне прекрасна и удобна для поселения[43]. Впрочем, если бы иудеи силою овладели этою местностью, так что их впоследствии невозможно было бы удалить оттуда, то это было бы лишь доказательством их храбрости. Между тем Александр предоставил им это место для поселения и уравнял их в правах с македонянами[44]. Не знаю, что стал бы говорить Апион, если бы иудеи поселились вблизи некрополя[45], вместо того чтобы занять местность, прилегающую к царскому дворцу; до сих пор фила их[46] носит название македонской. Если же Апион, этот специалист по литературе, зная грамоты царя Александра, Птолемея Лага и последующих египетских царей и видев колонну, воздвигнутую в Александрии и содержащую на себе перечисление прав, дарованных великим Цезарем иудеям[47], если, повторяю я, он, зная обо всем этом, все-таки осмелился написать противоположное, то он негодяй; если же ничего обо всем этом не знал, то он — невежда. А удивляться тому, что иудеи, будучи (полноправными) александрийцами, так и назывались, это также свидетельствует о невежестве: все, которых когда-либо приглашали в какую-нибудь колонию, обыкновенно назывались по имени основателей последней, хотя бы и были совершенно различного от них происхождения. Да стоит ли приводить другие примеры? Ведь единоплеменники наши, населяющие Антиохию, называются антиохийцами, потому что основатель города, Селевк[48], даровал им право гражданства. Равным образом и иудеи, живущие в Эфесе и по всей остальной Ионии, получив право гражданства от диадохов[49], именуются одинаково с тамошним коренным населением. Римское великодушие пре-

доставило почти всем не только отдельным лицам, но и целым большим народам право этого имени[50]. Ввиду этого народности, некогда называвшиеся иберами, тирренцами или сабинянами[51], теперь именуются римлянами. Ну, а если Апион отвергает такой род гражданства, то пусть перестанет называть себя александрийцем. Родившись, как я указывал уже раньше[52], в самом центре Египта, может ли он считаться александрийцем, раз он отвергает всякое значение дарованного права гражданства? А между тем он это делает по отношению к нам. Хотя, правда, одним только египтянам теперешние властители мира, римляне, отказали в каком бы то ни было праве гражданства[53], однако Апион настолько великодушен, что, считая себя самого достойным того, чего не дала ему судьба, решил поглумиться над теми, кто владеет этим по законному праву. Кстати, Александр поселил там некоторых из наших (единоплеменников) не вследствие недостатка населения в городе, с такою любовью основанном им, но вполне испытал храбрость и верность их, оттого-то и даровал им это право. Ведь из уважения к нашему народу он им прирезал, как об этом свидетельствует Гекатей, область самарянскую и притом свободною от податей, ввиду испытанных им верности и преданности иудеев[54]. Одинаково высокого мнения, как и Александр, об александрийских евреях был также Птолемей Лаг: в уверенности, что они верою и правдою охранят их, он доверил им укрепления[55] и, собираясь стать твердою ногою в Кирене[56] и прочих ливийских городах[57], отправил туда иудейские гарнизоны. Равным образом и преемник его, Птолемей, прозванный Филадельфом, не только возвращал всем пленникам из нашего народа, если они ему попадались[58], свободу, но и часто дарил им деньги[59] и — что самое главное — пожелал особенно подробно и близко узнать наши законы и ознакомиться с содержанием священных книг. С этою-то целью он отправил посольство[60] с просьбою прислать к нему переводчиков Закона и поручил позаботиться о возможно точной редакции этого перевода не первым попавшимся, но возложил эту обязанность на Димитрия Фалерского[61], Андрея[62] и Аристея;[63] на того Димитрия, который выдавался среди современников образованием своим; двое же других были ближайшими личными телохранителями царя.

Естественно, что он и не думал бы изучать наши законы и философию[64], если бы презирал людей, обладающих ими. Конечно, он в высокой степени изумлялся этим людям.

5. Впрочем, от внимания Апиона ускользнули также почти все непосредственно следовавшие за ним[65] македонские цари, которые отличались необыкновенным к нам расположением. Так, например, Птолемей III, прозванный Евергетом, после покорения всей Сирии, принес за одержание победы благодарственную жертву не египетским богам, но прибыл в Иерусалим и устроил там, по требованиям нашего ритуала, массу жертвоприношений Господу Богу с соответственными подарками (храму) за победу[66]. Птолемей Филометор и супруга его Клеопатра[67] доверили управление всеми своими владениями иудеям. Главнокомандующими всех их войск были иудеи Ония и Досифей[68], над именами которых глумится Апион, между тем как ему следовало бы удивляться их подвигам, не хулить их, а быть им признательным за спасение ими той самой Александрии, за гражданина которой он выдает себя. Именно, когда они (александрийцы) вели войну с царицею Клеопатрою[69] и подвергались опасности быть стертыми с лица земли, эти-то[70] заключили мир и тем положили конец междоусобицам[71].

«После же этого, — говорит он, — Ония повел к городу небольшое войско в то время, как там находился римский легат Ферм»[72]. Я назвал бы этот его поступок совершенно уместным и вполне похвальным, потому что Птолемей Фискон[73] выступил после смерти брата своего, Птолемея Филометора, из Кирены с целью свергнуть с престола царицу Клеопатру[74] и сыновей царя, чтобы самому овладеть затем незаконным образом царством. Ввиду именно этого Ония, заступаясь за Клеопатру, и объявил ему войну, не изменив своей верности, которую выказывал раньше, во время их обладания престолом[75], и в критическую минуту.

Впрочем, Господь Бог сам очевидным образом подтвердил всю правоту его образа действий: когда Птолемей Фискон собирался сразиться с войском Онии, то велел схватить всех живших в городе[76] иудеев с детьми и женами и, связав их, бросить на растоптание под ноги слонам, нарочно с этою целью опьяненным. Случилось, однако, как раз противоположное тому, чего он ожидал: слоны, не обратив на брошен-

ных им иудеев никакого внимания, накинулись на приближенных царя и многих из них умертвили[77]. Кроме того, после этого Птолемею представилось также страшное видение, которое запретило ему вредить тем людям[78]. И ввиду того, что любимейшая наложница его (одни называют ее Итакой, другие Ириной)[79] умоляла его не совершать безбожий, он уступил и раскаялся в том, что уже совершил, и в том, что еще собирался сделать. Вследствие этого александрийские иудеи, как известно, вполне основательно празднуют тот день, в который они удостоились очевидной Божьей помощи[80]. Хуляций же решительно всех и вся Апион посмел укорять евреев даже за то, что они вели войну с Фисконом, тогда как ему следовало бы отозваться об этом с похвалою. Он упоминает также о последней александрийской царице Клеопатре[81], делая как бы нас ответственными за ее к нам нерасположение, а не считая более правильным обвинить ту, которая была преисполнена всяких несправедливостей и злодеяний как по отношению к своим родственникам, так и относительно своих мужей, даже любивших ее, так, наконец, и по отношению ко всем римлянам вообще, и в частности к императорам, своим благодетелям. Ведь она убила нисколько ей не опасную сестру свою Арсиною, коварным образом погубила брата своего и ограбила родных богов и гробницы своих предков. Получив престол от первого Цезаря[82], она тем не менее решилась возмутиться против его сына и преемника; совратив своим кокетством Антония, она сделала из него врага отечества и заставила его изменить друзьям;[83] одних она, совершенно обезумев, лишила царского достоинства, других побуждала к злодеяниям. Но стоит ли еще говорить об этом, когда она, покинув в морском сражении[84] его[85], то есть мужа и отца детей своих, тем самым побудила его бросить войско и, отказавшись от власти, последовать за нею? А когда Александрия в последний раз была завоевана Цезарем, эта женщина дошла до того, что сочла единственно возможным средством к своему спасению, если она собственноручно поможет ему в избиении иудеев[86]. Так жестока и вероломна была она ко всем! Неужели ты предполагаешь, что нам следует гордиться тем, что — как говорит Апион — во время голода у иудеев нет хлеба на столе?[87] Конечно, та получила должное возмездие; мы же можем сослаться, как на самое веское доказательство

нашей верности, на Цезаря, которому мы оказали помощь в борьбе его с египтянами, а также на сенатские постановления и на послания Цезаря Августа, в которых восхваляются наши заслуги[88]. Апиону следовало ознакомиться с этими посланиями и изучить всевозможные, выставленные при Александре и всеми Птолемеями свидетельства, равно как послания сенатские и декреты величайших римских императоров. Если же Германик[89] не мог раздать хлеб всем жителям Александрии, то это (лишь) доказательство бесплодия и недорода, но отнюдь не улика против иудеев. Ведь известно, какого мнения все императоры об александрийских иудеях, но тем не менее и последние лишились, как и все прочие жители Александрии, хлеба[90]. Впрочем, они оставили им высокие должности, некогда предоставленные им царями, как, например, надзор за рекою и всеми гарнизонами, нисколько не считая их недостойными таких должностей.

6. Далее Апион задает следующий вопрос: почему же, если они граждане, они не почитают тех же самых богов, что и александрийцы? На это я ему отвечу: почему же вы, раз вы египтяне, постоянно и непримиримо враждуете между собою из-за религиозных вопросов?[91] И разве мы все не называем вас египтянами или вообще не считаем людьми за то, что вы поклоняетесь животным, — что, однако, противно человеческой природе, — ходите за ними и с большою старательностью кормите и содержите их, тогда как наш народ является единым и потому всегда неизменным?[92] А раз у вас, египтян, царствует такое разногласие во взглядах, то чего удивляешься ты тому, что прибывшие из разных местностей в Александрию люди остаются верны тем законам, которые в древности и были им на то даны? Впрочем, он выставляет нас также виновниками возмущений. И хотя бы это обвинение было обосновано относительно александрийских евреев, на каком основании обвиняет он нас, живущих в других местностях в общепризнанном согласии?

Далее, всякий скорее сочтет александрийских граждан, подобных Апиону, виновниками смут. Ибо пока греки и македоняне владели этим городом[93], они не возбуждали против нас никаких гонений, напротив, свободно допускали отправление издревле установленных культов. Но когда, вследствие смутных времен, между александрийцами увеличилось чис-

ло египтян[94], то прибавилось и это явление. Между тем как наше племя оставалось постоянно чистым, те, отнюдь не обладая выдержкою македонян и благоразумием греков, но очевидно присвоив себе все дурные египетские привычки и в том числе старинную к нам вражду[95], сами стали виновниками такого непорядка. То обвинение, что они выставляют против нас, падает на них же, так как весьма многие из них, незаконными путями добившись гражданства в этом городе[96], называют иностранцами тех, кто, как известно, вполне по праву пользуется этим преимуществом. Ведь никто из царей, равно как ни один из теперешних императоров, не даровал египтянам прав гражданства, тогда как нам открыл доступ в страну Александр, цари расширили наши права, а римляне оказали нам честь постоянной охраны последних[97]. Апион, однако, осмеливается оспаривать эти права на том основании, что мы-де не воздвигаем статуй императорам (как будто те этого сами не знают, а нуждаются в защите со стороны Апиона)[98], тогда как ему скорее следовало бы преклоняться перед великодушием и лояльностью римлян, не заставляющих покоренных нарушать родные установления и удовлетворяющихся поклонением (в таком виде), в каком это допускается религиозными законами подчиненных. Они нисколько не дорожат тем почитанием, которое является следствием необходимости и насилия. Конечно, у греков и некоторых других воздвигать статуи считается прекрасным, они находят удовольствие в рисованных изображениях своих предков, жен и детей, а некоторые составляют коллекции портретов лиц, с которыми они не имеют ничего общего, и даже своих особенно усердных слуг[99]. Есть ли в таком случае что-либо удивительное в том, что они воздают такую же честь своим правителям и властелинам? Между тем наш законодатель запретил делать изображения не потому, что, не предвидя будущего могущества римлян, не считал нужным относиться к ним с уважением, но оттого, что не видел в этом никакой пользы ни для людей, ни для Бога[100]. К тому же, если он считал недостойными изображения существа одушевленные, то конечно тем более бестелесное Божество. Впрочем, он не препятствовал почитать после Бога достойных людей иным способом, каковым мы и почитаем как императоров, так и народ римский. Ведь мы постоянно устраиваем за них

жертвоприношения и притом не только ежедневно[101] на общественный счет всех евреев, но равным образом воздаем императорам ту особенную честь, которой мы не оказывали никому;[102] даже за родных детей своих мы не делаем этого на общественные суммы[103]. Итак, пусть послужит здесь приведенное вообще ответом Апиону на все, сказанное им относительно Александрии.

7. Удивляюсь я также людям, побудившим его к таким выходкам, именно Посидонию и Аполлонию Молону, которые тоже обвиняют нас в том, что мы не поклоняемся божествам, почитаемым другими[104]. Сочиняя в одинаковой степени лживо на наш храм несправедливые наветы, они, однако, не считают такого поступка недобросовестным, между тем как малейшая ложь, а тем более о столь знаменитом, отличающемся такою необыкновенною святостью храме признается у образованных[105] людей величайшею гнусностью. В этом-то святилище — осмелился заявить Апион — евреи поместили ослиную голову, воздавали ей почести и удостаивали самого торжественного богослужения. При этом он уверяет, что та голова пропала во время разграбления храма Антиохом Епифаном, так как нашли, что она сделана из золота и стоит огромных денег[106]. На это я отвечу, во-первых, что ему, египтянину, никоим образом не следовало обвинять нас, даже если бы что-либо подобное у нас и существовало: ведь осел отнюдь не хуже ихневмонов, козлов и других животных, почитаемых ими[107] за божества. Во-вторых: как не заметил он, что сами факты изобличают его в неправдоподобнейшей лжи? Ведь мы постоянно руководствуемся одними и теми же законами, которым остаемся неизменно верны, и когда наш город постигли, наподобие других, многоразличные невзгоды, то есть Пий[108], Помпей Великий[109] и Лициний Красс[110], а в самое новейшее время Цезарь Тит[111] после победоносных войн овладели нашим храмом, то не нашли там ничего подобного, кроме чистейшего благочестия, чего относительно других (храмов) нам утверждать не приходится. Впрочем, Антиох совершил упомянутое разграбление храма без всякого повода[112], побуждаемый к тому просто недостатком денежных средств. Не будучи нашим врагом, он тем не менее напал на нас, своих союзников и друзей, но не нашел там ничего достойного осмеяния, о чем свидетельствует масса

почтенных писателей: каппадокиец Страбон, Николай Дамаскин, Тимаген, летописец Кастор и Аполлодор[113]. Все они утверждают, что Антиох нарушил договор свой с иудеями[114] и разграбил храм, полный золота и серебра. Конечно, все это Апиону следовало принять во внимание, если только у него не сердце осла и бесстыдство собаки, которую сами они боготворят[115]. Помимо этого у него не было причин ко лжи. Мы ведь не воздаем ослам почестей и не считаем их всесильными, как, однако, поступают египтяне с крокодилами и змеями, полагая, что счастливы и особенно угодны богу те, кто подвергается ужалению или похищается крокодилами[116]. У нас же ослы играют ту же роль, что и у других разумных людей, — именно они носят навьюченную на них ношу. А так как они употребляются при полевых работах и вообще в сельском хозяйстве, то, если случается, что они при молотьбе начнут есть или выходить из установленного круга, получают изрядное количество побоев. Но раз Апион все терпит неудачи во всех своих против нас обвинениях, то он, значит, или был слишком невежествен, чтобы удачно лгать, или же, даже исходя первоначально из фактов, не умел доводить дело до конца.

8. Он привел также другую, полную хулы на нас басню о греках, басню, о которой достаточно будет сказать предварительно, что тем, кто берет на себя смелость рассуждать о религиозных вопросах, должно иметь в виду следующее: меньшее осквернение заключается в посещении храма[117], чем в сочинительстве преступных речей относительно священнослужителей. Но те[118] с большею готовностью взялись обелить царя-святотатца[119], чем дать правильные и правдоподобные сведения о наших (единоверцах) или о храме.

Так, например, желая угодить Антиоху и прикрыть вероломство и святотатство, которое он, по недостатку денежных средств, позволил себе относительно нашего племени, они прибегли ко лжи, приписав нам вещи, совершить которые мы будто бы собирались впоследствии. Таким образом Апион стал глашатаем других и сказал, что Антиох нашел-де в храме ложе, на котором лежал какой-то человек. Перед ним помещался стол, уставленный всевозможными изысканными и редкими яствами. Изумился этому царь. При входе последнего незнакомец пал перед ним ниц, как перед освободи-

телем и заступником, и, протягивая руки, стал у ног его молить об освобождении; и когда царь велел довериться ему и рассказать, кто он такой, почему находится именно здесь и по какой причине тут стоят все эти блюда, тогда — уверяет Апион — тот человек с воплями и слезами рассказал о своем несчастии очень жалостную историю. Он сообщил, что он грек и что, проходя по стране с целью отыскать себе заработок, он внезапно был схвачен какими-то незнакомыми ему людьми, приведен к храму и там заперт, причем его здесь никто не навещал, хотя его и откармливают всевозможными яствами. Сначала такое неожиданное благополучие ему, конечно, было приятно и доставляло удовольствие, но затем вызвало сперва подозрение, а потом и полное отупение; когда же он в конце концов расспросил являвшихся к нему слуг, то узнал о тайном иудейском обычае, в силу которого его кормили. Именно ему сообщили, что они ежегодно, в определенное время, поступают так: схватив какого-нибудь иностранца-грека, они откармливают его в продолжение года, а затем уводят его в какой-либо лес и там убивают по своему ритуалу. После этого они отведывают его внутренностей, приносят над убитым клятву быть во вражде с греками[120] и затем бросают труп погибшего в какую-нибудь яму. Далее Апион сообщает, будто тот сказал, что ему остается жить еще только несколько дней, и просил царя освободить его, из уважения к греческим богам, от ожидающих его страданий и тем расстроить коварные расчеты иудеев на его кровь[121]. Эта басня не только полна всевозможного скандала, но она дышит также самым жестоким цинизмом, причем она нисколько не оправдывает Антиоха от святотатства, на что, однако, рассчитывали лица, ради этого ее сочинившие: ведь, вступая в храм, он не подозревал ничего подобного, но, как они сами утверждают, нашел там все это совершенно неожиданно. Итак, что бы ни утверждала изобильная ложь, которую распознать крайне легко из самой сути дела, он во всяком случае был сознательно нечестив и безбожен. Общеизвестно, что (наше) законодательство различно относится не только к одним грекам, но в гораздо большей степени к египтянам и многим другим (народностям)[122]. Каким иноземцам не приходится иногда путешествовать по нашей стране! Почему же в таком случае нам сговариваться постоянно именно против

одних только греков и даже проливать кровь их? Каким, наконец, образом возможно, чтобы на подобные жертвоприношения собирались *решительно все* иудеи? Разве достаточно внутренностей *одного* человека для стольких тысяч народа, как утверждает, однако, Апион? И почему не назвал он того человека по имени, кто бы он ни был[123], или отчего царь не доставил его торжественным образом назад в его отечество, когда он таким поступком легко мог бы добиться репутации человека благочестивого и особенно расположенного к грекам и тем самым, при существовании такой ненависти к иудеям, снискать себе всеобщую симпатию? Но довольно и этого. Безумных людей следует убеждать не рассуждениями, а голыми фактами. Так, например, все видевшие здание нашего храма знают его устройство, а также знают его неизменную незапятнанность и святость[124]. Он был окружен со всех четырех сторон портиками, из которых каждый, сообразно постановлению, имел свою собственную стражу[125]. Во внешний (портик) доступ был свободен всем, даже чужеземцам; только менструирующих женщин туда не впускали. Во второй могли входить все иудеи с их женами, лишь бы они были ритуально вполне чисты; в третий допускались ритуально чистые иудеи мужского пола, в четвертый — лишь левиты в священническом одеянии, а в Святая Святых имели доступ одни только первосвященники в соответствующем облачении. Ритуал же был установлен во всех отношениях настолько точно, что были определены даже известные часы, в которые допускались в храм священнослужители; именно они должны были вступать в него для жертвоприношений рано утром, когда он отпирался, и вторично в полдень, пред его закрытием. Кроме того, было запрещено вносить в храм какой бы то ни было сосуд;[126] в нем помещались лишь жертвенник, стол, кадильница и светильник, как все это предписано законом.

Далее, внутри храма не происходит никаких *тайных* богослужений, как не устраивается также никакой трапезы. Все, высказанное здесь мною может быть засвидетельствовано массою народа и самыми очевидными фактами. И хотя существуют четыре группы священнослужителей, из которых каждая состоит более чем из пяти тысяч человек[127], однако служба отправляется ими по очереди, в определенное вре-

мя:[128] когда окончат одни, на смену им для жертвоприношений являются другие, и к полудню собравшиеся в храме принимают от своих предшественников ключи и все священные сосуды по счету, причем в храм не вносится ничего, что может иметь какое-либо отношение к еде или питью. Равным образом приступать с таковым к жертвеннику запрещено, за исключением предметов, предназначенных в жертву[129]. (На основании всего вышеизложенного) что нам сказать об Апионе, как не то, что он, ни с чем сюда относящимся не познакомившись, дал самые невероятные сведения? Но ведь это гнусно: грамматик тут показал, что у него нет точного знания истории. Будучи знаком с богослужением в нашем храме, он тем не менее совершенно упустил его из виду, а всю историю с захватом грека, его необычайным откармливанием, с перечислением всевозможных изобильнейших яств и с слугами, которые входят в такое место, куда даже знатнейшим иудеям, если они не священнослужители, вход запрещен, он прямотаки выдумал. Ну, а это уже самая гадкая недобросовестность и умышленная ложь, имеющая целью ввести в заблуждение тех, кто не захочет познать истину. Разными такими и подобными вышеописанным гнусностями и гадостями пытаются нас дискредитировать.

9. Далее, прикидываясь человеком крайне набожным, он глумится (над нами), прибавляя к своей басне еще следующую чепуху[130]. По его словам, тот[131] рассказал, что раз, во время войны иудеев с идумеянами[132], некий человек по имени Завидон, почитатель бога Аполлона, явился к иудеям из идумейского города Дора[133] и обещал привести им дорийского бога Аполлона[134]. При этом он якобы присовокупил, что бог явится к нашему храму, если только все (иудеи) соберутся туда. Этому поверила вся иудейская масса. Между тем Завидон устроил деревянное сооружение с тремя рядами ламп, влез в него и стал в нем расхаживать взад и вперед, так что народу, стоявшему вдали, казалось, будто звезды по земле[135] совершают свой путь. И в то самое время, как иудеи, пораженные невиданным зрелищем явления божества, молча стояли в отдалении, Завидон преспокойно вошел в храм, сорвал золотую ослиную голову — так игриво изображено все дело — и поскорее убежал назад в Дор. Ну, теперь и мы спросим, не нагружает ли здесь Апион слишком сильно осла, то

есть самого себя, взваливая сам на себя обвинение в глупой, лживой болтовне? Ведь он пишет о местностях вовсе несуществующих и по невежеству путает города: Идумея — страна, граничащая с нами со стороны Газы[136], причем в ней нет никакого города Дора. Так между тем называется город финикийский у горы Кармеля, но он не может иметь ничего общего с пустою болтовнею Апиона уже потому, что находится в расстоянии четырех дней пути от Идумеи[137]. И как же он может обвинять нас еще и в том, что мы не имеем общих с другими народами богов[138], если наши предки столь легко поверили тому, что к ним явился Аполлон, и если они были вполне убеждены в том, что видели его разгуливающим по земле в обществе звезд? Очевидно — они, которые так часто устраивали красивые иллюминации[139], никогда раньше в глаза не видали ламп, и конечно тому, пока он шел по стране[140], не попалась навстречу ни одна душа из стольких тысяч (жителей). Равным образом, несмотря на тогдашнее военное положение[141], он нашел стены свободными от стражи. Не говоря уже обо всем прочем, (скажу лишь одно): врата храма имели 60 локтей в вышину, 20 в ширину и были совершенно[142] покрыты кованым золотом. Для запирания их требовалось ежедневно не менее двухсот человек[143], а оставлять их открытыми было запрещено. Однако, по его[144] мнению, тот иллюминатор[145] открыл их без затруднения, неся вдобавок ослиную голову. И что же? Разве он принес ее нам назад? Или Апион получил и привез нам ее обратно, для того чтобы Антиох мог ее найти и доставить тем самым Апиону материал для вторичной выдумки?

10. Одинаково гнусно лжет он, уверяя, будто мы клянемся Господом Богом, сотворившим небо, землю и море, быть в вечной вражде ко всякому иноземцу, особенно же к грекам. Уж если лгать, то ему следовало бы сказать, (что мы враждебно относимся) ко всем иноземцам, особенно же к *египтянам.* Тогда он согласовал бы сообщения свои о присяге со своими предшествующими измышлениями, так как наши предки ведь были изгнаны своими сородичами, египтянами, да еще вдобавок не за какую-либо преступность, а по несчастной случайности. Разница между нами и греками гораздо скорее местная, чем касающаяся обычаев; поэтому у нас не может быть ни малейшей вражды к ним или нерасположения[146].

Напротив, многие из них охотно приняли наше вероучение, некоторые остались верны ему, но есть и такие, которые, не выдержав его ограничений, вновь отпали. Но никогда ни один из этих людей не говорил, будто слышал о такой нашей клятве. Слышал, видно, один только Апион, что, впрочем, и неудивительно, так как он сам сочинил ее.

11. Равным образом и относительно того, о чем теперь будет речь, приходится крайне удивляться глубокой мудрости Апиона; именно доказательством того, будто у нас нет справедливых законов и будто мы не поклоняемся, как бы следовало, Богу, служит, по его мнению, тот факт, что мы постоянно находимся в рабстве то у одного, то у другого народа и испытываем с нашим городом многоразличные несчастия[147]. Сами-то александрийцы, видно, всегда владели могущественнейшим городом, а не привыкли быть в рабстве у римлян![148] Конечно, иной и отказался бы от такого великодушия последних[149]. Нет человека, который бы не был того мнения, что сообщенное Апионом могло бы постольку же удобно быть приложимо и к нему самому, поскольку к нам; ведь немногим народам выпадала на долю продолжительная гегемония (над другими): изменявшиеся обстоятельства снова заставляли их подчиняться чужому владычеству, и большинство племен часто бывало в подчинении у других. Конечно, только египтяне, благодаря, по их словам, тому обстоятельству, что боги бежали к ним в страну и там спаслись, превратившись в животных[150], одни пользовались несказанным счастием — не служить никому из покорителей Азии или Европы, они, которые во все время своего существования не были свободны ни одного дня, а меньше всего при своих собственных правителях[151]. Не стану позорить их (напоминанием того), как обходились с ними персы, не раз, но часто разрушавшие их города, разграблявшие их храмы, убивавшие их мнимых богов[152]. Мне не приходится подражать невежеству Апиона, забывшего совершенно о превратностях судьбы афинян и о неудачах лакедемонян, из которых последние всеми единогласно признаются за самых храбрых, а первые за самых благочестивых из всех греков. Я оставляю в стороне также царей, и притом знаменитых своим благочестием; каких превратностей в жизни своей не испытали они! (Стоит только вспомнить о Крезе[153].) Равным образом умол-

чу я и о пожаре афинского акрополя, о поджоге храмов: эфесского, дельфийского и тысяч других[154], и никто не подумал поставить это в укор потерпевшим, а (наоборот) будут обвинять лишь виновников (этих злодеяний). Теперь же вдруг нашелся новый обвинитель против нас, именно Апион, скрывший все несчастия, которые обрушились на его собственный родной Египет. Он ослеплен Сезостримом[155], преданием возвеличенным египетским фараоном. Мы не станем говорить о наших царях Давиде и Соломоне, подчинивших себе много народов; их мы оставим в стороне. Но Апион совершенно не знает того, что известно всем и каждому, именно что, когда персы и преемники их, македоняне, властвовали над Азией, египтяне были у них в полном подчинении, отнюдь не отличаясь от рабов[156], тогда как мы оставались свободными да еще вдобавок в продолжение приблизительно ста двадцати лет властвовали над соседними государствами[157], именно вплоть до Помпея Великого; и в то время, как все цари повсюду были побеждены и подчинены римлянами, одни только наши единоверцы, вследствие своей верной им преданности, пребывали их неизменными друзьями и союзниками.

12. Но — (утверждает Апион) — мы не выставили никаких знаменитостей: ни выдающихся изобретателей в области техники, ни крупных философов, и при этом он начинает перечислять Сократа, Зенона, Клеанфа[158] и проч. Затем — теперь следует самое изумительное из всего им сказанного — он причисляет к ним самого себя и называет Александрию счастливою за то, что она имеет такого гражданина. Конечно, ему и следовало самому заявить о себе, потому что в глазах всех прочих людей он лишь гнусный шарлатан, одинаково испорченный как на деле, так и на словах, так что каждому, право, пришлось бы только пожалеть об Александрии, если бы она задумала похвастать им. Ну, а относительно того, что и у нас есть люди, отнюдь не менее достойные славы, это известно лицам, знакомым с моим сочинением «Древности».

13. Остальное содержание его памфлета следовало бы также оставить без возражения, для того чтобы Апион сам явился изобличителем как самого себя, так и прочих египтян. Он упрекает нас в том, что мы приносим в жертву животных и не едим свинины, и глумится над обрезанием. Что касается

приношения нами в жертву домашних животных, то этот обычай мы разделяем со всеми прочими народами, и Апион, восставая против этого, тем самым лишь изобличает свое собственное египетское происхождение, так как он не возмущался бы этим, если бы он был греком или македонянином. Последние ведь дают богам обеты жертвовать гекатомбы[159] и употребляют для пиров жертвенных животных, причем, однако, результатом этого не будет, чего, очевидно, испугался Апион, того, чтобы земля лишилась скота. Напротив, если бы все вздумали последовать примеру египтян, то земля лишилась бы людей и наполнилась бы дикими зверьми, которых они считают божествами и потому старательно прикармливают. И если бы, например, кто-нибудь вздумал спросить его, кого из египтян он считает самыми мудрыми и благочестивыми, он, конечно, назвал бы жрецов, потому что, по преданию, цари еще в глубокой древности повелели им две вещи: богослужение и заботу о распространении мудрости. А между тем они-то как раз и подвергаются обрезанию и воздерживаются от употребления в пищу свинины[160]. При этом, однако, ни один из прочих египтян и не подумает принести богам в жертву свинью[161]. Не страдал ли, следовательно, Апион умопомрачением, раз он взял на себя задачу поглумиться над нами в угоду египтянам: он обвиняет тех, кто не только держится осмеиваемых им обычаев, но и тех, которые, по словам Геродота, обучили других обрезанию[162]. Именно вследствие этого-то Апиону, как мне кажется, и пришлось соответствующим образом поплатиться за глумление над родными обычаями: когда у него появилось гнойное воспаление на детородном члене, он по необходимости подвергся обрезанию. Впрочем, он нисколько не выиграл от этой операции и умер в страшных мучениях от процесса гниения. Благонамеренным людям следует неуклонно держаться родных своих религиозных предписаний, а не поносить законы других. Он же от своих собственных уклонился, а на наши налгал. Таков был конец жизни Апиона, и таков пусть будет здесь и конец нашей (о нем) речи.

14. Но так как Аполлоний Молон, Лисимах и некоторые другие распространяют, отчасти из невежества, главным же образом вследствие нерасположения к нам, разные несправедливые и несогласные с истиною слухи о нашем законода-

теле Моисее и о наших ритуальных предписаниях, выставляя первого шарлатаном и обманщиком[163] и уверяя, что законы учат нас лишь злу и ни малейшей добродетели, — я и хочу вкратце, насколько это в моих силах, поговорить о нашем общественном устройстве вообще и об его частностях. Из этого, полагаю я, станет очевидным, что законы наши наилучшим образом побуждают нас и к религиозности, и к общительности, и вообще к человеколюбию, а также к справедливости, выдержке в трудах и к презрительному отношению к смерти. Я прошу только тех, кому попадется в руки эта книга, ознакомиться с нею без предвзятого мнения. Ведь я не задавался мыслью написать похвальное нам слово, но полагаю, что от лиц, ложно нас во многом обвиняющих, наиболее уместною будет защита на основании тех законов, опираясь на которые мы продолжаем жить до сих пор. С другой же стороны, Аполлоний выставил против нас не систематическое, подобно Апиону, обвинение, но в разных местах, так сказать при случае, то порицал нас как безбожников и человеконенавистников, то укорял нас в трусости, а есть у него и такие места, где он осуждает нашу безумную смелость. При этом он также говорит, что мы наименее способные из всех негреков и потому одни только не содействовали ни одному практически полезному изобретению. Все это, полагаю я, будет самым точным образом опровергнуто, если мне удастся показать, что законами нашими нам предписывается как раз противоположное тому, что он высказывает, и притом исполняется нами во всей точности. Если же я был бы вынужден упомянуть при этом об иных, различных (с нашими) обычаях некоторых других народов, то виною тому, конечно, будут те, кто задался целью выставить наши установления в слишком дурном свете. При этом я полагаю, что у них уже не будет возможности сказать ни того, что у нас вовсе нет таких законов — главнейшие из них я представлю, — ни того, что мы не держимся данных нам предписаний.

15. После этого уклонения от собственно своего прямого предмета[164] я первоначально сказал бы, что люди, которые почувствовали потребность в порядке и законной общественности и первые ввели их, бесспорно, по своей мягкости и природной порядочности разнятся от тех, кто живет без законов и порядка. Поэтому нет ничего удивительного в том,

что все народы относят к глубочайшей древности принятые у них постановления, именно, чтобы не казалось, будто они подражают другим, но для того, чтобы служить другим руководителями в урегулированном образе жизни. При таком положении вещей преимущество законодателя состоит в том, что он выберет наилучшие законы и убедит принявших эти установления держаться таковых, тогда как преимущество народа будет заключаться в том, чтобы оставаться верным этим постановлениям и не изменять в них ничего ни при удачах, ни при неудачах. И вот я утверждаю, что именно наш законодатель по древности своей превосходит всех, когда-либо упоминаемых законодателей: ведь Ликурги, Солоны, локриец Залевк[165] и все подобные высокочтимые у греков мужи жили в сравнении с этим, по-видимому, будто вчера или позавчера, причем даже самое слово «закон» (νόμος) в древности грекам было неизвестно, что подтверждается свидетельством Гомера, который нигде в своих поэмах этого слова не употребляет[166]. Ничего подобного в его время не существовало, но народы руководствовались неопределенными мнениями и повелениями царей. Вследствие этого они долго пользовались устными установлениями, многие из которых они, сообразно со случайными обстоятельствами, постоянно подвергали изменениям. Между тем наш законодатель, самый древний — что, во всяком случае, признается всеми сохранившими о нас какие-либо сведения, — оказался лучшим руководителем и советником народных масс: дав им в своем законодательстве полное руководство к (лучшему) образу жизни, он тем самым побудил их принять его и достиг того, что они сохранили его навеки неизменным.

16. Посмотрим теперь на величайший из его подвигов: когда предки наши решили покинуть Египет и возвратиться на родину, то он стал во главе многих десятков тысяч человек и благополучно вывел их невредимыми, несмотря на массу непреодолимых препятствий; ведь им приходилось странствовать и по безводной, обильной сыпучими песками пустыне, и побеждать при этом врагов, и с оружием в руках защищать как детей и жен, так и добычу. Во всех этих случаях он заявил себя и отличным полководцем, и благоразумнейшим руководителем, и самым искренним, истинным наставником (народа). Он достиг того, что весь народ привя-

зался к нему, и хотя в его распоряжении были лица, которые беспрекословно исполнили бы любое его приказание, он тем не менее не воспользовался этим ни для какой личной цели; и в то время, как при таких обстоятельствах народные заправилы присваивают себе власть и становятся тиранами, приучая народ к полнейшему беззаконию, он, имея возможность проявлять какой угодно произвол, считал, напротив, необходимым жить благочестиво и относиться к народу сердечно, полагая, что таким путем он наилучшим образом проявит свою порядочность и, став руководителем народной толпы, даст ей вернейшее средство к спасению. Имея при такой прекрасной цели пред глазами удачу в своих великих предприятиях, он был твердо уверен в том, что руководитель и советник его сам Бог;[167] при этом он на первом плане заставил самого себя мыслить и действовать во всех случаях по Его указаниям и также счел нужным раньше всего внушить народной массе подобное же убеждение, так как люди, уверенные в том, что Бог взирает на их образ жизни, не решатся ни на какой грех. Таков-то был наш законодатель, не обманщик и не шарлатан, как несправедливо уверяют хулители, но такой человек, каким, по хвастливому замечанию греков, были Минос[168] и за ним прочие законодатели: большинство из них приписывало свои законы (какому-нибудь божеству), — Минос, например, заявлял, что он получил законы от Аполлона чрез дельфийский оракул, — причем они либо сами верили этому, либо рассчитывали таким путем легче убедить (народ к их принятию). Кто же из них дал наиболее правильные законы и достиг наивысшего совершенства в деле преподания веры в Бога, это можно узнать из взаимосопоставления их, а поэтому нам теперь приходится поговорить об этом. В частностях различия в законах и обычаях у всех людей различны (в общих чертах о них можно сказать следующее):[169] одни предоставили управление государствами монархам, другие нескольким избранным родам, третьи — непосредственно народным массам[170]. Наш же законодатель оставил все это в стороне и положил основание теократии, как можно было бы выразиться с некоторою натяжкою в выборе названия, предоставив управление и власть Господу Богу[171] и научив народ взирать на Него как на причину всех существующих благ, которые вы-

падают на долю вообще всем людям и которые получают они помощью молитвы в затруднительных положениях жизни. По его мнению, от Него не остается скрытым ни одно дело, ни одно помышление, какое ни возникло бы у любого человека. Он изобразил Его единым, не возникшим и беспредельно неизменным, по красоте своей отличным от всякого смертного существа и доступным нашему пониманию лишь в проявлении своего могущества. Впрочем, по сущности своей Господь нам непостижим. Не стану теперь распространяться о том, что так мыслить о Боге научились и величайшие греческие мудрецы, после того как он[172] положил тому начало, а что это прекрасно и соответствует сущности и величию Божества, это они сами засвидетельствовали в достаточной мере. Ведь Пифагор, Анаксагор[173], Платон, за ним стоики и почти все прочие философы, как известно, такого же мнения о сущности Бога. Но в то время, как те вырабатывали свое миросозерцание для немногих, не решаясь сообщать истинное учение массе, которая так и остается при своем невежестве, наш законодатель, представляя живой пример согласования слова с делом, не только убедил своих современников, но внушил также грядущим поколениям навеки несокрушимую веру в Господа Бога. Причиною этого служило и то обстоятельство, что Моисей весьма разнится от остальных (законодателей) по самому характеру своего законодательства, всегда жизненного. Он не признавал благочестия составною частью (какой-то общей, абсолютной) добродетели, но признавал всякие остальные хорошие качества, например справедливость, умеренность, постоянство и согласие членов общества между собою, ее составными частями. Ввиду этого все поступки, деяния и речи имеют у нас известное отношение к религии. Моисей не оставил тут ничего неисследованным или неопределенным. Во всяком воспитании и развитии нравственности есть два момента: один — обучение словом, другой — обучение наглядным, живым примером. Между прочим все прочие законодатели расходились во взглядах (на этот предмет), и то, что одним из них казалось наиболее пригодным, другими оставлялось без внимания. Так, например, лакедемоняне и критяне воспитывали на примерах, а не на словах, афиняне и почти все прочие греки предписывали законодательным пу-

тем, что дозволено и что нет, совершенно пренебрегая при этом воспитанием на наглядных поступках.

17. Между тем наш законодатель самым тщательным образом согласовал одно с другим: с одной стороны, он не оставил нравственного усовершенствования без должных наставлений, с другой же — не дал закону оставаться без применения, но, начиная с самого первоначального воспитания и домашнего обихода всех и каждого, он не предоставил ничего, даже ни малейшего пункта, на собственное благоусмотрение людей, которые захотели держаться этих правил; напротив, он точно и вполне определенно установил законы даже о пище, от чего должно воздерживаться и что можно есть, а также обо всем образе жизни, работах, занятиях, равно как и об отдыхе своих последователей, для того чтобы мы, живя под руководством его, как отца и наставника, не грешили ни сознательно, ни бессознательно. Он не предоставил даже возможности отговориться неведением, но сделал закон наилучшим и необходимейшим руководством к воспитанию; при этом он повелел нам, оставя все прочие дела, собираться для слушания закона не раз и не два и не чаще, но точно определил для этого один день в неделю, чтобы мы изучили его основательно[174]. Ну, а это, мне кажется, все прочие законодатели совершенно упустили из вида.

18. Большинство людей настолько далеки от того, чтобы жить по своим законам, что почти вовсе не знают их, а если согрешат, то узнают о своем нарушении закона от других. Лица, занимающие самые высшие и ответственные должности, признаются в своем невежестве, назначая к себе таких заведующих делами помощников, которые заявили о своей опытности в законах. У нас же, кого ни спроси о законах, он легче перечислит их, чем назовет свое собственное имя[175]. Сейчас же после первого проявления самосознания мы заучиваем их, вписывая их как бы в недра души своей; нарушитель закона у нас явление редкое: уклонение от наказания (за такое нарушение) у нас вещь невозможная.

19. Вот это-то обстоятельство и вызвало в нашей среде удивительное единодушие:[176] иметь неизменно одинаковое представление о Божестве, ничем в образе жизни и привычках не отличаться друг от друга, все это имеет следствием самую прекрасную душевную гармонию. Ведь только у нас не

услышишь о Боге разноречивых между собою мнений, что, однако, так часто встречается у других, где не только первый встречный высказывает сообразно совершенно случайному настроению свое (на этот счет) мнение, но где на это решаются даже некоторые философы, либо осмеливаясь вовсе отрицать существование Божества, либо отвергая Его заботливость о людях[177]. Равным образом в наших житейских отношениях не заметишь разногласия: у нас вся деятельность общая, мысль одна, согласная с законом Божества и гласящая, что Оно взирает на все. А что в житейских отношениях все должно сводиться к одной только цели — благочестию, это может услышать всякий даже от женщин и от прислуги.

20. Отсюда же проистекает и выставляемый некоторыми против нас упрек, что мы не дали изобретателей, ни практиков, ни теоретиков; в то время ведь как другие (народы) не считают уместным неизменно держаться установившегося[178] и охотно выставляют свидетельство необычайной мудрости тем людям, которые решаются нарушать эти установления, мы, напротив, признаем, что единственные благоразумие и добродетель заключаются в том, чтобы вообще ни в чем не поступать и не думать противно нашим древним законоположениям. А это несомненно также может служить подтверждением того, что мы пользуемся наилучшими законами, тогда как попытки к нововведениям изобличают лишь то, что не имеющие такого характера установления нуждаются в исправлениях.

21. Нам, убежденным в том, что закон с самого начала был дан сообразно воле Господа Бога, было бы грешно не соблюдать его. Неужели кто-либо изменит в этом законе что-нибудь, найдя что-нибудь лучшее, или заимствует для него что-нибудь лучшее от других? Неужели иной, более целесообразный государственный строй? Какое же государственное устройство будет лучше и справедливее того, при котором во главе всего, высшим правителем поставлен сам Господь Бог, где священнослужителям поручено вообще высшее управление делами, а первосвященнику, в свою очередь, дано главенство над остальными священнослужителями[179]. Законодатель наш с самого начала назначил их на эти почетные должности, не потому, что принял во внимание их большую обеспеченность или какие-нибудь другие случайные преимуще-

ства, но особенно охотно доверил служение Господу Богу тем из своих сотрудников, которые отличились перед другими своим повиновением и нравственностью. На их обязанности лежала неизменная забота не только о соблюдении закона, но и о сохранении порядка во всех решительно жизненных отношениях. Поэтому-то священнослужители и были поставлены надзирателями за всем, судьями в процессах и исполнителями приговоров над осужденными[180].

22. Какая форма правления может быть почтеннее этой? Какой почетный труд в большем соответствии с требованиями Господа Бога, когда вся народная масса преследует одну только цель — благочестие, главная (в этом отношении) забота доверена священнослужителям и вся община является как бы воплощением святости. То, чего другие народы стараются достигнуть хотя бы на несколько дней и чего не могут сохранить, — они называют это мистериями или таинствами[181], — то мы радостно и неизменно сохраняем на веки веков.

Каковы же сами повеления и запрещения? Они просты и удобопонятны. На первом плане стоит главная заповедь, именно та, что гласит о Боге: Господь Бог есть владыка всего существующего, Он само совершенство и блаженство, сам в себе для себя и для всего существующего самодовлеющий. Он — начало, средина и конец всего, проявляется в явлениях и милостях, более очевиден, чем что бы то ни было, но неопределимый относительно своего внешнего вида и величия. Какой бы то ни было материал, даже самый дорогой, недостоин служить для Его изображения, никакое искусство не в состоянии даже приблизительно представить Его. Мысленно представить себе или изобразить что-либо Ему подобное уже грех. Мы видим Его творения: свет, небо, землю, солнце, воды[182], возникновение живых существ, произрастание растений. Все это Господь создал не руками и не какими-нибудь особенными усилиями, так как Он не нуждается ни в чьей посторонней помощи, но все тотчас возникло и было хорошо, лишь только Он пожелал его возникновения. Пред Ним следует преклоняться и Ему служить, оставаясь постоянно добродетельным: это самый святой способ богопочитания.

23. Все тяготеет к сходному;[183] так и у Единого Бога, общего всем, должен быть один храм[184], общий для всех. В этом

храме постоянно служат священники, а главенствует над ними всегда один, по происхождению первосвященник[185]. Вместе со своими сослуживцами он обязан заниматься жертвоприношениями Господу Богу, охранять законы, судить тяжущихся и приводить в исполнение приговоры над осужденными. Человек, который ему не повинуется, подвергается такому же наказанию, как согрешивший перед самим Богом. Мы приносим жертвы не для того, чтобы при этом напиваться (что неугодно Богу), но скромно, как и подобает[186]. При жертвоприношениях должно на первом плане молиться за общее благо, а затем уже лично за себя, потому что мы созданы для общности, и человек, который ставит последнюю выше собственного блага, особенно угоден Господу Богу. Молиться же должно Богу не о том, чтобы Он даровал нам благо — потому что Господь его уже даровал нам по собственному побуждению и в достаточной мере, – но о том, чтобы Он научил нас пользоваться им и чтобы мы, раз получив его, сохранили его. Кроме жертвоприношений, закон установил также очищения после похорон, внебрачного и брачного совокупления и во многих других случаях. (Описать все это было бы слишком долго. Таково-то наше учение о Боге и богопочитании, и в то же самое время это учение — закон[187].)

24. Каковы постановления о браке? Закон признает одно лишь естественное совокупление с женщиной и притом с исключительною целью произведения детей[188]. Совокупление же мужчин между собою он считает величайшею гнусностью и полагает смерть тому, кто решился бы на это[189]. Он запрещает вступать в брак ради приданого, не допускает при этом насильственного похищения, хитрого убеждения[190] или соблазна, но велит просить руки (девушки) у того, кто властен выдать ее замуж, если нет препятствий со стороны (слишком близкого или запрещенного) родства. Жена, гласит закон, во всех отношениях стоит ниже мужа. Поэтому она должна ему повиноваться, впрочем не для насилия (с его стороны), но чтобы пользоваться его руководительством: Господь Бог даровал мужчине власть. С нею одною может совокупляться муж[191], соблазнять жену другого беззаконно. Если же кто-нибудь это сделает, то есть если насилует невесту другого или склонит замужнюю женщину к прелюбодея-

нию, то он не минует смерти. Закон повелевает воспитывать всех детей своих[192] и запрещает женщинам вытравлять или каким-нибудь другим способом убивать зародившийся плод чрева своего[193]. Иначе она, губя человеческую жизнь и тем уменьшая род людской, является детоубийцею. Ввиду всего этого[194], если кто-нибудь совокупится, то не может считаться ритуально чистым. Даже после вполне законного совокупления мужа с женою закон предписывает обмывание: здесь происходит осквернение души и тела, как будто бы (совокупившиеся) перенеслись в другую, низшую область[195]. Ведь душа, находясь в связи с телом, страдает, почему она в момент смерти и выделяется из него[196]. Вследствие именно этого-то закон во всех подобных случаях предписывает очищения.

25. Также при рождении детей закон не допускает устройства каких-либо пиршеств и таким образом лишает людей поводов к пьянству (но повелевает с самого начала же ознаменовать воспитание дитяти[197] умеренностью)[198]. Далее, закон велит обучать детей грамоте и законоучению и рассказывать им о деяниях предков, чтобы они могли подражать примеру последних и чтобы они, вырастая среди первых (законов), привыкали не преступать их и не иметь отговорки о неведении их.

26. В смысле обрядов относительно покойников закон не установил ни торжественных похорон, ни устройства особенно видных надгробных памятников. Забота о погребении возлагается на ближайших (к покойнику) лиц. Всякий, кто встретит погребальное шествие, должен присоединиться к нему и принять участие в проводах. После похорон дом (покойника) и все в нем живущие обязательно подвергаются очищению, для того чтобы человеку, совершившему какое-либо убийство, особенно наглядно представилось, насколько он не чист[199].

27. Почтение к родителям закон ставит на втором месте, непосредственно за почитанием Господа Бога. А того человека, который не воздает родителям благодарностью за полученные от них благодеяния или как-нибудь огорчает их, закон велит побивать камнями[200]. Вообще он предписывает молодежи выше всего почитать старших, так как старше всех сам Господь Бог[201]. Равным образом он не позволяет скры-

вать что-либо от друзей, потому что та дружба, которая не сопровождается полною откровенностью, не настоящая дружба. И хотя бы (между бывшими друзьями) возникла какая-либо ссора, закон все-таки запрещает выдавать секреты. Если судья примет подарок, то смерть пусть будет ему наказанием. Оставляющий без помощи человека, нуждающегося в ней, совершает преступление, не оказывая этой помощи, хотя и имея возможность оказать таковую. То, чего кто-либо не доверял (ближнему своему), нельзя и требовать обратно, равно как запрещено присваивать себе чужое. Лихоимство запрещено. (Такие предписания и множество тому подобных постановлений весьма содействуют нашей между собой общности[202].)

28. Стоит посмотреть, какого мнения был наш законодатель об обязанностях и отношениях (наших) к иноземцам. И вот оказывается, что он особенно позаботился о том, чтобы мы не нарушали своих обычаев, но и не относились бы свысока к людям, которые захотели бы примкнуть к нашему строю жизни[203]. Всех тех, которые являются к нам со стороны и притом с желанием жить по нашим законам, он принимает сердечно, полагая, что близость является не только результатом общности происхождения, но и создается известным строем жизни во всей его целости. Впрочем, с теми, которые лишь попутно заходят к нам, он не допускает особенно близкого общения.

29. Он определил все, что необходимо давать *всем* нуждающимся (без различия); а именно: им должно доставлять огонь, воду, пищу, указывать дорогу; непогребенного не оставлять без предания земле. Следует быть гуманным в своих постановлениях даже относительно врагов. Так, он не позволяет опустошать страну огнем и не разрешает срубать плодовые деревья. В одинаковой мере он запрещает грабить павших в битве[204], а относительно пленных он распорядился, чтобы они не подвергались ни малейшему насилию[205], особенно женщины. Он так развил в нас мягкосердечие и гуманность, что не забыл даже бессловесных животных, разрешив лишь законное пользование ими[206], всякое же другое безусловно запретил. Тех животных, которые прибегают к жилищам людей, как бы ища там защиты, он не велел убивать. Вынимать из гнезд птенцов без их родителей он не позволил

и повелел щадить и отнюдь не убивать рабочий скот даже в неприятельской стране. Таким образом, он во всех отношениях позаботился о развитии человечности, пользуясь при этом отчасти уже указанными законами в виде наставлений, отчасти же выставив некоторые из них в форме безапелляционной угрозы лицам, их нарушающим.

30. Наказанием за большинство закононарушений является у него смерть, как, например, за прелюбодеяние, за изнасилование девушки, за попытку к педерастии или за готовность принять участие в мужеложстве. Одинаково непреклонно строгим является закон и по отношению к рабам. И если кто-нибудь обманет другого мерою или весом, или обманным образом поведет торговлю, или присвоит себе что-либо чужое, или потребует от другого вещи, которой не отдавал ему, то за все это у нас полагаются наказания не такие, как у (прочих) народов, но гораздо более строгие. Если же кто-нибудь провинится нечестивым поступком относительно родителей или святотатством, тот немедленно подвергается смертной казни. Наградою же людям, которые живут сообразно закону, служат не серебро и не золото, не масличный или дубовый венок или подобное публичное отличие[207], но каждый из нас, полагаясь на свидетельство своей совести, вполне уверен в правильности предсказания законодателя и в том нерушимом завете Господнем, по которому людям, соблювшим законы, Господь Бог охотно дарует, даже если бы пришлось поплатиться жизнью, новую жизнь и лучшее, в сравнении с прежним, существование[208]. Я бы не решился написать все это, если бы не было очевидно из фактов, что уже многие из нас часто предпочитали благородно терпеть, чем вымолвить хотя бы слово против закона.

31. (И если бы наш народ случайно не был так известен всему человечеству и не обнаружилось бы наше добровольное повиновение предписаниям)[209], но если бы кто-либо задумал сказать эллинам, что он сам сочинил их, или стал уверять их, что он вне известных нам пределов земли встретился случайно с людьми, которые обладают таким возвышенным представлением о Боге и спокон века крепко держатся таких законов, то, полагаю я, многие из греков изумились бы беспрерывным изменениям в области своих собственных законодательств[210]. Они не постеснялись бы обвинить лиц,

решившихся написать относительно государственного устройства и законодательства что-либо подобное, в том, что те взялись за нечто несообразное, и стали бы уверять, что те основываются на совершенно немыслимых точках отправления. Оставляя в стороне прочих философов, сколько из них ни старалось выставить в своих сочинениях (нечто подобное), скажу только, что Платон, пользующийся у греков необычайным уважением как за возвышенную чистоту своей жизни, так за силу своей речи и убедительность, которою он превзошел всех занимавшихся философиею[211], и тот продолжал служить только предметом почти одних насмешек и глумлений со стороны лиц, которые выдают себя за больших знатоков государственного устройства[212]. Впрочем, если даже к нему присмотреться повнимательнее, то нетрудно и у него найти положения, легко осуществимые, и предписания, близкие сердцу простого народа; однако сам Платон сознается, что небезопасно вносить в умы невежественной черни истинное представление о Божестве[213]. Впрочем, некоторые люди считают (данное) учение Платона пустым звуком, хотя и красиво и весьма сильно изложенным, и более, чем пред другими законодателями, преклоняются перед Ликургом; все восхваляют Спарту за то, что она оставалась столь неизменно верною его законам. И конечно, пусть соглашаются они в том, что повиновение законам может служить лучшим доказательством пригодности последних. Но пусть также люди, удивляющиеся спартанцам, сопоставят период их существования с более чем двухтысячелетним существованием нашего государства, и к тому же примут во внимание и тот еще факт, что пока лакедемоняне пользовались свободою, они, как видно, действительно соблюдали свои законы, лишь только же их постигали какие-нибудь превратности судьбы, они тотчас же почти совсем забывали о своих законах[214]. Мы же, подвергавшиеся, ввиду изменений, связанных с новыми в Азии воцарениями[215], тысячам превратностей, никогда, даже в крайней нужде и опасности, не отрекались от своих законов, но оставались им верны и притом не вследствие бездеятельности или халатности; напротив, если присмотреться повнимательнее, эти законы налагают на нас большие труды и предъявляют к нам гораздо более серьезные требования, чем пресловутая выдержка лакедемонян. Последние

ведь спокойно поживали себе в своем городе, не ведая земледельческого труда, не работая над искусственными сооружениями, но, будучи свободны от всякого обязательного труда и заботясь лишь о развитии путем физических упражнений красоты своего тела, они пользовались услугами других в смысле доставления всего нужного к жизни и без малейшего усилия со своей стороны получали от них пропитание[216]. После удовлетворения своей потребности в питании они считали единственно прекрасным и достойным то, чтобы делать и давать делать над собою все, что могло бы способствовать более легкой победе их над теми, с которыми им пришлось бы воевать. Что они, впрочем, и этого не достигали, мне говорить не приходится: забывая о предписаниях своего закона, они, не в одиночку, но большими отрядами, сдавались, бывало, врагам своим с оружием в руках[217].

32. Ну, а у нас — не говорю, конечно, о множестве случаев, но о двух или трех, — слышал ли кто-нибудь об измене законам из страха смерти, понятно, не той, легчайшей смерти, которая постигает людей в битве, но той, которая сопряжена с телесными истязаниями и которая является наиболее тягостною из всех? Такой род смерти, полагаю я, определили нам некоторые из наших победителей не вследствие особенной вражды своей к покоренным, но из желания видеть единственное в своем роде зрелище, действительно ли существуют люди, которые твердо убеждены в том, что одно лишь несчастие может постигнуть их, именно если их силою будут принуждать поступить как-нибудь вопреки их законам или высказать хоть одно слово против последних. Впрочем, не следует удивляться тому, что мы идем на смерть за наши законы более стойко, чем все другие, потому что другие лишь с трудом соблюдают те из наших обычаев, которые в наших глазах являются наименее обременительными, а именно собственноручный труд, простоту в образе жизни, неупотребление в пищу или питье ничего такого, что случайно попадается под руку или к чему является внезапно особенное желание, воздержание от совокупления, смену богатства и нужды без нарушения, однако, общего строя жизни. Между тем (единоверцы наши), даже нападая на врага с мечом в руке и натиском своим обращая его в бегство, не позволяли себе ни малейшего нарушения ритуальных предписаний. А так как нам

приятно даже и в этом случае повиноваться нашему закону, то вследствие этого является также возможность выказать самую благородную храбрость.

33. Между тем, однако, всякие Лисимахи и Молоны и другие им подобные писаки, негодные софисты и совратители юношества, клеймят нас как самых скверных людей. Мне не хотелось бы затрагивать обычаев, принятых другими народами, так как нам заповедано предками свято охранять свои собственные, а не нападать на чужие[218]. Да и законодатель наш именем Бога запретил нам хулить божества, признаваемые другими народами, или глумиться над ними. Но так как обвинители наши рассчитывали доконать нас путем сопоставлений[219], то молчать невозможно, тем более что нижеследующие факты подобраны не нами — мы их только отмечаем — и не теперь, но и раньше уже приводились многими и притом в высшей степени почтенными людьми. Кто из пользовавшихся у греков за свою мудрость особенным поклонением не упрекает самых знаменитых поэтов и наиболее признанных законодателей в том, что они внушали народным массам с самого начала такие (невысокие) представления о богах? Они определяли число последних по собственному усмотрению, производили их самым произвольным образом друг от друга, различали их, как разряды животных по их местопребыванию и образу жизни, предоставив одним землю, другим море, а самых древнейших из них заключив в Тартар[220]. Тем из богов, которым они предоставили небо, они назначили на словах отца, на деле же тирана и деспота, вследствие чего против него и возникает заговор жены, брата и той дочери, которая родилась у него из головы, с целью захватить его и засадить под замок, как он сам поступил с родным отцом своим[221].

34. Люди рассудительные вполне основательно считают достойным порицания и насмешек то, что одних богов должно представлять себе безбородыми и молодыми, других же старыми и бородатыми, что одни покровительствуют искусствам, так, например, один является кузнецом, другая ткачихою[222], один воюет и сражается с людьми, другие играют на цитре или находят удовольствие в стрельбе из лука, наконец, то, что у них возникают между собою из-за людей ссоры и распри, доходящие до того, что они не только поднимают

друг на друга руку, но даже, подвергаясь со стороны людей поранениям, страдают и чувствуют боль[223]. И не является ли необычайною гнусностью и несообразностью то, что все они, как боги, так и богини, повинны в самых невоздержных половых сношениях с людьми? Затем самые могущественные боги, и между ними на первом плане сам благородный отец (небожителей), преспокойно взирают на то, как заключают в темницу или топят в море соблазненных ими же и беременных от них женщин[224], не будучи в силах, вследствие тяготеющего над ними рока[225], ни спасти своих же собственных детей, ни перенести без слез их смерти. Милая вещь также следующее: боги настолько бесстыже любуются прелюбодеянием, совершаемым у них же, на небе, что некоторые открыто признаются в своей зависти тем, которые опутаны[226]. И чего ждать от них, когда даже самый старший[227] и царь их не мог воздержаться от совокупления с женою по крайней мере до тех пор, пока не ушел в свою спальню? А те боги, которые служат людям, то строя им за плату дома[228], то нанимаясь в пастухи[229], иные же сидя в заключении в медной темнице наподобие преступников[230], кого из благоразумных людей они не побудили бы побранить изобретателей всех этих басен и прийти в ярость от великой глупости людей, распространяющих эти басни? Люди эти приписали божеской природе и самим богам робость и страх, бешенство и хитрость[231] и такие страсти, хуже которых нет ничего; тем же из божеств, которые пользовались доброю славою, они побуждали государства устраивать жертвоприношения. В силу всего этого они очутились в большом затруднении, будучи обязанными считать одних богов дарующими всевозможные блага, других же губителями; поэтому они и отвращают от себя внимание последних всякими умилостивительными средствами и подарками, имея дело как будто с самыми гнусными из людей и боясь подвергнуться с их стороны какому-нибудь крупному злу, если не задобрить их предварительно взяткою.

35. Но что же служит причиною столь превратного взгляда на божество и такого ошибочного о нем мнения? Я полагаю, то, что их законодатели с самого начала не составили себе истинного представления о природе божественного и что они не сумели точно определить понятия о божестве;

вследствие этого-то они и устроили государственную жизнь свою иначе (чем мы); и как будто то была безделица, они предоставили с одной стороны поэтам вводить любые божества, даже такие, с которыми можно было делать что угодно, с другой же стороны дали возможность народным ораторам воздействовать на народные решения в смысле дарования права гражданства тем из иноземных богов, которые представлялись наиболее к тому подходящими. В весьма сильной степени воспользовались этою, предоставленною им греками свободою также и живописцы и ваятели; из них каждый изобретал какой-нибудь новый образ божества, причем один лепил его из глины, другой рисовал, а наиболее прославленные художники всегда пользуются в виде материала для своих произведений слоновою костью и золотом[232]. (И в то время, как одни храмы совершенно пустуют, другие посещаются весьма усердно и всяческим образом процветают, благодаря обилию жертвенных даров[233].) Затем те боги, которые раньше пользовались величайшим почетом, с течением времени стареют (равно как отбрасываются и отставляются, так сказать, на второй план непосредственно следующие за первыми божества), а другие, вновь введенные, пользуются почитанием. (Как мы уже указали в своем отступлении[234], что святилища пустуют), одни храмы совершенно забрасываются, другие же, даже в новейшее время, воздвигаются разными людьми, как бы по капризу[235], тогда как, напротив, гораздо целесообразнее было бы раз навсегда не изменять своего мнения о божестве и свято, нерушимо почитать постоянно одного и того же бога.

36. Аполлоний Молон же был одним из непонятливых и самонадеянных (писателей); между тем истинные философы среди греков отлично знали все вышесказанное (относительно божества и его природы) и были прекрасно знакомы с трезвыми аллегорическими толкованиями (мифов); поэтому они презирали последние[236] так же, как и мы, и соглашались с нами в истинном и подобающем представлении о божестве. Исходит из того же представления и Платон, когда он говорит, что не следует принимать в государство ни одного поэта[237], и когда он, увенчав лаврами и возлив елей на него, превежливо высылает самого Гомера[238], чтобы тот своими россказнями не затемнял правильного представления о бо-

жестве. Одинаково походит Платон на нашего законодателя и в том, что он также считает единственно необходимым в воспитании граждан, чтобы они отлично заучили все законы[239], равным образом он позаботился запретить всякое случайное смешение с какими-нибудь иностранцами, чтобы государство состояло исключительно из лиц, свято соблюдающих законы. Не приняв ничего этого во внимание, Аполлоний Молон упрекает нас в том, что мы не допускаем к себе лиц, держащихся других взглядов на божество, и в том, что мы не желаем иметь ничего общего с людьми, предпочитающими жить каждый по своему собственному усмотрению. Между тем такой взгляд на вещи вовсе не присущ нам одним, но является общим не только у всех вообще греков, но и у славнейших между ними: лакедемоняне не только постоянно высылали из своей страны иноземцев, но и не позволяли своим собственным согражданам покидать страну, боясь, как бы в противном случае не произошло умаления значения их законодательства[240]. Конечно, их можно было бы не без основания упрекнуть в нетерпимости, так как они никому не предоставляли не только прав гражданства, но и не давали права жительства (в их стране). Мы же, хотя и не считаем возможным подражать другим, тем не менее с удовольствием принимаем к себе лиц, желающих жить по-нашему. А это, полагаю я, может служить доказательством лишь как нашего человеколюбия, так и великодушия.

37. Я не стану дольше останавливаться на лакедемонянах. Но какого мнения (о затронутом вопросе) были афиняне, которые считают свой город открытым для всех, этого тоже не знал Аполлоний. Ему неизвестно, что они неуклонно наказывали даже тех лиц, которые осмеливались проронить о богах хотя бы одно только замечание, несогласное с их законами. Ради чего умер Сократ? Ведь он не предал своего города врагам и не разграбил никакого храма, но за то, что ввел новый род клятвы[241], и за то, что он утверждал и притом, по мнению некоторых, в шутку, будто некое божество дает ему прорицания[242], именно за это-то он и был приговорен к смерти посредством отравления ядовитым напитком. Кроме того, обвинитель выставлял против него обвинение в том, будто он развращал юношество, побуждая его к презрительному отношению к родному государственному устройству и

законодательству[243]. И вот Сократ подвергся такому наказанию, будучи афинским гражданином. Между тем Анаксагор[244] происходил из Клазомен, но тем не менее афиняне чуть было не приговорили его к смерти (недоставало лишь нескольких голосов) за то, что он уверял, что солнце состоит из раскаленной массы, тогда как сами афиняне считали солнце божеством. За поимку мелийца Диагора[245] они обещали награду в размере таланта[246], так как тот будто бы глумился над их мистериями. Равным образом и Протагор чуть было не был схвачен и казнен за то, что он, говорят, написал о богах нечто несогласное с мнениями афинян; но он вовремя успел бежать[247]. Да и удивительно ли, что они поступали так с самыми достойными людьми, если они не щадили даже женщин! Ведь еще недавно они казнили одну жрицу[248], после того как кто-то выставил против нее обвинение в том, что она вводит иноземных богов в мистерии. Это у них было запрещено законом, и возмездием за введение чужого божества была определена смертная казнь. Очевидно, что люди, имевшие такой закон, не считали чужих богов за божества, потому что в противном случае они не отказали бы себе в удовольствии признать сколь возможно большее количество их. Итак, пусть у афинян все обстоит благополучно[249]. Между тем находящие удовольствие в убиении людей и мало чем отличающиеся от диких животных скифы и те считают своею обязанностью оберегать свои установления и убили вернувшегося к ним, столь за мудрость греками прославленного, Анахарзиса[250], потому что он показался им совершенно пропитанным греческими привычками. Равным образом и у персов можно найти массу людей, подвергшихся казни по той же причине[251]. Между тем Аполлоний очевидно восторгался законами персов и преклонялся перед ними за то, что грекам пришлось познакомиться как с их храбростью, так и с их религиозным воодушевлением: с последним при тех случаях, когда они сжигали (греческие) храмы, а с храбростью тогда, когда те являлись к ним и чуть было не поработили их[252]. Потому-то Аполлоний и стал подражателем всех персидских обычаев, насилуя чужих жен и кастрируя мальчиков[253]. У нас же даже за насилие над бессловесным животным полагается смерть[254]. Отвратить нас от наших законов не были в состоянии ни страх перед победителями, ни желание

ввести у себя подобное тому, что у других считается почтенным. Поэтому-то мы выказывали нашу храбрость и начинали войны не ради увеличения нашего могущества, но лишь для того, чтобы уберечь свои законы. Ведь другие обиды мы переносим довольно равнодушно, но когда кто-либо начинает принуждать нас трогать то, что касается нашего вероучения, тогда и мы решаемся на войну, невзирая ни на какую численность (противника), и твердо выносим до конца всякое бедствие. И ради чего нам гнаться за чужими законами, раз мы видим, что последние не соблюдаются даже теми, кто дал их? И разве лакедемоняне не решились отбросить свой чистый от всякой посторонней примеси государственный строй и отказаться от своего презрительного отношения к браку[255], а элидцы и фивяне от своего противоестественного и (крайне) бесстыжего мужеложства? Того, что они раньше делали свободно, считая его прекрасным и вполне уместным, они теперь не признают возможным, хотя они до сих пор и не вполне отстали от этих дел; в этом смысле они отвергают даже законы, некогда столь общераспространенные у греков, что они готовы были признать естественным мужеложство богов, а также законы о браках на родных сестрах, то есть те данные, которые служили им извинением в их неуместных и противоестественных удовольствиях.

38. Не стану я теперь говорить и о наказаниях, какие облегчения предоставило дрянным людишкам большинство их законодателей, установив за прелюбодеяние денежную пеню[256], а за изнасилование — брак[257], и какими уловками обставили законодатели преступления против религии на тот случай, если бы кому-либо вздумалось возбудить подобное дело[258]. Ведь у большинства людей ухищрения к обходу законов стали уже обычным явлением. Не так, однако, обстоит дело у нас: хотя бы мы лишились богатства, городов или прочих благ наших, закон тем не менее останется у нас бессмертным; ни один еврей не уйдет так далеко от своего отечества, чтобы бояться самого жестокого тирана более, чем не устрашиться из-за него преступить закон. Итак, если мы, вследствие превосходства наших законов, относимся к ним с таким уважением, то всякий по необходимости должен признаться, что у нас законы наилучшие. Если же станут подозревать, что мы держимся наших законов только потому, что они дурны,

то почему бы им самим не подвергнуться заслуженному наказанию за то, что не соблюдают своих, гораздо лучших, законов? А так как продолжительность времени считается обыкновенно самым непреложным показателем, то я возьму время в свидетели превосходства именно нашего законодателя и сообщенного им учения о Божестве. Если бы кто-нибудь вздумал сравнить время жизни Моисея с тем, когда жили все прочие законодатели, то ввиду его существования в незапамятную древность именно ему бы принадлежало первенство.

39. Между тем нами испытанные законы вызывали во всем остальном человечестве все больше и больше сочувствия к себе. Именно греческие мыслители, будучи одинакового с нашим законодателем мнения о сущности Божества и уча простоте в образе жизни и необходимости дружеской общности людей между собою, первые на деле и по образу своих мыслей стали его последователями, хотя с виду и соблюдали свои родные обычаи[259]. Точно так же и у простого народа уже издавна обнаруживается большое рвение к нашему благочестию, и нет нигде, где бы то ни было, ни одного греческого города или хотя бы варварского народа, куда бы не проник обычай чтить субботу[260], в которую мы отдыхаем от трудов, или посты[261], или зажигание свечей[262] и где бы не соблюдались многие из наших постановлений о пище[263]. Они стараются подражать нам как в нашем взаимном единодушии, так и в благотворительности, в трудолюбии при работах и в стойкой приверженности законам при несчастиях. Самое же удивительное все-таки то, что закон достиг всего этого сам собою, без какого бы то ни было обещания наслаждений или каких-либо приманок; но подобно тому, как Господь Бог проникает всю вселенную, так проник и ко всем людям закон (наш). Никто, взглянув на свое отечество или на собственный дом свой, не станет отрицать справедливости сказанного мною. Поэтому-то хулителям нашим скорее следовало бы обвинять все человечество, если оно подражает дурным чужим обычаям вместо своего собственного прекрасного, в сознательной испорченности, чем разводить о нас дурную славу. Ведь тем, что мы почитаем своего законодателя и веруем в его изречения о Божестве, мы не делаем ничего достойного порицания; ведь если бы мы сами не понимали все-

го превосходства наших законов, то нас заставила бы быть высокого о них мнения уже вся огромная масса лиц, домогающихся их.

40. Впрочем, в составленном мною сочинении «О древностях» я уже дал самое точное изображение наших законов и государственного устройства. Теперь же я напомнил обо всем этом лишь постольку, поскольку это было необходимо, не для того чтобы порицать учреждения других, но для того, чтобы изобличить в бессовестнейшем искажении истины тех, кто писал о нас гнусные небылицы. И мне кажется, что я в достаточной мере исполнил в своем сочинении то, за что я взялся: я показал необыкновенную древность нашего народа, тогда как обвинители наши утверждали, будто он один из самых молодых, и привел целый ряд классических свидетелей, упоминающих о нас в своих сочинениях как о народе древнем, что, однако, каждый из обвинителей наших отвергал. По мнению последних, предками нашими были египтяне; было, однако, доказано, что они прибыли в Египет извне. Они лгали на наших предков, уверяя, будто те были изгнаны из страны за телесные свои недуги, между тем обнаружилось, что эти предки вернулись на родину добровольно и в вожделенном здравии. Затем они поносили нашего законодателя, как самого дурного человека; между тем мы нашли, что свидетелем его добродетели был сперва сам Господь Бог, а затем время.

41. Относительно законов (наших) не было необходимости терять много слов. Из них самих в достаточной мере ясно, что они учат не безбожию, но самому истинному благочестию; что они побуждают не к человеконенавистничеству, но к общительности; что они враждебно относятся к несправедливости, но заботятся о распространении справедливости; что они исключают всякое безделье и любовь к роскоши, учат воздержности и трудолюбию, отвергают войну ради расширения владений, но побуждают храбро отстаивать свои установления; что они неумолимы в наказаниях, не позволяют обходить себя каким бы то ни было извращением слов и всегда подтверждаются фактами: все это мы (постоянно) доказываем более убедительно на деле, чем на словах. Поэтому я могу смело утверждать, что именно мы и ввели у других весьма много нового и притом наилучшего. Ведь что пре-

краснее непреклонного благочестия? Что справедливее повиновения законам? Что полезнее взаимного сочувствия, которое исключает возможность расходиться в несчастии или заносчиво ссориться при счастливых обстоятельствах жизни, на войне презирать смерть, в мирное время заниматься ремеслами и земледелием, всюду и всегда питая уверенность в том, что Господь Бог взирает на все? Если бы такое учение было записано или точнее соблюдалось другими, то мы с благодарностью стали бы их учениками. Но если обнаруживается, что мы-то как раз и пользуемся перед всеми другими такими законами, и если мы очевидно первые и нашли их, то пусть пропадут Апионы, Молоны и все те, кто находит удовольствие во лжи и в поношениях. Тебе же, Эпафродит, которому всего дороже истина, и по твоему примеру всем тем, которые, подобно тебе, захотят узнать ее относительно нашего племени, да будет посвящена эта и предшествующая часть моего сочинения.

КОММЕНТАРИИ

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Книга тринадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] По данным Св. Писания (I кн. Макк. IX, 49), Вакхид потерял лишь тысячу человек.

[2] Ср.: I кн. Макк. IX, 22—73.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[3] Т. е. в 153 г. до Р. Х.

[4] Ни в «Древностях», ни в «Иуд. войне», ни в «Против Апиона» нет соответствующего упоминания.

[5] Ср. данные I кн. Маккав., гл. X.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[6] Это был, по всем данным, Ония IV, который около 160 г. основал храм в египетском городе Леонтополе. См. выше, с. 663, прим. 27.

[7] Ср.: Исаия XIX, 19, где сказано: «Вот тот день жертвенник Господу будет посреди земли Египетской, и памятник Господу — у пределов ее».

[8] Так называлась у египтян богиня луны; она изображалась в виде женщины с кошачьей головой, и ей были посвящены кошки.

[9] Это и были, вероятно, посвященные богине кошки.

[10] Ср.: «Иуд. война», VII, 10, 3.

[11] Эта глава не имеет никакого отношения к данным Библии.

[12] См. XIII, гл. II, 4.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[13] Т. е. в 148 г. до Р. Х.

[14] Прозванный Никатором.

[15] Здесь существует вариант текста, а именно: «Для него (Аполлония) это особенный позор, что он не подчинил Ионафа (до сих пор) царю». — Весь этот отрывок крайне неясен. По рассказу Флавия, нападение Аполлония на Ионафа произошло против желания царя Александра, тогда как данные I кн. Маккав. X, 69, указывают на то, что Аполлоний успел уже отложиться от Александра и передаться на сторону Димитрия. («И поставил *Димитрий* военачальником Аполлония, правителя Келесирии, — и он собрал большое войско» и т. д.).

[16] Где он мог пользоваться своей конницей.

[17] Впрочем, и на это нигде у Флавия нет подробных и более полных указаний.

[18] Ср.: Justin. XXV, 2; Polyb. XXXIII, 14.

[19] Ср.: I кн. Макк. X, 51 — XI, 38.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[20] Ср.: кн. 12, с. 690 — 691.

[21] По I кн. Маккав. 11, 60, по ту сторону Иордана лежавшим (Kaulen).

[22] Ср.: кн. 12, с. 678.

[23] См. кн. 12, гл. IV, 10.

[24] Эфорами назывались в Спарте издавна существовавшие и избиравшиеся на один год пять чиновников с крупной законодательной властью, особенно расширившейся после падения царя Клеомена III (221 г. до Р. Х.). Ср.: O. Müller, Dorier, I, 111 и сл. Герусией же было высшее государственное учреждение, состоявшее из 28 членов и представлявшее верховный совет страны под председательством самих царей. Каждому из членов должно было быть не менее 60 лет от роду.

[25] Ниже Иосиф, сам принадлежавший к философской школе фарисеев, а также одно время бывший ессеем и хорошо изучивший жизнь их и все их мировоззрение, указывает на II кн. своей «Иудейской войны» (II кн., гл. VIII) как на источник, где можно детально ознакомиться с этими сектами, их устройством и учением. Данные Флавия восполняют сказанное у Евсевия (Präpar. Evangelica VIII) и Плиния (Hist. Nat. V, 17).

[26] Ср.: I кн. Макк. XI, 39 — XII, 38 и XIV, 1—3.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[27] Насчет точного местоположения этого города, упоминаемого Иосифом ниже (глава 15, 2) и в «Иуд. войне», IV, 9, 1 (где имя это пишется через одно δ), известно довольно мало. Ср.: Boettger, l. c. p. 11.

[28] См.: Revue archéologique, nouvelle serie XXIV (1872), p. 265, статья Guérin: Découverte du tombeau des Maccabées.

[29] Здесь следует, вероятно, дополнить: «в течение восемнадцати лет».

[30] В Св. Писании об этом нет упоминания.

[31] В основу содержания этой главы легли данные I кн. Макк. XII, 39 — XIII, 30 и 42.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[32] По I кн. Макк. XVI, 16, он убил их вместе с Симоном.

[33] По I кн. Макк. XVI, 22, он велел схватить убийц.

[34] В основу рассказанного в этой главе легли данные I кн. Маккав. XIII, 31, 33 и XV, 1 — XVI, 22. Этим заканчивается параллельный Библии рассказ Иосифа Флавия. Ближайшие сведения, быть может, почерпнуты из упомянутого в I кн. Макк. XVI, 24 и затерявшегося дневника Иоанна Гиркана.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[35] Так наз. субботний год.
[36] Т. е. в 132 г. до Р. Х.
[37] См. т. I, глава V, 11.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[38] См. кн. 11, гл. VII, 2.
[39] Идами называлось каждое 13 или 15 число месяца. За восемь дней до февральских ид — 5 февраля.
[40] Ср. «Иуд. войну» I, 2, 5 и 6.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[41] Знаменитый по своему богатству и живописному положению город в Мизии, основанный фессалийскими пелазгами. Ср.: Kiepert, Handbuch der alten Geographie, p. 107.
[42] См. ниже, XV, 8, 5.
[43] См.: XIII, 3, 3.
[44] Знаменитый, происходивший из каппадокийского города Амасии и живший при императоре Тиверии географ и составитель утерявшихся исторических хрестоматий. Его обширное географическое сочинение, написанное по-гречески (Geographicorum libri XVII), весьма содержательно в отношении обилия бытового материала.
[45] См. выше, с. 724.
[46] Ср.: «Иуд. война», II, 8, 2—14.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[47] Дело в том, что Стратоновой Башней назывался также город Кесарея (Caesarea Palästinae), отстоявший от Иерусалима на 600 стадий. Имя Кесарее город получил от Ирода, переименовавшего его таким образом из Strathonos pyrgos. См. ниже, XV, 8, 5 и 9, 5.
[48] Ср.: «Иуд. войну.», I, 3, 1—6.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[49] См. предпоследнее примечание выше, с. 746.
[50] Т. е. таких, из которых каждый должен был вступить в бой с сотней противников.
[51] Ср.: «Иуд. война», I, 4; 1—2.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[52] Этот красивый и живописно расположенный киликийский город особенно возвысился при императоре Констанции. Страбон (XVI, p. 676) и Арриан (II, 5) упоминают его красивое местоположение. Теперь это грязная деревушка. Ср.: Boettger, l. c. p. 188.

[53] Рукописи расходятся в чтении. Древнейшие называют его Εὔκαιρος (своевременным), новейшие же Ἄκαιρος (несвоевременным).

[54] Ср. «Иуд. войну», I, 4.

[55] См. выше, кн. 3, гл. X, 1.

[56] Арабское войско ехало не только на конях, но еще чаще на верблюдах, как то по сей день замечается у разных африканских племен.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

[57] Фракийцы пользовались славой беспримерной жестокости.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[58] Ипподром этот находился вне города, и Филипп, очевидно, вышел туда со всем своим войском, может быть, на ученье (Kaulen).

[59] Весьма вероятно, что эта Кана идентична с упоминаемой в Ев. от Иоанна (II, 1, 11; IV, 46; XXI, 2).

[60] Ср. «Иуд. войну», I, 4, 7 и 8.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[61] Здесь, как и несколько ниже, в греческом тексте заметен пропуск.

Книга четырнадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Т. е. в 70 г. до Р. Х.

[2] См. выше, с. 762.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[3] На наши деньги около 375 рублей.

[4] Около 8 литров; стоимость такой меры определялась тогда, следовательно, в 4 рубля.

[5] Ср. «Иуд. войну», I, 6, 3.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[6] Ср.: «Иуд. война», I, 6, 6: «Земля иерихонская — самая плодотворная в Иудее, производящая в огромном изобилии пальмовые деревья и бальзамовые кустарники. Нижние части стволов этих кустов надрезываются заостренными камнями, и капающие из надрезов слезы собирают как бальзам». Вследствие этого во многих местах Ветх. Зав. Иерихон называется городом пальм. — О подробностях см.: Boettger, l. c. p. 143—145.

[7] Здесь, очевидно, имеется в виду Святая Святых, доступ куда был разрешен лишь первосвященнику.

[8] Ср.: «Иуд. война», I, 6, 6 — 7, 7.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[9] Таким образом, был упразднен центральный и раньше единственный синедрион страны, иерусалимский, состоявший из семидесяти членов и фактически управлявший всей страной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[10] Ср.: «Иуд. война», I, 8, 7. В прим. к рус. переводу (с. 42, прим. 1) сказано: «В Египте в то время были два царя, оба побочные сыновья Птолемея Лафура: Птолемей Авлет в Александрии и Птолемей Кипрский — на Кипре. Оба приобрели свою власть подкупом; но теперь римский сенат рассудил, что пора прогнать бессильных царей и присоединить их владения к римскому государству. Посланный сенатом Катон без всякого труда подчинил остров, так как царь его отравился. Авлет же за свои жестокости был изгнан жителями Александрии, передавшими власть его зятю, жрецу Архелаю. Момент был очень удобный для того, чтобы уничтожить египетскую династию и превратить Египет в римскую провинцию. Но Помпей и Красс, подкупленные Авлетом, поручили Габинию возвести его на престол. За исполнение этого поручения Габиний был щедро награжден Авлетом, но по возвращении в Рим он был обвинен во взяточничестве и осужден на изгнание».

[11] Библейская гора Тавор, ныне Djebeleth-Tur. Упоминается также в «Иуд. войне», где дано следующее описание (IV, 1, 8): «Она подымается на высоту 30 стадий и едва досягаема с северной стороны; на ее вершине расстилается равнина в 26 стадий, вся заключенная укреплениями».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[12] Ср.: «Иуд. война», I, 8, 8. Парфяне, по преданию, влили ненасытному и алчному Крассу в рот расплавленное золото.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[13] Т. е. 13 декабря.

[14] Пританниями назывались промежутки в 35, позже в 29—30 дней, в течение которых известное отделение совета пятисот афинских старейшин ведало все общественные дела. По этим пританниям велся счет в официальных бумагах, в начале которых обыкновенно помещалось еще упоминание имени первого из десяти архонтов, стоявших во главе республики.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[15] Таково обычное чтение. В издании Naber'a по Casaubon. правильнее поставлено число 15.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[16] Так наз. pontifex maximus, титул одного из наиболее выдающихся чиновников в Риме.

[17] Т. е. 11 апреля.
[18] Т. е. 20 сентября.
[19] Т. е. 19 сентября.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[20] Ср. «Иуд. война», I, 10, 10—12, 1.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[21] Так называлось предместье Антиохии, славившееся своей красотой и служившее любимой резиденцией сперва селевкидов, затем и римских полководцев. Здесь находилась знаменитая роща из лавровых деревьев (отсюда и название местности) с храмом Аполлона. Ср.: Boettger, l. c. p. 101.
[22] Первоначально так назывались князья, поделившие между собой какую-нибудь область, разбив ее на четыре отдельные части. Впоследствии это название стало синонимом независимого мелкого царька, не имевшего права открыто именоваться царем.
[23] Приморский город в Галилее, между Тиром и Птолемаидой.
[24] Ср. «Иуд. войну», I, 12, 5 — I, 13, 10.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

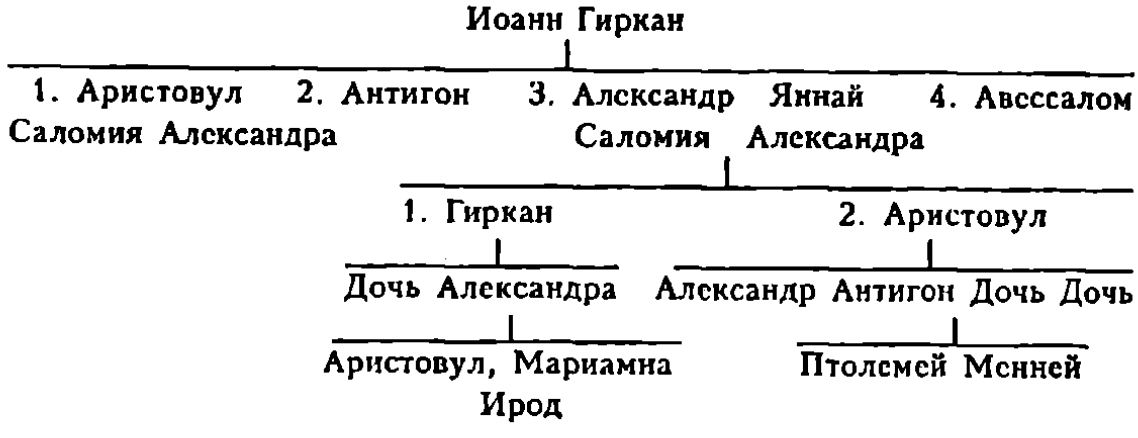
[25] Ср. «Иуд. войну», I, 14, 1—15, 2.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

[26] Т. е. в Галилейском море (Kaulen).
[27] Ср. «Иуд. войну», I, 15, 3—17, 8.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

[28] Т. е. в 37 г. до Р. Х. Что касается выражения «в третий месяц», то оно еще не вполне выяснено. Вообще, хронологические данные Иосифа с момента восшествия на престол Иоанна Гиркана до сих пор весьма неточны. Ср.: D. Cassel, Iüdische Gesch. u. Litterat., p. 98, ann.
[29] Родословная асмонеев:



[30] Ср. «Иуд. войну», I, 17, 9—18, 4.

Книга пятнадцатая

ГЛАВА ВТОРАЯ

[1] Ср. выше, с. 813.
[2] Он отрезал ему уши. См. выше, с. 812.
[3] Ср. «Иуд. войну», I, 22, 3.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[4] Ср. выше, с. 771, прим. 6.
[5] Ср.: «Иуд. войну», I, 19, 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[6] В 30 г. до Р. Х.
[7] Здесь в большинстве рукописей замечается пропуск, восстановляемый Niese, по Bell. judaic. I, 19, 5, следующим образом: «Выведя войско свое вперед, Ирод стал вызывать врагов на бой, видя, что их войско охвачено ужасом, особенно же неприятельский военачальник Ельфем решится и т. д.».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[8] Ср. выше, с. 842.
[9] Второзак. XXVI, 1—4 разрешает такой развод лишь исходящим со стороны мужа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[10] Колесницы, в которые впрягалась четверка лошадей.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[11] Цезарь Август вел тогда войну с арабами.
[12] Так назывался город вблизи Афин, служивший последним отличной гаванью.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[13] См. ниже, XVIII, 1, 2 и сл., а также выше, с. 724, прим. 25.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[14] Ср. «Иуд. войну», I, 21, 1 (где назван 15-й год). Впрочем, «Древн.» XXVIII, 9, 7, также цитируют восемнадцатый год.
[15] Эти священнослужители должны были строить те части храма, куда был запрещен вход мирянам.

[16] Здесь текст представляет пропуск, восстановляемый мной по латинскому переводу (Naber III, p. XLVII) на основании Bell. jud. V, 5, 4; Antiquit. XX.

[17] Конечно, Соломон вовсе не был первым царем иудейским. Его здесь и в других местах (напр., кн. XX, гл. 8) Флавий называет так, потому что желает характеризовать Соломона как первого действительно блестящего и могущественного государя евреев.

[18] Вот этот текст, найденный недавно: Μηδένα ἀλλογενῆ εἰσπορεύεσθαι ἐντὸς περὶ τὸ ἱερὸν τρυφάκτου καὶ περίβολου ὃς δ᾽ἂν λήφθη ἑαυτῷ αἴτιος ἔσται διὰ τὸ ἑξακολουθεῖν θάνατον. «Ни один иноземец не смеет войти за решетку и ограду святилища. Кто будет схвачен, тот сам станет виновником собственной смерти». Ср.: Nowack, l. c. II, p. 77.

[19] Вопрос о храме Ирода породил огромную литературу, указания на которую имеются у Nowack'a, l. c. II, p. 74, 75. — Главными древними источниками служат, кроме данной главы Иосифа Флавия, где находим преимущественно описание первого наружного двора храма, еще данные в его «Иудейской войне» (V, 5), и главным образом трактат Мишны, Миддот. Сообщения талмудического трактата крайне ценны не только как дополнение к данным Флавия, но и потому, что еще раз подтверждают значительную точность указаний последнего.

Книга шестнадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср.: кн. Исх. гл. 21, 2: «Если купишь раба еврея, пусть он работает (тебе) шесть лет, а в седьмой пусть выйдет на волю даром».

ГЛАВА ВТОРАЯ

[2] Так назывались два островка, лежащие при впадении Босфора в Черное море. Они известны по мифу об аргонавтах. На большем из этих островов воздымается так наз. колонна Помпея. Ср.: Boettger, l. c. p. 96 и 97.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[3] Ср. «Иуд. войну», I, 23, 3 — I, 23, 5.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[4] Это бывшая так называемая Стратонова Башня.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[5] Город Анкира, первоначально входивший в состав Фригии, стал впоследствии столицей Галатии. Тут проходила большая дорога из Византии в Сирию. Замечателен так наз. monumentum Ancyranum с надписью о подвигах Октавиана Августа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[6] Ср. выше, кн. XIII, 8, 4.
[7] Здесь в тексте пропуск.
[8] Ср. «Иуд. войну», I, 24, 1—6.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[9] Ср. «Иуд. войну», I, 24, 8—25, 3.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[10] Тут в тексте пропуск, восстанавливаемый нами по смыслу.

Книга семнадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Как известно, нигде в кн. Ветхого Завета евреям не запрещено многоженство. Евреи, живущие в мусульманских странах, до сих пор держатся полигамии. В Европе р. Гершом в 1018 г. установил моногамию.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[2] Ср.: Исаия, LVI, 3—4.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[3] Ср. «Иуд. войну», I, 30, 1, 4, 5—31, 1.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[4] Эпитет «Август», обязательно присоединявшийся к имени римского императора, передается по-гречески через Sebastos.
[5] Содержание этой главы отчасти затронуто в «Иуд. войне», I, 31, 3, 5; 32, 2, 4, 5, 6 и 7.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[6] Ср. «Иуд. войну», I, 33, 5. Каллироя находилась на восточном берегу Мертвого моря и представляла в древности оживленный курорт. Горячие ключи с большой примесью минеральных ингредиентов еще по сей день служат арабам для целебных целей. Ср.: Boettger, l. c. p. 72.
[7] Ср. «Иуд. войну» I, 33, 2—7. Насколько несерьезно можно относиться к этому рассказу Иосифа, видно из того, что то же деяние приписывается в Талмуде Яннаю. Ср.: Derenbourg, Palestine, p. 163—164. Таким же вымыс-

лом, по мнению Э. Ренана («Евреи под владычеством Рима»), является и рассказ об осквернении золотого орла над фронтоном храма.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[8] Ренан (l. c.) пишет: «Узнав об этом печальном, крайне расстроившем его происшествии, Август сказал: "Вот человек, быть свиньей которого лучше, чем сыном!"» Ср.: Макроб. Saturn. II, 4.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[9] Ср. «Иуд. войну», I, 33, 7 — II, 1, 1.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

[10] Ср. «Иуд. войну», II, 3, 1—5, 2.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[11] Ср. «Иуд. войну», II, 6, 1—3.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

[12] Ср. «Иуд. войну», II, 7, 1, 2.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

[13] По «Иуд. войн.», II, 7, 3, на девятом году.

[14] Это главный город аллоброгов в нарбоннской Галлии, на левом берегу реки Роны. В V в. здесь была резиденция бургундских королей. Ныне городок Vienne в департаменте Isêre. Ср.: Boettger, l. c. p. 252.

[15] В параллельном месте («Иуд. войн.», II, 7, 3) число колосьев и волов определено в девять, сообразно там указанному числу лет правления Архелая.

[16] Эта перепись, по времени вторая, упоминается в «Деян. апост.», V, 37, тогда как о первой, касавшейся всей Римской империи, говорится в Евангелии от Луки (II, 2). — (Kaulen).

[17] Ср. «Иуд. войну», II, 7, 2, 3, 4.

Книга восемнадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Ср. «Иуд. войну», II, 8, 2—14. Тут особенно подробно говорится об ессеях. Впрочем, и в «Иуд. древн.», XIII, 5, 9, автор останавливается на этих сектах.

[2] Ср. «Жизнеописание Иосифа Флавия», 2, где автор сравнивает фарисеев с греческими стоиками. Иосиф так выражается во II кн. «Иуд. войны»

о фарисеях: «Из двух первенствующих сект фарисеи слывут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят все в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются по их смерти в другие тела, а души злых обречены на вечные муки» (перев. Чертока, с. 176). Ср. дельное примечание там же.

[3] Однако проф. Д. Хвольсон доказал их огромное влияние на историю Христа. («О некотор. средневек. обвинен. против евреев», 2-е изд., с. 39—44.)

[4] О взаимоотношениях саддукеев Флавий в «Иуд. войне» выражается следующим образом: «Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собой суровее и грубее; и даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими» (там же, с. 177).

[5] Гораздо обстоятельнее об этой секте рассказано Флавием в указанном месте II кн. «Иуд. войны». Г. Черток (см. выше) пишет в примечании к данному месту следующее: «Несмотря на это сравнительное богатство материала и многочисленные исследования, посвященные европейскими учеными этому предмету ("Систематич. указат. литературы о евреях" отмечает четыре статьи об этом вопросе, № 7343—7346), вопрос о происхождении ессеев все еще остается не вполне разъясненным. Даже этимология и значение имени ессеев еще не окончательно установлены. Нет сомнения, что ессеизм получил свое начало в Палестине и вырос на почве иудаизма. Основные части его учения имеют свои корни в самом еврействе, и можно поэтому с большой вероятностью допустить, что ессейский орден образовался из среды тех "хассидеев", которые во время борьбы против эллинизма проявили такую замечательную энергию и такое редкое самоотвержение в деле защиты веры отцов. Нельзя, однако, не заметить в ессеизме и некоторых посторонних элементов, чуждых еврейству и привившихся ему как будто извне. В особенности поражает обычай их обращаться утром с молитвой к солнцу. Отвержение брака и весь аскетический характер ордена также не совсем согласуются с воззрениями чистого иудаизма. Не без основания поэтому полагали, что ессеизм не чужд и некоторому внешнему влиянию. Сам Иосиф Флавий, как мы видели, проводит параллель между учением ессеев о бессмертии души и воззрениями греков на этот предмет; в другом же месте ("Иуд. древн.", XV, 10, 4) он прямо сопоставляет ессеизм с пифагореизмом. В действительности нельзя не заметить много сходного между обоими этими учениями. На это в особенности обратил внимание известный знаток греческой философии Эдуард Целлер (Die Philosophie der Griechen, Teil III, Abth. 4, p. 277—338 третьего издания, и Ueber den Zusammenhang des Essäismus mit dem Griechenthume в Theolog. Jahrbücher 1856, с. 401—433). Но Целлер заходит слишком далеко, если он почти весь ессеизм хочет вывести из пифагореизма. Можно согласиться, что ессеи кое-что восприняли из пифагореизма, но нет сомнения, что в основных своих чертах учение их опирается на еврейство». — «Безусловной ошибкой будет производить ессейство исключительно от израильства ветхозаветных пророков; но не менее неправильным будет мнение, будто ессейство потому лишь явление не чисто иудейское, что на него оказывали воздействие пар-

сизм и греческое мировоззрение. Именно два последних явления путем своего влияния превратили мир израильский в иудейский», — пишет Оскар Гольцман в своем сочинении «Падение иудейского государства» (только что вышедший рус. перевод, с. 320).

[6] Ср. «Иуд. войну», II, 8.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[7] Битва эта произошла в 30 г. до Р. Х.

[8] В Новом Завете он цитируется под именем Анны.

[9] Эту Вифсаиду не следует смешивать с расположенным к западу от Генисаретского озера местечком того же имени; там родились апостолы Андрей и Петр.

[10] По Моисееву законодательству такой поступок осквернял храм и всех пребывавших в нем.

[11] Август здесь неправильно назван вторым императором. Очевидно, Флавий считает первым Гая Юлия Цезаря.

[12] Это неверно. Он был сыном Тиверия Клавдия Нерона и Ливии Друсиллы, которая впоследствии вышла за Августа, усыновившего своего пасынка, Тиверия.

[13] Известный из Нов. Зав. Кайафа, судивший Иисуса Христа.

[14] Озеро поэтому получило название Тивериадского.

[15] Ср. «Иуд. войну», IV, 1, 3, где эта деревня названа Аммаусом. «Веспасиан выступил из Аммауса, где стоял лагерем на виду Тивериады (слово Аммаус означает теплые купанья, по находящимся здесь теплым целебным источникам)...» Быть может, это חמת, упоминаемое в кн. Иисуса Навина, XIX, 35.

[16] Снежные горы Курдистана в Северной Месопотамии.

[17] Ср.: Tacit. Ann. XII, 72. Германик, сын Друза, долго воевал с германцами на Рейне. Его популярность беспокоила Тиверия, который отдал приказ Пизону при случае умертвить молодого человека. Пизон был подчинен Германику, но не ладил с ним.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[18] Около тридцати восьми верст.

[19] Это самое знаменитое место Флавия. Подлинность его неоднократно подвергалась сомнению, так как казалось невероятным, чтобы такие слова мог произнести иудей, фарисей Иосиф Флавий. Вопрос о подлинности этого места, кстати, встречающегося во всех рукописях, породил целую литературу. Естественно, что повторения этой цитаты у отцов церкви (Евсевия, Иеронима, Оригена и др.) не могут еще служить убедительным доказательством ее подлинности. Некоторые ученые считают это место интерполяцией, другие видят в тексте умышленные искажения и добавления. К числу последних относится и Schürer, Lehrbuch der neutestamentlichen Zeitgeschichte, и особенно Wieseler (Jahrbücher f. deutsche Theologie, XXIII). В последнее время появилась в Revue des etudes juives, T. XXXV, № 69, обстоятельная об этом статья Рейнака, где собран обильный библиографический материал.

[20] Культ египетской Изиды довольно рано нашел распространение в Риме, где ему охотно предавались распущенные представительницы знати. По учению жрецов, бог Анубис иногда осчастливливал своим вниманием особенно ревностных служительниц богини.

[21] Около 50 000 рублей на наши деньги.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[22] Это было, следовательно, в 37 г. по Р. Х.

[23] Ср. выше, кн. XV, 11, 4.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[24] Жены Ирода Великого и их потомство:

I. *Дорис* — у нее сын Антипатр.

II. Асмонеянка *Мариамна* I, у нее дети:

Александр — Александр, Тигран

Аристовул (жена Береника) — Агриппа I, Ирод, Иродиада, Аристовул

Агриппа II, Друз, Береника, Мариамна, Друзилла

Аристовул (жена Саломия) — Ирод, Агриппа, Аристовул

Иотапа

Салампсио, Киприда — Антипатр, Ирод, Александр, Александра, Киприда

III. *Мариамна II*, дочь первосвященника Симона

Ирод (Боэт), женатый на Иродиаде

Саломия, замужем за а) Филиппом, за б) Аристовулом

IV. *Мальфака* из Самарии

Архелай, Тетрарх Галилейский Ирод, Антипас, женатый на дочери царя Арета, а затем на Иродиаде.

Олимпиада — Мариамна

V. *Клеопатра* из Иерусалима

Филипп, тетрарх Трахонский

Ирод

VI. *Паллада*

Фасаил

VII. Дочь брата (бездетна)

VIII. Дочь сестры Саломии (бездетна)

IX. *Федра*

Роксана, замужем за племянником Ирода I, Феророю

X. *Эльпида*

Саломия, замужем за сыном Фероры, брата Ирода I

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[25] Старший, так наз. Клавдий Нерон Друз, был сыном Тиверия и Ливии и племянником того Тиверия, который впоследствии стал императором. Он совершал походы в Германии и умер 30 лет от роду. Жена его, известная под именем Antonia minor, родила ему двух сыновей, Германика и Клавдия, впоследствии ставшего императором, и Ливиллу. Младший Друз, или иначе Друз Цезарь, был сыном Тиверия от первого его брака с Випсанией Агриппиной. Он женился на указанной выше Ливилле, которая впоследствии при помощи любимца императора, Сеяна, отравила его.

[26] Так назывались в греческих городах чиновники, на обязанности которых, подобно римским эдилам, лежал присмотр за рынками и взимание податей за доставляемые туда товары.

[27] Puteoli, ныне Pozzuoli, небольшой приморский городок к северу от Неаполя. Капрея теперь носит название Капри.

[28] Около 22 000 рублей на наши деньги.

[29] Впоследствии император, известный под именем Калигулы.

[30] То был знаменитый Германик.

[31] Tac. ann., V, 3; VI, 25. Характеристика его там же, IV, 1.

[32] Гальба был действительно римским императором в 69 г. до Р. Х. Ср.: Tac. ann., VI, 20.

[33] Собственно, третьим. См. выше, с. 999.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[34] См. выше, с. 1019.

[35] Теперешний Лион.

[36] Ср.: Suet. Cal., 23 sq., 52; Dio Cass., 59, 13, 17.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[37] История посольства к Калигуле подробно рассказана Филоном в его сочинениях: «Adversus Flaccum» и «De Legatione ad Gajum».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[38] Каждый совершеннолетний иудей должен был ежегодно на Пасхе доставлять в иерусалимский храм полсикла (две драхмы), или 60 коп. на наши деньги.

[39] Между тремя и шестью часами ночи.

[40] 17 верст.

Книга девятнадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Это выражение заимствовано из Гомера.

[2] Кинир был мифическим царем о. Кипра. По преданию, его сыном был Адонис, которого родила ему его дочь Мирра. Когда Кинир узнал, что ошибочно совокупился с собственной дочерью, то покончил с собой. Ср.: Ovid. Metam. X, 298 sq.

[3] В 36 г. до Р. Х.; Филипп был отцом Александра Великого.

[4] По нашему времени около 3-х часов дня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[5] Это так наз. гемма.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[6] Участники конских ристалищ в цирке делились на четыре группы и внешним образом отличались друг от друга цветом одежды (белые, красные, голубые и зеленые).

[7] В этом игра слов. Луп (lupus) по-латыни значит «волк».

ГЛАВА ПЯТАЯ

[8] По Поливию (V, 71, 2), это была столица области Авилены в Келесирии, недалеко от Дамаска. До сих пор сохранились там развалины под именем Nebi Abel. Ср.: Boettger, l. c. p. 4—5.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[9] Как известно, назиреи были люди, давшие обет навсегда или на определенное время вести воздержанный образ жизни, не пить вина и т. п. и в знак этого отращивавшие себе волосы. По окончании срока обета священнослужители при особенно торжественной обстановке стригли им волосы.

[10] См. выше, с. 1027.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[11] Ср. «Иуд. войну», II, 11, 6.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[12] См. выше, с. 1021.

[13] В «Деян. апост.», XII, 21—23, читаем: «В назначенный день Ирод (Агриппа), одевшись в царскую одежду, сел на возвышенном месте и говорил к ним; а народ восклицал: это голос Бога, а не человека. Но вдруг ангел Гос-

подень поразил его за то, что он не воздал славы Богу; и он, быв изъеден червями, умер».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

[14] Харон — мифический лодочник, по представлениям древних греков, перевозивший в челне через подземную реку Стикс души умерших в царство Аида.

Книга двадцатая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] Это была столица аммонитской области. Раньше она называлась Раббат-Аммоном.

[2] Т. е. 28 июня.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[3] Об этой местности см. выше, «Иуд. древн.», I, 6, 4.

[4] Это евр. חרן столь известное из Пятикнижия. У арабов этот город долго был известен под именем Харрана (сосредоточие сабейского культа). Амомом называлась пахучая смола, из которой приготовляли ценный бальзам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[5] Это были скифские племена, кочевавшие у берегов Аральского моря.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[6] Ср. о нем «Деян. апост.», V, 36.

[7] Ср. «Иуд. войну», II, 11, 6.

[8] Ср. «Иуд. войну», II, 11, 6—12, 2.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[9] Ср. «Иуд. войну», II, 12, 3—7.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

[10] Ср.: «Деян. апост.», XXIV, 24 и сл.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

[11] В 54 г. до Р. Х.

[12] Ср.: Dio Cass. 6, 24—16, 34. Tac. ann. XII, 64. Suet. Claud. XLIV, 46. Plin. X, 37.

[13] Ср. «Иуд. войну», II, 12, 8.

[14] Последние две книги сочинения этого не подтверждают.

[15] Как видно из Тацита и других писателей той эпохи, вера в разные знамения и чудеса тогда была особенно распространена.

[16] Ср.:« Деян. апост.» XXI, 28.

[17] Ср. «Иуд. войну», II, 13, 6.

[18] Ср. «Иуд. войну», II, 14, 1.

[19] Этого уже никак нельзя сказать о Поппее. Все ее благочестие заключалось в том, что она внешним образом приняла иудейство.

[20] Ср.: Tac. ann. XIII, 15, XIV, 3 sq. Suet. Ner. XXXIV, 39 (вместо этого). В числе их находился и сам Флавий Иосиф.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

[21] Ср., однако, выше, с. 1119, восторженный отзыв Иосифа о Поппее.

[22] Это сделано Флавием в его еще не изданной в русском переводе автобиографии. См. наш очерк о жизни Флавия Иосифа.

[23] То был 83 г. по Р. Х.

[24] Вероятно, Флавий не привел этого намерения в исполнение; такой книги, по крайней мере, не сохранилось от него. Ср.: Niese, l. c. p. 230.

[25] Ср.: B. Niese, Der jüdische Historiker Josephus. в Histor. Zeitschr. 76 Bd. III Heft, p. 229.

О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКОГО НАРОДА ПРОТИВ АПИОНА

Книга первая

[1] См. Введение, с. 1145.

[2] Сочинение «Иудейские древности» (Ἰουδαϊκὴ Ἀρχαιολογία, Antiquitates Judaicae), самое крупное и обширное из сочинений Иосифа, излагает историю евреев с древнейших времен до начала войны с римлянами, т. е. до 66 г. по Р. Х. Оно было окончено в 93 г. по Р. Х. на 56 г. жизни автора. История библейского периода изложена главным образом по книгам Св. Писания, для побиблейской же истории автор пользовался, кроме имевшихся у него и отчасти сохранившихся по настоящее время еврейских источников, еще многими нееврейскими источниками, между прочим, также архивным материалом. См.: H. Bloch, Die Quellen des Flavius Josephus in seiner Archäologie, Leipzig, 1879.

[3] Число круглое, так как в действительности общая сумма лет, на которые простираются «Древности», составляет только 4797 лет, из которых приблизительно 4300 лет приходятся на библейскую историю. Впрочем, в своей библейской археологии автор часто себе противоречит и значительно расходится с данными Св. Писания. См.: Zipser, Des Fl. Jos. Werk «Ueber das hohe Alter des judischen Volkes», с. 12 сл.; Destinon, Die Chronologie des Josephus, Kiel, 1890.

[4] Древние народы придавали большое значение «благородному происхождению» — εὐγένεια, — понятие о котором совпадало у них с понятием о древности и чистоте крови. Большинство народов считали себя автохтонами и на этом основывали свое преимущество перед другими народами. Нередко из-за этого между отдельными народами происходили продолжительные споры. С особенным презрением относились к тем народам, которые не могли доказать свое древнее и чистое происхождение. Враждебные евреям писатели, вроде Апиона и других, старались поэтому выставить евреев народом, не имеющим никакого прошлого и образовавшимся из различного сброда, ссылаясь при этом на отсутствие у древних писателей всяких сведений о них. Иосиф поэтому прежде всего обращается против этого упрека и весьма обстоятельно его опровергает.

[5] Культура греков в сравнении с культурой египетской и переднеазиатской весьма позднего происхождения. История греков начинается собственно только со времени дорийского переселения в 1104 г. до Р. Х., тогда как по истории Древнего Египта имеются письменные памятники, обнимающие период почти в 4000 лет, и историю халдеев, под которыми древние писатели разумели жителей Вавилонии, можно проследить, на основании открытых и разобранных только в недавнее время клинообразных надписей, почти за 3000 лет до Р. Х. Финикияне, один из древнейших и просвещеннейших народов, также имели богатую письменность, которая, однако, за исключением немногочисленных отрывков в греческом переводе, как, напр., отрывки Санхуниатона и Менандра, не сохранились. Имеющиеся в большом количестве финикийские надписи относятся все к более позднему времени.

[6] Происхождение греческого шрифта из финикийского, которое ныне может считаться вполне доказанным фактом, уже признавалось древними писателями, которые приписывают введение его финикиянину Кадму, жившему будто бы за несколько сот лет до Троянской войны. Но Кадм («восток»), по всей вероятности, есть не что иное, как олицетворение того влияния, которое Восток имел на греческую культуру. Употребление шрифта грекам во время Троянской войны еще не было известно; оно стало у них распространяться гораздо позже, вероятно, не раньше VII в. до Р. Х. См.: Schoemann, Griechische Alterthümer, I, с. 18; Berger, Histoire de l'Ecriture dans l'Antiquité, с. 128 сл.

[7] Это место служило исходной точкой и краеугольным камнем знаменитого исследования Вольфа о происхождении Гомеровых стихотворений — Prolegomena ad Homerum, 1795 — вызвавшего необыкновенное движение в ученом мире, в котором впервые высказано было подтвержденное многими доказательствами предположение, что приписываемые Гомеру поэмы («Илиада» и «Одиссея») составляют продукт целого ряда веков и долгое время передавались устно и по памяти в виде отдельных песен, которые только во время Пизистрата были собраны и соединены в одно целое.

[8] Кадм и Акузилай принадлежали к так называемым логографам, т. е. к тем писателям, которые занимались преимущественно мифологическим временем и записывали древние сказания. Они были предшественниками историков в тесном смысле, первым из которых, по общему признанию, считается Геродот, прозванный «отцом истории». Акузилай упоминается Иосифом также в «Иуд. др.», I, 3, 9.

[9] Ферекид из острова Сироса, жил около 600 г. до Р. Х., первый греческий прозаик, автор космогонии. — Фалес — один из «семи мудрецов», основатель ионической натурфилософии. — Пифагор — знаменитый греческий философ, основатель философской системы и школы, носящей его имя и имевшей большое влияние в истории философии. О его жизни, ставшей уже рано предметом многочисленных сказаний, мало известно. Он родился, вероятно, между 580 — 570 и умер в начале пятого столетия. Он жил некоторое время в Египте и, по мнению многих древних писателей, в особенности неоплатонической школы, оттуда заимствовал главные основы своего учения.

[10] Гелланик — логограф пятого столетия, автор многочисленных сочинений, от которых сохранились только незначительные фрагменты. — Гезиод — древнейший после Гомера поэт, жил в восьмом столетии, автор дидактического эпоса «Работы и дни» и мифологической поэмы «Теогония». — Эфор — жил в четвертом столетии, автор всеобщей истории, доведенной им до 340 г., которая служила одним из главных источников для Диодора Сицилийского. От нее остались лишь отрывки. — Тимей, жил 325 — 326, написал не дошедшую до нас историю Сицилии, которой Поливий отказывает во всяком значении. Все названные здесь писатели приводятся также Иосифом в «Иуд. др.», I, 3, 9. — Геродот считается основателем настоящей историографии у греков. Он родился около 490 — 80 в Галикарнассе в Карии в знатном и богатом семействе, много путешествовал по Египту, Азии и Элладе и умер в 424 г. в Южной Италии. История Геродота, состоящая из девяти книг, из которых каждая названа именем одной из муз, обнимает период в 320 лет, от лидийских царей до битвы при Микале в

479 г. Главное содержание книги составляет история Греции и в особенности персидских войн, но, кроме того, автор в ней рассказывает все, что он видел и слышал во время своих путешествий, и сообщает много сведений об Египте, Вавилонии, Ассирии и Персии. Правдивость Геродота и достоверность сообщаемых им сведений еще в древности подвергались сильному подозрению, и новейшие исследования в области древней истории во многих отношениях действительно поколебали авторитет «отца истории». См.: Wiedemann, Geschichte Aegyptens von Psammetich I bis auf Alexander den Grossen, с. 81 сл.; Tiele, Babylonisch-Assyrische Geschichte, с. 8 сл.; Winckler, Geschichte Babyloniens und Assyriens, с. 9 сл.

[11] Антиох, современник Фукидида, родом из Сиракуз, автор истории Сицилии, доведенной до 423 г. — Филист, также родом из Сиракуз, жил в четвертом столетии, написал историю Сицилии, в которой старался подражать Фукидиду, оттого его и называли «маленьким Фукидидом» — (pusillus Thucydides). — Каллий из Сиракуз, жил в третьем столетии и написал историю сиракузского царя Агафокла. — От сочинений всех этих писателей сохранились только отрывки.

[12] Фукидид, знаменитейший греческий историк, родился в Афинах около 464 г. и умер, вероятно, там же не позже 395 г. от рук убийцы. Он написал «Историю пелопонесской войны», отличающуюся точностью передаваемых фактов, критической оценкой рассказываемых событий, философской широтой взглядов и прекрасной характеристикой личностей. К этим внутренним достоинствам еще присоединяется художественная, хотя и сжатая, форма изложения, нередко возвышающаяся до поэтического пафоса. Тем не менее Фукидид также не избежал известных упреков, в особенности упрека в погоне за эффектом.

[13] Дракон, первый законодатель афинян, был архонтом в 621 г. Его законы отличались необыкновенной строгостью и жестокостью, так что о них говорили, что они писаны кровью. — Писистрат, афинский тиран, современник Солона, умер в 527 г., прославился в особенности предпринятым им собиранием Гомеровых стихотворений.

[14] Аркадяне считали себя древнее луны; они были крайне ограниченны, и их наивность и малообразованность вошли в поговорку.

[15] Халдеи — собственно этнографическое имя, означает у древних писателей вавилонских жрецов, затем также астрологов, в каком смысле слово это употребляется уже в книге Даниила.

[16] Указав в предыдущем на существование у евреев с древних времен тщательно оберегаемой письменности, Иосиф ссылается, в доказательство этого, на родословные таблицы священников, старательное составление которых с одной стороны свидетельствует о заботливости, с которой евреи относятся к своим письменным памятникам, а с другой стороны служит гарантией точности и достоверности имеющихся у них преданий, хранителями которых были священники, отличавшиеся высоким достоинством, святостью жизни и чистотой рода. Главнейшие предписания относительно священнических браков, о которых Иосиф здесь упоминает, встречаются уже в Библии (Лев. XXI, 7, 8, 13, 14) и строго соблюдались во все времена. Уже при Эздре и Неемии все священники, которые не могли доказать своего легитимного происхождения на основании родословных списков, были исключены (Эздра, 3, 62, Неемия, 7, 55). Впоследствии установлено

было, чтобы всякий священник был допускаем к исполнению священнических обязанностей только по представлении им синедриону фактических доказательств своего чистого, безукоризненного происхождения (Тр. Мидот, 5, 4). Сами священники весьма строго следили за чистотой заключаемых ими браков. Что эти правила одинаково соблюдались священниками в Египте и Вавилонии, сообщается также в Талмуде (Кетубот, 25-а). На чистоту крови и происхождения у евреев вообще обращалось большое внимание, и ведение родословных списков было в употреблении не только у священников, но и у мирян (см.: Zipser, с. 32 сл.). С особенной старательностью велись списки первосвященников; эти списки еще существовали во время Иосифа, который их имел перед собою и пользовался ими в своих исторических сочинениях (Bloch, Die Quellen des Fl. Joseph., с. 147 сл.).

[17] При переводе этого места принято было во внимание чтение ἀρχείων, предложенное Гутшмидом, вместо имеющегося во всех изданиях ἀρχαων (см.: Gutschmid, kleine Schriften IV, с. 398).

[18] Антиох Эпифан, сделавшись в 175 г. царем сирийским, через несколько лет после своего вступления на престол вторгся в Иерусалим и ограбил храм. Это вторжение, как известно, вызвало маккавейские войны, — Помпей в 61 г. после трехмесячной осады завоевал Иерусалим. — Квинтилий Вар, римский наместник в Сирии, отправился в Палестину для подавления вспыхнувшего после смерти Ирода восстания евреев против римского полководца Сабина и производил там страшную резню. — Запрещение священникам состоять в браке с женами, находившимися в плену, в Библии не встречается и выработалось только впоследствии; о нем упоминается также в Талмуде (Кетубот, 27-а). Эта строгость относительно священнических жен, между прочим, послужила поводом столкновения между фарисеями и Иоанном Гирканом, о котором рассказывают Иосиф («Иуд. др.», XIII, 10) и Талмуд (Киддушин, 66-а).

[19] Иосиф имеет в виду иудейско-римскую войну своего времени.

[20] Это место переведено согласно тексту и толкованию, предложенным Гутшмидом, который соединяет начало седьмой главы с предыдущим предложением (op. cit., с. 401).

[21] Иосиф говорит здесь только о 22 книгах Св. Писания, тогда как общепринятое число их составляет 24. Но нет сомнения, что он имеет в виду всю Библию в том же объеме, в котором мы ее имеем, придерживаясь только другого деления. Подобно ему, и многие отцы церкви говорят о библейском каноне, состоящем из 22 книг. Отсюда следует, что принятое у нас деление на 24 книги в более древнее время еще не существовало, что и подтверждается талмудической литературой, где о «24 книгах» упоминается только в аморейскую эпоху (Blau, Zur Einleitung in die heilige Schrift, с. 7). Это различие происходит оттого, что в древнее время книгу «Руфи» соединяли с книгой «Судей» и «Плач Иеремии» с книгой, носящей имя этого пророка. Канон Иосифа расходится с нашим каноном еще тем, что в нем к пророкам причислены некоторые книги, которые впоследствии были отнесены к гагиографам, и, по всей вероятности, составлялся следующим образом: Пятикнижие; 13 книг, пророческих: Иисус Навин, Судьи, Самуил, Цари, Исаия, Иеремия, Иезекиил, двенадцать малых пророков, Иов, Даниил, Эздра и Неемия, Паралипоменон, Эсфир; 4 книги гагиографических: Псалмы, Притчи, Экклезиаст, Песнь Песней. Вопрос о каноне Иосифа име-

ет богатую литературу, относительно которой можно найти указания у Schürer'a, I, 79. См. также: Zipser, с. 36 сл.; Gutschmid, с. 303 сл.

[22] Иосиф относит заключение Библии ко времени Артаксеркса, отождествляя упоминаемого в книге Эсфири Агасфера с этим персидским царем («Иуд. др.», II, 6), так что последнее рассказываемое в Библии событие совпадает с его временем. — Под пророками, записывавшими события после заключения Библии, он разумеет авторов апокрифических книг, которые, как известно, у евреев не считаются каноническими.

[23] Мидяне, народ арийского происхождения, жили на юге от Каспийского моря. Древнейшая история их малоизвестна. Они долгое время находились под властью ассирийцев, пока около 800 лет до Р. Х. не основали самостоятельного государства со столицей Агбатаной (ныне Гамадан). По мере упадка ассирийского могущества мидийские цари все более расширяли свои владения, и один из них, по имени Киаксар, в союзе с вавилонянами, в 607 г. завоевал Ниневию и таким образом положил конец существованию ассирийского владычества. Но процветание мидийского царства было непродолжительно. Уже при преемнике Киаксара, Астиаге, мидяне должны были уступить власть персам, родственным им по происхождению и раньше им подвластным. Переворот этот был совершен Киром, сыном Камбиза, сделавшимся основателем могущественного персидского государства и династии Ахеменидов, удержавшейся во власти до завоевания Персии Александром Великим. Мидяне, однако, еще впоследствии продолжали играть большую роль в персидском царстве, которое было устроено по образцу прежнего мидийского государства и в котором каста жрецов, или магов, составлялась из мидян. Поэтому греческие писатели нередко называют персов мидянами, и в Библии Персия и Мидия часто употребляются вместе для обозначения царства, основанного Киром. — Под выражением «наш материк» (по другому чтению: «до другого материка») разумеется Европа. Походы персов в Европу начались около 500 г. при Дарии, сперва привели их в прикосновение с ионийскими греками, а впоследствии, при Ксеркссе, вовлекли их в знаменитые греко-персидские войны. Из более древних греческих писателей историей Персии в особенности занимаются Геродот, Ктесий и Ксенофонт.

[24] Фракия в древности означала всю северную часть Европы, в более же тесном смысле страну, лежащую между Македонией, Гемусом, Эгейским морем и Дунаем. Фракийцы уже в самые древние времена находились в сношениях с греками, на что указывают сказания об Орфее, которому предание приписывает фракийское происхождение.

[25] Скифы — вероятно, коллективное название, под которым древние понимали не какой-нибудь определенный народ, но целую группу сходных по нравам, обычаям и образу жизни племен, кочевавших между Черным и Каспийским морями и в глуби Азии. Этнографический характер скифов пока не удалось с полной достоверностью определить. Нравы, обычаи, телесные свойства и образ жизни, насколько они известны по описанию древних писателей, как будто указывают на туранское происхождение, тогда как, с другой стороны, сохранившиеся в именах собственных остатки скифского языка скорее говорят в пользу арийского происхождения. Многие ученые склонны видеть в скифах предков славян. Скифский вопрос, один из самых трудных и сложных этнографических вопросов, имеет богатую ли-

тературу. См.: Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, с. 342 и сл. В Библии скифы, вероятно, встречаются под именем Магог (Быт. 10, 2; Иезек. 38, 2; 39, 6; Паралипом. I, 1. 5). Уже Иосиф («Иуд. др.», I, 6, 1) толкует это имя в таком смысле, и многие новейшие исследователи вполне присоединяются к его мнению. См.: Knobel, Die Völkertafel der Genesis, с. 60 и сл.; Dillmann, Die Genesis, 6-е изд., с. 173.

[26] Собственно Понт Евксинский, греческое название Черного моря. Впрочем, с понтийскими скифами греки уже довольно рано имели возможность непосредственно знакомиться, так как начиная с седьмого века у прибрежья Черного моря стали возникать многие греческие колонии, в особенности милезийские.

[27] Подобно Иосифу и другие позднейшие историки, как Поливий и Дионисий Галикарнасский, указывают на отсутствие у древних греческих писателей всяких известий о Риме. Только уже впоследствии, около времени Пунических войн, в греческую литературу начинают проникать более подробные сведения о Риме и римлянах. Gutschmid, op. cit., с. 416.

[28] Галлы, или галаты, как они называются греками, т. е. кельты, составляют обширную ветвь арийской семьи, переселившуюся в незапамятные времена с Востока в Европу и утвердившуюся главным образом в нынешней Франции. В III столетии до Р. Х. часть галлов переселилась в Малую Азию и нашла там новую родину в области, получившей по ним название Галатии и обращенной в 25 г. до Р. Х. Августом в римскую провинцию, после того как Цезарь еще раньше, в 58 г., покорил остальных галлов. — Иберы — древние жители Пиренейского полуострова, потомками которых считаются нынешние баски и от которых вся страна получила название Иберии. Хотя на испанском прибрежии уже довольно рано стали возникать греческие колонии, тем не менее собственная Иберия сделалась более известной грекам только со времени Пунических войн.

[29] Т. е. обособленный образ жизни, обусловливаемый земледельческими занятиями и нерасположением к торговле и к войне.

[30] Библия не содержит никаких известий о греках; однако греческий народ не был неизвестен евреям библейского периода и встречается несколько раз в Св. Писании под именем «Иаван», т. е. ионийцев (собственно только имя одного из четырех племен, из которых образовался греческий народ), под которым греки в древности известны были на всем востоке. Более близкие сношения евреев с греками начались только со времени Александра Великого.

[31] О враждебном отношении египтян к евреям уже подробно была речь в «Введении». Тиряне, т. е. жители города Тира (по-финикийски и в Библии «Цор») на восточном берегу Средиземного моря, в более древнее время жили дружно с евреями. Хирам, царь тирский, называется в Библии другом Давида и свою дружбу перенес также на Соломона. Но в более позднее время отношения изменились, и тиряне не скрывали своего злорадства по поводу падения Иерусалима, за что пророк Иезекиил предвещал им близкую гибель. Ненависть к евреям и впоследствии их не покидала и особенно сильно проявилась в начале войны с римлянами, см.: «Иуд. война», II, 18, 5.

[32] Иосиф считает халдеев, под которыми он разумеет всех вообще жителей Вавилонии, родоначальниками евреев, потому что праотец послед-

них, Авраам, был родом из Ур-Касдим, т. е. Ура Халдейского, который большинство ассириологов отождествляет с *Уру* клинообразных надписей, лежавшим на правом берегу Евфрата, на месте, названном впоследствии арабами Мугайр; см.: Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament, 2-е изд., с. 129 и сл.; Tiele, Bahylonisch-assyrische Geschichte, с. 85. — Вавилоняне, но не халдеи в тесном смысле, которые, как полагают, не были семитического происхождения, принадлежали к той же группе народов, как евреи, говорили на языке, близком к еврейскому, и, таким образом, действительно состояли с ними в этнографическом родстве. Хотя первое окончательное покорение Иудеи и разрушение первого храма произведено было вавилонянами, тем не менее отношение их к евреям, в общем, было не враждебное. Евреи, отведенные Навуходоносором в плен, чувствовали себя так хорошо под вавилонским владычеством, что только сравнительно небольшое число воспользовалось разрешением Кира вернуться на родину. Впоследствии, как известно, Вавилония приобрела громадное значение в истории евреев, в особенности со времени Сассанидов, когда весь центр тяжести еврейства из Палестины был перенесен туда. В талмудической литературе мы поэтому встречаем немало восторженных отзывов о Вавилонии, которая во многих отношениях ставится на ряду со Св. Землей; см.: Fürst, Kultur und Literaturgeschichte der Juden in Asien, с. 7 и сл.; Berliner, Beiträge zur Geographie und Etnographie Babyloniens im Talmud und Midrasch, с. 5.

[33] О Манефоне см. Введение, с. 1145.

[34] «Египетская история» Манефона состояла из трех книг (τόμοι), из которых вторая обнимала историю Египта от двенадцатой династии до конца девятнадцатой и заключала в себе рассказ о завоевании Египта и владения им чужеземным народом, известным в истории под именем *гиксос*. Этот народ был семитического происхождения, хотя, может быть, с большою примесью несемитических элементов. Уже раньше, и в особенности при двенадцатой династии, семитические орды (по-египетски: *шасу*, т. е. грабители, бедуины) часто переселялись в пределы Египта и проникали в восточную часть Дельты. Но эти переселения носили мирный характер и не грозили опасностью стране. Только в конце четырнадцатой династии, так называемой Ксоитской, когда в Египте возникли внутренние смуты и страна раздробилась на мелкие, беспрестанно воевавшие между собою княжества, неожиданно нагрянувшие новые массы, пришедшие или из глуби Аравийской пустыни, или с берегов Персидского залива, пользуясь господствовавшими в стране смутами, завоевали ее и утвердились в ней. Господство гиксосов, или «царей-пастухов», в Египте продолжалось пятьсот одиннадцать лет (2171 — 1660), пока оно, после продолжительной и ожесточенной борьбы, не было свергнуто Амосом I, основателем восемнадцатой династии, завоевавшим крепость Аварис, последний оплот гиксосов, и вытеснившим их окончательно из пределов Египта. В египетских памятниках до сих пор еще не удалось открыть подробных известий о господстве гиксосов в Египте, даже само название в них не встречается. Однако есть в них некоторые указания, которые подтверждают рассказ Манефона. Кроме одного отрывочного папируса, в котором говорится о царе Апопи (соответствует имени Апофис у Манефона) и городе Хаваре (Аварис), недавние открытия Навилля обнаружили памятники с именами царей Апопи и Иана (Ианнас у Манефона). Иосиф и по его примеру многие ученые нашего сто-

летия (Генгстенберг, Зейффарт, Гофман, Улеман и др.) отождествляет гиксосов с евреями, но это невозможно уже потому, что исход евреев из Египта совершился гораздо позже и при обстоятельствах совершенно различных от тех, при которых произошло изгнание гиксосов. Но зато весьма вероятно, что первое переселение евреев в Египет совершилось при гиксосах. Предание действительно относит водворение Иосифа и его братьев в Египте ко времени царя-пастуха Апофиса, и оно, может быть, не лишено основания. При родственных семитических царях евреи жили в Египте вполне свободно, и только уже по изгнании гиксосов и воцарении туземной династии началось их угнетение, на что, вероятно, и намекают библейские слова: «И восстал *новый* царь над Египтом, который не знал Иосифа» (Исх., 1, 8). Литература о гиксосах весьма богатая; кроме известных сочинений по истории Египта: Лаута, Брутша, Видемана и древней истории: Ленормана, Дункера, Масперо, Мейера, о них подробно трактуют: Ebers, Aegypten und die Bücher Mosis; Chabas, Les pasteurs en Egypte; Stern, Die Hyksos; Cavagnaro, Gli Ebrei in Egitto и мн. др.

[35] Переведено согласно чтению, принятому во всех прежних изданиях. Новейшее критическое издание Niese не имеет слов: «Был у нас царь», которых также нет ни у Евсевия, приводящего все это место, ни в латинском переводе. По чтению, предложенному Гутшмидом (op. cit., с. 421), все место следует перевести так: «Тутимеос» (имя царя, стоит как бы в виде заголовка в начале рассказа). «При нем чужеземная буря разразилась и из восточных стран» и т. д.

[36] Или Салатис. Имя это, по весьма вероятному предположению Генгстенберга, соответствует еврейскому שלי"ט (ср. Книгу Бытия 46, 2) и, может быть, встречается также в египетских памятниках; см.: Ebers, Aegypten und die Bücher Mosis, с. 202.

[37] В восточной части Нижнего Египта; чтение «в саитском номе», принятое во всех прежних изданиях, неправильно, потому что оно географически невозможно.

[38] В египетских памятниках имя Аварис встречается в форме *Хаваре* (Brugsch, Die Aegyptologie, с. 34). Город лежал недалеко от Пелузия и служил главным местом культа Сета (Тифон), который у египтян хотя считался богом зла, но у гиксосов под именем Сутех возведен был на степень первого божества; Wiedemann, Die Religion der alten Aegypter, с. 118.

[39] Или Бнон, какую форму Гутшмид признает более правильной (op. cit., с. 427).

[40] Имена Апофис и Ианнас найдены также в египетских памятниках, первое в форме Апопи в папирусе Сальерском I (этот Апопи, однако, не тождественен с Манефоновым Апофисом; он жил гораздо позже и, как видно из текста папируса, сохранившегося, впрочем, в отрывочном виде, был последним царем гиксосов) и на статуе, открытой Навиллем, а второе на статуе, открытой тем же ученым; Brugsch, Die Aegyptologie, с. 477; Steininschrift und Bibelwort, с. 131.

[41] Или Асеф.

[42] Объяснение имени гиксос, даваемое Манефоном, вполне подтверждается египтологией. Слово *Гик*, или *Гак*, часто встречается в гиероглифических текстах и употребляется в смысле «правителя», а слово *Шос* (*Сос*), которое Брутш сближает с гиероглифическим *Шасу*, сохранилось еще в копт-

ском языке в значении «пастух»; Ebers, l. c., c. 217. Рядом с формой гиксос встречается еще (у Евсевия) форма гикусос, — первая соответствует единственному числу Гик—Шасу, вторая множественному числу Гику—Шасу.

[43] Сам Манефон этого мнения не разделял, но, если верить тексту Юлия Африканского и Евсевия, считал гиксосов финикиянами.

[44] Слова самого Иосифа, который замечает, что он в другом списке Манефоновой истории нашел еще другое объяснение имени гиксос.

[45] Такое слово действительно существует в древнеегипетском языке, но оно пишется иначе, чем *Гак* — «правитель». Первое объяснение несомненно вернее второго, которое, вероятно, есть не что иное, как народная этимология; см.: Ebers, l. c., c. 217.

[46] По Юлию Африканскому, всех царей-пастухов было тридцать два. Из них перечисленные выше шесть составляют в ряду египетских династий пятнадцатую, царствовавшую двести шестьдесят лет, а следовавшие за ними двадцать шесть царей — семнадцатую, царствовавшую двести пятьдесят один год.

[47] Верхний Египет и при гиксосах продолжал отчасти сохранять свою самостоятельность и находился под властью туземных князей, среди которых фивские князья имели известный род гегемонии. Последние составляют семнадцатую, так называемую диосполитанскую династию, которая начала борьбу против чужеземных царей и, после долгих и многих усилий, освободила от них страну.

[48] В египетских памятниках это имя не встречается. По Бругшу, последний царь семнадцатой династии назывался Секененре. Гутшмид считает приводимое Иосифом здесь и повторяемое дальше имя интерполяцией; op. cit., c. 435 и сл.

[49] ἄρουρα, по-египетски *сата* — мера плоскости, состоявшая из ста египетских кв. локтей и равняющаяся, по Лепсиусу, 2025 кв. метрам, по другим — 2756; Brugsch, Die Aegyptologie, c. 372 и сл.

[50] В Манефоновых отрывках, сохранившихся у других писателей, этот царь, который был основателем восемнадцатой династии, называется Амос; это имя подтверждается египетскими памятниками, где оно гласит Ахмес.

[51] Из того, что Манефон приписывает основание Иерусалима гиксосам, не следует заключить, что он отождествляет последних с евреями. Как уже выше было замечено, Манефон считал гиксосов финикиянами, которые, как известно, владели Ханаанской землей до завоевания ее евреями. Впрочем, никаких положительных известий о времени основания Иерусалима не сохранилось. Если допустить тождество его с упоминаемым в истории Авраама Салемом, тогда придется отнести возникновение его к еще более ранней эпохе. Во всяком случае, в пятнадцатом столетии до Р. Х. город уже существовал, так как имя его фигурирует в клинописной корреспонденции, найденной в Тель-эл-Амарне.

[52] Т. е. в священных книгах египтян.

[53] Ср.: Кн. Бытия 46, 32.

[54] Ср.: Кн. Бытия 40, 15, где, однако, Иосиф делает это заявление не самому фараону, но виночерпию. На полях кодекса Флорентинского здесь находится следующая глосса: В другом списке читается так: «(так как наш предок Иосиф), проданный своими братьями в Египет, был приведен к

царю египетскому и впоследствии с согласия царя вызвал также своих братьев в Египет». Это, может быть, поправка самого автора.

[55] Следует читать Амос, т. е. Ахмес, основатель восемнадцатой династии. См. выше, с. 1347, прим. 50.

[56] В египетских памятниках не упоминается.

[57] В египетских памятниках Аменхотпу I.

[58] Отождествляется египтологами с царицей Ахмес, супругой Тутмеса.

[59] В памятниках не упоминается.

[60] В памятниках не встречается.

[61] Или Тифмос, соответствует Тутмесу памятников.

[62] Аменхотпу II памятников.

[63] В памятниках нет.

[64] Имя этой царицы, а равно следующие цари до Рамесса в памятниках не упоминаются.

[65] Рамесс (Рамсес) I памятников.

[66] Оба эти царя в списке Манефоновом повторяются два раза, что, вероятно, основывается на недоразумении, так как памятники только знают одного Рамесса Иамуна с сыном Менефтой (Аменофис).

[67] Здесь два лица слиты в одно, так как Сетос (т. е. Сети I) не тождественен с Рамессом, но отец его. Речь идет о Рамсесе Великом, ознаменовавшимся своими походами и завоеваниями и известном у греков под именем Сесостриса.

[68] По-египетски Гар-маи.

[69] Легенда о Данае и Египте (Preller, Griechische Mythologie, с. 45 и сл.), вероятно, образовалась в седьмом столетии, когда греки при Псаметихе I большими массами стали переселяться в Египет и, пораженные величием, могуществом и высокой цивилизацией своей новой родины, старались связать с нею происхождение своих богов и генеалогию своих национальных героев; см.: Maspero, Histoire ancienne, с. 493.

[70] Итог неверный, так как общая сумма всех царствований составляет только триста тридцать три года.

[71] Это не совсем точно, так как самым древним своим царем аргивяне считали не Даная, но Инаха.

[72] Число преувеличенное, так как по общепринятой хронологии взятие Трои относится к 1184 г. до Р. Х., а изгнание гиксосов из Египта могло совершиться только за пять- или шестьсот лет раньше.

[73] В тексте стоит: πρὸς ἀλλήλους «меж собою», но, по весьма вероятному предположению Гутшмида (op. cit., с. 463), следует читать: πρὸσ ἄλλους «против других». — Сообщаемые в этой и в следующей главе отрывки составляют почти единственный остаток, уцелевший из богатой исторической литературы финикиян, и заключают в себе ценный материал для истории этого замечательного народа. Особенно важен второй отрывок, сохранивший нам перечень финикийских царей до основания Карфагена.

[74] Греческая транскрипция финикийского «Carth-chadaschat» («Новгород»; по-латыни Carthago, отсюда Карфаген). См. об этом имени: Schroeder, Die phönizische Sprache, с. 85; Bloch, Phoenicisches Glossar, с. 57.

[75] Известный из Библии тирский царь Хирам, который находился в тесной дружбе с Давидом и Соломоном. Форма Хиром встречается также в Библии (Кн. Цар. I, 5, 24; 7, 40). Это имя, кажется, очень употребительно

было у финикиян; кроме библейского Хирама известны еще два царя этого имени: Хирам II, упоминаемый в надписях Тиглат-Пилесера III, и Хирам III, современник Кира.

[76] Т. е. с Давидом. См.: Кн. Цар. I, 5, 15.

[77] Ср.: Кн. Цар. I, 5, 21 — 24; 9, 14.

[78] Ср.: Кн. Цар. I, 9, 11 — 13; «Иуд. др.», VIII, 5, 3.

[79] О письме Хирама к Соломону говорится также в Паралипом. I, 2, 10; два таких письма Иосиф сообщает в «Иуд. др.», VIII, 2, 6.

[80] Об этом писателе ничего не известно; Иосиф цитирует его также в «Иуд. др.», VIII, 5, 3.

[81] Финикийское имя, которое значит «отец мой — Ваал».

[82] Финикийский бог, отождествляемый греческими писателями с Зевсом, у финикиян назывался Baal-Schamem — «Ваал небес», см.: Baethgen, Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte, с. 23.

[83] По-финикийски Abd-Chaman — «Раб (Ваал) — Хамана».

[84] О Менандре, который, по другому источнику, был родом не из Ефеса, но из Пергама, более подробных сведений не имеется. Иосиф цитирует его еще три раза в «Иуд. др.»: VIII, 5, 3; VIII, 13, 2; IX, 14, 2.

[85] Греческое слово, означающее «широкую площадь». Так называлась восточная часть острова, на котором был построен новый Тир, своей величиной и своим великолепием скоро затмивший старый город.

[86] Финикийские божества, из которых первое по-финикийски называлось Мелкарт (в буквальном переводе: «царь города») и отождествлялось с греческим Гераклом. Главным местом культа его был город Тир, но оттуда он распространялся впоследствии во многих финикийских колониях. Астарта — женское божество, почитаемое в различных формах почти всеми семитическими народами, упоминается часто в Св. Писании рядом с Ваалом.

[87] Соответствует второй половине февраля и первой половине марта. Установленный Хирамом праздник был праздником весенним, который совершался в честь возрождения природы и пробуждения солнца после продолжительной зимней спячки.

[88] Жители финикийской колонии Итаки, основанной в 1100 г. до Р. Х. Чтение «итикийцев», принятое новейшим издателем сочинений Иосифа, Niese, здесь и в параллельном месте («Иуд. др.», VIII, 5, 3), есть конъектура Гутшмида (Kleine Schriften, II, 62; IV, 479). По другому предположению (Movers, Phönicier, II, 1, с. 331) следует читать «киттеев», т. е. жителей Кипра (в Библии «Киттим»), названных так по имени главного кипрского города Китиона. К последнему мнению в новейшее время присоединился также v. Landau, Beiträge zur Alterthumskunde des Orients, с. 18.

[89] Или Балазер, по-финикийски Baal-azar, т. е. «Ваал помогает».

[90] По-финикийски Abd-Aschtoret, т . е. «Раб Астарты».

[91] Имя, сокращенное из «Абдастарт».

[92] Значение этого имени трудно определить. Movers, op. cit., II, 1, с. 340, объясняет его как Baali-Aschtoret.

[93] Вероятно, сокращено из Abd-Aschtarim.

[94] Movers l. c. видит в этом имени слово Phellai (по-еврейски פלאי) — «удивительный», «выдающийся».

[95] По-финикийски Itho-Baal, т. е. «с ним Ваал». С этим царем, вероятно,

тождественен упоминаемый в Библии (Кн. Цар. I, 16, 31) Этбаал, царь сидонский, на дочери которого Изевели был женат израильский царь Ахав.

[96] По Movers'y (l. c., с. 353), это имя будет по-финикийски Baal-Cor, встречающееся как прозвище бога Мелкарта.

[97] Сокращено из Mattan-Baal, т. е. «дар Ваала» — имени, которое часто встречается в финикийских надписях; см.: Bloch, Phoenicisches Glossar, с. 44.

[98] Значение этого имени не совсем известно. В первой половине его кроется, может быть, или слово Paam (פעם), встречающееся и в других финикийских именах собственных, или название бога Pumi; см.: Baethgen, Beiträge zur semitischen Religionsgeschichte, с. 54. Другое объяснение предлагает Movers, op. cit., I, с. 613.

[99] Город Карфаген был основан Элиссой, сестрой Пигмалиона, которая после умерщвления ее мужа последним во главе тирской аристократии переселилась в Африку, где финикияне в то время уже имели свои колонии, и положила начало новому городу, ставшему впоследствии столь известным в истории. Основание Карфагена и личность Элиссы (у греков Дидона) впоследствии разукрашены были многими легендами.

[100] Год основания Карфагена в точности неизвестен и колеблется между 888 и 826 г. до Р. Х. Точно так же время построения Соломонова храма пока не удалось окончательно установить. Господствующее мнение относит это событие к 1012 г. до Р. Х., но новейшие исследования в области библейской хронологии, произведенные с помощью данных ассириологии, значительно изменили прежние вычисления, хотя сами расходятся в своих результатах.

[101] По библейскому преданию (Кн. Цар. I, 6, 1), от исхода евреев из Египта до построения Соломонова храма прошло 480 лет, а следовательно, от вступления в ханаанскую землю — 440 лет.

[102] «Иуд. др.», VIII, 3, 1 и сл.

[103] Беросс или Бероз, как его обыкновенно называют, родом вавилонянин, жил в III столетии до Р. Х. и принадлежал к касте жрецов. Будучи отличным знатоком отечественной литературы, он составил на основании доступных ему древних источников историю Вавилонии в трех книгах, которая была доведена им до времени Александра Великого. Из этого сочинения, которое в древности пользовалось большим авторитетом, сохранились только отрывки. См. о нем: Gutschmid, Neue Beiträge zur alten Geschichte, с. 82 и сл.; Tiele, Babylonisch-assyrische Geschichte, с. 11. Иосиф еще имел перед собою сочинение Беросса и часто пользовался им в «Иуд. др.»; см.: Freudenthal, Alexander Polyhistor, с. 26 и сл. и с. 205; Bloch, Die Quellen des Fl. Ios., с. 62 и сл.

[104] Отрывок, в котором рассказывается история потопа, сохранился и действительно обнаруживает поразительное сходство с библейским сказанием. Открытый в 1872 г. известным ассириологом Дж. Смитом клинописный текст сказания о потопе подтверждает рассказ Беросса в самых существенных чертах его. См.: Lenormant, Le déluge et l'épopée babylonienne; Haupt, Der Keilinschriftliche Sintflutbericht; Schrader, Die Keilinschriften und das Alte Testament, 2-е изд., с. 55 и сл.

[105] Основатель Нововавилонского царства, в клинообразных надписях называется Набу-пал-усур, царствовал 625 — 605 гг. до Р. Х.

[106] Известный из Библии вавилонский царь, завоевавший Иудею и раз-

рушивший храм, царствовал в 605 — 562 гг. В вавилонских памятниках имя его гласит Набу-кудур-усур, и эта форма встречается также в Библии, в книгах Иеремии и Иезекиила.

[107] Ср.: Иерем. 52, 11; Паралипом. II, 36, 21.

[108] Латинский перевод и Евсевий, цитирующий все место, этих слов не имеют. Они в самом деле кажутся немного подозрительными как в стилистическом отношении, так и по содержанию и скорее производят впечатление глоссы, попавшей в текст. Niese в своем издании поставил их поэтому между скобок, однако Гутшмид старается защищать подлинность их (op. cit., с. 495).

[109] Этот отрывок из сочинения Беросса приводится также автором в «Иуд. др.», X, 11, 1. — Отложившийся сатрап, о котором здесь идет речь, вероятно, есть не кто иной, как египетский царь Фараон Нехо. Вавилоняне, считавшие себя наследниками и правопреемниками ассирийцев, смотрели на Египет, который, после целого ряда походов, завоеван был в 671 г. до Р. Х. ассирийским царем Ассарадоном, как на одну из своих провинций и на египетских царей как на подвластных себе сатрапов. Когда же во время союзной войны вавилонян и мидян против Ассирии египетский царь Нехо II, сын Псамметиха II, сделал попытку завладеть принадлежавшими некогда Египту областями на западе от Евфрата, Набопаласар, справившийся между тем с Ассирией, должен был убедиться, что Египет не только ненамерен признать над собою его верховной власти, но питает даже небезопасные замыслы, а потому он немедленно отправил против Нехо войско под предводительством своего сына, который одержал над ним блестящую победу при Кархемисе. О походе Фараона Нехо на Евфрат, имевшем своим последствием смерть иудейского царя Иосии и временное занятие Иудеи египтянами, и о понесенном им поражении см.: Кн. Цар. II, 23, 29 и сл.; 24, 7; Иерем. 46, 1 и сл.

[110] 625 — 605 гг. до Р. Х.

[111] Так как в числе пленников, отведенных в Вавилонию, фигурируют также иудеи, то некоторые ученые (Эвальд, Дункер, Тиле) полагают, что Беросс, соединив вместе события нескольких лет, между прочим, намекает здесь на покорение Навуходоносором Иудеи, последовавшее позже, в восьмом году царствования его (см.: Кн. II, Цар. 24, 10 — 13). Но нет никакой надобности в подобном толковании, так как иудейские пленники, о которых говорит Беросс, могли состоять из иудеев, которых Фараон Нехо, по занятии им Иудеи, заставил пойти вместе с ним в войну. См.: Thenius, Die Bücher der Könige, с. 441; Gutschmid, op. cit., с. 496 и сл.

[112] Навуходоносор, которого весть о смерти отца побудила поспешно вернуться в Вавилон для принятия доставшегося ему царства, выбрал более короткий путь через пустыню, тогда как войско с пленниками отправлены были по большому и более удобному пути, который шел через Дамаск, Хамат, Тапсак и Евфрат.

[113] Бел, соответствующий по значению своему почитаемому у финикиян и некоторых других семитических народов Баалу, составлял вместе с Ану и Эа триаду главных богов вавилонских. Но имя его, которое означает «владыку», нередко переносилось на другие божества, особенно почитаемые в отдельных городах. Так, главным божеством города Вавилона был собственно не он, но Марудук, который вследствие придаваемого ему здесь вы-

сокого значения назывался «бел-бели», т. е. «владыка владык». Ему-то и был посвящен храм, называемый Бероссом храмом Бела. Храм этот, часто упоминаемый в надписях под именем «Э-сагила» («высокий дом» — по объяснению ассириологов), существовал с самых древних времен, и вавилонские цари не жалели никаких средств, чтобы окружать его все большим блеском и великолепием. Навуходоносор также, по вступлении на престол, прежде всего посвятил все свое внимание этому храму, который он почти совершенно обновил и украсил необычайно богато и роскошно. В сохранившихся надписях этого царя, которые почти все посвящены предпринятым им сооружениям, он с особенным удовольствием останавливается на описании работ по украшению этого и других храмов. См.: Tiele, Babylonisch-assyrische Geschichte, с. 443 и сл.

[114] Город Вавилон, имя которого «Бабилу» означает «Ворота Божии» (библейское предание дает другое объяснение этого имени, см.: Кн. Быт. 11, 9), принадлежал к числу древнейших городов мира. Он был расположен по обеим сторонам Евфрата и отличался громадными размерами. Разрушенный Синахерибом, он впоследствии был опять восстановлен и особенное значение приобрел с тех пор, как сделался столицей Нововавилонского царства. Главной своей славой город был обязан Навуходоносору, который неусыпно заботился об его расширении, укреплении и украшении. Построенная им новая часть города, вероятно, лежала на восточном берегу Евфрата.

[115] Т. е. чтобы вода, направляемая в город, не могла произвести наводнения.

[116] Как видно из одной из надписей Навуходоносора, так называемой East India House Inscription, две стены, из которых одна называлась «Имгур-Бел» и другая «Немитти-Бел», начаты были еще его отцом, Набополасаром, а только докончены им, тогда как остальные целиком построены были им.

[117] О построении новых, богато украшенных ворот говорится также в упомянутой надписи.

[118] По надписям, Навуходоносор раньше перестроил отцовский дворец, а затем уже приступил к сооружению нового дворца. В одной из них также упоминается о пятнадцатидневном сроке исполнения работ, под которыми, вероятно, надо разуметь не всю отделку здания, а только возведение стен.

[119] Жена Навуходоносора называлась Амитис и была дочь мидийского царя Киаксара. Из любви к ней царь устроил так называемый «висячий сад», который составлял одно из чудес древнего мира. В надписях Навуходоносора, в которых подробно перечисляются предпринятые им сооружения, об этом саде не упоминается.

[120] К этим писателям относятся главным образом Ктесий (у Диодора, II, 7 — 8) и Клитарх (у Курция, V, 1, 24).

[121] Семирамида — личность мифическая, с именем которой связывали учреждение ассирийского могущества, основание Вавилона и многие грандиозные сооружения. В клинописных источниках о ней нигде не упоминается. О другой Семирамиде, кажется, говорит Геродот, и эту последнюю некоторые склонны отождествлять с «Саммура-мать», матерью или женой ассирийского царя Рамманнирара III, которая, по словам одной надписи, ввела в Ассирии культ вавилонского бога Набу. См.: Tiele, op. cit., с. 212 и сл.

[122] Писателей этого имени известно несколько. Какого из них Иосиф здесь имеет в виду, трудно определить. Он его цитирует также в «Иуд. др.», X, 11, 1, где ему приписывается сочинение об Индии и Финикии, если не допустить вместе с Гутшмидом (op. cit., с. 425), что слова ἐν ταῖς Ἰνδικαῖς по ошибке попали туда из предыдущей цитаты.

[123] Т. е. осада Тира Навуходоносором.

[124] Мегасфен был современником и другом Селевка Никатора (ум. 281 г. до Р. Х.), который его отправил в качестве посланника к индийскому королю Сандрокатту. При этом случае Мегасфен собрал богатый материал об Индии, который впоследствии им был обработан в особом, сохранившемся только в отрывках, сочинении. Насколько можно судить по этим отрывкам, все сочинение состояло только из трех книг, а потому здесь и в параллельном месте («Иуд. др.», X, 11, 1), по весьма вероятному предположению Мюллера (Fragmenta hist. Gr. II, 399) и Гутшмида (op. cit., с. 528), вместо «в четвертой книге» следует читать «во второй».

[125] По греческому сказанию Геракл, или Геркулес, прославившийся, как известно, многими подвигами, победоносно прошел Ливию и Иберию; Навуходоносор же, по словам Мегасфена, сохранившимся в более полном виде у Страбона, покорил себе не только эти страны, но распространил свои победы через всю Европу до самого Понта. Впрочем, приписываемые ему походы в Африку и Европу лишены всякого исторического основания и носят чисто мифический характер. Предположения о происхождении этого сказания см. у Movers'a, II, с. 454, и Gutschmid'a, op. cit., с. 531.

[126] Гл. 19, с. 29.

[127] Иосиф здесь не совсем точно выражается, так как в цитируемом им отрывке из сочинения Беросса собственно обо всем этом совершенно не говорится. Все это место им приводится, как видно дальше, не для того, чтобы подтвердить им библейские факты, но для хронологических целей, чтобы выяснить время, к которому относятся упоминаемые им события, и совпадение этого времени с библейскими данными.

[128] 605 — 562 гг. до Р. Х.

[129] В греческих источниках имя это пишется различно, в Библии оно гласит Эвил-Меродак (Кн. Цар. II, 25, 27; Иерем. 52, 31), а в клинописных текстах Амил- или Авил-Марудук.

[130] 562 — 560 гг. до Р. Х.

[131] В клинописных текстах имя этого царя гласит Нергал-сар-усур. Ср. то же имя: Иерем. 39, 3, 13.

[132] 560 — 556 гг. до Р. Х.

[133] В клинописных текстах упоминается, может быть, под именем Лабаси-Марудук; см.: Tiele, op. cit., с. 466.

[134] В клинописных памятниках — Набу-наид.

[135] Это показание Беросса подтверждается найденными на берегу Евфрата кирпичами, на которых начертано имя Набоннида.

[136] Недалеко от Вавилона, на западе от Евфрата, где ныне находятся развалины Бирс-Нимруд.

[137] Рассказ Беросса об участи Набоннида расходится со сведениями клинописных источников. По последним Набоннид был взят в плен в самом городе Вавилоне одним из полководцев Кира, еще до вступления последнего в Вавилон, а затем, через восемь дней после прибытия Кира, скончался.

Набоннид царствовал 555 — 538 гг. до Р. Х. и был последним царем вавилонским. Упоминаемый в книге Даниила Белшацар (по-вавилонски: Бел-сар-усур) был сыном Набоннида и, вероятно, его соправителем.

[138] Тот же самый год Иосиф дает в «Иуд. др.», X, 8, 5, но это не совсем точно, так как, по Кн. Цар. II, 25, 8 и Иерем. 52, 12, разрушение храма происходило в девятнадцатом году царствования Навуходоносора.

[139] См.: Ездра, 3, 8.

[140] Это не совсем точно, так как во втором году царствования Дария только приступлено было к возобновлению работ, тогда как окончание храма состоялось лишь через четыре года, в шестом году царствования Дария; см.: Ездра, 4, 24; 6, 15. Но, во всяком случае, Иосиф здесь более близок к истине, чем в «Иуд. др.», XI, 4, 7, где он окончание храма относит к девятому году царствования Дария.

[141] Этот отрывок, вероятно, также взят из финикийской истории Менандра; см. выше, с. 1171.

[142] Свой поход против Тира Навуходоносор предпринял сейчас после покорения Иудеи, но, несмотря на многолетнюю осаду города, не мог его завоевать. На безуспешность осады Тира намекает также пророк Иезекиил, 29, 18.

[143] Сокращено из Abd-Baal — «Раб Ваала».

[144] По-финикийски «Шофетим», у латинских писателей Sufetes. В Тире, как видно, институт судей, власть которых соответствовала консульской власти в Риме, существовал только временно, зато в Карфагене он составлял постоянную форму правления.

[145] По Movers'y, II, 1, с. 463, оба эти имени соответствуют финикийским формам Keni-Baal — «Ваал-приобрел» и Baal-schillech — «Ваал-отпустил».

[146] Вероятно, Kaleb — «собака», употребляемое у финикиян, как и у других семитских народов, как имя собственное; см.: Bloch, Phœnicisches Glossar, с. 35.

[147] Movers, II, 1, с. 464, предполагает в этом имени слово Chabar — «волшебник», но может быть, что оно сокращено из Abd-Har — «Раб-Гора».

[148] Сокращено из Mattan-Ball — «Дар Ваала»; см. выше, с. 1172, прим. 97.

[149] Грецизированная форма финикийского имени Ger-Aschtaret — «Друг Астарты», встречается также в надписях; см.: Bloch, с. 25 и сл.

[150] По-финикийски Abd-Elim — «Раб Богов»; Bloch, с. 47.

[151] По-финикийски Baal-atar — «Ваал услышал»; Movers, II, 1, с. 465. — Некоторые историки, понимая греческое слово μεταξὺ в его обыкновенном смысле «между» и руководствуясь латинским переводом: inter quos regnavit Balatorus, полагают, что царствование Балатора совпадало со временем названных перед тем судей. Но из дальнейшего контекста видно, что он царствовал непосредственно перед Мербалом, являющимся его прямым преемником, а потому в нашем месте слово μεταξὺ должно быть понимаемо в значении «после», в каком смысле оно, хотя и редко, употребляется как самим Иосифом, так и другими писателями; см.: Gutschmid, op. cit., с. 549.

[152] По-финикийски Mahar-Baal — «Дар Ваала»; Bloch, с. 38.

[153] Это число, если принять его в смысле итога, получаемого из сложения приведенных перед тем годов правления тирских царей и судей, только тогда будет верно, если не считать царствования Балатора, которое, как

выше было замечено, по мнению некоторых, совпадало со временем обоих судей Миттина и Герастрата. Но такое понимание вообще едва ли будет правильным. Цель всей этой хронологической экскурсии, очевидно, заключается в том, чтоб подтвердить библейские данные о времени сожжения храма и восстановления его данными нееврейских источников. Затем следующие далее слова о времени осады Тира и воцарении Кира, стоящие в тесной связи с предыдущим и служащие более точным определением упомянутого перед тем «периода времени», ясно указывают на то, что под этим периодом времени надо разуметь не годы правления тирских царей и судей, но сумму лет, соответствующих времени, протекшему от разрушения храма Навуходоносором до реставрации его Киром. Это же время составляет пятьдесят лет, и такое приблизительно число действительно получится, если сложить годы от начала осады Тира до четырнадцатого года царствования Хирома, совпадающего с годом воцарения Кира, а именно: 13 (осада Тира) + 10 (царствование Баала) + 2/12 (правление Экнибала) + 10/12 (правление Хелбеса) + 3/12 (правление Аббата) + 6 (правление обоих судей Миттина и Герастрата) + 1 (царствование Балатора) + 4 (царствование Мербала) + 13 (царствование Хирома) = 48 лет и 3 месяца. Но восстановление храма начато было только через два года после воцарения Кира; эти два года мы, следовательно, должны еще прибавить к сумме 48, и мы тогда получаем 50 лет. Отсюда следует, что вместо имеющегося в начале текста числа «пятьдесят четыре» правильнее будет читать «пятьдесят».

[154] И здесь нужно признать ошибку в нашем тексте, так как начало осады Тира совпало с годом завоевания Навуходоносором Иерусалима и разрушения храма, как видно из Иезек. 26, 12, 7. Этот же год был девятнадцатым (по Библии) или восемнадцатым (по Иосифу) годом царствования Навуходоносора. Movers II, 1, с. 439, предлагает вместо «седьмого» читать «девятнадцатый», а Gutschmid, с. 554, — «семнадцатый» в смысле уже исполнившегося семнадцатого года царствования. Последнее предположение более вероятно, так как оно скорее объясняет происхождение ошибки, которая легко могла появиться вследствие выпадения слов καὶ δεκάτῳ.

[155] Слово «варвар» первоначально означало всякого, выражающегося непонятно, говорящего на чужом языке. Впоследствии им стали называть всех негреков, придавая ему вместе с тем некоторое презрительное значение.

[156] Это мнение разделяется многими древними писателями и почти всеми исследователями нашего времени, признающими все приписываемые Пифагору сочинения подложными, за исключением, может быть, сохранившихся отрывков пифагорейца Филолая, которые иные ученые склонны считать подлинными и принадлежащими самому Пифагору.

[157] Философ перипатетической школы, жил в третьем столетии до Р. Х., автор обширного биографического сочинения, заключавшего в себе жизнеописания философов, в том числе Пифагора. Подобно Иосифу и Дионисий Галикарнасский называет его добросовестным исследователем, но современная критика не совсем согласна с этим отзывом, и некоторые считают его даже главным творцом всех сказаний и басен о Пифагоре.

[158] Город в нынешней Калабрии, в котором Пифагор основал свою школу. О Каллифонте, ученике Пифагора, о котором здесь говорится, ничего не известно.

[159] Про Пифагора, благодаря, вероятно, мистическому характеру его учения и образа жизни, думали, что он находится в общении с миром духов и имеет сношения не только с демонами, но и с богами, как, напр., с Аполлоном и др. Есть даже сказание, что он спустился в ад, жилище умерших, и там пробыл некоторое время. Неудивительно поэтому, что и душа покойного ученика посещала его и давала ему наставления.

[160] Вероятно, потому, что падение осла считалось зловещим предзнаменованием, а место, на котором это случалось, небезопасным. Подобное верование едва ли могло быть позаимствовано у евреев, у которых вера в предзнаменования вообще осуждается и только в сравнительно позднее время проникло к ним; см.: Joel, Der Aberglaube und die Stellung des Judenthums zu demselben, с. 89 и сл. Gutschmid, с. 559, указывает на числа 22, 22 — 23; но из этого места едва ли может быть выведено такое верование.

[161] Греческое слово διψιος, употребляемое здесь, значит собственно «жаждущий», но может иметь также значение «жажду возбуждающий». Какую воду нужно разуметь под этим выражением, трудно сказать. Gutschmid, с. 559, полагает, что речь идет о соленой воде и указывает на пример египетских жрецов, воздерживавшихся от морской воды. Но скорее возможно, что под этим выражением надо разуметь воду совершенно чистую, не смешанную ни с чем, в особенности не с вином, так как пифагорейцы, которые вели самый скромный и умеренный образ жизни, никаких других напитков, кроме простой воды, не употребляли. У евреев подобного предписания не существует.

[162] Так как выражение «злословие» здесь употреблено без более точного определения, то трудно решить, имеется ли в виду богохульство или всякое вообще злословие против кого бы то ни было. В том и другом случае можно найти соответствующие предписания в Библии, см.: Исх. 22, 28; Лев. 19, 16.

[163] В древности распространено было мнение, в особенности в среде неоплатоников, что Пифагор многое, вошедшее в его учение, позаимствовал из религиозных культов других народов, с которыми он познакомился во время своих путешествий. Между прочим, говорили также, что он посетил Иудею и там изучил еврейство. Отец церкви Ориген (Contra Celsum, 1, 15) даже уверяет со слов того же Гермиппа, на которого ссылается Иосиф, что Пифагор всей своей философией обязан был евреям. Из трех приведенных здесь Пифагоровых наставлений первые два, однако, как мы видели, никакого основания в еврействе не имеют и, должно быть, фракийского происхождения.

[164] Знаменитый греческий философ, ученик Аристотеля, в особенности известен своими сочинениями о ботанике, умер в 287 г. до Р. Х. Теофраст упоминает о евреях еще в другом из своих сочинений, но это место, очевидно, Иосифу не было известно, так как он в противном случае привел бы его; см.: Bernays, Theophrastos Schrift über Frömmigkeit, с. 110.

[165] Клятва, называемая *корбан*, у евреев не существует, вероятно, здесь имеется в виду обет, которым лицо посвящает себя или какую-либо вещь Богу, что и видно из выражения «приношение Богу», которым Иосиф объясняет слово *корбан*; см.: Лев. гл. 28; Числ. 30, 2 и сл.

[166] Геродот, II, 104; ср. «Иуд. др.», VIII, 10, 3.

[167] Жители Колхиды на Кавказе, на востоке от Черного моря.

[168] Река в Каппадокии, впадает в Черное море.

[169] Река в Пафлагонии, на границе Бифинии, впадает туда же.

[170] Народ, живший около Черного моря, известен также под именем макрокефалов, т. е. длинноголовых.

[171] Колхидцев считали выходцами из Египта, поэтому Геродот полагает, что они обычай обрезания принесли с собою из своей первоначальной родины. Но и то и другое крайне сомнительно, и скорее можно допустить, что этот обычай перешел к ним от какого-нибудь семитического народа.

[172] Все говорит в пользу того, что эфиопы переняли обрезание от египтян, а не наоборот, так как первые вообще во многих отношениях зависимы были от последних и им обязаны были почти всей своей культурой.

[173] Предположение Иосифа, что под палестинскими сирийцами, практиковавшими, по словам Геродота, обрезание, надо разуметь иудеев, несомненно верно, но отсюда еще нельзя вывести заключение, что Геродот знал о существовании иудейского народа и имел о нем более или менее определенные сведения. Уже само название «палестинские сирийцы», которое он употребляет в нашем месте, достаточно это доказывает, и это еще подтверждается тем обстоятельством, что он во всей своей «истории» ни разу не упоминает ни об иудеях, ни об обитаемой ими стране. Ему только известна была западная полоса палестинской земли, простирающаяся вдоль Средиземного моря и населяемая филистимлянами, и ее он имеет в виду, когда он говорит о Палестине. Правда, некоторые полагают, что упоминаемый им город *Кадитис* (II, 169; III, 5) тождественен с Иерусалимом, но это предположение построено на крайне шатком основании, и, во всяком случае, более вероятно, что под этим названием скрывается имя филистимского города Газы. То, что он рассказывает об обрезании в Палестине, он, должно быть, узнал во время пребывания своего в Египте, где ему, вероятно, сообщено было, что около Палестины (т. е. филистимской земли) живет родственный сирийцам народ, к которому обычай обрезания перешел от египтян. Если бы он сам был в Иудее и узнал бы об этом на месте, то он не мог бы приписать обрезание финикиянам, у которых оно никогда не существовало.

[174] Херил был родом из Самоса, жил в пятом столетии до Р. Х. и известен как автор исторического эпоса, в котором воспевал греко-персидские войны.

[175] Т. е. Мертвое море.

[176] Доказательства, которые Иосиф приводит в пользу тождества описываемого Херилом народа с иудеями, нельзя считать убедительными. Они главным образом сводятся к предположению, что Солимские горы, у которых, по словам поэта, жил описываемый им народ, находятся в Иудее. Но это предположение или, вернее, толкование основывается на недоразумении, вызванном тем, что *Гиеросолима* (Иерусалим) у позднейших греческих и римских писателей нередко сокращается в *Солима*. И так как Иерусалим построен в гористой местности, то географический термин «Солимские горы» относили к Иерусалиму и в более обширном смысле ко всей Иудее, а народ «Солимов» отождествляли с иерусалимитянами или иудеями вообще. Так, Иосиф в «Иуд. др.», VII, 3, 2, замечает, что, по мнению некоторых, Гомер упоминает об Иерусалиме под именем Солимы (ср.: «Одисс.», V,

283). Точно так же Тацит приводит мнение, по которому Иерусалим получил свое название от основавших его солимов, народа, воспеваемого в стихотворениях Гомера (Histor. V, 2: Solymos, carmimibus Homeri celebratam gentem, conditae urbae Hierosolyma nomen e suo fecisse). Но солимы гомеровских стихотворений ничего общего с иудеями не имеют и составляли особый народ, живший в Малой Азии. Очень возможно, что Херил в своем описании имел в виду тот же малоазийский народ. Этого мнения действительно придерживаются некоторые ученые, в том числе также известный автор библейской географии Самуил Бошар (Bochart, Geographia Sacra, I, 6). Другие, однако, готовы соглашаться с Иосифом и его толкование признают совершенно правильным. Конечно, очень возможно, что иудеи, находившиеся тогда под владычеством персов, участвовали в походе Ксеркса против Греции, но тем не менее отождествление, предлагаемое Иосифом, встречает немало затруднений. Единственный аргумент, на котором наш автор основывает свое отождествление, рушится тем, что у поэта пятого столетия невозможно допустить сокращенную форму «Солима» (вместо «Гиеросолима»), которая встречается только у позднейших писателей, а с другой стороны, описание наружности воинов и в особенности их головного убора решительно говорит против иудеев и указывает на какой-нибудь другой народ — или на малоазийский народ солимов, или, как предполагает Гутшмид (op. cit., с. 575 и сл.), на жителей островов Чермного моря. Весьма странно, что Иосиф не ссылается на язык описываемого Херилом народа как на доказательство тождества его с иудеями, так как язык последних имеет близкое сходство с языком финикийским. На каком языке говорили солимы, мы не знаем, так как вообще об этом народе ничего не известно, но сохранившиеся в Малой Азии следы семитических имен собственных, во всяком случае, допускают возможность, что и у них в употреблении было какое-нибудь семитическое наречие.

[177] Был родом из города Солы на Кипре, жил в третьем столетии, автор многих несохранивщихся сочинений.

[178] Против подлинности этого сочинения некоторыми учеными высказаны были сомнения, не имеющие, однако, достаточного основания; см.: Gutschmid, с. 579.

[179] Вероятно, Аристотель перед тем излагал что-нибудь вкратце своим слушателям и, переходя к рассказу об еврее, выражает желание продолжать тем же способом, каким он раньше говорил.

[180] Т. е. иудеи.

[181] Мнение, что иудеи образуют составную часть сирийцев и составляют у них класс философов, кажется, весьма распространено было у современников Александра Великого. Оно встречается также у Теофраста и у Мегасфена. Как ни странна такая ошибка, но она становится понятной, если принять во внимание, что греки, не имевшие до того времени никакого понятия об евреях, тогда только впервые с ними познакомились и вследствие общности типа и сходства языка (еврейская масса тогда, вероятно, уже говорила на арамейском наречии, хотя еврейский язык еще не был совсем вымершим) смешивали их с сирийцами. Но при этом греки не могли не заметить, что евреи более чистой формой своего культа, своим строгим образом жизни и известными нравами и обычаями отличаются от сирийцев, а потому их выделяли из общей массы последних, видя в них людей с

более возвышенным, философским направлением духа. Не менее странно мнение о происхождении евреев от индийских философов. Но и оно объясняется кажущимся сходством, которое греки находили между евреями и индийскими мудрецами, о существовании которых они тоже впервые только узнали тогда, благодаря походу Александра в Индию и сведениям, сообщенным об индийских гимнософистах, или брахманах, Онесикритом, отправившимся к ним во главе посольства по поручению Александра. Сам Александр познакомился в Индии с одним гимнософистом по имени *Калан*, которого он взял с собою в Персию. Это же имя потом перенесено было на всех индийских мудрецов, а потому Аристотель замечает, что у индийцев философы называются *каланами*.

[182] Т. е. в Малой Азии, где Аристотель находился между 348 и 345 гг. и где происходила встреча с евреем.

[183] Сначала, когда он еще не знал, с кем имеет дело, он им предлагал вопросы и старался выяснить себе степень их знания, но когда он убедился, что его собеседники — люди высокоразвитые, он начал посвящать их в свою собственную мудрость.

[184] Философ и историк Гекатей из фракийского города Абдоры, как видно из данных, сообщаемых Иосифом и подтверждаемых другими источниками, был современником Александра Великого и Птолемея Первого. Он известен как автор нескольких исторических сочинений, в том числе одного по истории Египта. Кроме того, ему приписывают еще два сочинения, трактующие специально о евреях, из которых одно носит заглавие «Об иудеях», а другое «Об Аврааме» (ср.: «Иуд. др.», I, 7, 2). Но очень возможно, что оба заглавия обозначают одно и то же сочинение, в котором история евреев изложена была со времени Авраама до эпохи Птолемеев. Более важным является вопрос, действительно ли Гекатей написал особую книгу об евреях. Уже во втором веке по Р. Х. высказаны были сомнения в подлинности сочинения «О иудеях», носящего имя Гекатея (Origenes, contra Celsum, I, 15), и современные исследователи вполне разделяют эти сомнения и признают названное сочинение псевдоэпиграфическим, допуская, однако, что в нем могли находиться места подлинные, действительно принадлежавшие перу Гекатея. К последним могут быть отчасти отнесены извлечения, сообщаемые Иосифом, которые по содержанию своему вообще производят впечатление подлинности. Надо предполагать, что Гекатей в своей «Истории Египта» сообщал также разные сведения об евреях, которые впоследствии вошли в сочинение, носящее его имя и составленное гораздо позже. См.: Dähne, Geschichtliche Darstellung der jüdisch-alexandrinischen Religions-philosophie, II, 216 и сл.; Freudenthal, Alexander Poluhistor, с. 165 и сл.; Müller, Des Fl. Jos. Schrift gegen den Apion, с. 170; Schürer, Geschichte, II, 816 и сл.

[185] Птолемей I, прозванный Сотером, основатель династии Птолемеев, или Лагидов, в Египте, умер 283 г. до Р. Х.

[186] Кастор из Родоса, историк и хронограф, жил во втором веке до Р. Х. Александр Великий умер в 323 г. до Р. Х., соответствующем первому году сто четырнадцатой олимпиады (эра олимпиад начинается с 776 г. до Р. Х., каждая олимпиада обнимает четыре года). Битва при Газе, в которой Птолемей разбил наголову Деметрия Полиоркета (т. е. осаждателя городов), сына Антигона, одного из так называемых диадохов, происходила в 312 г.

до Р. Х.; этот год служит началом селевкидской эры, бывшей также у евреев долгое время в употреблении.

[187] Птолемей завоевал Иерусалим еще в 320 г., но окончательно он завладел всей иудейской землей вместе с Финикией только после битвы при Газе.

[188] Об этом первосвященнике известно лишь то, что про него здесь рассказывается. В списке первосвященников, сообщаемом Иосифом в «Иуд. древн.», это имя не встречается, но зато из этого же источника нам известно, что при Птолемее I первосвященниками были Ония I и затем сын его Симеон I. По всей вероятности, Езекия сам не был первосвященником, но принадлежал к первосвященническому роду.

[189] Смысл этой фразы не совсем ясен, но автор, кажется, хочет сказать, что Езекия старался привлечь своих соотечественников в Египет, выставляя им на вид все выгоды и преимущества поселения в этой стране, где евреи пользовались политической и религиозной свободой, в сравнении с другими странами, в которых, по имевшимся у него сведениям, им приходилось жить в менее благоприятных условиях. Слова, поставленные в скобках, в тексте не имеются.

[190] Положение евреев в Персии, в общем, нельзя назвать неблагоприятным, так как большинство персидских царей обращались с ними довольно гуманно. Менее хорошо им только жилось при Камбизе, Лжесмердисе и в особенности при Ксерксе (Агасвере библейском) и Артаксерксе Мнемоне, при котором они много терпели от сатрапа Багоза; см.: «Иуд. др.», XI, 7, 1.

[191] Потому что они не хотели содействовать восстановлению языческого храма.

[192] Здесь, очевидно, смешиваются персы с вавилонянами, так как переселение евреев в Вавилонию произведено было вавилонским царем Навуходоносором после завоевания им в 586 г. до Р. Х. Иудеи.

[193] См. выше, с. 1347, прим. 49.

[194] Это число преувеличено, так как по показанию самого Иосифа («Иудейская война», V, 4, 3), которому топография Иерусалима несомненно была хорошо известна, окружность города составляла лишь тридцать три стадии.

[195] Речь идет о стене, окружавшей храмовую гору, которая лежала в восточной части города.

[196] Плефр — мера длины, равняющаяся ста греческим футам.

[197] Согласно библейскому предписанию, Исх. 20, 25 и Второз. 27, 6.

[198] Если это показание верно, тогда жертвенник второго храма, о котором здесь идет речь, был таких же размеров, как жертвенник храма Соломонова (Кн. Паралипом. II, 4, 1), и это, кажется, подтверждается Кн. Ездры, 3, 3, однако Талмуд дает для первого другие размеры. См.: Zipser, op. cit., с. 82 и сл.

[199] Так называемый кадильный жертвенник, предназначенный для воскурений; см.: Исх. 30, 1 и сл.

[200] Это показание неверно, так как постоянный огонь горел не на кадильном жертвеннике, но на другом, служившем для всесожжений, см.: Лев. 6, 6. Относительно светильника см.: Исх. 27, 20 и Лев. 24, 2.

[201] У древних народов культ деревьев был очень распространен, храмы

почти всегда были обсажены кругом цветами и разными растениями, в особенности рощи почитались как священные места. Евреям все это строго было запрещено; см.: Второз. 16, 21.

[202] Ночной службы в храме, собственно, не было, но здесь, вероятно, имеется в виду храмовая стража, состоявшая из священников и левитов, на обязанности которой лежала охрана храма ночью; см.: тр. Тамид I, 1; Митод I, 1. — О запрещении священникам употреблять вино и другие крепкие напитки во время храмовой службы см.: Лев. 10, 9; тр. Таанит 17а.

[203] Еврейское имя Мешуллам, משלם

[204] Орнифоскопия, т. е. гадание по полету или крику птиц, составляла у греков и у римлян одну из самых распространенных и наиболее употребительных форм дивинации. У римлян, в жизни которых так называемые signa ex avibus играли большую роль, ею в особенности занимались авгуры.

[205] Этот рассказ прекраснейшим образом характеризует различие между мировоззрением греков и евреев. Тогда как у первых, несмотря на их высокую культуру, всякого рода суеверие составляло самое обычное явление, иудаизм, признающий существование одной только высшей силы, управляющей как природой, так и духовным миром, самым энергичным образом осуждает всякую неразумную веру, в какой бы форме она ни проявилась, и всячески старается противодействовать ей; см.: Лев. 19, 26; Второз. 18, 10 — 14; Исайя 8, 19 — 20. Правда, и в иудаизм впоследствии проникло немало ложных верований и суеверных обычаев, но они совершенно чужды его духу и составляют нарост, приставший к нему извне; см. об отношении иудаизма к суеверию выше цитированное сочинение D. Ioel'я, Der Aberglaube und die Stellung des Judenthums zu demselben. Heft I, Breslau, 1881; Heft II, Breslau, 1883.

[206] Был родом из города Книда в Малой Азии, жил во втором веке до Р. Х., автор некоторых исторических сочинений, между прочим, «истории диадохов», т. е. преемников Александра Великого. Иосиф цитирует его еще «Иуд. др.», XIII, 1, 1.

[207] Стратоника была дочерью Антиоха I и женою Димитрия, сына Антигона Гоната. Когда между Селевком I Никатором (353 — 281) и Димитрием началась война из-за обладания Средней Азией, то Стратоника покинула мужа и стала женою престарелого Селевка, который, однако, с нею не жил, а вскоре уступил ее сыну своему Антиоху. После этого Стратоника, поселившаяся в Селевкии (ср. Strab. 16, 749), стала интриговать против Селевка Никатора и пала жертвою собственного суеверия. Подробно обо всем этом рассказано у Плутарха (биогр. Димитрия) и Иустина в XVII книге Трога Помпея.

[208] В 281 г. Антиохия на Оронте была первоначально главным городом богатой сирийской провинции Селевкиды.

[209] Селевкия — вероятно, главный город области Селевкиды на Тигре. На это указывает уже то обстоятельство, что Стратонике представлялась возможность *отплыть*. Древние знали еще 8 других городов этого имени.

[210] Птолемей Лаг, прозванный также Сотером, был первоначально одним из главных сотрудников Александра Великого, затем стал диадохом и получил Египет. В 320 г. он уже подчинил себе Иерусалим и выселил часть жителей в Александрию, где возник при нем и перевод LXX толковников.

[211] Здесь иронически, вместо «простаки».

[212] При чем тут сновидения, так и остается у Агафархида невыясненным.

[213] О том, что евреи вообще мало склонны к суевериям, см. выше, с. 1361 прим. 204. Все непонятные греку Агафархиду ритуальные предписания иудеев названы здесь прозвищем ὑπόνοια.

[214] Здесь имеются в виду предписания, конечно, ритуальные.

[215] Иосифу Флавию не приходит в голову, что некоторые из греческих писателей могли и не знать вовсе если не о существовании иудеев, то о чистоте и величии их вероучения. Ниже он сам отчасти проговаривается об этом. Вообще, по справедливому замечанию *Müller'a Des Flav. Schrift g. d. Apion*, 180, у историков периода диадохов на первом плане стояла личность того или другого царя, а не положение подвластных ему народностей.

[216] Происходил из Кардии Херсонесской и занимал при Александре Великом, Антигоне и Селевке должность полемарха. Будучи близок со всеми ими, он написал историю диадохов (ἱστορία περὶ τῶν διαδόχων, у Diod. Sic. 18, 42), жизнеописание Александра Великого (у Свиды) и мемуары (ὑπομνήματα ἱστορικά).

[217] О нем см. выше, с. 1359 и прим. 184.

[218] В некоторых греч. рукописях вместо этого имени стоит Αντιόχου. Но здесь правдоподобнее предположить описку, так как известно, что Иероним был особенно близок к Антигону Гонату, при дворе которого он жил долгое время и при котором, по известиям Диодора Сицилийского (XVIII, 42), умер в должности правителя Сирии.

[219] Т. е. в Сирии и Иудее. В юности он был даже надзирателем над работами при добывании асфальта на Мертвом море (Diod., 19, 100).

[220] Этими записями, как мы видели выше (с. 1166 — 1176), пользовались Манефон, Беросс, Дий, Менандр и др.

[221] Таковы, напр., Пифагор, Гермипп, Теофраст, Геродот, Херил, Клеарх, Аристотель и Гекатей из Абдеры. Ср. всю XXII главу (с. 37 и сл.).

[222] А подробно, т. е. посвящая иудеям специальные трактаты.

[223] Определенных сведений об этом писателе не имеется. Очевидно, он жил при диадохах. У Stephan. Byz. упоминается о нем как об авторе сочинения «Описания» (S. v. Παλιχή). Ср.: *Müller*, l. c. p. 180.

[224] Под этим именем известно несколько греческих писателей. Один из них, происходивший из Тарса, написал (по схол. к Apoll., II. 122) историю Фригии на финикийском языке, которая была затем переведена на греческую речь и которою (по Clem. Alex. Srtom. I, 326) пользовался Александр Полигистор. При Домициане этот Феодот был казнен. У Евсевия (Praep. ev. IX, 22) упоминается также поэт Феодот, написавший сатиру на иудеев.

[225] Географ Мнасей жил в первой половине II в. до Р. Х. и оставил описание Азии и Европы. О нем Флавий упоминает также в «Иуд. древностях», I, 3, 6.

[226] Здесь имеется в виду знаменитый, живший около 260 лет до Р. Х. грамматик, известный под именем Аристофана Византийского. Еще в юности он поселился в Александрии, где с течением времени занял пост начальника знаменитой библиотеки. Его главным занятием были лексические изыскания по Гомеру. Отрывки его изданы в 1848 г. известным нашим академиком Науком.

[227] По мнению *Müller'a*, l. c. p. 181, это неизвестный ритор из Тарса,

живший около 161 г. до Р. Х. Этого писателя цитирует Стеф. Византийский п. с. Ἰχόνιον, причем заявляет, что наш Гермоген упоминает о потопе и Енохе.

[228] Известный основатель так наз. евгемерического прагматико-исторического метода в объяснении мифологических дат и культов. Жил в IV в. до Р. Х., происходил из сицилийского города Мессаны. Об отношении к нему отцов церкви и особенно Лактанция ср.: *Krahner*, Grundlinien zur Geschichte der römisch. Staatsreligion, с. 37 и др.

[229] Довольно известный мифограф первого века до Р. Х. Жил при Цезаре и Октавиане в Риме и написал 50 рассказов легендарного характера. Его отрывки сохранились у Фотия. Изданы в книге *Westermann'a Mythogrephie* (1843 г.).

[230] Составитель лексикона, грамматик, живший около Р. Х. Его труды отчасти вошли в известный словарь Свиды.

[231] *Müller*, l. c. не без основания предполагает, что Иосиф Флавий узнал обо всех только что поименованных писателях от друзей своих в Риме и поэтому мог вставить в свое сочинение данную заметку уже после окончания своего возражения Апиону.

[232] Это — известный государственный человек и ученый, живший в конце IV в. до Р. Х. Будучи изгнан из Афин Димитрием Полиоркетом, он бежал в Египет к Птолемею Лагу, а сыном последнего Птолемеем Филадельфом был сослан к верховьям Нила. Написав много исторических и риторических сочинений, он принимал деятельное участие в основании александрийской библиотеки. Его сочинения, однако, до нас не дошли. Ср.: «Иуд. древн.», XII, 2, 1 и 4, 14.

[233] Это был еврейский ученый, вероятно из Византии, живший в III в. до Р. Х. Ввиду того, что он посвятил одно из своих многочисленных стихотворений (отчего он получил также прозвище «поэта») Иерусалиму и истории его основания, Иосиф цитирует его здесь. Равным образом он занимался историею, написал книгу об иудейских царях, об осадных орудиях и оставил сочинение по механике.

[234] Подобно предшествующему писателю, остался не без влияния на Александра Полигистора. По Евсевию (Praep. ad evang. IX, 17, 26, 30 — 34, 39), он написал сочинения об иудеях в Ассирии, о пророчествах Илии, об иудейских царях (ср.: Clem. Alex. Strom. I, 343). Вследствие множества сказаний, оставленных им об Аврааме и Моисее, его можно считать иудеем. Жил он в половине II в. до Р. Х.

[235] Современник Филиппа Македонского, родился на о. Хиосе около 380 г. до Р. Х. В конце жизни должен был вследствие резкости отзывов о современниках, главным образом в истории Эллады времен Филиппа, удалиться в Египет, к царю Птоломею, который принял его крайне недружелюбно. Его отрывками немало пользовался Трог Помпей. В «Древност.», XII, 2, 14, Иосиф Флавий также о нем упоминает.

[236] Известен также под именем Поликрита и жил в Афинах, где был противником знаменитого оратора Исократа. Athen. IV, 139 d, упоминает об его книге Λαχωνικά.

[237] Триполитикон — книга о трех государствах (Афины, Спарта, Фивы) принадлежит действительно, как правильно полагает Иосиф, не Феопомпу, но врагу последнего, Анаксимену Лампсакийскому. Подделавшись под

слог Феопомпа, Анаксимен составил упомянутый пасквиль на три главнейших государства Эллады и послал списки в Афины, Спарту и Фивы. Этим ему удалось окончательно дискредитировать Феопомпа. Ср.: *Creuzer*, Historische Kunst der Griechen, ed. II, p. 338 и *C. Müller*, *Scrift. rer. Alex. Magni*, passim.

[238] Тимей, живший в середине IV в. до Р. Х., написал не дошедшую до нас историю Сицилии (в 40 книгах). Поливий в XII книге своего труда осмеял его, указывая на недостоверность его сообщений; за глумление над разными городами и порядками Тимей получил прозвище ἐπιτίμαιος (хулитель). Ср. выше, с. 1340, прим. 7.

[239] Слово ἀνόητος следует принимать здесь не буквально, а скорее в смысле термина, характеризующего известную *наивность*.

[240] Ср. выше, с. 1344 и прим. 31. Эти наветы главным образом сводятся к двум пунктам: 1) к искажению исторических фактов (Манефон и его последователи видели в иудеях прокаженных египтян; см. ниже); и 2) к глумлению над сущностью иудаизма, которому, правда несколько односторонне, Иосиф противопоставляет египетский культ животных.

[241] Таковы Манефон, Херемон и Лисимах.

[242] Т. е. пользовались такою же славою и обладали не менее богатою страною, как тогда, когда им был подвластен Нижний Египет.

[243] Слово ὑπεναντιότης значит собств. разногласие их. В данном случае политеизм египтян противопоставляется единобожию иудеев, и тут-то и замечается разительная разница обоих мировоззрений.

[244] Известно, что разные египетские города имели своих излюбленных священных животных. Так, напр., в Фивах особенным почетом пользовался крокодил, в Мемфисе — бык Апис и т. п. Ср.: *Maspéro*, *Histoire anpinne*. III ed. p. 46 — 52. *Meyer*, Geschichte d. alt. Aegyptens, p. 31 — 40.

[245] Странно звучит этот упрек Иосифа Флавия. Напротив, Геродот, II, 78, представляет нам египтян крайне серьезными и рассудительными людьми. Цельз (Origen. c. Cels. III, 78) аттестует христиан, в сравнении с греческими философами, глупцами, но с удивлением взирает на мудрость египтян (там же, VI, 80).

[246] Так лучше, чем дословно понимать выражение περι θεων.

[247] Иудеям положительно невозможно приписывать стремлений к прозелитизму. Вероятно, слова Иосифа следует понимать в смысле политического роста Иудеи, развившейся из крохотной области с течением времени в довольно могущественное государство.

[248] Т. е. сообщениями Манефона я ограничусь здесь. Иосиф потому не входит в детальное рассмотрение других египетских сообщений, что считает это лишним, при известной авторитетности Манефона.

[249] Ср. гл. 14 и 16.

[250] В этих летописях находилось немало народных преданий. Весьма вероятно, что Манефон и имеет здесь в виду последние. По крайней мере такого мнения *Bunsen*, *Aegypt. Stellung*, I, p. 100, причем указывает на сходство соответствующих сообщений Лисимаха и Херемона. См. ниже, гл. 33. Ср.: *I. Müller*, l. c. p. 186.

[251] Выше, с. 1166 — 1168, находится подробный рассказ Манефона. Положительных сведений об основании Иерусалима не сохранилось. Во всяком же случае город не основан гиксосами, а существовал уже за 1500 лет до Р. Х.

[252] В 15 главе (с. 1168 — 1169) Иосиф называет по Манефону этим именем трех царей: преемника Хеврона, Аменофиса I, Аменофиса II, преемника Фмоса, Аменофиса III, преемника Армесса Миамуна (в середине XV в.). Так как на самом деле существовал еще Аменофис IV (по *Bunsen'y*, l. c. V, 390, царствование его от 1325 — 1307), встречающийся в египетских памятниках, но не упоминаемый Манефоном (см. выше, с. 1169), то Иосиф Флавий был введен этим умолчанием последнего в заблуждение и совершенно неосновательно обвиняет Манефона в заведомом подлоге.

[253] Ср. всю главу 15, где Иосифом приведена подлинная выдержка из Манефона.

[254] Так я перевожу термин ποιμὴν — «цари-пастухи». Очевидно, здесь имеются в виду гиксосы, ср. выше, с. 1167 и прим. 42 и сл.

[255] Это число выводится Иосифом из следующего сложения: от Тутмосиса до воцарения Сефоса — 393 года, до Рамзеса 59 и до Аменофиса 66 лет, итого 518 (393 + 59 + 66), ср., однако, *Bunsen*, l. c. III, 100 sq. Странно, что в 15 главе все вытеснения гиксосов приписывается не Тутмосису, а какому-то, не встречающемуся в египетских памятниках Мисфрагмуфосу. Ср. с. 1346, прим. 38.

[256] См. выше, с. 1348, прим. 69. В 15 главе книги, составленной, очевидно, по подлинному Манефонову тексту, Гермей встречается под именами Армаис и Армесс.

[257] О подробностях и причинах этого изгнания см. выше, с. 1169.

[258] Т. е. Манефон.

[259] Это был последний царь восемнадцатой династии, человек крайне благочестивый, чему свидетельством служат многочисленные воздвигнутые им храмы и памятники. Ср.: *Bunsen*, l. c. III, 77, IV, 118, 163 сл. и др.

[260] Собств. «лицом к лицу видеть богов», т. е. углубиться в созерцание божества. Конечно, здесь это выражение должно быть понимаемо не буквально, а в смысле переносном «служить богам». Частое богослужение и изучение богословской литературы ведет к близкому общению и наконец слиянию человека с божеством. Греки были того же мнения. Ср.: Ilias, XX, 130, Odyss. XVI, 661. Равным образом и у римлян (Vergil. Aen. IV, 358), и впоследствии у неоплатоников и у Филона (ср.: *Dähne, Darstell. der jüd. abs. Rel. Phil.* I, 144) созерцание божества считалось высшим блаженством. Ср.: *I. Müller*, p. 188.

[261] Хотя в лучшем издании Флавия — Niese — и принято чтение Πάπιος, тем не менее другие издатели (напр., Müller, Froben) читают Πάαπιος, которое ближе подходит к египетскому языку. Кроме того, у Фотия Bibl. 166 (p. 109a. ed. Bekker), упоминается жрец по имени Паапис. Ср. также: *Parthey, Aegyptische Personalnamen*, p. 69.

[262] *Lepsius* в введении к своей египетской хронологии, с. 30 и 31, подробно описывает эти каменоломни и доставляемый ими материал, который был трех родов: известняк, песчаник и гранит. При этом должно заметить, что гранит попадается лишь в верхней части Нила у водопадов и притом в большом количестве лишь в расстоянии нескольких дней пути к востоку от реки, там, где тянутся горные цепи вышиною до 1000 фут. Тут-то и находились каменоломни, доставлявшие материал для всех крупнейших построек, напр., пирамид близ Мемфиса. Ср.: Herodot. II, 8, 24. Впрочем, и на

Синайском полуострове находились египетские каменоломни с древнейшими гиероглифами. Ср.: *Müller*, l. c. p. 189.

[263] Конечно, в ироническом смысле.

[264] Эти τινες, очевидно, цари-пастухи — гиксосы. Ср. дальнейший рассказ ниже.

[265] Т. е. Манефон. До сих пор Флавий пересказывал лишь Манефона. Теперь же дает подлинный текст его.

[266] См. выше, с. 1346 и прим.

[267] К востоку от Мемфиса. Город этот был знаменит своим храмом в честь бога солнца, почему и носил египетское название On или Oum (солнце), а у евреев был известен под именем בית-שמש (греческое имя его вполне соответствует этому еврейскому названию). Жрецы этого города считались самыми образованными во всем Египте. Ср.: Геродот, II, 3.

[268] В этом имени ингредиентом является название Озириса, служителем которого был Осарсиф. Ср. ниже, конец 28-й главы.

[269] Здесь, на основании выше помещенной вставки, что в каменоломни были сосланы также жрецы, очевидно, подразумеваются последние.

[270] Египет во всей его совокупности.

[271] Т. е. о том прорицателе, по совету которого Аменофис удалил прокаженных из пределов обитаемого Египта.

[272] Здесь, быть может, имеются в виду лишь идолы с головами животных. См. ниже, гл. 29.

[273] Т. е. по принадлежности, так как в Мемфисе собрались главные жрецы всей страны.

[274] Здесь это слово стоит в смысле эпитета, а не имени собственного.

[275] Из дальнейшего видно, что это — царь эфиопский; он был вассалом и личным другом Аменофиса, который впоследствии сам со всею свитою искал у него убежища.

[276] Благочестивый Аменофис решил со смирением снести кару, ниспосланную ему Небом за насильственные действия к опальным прокаженным и калекам.

[277] Буквально «из благодарности» за, вероятно, раньше оказанную ему Аменофисом поддержку в каких-нибудь военных предприятиях.

[278] В тексте сказано «жители Иерусалима» (Σολυμῖται), но мы уже видели, кого понимает под этим названием Иосиф.

[279] Т. е. властвование царей-пастухов над Египтом (XV и XVII династии).

[280] Дальше, в главе 31, Иосиф Флавий подробнее останавливается на невозможности идентифицирования Осарсифа с библейским Моисеем. В следующих главах (32, 34, 35) мы, однако, увидим, что Моисей, по египетскому преданию, считался действительно прокаженным египтянином. Новейшее исследование по этому вопросу принадлежит *M. Büdingery*: *Egyptische Einwirkungen auf hebräische Culte*. Wien, 1873.

[281] По логической связи с предыдущим эту фразу следовало бы отнести к концу предшествующей главы.

[282] Рамсесу было теперь уже 18 лет.

[283] Иосиф Флавий обвиняет Манефона и за ним его последователей в том, что они отождествляют гиксосов (которых он сам считает за финикийцев) с евреями. В этом он видит одно из главных доказательств недобросовестности своего противника.

[284] Т. е. Манефона.

[285] Вторичного нападения гиксосов на Египет, как следствия приглашения их к совместному завоеванию страны с прокаженными опальными из каменоломен.

[286] Это упомянутый уже выше последний царь XVIII династии, Гор.

[287] Следует понимать, конечно, в том смысле, что Аменофис мог и должен был быть знакомым с официальными летописями, в которых нельзя было умолчать и о подробностях набожности фараона.

[288] Откуда у Иосифа Флавия взялось известие о том, что прокаженные были собраны именно в *один* день, неизвестно.

[289] До сих пор Иосиф выставлял свои возражения Манефону по каждому пункту. Теперь он возвращается к рассказу, передает без изменения сообщение своего противника и лишь в 29 главе принимается за его опровержение.

[290] В издании Фробена здесь стоит слово ἱππέας, которое перешло в новейший, лучший текст, Niese. Но здесь ни о каких *всадниках* речи быть не может, 1) потому что войско удалилось с фараоном в Эфиопию и 2) оттого что раньше, в гл. 26, не было помину о всадниках, но говорилось именно о жрецах. Странным остается выражение *equestres* у Руфина. Мы считали себя, однако, вправе, следуя изданиям Беккера и Мюллера, поставить здесь термин ἱερέας вм. ἱππέας.

[291] Среди египтян, остававшихся в городах и конечно недовольных насильственным образом действий Аменофиса.

[292] В конце 26 главы, где подробно описаны кощунства инсургентов.

[293] Подробное определение отношений жрецов и всей общины к прокаженным см. в книге Лев. гл. 13 и 14, Числ. 5. Кроме того, Иосиф касается этого вопроса еще в «Иуд. войне», V, 5, 6 и в «Древн.», III, 11. Ср. также: *W. Nowack, Lehrbuch der hebr. Archäologie,* II, p. 284 — 299 (1894).

[294] Пелузий лежал в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила, близ нынешней Damietta. Будучи ключом к Египту, город этот неоднократно был свидетелем военных действий (ср.: Herodot. II, 141, III, 10, Diod., 15, 42, 16, 48 sq.; Plutarch. Anton. 74; Liv. 45, 11; Caes b. Afric. 27). Хотя он и был окружен болотами и тем отчасти защищен с востока, тем не менее его во все времена сильно укрепляли искусственно.

[295] Тут единственно чтение ἔπειτα представляет некоторый смысл. Вариант (всех, впрочем, рукописей) σίτια совершенно непонятен. Ср.: *Müller* l. c. p. 200.

[296] Так наз. гиксосов из Иерусалима.

[297] В этих словах Иосифа Флавия звучит сильная ирония.

[298] Следует добавить: «можно с уверенностью сказать, что...»

[299] Конечный результат, к которому приходит Иосиф, не вполне точен. По 14 гл. иудеи не египтяне, а гиксосы из Азии, а по 26 гл. их можно считать за прокаженных египтян. Это противоречие Манефона объясняется очень удачно *I. G. Müller*'ом (l. c. p. 214 — 221), который, на основании сохранившихся на памятниках данных и сопоставляя все частности Манефоновых сообщений между собою, показывает, как могло возникнуть в уме народа (а следовательно, и Манефона) представление о тожестве гиксосов с прокаженными египтянами. Вследствие же выведения гиксосов из той части Палестины, которая находится недалеко от Сирии, неудивительно, что с

течением времени население Палестины, т. е. иудеи, представлялись египтянам идентичными с гиксосами, т. е. с прокаженными.

[300] Т. е. Манефону.

[301] Очевидно — Моисей.

[302] Это число вытекает из сказанного в гл. 26, где промежуток времени между царствованием Тутмозиса, изгнавшего гиксосов (по Манефону иудеев), и Аменофиса IV определяется в 518 лет. Поэтому, думает Иосиф Флавий, и Моисей должен был жить не при Аменофисе IV, но при Тутмозисе. Манефон, однако, нигде не говорит, чтобы Моисей был предводителем гиксосов, но постоянно выставляет его главой прокаженных. Ср. также книгу II, гл. 3.

[303] Собственно «ходить в уединении с разорванными одеждами».

[304] Ср.: Лев. 13, 14, кн. Числ. 5 (2 — 3) и др.

[305] Конечно, о городе Иерусалиме первоначально в священном тексте нет и речи. В Моисеевом законодательстве нечистые удаляются лишь из пределов стана, среди которого находится Скиния Завета. Впоследствии это постановление касалось главным образом Иерусалима с его храмом.

[306] Ср.: Лев. XXI, 17 sq. Также у Иосифа Флавия в V книге (5, 7) «Иудейской войны» и в «Древностях» (XIV, 13).

[307] Манефон.

[308] В тексте сказано Μωυσῆν, тогда как в других сочинениях, напр. у Strab. XVI, 760, Philo, de vita Mosis I, § 4, употребляется классическая форма Μωσῆς. В переводе LXX толковников, впрочем, Моисей передается всегда при помощи этой, этимологически более обоснованной, александрийской формы Μωυσῆς. — Объяснение имени Моисея здесь вполне примыкает к сказанному в кн. Исх. II, 10 (от משה — извлекать, extrahere). Впрочем, грамматически имя משה должно значить не спасенный, но спасающий, так как это правильная форма прич. действ. зал. Ср. с этим: *Brugsch, Worterbuch* p. 698, который переводит «извлекающий из чрева матери», сопоставляя с этим египетское Mesu — дитя. — В «Древностях» (II, 9) Иосиф дает другое толкование: μῶ (вода) и υσῆς (спасенный). В новейшее время *Hitzig* (Israel, I, p. 66) предложил этимологию из санскрита (от *mue* — освобождать, или *mush* — красть), с которою едва ли возможно согласиться. Ср. *I. Müller*, l. c. p. 202 — 203.

[309] Выражение ἀδεσπότους μύθους, собственно означает «предания без хозяина», т. е. такие, автор которых неизвестен.

[310] Подробности о нем в введении, с. 1147 — 1148.

[311] Изида была вообще покровительницею и богинею сновидений, почему ее жрецы специально занимались толкованием снов. Ср.: Ovid., Metam. IX, 685. Heliod., Aethiop. I, 18, 29; Apulej., Met. XI, 254 и Pausan., Phoc. гл. 32.

[312] Варианты — Фритифант, Фритобант и Фритобат.

[313] Собств. «ритуально нечистых».

[314] Здесь, как видно из дальнейшего, имеется в виду патриарх Иосиф.

[315] Больше эти египетские названия нигде не упоминаются.

[316] В сообщении Манефона указывается город Аварис (ср. 26 и 28). Ввиду этого, мнение Бунзена (IV, 133), что оба города идентичны, приобретает больше вероятности.

[317] Нигде в других местах об этом не упоминается. Ср. след. главу.

[318] Это редкий вариант к более употребительному Μεσσήνην. Впрочем,

сопоставление с гл. 33 указывает на очевидную ошибочность последнего чтения. Об упомянутых пещерах ничего точного неизвестно.

[319] Т. е. Манефона и Херемона.

[320] Манефон. И дальше Манефон постоянно противопоставляется Херемону или, правильнее, сопоставляется с ним.

[321] Т. е. Херемон.

[322] Ср. гл. 32. Четыре поколения Иосиф взял из Исх. VI, 16 и сл., хотя в Ветх. Завете и ничего не сказано о времени в 170 лет. По Исх. XII, 40 (ср. Быт. XV, 13) евреи пребывали в Египте 430, а по тексту LXX толковников и по Таргуму Ионафана лишь 215 лет. У новейших исследователей (Bunsen, Lepsius, Böch) мнения расходятся до того, что первый говорит о 1426 годах, а последние лишь о 100. Ср.: *I. Müller*, l. c. p. 207.

[323] К предыдущим, т. е. Херемону и Манефону. Лисимах во многом сходится с Апионом, ср. кн. II, гл. 2.

[324] Подробности о нем в введении, с. 1147.

[325] По мнению Бунзена (l. c. III, 124, IV, 83, 221), этот Бокхорис известен также под именем Менофра (т. е. Менефты) и царствовал в начале XIV в. до Р. Х. С этим можно сопоставить ниже (II, 2) высказанное мнение Лисимаха, что данный фараон жил приблизительно за 1700 лет раньше Иосифа. Впрочем, *V. Floigl* Geschichte d. sem. Alterthums p. 24 sq., равно как *I. Müller*, l. c. p. 209, принимают здесь другого Бокхориса, именно фараона XXIV династии, Бокенранефа (762 — 726). С этим согласен и Апион (II, 2), помещающий исход евреев из Египта в первый год 7-й олимпиады, и Тацит, также повествующий об исходе евреев при фараоне этого имени (Hist. V. 3).

[326] Как в наше время, так и в древности, храмы служили местом скопления нищих. О распространенности этого обычая в Древнем Риме ср.: Martial. I, 112.

[327] Во II книге (гл. 2) это количество определяется в 110 000 человек.

[328] Об этом посольстве к знаменитому оракулу Аммона рассказывается также у Tacit. Hist. V, с. 3. (Ср. также: Diod. 40.) По Геродоту (I, 46; II, 83), оракул этот был самым выдающимся во всем Египте. Ср.: *Parthey*, Ueber die Oase u. das Orakel des I.-Ammon, Berlin, 1862.

[329] Т. е. бог Аммон-Ра.

[330] Известно, что дикие звери пустыни боятся огня, который и до сих пор служит бедуинам верным средством, чтобы предохранить себя от ночных нападений львов.

[331] Трог Помпей (у Justin. XXXVI, 2) и Тацит (l. c. V, 5) упоминают также об этом посте, хотя ветхозаветный рассказ ничего не говорит о пасхальном посте. Ср.: Herod., II, 40 и IV, 186, где рассказывается о подобном обычае египтян.

[332] В греч. тексте употреблен глагол, означающий собственно «приказывать». Дальнейший рассказ, однако, в достаточной мере мотивирует избранное здесь слово «советовать».

[333] Апион (ниже II, 10), равно как Тацит (Hist V, 5), Justin. (XXXVI, 2) и Diodor Sic. (XL, 1) упрекают иудеев в беспощадной жестокости.

[334] Буквальный перевод текста — был бы: «не относиться дружелюбно». Но дальнейшее изложение (в 35 гл.) наглядно поясняет, как следует понимать это место.

[335] Очень остроумное, хотя и совершенно неверное (ср. ниже, след. гла-

ву) объяснение названия Иерусалима от греческих слов «Гиерон» (святилище) и «силан» (грабить). Ср. гл. 22.

[336] Т. е. когда они, овладев Палестиною, образовали самостоятельное государство, которое пользовалось большим уважением в глазах соседей. — Мотив, приведенный Лисимахом, действительно наивен.

[337] Т. е. Лисимах, в противоположность Манефону и Херемону.

[338] Собственно: «более молодого», что становится понятным из сказанного в II, 2, и в объяснении к слову Бокхорис (см. с. 60).

[339] Другими словами: разве эпитетом иудеев является слово *прокаженный*? Кого следует понимать под последним именем, иудеев или же египтян? На эту неясность в сообщении Лисимаха и указывает здесь Иосиф Флавий.

[340] По II, 2, их было 110 000 человек. Впрочем, Иосиф упускает из вида, что Лисимах (выше, гл. 34) проводит резкую грань между вообще больными и прокаженными.

[341] Стоит сопоставить с этим библейские предписания о благорасположении даже к египтянину (Второз. XXIII, 9) и о справедливости к чужеземцу (Левит. XXIV, 22; Второз. XV, 15; XVI, 20; ср. также Исход, XXIII, 9, 1 кн. Цар. VIII, 41 и сл.), чтобы признать аргументацию Иосифа вполне правильною. См. ниже, II, 28 и 29.

[342] Наилучшее возражение на это представляет цитированный уже труд Büdinger'a.

[343] Греческий текст собственно — «благородный», но в ироническом смысле.

Книга вторая

[1] Ср. введение, с. 1144.

[2] См. I, 14 — 21.

[3] См. I, 22, 23.

[4] См. I, 26 — 32.

[5] См. I, 32.

[6] Здесь, впрочем, имеется в виду лишь один — Лисимах (I, 34, 35).

[7] Большая часть этого второго отдела сочинения Иосифа направлена против Апиона. Ср. главу 14. Лишь с 33 главы Флавий касается также теологии греческих философов. Это, вероятно, и имеется здесь в виду, при указании на некоторых других писателей древности, интересовавшихся попутно и евреями. — Niese, ed. maior, p. 55-ann. полагает, что здесь в тексте должен быть пропуск (aliquid excidisse puto; nid. enim Iosephus exposuisse quo in libro Apio in Iudaeos inuectus sit).

[8] Здесь имеется в виду Апион. Подробности о нем см. выше, введение, с. 1149 — 1150.

[9] Ср. ниже, гл. 13.

[10] Греческий термин, здесь употребленный, собственно «демагог» и обозначает человека, заискивающего у толпы и дешевым остроумием увлекающего последнюю. Ср. также II, 12, где тоже говорится о нравственной испорченности Апиона.

[11] Приведенное здесь Иосифом греческое выражение употребляется, когда речь идет о серьезном, имеющем общегосударственное или нацио-

нальное значение обвинении. Ср.: *Fr. Hermann*, Lehrbuch der griechisch. Staatsalterthümer, § 135.

[12] Тут мы находим план возражений Апиону (гл. 2 — 13), причем гл. 2 и 3 посвящены опять-таки вопросу об исходе евреев из Египта, в гл. 4 — 6 рассматриваются наветы на александрийских евреев, а семь остальных трактуют о вопросах законодательного и ритуального свойства.

[13] Т. е. из Египта.

[14] Т. е. с тем, что прибавляет Апион к сообщениям вышерассмотренных историков (Манефона, Лисимаха и Херемона).

[15] Подробности об этом сочинении, распадавшемся на пять частей см. в введении, с. 1151 и сл.

[16] Т. е. был гелиополитанским жрецом, известным под именами Осарсифа или Тисафена. См. выше, I, 28, 32, 34.

[17] Все это место сильно испорчено. Здесь скомбинирован третий вариант из разночтений Müller'a и Niese.

[18] Т. е. главного покровителя Гелиополиса (что по-гречески буквально значит «город солнца»), египетского божества Ра, храм которого помещался в восточной части города.

[19] И это чтение не вполне точно установлено. Здесь, очевидно, указывается на введение и устройство Моисеем солнечных часов, стрелкою которых служили обелиски и колонны. Изображение ладьи объясняется тем общераспространенным в древности мифическим представлением, будто тень сопровождает в ладье ежедневно совершающего свой объезд по небу бога Солнца... Сущность странного обвинения Апионом Моисея становится вполне понятною, если принять во внимание термины обелиск и колонна. Тот и другой обозначают собственно высокие столбы, причем слово ὀβελός или уменьшит. его ὀβελίσκος происхождения греческого (значит первоначально вертел или конец копья), тогда как κίων — происхождения семитического, хотя и получил в греческом языке право гражданства, замещая нередко слово στήλη. Хотя, как показал в новейшее время *H. Lewy*, Die semitischen Fremdwörter im Griechischen, Berlin, 1895, p. 97, слово κίων и не соответствует еврейскому ἀπαξείρημένον — כִּיּוּן (kijjun, у Амоса V, 20), которое, объясняясь из ассирийского kaiwanu (название планеты Сатурна), однако может быть приурочено к когда-нибудь существовавшему в еврейском языке существительному כִּיּוֹן (от основы כּוּן) kijjon — колонна. Если принять во внимание, что Витрувий, IX, 9, приписывает изобретение солнечных часов халдейцу Бероссу, да еще то обстоятельство, что κίων слово не египетское, а семитское, то сущность обвинения, взводимого Апионом, не представляет затруднений: Моисей-де, египтянин по происхождению, да еще вдобавок жрец бога Ра в Гелиополисе, позволил себе разные нововведения, вроде молитв под открытым небом на городских стенах, устройство халдейских солнечных часов и т. п. Поэтому он изменник, предавший веру отцов своих. — О том, что будто бы Ония, воздвигший в Леонтополисе (вблизи Гелиополиса) при Птолемее Филометоре иудейский храм, подал повод к преданию об египетском происхождении Моисея, см. Zipser'a l. c. p. 97.

[20] Т. е. недозволенного еврейским законом украшения, хотя бы в виде гигантских солнечных часов.

[21] Навряд ли Апион хотел сказать, что он был близко знаком с современниками Моисея и от них лично слышал о великом законодателе. Его

слова следует понимать в том смысле, что он был знаком с передававшимися из рода в род преданиями об египетском происхождении Моисея. Ср., впрочем, I. Müller'a, l. c. p. 229.

[22] Об этих его занятиях гомеровским вопросом см. введение, с. 1149 — 1150.

[23] О нем см. выше, с. 1340, прим. 9. Он умер, вероятно, в начале V в. до Р. Х.

[24] Т. е. до Гомера и Пифагора.

[25] См. выше, I, 15 (с. 1168 — 1169).

[26] Ср. выше, с. 1356, прим. 69 — 71.

[27] Ср. выше, кн. I, гл. 34 и 35. О неправдоподобии исчисления промежутка времени в 1700 лет, вместо которых, быть может, следует читать 700, см.: Müller, l. c. p. 230.

[28] Молон, называемый иногда также Аполлонием Молоном, происходил из карийского города Алабанды и жил большею частью на острове Родосе, где был преподавателем красноречия. Он пользовался такою знаменитостью, что Цицерон и Цезарь специально приезжали слушать его. Но и исторические исследования были ему не чужды (так, напр., он писал об Египте, Александрии и Гомере). Иосиф Флавий цитирует его нередко как писателя, давшего немало ложных сведений об иудеях. От него остались только отрывки.

[29] Следовательно, в 751 или 752 г. до Р. Х.

[30] Об этом см. выше, с. 1170.

[31] Ср. выше, с. 1170 и прим.

[32] Это же число 612, впрочем довольно произвольно взятое Иосифом неизвестно откуда (ср.: Zipser, l. c. p. 105 — 108), цитируется им также в «Иуд. древностях», XX, 10, ср. кн. VIII, 3 и X, 8. О подробностях ср. Müller'a l. c. p. 231.

[33] В I, 35 Лисимах точно не определяет числа изгнанных иудеев.

[34] Вполне правильное объяснение слова sabbatos дает Иосиф в самом конце этой главы, производя его от еврейского глагола שבת «отдыхать».

[35] Иосиф Флавий здесь и дальше особенно налегает на невозможность *единовременного* заболевания *всех* 110 000 человек. Впрочем, может быть, Апион вовсе и не говорит о венерической болезни изгнанных, имея в виду лишь довольно распространенное явление, образование опухоли в пахе от усиленной ходьбы. Ср. объяснение слова βουβὼν у Свиды.

[36] Упрек в невежестве, во всяком случае, несколько резок. Хотя Иосиф Флавий и дает вполне правильное объяснение происхождения слова sabbatos, однако не следует забывать, что другие писатели, напр., Лактанций (VII, 14), Плутарх (Sympos. IV, 6) и Тацит (Histor. V, 5) также неверно объясняли это слово. Первый приводит его в связь с евр. שבע (семь), а двое последних указывают на родство с богом Сабазиосом, одним из эпитетов Диониса. Что слово Sabazios действительно семитского происхождения, равно как и весь культ Диониса-Дифирамба, об этом см.: H. Henckel, Ueber die Möglichkeit eines semitischen Ursprungs des Dithyrambus. St. Petersburg, 1895.

[37] Т. е. Манефона, Лисимаха и Херемона.

[38] Здесь имеется в виду, конечно, так называемый большой Оазис (ныне Uah el Kharge), лежащий в Верхнем Египте и называемый Геродотом (III, 26)

πολις ὄασις или νῆσος Μαχάρων. — Кроме этого оазиса, известно еще несколько других, напр., Малый Оазис (Wad el bahir) недалеко от города Оксиринха в Среднем Египте и средний или Аммонов (в Ливийской пустыне). Следует обратить внимание на то, что по сообщению Страбона, II, 130, XVII, 790 и др., оазисы служили местом ссылки преступников. Может быть, Апион потому-то и стыдился своей родины, что не желал прослыть за сына преступника.

[39] Вероятно, он обманным образом добился там права гражданства. Ср.: Müller l. c. p. 236.

[40] Смысл: раз Апион открещивается от родства с египтянами и во что бы то ни стало хочет доказать египетское происхождение своих врагов-евреев, значит, хороши должны были быть египтяне, которые не получали от римлян прав гражданства (ср. ниже).

[41] Т. е. иудеев.

[42] Т. е. в той (восточной) части города, где нет бухты. Вообще северная часть Египта не славилась особенною изрезанностью береговой линии. Ср. Страбона, XVII, 1. Иосиф Флавий, очевидно, не понял всей соли замечания Апиона. Последний указывает на то, что евреи занимали в Александрии самую плохую часть города, именно ту, которая находится вдали от гавани, т. е. ту, где нет ни заливов, ни пристаней. Понятно, такое положение евреев в городе, славящемся своею морскою торговлею, не особенно выгодно.

[43] Другие части Александрии (особенно западная) примыкают к прекрасным бухтам и потому, без сомнения, гораздо лучше.

[44] Ср. сказанное в «Иуд. войне» (II, 18): «...Александр в награду за оказанную ему помощь против египтян предоставил иудеям селиться в Александрии на равных правах с эллинами». Из этого видно, что тут следует понимать под термином *македонское* право. Подобно грекам, иудеям был предоставлен свободный выбор местожительства в городе. Впрочем в «Иуд. войне» (там же) указывается на то, что определенное место в городе Александрии евреям было предоставлено лишь преемниками Александра, диадохами.

[45] Собств. «город мертвых»; так называлась местность к юго-западу от более возвышенной части города, известной под именем Ῥακῶτις. Здесь, на берегу Мареотиды, было расположено городское кладбище с мавзолеями и храмами египтян. Вообще вся западная сторона города, против гавани Евносты и острова Фароса, считалась более аристократическою (тут же находился и Акрополь и Серапеум). Северо-восточная же часть (так наз. Βρούχειον) представляла центр, в одном углу которого, близ дворца (Καισάρειον), стадиона и гимназии, около косы Лохиады, был расположен еврейский квартал.

[46] Т. е. квартал; собственно греческое название племени (колена) народного. Соответствует приблизительно римской трибе (tribus).

[47] Здесь имеется в виду, конечно, Юлий Цезарь, хотя эпитет «великого Цезаря» обыкновенно прилагается Иосифом Флавием к Помпею. Ср. I, 7; II, 7 и 11. Что законы писались в древности чаще всего на столбах и колоннах или на таблицах, прибитых к таким столбам, общеизвестно. Ср.: Dionys. Halic. IV, 26, Dio Cass. XXXVIII, 9 и Ammian. Marc. XXII, 15. В «Иуд. войне» (VII, 5, 2) указывается на медные таблицы. О подлинности этих так наз. Decreta Caesaris ср. *Krebs*, Decreta Romanorum pro Iudaeis, *Egger*, Examen des

historiens d'Auguste, p. 193 и сл., и главным образом *Mendelssohn*, de senatus consultus Romanorum ab Iosepho (Ant. XIII, 9, 2) relatis.

[48] Здесь имеется в виду, конечно, Селевк I Победитель (Никатор), родившийся около 353 г. до Р. Х.

[49] Ср. также «Иуд. древн.», XIV, 10, 11 — 25. Эфесским евреям дал права греческого гражданства Антиох II (Освободитель), умерший в 247 г. Уже Селевк I Никатор даровал всем малоазийским евреям общее право гражданства.

[50] Т. е. именоваться римскими гражданами. Благодарность к римлянам за их великодушие Иосиф Флавий выражает также в «Иуд. древн.», II, 36, 5; XII, 3, 3 и в «Иуд. войне», VI, 6, 2.

[51] Т. е. население Испании, Этрурии и Лациума.

[52] Ср. выше, начало III главы этой книги.

[53] Это место подтверждает сказанное у Плиния Младшего (epist. X, 4, 5; 12, 22, 23), что египтяне не могли непосредственно получать права римского гражданства, а должны были для этого сделаться сперва александрийскими гражданами. Ср. ниже, II, 6 и 11.

[54] О Гекатее см. выше, с. 1359, прим. 184. Евреям он посвятил целую книгу, а может быть, и две. Во времена Маккавеев Самария или по крайней мере три области ее входили в состав Иудеи. Ср.: I кн. Маккавеев, X, 30, 38; XI, 34. О том, что Самария действительно не платила податей (впрочем, за известный единовременный взнос), ср.: I кн. Маккав. XI, 28 — 37.

[55] Более подробные сведения об этом в «Иуд. древн.», XIV, 6, 2; 8, 1. Из 5-й главы, впрочем, видно, что здесь имелась в виду главным образом охрана речных устьев. Таким образом Птолемей I поручил иудеям крепости Пелузия, Парэтония и Александрии.

[56] Кирена — главный из пяти городов Древней Киренаики (которая, очевидно, здесь и имеется в виду), теперь плоскогория Барка на северном побережье Африки. На юге Киренаика граничила с оазисом Феццаном. Несмотря на свою близость к Сахаре, эта страна отличалась большим плодородием, почему еще персидский царь Камбиз присоединил ее к своим владениям. В 321 г. Птолемей Лаг возвратил стране свободу, и с тех пор она находилась лишь в некоторой зависимости от Египта. Так, напр., жители ее не захотели признать над собою власть Птолемея Филадельфа. Ср.: Iustin XIII, 16; Liv. XXIII, 10; Diod. Sic. XVIII, 19 — 21 и у Иосифа в «Иуд. древност.», XIV, 7, 2.

[57] Ливия заменяет собою слово Киренаика, хотя Иосиф Флавий нередко употребляет его вместо обозначения вообще Северной Африки. Ср. выше, I, 18, 20 и др.

[58] Птолемей II Филадельф, вступивший на престол в 283 г., был преемником отца своего Птолемея Лага. При большой воинственности (войны с братом Магасом из-за Кирены, нападение на Сирию, завоевание всей Передней Азии и Цикладских островов, поход в Эфиопию и Индию) он отличался необычайною любознательностью. Ср.: Diod. Sic. I, 37; III, 38, 42; Plin, VI, 17 и др.

[59] В «Иуд. древн.», XII, 2, находится параллель к этому рассказу. I. Müller l. c. p. 244 не без основания предполагает, что эти деньги жертвовались Птолемеем Филадельфом на храм в Иерусалиме.

[60] Следует дополнить по сведениям Аристея (о нем см. ниже) у Алексан-

дра Политистора (Euseb. präp. ad. Evang. IX, 25) словами: к иерусалимскому первосвященнику. Весь рассказ об этом событии имеется у Иосифа также в варианте (начало двенадцатой книги «Иуд. древностей»), причем основою этого рассказа служит известное, приписываемое Аристею письмо к его брату Филократу. В этом документе, недоказанность содержания которого теперь не подлежит уже более сомнению, подробно рассказывается об этом событии. Так, напр., сообщается о том, что переводчиков было не 70, а 72, по 6 из каждого колена (что само по себе уже доказывает историческое неправдоподобие рассказа) и т. п. Впервые упомянул об Аристее и его послании перипатетик Аристовул из Александрии, учитель Птолемея Филометора (ср.: Clem. Alex, Strom. I, II, Euseb. präp. Evag. VII, с. 13; VIII, с. 9; XIII, с. 12). В более подробном виде об этом сообщается у Филона (de vita Mos. 2), затем во II в. по Р. Х. у Иустина Мученика, Иринея (advers. haer. III, 15), Илария (Ps. 2), Августина (de civ. Dei XVIII, 43) и у других.

[61] О нем см. выше, с. 1363, прим. 232.

[62] Об этом лице, кроме сказанного здесь и в «Иуд. древн.», XII, 22, где он также называется телохранителем царя, ничего более неизвестно.

[63] Известен вообще как автор сочинения об евреях (Euseb. Präparad. Evang. IX, 29). Что он был телохранителем Птолемея Филадельфа, видно только из этого места. По «Иуд. древн.», XII, 2, рядом с вышецитированным Андреем называется еще некий Созибий.

[64] Ср. «Иуд. древн.», XVIII, 1, где Иосиф Флавий также называет все еврейское вероучение философиею. Этот термин был вполне доступен грекам, для которых писал Иосиф.

[65] Т. е. за Птолемеем Филадельфом, умершим в 247 г. до Р. Х. Ему наследовал Птолемей III Евергет (т. е. Благодетель), прозванный так потому, что во время своего победоносного похода в Азию, откуда он в 243 г. возвратился с богатою добычею в Египет, вернул идолов, отнятых некогда персами у египтян (Diod. Sic. I, 46, 47, 55).

[66] Иосиф совершенно забывает о том, что уже Александр Македонский жертвовал Аммону-Ра в оазисе. Подобным поклонением иностранному божеству завоеватель нисколько не отрекался, по тогдашним понятиям, от своей веры. Ср. III кн. Маккав. I, 9. Во всяком случае, расположение Птолемея III к иудеям не подлежит сомнению. Так, напр., он отдал на откуп некоему Иосифу, еврею, все общественные поземельные налоги и проч.

[67] Птолемей VI Филометор правил от 181 до 145. При нем Финикия и Палестина отошли к Сирии, которую еще в 208 г. удалось отнять Антиоху у его отца, знаменитого Птолемея Епифана. Бежавшие от преследований Антиоха иудеи находили в Египте радушный прием. — Этот Птолемей VI был женат на родной сестре своей Клеопатре, известной под именем Четвертой. Когда, благодаря римским интригам, Птолемею VI был дан в соправители жестокосердый брат его, Птолемей VII Фискон, то он вскоре должен был уступить ему первенство и бежать в Рим, где его поддержал сенат. После его смерти ему наследовал уже упомянутый брат его Птолемей VII Фискон (толстобрюхий), женившийся на Клеопатре IV. Ср.: *Schürer*, l. c. p. 121, 633.

[68] Это, вероятно, Ония IV, основатель известного храма близ Гелиополя, сын первосвященника Онии III. Досифей в других местах более не упоминается. Может быть, это один из тех воинов, имена которых встречают-

ся во II кн. Маккав., XII, 19, 35. — Насмешку Апиона над Ониею следует, конечно, понимать в том смысле, что Апион производил (совершенно неправильно) это имя от греческого слова ὄνος — осел. Между тем оно происходит от хамитского Оп, как по-египетски назывался Гелиополь. Ср.: *I. Müller*, l. c. p. 249.

[69] Herzfeld, Gesch. Israels, II, 443. Полагает, что александрийцы восстали против Клеопатры IV после бегства в 162 г. Птолемея VI в Рим.

[70] Т. е. Ония IV и Досифей.

[71] Указание на междоусобицы подтверждает вышецитированное предположение Герцфельда о восстании александрийцев против Клеопатры.

[72] Это упоминаемый Поливием (fragm. lib. XXXIII, 5) в числе посланных Римом в Египет для восстановления там порядка Люций Ферм. Ср.: *Herzfeld*, l. c. II, 433, примеч. 3.

[73] Птолемей VII Фискон (толстобрюхий), известный также под именем Евергета II, правил Египтом от 145 до 117 г. Брата своего, Птолемея Филометора, он, как мы видели выше, всякими интригами лишил власти, затем, по требованию Рима, уступил ему Киренаику и, когда тот пал вблизи Антиохии в войне с сирийцами, быстро захватил весь Египет. Клеопатру IV он сначала лишил власти, но потом женился на ней и даже распорядился о том, чтобы она, после его смерти, сделалась его преемницею. За жестокое управление страною Птолемей VII должен был на некоторое время удалиться из Египта на остров Кипр. Несмотря на свою кровожадность и распутство, он, однако, охотно занимался учеными исследованиями, особенно в области греческой археологии.

[74] Отсюда и до начала девятой главы сохранился лишь текст латинского перевода.

[75] Т. е. когда Птолемей VI Филометор и Клеопатра единолично правили Египтом. Совместность такого правления часто цитируется Ливием (37, 3, 9; 45, 13, 7: legati a Ptolemaeo et Cleopatra, regibus Aegypti; regibus Aegypti, Ptolemaeo Cleopatraeque). Ср.: *Müller*, l. c. p. 250.

[76] Omnes Judaeos *in civitate positos* etc. можно понимать или так, что остальные иудеи не пользовались правом гражданства, или же, что гражданам противополагаются александрийские воины Онии IV.

[77] По III кн. Маккав. гл. V и VI, эта жестокость приписывается не Птолемею VII, а Птолемею IV Трифону. Очень вероятно, что мы имеем здесь ошибку Иосифа Флавия. Ср.: Herzfeld, l. c. I, 458; II, 444. Однако Müller, l. c. p. 250, склонен верить скорее Иосифу Флавию, чем автору книги Маккавеев.

[78] Т. е. иудеям.

[79] Об этой личности больше ничего не известно.

[80] III кн. Маккав. VI, 35 и сл. также рассказывает об установлении при Птолемее IV этого праздника, длившегося 40 дней (от 25 Пахона до 4 Эпифи, апрель — июнь). *Müller*, l. c. p. 251 приводит с этим в связь вакхические празднества александрийцев при Птолемее IV Филопаторе.

[81] Это знаменитая Клеопатра, дочь Птолемея XI, Авлета, правившая Египтом от 51 до 30 г. до Р. Х., любовница Цезаря и Антония. О ней см.: «Древн.», XV, 4, Dio Cass. XLII, 34 и Plutarch. Anton. XXV — XXIX.

[82] Т. е. Юлия Цезаря, который, будучи очарован ее красотою и любезностью, уступил ей Египет. Plut. Caes. 9. Октавиан Август должен был бороться с Клеопатрою, ввиду ее союза с Антонием, заключенного против него.

[83] Когда Антоний привлек ее к ответственности за поддержку, оказанную Кассию, она предстала пред суровым римлянином в костюме Венеры и тем не только вполне склонила его в свою пользу, но и сделала его своим рабом. Ср. «Иуд. древн.», XV, 4.

[84] В известной битве при Акциуме, в 30 г. до Р. Х.

[85] Т. е. Антония. Впрочем, у Клеопатры был также сын от Юлия Цезаря, Цезарион, который когда-то был назначен отцом ее соправителем. Впоследствии Клеопатра, из-за этого именно Цезариона, временно была лишена власти возмутившимися ее поведением римлянами.

[86] История не передает об этом никаких подробностей, хотя мы и располагаем целым сочинением об александрийской войне, которое приписывается самому Юлию Цезарю (Commentarii de bello Alexandrino).

[87] Отсутствие связи с текстом заставляет предполагать, что все это предложение стоит не на своем месте, а должно быть помещено ниже, поближе к сообщению о Германике. Ввиду того, что это место имеется лишь в латинской версии, такое предположение особенно вероятно.

[88] Юлий Цезарь был благодарен евреям за поддержку, оказанную ему при покорении Египта во время так наз. александрийской войны. Идумейский царь Антипатр включил в число посланных на помощь Цезарю Митридатом войск около 3000 евреев. Ср. «Иуд. война», I, 9, 3 и «Древн.», XIV, 8 — 10. За эту помощь Юлий Цезарь разрешил евреям восстановить стены Иерусалима. Октавиан также дружелюбно относился к иудеям, нередко посылал дары в иерусалимский храм и подтвердил старые привилегии александрийских евреев. Ср.: «Древн.», XIX, 5.

[89] Знаменитый племянник императора Тиверия. В 19 г. по Р. Х. он посетил Египет, ознакомился с его достопримечательностями и, заинтересовавшись бытом, сделал крупные нововведения в администрации страны. Ср.: Tacit. Ann. II, 59 — 61.

[90] Латинский текст здесь крайне не ясен. Может быть, судя по дальнейшему, следует понимать это место в том смысле, что у евреев были отняты места по администрации продовольственною частью. Выше мы уже видели, что Птолемей Филометор предоставил им все наиболее серьезные и ответственные должности в стране.

[91] О разногласиях египтян в религиозных вопросах ср.: Herod. II, 42, Strab. XVII, 1. Juvenal. Sat. XV, 33 sq. и Aelian. H. A. XI, 27, где рассказывается о том, что каждая египетская область имела своих собственных излюбленных богов. Плутарх (de Iside, c. 72) рассказывает даже о кровопролитных стычках по этому поводу.

[92] Иосиф указывает здесь на необходимость признания идеи равенства между всеми людьми, независимо от их религиозных убеждений.

[93] Ср. I, 23, 25. Первоначально население Александрии состояло исключительно из греков и македонян. Но уже при Александре Великом к ним прибавились иудеи, а впоследствии также в большом числе египтяне. Во времена Юлия Цезаря город имел уже население в 500 000 человек.

[94] Здесь имеются в виду внутренние неурядицы при последних Птолемеях. Многие египтяне искали защиты в безопасной Александрии.

[95] Указание на старинную вражду египтян к гиксосам, которых Манефон отождествляет, как мы видели выше, с евреями.

[96] Тут прямое указание на то, что Апион незаконным образом присво-

ил себе это право, потому что Иосиф здесь, очевидно, намекает на своего противника.

[97] Ср. выше, II, 4, 5.

[98] На это уклонение евреев от общеустановившегося обычая указывает также Тацит (Histor. V, 5). Особенно враждебно относились евреи к изображениям императоров на военных значках. Ср.: «Древности», XV, 8; XVI, 6; XIII, 3; XVII, 5; XVIII, 6; «Иуд. война», I, 33, 2, 3; II, 9, 2.

[99] Статуи и бюсты воздвигались уже в глубокой древности победителям на олимпийских играх. С течением времени портреты появляются на монетах, камеях и геммах. У римлян уже в глубокой древности делались так наз. imagines maiorum, восковые маски, помещавшиеся в атриуме дома. Существовало целое Jus imaginum, которое распространялось лишь на тех, предки которых занимали какое-либо курульное достоинство. Ср.: Plin. XXXV, 2, 2, а также O. Müller, Archäol. der Kunst, § 420.

[100] Впрочем, постановление это строго исполнялось только фарисеями. В «Древност.», XII, 4; XV, 2 и XIX, 9 находим указания на противоположное.

[101] По Иуд. войн., II, 10, 4, даже два раза в день.

[102] По Талмуду (ср.: Zipser, l. c. 112) первые жертвоприношения в продолжение семидневных праздников Кущей приносились за семьдесят народов, населявших, по представлению древних, землю. Жертвоприношения в честь Птолемея Филадельфа, Пт. Никатора, Калигулу упоминаются в «Иуд. древн.», XII, 2; XII, 10 и «Иуд. войне», II, 10, 4. Ср. также I кн. Маккав. VII, 33. О молитвах за здравие города Вавилона упоминает Иеремия (XXIX, 7), за Кира Ездра (VI, 10) и т. п.

[103] За своих родственников каждый мог устраивать жертвоприношения на собственный счет.

[104] Об этих писателях см. введение, с. 1146. Апион, бесспорно, пользовался их сочинениями, особенно трудами Аполлония Молона, ввиду чего вторая книга Иосифа Флавия «Против Апиона» главным образом и направлена против него. Интересным дополнением к сказанному в введении о юдофобии Посидония может служить гипотеза И. Мюллера (l. c. p. 259), что Посидоний вследствие близости к Помпею, не отличавшемуся, как известно, особенною гуманностью, был ненавистником евреев.

[105] В тексте сказано «свободных». Известно, впрочем, что образование было в древности лишь уделом лиц, пользовавшихся политическим полноправием.

[106] Интересно возникновение такого исторического сообщения. Впервые оно высказывается Посидонием, за ним оно повторяется Аполлонием Молоном, Юстином, Апионом, Плутархом, Диодором Сицилийским, Тацитом (Hist, V, 3, 4) и неким Демокритом (у Свиды). I. Müller, l. p. п. 258 — 259 дает прекрасное объяснение этого приписываемого евреям ослиного культа, указывая на связь этого предания с отождествлением Манефоном (и впоследствии Посидонием) иудеев и гиксосов. В своем сочинении о семитах (Semiten, IV, 7, 14, 16; ср.: Programm über die Hyksos, p. 20 и сл.) он сообщает, что осел был первым атрибутом главного божества гиксосов и пользовался большим почетом у последних (чего нельзя сказать об евреях, так как по Исход. XIII, 13 и XXXIV, 20, осел считается животным нечистым). Связь гиксосов с евреями, бога Тифона и осла нашла себе яркую иллюстрацию в сообщенном Плутархом (de Iside et Osir. 31, ср.: Tacit., Hist. V, 4) пре-

дании, по которому Тифон, пространствовав на осле семь дней по пустыне, производит на свет Иерусалим и Иудея. — Впоследствии ослиный культ был приписан язычниками даже христианству. Ср.: Tertullian. apol. c. 16, Minutius Felix, IX, 14: Christiani venerantur caput asini. — По сообщению Диодора Сицилийского XXXIV, fr. 1, Антиох Великий находит в иерусалимском храме каменное изваяние бородатого человека, сидящего верхом на осле, и принимает его за изображение Моисея.

[107] Т. е. египтянами. О культе животных у них см. выше, I, 25 и 28.

[108] Насчет этого имени издатели текста расходятся. Так, напр., Niese полагает, что это Антиох II Благочестивый (dius, θεός, прозванный так милетцами в благодарность за освобождение их от тирана Тимарха. Appian. Syr. 65. «Древн.», XII, 3 и 5). Впрочем, нигде не упоминается о покорении им Иерусалима. Его расположение к евреям даже особенно подчеркивается в цитированном месте «Иуд. древн.».

[109] Ср. I, 7. Его юдофобия общеизвестна. Под его влиянием и Посидоний, вероятно, издал свои памфлеты против евреев.

[110] Один из участников первого триумвирата. В 54 — 53 гг. он был наместником Сирии и при этом случае жестоко разграбил иерусалимский храм. Ср. «Иуд. войну», I, 8, 8 и «Древности», XIV, 7.

[111] Тит окончательно завладел имуществом храма в 70 г. по Р. Х. Утварь даже изображена на его триумфальной арке в Риме.

[112] Деньги понадобились Антиоху Епифану в его борьбе с Египтом. Невзирая на дружественные отношения к иудеям, невзирая на блестящий прием, оказанный ему в 172 г. в Иерусалиме, он в критическую минуту все-таки не постеснялся воспользоваться крупными сокровищами храма.

[113] Поливий (214 — 122 гг. до Р. Х.) знаменитый автор, к сожалению, лишь в отрывках дошедшей до нас всеобщей истории в 40 книгах. Ср. его книгу XXVI, 10. — Страбон — известный географ и автор не дошедшей до нас истории (66 г. до Р. Х. — 24 г. по Р. Х.). Иосиф Флавий очень часто ссылается на него в своих «Древностях» (XIII, 10, 11; XIV, 3, 4, 6, 7 и т. д.). — Николай Дамаскин жил во времена императора Августа и был близким человеком в доме Ирода Великого, должность историографа которого он занимал. Часто цитируемый Иосифом труд его из 144 книг дошел до нас лишь в отрывках. — Тимагена Иосиф Флавий знал лишь по цитатам у Страбона. Он был родом из Александрии, попал рабом к Сулле и написал много исторических сочинений. За дерзкую выходку император Август запретил ему вход во дворец, после чего Тимаген публично сжег историю правления Августа. Senec. ep. 91; deira III, 23 — О летописце Касторе см. выше, с. 1359, прим. 186. — Аполлодор афинский жил около 140 г. до Р. Х. и был весьма плодовитым писателем, особенно в области грамматики. К сожалению, очень распространенное в древности сочинение его «Хроника» (хронологическое обозрение всемирной истории) в стихах утрачено.

[114] Ср. «Иуд. древн.», XII, 5.

[115] Уже во времена Гомера бесстыдство собаки вошло в пословицу («Илиада», I, 159; VI, 344; VIII, 299 и др.).

[116] О культе собак (особенно в городе Кинополисе в Верхнем Египте) и змей ср.: Aelian. H. A. XI, 27; Plut. de Iside, c. 72; Iuvenal. Sat. XV, 8, Herod. II, 74.

[117] Т. е. если храм посещается иноверцем.

[118] Апион и главным образом Посидоний и Аполлоний Молон.

[119] Антиоха Епифана, который позволил себе святотатство в иерусалимском храме.

[120] У других писателей (Diodor. XXXIV, fr. 1 и Tacit. Hist. V, 5) сказано: «во вражде ко всем вообще людям». То же самое обвинение в ритуальном убийстве находим у Тацита в применении к христианам. Ср.: Annal., XV, 44.

[121] Весь этот рассказ, прототип впоследствии столь частых гнусных обвинений евреев в ритуальном убийстве, был придуман либо Апионом, либо кем-нибудь из александрийских греков. Последнее предположение становится особенно вероятным оттого, что в этой басне в качестве жертвы фигурирует именно грек, а не египтянин или кто-нибудь другой. Самого серьезного внимания заслуживает то обстоятельство, что ни один из других писателей древности, враждебных евреям, не повторяет его. I. Müller, l. c. p. 263 — 265, указывает на возможность перенесения обычая праздновать так называемый *Cakeи*, т. е. оргиастические празднества малоазийских арийцев (скифов или саков, лидийцев, армян и т. д.) в честь богини Анаитис с каннибалистическими пирами, на иудеев. Сообщаемые Диодором Сицилийским (XXXIV, 1), Дионом Хризостомом IV, Бероссом у Афинея (XIV, 639) подробности об откармливании этими арийцами своих жертв заслуживают в данном случае самого серьезного внимания. Ср. также: Movers, Phönizier I, 480 sq. Нельзя, кроме того, забывать, что отцам церкви в продолжение многих веков приходилось защищать христианство от совершенно аналогичных обвинений язычников. Ср.: Iustin. Martyr. apol. I, 26; II, 12; dial. 10.

[122] Niese не без основания полагает, что текст Руфина сохранился здесь с пропуском.

[123] И здесь Niese видит пропуск или искажение текста, что весьма вероятно, так как вся эта часть сохранилась лишь в латинском, притом крайне плохом, переводе и в таком виде не дает точного смысла.

[124] Иосиф здесь для того так подробно описывает устройство иерусалимского храма, чтобы показать всю невозможность и противоречие с ритуальными установлениями иудеев нахождения внутри храма постороннего человека, да еще вдобавок грека-язычника. Такой факт осквернил бы святилище раз навсегда. С другой же стороны в четыре части храма был свободен доступ массе лиц, которых должен был бы видеть грек, если такой действительно был бы заключен в храме.

[125] Следующее, в связи с сообщениями Иосифа Флавия об устройстве храма иерусалимского в «Иуд. войне», V, 5, в «Древност.», XV, 11, а также данные по тому же вопросу в Талмуде (Мишна, тракт. Миддот) служат единственными источниками о храме, воздвигнутом Иродом Великим около 20 г. до Р. Х. — Упоминаемые здесь портики тянулись вдоль капитальных с амбразурами стен, которыми была защищена вся площадь, занимаемая храмом и окружавшими его дворами. Самый обширный и красивый, состоявший из 162 расположенных четырьмя рядами мраморных колонн коринфского стиля, украшенный ценным мозаичным полом и чудными резными потолками из кипарисового дерева, был южный портик. Внутренний двор, распадавшийся на три отдела, отделялся от первого внешнего, доступного даже язычникам, опять-таки стенами, к которым вела особая терраса (חֵל) с северной, восточной и южной стороны (ср. тракт. Миддот,

2, 3). Вход к отдельным воротам приходился опять-таки пятью ступенями выше этой террасы, причем здесь была устроена еще невысокая каменная стена (סוֹרֵג) с надписями на греческом и латинском языках о недозволенности неевреям входа во внутренний двор. Обо всех этих подробностях ср.: W. Nowack, l. c. p. 74 — 83, где находится также снимок с такой надписью.

[126] Кроме сейчас же упоминаемых предметов, необходимых в ритуале.

[127] Некоторые издатели считают здесь текст неполным, так что следовало бы читать «двадцать четыре». Ср.: *Schürer*, l. c. II, 184 и *W. Nowack*, l. c. II, p. 113 ann., которые основываются на «Древност.», VII, 14 и главным образом на I Паралип. 24, 7 — 18. По Zipser'у (l. c. p. 121), с Ездрою и Неемиею вернулось в Иерусалим из Вавилона только четыре семейства (состоявших из 4289 человек) священнослужителей, которые по жребию разделялись на 24 смены.

[128] Особенно в субботы, когда одна смена заканчивала службу утренними жертвоприношениями, а вечерняя начинала службу после полудня.

[129] Тут имеются в виду главным образом так называемые хлебы предложения, поступавшие в распоряжение священнослужителей.

[130] Вместо принятого нами по Фробену и Мюллеру чтения inania facta, у Niese находится слово Mnaseam, не дающее никакого смысла.

[131] Найденный, по словам Апиона, Антиохом Епифаном грек в иерусалимском храме.

[132] О крайне частых войнах идумеян с иудеями ср.: W. Gesenius, Der Prophet Iesaias, Einleit. p. XXXIV. Окончательное покорение Идумеи произошло около 129 г. до Р. Х. при Иоанне Гиркане. Ср.: I кн. Маккав., V, 3, 65; II кн. Маккав., X, 15; XII, 32. Об этой личности больше ничего не известно.

[133] Дор (דּוֹר, דֹּאר) в древности был резиденциею хананейских царей (ср.: Иис. Нав., XI, 2; XII, 23). Полное его имя Naphot Dor. По «Иуд. древн.», XIII, 6, 7 и «Иуд. войне», I, 2, 2, он входил в состав области колена Манасиева. Раньше же принадлежал он к Финикии. Антиох Сидет (ср. I кн. Маккав. XV, 10 и сл.) однажды осаждал Дор.

[134] Т. е. бога-патрона города Дор, по мнению Апиона. Между тем Аполлон, как божество солнца, действительно пользовался культом в филистейском городе Газе, столь прославившемся в истории Самсона, под именем Дагона или Марнаса. Ср.: A. Hennecker, Die Philistäer, p. 33 — 38. Hitzig, Die Philistäer, 58, 77 sq. Movers, Phönizier, I, 366 sq.

[135] С этого места опять идет греческий текст без перерывов до конца сочинения.

[136] Один из пяти главных городов земли филистимлян, к юго-западу от Иерусалима, следовательно, в совершенно противоположной стороне, чем Дор. О Газе см. подробнейшие сведения у Hennecker'a, l. c. p. 10 — 13.

[137] Некоторые издатели, и в том числе Низе, руководствуясь ошибочным текстом Руфина, читают «Иудеи», что здесь, однако, не годится. Ср.: I. Müller, l. c. p. 272.

[138] В чем, однако, Апион выше (II, гл. 6) упорно обвинял иудеев.

[139] Здесь, вероятно, имеется в виду праздник Ханука, учрежденный 25 кизлева 164 г. до Р. Х. в воспоминание о победе Иуды Маккавея над Лисием и об очищении осквернённого храма. Праздник этот сопровождается до сих пор зажиганием свечей, а в древности семидневною иллюминациею. Ср.: I кн. Мак., IV, 52 — 59; «Иуд. др.», XII, 7 и Талм. тр. Саббат, л. 21 в.

[140] Т. е. Завидону, при его возвращении из Иерусалима в Naphot Dor.

[141] Дело осложнялось тем, что в то время Иудея как раз опять вела войну с Идумеею.

[142] О разных вратах иерусалимского храма ср.: Zipser, l, c. p. 124 sq. и особенно W. Nowack, l. c. II, p. 78 — 80. — Вопрос о высоте ворот самим Иосифом Флавием решается различно, ср., напр.: «Иуд. война», V, 5, 3. И относительно 60 локтей вышины мнения расходятся, ввиду испорченности текста. Ср.: I. Müller, l. c. p. 273. Золотыми и серебряными кованными листами были покрыты лишь врата северные и южные, а на восточной стороне храма находились так наз. Никаноровы ворота из драгоценной коринфской бронзы. См.: тр. Миддот, II, 3. Ср.: W. Nowack, l. c.

[143] В «Иуд. войне», VI, 5, 3 говорится лишь о 20 чел. Однако Zipser прав, указывая, что здесь 200 чел. запирали все 10 ворот храма.

[144] Т. е. Апиона.

[145] Завидон.

[146] Нельзя, однако, упускать из вида, что при Селевкидах иудеи действительно находились в крайне враждебных отношениях ко всему греческому и особенно к самим грекам. — Об еврейской присяге особенно интересна статья Гретца, Monatsschrift f. Gesch. u. Wiss. 1872, p. 193 и сл.

[147] Следует вспомнить о нашествиях Навуходоносора, Птолемея Лага, Антиоха Великого, Антиоха Епифана, Помпея, Ирода Великого, Тита.

[148] Представление о том, что человек, находящийся в рабстве, навлек на себя чем-либо гнев богов, было весьма распространено в древности (ср.: Homer, Il. VI. 200). О рабстве евреев ср.: Cicero de prov. consul. c. 5; pro Flacco c. 28.

[149] Слово «великодушие» не употреблено здесь иронически. Что Иосиф Флавий действительно считал римлян истыми рыцарями, это явствует из многих мест его сочинения против Апиона. Ср. выше, гл. 4, 6, и ниже, гл. 11.

[150] По сообщениям Плутарха (de Iside, 72) египетские боги бежали от гнева Тифона на берега Нила и спаслись, превратясь в животных. Глубоко содержательный миф отмечает при этом два исключения: Юпитера и Эрота. Ср.: Ovid., Metamorph. V, 34 sq.

[151] Сообщение Иосифа о том, будто египтяне ни одного дня не были свободны, конечно, сильно преувеличено. До и после нашествия и правления гиксосов Египет долгое время (вплоть до завоевания страны Камбизом) был свободен, если понимать эту свободу в том смысле, что он не находился под властью иноземных династий.

[152] Персидские правители составляли XXVII династию от Камбиза до Дария Нофа. Самыми жестокими царями были, кроме Камбиза, брат Ксеркса, Ахэмен, Артаксеркс I и Дарий II Ноф.

[153] У Niese эти слова поставлены в скобках, как подозрительная позднейшая вставка. О вообще благочестивом характере знаменитого лидийского царя Креза ср.: Herod., I, 44 sq. Ктесий также сообщает о четырех случаях сверхъестественного спасения этого царя.

[154] Афинский акрополь был подожжен в 480 г. до Р. Х. персидским царем Ксерксом. Ср.: Herod., VIII, 53. Эфесский храм был сожжен Геростратом в ту ночь, когда родился Александр Великий. Дельфийское капище сгорело в 547 г. до Р. Х. от неизвестной причины. Ксеркс, галлы, Нерон и др.

неоднократно предавали этот богатый храм самому варварскому разграблению.

[155] О нем ср.: Herodot., II, 102 — 110; Diod. Sec. I, 53 sq. и выше I, 15. Иосиф Флавий, вероятно, потому считает Сезостриса мифическою личностью, что его современники, напр. Страбон, XV, были того мнения. Ср.: I. Müller, l. c. p. 278 и Robertson, Kenntniss der Alten von Indien, p. 189.

[156] Уже выше, II, 4, 6, было указано, что египтяне не пользовались правом македонского и греческого гражданства.

[157] Иуда Маккавей в 165 г. отнял Иерусалим у сирийцев. До 63 г., т. е. до Помпея Великого, который окончательно покорил Палестину, Иудея действительно была совершенно свободна и даже подчинила себе Идумею. Иосиф Флавий должен был бы сказать «в продолжение 102 лет», так как это число получается из вышеприведенных дат (165—63=102).

[158] Сопоставление изобретателей с философами — черта, свойственная стоической школе, к которой, по-видимому, принадлежал Апион, что подтверждается также приведением имен таких стоиков, как Зенон и Клеанф. Ср.: I. Müller, l. c. p. 281. Клеанф жил около 260 г. до Р. Х., был учеником Зенона и наставником Хризиппа. После смерти Зенона он стал во главе стоической школы. Жизнь свою он покончил, по преданию, самоубийством на 80-м году жизни.

[159] Гекатомбой называлась собственно жертва в сто животных, а затем всякое особенно *торжественное* жертвоприношение. Последнее, т. е. дороговизну жертвоприношений, и имеет здесь в виду Иосиф Флавий. Впрочем, общеизвестно, что и египтяне приносили в жертву своим богам мелких животных: коз, овец, гусей и т. п. Ср.: Herod., II, 38 — 48.

[160] Последнее не совсем верно, потому что по сообщению Геродота (II, 47) египтяне приносили в жертву богу Озирису свиней, причем мясо их поедалось за жертвенными пиршествами. Вообще, однако, свинья считалась у них животным нечистым.

[161] В основу нашего перевода этого места положен текст Niese, дающий более определенный смысл, чем чтение Мюллера по латинскому переводу.

[162] Ср. Геродота, II, 104, который рассказывает, что первоначально все египтяне подвергались этому обряду, подобно всем прочим хамитам. От последних евреи и переняли этот обычай, не свойственный, однако, финикийцам. Ср.: G. Ebers, Aegypten I, 233, 278, 284.

[163] Специальное значение употребленного здесь слова γόης — фигляр, волшебник. Эти люди, которых особенно много было в Иудее («Иуд. война», II, 13, 4, 5; «Древност.», XX, 7), как вообще во всей Римской империи, занимались заклинаниями, а при случае и грабежом и воровством.

[164] Указание на предшествующую главу, которая заканчивается общим рассуждением.

[165] Залевк жил, по преданию, в середине VII в. до Р. Х. и, вероятно, первый дал *писанные* законы, особенно в отношении равномерности распределения имущества. Ср.: Cic. leg. 2, 6; Diod. Sic. 12, 20. — Странно, что Иосиф не упоминает здесь о знаменитом критском законодателе Миносе.

[166] Греки до Гесиода (Theogon. 66, 417) совершенно не были знакомы со словом νόμος, которое заменялось выражением θεσμός у Гомера. При этом θεσμός собственно — установление, конечно, устное. Дракон, Залевк и Солон первые дали грекам писанные законы.

[167] Так по тексту Niese. По другим изданиям это место следует понимать так: «мы были уверены, что имеем в нем божественного руководителя и наставника».

[168] Знаменитый в греческой мифологии древний критский царь, учредитель известного древнекритского государственного устройства. По преданию, он получил законы от отца своего Зевса, который здесь, вероятно, ошибочно назван Аполлоном. Diod. Sic. V, 78, Strabo X, 4. Ср.: *I. Müller*, l. c. p. 295, который, однако, полагает, что тут мы имеем дело со смешением Миноса с Ликургом. О семитском происхождении Миноса ср.: *H. Lewy*, l. c. p. 184 — 186.

[169] Эти слова являются, по Niese, вставкою, сохранившеюся у Евсевия, но опущенною Руфином.

[170] Указание на три рода государственного управления: монархию, олигархию и охлократию, недостаточно полно. Если под третьей категорией Иосиф Флавий разумеет демократическое или республиканское государственное устройство, что также вероятно, то нужно признаться, что он крайне неудачно охарактеризовал его.

[171] Термин «теократия» встречается здесь впервые; он не должен быть понимаем тут слишком узко, как делают это некоторые современные историки, видящие в теократии форму правления жрецов. I. Müller прекрасно охарактеризовал сущность иудейской теократии.

[172] Т. е. Моисей. Общеизвестен факт существования целой школы, доказывавшей пресерьезно, что вся греческая мудрость была почерпнута из Библии.

[173] Заслуга этого выдающегося философа (500 — 428 гг. до Р. Х.) заключается не только в том, что он перенес философию из Малой Азии в Афины, но и в том, что он первый ввел учение о духовном начале всего существующего.

[174] Как здесь, так и в «Иуд. древн.», XVI, 2, Иосиф называет публичное чтение закона по субботам установлением Моисеевым, тогда как на самом деле Второзак. XXXI, 10 — 13, требует этого лишь каждые семь лет в праздник Кущей. Лишь с введением синагог установился вышеуказанный обычай. Ср.: *Schürer*, l. c. p. 409.

[175] *I. Müller*. l. c. p. 304, считает это преувеличением. Если же принять во внимание, что еврейское имя, подобно арабскому, в древности заключало в себе целый ряд предков (арабск. dunja), то слова Иосифа заключают в себе долю правды.

[176] Gerlach, Die Weissagungen des Alt. Test. in den Schriften des Flavius Josephus, p. 8 — 10, полагает, что Иосиф имеет здесь в виду особенно секту эссеев, отличавшуюся, как известно, идеальною общностью направления. Но это совершенно невозможно уже потому, что Иосиф Флавий, хотя и очень подробно описывающий внешнюю обрядовую сторону этой секты, ср.: «Древн.», XVIII, 1, XIII, 5. XV, 10 и др., совершенно не знал сущности ее, духа ее учения. Ср.: M. Friedländer, Zur Entstehungsgesch. d. Christenthumes. p. 107, sq.

[177] Платон, как известно, первый выработал понятие о Провидении, которое до этого не было известно грекам. Впоследствии стоики особенно тщательно развили это учение.

[178] Ср. Фукидида (III, 28), Аристофана, Всадн. 975 и Диод. Сицил. II, 29.

[179] Первосвященники действительно начинают играть первенствующую роль лишь во времена Птолемеев и Селевкидов. Маккавеи являются настоящими князьями — первосвященниками. Впоследствии, во време-

на диаспоры, особенное значение приобретают так наз. эксилархи или реш-галуты. О всем, что касается первосвященников, см. подробности у W. Nowack, l. c. p. 106 — 108 и 123.

[180] О высоком общественном положении священнослужителей с изумлением высказался также Diod. Sic. fr. l. XL, 1. Впрочем, во времена синедрионов членами последних были не только одни священники, но и книжники и старейшины. Во всяком случае, не одно только происхождение, но и нравственные качества ставили священников так высоко в глазах массы. Ср.: «Иуд. древн.», III, 12. — По Второз. XXV, 2, приговор исполнялся не самим священнослужителем, но особым сторожем в суде или при храме. Священник только должен был присутствовать при исполнении приговора. У германцев (Tacit. Germ. 7) жрецы вместе с тем были и палачами.

[181] Первое слово означает таинственное служение, а второе (τελετῇ) мистическое действие, причем указывает на внутреннюю святость и совершенство, достигаемые посвящением в эти таинства. Ср. лат. initia.

[182] У Фробена и Руфина вариант: «реки и моря», который принят и I. Müller'ом. Последний находит его более подходящим вследствие большого сходства с данными у Филона. Ср.: I. Müller, l. c. p. 313.

[183] Пословица эта в точном виде находится у Аристотеля, Eth. Nic. IX, 3, 3: ὅμοιον ὁμοίῳ φίλον.

[184] Следует обратить внимание на то обстоятельство, что Флавий, подобно Филону, совершенно игнорирует здесь храм Онии в Леонтополе, хотя в другом месте и очень подробно описывает его. «Древн.», XII, 9; XIII, 3, 10; XX, 10.

[185] Так перевели мы это место, основываясь на труде Schürer'a, l. c. p. 613. Ср.: I. Müller, l. c. p. 315.

[186] Таков перевод этого места по тексту Niese. Мюллер же пользуется несколько более обширным текстом (по Евсевию): «Мы устраиваем жертвоприношения не с излишествами и пьянством (это нежелательно Господу Богу и было бы только предлогом к разнузданности и расточительности), но умеренно, порядочно, благопристойно, чтобы приучиться к большей нравственности».

[187] Так как поставленное в скобки место встречается не во всех изданиях и рукописях, напр., у Евсевия оно опущено, то Niese не считает его обязательным, что и отмечает скобками.

[188] Хотя в Ветхом Завете это и не высказано прямо (ср.: W. Nowack, l. c. I, p. 341), однако раввинская литература обладает на этот счет весьма определенными указаниями. Ср., напр.: Schulchan Aruch, Eben haëser 154, 6, 10, основыв. на прор. Малах. II, 15.

[189] Начало педерастии исходит от хамитов, главным образом египтян. От хананейских племен она перешла через финикийцев и к грекам Элиды и Беотии (ср. ниже, II, 37), а затем и к римлянам.

[190] Любопытно, что Πειθώ (богиня убеждения) является, по классической мифологии, спутницею Афродиты, даже дочерью ее. Ср.: Pindar, Pyth. IV, 219.

[191] Как известно, нигде в ветхозаветных книгах не предписана моногамия. Напротив, мы видим, что у некоторых патриархов было единовременно несколько жен. Лишь в 1030 г. знаменитый вормский раввинский съезд под председательством р. Гершома издал постановление, в силу которого евреи, живущие среди христиан, должны быть моногамистами.

[192] Известен довольно распространенный в древности обычай убивать или подкидывать лишних детей. Против этого-то и борется здесь еврейский закон.

[193] Взгляды на этот вопрос в разные времена у разных народов различны. Так, напр., у греков истребление зародыша в матке не считалось грехом (Aristot. polit., VII, 16), тогда как у римлян (Cicer. pro. Cluent. II) и у германцев наоборот. Tacit. Germ. 19. Пятикнижие не дает на этот счет никаких указаний.

[194] Т. е. всех этих брачно-ритуальных предписаний.

[195] В основу нашего текста положено чтение I. Müller'a, более полное и понятное, чем вариант Niese.

[196] Представление о теле как темнице души особенно полно разрабатывается Платоном в его Федоне. Флавий Иосиф повторяет взгляд греческого мыслителя его же словами в «Иуд. войне», II, 8, 7 и VII, 8, 7. Ср. также наше исследование о р. Саадии гаоне, с. 256 — 259 (отд. изд.).

[197] Как мы видели выше, гл. 18, воспитание детей по Иосифу Флавию должно начинаться с момента их рождения. Лицо же, напивающееся с самого начала своей педагогической деятельности, естественно, не годится в воспитатели. — Впрочем, в позднейшие времена день рождения дитяти довольно шумно справлялся евреями. Ср.: Zipser, l. c. p. 167 и сл.

[198] Здесь мы также держались текста Мюллера, который положил в основу чтение Евсевия. У Руфина и Фробена этого места нет вовсе.

[199] Соответствующее предписание находится в кн. Числ. XIX, 14, 18. — Впрочем, помещенное здесь Иосифом Флавием объяснение причины очищения крайне деланно: если, по общераспространенному в древности воззрению, убийство оскверняло человека, то из этого, однако, не следует, чтобы вообще смерть оскверняла кого-либо.

[200] Ср.: кн. Исход., XXI, 17. — Что почтение к родителям должно вполне соответствовать богопочитанию, с этим согласны Пифагор (Diog. Laerts VIII, 1, 19) и Платон, de legg. IV, XI. Впрочем, Солон не устанавливает никакого наказания за отцеубийство, если верить Цицерону, pro Sexto Roscio 25. Ср.: I. Müller, l. c. p. 324.

[201] Более подробную причину находим в кн. Иова, XII, 12. Ср. также: Herod., II, 80 (относительно египтян) и Ilias, XXIII, 788. Можно указать также на известные греческие герусии (γέρων — старец) и на римский senatu (от senex).

[202] Это место, как не вполне точно принадлежащее самому Иосифу Флавию, поставлено Niese в скобки.

[203] Здесь, очевидно, имеются в виду так наз. прозелиты, т. е., по Мишне גרי צדק и גרי תושב (в Талмуде, тр. Abodazara, 64b последние называются גרי שער, и от них требовалось лишь соблюдение семи заповедей Ноахидских. — Ср. тр. Sanhedr. 56b), которые по тр. Keritot 81a и Jebamot 46a, должны были непременно подвергнуться обрезанию, омовению и принести кровавую жертву. Ср.: W. Nowack., l. c. I, p. 339, 340.

[204] Впрочем? об ограблении убитых, особенно присвоении их оружия, рассказывается в I кн. Сам. XXXI, 8 и во II кн. Макк. VIII, 27. Платон (de repub. 469) не находит ничего позорного в отнятии победителем у побежденного его доспехов. Ср. также: «Иуд. древн.», XV, 11, 3.

[205] Ср., впрочем: Второз. XXVIII, 7, XXI, 11, сл. и Исх. XII, 44. В древнейшее время евреи крайне жестоко обходились с пленными, особенно с царями и князьями. Они обыкновенно убивали их и притом с весьма унизитель-

ными обрядами. Ср.: Иис. Нав. X, 24. Женщины обращались большею частью в наложниц. Ср.: W. Nowack, l. c. I, p. 372, 374.

[206] I. Müller, l. c. p. 329, основываясь на кн. Лев. XXII, 24, полагает, что здесь имеется в виду кастрация самцов.

[207] Масличный венок давался победителю на олимпийских, дубовый — на истмийских и немейских играх. Впрочем, и среди иудеев наградою за военные подвиги были серебро и вообще деньги. Ср.: 2 кн. Сам. XVIII, 11 и «Иуд. древн.», XIV, 15, 16.

[208] Главными местами, в которых Флавий говорит о бессмертии души, являются «Иуд. войн.», I, 33, 2 — 3 и «Иуд. древн.», XVIII, 1.

[209] Niese, будучи не уверен в подлинности этого места, помещает его в скобки. Мюллер допускает в самом начале маленький, несущественный, впрочем, вариант, но приписывает всю тираду Иосифу Флавию.

[210] Ср. также: I, 2 и II, 30. Уже древние греческие философы видели в постоянном изменении законодательств причину регресса. Ср.: I. Müller, l. c. p. 332.

[211] За красоту и убедительность слога Платона называли Гомером среди философов. Quintil. Inst. X, 1 и Cicero, Tuscul. I, 32. По преданию, когда Платон был еще ребенком и спал однажды у подошвы Гиметта, на уста его спустился рой пчел, передавших языку его свою сладость. Cicer. de divin. I, 36. Valer. Maxim. I, 6. Plin. Hist. Natur. XI, 9. Известно также ходячее в древности мнение, что если бы сам Зевс захотел говорить по-гречески, он стал бы пользоваться слогом Платона. Cicer. de orat. I, 11; III, 34.

[212] Ср.: Diog. Laert. III, 24, который сохранил нам подобные издевательства над Платоном, особенно со стороны комиков. Известно, впрочем, каким ярым нападкам подвергался Сократ со стороны знаменитого Аристофана.

[213] Ниже, в гл. 37, этот взгляд Платона обосновывается фактами. Он высказывается знаменитым мыслителем в его Timaeus, p. 28 C.

[214] Законодательство Ликурга продержалось в Спарте около четырех веков, вплоть до начала Пелопоннесской войны. Изменившиеся к тому времени отношения спартанцев к прочим грекам, необходимость более частых и близких сношений с последними, низвели суровость и исключительность законов Ликурга на степень пустого звука.

[215] Ср. новые царства халдеев, персов, македонян, птолемеев, селевкидов, римлян.

[216] Рядом с властвующими дорянами и спартиатами население Лакедемона состояло, как известно, из удержавших за собою личную свободу и недвижимую собственность ахеян (так наз. периэков) и обращенных в крепостное состояние гелотов. Последние-то и работали на своих господ, спартиатов.

[217] Пример тому представляет битва при Сфактерии в 425 г. во время Пелопоннесской войны. Ср.: Thucyd. IV, 3 sq.; V, 35. Так как остров этот защищал вход в главный город Мессении, Пилос, то Демосфен и овладел им, принудив к позорной сдаче находившихся там 420 лакедемонян.

[218] Ср. выше, I, 22. Перевод LXX толковников соответственно этому передает и сказанное в кн. Исход, XXII, 28: «не проклинай богов и т. д.». Ср.: Экклез. X, 20.

[219] Т. е. наших обычаев с их собственными.

[220] Тартаром или Эребом называли древние, как известно, подземное царство Аида или Плутона. Спуск в него был или у мыса Тайгета, или око-

ло горы Этны. Там за Стиксом витали души умерших. Древнейшими богами были гиганты и титаны, побежденные Зевсом.

[221] Особенно часто сопротивлялись Зевсу Гера и брат его Посидон, полагавшие, что имеют такую же власть над людьми, как и самодержец мира. К ним присоединилась и Афина Паллада, рожденная, по преданию, из головы Зевса. Ср.: Homer., Il. I, 399; XIV, 247; XV, 18 и т. п. Зевс был младшим сыном Кроноса, которого за необычайную жестокость низверг в Тартар.

[222] Вулкан, Гефест и Афина, обучившая греческих женщин тканью и соткавшая одеяние Геры и хитон Язона. Ср.: Ilias, XIV, 179.

[223] Известны постоянные сцены ревности, устраивавшиеся Герою супругу Зевсу. Кроме того, тут невольно приходят на память знаменитые стихи Гомера, которыми он открывает свою «Одиссею» (совет богов, протекающий довольно бурно). Как известно, принимавшие участие в битвах между греками и троянцами Арес и Афродита были оба ранены Диомедом (Ilias, V, 394 и 838 sq.). Гера была однажды ранена Гераклом (Hesiod. Scuf. Herc. 362).

[224] Здесь имеются в виду Ио, Даная, Латона, Семела и мн. другие, которые впоследствии жестоко пострадали за свою связь с главою богов. Ср.: Odyss. XIV, 315.

[225] По представлению древних, не только над людьми, но и над самими богами тяготеет неумолимая судьба (μοῖρα, fatum).

[226] Невольно вспоминается знаменитый рассказ Гомера (Odyss., VIII, 266 — 368) о том, как Арес, воспользовавшись отсутствием Гефеста, посетил его жену Афродиту и как обманутый муж, путем хитро придуманного прибора, не только захватил прелюбодеев на брачном ложе, но и призвал всех богов полюбоваться этою картиною. Что здесь именно этот рассказ и имеется в виду, видно из употребления глагола «опутывать» (указание на медные путы, устроенные Гефестом для поимки любовников).

[227] Зевс вообще считался старшим из главных трех богов. Гесиод же, державшийся того мнения, что совершенное следует всегда за несовершенным, считает его младшим из сыновей Кроноса.

[228] Посидон и Аполлон служили, по повелению Зевса, царю Лаомедонту (Ilias, XXI, 442 сл. Apollodor, II, 5, 9).

[229] Что сделал, напр., Феб, Ilias, XXI, 448.

[230] Указание на титанов, гигантов и Кроноса, свергнутых Зевсом в подземное царство теней и там заключенных в темницу.

[231] В «Илиаде» Зевс сам сознается в своем страхе перед Герою (Ilias, I, 518 — 528), равно как Дионис перед фракийцем Ликургом (VI, 135 и сл.). Арес был почти всегда в таком бешенстве, что не разбирал правых и виноватых. Гермес служил олицетворением хитрости.

[232] Известно, что знаменитый Фидий сделал статуи Афины Паллады и Зевса исключительно из золота и слоновой кости.

[233] Данная глава, без сомнения, содержит в себе некоторые интерполяции, отмеченные нами, по изданию Niese, скобками. Ср.: I. Müller, l. c. p. 344.

[234] Указание здесь на какое-то отступление не вполне ясно, так как, по мнению всех издателей, поставленные выше в скобки предложения являются позднейшею вставкою: в латинской версии Руфина, напр., они совершенно опущены.

[235] Вероятно, указание на знаменитого, жившего около 50 г. по Р. Х. в Риме пифагорейца и мага Аполлония из каппадокийского города Тианы.

Он строил повсюду много храмов и положил, между прочим, начало пользовавшемуся в свое время большою известностью оракулу в Пафлагонии. Philostrat, vita Apollon. I, 2.

[236] Быть может, Апион был приверженцем аллегорического метода толкования мифов. Известно, что Платон, de republ. II, 378 D, вполне отвергает те аллегорические толкования мифов, которые лишают сказания их поэтической прелести, de republ. там же.

[237] Нападая особенно на Гесиода, он был вообще восстановлен против поэтов. Plato, de republ. II, 365 A, 377 D и 382 D.

[238] De republ. II, 377. Ср. также: Diog. Laert. IX, 1. Dionys. Halicarn. II, 67, Sencca, de vita beata, 26.

[239] Несмотря на то, что Платон до крайности подробно говорит в своем сочинении περι νόμων о воспитании будущих и настоящих граждан, именно этот пункт оставляется почти в стороне, причем особенно выдвигается необходимость физического воспитания и развития художественного вкуса. — На мнение Иосифа, что некоторые из древних законодателей следовали примеру Моисея, было указано выше.

[240] Ср.: Strabo, XVII, 1 и Diod. Sic. fr. XL, 1. Впрочем, и Платон, как известно, ярый поборник спартанской замкнутости государственного устройства, разделяет этот взгляд, ср. de legibus, XII, 950 и сл., где он вообще ратует против страсти к новшествам, заимствуемым у иностранцев.

[241] Эта клятва, именем собаки, была заимствована им у египтян. Ср.: Plato, Gorgias, p. 466. C. 461 K., 482 B. Phaedon, 99 E. Resp. III, 399 E. Phädr. 228 Dioh. Laert. II, 40. Известно, что как греки (Дракон и Солон), так и римляне весьма точно определили текст клятвы.

[242] Ср.: Xenoph Memor, I. 1. 4 и Plato Apolog. 12, 14. По примеру Плутарха, которому приписывается сочинение de genio Socratis, в 1862 г. Volquardson написал монографию: Das Daimonium des Socrates und seine Interpreten.

[243] Ср.: Xenoph Memor, I. 1, 1. Обвинителем Сократа выступил некий Мелит.

[244] Его спас Перикл, выхлопотав ему оправдание. Он, впрочем, оскорбившись отношением к нему афинян, покинул Аттику.

[245] Жил в середине V в. до Р. Х., занимался сперва сочинением религиозных гимнов и дифирамбов, а затем, став учеником знаменитого философа Демократа из Абдеры, радикально изменил свои взгляды на религию, так что получил даже эпитет ἄθεος (безбожник, атеист). Диагор был ярым противником и хулителем народных мистерий. Ср.: Aristophan. Av. 1073 и сл.

[246] Талант равнялся около 1455 рублей.

[247] Протагор — один из известнейших греческих софистов, живший от 480 до 410 г. до Р. Х. В своем сочинении о богах он отвергал их в том виде, в каком они почитались повсюду в Греции. Поэтому он был сочтен за атеиста, сочинения его были публично сожжены, а сам он бежал на корабле, но погиб в море. Ср.: Diod. Sic. XIII, 6, Diog. Laert. IX, 51; Cicero de nat. deor. 1, 23, 63; I, 12, 29.

[248] Ср.: Plut. Demosthen. c. 41 F. и fals. legat. 431. Пострадали за это жрица Нинус и Феорида. Даже Аспазия чуть было не подверглась обвинению в безбожии. Plut. Pericl. c. 32.

[249] I. Müller дает совершенно другой вариант, а именно: «потому-то

афинское государство и погибло». Руфин прямо опускает все это предложение, вероятно, по неясности его.

[250] Анахарзис происходил из царского рода. Неудовлетворенный образованием, полученным у себя на родине (о грубости скифов см. Herod., VI, 18; 64, 65, 100 — 106), Анахарзис отправился в Грецию, чтобы слушать Солона, и так преуспел в философии, что сам попал в число семи знаменитейших мудрецов древности. Strabo, VII, 3. Plutarch. Solon. 5, Diog. Laert. I, 101. Желая, по возвращении в отечество, ввести там греческие культы, Анахарзис поплатился жизнью, пав от руки родного брата своего, царя Савлия. Ср.: Herod., IV, 76; Cicer. Tuscul. V. 32, 90.

[251] Известно, что персы, особенно в первые времена, были крайне строги к символизму в религии. Простота религии иудеев заставила их относиться дружелюбно к последним.

[252] Во время греко-персидских войн. Ср.: Herod., VIII, 109. Впрочем, как известно, они пощадили храм дельфийский.

[253] Об Аполлонии Молоне в этом смысле ничего, впрочем, не известно. Herodot., VIII, 105, 106 и Athen. VI, p. 266, сообщают, что уже в сравнительно глубокой древности обычай кастрирования мальчиков был довольно распространен среди афинян. — О бессовестном отношении персов к чужим женщинам ср.: Herod., V, 18; Justin, VII, 3, 3 и 4.

[254] Ср.: кн. Левит, XXII, 24, а также «Иуд. древности», IV, 8.

[255] Известно пренебрежительное отношение спартанцев к браку, ненависть к которому доходила у них до того, что закон награждал отца троих сыновей. Aristot. Polit. II, 6, 13. Aelian var. hist. VI, 16. Ср. Polyb. XII, 6.

[256] Xenophon, Hiero III, 3 говорит о праве мужа безнаказанно убить любовника жены своей, если врасплох застанет его у последней. По Lysias, de caede Eratosth. VII 14. и Demosth. contr Nearch. 1367, за преступление данного рода обыкновенно налагалась пеня.

[257] Подразумевается: «с подвергшейся изнасилованию девушкою». По еврейскому законодательству виновный терял раз навсегда право развода.

[258] У афинян не возбранялось, особенно в позднейшие времена, скептически относиться к богам, однако при условии строго точного исполнения всего того, что относилось к культу. См. след. прим. ср.: I. Müller. l. c. p. 354.

[259] Уже за 200 лет до Р. Х. еврейский писатель Аристовул указывал на то, будто бы Платон почерпнул все свое учение из книг Моисеевых. Впрочем, Филон, vita Mosis, I, заставляет великого учителя и законодателя евреев, Моисея, заимствовать у греков философскую часть своего учения. Ср.: «Иуд. древн.», II, 13.

[260] Аристовул сообщает, будто уже Гесиод и Гомер чтили седьмой день недели. Впрочем, весь этот вопрос крайне неясен. Некоторые полагают, что Иосиф Флавий имеет здесь в виду так наз. презелитов, которые, конечно, исполняли требуемые еврейским законом предписания. Ср. I. Müller, l. c. p. 357.

[261] Heron., II, 40; IV, 186, упоминает об обычае египтян поститься в известных случаях.

[262] Ср. афинские празднества с иллюминациями у Herod., VI, 105 и Pausan. I, 30. Ср. также: Herod., II, 62.

[263] Достаточно вспомнить о распространенности пифагорейского учения в древнем мире.

СОДЕРЖАНИЕ

ИУДЕЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Книга тринадцатая 7
Книга четырнадцатая 69
Книга пятнадцатая 137
Книга шестнадцатая 194
Книга семнадцатая 249
Книга восемнадцатая 301
Книга девятнадцатая 354
Книга двадцатая 402

О ДРЕВНОСТИ ИУДЕЙСКОГО НАРОДА
ПРОТИВ АПИОНА

Я. И. Израэльсон. Введение 443
Книга первая 463
Книга вторая 503

КОММЕНТАРИИ

Иудейские древности 544
О древности иудейского народа 561

Научное издание

Иосиф Флавий
Иудейские древности
Том 2
Книги 13-20

О древности иудейского народа
(Против Апиона)

Редактор *Ю.А. Михайлов*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Технический редактор *М.А. Страшнова*
Компьютерная верстка: *О.Н. Бойко*
Компьютерный дизайн: *Ю.Ю Миронова*
Корректор *Г.Т. Аслонянц*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — книги, брошюры
Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Научно-издательский центр «Ладомир».
103681, Москва, ул. Заводская, д. 6а.
Тел. (095) 537-98-33.
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Иосиф Флавий

И75 Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. Кн. 13-20; О древности иудейского народа (Против Апиона) /Иосиф Флавий; Оформление С.Е. Власова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: «Ладомир», 2002. — 613 с. — (Классическая мысль).

ISBN 5-17-012210-1 (ООО «Изд-во АСТ»). Т. 2
ISBN 5-17-008973-2 (ООО «Изд-во АСТ»). Общ.
ISBN 5-86218-311-6 («Ладомир»). Т. 2
ISBN 5-86218-180-6 («Ладомир»). Общ.

Удивительное произведение Иосифа Флавия обеспечило своему автору неувядаемую славу. Переведенная на все европейские языки замечательная книга древнего историка и сейчас, по прошествии двух тысячелетий, достойна внимания всех образованных людей.

УДК 94(35)
ББК 63.3(0)3